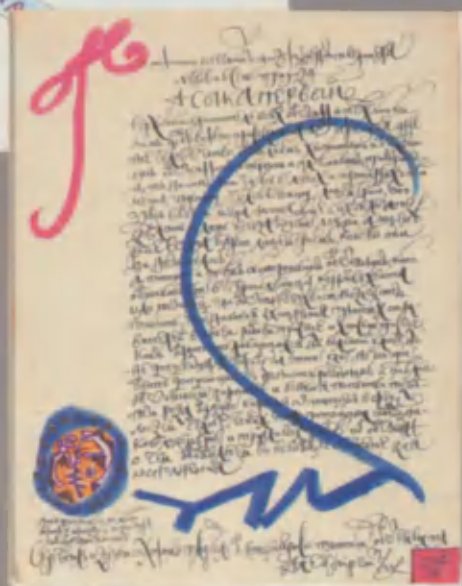

Елена
Обатнина

ЦАРЬ АСЫКА и его подданные

Обезьянья
Великая и Вольная
Палата А. М. Ремизова
в лицах
и документах

Издательство
Ивана ЛИМБАХА
Санкт-Петербург
2001

Автор книги - сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома, исследователь творчества А. М. Ремизова, кандидат филологических наук Елена Рудольфовна Обатнина.

Созданная А. М. Ремизовым Обезьянья Великая и Вольная Палата, объединившая многих блестящих представителей русской литературы, науки и культуры первой половины XX века, сделала утопическую мечту о литературном и человеческом братстве «абсолютной» реальностью. Возникшее как мистификация, Обезьянье общество за 50 лет своего существования превратилось из литературной игры в значимую составляющую истории российской словесности. В книге широко представлены сюжеты литературного быта, неизвестные архивные материалы и уникальная графика Ремизова.

ЦАРЬ АСЫКА
и его подданные

Обезьянья Великая
и Вольная Палата А. М. Ремизова
*в лицах
и документах*

Елена
Обатнина

ЦАРЬ

ЭШУВ 9P200 9P200 F2400

А.Е. Обатнина
2000

ЭШУВ 9P200

АСЫКА

и его подданные

Обезьянъя.

*Великая и Вольная
Палата А. М. Ремизова*

в лицах

и документах

Издательство Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2001

УДК 882.091
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
013

013 **Обатнина Е. Р.**

Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. – 384 с., ил.

ISBN 5-89059-031-6

Книга посвящена уникальному жизнетворческому опыту А. М. Ремизова – Обезьяньей Великой и Вольной Палате. Эта литературная игра стала частью жизни писателя и значимой составляющей истории русской словесности первой половины XX века. В ней участвовали Андрей Белый, Федор Сологуб, А. Блок, Н. Гумилев, М. Горький, В. Розанов, Е. Замятин, А. Ахматова, Н. Бердяев, Л. Шестов и др. В книге изложена история Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и связанные с ней сюжеты литературного быта; широко представлены неизвестные архивные материалы и графика Ремизова, в том числе его знаменитые обезьяньи грамоты и обезьяньи знаки. Издание рассчитано на самый широкий круг читателей.

ISBN 5-89059-031-6

ISBN 5-89059-031-6

- © Обатнина Е. Р., 2001
- © Бертельс В. Д., макет, художественное оформление, 2001
- © Издательство Ивана Лимбаха, 2001

В ПОИСКАХ АБСОЛЮТНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

«Назвали меня Алексеем именем Алексея Божия человека – странника римского. И вот нечаянно и негаданно судьба дала мне в руки посох, и в ранней молодости странствие выпало мне на долю» [94: 25]. Москвич, выходец из просвещенной купеческой семьи, Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) с юных лет столкнулся с житейскими невзгодами. Неожиданный разлад в семье бесповоротно разрушил идиллию детства. Из крепкого купеческого дома отца ему вместе с братьями пришлось перебраться на положение «приживальщиков» к богатым родственникам матери. Однако детство, проведенное подле Спасо-Андрониева монастыря, навсегда связало его творчество с вершинами отечественной культуры – с именами А. Рублева, протопопа Аввакума, Ф. М. Достоевского, с поэзией исконной русской речи.

Обычное для молодежи рубежа веков увлечение марксизмом волею случая завершилось многолетней политической ссылкой в Вологде. Здесь судьба свела его с людьми, общение с которыми помогло творческому и личностному самоопределению. В 1905 году начинающий писатель с семьей поселился в Петербурге и благодаря журналу «Вопросы жизни» сразу вошел в круг литературно-художественной богемы. Тем не менее профессиональные занятия литературой не смогли обеспечить ему ни материального, ни бытового благополучия.

В начале 1910-х годов он сблизился с радикально настроенными литераторами неонароднической ориентации. Февральскую революцию Ремизов встретил приветственно, но уже к концу года в его настроениях доминировало ощущение роковых последствий свершившегося в России переворота. Житейская неустроенность в послереволюционном Петрограде, усиливавшаяся печатная цензура, нелепый арест в феврале 1919 года – все это в конечном итоге привело Ремизова к отъезду за границу. Характерно, что в эти годы писатель активно общался с литературной молодежью, начинающими поэтами и писателями, которые перенимали у него основы художественного мастерства.

С осени 1921 года Ремизов – одна из наиболее примечательных фигур «русского» Берлина и «русского» Парижа. В этом новом для себя жизненном пространстве русская колония стремилась создать некий «параллельный мир» с полноценными институтами интеллектуального общения – издательствами, журналами, научными и творческими сообществами. Вместе с тем эмиграция из большевистской России обернулась для Ремизова скитаниями, безрадостными поисками жилья в Берлине, почти нищенским существованием в Париже. Последним пристанищем писателя, как и для многих соотечественников, стало русское кладбище Сен-Женевьев де Буа. Однако как бы трагически ни складывался этот долгий путь сквозь войны, революции и личные утраты, Ремизов неизменно обращался к сокровенному: «сохранить свою свободу быть на земле самим».

Обычно характер ремизовского творчества определяют понятием «модернизм», особо подчеркивая интенсивное осмысление и новаторское преобразование писателем устойчивых культурных форм. Действительно, дарование Ремизова реализовалось в декадентском верлибре, реалистическом романе, переработке фольклорных сказок и легенд, драматургии, в предварившем сюрреализм снотворчестве, в оригинальной интерпретации русской классики, в неповторимой по своей манере графике. Сложную траекторию своего пути в литературе писатель охарактеризовал словами: «моя литературная жизнь шла кувырком». Ремизов вполне сознавал, что печальные и забавные истории реальной жизни являли собой лишь скромное обрамление другой, параллельной, творческой жизни, которая, собственно, и оказалась самым подлинным и увлекательным странствием. Почвой, питавшей ремизовское творчество, всегда оставалась Россия и русская литература: народное слово, древнерусские памятники письменности, вершины отечественной классической прозы. Тяга к чудесному была воспринята им от Гоголя, душевный отклик на чужую боль – от Достоевского, поиск праведности – от Лескова. В общем хоре отечественной литературы Серебряного века голос писателя звучал одним из самых сильных, пронзительных голосов, проникнутых осознанием личной ответственности за страдание человека.

Главным в творчестве Ремизова оказался не безукоризненно точно снятый с действительности слепок, но ее тайное содержание – преображение, внутренний свет надежды и добра, за которыми писатель всегда был готов следовать в жизни, – то, что сюрреалисты назовут «абсолютной реальностью» [123: 48]. «Он <Ремизов> прошел через декадентство, сильно отразившееся по форме на первом его романе «Пруд», он дошел до вершины своего творчества в «Крестовых сестрах», он дал в «Лимонаре», в трагедиях («Бесовское действо», «Трагедия о Иуде», «Действо о Георгии»), в «Отреченных повестях», в «Посолони» – образцы новых реалистических форм, уходящих корнями в глубь народного слова и древней книжной мудрости. <...> Вечная тема – страдание человеческое – связывает его с Достоевским не менее, чем внешняя форма – с Лесковым. Новый реализм достигает здесь своих вершин и может помериться главами с вершинами символизма русской литературы» [185: 36].

Пожалуй, наиболее ярко ремизовское жизнетворчество воплотилось в Обезьяньей Великой и Вольной Палате, или Обезвелволпале, – целостном универсуме, мире идеальных человеческих взаимоотношений, исходным и итоговым смыслом которого была абсолютная творческая свобода. Ремизов представлял собой уникальный тип творческой личности в истории культуры, определяемый как Homo Ludens (человек играющий). Благодаря своему исключительному мифологическому воображению и внутренней свободе писатель создал свою литературную игру, сделавшую утопическую мечту о литературном и человеческом братстве подлинно «абсолютной» реальностью. В Обезвелволпале легко соединялись реальность с воображением и импровизацией, а игровая условность ничуть не умаляла серьезности и конкретности самой жизни. Возникшая как мистификация, за пятьдесят лет своего существования Обезьянья Палата стала элементом повседневной жизни многих представителей отечественной литературы и одновременно уникальной формой самовыражения ее инициатора.

В этом игровом пространстве создавался миф о времени и людях, осуществлялась идея дружеского союза творческих индивидуальностей, построенного на не-

зависимости и самоценности каждого художественного таланта. Здесь парадоксально сочетались принципы взаимоуважения, доброжелательности, абсолютной свободы без обязанностей – и анархии, основанной на порядке и осознанных самоограничениях. Обезьянья Палата аккумулировала в себе мифотворческий потенциал Серебряного века и реализовалась как игровое осмысление идеологических и эстетических концептов дореволюционной России и русской эмиграции.

Редкая работа о творчестве А. М. Ремизова обходится без упоминания об Обезьяньей Великой и Вольной Палате. Будучи сквозной темой его творческой биографии и повседневной жизни, история Палаты так или иначе проявляется практически в любом произведении писателя. Однако некоторые исследо-

вания носят популяризаторский характер и ограничиваются ссылками на известную литературу; другие – концентрируются лишь на отдельных проблемах, связанных с Обезьяньим обществом, что приводит к односторонним интерпретациям идеи писателя. Природа творческого мира Ремизова и, в частности, история его Обезьяньей Палаты должны раскрываться в синтезе разнообразных по своему литературному и культурному происхождению элементов. Поэтому целесообразно подходить к ним как к единой художественной системе.

Мы рассматриваем Обезьянье общество А. М. Ремизова как многолетнюю игру¹, существовавшую в творческом мире писателя наравне с его художественными произведениями и в конечном итоге обращающуюся в факт литературы. Границы пространства и времени для Обезьяньей Палаты были определены всей жизнью Ремизова, однако они были вполне проницаемы для универсального мира русской и мировой культуры. Обезвельволпал был ли-

А. Ремизов.

«Моя обезьянья карточка». 1925 (ИРЛИ)

¹ Вслед за Й. Хейзингой мы называем «игру свободной деятельностью, которая осознается как „невзаправду“ и вне повседневной жизни выполняемое занятие, однако она может целиком овладевать играющим, не преследует при этом никакого прямого материального интереса, не ищет пользы, – свободной деятельностью, которая совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени, протекает упорядоченно, по определенным правилам и вызывает к жизни общественные группировки, предпочитающие окружать себя тайной либо подчеркивающие свое отличие от прочего мира всевозможной маскировкой» [368: 24].

тературной игрой, поскольку, в сущности, являясь плодом авторской фантазии, имеющей склонность к саморазвитию, он находил конкретное осуществление и закрепление в вербально-изобразительном ряду. Эта затея претендовала на роль художественного текста и обрела завершенные черты в автобиографической прозе писателя.

Мы рассматриваем историю литературной игры, с одной стороны, как собственно художественное произведение – своеобразное мифологическое пространство, с другой – как неотъемлемую часть всей творческой жизни писателя и многих людей из его окружения. Нами движет стремление понять, какова же была истинная, объективная история Обезвельволпала, подразумевающая не сиюминутное рождение и художественное воплощение ремизовской затеи, а развитие идеи таинственного общества во времени и образах.

Существовавшая на стыке реальной истории и фантазии Обезьяньей Палата как феномен культуры не всегда укладывается в рамки традиционных методов исследования истории литературы. Определение прямого и единственного источника подчас оказывается малопродуктивным в отношении целого – сложной структуры, построенной на сочетании, видоизменении, переосмыслении различных культурных кодов. Поэтому, исследуя генезис Обезвельволпала, мы ориентировались не столько на объективацию того разнообразного и весьма широкого историко-культурного материала, который использовал Ремизов, сколько на реконструкцию очевидных или не вполне очевидных очертаний целостного игрового универсума как мифологического пространства.

Описание истории Обезьяньей Палаты потребовало обращения к достаточно объемному корпусу архивных и печатных источников. Многие материалы «обезьяньего» делопроизводства оказались в частных собраниях. Последними хранителями «обезьяньих» раритетов стало младшее поколение Андреевых, Резниковых и Сосинских; на протяжении более тридцати лет общения с Ремизовым они оставались его верными друзьями и помощниками. Преданность друзей писателю, понимание значения его творчества для русской и мировой культуры было настолько велико, что в 1950 году они организовали издательство «Оплешник» – специально для книг Ремизова. Все члены этого замечательного «клана» входили в состав Обезьяньей Палаты. Наталья Викторовна Резникова (Чернова) не только сохранила богатейший парижский архив Ремизова, но и оставила после себя воспоминания, которые являются исключительно важным документом. Живые свидетельства Егора Даниловича Резникова – сына Натальи Викторовны и Даниила Георгиевича Резниковых, Алексея Брониславовича Сосинского – сына Бронислава Брониславовича Сосинского и Ариадны Викторовны Черновой, Ольги Вадимовны Андреевой-Карлайл и Александра Вадимовича Андреева – детей Вадима Леонидовича Андреева и Ольги Викторовны Черновой убеждают нас в том, что шуточная (на первый взгляд) игра в Обезвельволпал основывалась на принципах человеческой взаимопомощи, творческого союза и дружбы.

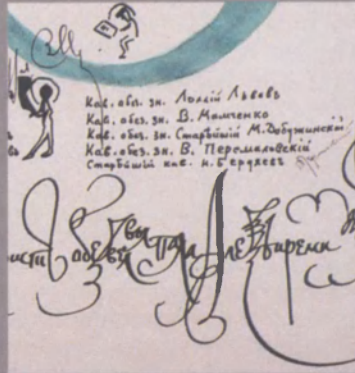
Выражаю сердечную благодарность всем, кто оказал неоценимую помощь в подготовке этого издания, в особенности Алексею Брониславовичу Сосинскому – прямому преемнику заветов Обезвельволпала, который поддержал меня доброжелательным и деятельным участием. Также я благодарю за предоставление материалов из частных коллекций Александра Вадимовича Андреева, Егора Даниловича Резникова и Аркадия Михайловича Луценко. Моя искренняя признательность обращена к коллегам, работающим в амери-

канских архивах, – Тане Чеботаревой (Bakhmeteff Archive) и Стенли Рабиновичу (Amherst Center for Russian Culture). Я высоко ценю профессионализм и человеческую отзывчивость многих сотрудников архивов и библиотек Москвы и Петербурга. Сердечное спасибо всем коллегам по Рукописному отделу Пушкинского Дома и особенно Наталье Николаевне Колесовой, Елене Борисовне Фоминой, Татьяне Алексеевне Кукушкиной, Татьяне Ивановне Краснобородько, Лидии Константиновне Хитрово; сотрудникам Российской Национальной библиотеки – Валентине Павловне Суворовой, Марине Юрьевне Любимовой, Михаилу Давидовичу Эльзону; сотрудникам Российского Государственного архива литературы и искусства – Ирине Вадимовне Упадышевой, Сергею Викторовичу Шумихину; а также Людмиле Петровне Ильницкой – за переводы иностранных текстов. Научный опыт и знания коллег-исследователей – Александра Васильевича Лаврова, Николая Алексеевича Богомолова, Владимира Григорьевича Белоуса, Михаила Владимировича Безродного, Александра Ефимовича Парниса, Бориса Анатольевича Равдина, Жоржа Шерона и многих-многих других – помогли сделать замысел этой книги реальностью. Особая благодарность – Модесту Алексеевичу Колерову.

* * *

Несколько слов о принципах публикации документов и об организации примечаний. Большая часть автографов, публикуемых в нашем издании впервые, воспроизводится с сохранением особенностей авторской пунктуации и орфографии. Разнообразные авторские подчеркивания или вообще выделения фрагментов текста обозначаются курсивом. Всякого рода конъектуры, вводимые нами в рукописные тексты, помечены угловыми скобками. Указание на рукописный источник мы приводим в конце цитируемого фрагмента в круглых скобках, применяя сокращения (см. «Список сокращений»). Использованная в качестве цитат или в виде дополнительной библиографической информации литература зашифрована и приводится в квадратных скобках в соответствии с порядковым номером в списке литературы (см. раздел «Литература») с указанием страниц.

НА ГРАНИЦЕ РЕАЛЬНОСТИ И ФАНТАЗИИ

В

ажнейшими вехами биографии Ремизова стали так называемые «пограничные ситуации», сообщившие мощные импульсы всему творчеству писателя. Первое столкновение с демаркационной линией между объективной действительностью и ее субъективным восприятием произошло уже в самом раннем возрасте. Прозаическое событие детства – необходимость носить очки – обернулось разочарованием в реальном мире. Фантазии близорукого ребенка, до сих пор сочетавшие очевидное и чудесное, вытеснила серая обыденность. Утратив волшебные краски и очертания, еще недавно ни на что не похожий, фантастический мир стал «мелким, бесцветным и беззвучным», приобрел заданные формы и непроницаемые перегородки. Однако, вопреки драматизму происшедшего, Ремизов воспринял собственную «инородность» как редкую возможность одновременного существования в разных мирах. Много позже он преодолел «границу» между реальностью и фантазией, создав такую синкретическую сферу самовыражения, где жизнь раскрылась в своем подлинном «чудесном блеске», недоступном «простому глазу», видящему лишь в пределах «ограниченного поля зрения» [55: 70].

В юности казалось, что границы преодолеваются через причастность к общей жизни и общему делу. Однако вскоре дилемма *внутреннего и внешнего*, индивидуального и общественного заставила его определиться между революционной деятельностью в партиях и союзах и творческим одиночеством художника. Привилегия личного выбора предопределила и четкое противопоставление между объединением, связанным идейными принципами или партийными задачами, и кругом друзей. Именно из круга ближайших знакомых, сложившегося в 1900-х годах, берет начало неповторимая ремизовская коллекция, сокровищами которой предстают люди – человеческие таланты во всем разнообразии их душевных, интеллектуальных, художественных качеств. Такое небывалое собрание со временем получит название – Обезьянья Великая и Вольная Палата.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Среди фотографий, сохранившихся в семейном альбоме Ремизовых, примечательна одна, на которой ссыльный Алексей Ремизов запечатлен в своей комнате в окружении гостей. Ниже – приписка, сделанная значительно позже, когда давно ушедшее приоткрыло свой смысл: «Вечернее чтение. У меня в Устьсысольской обез<ьянней> вел<икой> вол<ьной> пал<ате>» (РНБ. Ф. 92. Оп. 2. № 340. Л. 22). В 1901 году в Усть-Сысольске у Ремизова соби-рался кружок молодых ссыльных рабочих и детей из местных жителей, тянувшихся вовсе не к отвлеченной теории, а к живому литературному слову и выразительному устному чтению. Много лет спустя об этих посиделках Ремизов вспоминал с теплым чувством:

За вечерним чаем <...> я прививал моим товарищам мой шатающийся, но с моего голоса уверенный марксизм, и рассказывал из истории революционного движения – примеры горячей юношеской мечты, жертвенности, терпения и пропада... [66: 85];

По вечерам за самоваром я читаю вслух. И то, что меня занимает, и для «науки». Пробовал Маркса, да оказалось мудрено: в таких вещах надо самому потрудиться, чужого голоса мало [66: 160];

...я читал по истории: чего же занятнее и нечего голову ломать. <...> читал Толстого, Тургенева, Лескова и, нашего Вальтера-Скотта, – Лажечникова. Но особенно оживляли сказки <...>. Любимым, конечно, был Э. Т. А. Гофман... [66: 161].

В Усть-Сысольск Ремизова перевели из Пензы. Подчеркивая фатальность многих событий собственной жизни, Ремизов объяснял случайностью тот роковой излом, из-за которого он, будучи вольнослушателем Московского университета, оказался в остроге и северной ссылке. Профессиональные революционеры, находившиеся под надзором полиции, действительно довольно быстро распознали в новом ссыльнопоселенце «случайного» в политике человека. Даже в судебном деле он, тогда еще не напечатавший ни строчки, значился как «„декадент“, что, по словам писателя, означало – „никуда“» [56: 286].

Еще с Устьсысольска пошла обо мне молва: по жандармской линии, как о опасном революционере <...>; а в мире ссыльных, как о «декаденте»: я разлагаю и устраиваю всякие посмешища, поощряя всякое распутство [65: 155].

Сам писатель вспоминал, что уже в Пензе он начал сочинять первые рассказы. В одной из таких историй – о «таинственном Аде»¹ – «было много из того,

¹ Особый революционный кружок – тайное общество внутри так называемой «Организации», задуманной в середине 1870-х гг. молодыми революционерами-

<справа>: ПОСЛАТЬ РЕМИЗОВУ 5 ФУН<ТОВ> КРУПЧАТКИ НА В. О. 14 л. 31 кв. ОТ ГУКАСОВА И БУТЫЛКУ
КРАСНОГО
К БЛИНАМ В БЛАГОДАРНОСТЬ БЕЗДЕНЕЖНО
П. ЩЕГОЛЕВ

СЕНАТОРУ ЗАЯЧЬЕГО ВЕДОМСТВА
КНЯЗЮ ОБЕЗЬЯНЬЕМУ И КАВАЛЕРУ ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЗНАКА ПЕР<ВОЙ> СТ<ЕПЕНИ>
С ХВ<ОСТОМ> И ЛАП<АМИ>
ПАВЛУ ЕЛИСЕЕВИЧУ ЩЕГОЛЕВУ

ЗА ВОЛОГОДСКУЮ БАНЮ, ВЕСЕЛУЮ ПОКАТИЛАСЯ ГОЛОВКА, ЗА БЛИНЫ, ЗА ПОДЛИННОЕ ТЕЛО
ЗА УСТЕННЫЕ ГРУШИ И ЯБЛОКИ, ЗА НАЧАЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ДАНА СΙΑ ГРАМОТА С ОБЕЗЬЯНЬЕЙ ПЕЧАТЬЮ, КАК ЗНАК ВОЗВЕДЕНИЯ ЕГО, ПАВЛА ЕЛИСЕЕВИЧА ЩЕГОЛЕВА,
В ОБЕЗЬЯНЬИ КНЯЗЬЯ И СТАРЕЙШИНЫ
26 ГЕНВАРЯ 1917 ГОДА СПБ.

ОБЕЗЬЯНЬИ СТАРЕЙШИНЫ { <ПЕЧАТЬ>: ОБЕЗЬЯНЬЯ ПЕЧАТЬ МСМХИ

КНЯЗЬ ОБЕЗЬЯНИЙ И КАВАЛЕР ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЗНАКА ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ВИНОГРАДАМИ³³
СТАРЕЦ ДЕБРЕНСКИЙ, ТЕЛЕЖНЫЙ И ЗОЛОТОНОШСКИЙ, СЕНАТОР БЛУДОВОРЕЦ *ИВ. РЯЗАНОВСКИЙ*
КНЯЗЬ ОБЕЗЬЯНИЙ И КАВАЛЕР ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЗНАКА ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С УДОЧКАМИ СЕНАТОР А. ЗОНОВ
КНЯЗЬ ОБЕЗЬЯНИЙ И КАВАЛЕР ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЗНАКА ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С КОЛОСКОМ,
МИНИСТР И ПОЛНОМОЧНЫЙ РЕЗИДЕНТ ЗАЯЧЬЕГО ВЕДОМСТВА *М. ПРИШВИН*
ЗАУРЯД-КНЯЗЬ ОБЕЗЬЯНИЙ И КАВАЛЕР ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЗНАКА ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ОДНОЙ ЛАПОЮ *З. ГРЖЕБИН*

И КАВЛЕРЫ

ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ЗВЕЗДАМИ *Р. ИВАНОВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ХВОСТАМИ *И. ЖИЛКИН*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С САХАРНОЙ ГОЛОВОЙ *ШВАР<ЦМАН?>*³⁴
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ОБЕЗЬЯНЬИМ ГЛАЗОМ *Ю. БАЛТРУШАЙТИС*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ЛАПАМИ И ХВОСТОМ *М. ГЕРШЕНЗОН*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С КОЛОКОЛЬЧИКАМИ *Ф. ЩЕКОЛДИН*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ХВОСТИКОМ *БОРИС БУТАЕВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ЯБЛОКОМ *А. ТОЛСТОЙ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С МЕЧОМ *Е. АНИЧКОВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ЦВЕТАМИ *Л. ДОБРОНРАВОВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С МЕЧАМИ *М. ИСАЕВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ЗВЕЗДОЮ *ВЯЧ. ШИШКОВ*
ПЕРВ<ОЙ> СТ<ЕПЕНИ> С ОБЕЗЬЯНЬИМ ВОЛОСОМ *ВАЛЕРИАН БОРОДАЕВСКИЙ*

КАНДИДАТЫ

Д. ФИЛОСОФОВ *ЕВГ. ЛУНДБЕРГ* *ЕВГ. ЗАМЯТИН*
АЛ. БЛОК *В. РОЗАНОВ*

СКРЕПИЛ И ДЕНЬГИ КРУПЧАТКОЙ ПОЛУЧИЛ КАНЦЕЛЯРИСТ *АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ*

(ИРЛИ. Р I. Оп. 3. № 126. Л. 9).

³³ Очевидно, предполагалась подпись Ф. К. Сологуба.

³⁴ Настоящая фамилия Л. Шестова.

что впоследствии будет в <...> „Обезвельволпале“ (Обезьянья великая и вольная палата). Товарищам по несчастью рассказ понравился: „полная свобода и никаких обязательств“ (анархия) и что „адское“ (обезьянье) противопоставляется изолгавшемуся человеческому с его прописной моралью, лицемерием и лавочной религией» [66: 88].

Как бы то ни было, история Палаты начинается с дружеского кружка ссыльных, определившего творческий путь будущего писателя, но, вероятно, не с довольно случайных компаний в Пензе и Усть-Сысольске, а с Вологды, где он в 1901–1903 годах оказался среди «своих»: в обществе интеллигентной молодежи, объединенной общей жизненной ситуацией, мировоззренческими исканиями, первыми опытами на литературном поприще [66:193–271; 82: 137–143]. Дружеский круг вологодских поселенцев (будущие революционные, философские и литературные знаменитости – Б. Савинков, И. Каляев, П. Щеголев, Н. Бердяев, А. Луначарский, А. Богданов и другие, многие из которых позже станут князьями и кавалерами Обезвельволпала) в шутку назывался «С.С.А.» или «Союз свободных алкоголиков», хотя их времяпрепровождение вовсе не сводилось к совместным возлияниям. Много лет спустя, уже в Париже, вспоминая вологодское прошлое, Ремизов не без иронии, но все же вполне определенно, подчеркивал преемственную связь «Союза свободных алкоголиков» и «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты»:

В первый раз читал я «Пруд»² по рукописи в Вологде Щеголеву, Савинкову и Каляеву: когда П. Е. Щеголев не был еще «Архивным фондом»³ <...>, а Б. В. Савинков сотрудничал в «Искре», И. П. Каляев служил корректором в газете «Северный Край» в Ярославле. И «Обезьянья великая и вольная палата» называлась не «обезвельволпал», а таинственным С.С.А. [67: 228].

Будучи весьма недолговечным товарищеским объединением, кружок создает благоприятные условия для творческого развития. Его экстерриториальность и замкнутость обеспечивают особую среду общения, в которой, благодаря свободной игре воображения, успешно формируется как новый тип литератора, так и образ новой литературы в целом. В объединениях подобного рода царит культ дружбы – то, что Вяземский называл «литераторским товариществом» [138: 106]. Кружок как модель дружеского общения (по преимуществу начинающих писателей), включаясь в литературный процесс, фиксируется культурной памятью, хотя, конечно, семантические параллели

«ишутинцами». Его инициатор Н. А. Ишутин был склонен к мистификации и обману в революционных целях. «Аду» предписывалось осуществление тайного верховного надзора за «Организацией»; в него должны были попадать самые отборные революционеры, и о его существовании не могли знать остальные члены кружка. Для исполнения основной цели «Ада» – царубийства – тот, на кого падет этот жребий, был призван отдалиться от прочих его членов и вести себя так, чтобы полиция не могла заподозрить в нем революционера: пьянствовать, развратничать, общаться с темными личностями, даже заниматься доносом. См. официальное сообщение из газеты «Северная почта» (1866. 2 августа. № 166) [149: 139–140].

² Ремизов написал свое первое большое прозаическое произведение – роман «Пруд» в Вологде в 1901–1902 гг.

³ С 1918 г. Щеголев возглавлял Петроградский историко-революционный архив, который являлся секцией Единого государственного архивного фонда.

между разновременными объединениями вовсе не обязательно становятся объектом рефлексии их участников.

Стилистика общения в «Союзе свободных алкоголиков» (как и в Обезьяньей Великой и Вольной Палате) вызывает прямые ассоциации с атмосферой «Арзамасского общества безвестных людей» (1815–1818), увенчанного лаврами литературной славы⁴. Значение «Арзамаса» заключалось не только в обновлении жанров и стилей, формировании нового типа критики, новаторских приемов в области комической литературы, создании прецедента литературной игры, но, главным образом, – в установлении особого характера творческого общения, в котором ведущую роль играли дружеские отношения их участников и отнюдь не последнюю – ирония и самоирония. Все это позволяет назвать «Арзамас» своеобразным эталоном литературного союза, учитывая даже не столько характер профессиональных занятий его участников, сколько их стремление к взаимному уважению и «нелицеприятной, независимой дружбе» (П. Вяземский).

В вологодском кругу определились такие важные этические ценности, как доверие, безграничная дружба, внутренняя свобода личности, которые впоследствии станут основополагающими в ремизовской игре. И если в самом «Арзамасе», как и в «С.С.А.», исключительно важными представлялись собственно литературные занятия, то в Обезьяньей Палате широкое распространение получили игровые формы общения (также весьма схожие с «арзамасскими») – травестийное обыгрывание масонских обрядов, пародирование официальных сообществ или ведомств, наделение участников кружка прозвищами в соответствии с их амплуа, фиксация деятельности в шуточных документах, создание целостной мифологии содружества. Отчасти и стиль обезьяньих грамот соотносим с «арзамасским» наречием – так называемой «галиматьей», виртуозом которой был в «Арзамасе» его секретарь – В. А. Жуковский. Не только формы и тексты, но даже личности секретаря «Арзамаса» и *канцеляриуса* Обезвельволпала – Ремизова вступают в данной системе соответствий в конгруэнтные отношения.

Наиболее примечательным элементом, соединяющим поэтику «Арзамаса» и «Союза свободных алкоголиков», а позднее и Обезьяньей Палаты, стали шуточные *Некрологи*, адресованные Ремизовым своим товарищам по ссылке⁵. Заметим, что в своей последней автобиографической книге, посвященной этим годам, писатель сам указывал на общую игровую природу *Некрологов*, написанных в Вологде, и обезьяньих грамот:

У меня всегда были царские замашки. В раннем детстве в Москве я щедро раздавал счастье – хлопал левой, отмеченной счастьем, рукой по руке всякого, кто бы ни попросил; потом в играх – в игре в «казаки-разбойни-

⁴ Тема «Арзамаса» неожиданно возникает в письме А. Ремизова к П. Щеголеву (1919 г.) в связи с издательскими планами С. Алянского, вокруг которого собрался дружеский круг единомышленников-символистов: «Арзамас хочет издавать Табак и Додона. У них есть бумага и типография» (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 223). Возможно, подразумевалось первоначальное название будущего издательства «Алконост», которое в начале 1920-х гг. выпустило ряд книг Ремизова под маркой Обезвельволпала.

⁵ См. публикуемые ниже *Некрологи* Н. А. Бердяеву и П. Е. Щеголеву, а также *Некрологи* И. А. Давыдову, Н. М. Ионову, Н. К. Мукалову, И. А. Неклепаеву, З. В. Александровой [66: 257–264]. В книгу не вошел *Некролог* В. Г. Тучапской, написанный на день ее отъезда из Вологды 22 марта 1903 г. (Амхерст).

ки» я раздавал бумажные ордена и медали; <...> потом я буду выдавать «обезьяньи» жалованные грамоты с печатями, а в Вологде я писал «подорожие» (некрологи) [66: 250].

Игровой замысел *Некрологов* в пародийной форме соответствовал «подорбжиям», то есть разрешительным молитвам, которые, согласно народным обычаям, было принято класть усопшему в гроб. Обряд, придуманный Ремизовым, внешне напоминал также другой ритуал посвящения, в соответствии с которым каждый новообращенный «арзамасец» должен был сочинить похвальную речь своему «покойному» предшественнику по примеру, действительно имевшему место во Французской Академии⁶.

«Арзамасцы» снискали славу литераторов и государственных деятелей за пределами своего литературного кружка. Выходцам из «С.С.А.» также была уготована большая писательская и политическая судьба. В Вологде все они еще были «безвестными людьми», стоявшими на пороге будущего. Шуточные *Некрологи* Ремизова символизировали всего лишь завершение ссылки и возрождение к свободной жизни. Однако расставание осознавалось ссылными не только как окончание одного из важнейших этапов, но и как личный выбор, зачастую отсекавший старые дружеские связи. И хотя некоторых вологодских приятелей судьба сведет потом неоднократно, понятна легкая грусть, почти не скрываемая за ироническим стилем.

Сам город в воспоминаниях поселенцев символизировал памятную эпоху идейных и творческих исканий. Как малоприметный Арзамас являлся своеобразной мифологемой для «Арзамасского общества безвестных людей», так и Вологда, в последующем творчестве Ремизова названная «Северными Афинами», станет устойчивым символическим топосом [66: 237–273]. Весной 1903 года, оставляя навсегда эти края, он писал Щеголеву:

Завтра утром уезжаю, – на день задержали «бумаги». На Москву еду, потом, Бог знает, куда. <...>

Прощался сегодня с Вологдой, благодарил ее: и наставила она меня, научила.

Хотел писать ей некролог.

Надуманную «мерзость» скороню пока в душе. Верно, верно! Страха ради... [87: 176].

Некрологи были рассчитаны на чтение в узком дружеском кругу, как и практически все документы «арзамасцев», поэтому многие сюжеты из жизни «Союза свободных алкоголиков» нуждаются в основательных комментариях. Впоследствии в значительно переработанном виде они были включены Ремизовым в книгу «Иверень» [66: 251–256]. Однако редакции 1902–1903 годов отличаются от поздних в первую очередь своей интимностью и несут в себе мельчайшие нюансы личных отношений автора с вологодскими посе-

⁶ Так как все члены «Арзамаса» а priori считались бессмертными, то, «за неимением собственных готовых покойников», было положено «брать напрокат покойников между халдеями Беседы и <Российской> Академии». Подобная поминальная речь в «Арзамасе» произносилась в ознаменование «кончины» нового собрата для враждебной «Беседы любителей русского слова» (1811–1816), то есть отречения от устаревающей литературы и обретения вечной жизни для «Арзамаса», представлявшего литературу, которой должно принадлежать будущее.

ленцами; их герои в основном называются по именам и отчествам, тем не менее собственно жизненные ситуации описаны без излишних пояснений, и идентифицировать отдельные имена уже не представляется возможным. В сознании автора-рассказчика обрывочно всплывают воспоминания, живописующие самые яркие картины из вологодской жизни «покойников». Некрологи характеризуют не только «адресатов», но, может быть, в первую очередь – самого автора: его неизменно дружеский жест, обращенный к товарищам по ссылке, его желание показать друзьям их наиболее привлекательные черты, пусть и в несколько гиперболозированной и шаржированной форме.

Показательно, что в своих творческих начинаниях Ремизов тяготел к созданию ритмизованной прозы. Некрологи, которые впоследствии автор называл своими «первыми литературными без-образиями» [206: 102], дополняют список его ранних лирических произведений, написанных в экзальтированной манере. В этом смысле стилистику ремизовских текстов уместно отождествить с жанром так называемых «видений» (прежде всего с историческими для «Арзамаса» «Видением в какой-то ограде» Блудова и «Речью Николая Ивановича Тургенева по случаю отъезда Дмитрия Васильевича Дашкова»), который стал для писателя первым опытом остранения действительности, позволившим осмыслить не только событийный поток жизни, но и тончайшую «сейсмологию» внутренних, душевных состояний. Естественно, что зрелый Ремизов в «Иверне» мастерски преобразил эти тексты, отказавшись от поэтической строки, несколькими штрихами придав повествованию внятность и образность. В обратной перспективе ремизовского творчества вологодские Некрологи явили собой одну из начальных попыток творческого оформления оригинального жанра литературного сна, который впоследствии станет ярчайшим достижением писателя.

НЕКРОЛОГ Н. А. БЕРДЯЕВУ

В своих воспоминаниях *старейший кавалер обезьяньего знака* – философ Николай Александрович Бердяев изобразил себя центральной персоной вологодского кружка ссыльных [115: 128–130; 128: 44–56]. Многие заходили к нему в гостилицу «Золотой якорь», однако не со всеми он считал нужным водить знакомство. Большинство не устраивало Бердяева в силу ограниченности сознания, догматической веры в собственные идеи и низкого уровня культуры; его же считали индивидуалистом, аристократом и романтиком. В ограниченный («аристократический») круг близких Бердяеву друзей входили А. Ремизов, П. Щеголев, Б. Савинков, Б. Кистяковский, будущий датский писатель О. Маделунг [74] – герои и адресаты ремизовских Некрологов. Каждого из них отличали независимость суждений, индивидуализм, широта интересов, связи с местным «культурным обществом» и, в частности, интерес к театру. Постоянную оппозицию «аристократии» составляла «демократия», которую возглавляли А. Богданов и А. Луначарский – люди беззаветно преданные идее и, быть может, поэтому даже в повседневном общении склонные руководствоваться принципами групповой морали и партийной дисциплины. Характерно, что среди близких себе по духу людей Бердяев называл первым Ремизова [115: 128]. Спустя почти столетия, откликаясь на известие о смерти философа, писатель вновь вспомнит далекую уже Вологду: «46 лет назад (провода) „Золотой Якорь“ – Grand Hôtel

вологодский „шикарный“, избалованный судьбой Николай Александрович, шампанское» [205: 103].

Последняя редакция *Некролога*, включенная в книгу «Иверень», сохранила лишь незначительные фрагменты первой редакции; это уже буквально дань памяти – последнее осмысление личности Бердяева. В то же время текст 1902 года является живой фиксацией того романтического, озорного и дружеского общения, которое ценили участники собраний вологодского «Союза свободных алкоголиков». Слышны здесь и отзвуки жарких философских дискуссий (в частности, о «половом вопросе»), и увлечение шампанским, и успех, которым пользовался Бердяев у женщин. Вслед за расставанием придет скрытая тревога, угадываемая в одном из писем Ремизова к Щеголеву летом 1902 года: «От Ник<олая> Алек<сандровича> ни одного письма, будто и в самом деле умер...» [87: 133].

Николай Александрович
Бердяев
†
1. 4. 1902
в Вологде⁷

автор ненаписанной «Системы философии»

Была страшная метель.

Со злостью летел-улетал снег. И ветер метался над землей и хохотал под звон холодных крыльев.

Без дороги я отыскивал свой дом и, падая в сугробы и обжигая стужею лицо, с тоской мечтал о крове.

А кругом летел снег и было темнее, чем в самую темную ночь.

Со мной поравнялась толпа женщин.

– Умер! умер! – кричали они, и голоса их, сливаясь, рыдали.

А я все шел – казалось, это метель, затихая, плачет.

И опять черная толпа с воплями пронеслась мимо меня.

Я подошел к дому.

Ветер замолк.

Лежал чистый, пушистый снег.

Мягкий воздух ласкал меня. И было тихо, только из желобов робко падали капли воды.

На пороге моей двери стояла женщина.

Вздрагивая, она сказала мне:

– Вечером сегодня внезапно скончался Николай Александрович!

Взад и вперед я ходил по комнате.

Женщина тихо плакала.

Николай Александрович умер – – Да быть этого не может! Наверно, Ремизов сочинил! Ну, а если? Николай Александрович умер!

Вижу темные локоны, вижу глаза –
черный зарябившийся поток, озаренный
жгучим блистающим солнцем.

⁷ День отъезда Бердяева из Вологды.

Слышу торопливый захлебывающийся смех.

Нервно махая рукой, он вытирает-вытирает лицо, и – бежит.

Как сейчас помню глубокую морозную ночь, когда покойный восстал против преследования Броневицкой: он бежал на улицу без шубы в одних перчатках и быстро-быстро махал своей японской палкой, едва дотрагиваясь до «мерзавца».

Как сейчас помню наши долгие беседы о «бездне верха» и «бездне низа».

Суппониловать-сублимировать-предицировать-супранатурализм-монизм-иллюзионизм-солипцизм –

– и вдруг тот параллелизм, где «бездна низа» обнажалась и сияла своим теплом и смеялась и манила –

– Да-да!

– Тири-тири!

Бессонные ночи незабвенного лета –

Покойный не любил выпить, он только увлекался шампанским в «Золотом якор» и ризлингом на Вокзале.

В его «трудах», которые и я читал, мне слышались напевы «далекой Индии чудес» и в них сверкала его душа, как дождевые капли знойным полднем.

Сколько народу он возьмет с собой в могилу?

Ведь те, что встретил я, с отчаянья спешили за ядом в аптеку Гальперина.

И кто им заменит его?

Никто

И даже сам Луначарский не в силах затопить своей обильной словесной дизентерией ту пустоту, которая глядит теперь, раскрыв глубо<ко> свои немые очи.

Никто

– Это вы! вы! – закричал я на женщину, –

вы его взяли у нас! Вы срезали цветок, благоухавший на льдах и снеге!

А женщина взглянула на меня и улыбнулась:

– Да я и создала его! Я вдохновляла его речь, я воздвигала горы красоты, которой дышал он, я зажигала светильники в его душе и разливала их мерцающее пламя и наполняла звуками всю его грудь, все взоры.

И женщина исчезла.

Я очнулся.

Я ходил взад и вперед по комнате.

Брезжило утро.

Переключались петухи.

Сегодня вечером внезапно скончался Николай

Александрович –

И это правда.

Мир тебе!

Пусть там за гробом раскроет тайна свою грудь, пусть перед тобой предстанет все, что волновало и оживляло жизнь твоей души. Покойся в грезях, прекрасных, как изумруд весенних трав в слезах серебряной росы.

Мир праху твоему!

Ну, а насчет «бездны низа» ничего не могу сказать.

– Да, вот и Молдаванова⁸ не вижу! (А м х е р с т).

⁸ Псевдоним, под которым Ремизов опубликовал свои первые стихотворные произведения.

С Вологды начинается знакомство Ремизова с будущим *старейшим обезьяньим кавалером* Обезвельволпала Павлом Елисеевичем Щеголевым, отношения с которым постепенно переросли в крепкую дружбу. Жена П. Е. Щеголева, в ту пору актриса Вологодского драматического театра, В. А. Богуславская запечатлела в своем дневнике один из первых словесных портретов Ремизова:

Во время антракта Щ<еголев> привел за кулисы Ремизова А. М. Это начинающий писатель, тоже за политику (какой-то пустяк) высланный из Москвы, ему года 23. Маленького роста с втянутой головой, придавленным вздернутым носом, огромным лбом, над которым поднимается шапка волос, точно 2 рога по бокам. И большие глаза, в них такое страдание. Я как-то съежилась под этим жутким взглядом. <...> После спектакля я взволнованно сказала Щ<еголеву>, какой несчастный Р<емизов>. Вы не волнуйтесь, засмеялся П<авел> Е<лисеевич>, это он делает лицо, в действительности это веселый остроумный человек с хитрецей. Р<емизов> из купеческого рода, его дядя известный в Москве богач, у него он и воспитывался. Когда его выслали, дядя поморщился, вы бы ему хоть шубу какую дали. Но шубы так и не дали. Тоже занятно, что за человек, писатель! Они часто видятся со Щ<еголевым> [71: 181–182].

Вологда навсегда осталась для Ремизова мерилom подлинных человеческих ценностей, что отразилось даже в тексте шуточного «подорожия», посвященного Щеголеву. О создании нового произведения Ремизов сообщил другу в одном из писем: «Еще в Вологде, в самые последние дни, изобразил Некролог Вам, но послать не решился...» [71: 180]. Однако 27 июля 1903 года белой автограф первой редакции – «подарочный» экземпляр в черном колленкором переплете с серебряным тиснением на обложке и текстом, оформленным в модернистском стиле, – был отправлен адресату:

Павел Елисеевич
Щеголев
†
1.5.1903
в Вологде⁹.

Академик Павел Елисеевич Щеголев. 1901–1903¹⁰

⁹ Датируя *Некролог*, автор зафиксировал не время отъезда Щеголева из ссылки (конец 1902 г.), а, очевидно, день завершения работы над своим произведением.

¹⁰ Текст *Некролога* печатается по первой публикации [71: 186–193]. Вариант *Некролога* с указанной датировкой и незначительными разночтениями, в сравнении с публикуемым ниже текстом, находится в составе альбома «Некрологи при разъезде ссыльных по окончании их срока. Вологда 1901–1903» (Амхерст). Письма Ремизова к жене, датированные последними числами июня 1903 г., свидетельствуют о том, что он «переделывал» и «переписывал» первоначальный вариант текста [77: 176–177].

Белые льды проплыли куда-то за Белое море.
Весенние ветры усмирились.
Вздулись лопухи.
Острый запах крапивы, как летом.
Отцвели-опушились одуванчики.
Среди белого дня и белой, желтеющей ночи, раздирая
человеческий гам и рассекая
громыханье-трескотню экипажей, наперекор тягостно-ненужным колоко-
лам, орут и поют
пароходы.
Уходили, приходили...
Ненасытность брачущихся зорь...
Меркнувший шопот бессонно-вертящейся земли.
Ззз-зуу... зу-зу... зу-зу-зу... у-у...
Закроешь всякую скважину, завернешься с головой и слушаешь...
Пока не лопнет терпение...

Искусанный, я не шел, а летел по Московской.
У Спасителя ударили полночь.
В ужасе замер...
Темно-гнетущий, внезапно ослепивший звон сорвал сонную
повязку с моих
глаз.
Показалось...
Нет, явь бешено била по моей крови, мозг мой выдыхал цепкие мысли.
Якорь угольно-черный...
Якорь – гигантский катафалк...
Креповые флаги – кисти-змеи, выползая, никнут.
И в окнах бледно-изнывающие огоньки – лица через силу бдящих.
И что-то гудит бессильным, надорванным плачем.
И медное жужжанье точит воздух.
– Еще не поздно! – и со всех ног бросился к ресторану...
В чем дело?
– Пал-лисеич, едва сдерживая рыдания, проговорил отворявший мне
швейцар Николай, Пал-лисеич приказали долго жить-с.
– Ка-ак?!
Николай безнадежно махнул рукой...
Вдруг вся его крепкая фигура подобострастно-горько присела.
– Покушали они, начал он, зубок и разболелся, позвали меня:
«Эх, говорят, Николай, говорит, мне чего там, с зубом,
говорит, смерть моя свету-с не вижу!» «Слушаю-с, говорю,
Пал-лисеич», да в буфет. Другой Николай в тот дѣн со
двора ходили. А они легли себе на диванчик, руку под головку,
посопели-посопели, да и каюк-с...
Вон и калошки ихняя-с!
Посреди прихожей, тупо глядя в разные стороны, стояли, разиня рты,
старые, огромные калоши.

– Цыц, ты! бросился Николай на прокурорскую собаку, и повисшие усы его оцетинились.
Разбуженная разговором, та вышла из угла, потянулась и принялась подозрительно обнюхивать калоши.
Я подымался наверх.
– Не занят?
– Никого нету-с. Василий Христофорович, Владимир Анатольевич¹¹ и Борис Викторыч¹² только что вышли, на биллиарде играют-с, минут с пять-с, – встретил другой Николай; и не досыпающее лицо его в горькой обиде напрасных заушений уныло говорило: «умер-с».
– Мадеру в почке!

Покойники, перебирал я имена, все вы ушли от меня!
Вон диван, где игриво-захмелевший Николай Александрович¹³, хохоча и странно-жестулируя, заучивал Царя Никиту¹⁴, вон стол, вокруг которого бегала Вера Васильевна, и на котором выплясывал Аггей¹⁵ свой лошадиный танец, там Соля¹⁶ в одних чулках изображает знакомого актера и острит, а тут вот Сам сидел...
Как сейчас вижу бритое Его лицо с хищно-раздувающимися ноздрями, с подвитой шевелюрой простака, дико спускающейся на чело, а эта глубокая черта-морщина вдоль лба и серые, умные глаза бесстыдника под стеклами пенснэ – все живо, близко, вот выступит из моей думы, задвигнется, заговорит...
Высоко, выше всякого напитка и редкостных изданий Покойный чтит Свободу, Смелость, Дерзость. Искушенный знанием глубоким, постигнув мудрость Индии жемчужной¹⁷, Он понимал великих чародеев, вникал в толпой осмеянное, родился с Ибсеном, нос к носу подходил к театру одинокого Бельгийца...¹⁸
«Если Ремизов-Свин-чали с ***¹⁹ то-то и то-то, я, я ему дам пощечину!» так говорил Он про того самого декадента,

¹¹ Присяжный поверенный В. А. Жданов (1863–1932); за принадлежность к партии «Народное право» в 1895–1897 гг. находился в ссылке в Грязовце, а после окончания срока проживал в Вологде под негласным надзором полиции. В 1902–1903 гг. квартира Жданова использовалась как явка, здесь же обычно устраивались и проводы ссыльных [66: 257, 302; 69: 246, 250, 370].

¹² Б. В. Савинков.

¹³ Н. А. Бердяев.

¹⁴ Подразумевается эротическая сказка А. С. Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей».

¹⁵ Аггей (Oge, Aage) Андреевич Маделунг (1872–1949) – датский писатель; в начале 1900-х гг. – скупщик и экспортер масла в Вологде.

¹⁶ Соломон Леонтьевич Сегаль – хозяин часового магазина в Вологде.

¹⁷ В 1895 г. Щеголев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета («санскрито-персидский-армянский разряд») и весьма преуспел в своих занятиях до ареста и высылки в Вологду.

¹⁸ Имеется в виду увлечение Щеголева творчеством М. Метерлинка.

¹⁹ Подразумевается предполагавшееся венчание Ремизова с С. Довгелло (имя которой заменено астерисками), вызвавшее конфликт среди ссыльных. Ср. с письмом Ремизова Щеголеву, препровождающим настоящий «Некролог»: «Фразу „Ремизов – Свин-чали“ считаю сомнительн<ой>» [И РЛ И. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 36]. Подробнее о сути конфликта см. письма Ремизова к жене [77: 155–156].

которого «Мы с Павлом вытянули за волосы на свет...»
Помню лениво-закатывающийся июньский вечер с замирающим городским гулом, и где-то отдаленно пение мед-ного оркестра, и серебристо-матовые звуки цитры под моим окном. Я только что приехал в Вологду и днями не выходил из комнаты.

Нежданно стук.

Покойный...

За сливянкой и яичницей погас вечер, и одинокая булавочная звездочка робко играла на прозрачно-голубеющем небе надвигающейся ночи.

«Я – скептик, я ищу, а меня под доску тащут, вот обыск был...»
прощался покойный.

Родным дыхнуло; дорогим, любимым запечатлелся образ.

И я подошел к нему и...

«Что из вин прикажете-с?» – перебил Николай, ставя пряно-кипящее блюдо.

– Джинджиру, отвечал я, в воспоминание...

Помню тихо-скользящую реку и переливно-катящийся ключ восходящего месяца.

Клокот еле двигающейся лодки...

«Павел, говорил мне покойный отец, учись ты на трубе, толк выйдет, во-что!»

Вера Григорьевна²⁰, играя веслом, снисходительно улыбается.

«Фи, говорит она себе, как это не тонко!»

Николай Александрович, озаренный зеленью света, кокетничает с своим отражением.

«И за что я люблю тебя, светлая ночь...»

«А потому, как земля во мне, слышится голос Покойного, земля в моей природе...»

Я налил незаметно появившегося ликеру, отхлебнул...

И вдруг захотелось яблок, слив, груш, винограду.

Представилось: сидим с Покойным верхом на перилах набережной, сидим и хрюпаем наперегонки фунты за фунтами.

Проходит Давыдов²¹ чинно, застегнутый.

«Сегодня реферат», объявляет он.

Бьет в соборе восемь.

Едва передвигаясь и тяжело дыша, отправляется Покойный в Садик...

Я отхлебнул еще и еще, налил рюмку, другую, третью...

Что это?

«Такое стремление реакционных сил производить свою историческую контрабанду под флагом критики всего лучше доказывает то могущество и то уважение, которыми пользу-

²⁰ В. Г. Крыжановская (в замуж. Тучапская) (1866–?) за принадлежность к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» отбывала ссылку в Вологде (с 9 мая 1900 г. по март 1903 г.).

²¹ Иосиф Александрович Давыдов (1866–1942) – теоретик-марксист; к моменту ссылки в Вологду автор книги «Что же такое экономический материализм?» (Харьков, 1900). Текст посвященного ему шуточного *Некролога* см. в публикации дневника Ремизова [69: 256–257].

ется этот благородный флаг во всех морях и заливах бурного океана современности».

Александр Александрович²², подстриженный, в черной, чистенькой блузе, свернул мелко-исписанные листочки.

Облегченно зашумели.

«Павел Елисеевич! – оратор нервно протискивается сквозь толпу слушателей к выходу, где на ступеньках лестницы, будто изваянная, застыла фигура Покойного в сидячем положении, – Павел Елисеевич!»

«А! просыпается Покойный, где вопрос»

«Вас – председателем...»

Покойный снял рубашку, повесил на гвоздик и остался в одних штанах.

Он занял большую часть скамейки, растопырил ноги, почесывает грудь и подмышки.

А на краешке ютятся два тощих тела: часовщик и лесоторговец; и тот и другой напряженно следят. Ярko-желтый, расплывающийся луч играет на просыхающем, будто час назад вымытом, полу.

По стенам бегают зайчики.

Наконец-то снял штаны и медленно погружается в воду. Поднимается волнение.

– Э-эх! не выдерживает часовщик, Русь-то матушка!

– Да-а, поддерживает другой, эт-то...

Оба, как прикованные, не сводят глаза.

Не обращая внимания, Покойный намыллил голову и поплыл.

А те на перекличку:

– Пароход!

– Зосима и Савватий!

– Ангарец!²³

– Куда!

«Куда? раздумывает Покойный, к Жданову – Надежда Николавна²⁴... к Сегорским²⁵ – уехали, у Анны Яковлевны²⁶ вчера взял...

Он медленно подвигается по Желвунцовской, голову за плечи важно.

– Извозчик! вдруг раскатывается его зычный голос.

Задребезжала... поехали.

²² А. А. Богданов. Выше в пародийной форме воспроизводится одно из выступлений Богданова, который в идеологических спорах ссыльных составлял оппозицию Бердяеву [278: 26–27; 69: 245; 77: 156–159].

²³ Названия речных пароходов, приходивших в Вологду.

²⁴ Жена В. А. Жданова.

²⁵ Николай Васильевич Сигорский – ссыльный, присяжный поверенный; его жена – Анна Александровна [66: 246].

²⁶ А. Я. Сегаль – жена С. Л. Сегалья.

Ишь, на стороны покачивается, будто раскланивается.

– Дома?

– Дома-с, пожалуйста.

– Богдану Александровичу!²⁷

– Павел Елисеич, наконец-то!

То-да-сё, о книгах...

– Тридцать, глухо говорит Покойный, до завтра...

Подкашливание из-за дверей.

Пауза.

– Так до завтра,... до завтра Павел Елисеич.

Покатилась головка,

Покатилась голова. –

Знать такая уже доля

Атамана-козака.

И скривив рот набок и прищулив левый глаз, фальцетом и чаще:

Поклонился он народу,

Помолился на собор, –

А палач в рубахе красной

Высоко занес топор.

Выше, еще выше до взвизгивающих криков:

Покатилась головка,

Покатилась голова. –

Знать такая уже доля

Атамана-казака²⁸.

Лицо надулось, красное; голова ходуном ходит...

Покойный только что покушал.

На столе бутылка Кроновской мадеры с ободранной голубой ленточкой на этикетке по обычаю...

– Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе! вырывается вдруг раздольно-дробящееся хохотанье.

И вся комната с посудой и людьми до последнего обойного цветочка и полоски ответно вторит на разные лады; и, кажется, за окнами, по воздуху несутся смехи, сорвавшиеся с неба.

Венера любит смех,

Веселие для всех.

Чтобы ей угодить,

Веселей надо жить²⁹.

Покойный семенит «ножками»: руки в оттопыренных карманах, волоса упали на глаза, щеки и живот вздрагивают.

И... грох!

Посинел, отходит...

²⁷ Б. А. Кистяковский (1868–1920) – философ.

²⁸ Строки из песни «Казнь Стеньки Разина» на слова И. З. Сурикова. Эта песня в исполнении П. Щеголева сохранилась в памяти Ремизова еще со времен вологодской ссылки [66: 254].

²⁹ Припев песенки Париса из оперетты Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» [66: 201, 348].

Мгновенье мертвого затишья.

– Где доктор, раздается громовой возглас, позовите мне доктора!

И снова заразительней, звончее:

– Ха-ха-ха... го-го-го... хи-хи-хи... хе-хе-хе!

– Павел Елисеевич, ради Бога, это останется между нами, пожалуйста!

– Я – могила, спросите у Алексея Михалыча...

О набат, набат, набат!

кричит-бьет Покойный.

Слушатели замерли, косятся на окна,

Борис Эдуардыч³⁰ как-то зарево увидал...

– И что без Вас делали бы ссыльные, – разбежались бы..., говорит дама категорическая.

Покойный обмазал корку икрой и старательно посыпает ее лучком...

Я налил еще рюмку, упал кристалл...

– Можно, говорит Покойный, мы будем французами из Théâtre d'art, хорошо.

– Сделайте такую милость!

– А электрических свечей 20.000, так и напишите...

– Аркад сделает.

– Павел Елисеевич, прийти бы Вам за часочек,

Метерлинка первым поставим.

– Ладно.

Я проглотил кристалл, налил еще...

Стена закачалась, комната наполнилась дымом и огнями.

– Сам Павел заметил, крикнул кто-то визгливо-резко.

– Павел предлагает в случае чего...

– С научной точки зрения, слышался осоловевший голос Покойного.

Я содрогнулся...

Представился зал сплошь заваленный обломками мебели, осколками посуды.

На стене простреленные часы.

Посреди качающаяся лампа.

Медленно капают черные капли керосина.

На уцелевшем столе зловещая свеча³¹.

³⁰ Б. Э. Шен – вологодский ссыльный.

³¹ В дневнике В. А. Богуславской эпизод постановки одноактных пьес Метерлинка описан в реалистических тонах: «...афиша... бенефисная была украшена <такими метафорами – зачеркн.> и гиперболами, вплоть до электрического освещения (а где его взять в Вологде), до приглашения специального режиссера из Петербурга и консультации Щ<еголева>. И виноват П<авел> Е<лисеевич>. Это он посоветовал С<тоянову> ставить Метерлинка и прочел ему целую лекцию о нем» [71: 180–181]. Примечательно, что, несмотря на естественное различие

Покойный, скрестив окровавленные руки, застыл в
вызывающе-уверенной позе.
На три шага Аггей, страшно худой и смертельно
бледный,
Весь изогнулся, целится...
Бах-трах!

В бутылках белели одни кристаллы.
– Записать-с? подскочил Николай.
– Дд-а-а! нн-а покой-на!..
Весь рот сжимало что-то вяжуще-огненное.
Стал выходить.
Мимо прошел Василий Христофорович, немного сгорбив-
шись, без удивления, мучительно до неприятности улыбаясь.
Бойко, посапывая, пронесся Владимир Анатолич.
Мелькнуло каменно-крысиное лицо Бориса Викторовича.
– Подлец, прошипело мне вдогонку, подлец!
– Ну, а как пел он, всхлипывал Николай, выпуская
меня, как он пел!
Мне стало горько.

Подполье.
1903.
Весна.

Шуточный текст Ремизова воспроизводит стиль веселого балагурства, принятый на дружеских пирушках, в ритуально повторяемых отношениях «смертельно больного» и «доктора» после неумных приобщений к «матере в почке». Будучи документальной фиксацией игрового поведения, *Некролог* несет в себе достоверные, хотя и окрашенные дружеской иронией, знаки уважения к герою, в частности прозвище «академик», вынесенное в его заглавие: по свидетельству Ремизова, П. Е. Щеголев был тогда «всего только „почетный академик“ – за осанку, за голос, а главное, за искусное плавание (так вологжане уверовали!)» [67: 228]³².

Впоследствии Ремизов продолжил создание мифологического портрета Щеголева, представляя своего друга исполином, выразительный внешний облик которого сочетался с неистощимым умом, широтой души и блеском творческих дарований [66: 201–205]. В Обезвельволпале Щеголев будет возведен в *старейшие князья*.

В 1931 году Ремизов, верный памяти о вологодском «Союзе свободных алкоголиков», о молодости, многолетней дружеской и литературной поддержке, почтил память ушедшего товарища некрологом, ценность которого удваивается при сопоставлении с шуточным *Некрологом* 1903 года. Сказанное при жизни ничуть не расходилось с поминальными словами:

точек зрения, Богуславская, как и Ремизов, увидела в Щеголеве человека, удивительным образом сочетавшего раблезианскую натуру и – изысканный эстетизм; искрометную одаренность и – ребяческое озорство.

³² Ср.: «А сам Павел Елисеевич – как жили мы вместе в Вологде, все бывало, за делами, куда уж тут петь, а как попадем в баню, тут вот и начинается – уж так поет, так свирепствует, вологжане, как, бывало, завидят нас с узелками, опрометью, кто в чем, и прямо к бане: всякому, ведь, охота ерихонского пения послушать» [20: 1].

Умер один из замечательных русских людей – Павел Елисеевич Щеголев: ума неизмеримого и богатырского телосложения, ходящий по бескрайнему книжному морю русской летописи, «яко по суху», – ученик Алексея Александровича Шахматова и Александра Николаевича Веселовского; <...> молодость провел по тюрьмам и в ссылке; общая участь и книжное почтение сблизило нас – помяну старого товарища и моего литературного «крестного» (воистину «крестного!»), помогшего мне положить начал в моей трудной «словесной» работе, читая публично еще никогда не напечатанные произведения никому не известного автора и стараясь устроить их в печати – «стенка на стенку!» [62: 266–267].

А. В. Амфитеатров, в прошлом также вологодский ссыльный, несмотря на свое сложное отношение к умершему, откликнулся письмом к Ремизову:

Видел Вашу заметку о покойном Щеголеве. Кажется, Вы единственный помянули его добрыми словами безоговорочно. Вероятно, Вы знали внутри его что-то хорошее, что наружу не выходило (А м х е р с т).

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Один из первых биографов Ремизова – Г. Чулков задавался риторическим вопросом о творческой природе писателя: «Над чем он смеется – этот человек из подполья?» [381: 169]. Возможно, подразумеваемая характеристика восходила к исследованию А. Закржевского, который писал о кошмарном безумии автора «нежно-интимного, священно-выстраданного, кровавого» «Пруда»: «Оно могло родиться только в подполье. Ибо здесь начало трагедии, здесь она зреет в великом молчании и разбухает в мозгу в целую катастрофу, которую только безумие может вынести на свет Божий и показать людям» [175: 72]³⁵.

Действительно, в период написания романа – не только во многих письмах, относящихся к последним месяцам пребывания Ремизова в Вологде, но даже в контексте шуточного *Некролога* П. Е. Щеголеву – неизменно повторяется «достоевское» слово «подполье», трагически передающее пронзительное переживание. Столь откровенная самоидентификация свидетельствует о противоречивом характере впечатлений, которые вынес Ремизов из ссылки.

Объективно «пограничный» статус ссыльного поселенца определял направление всех экзистенциальных проекций к свободе. Конец вологодского заточения метафорически представлялся Ремизову и другим политическим поднадзорным перекрестьем несвободы и воли. Вместе с тем сложившиеся связи были окрашены для них романтической ностальгией. Однако на самом деле от-

³⁵ Здесь была сформулирована важнейшая философская проблема, к разрешению которой в течение долгих лет жизни шел Ремизов: «Подполье!.. Оно – в нас, оно вросло столько раз в нашу душу и спутывало ее липкою паутиною кошмарного одиночества и палящего, бесслезного рыдания! Случалось это тогда, когда среди мутной пошлости наше „я“ вдруг переходило границу возможности, маленькой, земной возможности и неудержимо влеклось к какому-то безумному подвигу, к какой-то взлелеянной, сказочно прекрасной стране, к какому-то нездешнему, сверхчеловеческому чуду! И путь преграждала стена...» [175: 2].

ношения, даже внутри «Союза свободных алкоголиков», вовсе не были воплощением дружеской идиллии. Ремизов-«кротик» (так называл его В. Мейерхольд, познакомившийся с ним еще в 1900 году в Пензе) нередко встречал непонимание, особенно тягостно переживая разобщение с теми, кому доверял безгранично.

Последние несколько недель пребывания в Вологде преподнесли Ремизову, к этому времени полностью избавившемуся от марксистских иллюзий, неожиданные психологические испытания. Среди ссыльных сложилось мнение (активно инициируемое Б. Савинковым и И. Каляевым), будто именно его «разлагающее влияние» послужило причиной полного отрешения С. Довгелло от так называемой «революционной работы», и потому предстоящая женитьба Ремизова воспринималась ближайшим окружением резко отрицательно: от него отвернулся даже Щеголев.

Оказавшись после отъезда Серафимы Павловны в вынужденной изоляции, молодой писатель назвал собственную «пограничную» экзистенцию «подпольем», безусловно ассоциируя себя с героем «Записок из подполья» Достоевского: «Живу в буквальном смысле в подполье, даже в магазин хожу через день-два. Людей совсем избегаю» [87: 174]. Переживания «подпольного человека» легли в основу «видения», воссоздающего сцену прощания с невестой на вологодском вокзале.

Из подполья

Вологда.

24.V-31.VI.1903

Хотел подать руку: моя рука горела, – ее пробудившиеся крылья трепетали. И я видел твои – из темных огненных глубин твоего, сжигающего любовью, сердца, они застывшей молнией дрожат. Неподвижно стоял я, а ты только смотрела, мне одному понятно.

Песня, сокровенными напевами дышали ее уста. Эта моя песня – это во мне.

Каменевшая грань пошатнулась и грохнула – тысячи мелких брызг взорвали воздух; застывая, туманили, поезд тронулся. И все за ним сдвинулось и пошло.

На мгновенье мелькнуло лицо – свистящая искра от солнца – и погасло в растилающихся дымах. И мне черная раскрылась пасть, и из черноты твои глаза дыхнули.

Белели стены вокзала. За ними годы проводов и встреч. Бледно-зеленый свет ночи, впивая пространства, гляделся рассветом. Забегая, заглядывала мне в глаза Маня.

«Вот и я так поеду!» – сказал, чтобы избавиться. А и в самом деле, скоро мой срок и я поеду. А Катинова (Савинкова) так я и не видел, должно быть, обогнал.

И вот я <дома – зачеркн.> в моем подполье.

Думаю о судьбе – которую мы испытываем, о пропастях – которые разрезаются под нашими ногами, о словах – которые губят нас, о взглядах – которые отравляют мгновенья неслышных речей-движений.

Посмотрите – храню в глазах – пан Иосиф (Косминский) взобрался на насыпь и усердно машет своей длинноухой шляпой, «ненужный» Иосиф, оскорбляющий одним своим видом Катинова (Савинкова). Катинов пожимает вам руку через окно. Я знаю, вы меня видите, но как я далеко от вас за головами и спинами провожающих – Катинов (Савинков) меня не заметил.

И разве эта наша последняя встреча не лицо судьбы, всюду следящей за мной и за вами.

За мной и за вами – вы и я, мы созданы под одной звездой, мучительно-бледной, как крылья кипящей страсти. Эта звезда мелькнула в дрожащую полночь, на нее посмотрел убийца, а страдающий отдал ей набравшие думы [267: 400–402].

Чем достовернее казалась обстановка безграничного доверия и открытой дружбы, раскрывавшаяся Ремизову в кружке вологодских ссыльных, тем больше было столкновение с оборотными сторонами этой прекрасной иллюзии. Диктат внешних идеологических и партийных норм, отрицание большинством фундаментального принципа свободы – все это приводило особо чувствительные натуры к самоизоляции – к «подполью» уже внутри самого подполья.

Психология «подполья». Человек видит где-то над собой жизнь, слышит крики и возгласы, но вся эта «живущая» кричащая жизнь кажется ему фальшиво-настроенным инструментом [77: 161; письмо от 26 мая 1903 г.].

Одно из писем к Щеголеву с попыткой разобраться в сложившейся ситуации содержит важную проговорку, обнаруживающую внутренний психологический конфликт: «поповерхностнее» надо жить с людьми!

Недоумевал.

Вихрь темных змеистых
волн-догадок хлестал по
сердцу <...>.

Быть может, была с
моей стороны оплошка.

С людьми поменьше жить, поповерхностнее – вот
что думаю о себе.

А где же та свобода, о ко-
торой ведь вместе неллице-
мерно мы говорили!

Пишу Вам, чтобы закончить всякое препирательство. <...>
Бесконечно благодарен навсегда
останусь за Ваш приют
и за то, что были исключением
– не копытили.

Думаю, по земле Вы роднее мне,
когда не напускаете на себя чужого Вам [87: 171–172].

Отголоски этого сюжета прозвучали спустя год – в письме Ремизова к жене:

...вспомнил, Маделунг говорит, что «там» [Б. В. Савинков]³⁶ убеждены, что я умышленно допустил рождение ребенка, чтобы окончательно тебе отрезать путь к возвращению в лоно старых интересов и «жизни» [т. е. к революционной деятельности]. Вот почему, должно быть, П. Е. Щеголев не ответил на письмо и вообще замолчал [78: 264; письмо от 20 июня 1904 г.].

³⁶ Здесь и ниже в квадратных скобках – более поздние пояснения Ремизова.

Вологда, пользуясь собственными словами Ремизова, действительно и научила, и наставила молодого ссыльного, оказавшись не только школой человеческого общения, но и символом «пограничья», расколовшего жизнь надвое. Поначалу сама судьба – арестом, ссылкой, тесным общением с политическими поселенцами – готовила ему революционное будущее, роковым образом обрекая на подпольное сознание, предписывая соответствующие мифы и ритуалы. Заявляя миру свой протест, «подпольный человек» получал, как ему представлялось, право на бунт и радикальное изменение окружающей реальности. Именно такой позицией, связанной с героической борьбой, отречением от мещанских норм и традиций, наконец, самопожертвованием, проверялась готовность личности соответствовать общему делу. Считалось, что в подполье не должно существовать разделения на «свое» и «чужое». Все, добровольно избравшие «благую участь», обязаны руководствоваться едиными социально-политическими идеалами и следовать общим морально-этическим принципам.

Однако для Ремизова во многих жизненных перипетиях существенно значимой была особая мировоззренческая максима: «сохранить свою свободу быть на земле самим». Индивидуалист, он не желал быть таким, как все:

В «революционеры» я себя не предназначаю, на «подполье» и «партийное» дело не гожусь, меня тянет на простор – на волю, без оглядки, и «что хочу», а не то, «что надо», – по своей воле и пусть в темную, но отвечаю сам за себя [66: 204].

Конфликт подполья с индивидуализмом «подпольного человека» приводил к тому, что нелегальная среда парадоксальным образом выталкивала человека обратно в мир, заставляя выбирать между отрицанием и приятием жизни. Он должен был либо, уйдя в глубину себя, «возненавидеть жизнь» [303: 33], либо, полностью отказавшись от своего «подполья», принять мир и оправдать жизнь борьбой «за субъективно-телеологические нравственные и социальные идеалы» [182: 250]. Выбор, таким образом, заранее ограничивался «подпольной» и «надпольной» психологией – *tertium non datur*, – «если не считать таким третьим путем трагическое положение буриданова осла...» – замечал современный ему критик [182: 245].

Парадокс Ремизова заключался не в отстаивании права на личное «подполье», но и не в вынужденном отказе от индивидуальных принципов в пользу общепризнанных законов и правил бытия³⁷. Постоянно выбрасываемый судьбой в «пограничье» – сначала из революционного подполья, затем многократно из так называемой «литературной общественности», в конце концов, из России, – в своем отрицании несправедливости мира писатель никогда не отказывался от признания абсолютной, первичной ценности жизни: «Для чего я все собираю, подклеиваю, раскладываю по именам, по памяти и бе-

³⁷ Ср. с высказыванием Д. Философова о романе «Пруд» из его письма к Ремизову от 7 мая 1904 г.: «Первая часть глубоко анархистична. Анархизм теоретический – преддверие религиозного. Здесь роль декадентства. Социалисты этого не понимают. Они никогда не избегнут упрека человека из подполья, который покажет им кукиш. Надо преодолеть, оформить хаос самодовлеющих индивидуалистов, а не стадо реформируемого человечества, т. е. какого-то *choir à saupon* самого прогресса. Как Вы решаете этот вопрос в Вашем романе – меня страшно интересует...» (опубл. А. А. Данилевским в комментариях к роману «Пруд» [73: 530]).

А. Ремизов.
Рисунок
из альбома
А. Д. Радловой.
1919
(ИРЛИ)

регу? Пожар – и все сгорит. И на пожарище я буду собирать. Я вытолкнутый на земле жить» [79: 469].

Не случайно мысль о том, что в подполье может зародиться иная жизнь и реальность может пресуществоваться, была впервые высказана Ремизовым в отклике на книгу философа-экзистенциалиста Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления» (1905), названную рецензентом «прелюдией подпольной симфонии»:

...в подполье, во мраке и сырости, вдруг загорается чудо, и вереницами бродят привидения, и снятся безумные сны, и ломаются, как прутики, все категории... И еще есть в подполье странные окна через землю в иной мир. Найдешь – вырвешь разгадку тем тайнам, от которых на стену лезут, не знают, не догадываются, пребывая в лоне природы и шаркая в черных кафтанах по гляnciaм паркета [2: 204].

Быть может, именно это желание увидеть из окон подполья «иной мир» дало импульс к созданию самого фантастического общества в истории русской литературы – Обезьяньей Великой и Вольной Палаты. Автор Обезвелволпала стремился выстроить собственную жизнь по законам литературного произведения – с многочисленными действующими лицами, поведение которых обусловлено ни к чему не обязывающими правилами, – и действительно сотворил глубоко интимный, свободный мир без взаимной лжи и фальши. И пусть его жизненная программа являлась не менее ирреальной, чем социальная утопия, которой руководствовались революционеры, но зато она никого не обязывала следовать правилам игры. Много лет спустя литературовед и писатель Б. Филиппов на вопрос, не являлась ли Обезьянья Палата уходом от жизни и реальности, ответил предельно точно: Обезвелволпал был не чем иным, как постижением «внутренней сути действительности, самой *идеи* ее»; это путь, «каким шли к ее постижению и воплощению Гоголь и Иероним Босх, Гофман и Брейгель. <...> И мифотворчество Ремизова если в грубо-биографическом, в психо-биологическом плане и было *отчасти* защитной реакцией, уходом от убийственной действительности, то в плане духовном, творческом – было скорее постижением идеи, сути происходящего» [362: 224–225].

РОЖДЕНИЕ ИГРЫ

Существует мнение, что Обезьянья Палата возникла вследствие «трагедийного» переживания Ремизовым поражения первой русской революции: «писатель погрузился в ирреальный мир изощенной умственной игры-утопии, выразив в ней по-своему стремление к правде и простоте, к естественным и справедливым человеческим отношениям» [148: 173]. Нам же представляется, что текущие политические события сыграли отнюдь не решающую роль в формировании артефакта Ремизова. Жизнестроительный импульс к «основанию» Обезьяньего царства (в этой игре, заметим, было мало «ирреального» и еще меньше – «изоощренно умственного») возник в первую очередь благодаря эмоциональным, то есть сугубо индивидуальным, потребностям, которые испытывал писатель в своем желании адаптироваться в среде столичной петербургской элиты.

На возникновение Обезьяньего общества, безусловно, могла повлиять характерная для этих лет тенденция к созданию частных, тайных кружков и обществ для посвященных («Аргонавты», «Друзья Гафиза», «Содружество одиноких», «Орден всемирного ребячества», «Эротическое общество») [118: 152–153; 219: 103–148; 120: 106]. Возможно, свое конструктивное воздействие оказал и лозунг «театрализации жизни», провозглашенный Н. Евреиновым в том же 1908 году, с которого начала вести свое летосчисление ремизовская Обезьянья Палата [361: 188]. Особым источником идеи Обезвельволпала, во многом сориентированной на пародию и трагедию, послужило народное игровое поведение, выраженное в скоморошестве [129: 41–50].

Однако все названные «первопричины» носят по отношению к самой Обезьяней Великой и Вольной Палате не более чем факультативный характер и, как мы полагаем, в принципе не являются безусловными. Согласимся с выводом, что «изучение „источников“ и „влияний“ покрывает лишь ту – весьма незначительную – часть текста, где сам автор еще не вполне утратил сознательную связь с культурным контекстом, между тем как на деле всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно» [211: 39].

ДВОРЕЦКИЙ «ВОПРОСОВ ЖИЗНИ»

После Вологды прошло несколько лет, проведенных Ремизовыми (молодая семья к тому времени пополнилась маленькой Наташей) в постоянных переездах с труппой В. Мейерхольда по югу России. Неоднократно в эти годы начинающий писатель мечтал изменить свое положение, стать «другим» – и внешне, и внутренне, – перебраться в Петербург с тайным упованием там, среди «чужих», найти «своих»: «Мечтаю о Петербурге. Там я не буду на „родине“, а буду у „чужих“, т. е. и сам буду другим» [78: 271; письмо от 26 июня 1904 г.].

В январе 1905 года по решению министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского с Ремизова наконец был снят запрет на проживание в столичных городах. В Петербурге, куда незамедлительно приехал Ремизов, благодаря хлопотам старых друзей по Вологде Н. Бердяева и П. Щеголева, а также помощи новых, пока еще эпистолярных знакомых – Г. Чулкова и Д. Философова, – ему удалось найти место делопроизводителя в редакции журнала «Вопросы жизни», только что преобразованного из «Нового пути». К началу службы в журнале он уже был автором романа «Пруд», переводчиком ряда произведений мастеров европейского модернизма – М. Метерлинка, С. Пшибышевского, Г. фон Гофмансталя, А. Стриндберга, А. Жида, философского труда А. фон Леклера. Неожиданно оказавшись в центре литературной жизни столичного города, Ремизов предполагал посвятить большую часть времени реализации своих писательских замыслов. Препятствием, однако, стала «хозяйственная» работа, которая мало подходила молодому человеку, отнюдь не расположенному к повседневной канцелярской деятельности: «Я занимаю должность ответственную, не по носу: на моих руках хозяйство – кассир, бухгалтер и сметчик» [62: 151]. Вскоре отведенная должность начала вызывать даже чувство психологического дискомфорта.

Д. Е. Жуковский очень благодушен. Толкует о журнале, говорил о подписке в сентябре и о рекламе. О «Пруде» – решительно отказался издавать. <...> Даже на моих условиях: даром, а будет прибыль, пополам... [79: 462];

В редакции настроение неопределенное. Вчера, как оказывается, составили № 8. При всем моем равнодушии к «литературным делам», – я «заведующий хозяйственной частью», – во мне подымается возмущение. Я не встреваюсь, я не имею голоса, но зачем же от меня прятаться? [79: 464];

Опять я кипел. Перебирая отложенные Чулковым рукописи «в запас», нашел свое. Если теперь не подам их, они наверно пролежат отлежаться и тихонько очутятся в ящике «к возврату». Разбирать рукописи не моя обязанность, а разбираю, потому что класть кладут как попало, а когда спрашивают, очень трудно найти и не знай где. Впрочем, все равно Д. Е. Жуковский все мое забракует [79: 466].

Тем не менее по долгу службы начинающий писатель быстро перезнакомился с ведущими литераторами, печатавшимися в журнале. Постепенно входя в

богемные круги Петербурга, Ремизов очень скоро стал постоянным гостем «сред» Вяч. Иванова, домашних собраний у Ф. Сологуба и В. Розанова, а позже – на заседаниях Религиозно-философского общества. Однако и здесь, несмотря на оказанный ему теплый прием, в большинстве случаев он не обнаружил ни духовного созвучия, ни чаемой душевной близости. Еще в Вологде, наблюдая по публикуемым отчетам за деятельностью Религиозно-философских собраний («Религиозно-философская» хроника для меня очень интересна: как люди „в духе“ живут» [87: 167]), будущий писатель почувствовал за выступлениями многих участников своеобразную ролевую игру: «А что если „Религиозно-Философские“ собрания» – что ж тут такого, игрище словесное, для Розанова комическое, для Минск<ого> и Мережков<ского> – драматическое, для Тернавцева – балаган с матюгом (сужу по 4 собраниям)» [87: 167].

Более близкое знакомство Ремизова с главными действующими лицами религиозно-философских диспутов подтвердило опасения: эти религиозные разговоры показались ему не чем иным, как суррогатом духовных исканий. В одном из писем к жене (26–27 апреля 1905 г.) это суждение выражено предельно откровенно: «Я вспомнил и повторил твою мысль: „может ли человек молиться“, чувствует ли он сердцем свою связь с каким-то надчеловеческим „небом“? Без этой связи все разговоры о религиях впустую. И еще: можно ли научить молиться? А должно быть, нельзя. И вот почему фальшивы и надоедливы все эти богоискатели» [79: 460].

Возможно, окончательно освоиться среди новых знакомых Ремизову по-прежнему мешало сознание собственной инородности – нежелание выбирать между сложившимися «партиями» и устоявшимися мировоззрениями или же следовать «амбивалентному» поведению большинства представителей «культурного общества»: «...и к „революционерам“ не подхожу, и к „полиции“ не подхожу, и к „Весам“ („декаденты“) не подхожу, и к „Правде“ („большевики“) не подхожу, еще остается Петербург, наперед скажу, и у Мережковских я не свой, да и они не по мне, вместе с Чулковым и с их фальшивой „религией“» [78: 239].

Адаптация писателя к новому социокультурному локусу проходила на фоне сравнения стилистики повседневного общения со сложившимися идеальными представлениями о человеческих взаимоотношениях. Весной 1905 года в одном из писем жене он коротко описал свою встречу со Щеголевым. Старые друзья ностальгически вспоминали недавнее бытие вологодских ссыльных, хотя и лишенное многих благ свободной жизни, но во многом скрашенное взаимной искренней симпатией и веселой энергией творческого братства. В 1940-х годах текст письма дополнился авторскими комментариями, заключенными в квадратные скобки: «П. Е. Щеголев разошелся: возрождение нашего вологодского „клуба свободных алкоголиков“! [„Обезьянней в<еликой> и в<ольной> палаты еще не было; <...> это было бы в противоположность религиозным собраниям“]» [78: 239]¹.

Несоответствие личных творческих и эмоциональных запросов реальному положению бывшего революционера, материально зависимого, еще мало кому известного, к тому же с репутацией подражательного «декадента», как будто снова загоняло Ремизова в подполье. Однако внутренний императив «со-

¹ Позже Щеголев действительно «устраивал такие собрания у себя на Большой Дворянской <...> в воспоминание о <...> скромном вологодском „клубе свободных алкоголиков“» [57: 42].

хранить свою свободу быть на земле самим» оказался сильнее жизненных трудностей. Вечно взъерошенный, затравленный собственными переживаниями «секретарь» неожиданно сумел преобразить серый, тягостный быт редакционной конторы в игру. Еще в 1905 году он устраивал во время заседания редколлегии журнала параллельные совещания, участниками которых были... калоши заседавших в соседней комнате. Вскоре из «секретаря» Ремизов обратился в исполненного достоинства «домового» и даже в «дворецкого Алексея» – так с чувством собственной значимости он подписывал деловые бумаги. Однако первая реакция на «театр одного актера» свидетельствовала о неготовности окружающих к такому откровенно игровому стилю общения: «...„высокопоставленные лица“ обижались, когда под деловыми письмами я подписывался „старый дворецкий Алексей“» [44: 509]; «...Дягилев обиделся на „дворецкого“. Говорят, он сказал: „Я с лакеями не переписываюсь“» [62: 151].

Эта игра, ставшая для многих неожиданной, законно может считаться прообразом будущей Обезьяньей Палаты, а избранная Ремизовым маска – прототипом бессменного *канцеляриуса*, по велению таинственного и всемогущего Царя Асыки раздающего награды знаки и грамоты писателям и поэтам, подчас не подозревающим, что они чем-либо заслужили Высочайшую милость. Роль дворецкого (как и *канцеляриуса*) только несведущим могла показаться «лакейской»: именно от этого маргинального персонажа зависела вся интрига действия:

– А вы знаете, что такое «дворецкий»? – И я Дягилевым гордо поднял голову. – Дворецкий первый при московском царе и великом князе заступает царя в судебных решениях. А он меня в лакейскую. Да это все равно что спутать государева приказного дьяка с церковным дьячком! [62: 151]

Когда ремизовская игра в Обезвельволпал была уже в самом разгаре – в предреволюционные и первые революционные годы, – давнишний «инцидент» с Дягилевым получил свое завершение:

О ту пору в Москве обнаружилась Обезьянья Великая и Вольная Палата (Обезвельволпал).

Она объединяла всех нездравомыслящих, освобождая от всяких обязательств – изобретение хитрой бестией, человеком, прикрывавшим свое ничтожество подлой, судя по себе, «справедливостью».

В этом высоком обезьяньем учреждении под обезьяньим царем Асыкой – которого Асыку никто никогда не видел и о котором обезьяне никто ничего не знает, – и его семи князей мое место по старине «царский диак», а на современный «канцелярист».

Невский кишел явными и тайными обезьянами. Кому я только не сочинял обезьяньи грамоты – разрисую разными красками печать и гербовую марку, и останется подклась под хвост Асыке, размахнуть хвостом «собственнохвостно», и грамота готова: бери в обе лапы.

Писатели, художники, музыканты – если бы все берегли мои грамоты, можно было бы сделать богатую «колониальную» выставку. И из всех один Дягилев, а как ему шел бы тайный обезьяний знак! – никогда не проткнулся в Обезьянью Палату. И сколько раз В. В. Розанов и с упреком: «недобрый, черствое сердце, Разумнику (Иванов-Разумник) выдал, а Сергея Павловича опять обошел!» Меня останавливало: пошлю я ему грамоту, а вдруг да обидится!

Дягилев цвел всеми цветами очарования, но веселости – «юмора» не замечалось. В чем-то отравленный, о другом было сказать «пришибленный», ему все всурьез [62: 154–155].

И только в Париже, в их последнюю встречу, Ремизов, признавая исключительный дар Дягилева – открывать новые имена и таланты, решит: «Пускай заочно, без грамоты <i>знака, будет Сергей Павлович тайный дворецкий Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» [62: 158].

БЕЗОБРАЗИЯ ИЛИ ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ?

В 1907 году состоялась постановка пьесы «Бесовское действие над неким мужем а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью: представление для публики в трех действиях с прологом и эпилогом Алексея Ремизова», построенной по аналогии с народными театральными представлениями. «„Действо“, – позже вспоминал писатель, – принято было как безобразие, оригинальничанье и издевательство над зрителем...» [62: 184]. Вскоре тематику первого драматического произведения Ремизова, в котором фигурировали всевозможные персонажи народной демонологии, подхватили газетчики, быстро обеспечившие ему скандальную славу. Пресса запестрела карикатурами и пародиями, одна из которых представляла гиперболизированный литературный портрет автора «Действа...»:

Этот страшный по своим произведениям писатель таков же и в своей домашней жизни. Живет он, совершенно одинокий, в полуразвалившемся домике на Выборгской стороне и всякого, кто к нему приходит, – впускает не иначе, как обеспечивши себя страшными и непонятными заклятиями. Пишет он в небольшой полутемной комнате перед закопченным очагом, и когда он пишет, то около ног его трется худой черный кот, а зловещую тишину оглашает хриплыми криками старая одноглазая сова, висящая под потолком. И пишет он, макая в белый череп, наполненный кровью, изредка поглядывая на стоящую перед ним будурную карточку беса Аратыря – его любимого героя. Очень страшно!

Популярнейшее его произведение – «Бесовское действие над неким мужем, или прение Живота со Смертью» написано им в сообществе с трупом утопленника из Обуховской больницы [247; см. также: 201: 300–308; 238: 847].

Надо полагать, что Ремизов и сам давал к такому пародированию немало поводов. Стиль его поведения, основанный на шутовской бессмыслице, юродивой откровенности, нередко фразировал участников литературных вечеров и дружеских посиделок. Конст. Эрберг (К. А. Сюннерберг) вспоминал:

Ремизов вообще и в письмах и в разговоре любил «шутоваться» (его выражение) и чудить. В общении с другими он всегда играл какую-то роль. <...> Ремизов был с хитрецей, «шутовался» он всегда не без расчета, не без задней мысли. Стиль переписки русского общества XVIII века был труднее, и Ремизову он удавался.

Вот примеры ремизовского «шутования». Степенное собрание за чаем у Сологуба после одного из его чтений в 1906 г. Только что приехавшая

З. Н. Гиппиус поместилась на конце чайного стола и через старинную длинную лорнетку критически рассматривает присутствующих. Спокойный разговор, позвякивают ложечки в стаканах, хрустят сухари на зубах. Вдруг среди минутной тишины раздается с другого конца стола голос Ремизова: «Зинаида Николаевна, вы там на икру-то не очень налегайте». Все смеются, потому что «налегать на икру», действие, совсем не входящее в стиль Гиппиус (а она, несмотря на свой чисто мужской ум, за соблюдением своего стиля все же следила), во-вторых, никакой-то икры на столе нет.

Или, – помню, – на одном серьезном собрании Ремизов ни с того, ни с сего стал рассказывать о какой-то кошке. – «А вот у нас была кошка: Так она... (молчание)... извините... (молчание)... угурцы ела». Все удивленно смотрят на него: Ну и что? – «Ну и ничего: ела», – спокойно произносит Алексей Михайлович, свертывая папиросу. – «Да Вы, собственно, к чему это – про кошку?» – спрашивают некоторые, еще не привыкшие к ремизовской деланной чудаковатости. – «А ни к чему, так, вспомнилось». Этим прения по гносеологии и кончились (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 87–88).

Об одном из таких собраний позже упомянул и сам писатель:

...однажды у Минского состоялось шутовское радение, на которое попали люди и не предупрежденные хотя бы о «шутовском». Я был с Розановым, вот был простор мне для безобразия, но ничего такого на этом «радении» не произошло, как потом по Петербургу молва гуляла [63: 31].

Столь необычное бытовое поведение свидетельствовало о поиске собственной игровой маски: поначалу Ремизов даже использовал (конечно, только на петербургских маскарадах) характерную для народных святочных гуляний маску козла [100(1): 716–718; 100(3): 730; 330: 8–16, 30–33, 36–37]. Идти к очередному новогоднему празднику, он делился планами с женой:

Вчера не сразу заснул, все думал, во что нарядиться. Необходимо привлечь В. Н. Ивойлова: тоже «хулиганом» будет, это теперь и к месту и ко времени. <...> Я с Вяч. Ивановым «секретно» переговорю: я возьму его моей козлиной маской. А вечером пускай придет Лидия Юдифовна и Николай Александрович <Бердяевы>. Только уговор: оставим Л. Ю. на ее страх, пускай, как хочет, так и рядится. Разговаривать с ней устанешь, как я вчера [79: 470–471].

Другая форма ремизовского «антиповедения» – его знаменитые розыгрыши-мифификации. О своих экзерсисах он сообщал П. Щеголеву:

Не везет мне с «Знанием».

Рассказал я как-то Монтвиду, будто Скиталец, закуривая папиросу, поджег себе усы, усы вспыхнули и до корней сгорели, так что губа обнажилась и нет надежды на зарощение. Будто насчет безнадежности Горький сказал. Вчера Монтвид был в редакции и рассказал мне, как Скиталец обиделся. Монтвид, увидев усы, поздравил его и объяснил всю ту историю, какая якобы стряслась с ним.

Вот, Государь и Благодетель, какие происшествия. Пушу теперь слух о Горьком. Человека мне нужно подходящего, чтобы и поверил и по ветрам разнес злоключение (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 113; письмо от 27 июля 1905 г.).

Не надеясь на ремизовскую серьезность, В. Розанов иногда вынужден был предупредить выходки приятеля просьбой: «...только, пожалуйста, <...> оставь свои безобразия» [64: 34]. Действительно, как еще можно назвать странные действия Ремизова, о которых упоминается в его дневниковой записи:

4. 12. <1905> Именины Варвары Дмитриевны Розановой.
– Сыт, пьян и нос в табаке! – вот как полагается.
Вымазал я нос табаком Вяч. Иванову.

А после ужина перевернул с помощью именинницы качалку с Н. А. Бердяевым. Бердяев ничего, только кашлянул, а Андрей Белый от неожиданности финик проглотил [61: 34].

На взгляд извне – поведение нарочитое и неприличное: одним словом, безобразие. Даже близкие друзья, признавая ум и талант начинающего писателя, больше реагировали на провокативный (как им казалось) характер ремизовских поступков и разговоров, примером чему может служить, например, следующая пояснительная запись Розанова:

Ремизов А. М. Один из умнейших и талантливейших в России людей. По существу, он чертенок-монашенок из монастыря XVII в. Весь полон до того похабного – в мыслях, намеках, что после него всегда хочется принять ванну [304: 119–120].

По тому же логическому пути пошел и современный исследователь С. Н. Доценко. Не замечая очевидных различий между самооценкой и восприятием извне, он приписал поведению и творчеству Ремизова *намеренную юродивость*: писатель якобы даже «свои физические недостатки» «подчеркивал и гипертрофировал», оттого что юродство понимал буквально – как «уродство». Оправдание же такой «эстетике безобразия» Доценко находит в идейном замысле писателя: «„Похабничая“ и „кошунствуя“, Ремизов преследует ту же душеспасительную цель, что и юродивый в своем мнимом или действительном безобразии. <...> он не оставляет надежды на нравственное спасение и возрождение иных, святых и светлых черт русского народа...» [162: 74]. Из этого следует, что намеренность безобразного поведения писателя вызвана не больше и не меньше как желанием... «спасти русский народ», с вызовом демонстрируемым недостойному окружению. Между тем для самого Ремизова, и в зрелом возрасте сохранившего мировосприятие подростка, определяющим во взаимоотношениях с действительностью было не буквальное безобразие, не «ролевая маска» юродивого, скомороха или шута, но бессознательное, имманентное «безобразие», связанное с отказом от предустановленных смыслов:

Оно приходит – назовите, как я говорю: «без-образие» или по-вашему «безобразием» – всегда без подготовки, никакого замысла, а лишь по наитию и осенению, вдруг. <...> С «без-образием» жизнь несравненно богаче – это заключение из всей моей жизни [66: 115];

Я выдумывал всякие «без-образия». Это мое. – И при всяких обстоятельствах – засушенный, сурьезный или трезвый, но не мудрый. Непременно остановит меня и даже может обидеться [57: 65].

Ремизовское поведение соотносится не с пошлым, низким и похабным, но с безобразным, то есть спонтанным, неумышленным, иннормативным. Окружа-

ющая действительность («взбалмошный мир без начала и конца» [65: 496]) открыта равнопотенциальным возможностям. Без-образное со всей силой творческой энергии стремится воплотить себя в образе – через подражание и преображение². Однако на первых порах образца как центра ориентации не существует, точнее, он еще не найден, и потому игровое (поисковое) поведение может восприниматься извне как безобразие³. Именно такое поведение Ремизова позволяет соотнести игровой рисунок его поведения с субкультурой юродства, получившей развитие на Руси в XV–XVII веках. Мемуарная литература дает обширный материал, подтверждающий, что маска юродивого активно эксплуатировалась писателем, особенно в бытовых ситуациях. З. Гиппиус как-то разъясняла недоумевающему московскому гостю (Андрею Белому): «Алексей-то Михайлыч? Да это – умнейший, честнейший, серьезнейший человек, видящий насквозь каждого; коли он „юродит“ – так из ума» [110: 65; см. также: 338: 298; 173: 508].

В этой связи уместно провести параллель и с традицией эстетики безобразного в даосизме и дзен-буддизме, в рамках которых личность безумного (юродивого) имплицитно соединяла мудрость и неконвенциональное поведение⁴. Сравнение ремизовских интуиций с менталитетом древних восточных мудрецов не покажется неуместным, если обратиться к его собственному позднему признанию о годах юности:

В наш дом приходил китаец – в Москве всегда ходили по домам разнощички китайцы – он был весь в синем <...>. Может быть, образ этого китайца – «синий, страшный Китай», канув с чудовищами моего чудовищного мира, когда через очки мне представился общечеловеческий нормальный

² Ср.: «В широком контексте или – лучше – на должной глубине „подражание“ и „преображение“ принадлежат чему-то общему и единому как разные по интенсивности, по захвату, по глубине степени его, подобно тому как русск. *под-раж-ание* и *пре-об-ра-же-ние* содержат единый общий корень *раж- / раз-*, но разнятся своими префиксами: в первом случае (*под-*) – некое приспособление, подстраивание, подделывание, не предполагающее разрыва со своей исходной природой (отсюда – частичность, промежуточность, всего лишь ориентированность на иное, вовне находящееся); во втором случае – полная, всецелостная и органическая трансформация того, что было до этого (*пре- / пере-* как образ идеи перехода, проникания насквозь и до предела и *об-*, подчеркивающее „всецелостную“ завершенность), коренной разрыв с прежним состоянием и обретение новой, принципиально иной и более высокой природы, в которой исходная растворяется без остатка. Подражание и преобразование объединены общим выходом на образ: в одном случае частичным и относительным, в другом полным и абсолютным» [349: 14].

³ И. А. Ильин рассматривает Обезвельволпал как художественную форму («игру или шутку»), не лишенную «серьезного вымысла», суть которого заключается в восстании «творческого воображения против „нормального мышления“ и прорыв его на свободу». Вместе с тем в его оценке значительно преувеличена изначальная несерьезность ремизовской интенции: «Ему нужно было провозгласить свое право на художественное юродство; и вместо того, чтобы сделать это в порядке серьезной статьи или храбро приступить к осуществлению своего юродствующего акта, он выбрал форму все преувеличивающей шутки, по-юродски провозглашая свое право на юродство. Впрочем, он, по-видимому, сам испытывал свой бунт не только как переход к новым образам, но и как прорыв в безобразии» [190: 300].

⁴ Ср.: «Дзен Иккю носил явные черты юродства. Некоторые проявления <его> характера <...> трудно расценить иначе, как трагедийное осмеяние <...>. Скомо-рошья личина временами слишком плотно прирастала к лику, который „он имел еще до рождения“, так что во многих случаях невозможно отделить обличительный пафос, юмор, эпатаж от просто паранормального хабитуса» [394: 112].

мир, вызвал во мне без всяких «зачем» и «почему» интерес к истории Китая, и я принялся за чтение мудреных книг. Университетская библиотека, откуда получал я через моего старшего брата, студента-филолога⁵, китайскую мудрость, зарегистрировала впервые выдачу таких обреченных на залежь и запыль книг. Может быть, этот «синий, страшный Китай» вошел так глубоко в мой мир с когда-то зримыми и только скрывшимися призраками – ведь не только мысли, а и намеки на мысль живут с человеком и доживают век человека! – чем иначе объяснить, что когда в Революцию петербургский ученый китаец⁶ дал мне материалы сказок о китайской лисе – у китайцев Лиса, у кабиллов Шакал, а в Тибете – Заяц, – я разбирался в них, выбирал нужное мне для моей собственной китайской сказки, как бы чем-то уж однажды слышанном, когда-то известном, во всяком случае, своем. Может быть, от этого «синего, страшного Китая» мой глаз на небо и землю словесно выражается по-китайски – наблюдения нашего парижского китайца⁷, сравнившего тексты поэта, историка литературы и министра одиннадцатого века из Среднего Китая Оу-Янг-Сиу⁸ и из моих сказок... [55: 81]⁹.

Наличие традиции «гениального безумия» и юродства в принципиально различных культурах убеждает нас в одном: литературные, житейские «маски» Ремизова – результат свободного поведения «естественного человека», который не притворяется и не дурачится ради какой-либо высокой или же прагматической цели, но в ничем не сдерживаемой игре воображения ведет поиск своего образа и потому – всегда остается самим собой. Соответственно, и его «безобразия», как факт безоценочного бытового поведения, предполагают разновекторную оценку, а не окончательный приговор морального или же идеологического ригоризма.

СБОРИЩА У КОРНЕТОВА

Одной из первых парадигм Обезвельволпала стало общество знакомых и друзей Ремизова, собиравшееся в квартире писателя в 1905–1910-х годах: сначала на 5-й Рождественской, д. 38, кв. 2 (1905–1906 гг.) и Кавалергардской, д. 8, кв. 28 (1906–1907 гг.); затем – в Малом Казачьем переулке, д. 9, кв. 34 (1907–1910 гг.). Среди гостей бывали и завсегдатаи вечеров у Вяч. Иванова, Ме-

⁵ Виктор Михайлович Ремизов (1876–1919).

⁶ В. М. Алексеев.

⁷ Возможно, Поль Пеллио (Paul Pelliot; 1878–1945) – французский китаевед, друг В. М. Алексеева.

⁸ Оуян Сю (1007–1072) – китайский писатель, историк и государственный деятель. Помимо указанных соответствий можно упомянуть и о том, что вокруг Оуян Сю группировались лучшие писатели своего времени и яркая плеяда молодых, с его помощью вошедшая в литературу, а также то, что многие его стихи выполнены в форме посланий, посвященных друзьям. Эти детали, безусловно, еще более усиливают подобие двух фигур из разных культурно-исторических эпох.

⁹ «Восточные» параллели могут быть дополнены еще одной автохарактеристикой писателя, который считал, что к концу 1920-х гг. он стал походить на китайца даже внешне. Комментируя свое фотографическое изображение, он писал: «Я совсем как китаец – так меня тут и считают» [80: 203; письмо от 26 июля 1927 г.].

режковских, Сологуба и Розанова, и новые люди, близкое знакомство с которыми стало результатом дружеских и творческих контактов. Особой популярностью пользовались встречи на святках¹⁰: здесь обычно царило дружеское расположение и традиционно рассказывались страшные, непристойные или даже богохульные истории. Описание таких «сборищ» вошло в литературу рассказами Ремизова «Глаголица» (1911) и «Оказион» (1913), главный герой которых – путевый ревизор, статский советник в отставке Александр Александрович Корнетов наделен целым комплексом автобиографических черт. В его небольшой квартирке на Кавалергардской, как и у самого Ремизова, часто собирались гости. Здесь особенно любили «два больших сборища»:

Одни сборы собирались в день Симеона-Летопроводца, на первое сентября, когда по русскому исстаринному золотому обычаю справлял Александр Александрович кудесовы поминки – хоронил трех зверей лютых: муху, блоху, комара. Другие сборы бывали на Святках, на пятый день праздника Рождества Христова, в день четырнадцати тысяч младенцев, за Христа от Ирода в Вифлеем убиенных [72: 319].

Игровая атмосфера встреч у Корнетова-Ремизова, генетически предшествовавшая Обезьяньему обществу, в значительной степени ориентировалась на поэтику смеховой народной традиции. Не случайно впервые фрагмент (а точнее, «цензурное» начало «заветной» сказки о царе Додоне) был опубликован писателем в составе рассказа «Оказион» – как святочное повествование одного из гостей Корнетова. На этих «сборах» всегда царила дружеская атмосфера раскованного, непринужденного общения, всячески поощряемая хозяином. Позже, в Обезвелволпале, она будет узаконена общим правилом поведения для посетителей: «Все приходящие в Обезьянью Великую и Вольную Палату как к себе домой – сидят на диване и на креслах, курят и везде сорят, разговаривают громко по телефону, прямо над самым ухом» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 38). А с ужесточением условий жизни в годы революции и военного коммунизма гости Ремизова облагались «податью особой – хабарой. Всяк должен принести что-нибудь в дар Палате: кто бумаги чистой листов двадцать, кто пряников, кто стакан, полученный по 17 купону детской карточки, чтобы было из чего чай пить...» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 38).

Интересно, что уже в этой ранней протоформе Обезвелволпала определился основной принцип игры – объединение незаурядных личностей, пусть и вовсе незаметных или даже подозрительных для обывательского сознания: «И кого только ни набиралось на Кавалергардскую провести на высотах у Корнетова веселый вечерок, кого тебе надо, изволь: и старики-моховики, и молодежь желторотые, и тихие, и крикуны, и ссорщики, и наустители, и философы» [72: 319]. Тем не менее встречались отнюдь не случайные люди;

¹⁰ Приглашение на один из таких вечеров находим в письме Ремизова к А. Н. Бенуа от 1 января 1908 г.: «Глубокоуважаемый и дорогой Александр Николаевич! / 5 генваря по обычаю прошлых лет празднуем Голодную Кутью и гадаем, вручая судьбу свою Козлу, который зримо присутствует и руководит гостями. / И вот просим Анну Карловну и Вас навестить нас в этот вечер (Крещенский сочельник), когда в полночь чудо из чудес бывает – звезды заговаривают по-человечьи. Привезем из Черниговск<ой> губ<ернии> колбас и маковников и будет очень весело» (Г.РМ. Ф. 137. № 1465. Л. 2).

напротив, все они были избранными, почитаемыми, лучшими среди лучших: «Была <...> страсть у Корнетова к именам и званиям, подбирал он людей себе, и не каких-нибудь, а особенных, – вышних людей» [72: 317]. В «Глаголице» тезис о «вышних людях», окружавших Корнетова, подтверждается описанием нескольких посетителей Кавалергардской:

Одну зиму завсегдаем у Корнетова был Соломон, еврей, самый обыкновенный Соломон откуда-то из-под Вильны, но Александр Александрович так его всем и представлял и так смотрел на него и слушал, словно был этот несчастный Соломон сам царь Соломон, мудрейший из царей. Ходил еще к Корнетову Алей-татарин, ну, так, простой человек – татарин, но Александр Александрович так его всем представлял и так смотрел на него и слушал, словно был этот тихий Алей сам Шиг-Алей, проходим, поган царь казанский. Приютил у себя Корнетов немца бродячего, был этот Пауль Рюкерт самым обыкновенным колыванским немцем, но Александр Александрович ни с того ни с чего произвел немца в знаменитость – в поэта немецкого и уж носился с немцем, чуть не пальцем каждому показывал:
– Вот он вам какой, сам поэт немецкий! [72: 318].

Корнетов-Ремизов стремился собрать вокруг себя общество ярких индивидуумов, и, судя по всему, ему удавалось раскрыть в каждом из них редкие способности, подчас незаметные в повседневности. С этого времени в обычае у Ремизова стало наделять гостей прозвищами, как позже участников Обезьяньей Палаты – обезьяньими званиями и титулами¹¹. Характерно, что прозвища ремизовских гостей соответствовали как их формальному статусу, так и личным достоинствам. Подобное представление героев позволяло автору переместить повествовательный строй рассказов «Глаголица» и «Оказион» на уровень игры смыслами.

Бывал правовед, которого Александр Александрович для почету и ради большей важности величал кавалергардом, бывал военный смотритель – полковник с колючими шпорами, ума несравненного, а с ним придворный музыкант в малиновом кафтане с медалями, бывали адвокаты, и бритые, и с бородкою, товарищ прокурора – муж изрядный и наученный, инженер – розмысл, искусный в разорении домов, моряк с кортиком, старичок учитель – ума гордостного и помысла лукавого, он же и профессор, заслуженный шутливый актер, знаменитый певец без слуха и голоса, и все-таки певавший, не жалея горла, по упорному настоянию Корнетова <...> скороспешный журналист <...> и, наконец, бывший член Государственной Думы, он же и зоолог, получивший название свое за необыкновенное пристрастие к аквариуму, больше не за что [72: 319–320].

¹¹ Ср.: «Почти у всех знакомых А. М. (многие были членами Обезьяньей Палаты) были прозвища: Утенок, Мэнада, Нерпа, дядя Комаров, Копытчик, Нонн (бывшая стрекоза обезьянья), Листин, Каракавица, Верховая, Эмир обезьяний, Муфтий (И. А. Бунин), Игемон-Деспот, протопоп обезьяний (профессор Паскаль), Куафер обезьяний, Странник и т. д.» [294: 132]. Заметим также, что своеобразные «клички» вообще были характерны для общения людей этого круга: на «средах» у Вяч. Иванова, во время заседаний «Гафиза» или среди знакомых М. Кузмина и т. д.

В каждой характеристике закодированы подлинные имена действительных гостей дома Ремизова, многие из которых в скором времени станут членами Обезьяньей Палаты. Среди них – И. Рязановский, В. Розанов, М. Кузмин, А. Зонов, И. Соколов-Микитов, А. Котылев, И. Жилкин и другие. Иногда выявить точные прототипы персонажей достаточно трудно из-за их принципиальной полисемантической. И все же: в рассказе «Глаголица» под именем «колыванского немца» Пауля Рюкерта, очевидно, подразумевался немецкий поэт Ганс (Иоганнес) фон Пюнктер (1886–1973), который в конце 1900-х годов несколько раз приезжал в Петербург и близко сошелся с молодыми писателями-символистами [62: 194–199]. «Колыванский» следует понимать здесь в широком смысле – как «прибалтийский», так как Пюнктер жил в Митаве, а не в Таллине, который до XVIII века именовался Колыванью. Имя этого персонажа несет в себе явно двусмысленный подтекст, так как, с одной стороны, оно восходит к немецкому поэту-романтику Фридриху Рюккерт (1788–1866), соединявшему в своем творчестве темы древнеиндийской мудрости и игры; с другой – ассоциативно связан с именем дальнего родственника писателя – Федором Ивановичем Рюккертом, который был тестем брата Ремизова [205: 76]. «Старичок учитель – ума гордостного и помысла лукавого», который в «Окационе» рассказывает сказку о царе Додоне, является литературным двойником В. Розанова; «моряк с кортиком» – это И. Соколов-Микитов; «бывший член Государственной Думы» – И. Жилкин; а прибывший к дому Корнетова Соломон, вероятно всего, – «dr. Соломон Леонтьев»¹² и т. д. Приемственность *сбориш* на Кавалергардской и Обезвелволпала подтверждается, в частности, и тем, что М. А. Кузмин, представленный в рассказе как «придворный музыкант в малиновом кафтане с медалями»¹³, в Обезьяньем обществе получит титул кавалера и должность «музыканта Обезвелволпала» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 8).

Настоящим сказочным дворцом предстает в рассказах скромное жилище Корнетова:

Что ни комната, то свое название. Кабинет – неподобная комната в семь углов – избушка ледяная, тут Александр Александрович проводил за делами дневные часы свои. Соседняя с кабинетом комната – избушка лубяная или хворостяная, служила она у Корнетова молельней. Затем большая комната – палаты пировые, брусяные, а из пировых брусяных палат ход в самую маленькую комнатенку – в логовище. <...> Гости располагались в палатах или толклись в ледяной избушке, где такая стояла жара, ну как банная, и от тесноты – повернуться негде! – и от жаркого парового отопления [72: 318].

Таким же мифологическим пространством – Обезьяньей Палатой (палаты – царские дворцовые апартаменты) окажется в Петербурге, Берлине и Париже

¹² Он упомянут в письме Ремизова к М. А. Волошину от 28 марта 1908 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1020. Л. 8).

¹³ См. примеч. Ремизова к сцене VI второго действия: «Обезьяний марш – музыка М. А. Кузмина» [4: 35]. Ср. также с анонимной заметкой «На Соловецком острове Ал. Ремизовым написана новая пьеса „трагедия об Иуде, принце Искаротском...“» из газеты «Эхо» (1908. № 2), заканчивавшейся словами: «Между прочим: обезьяний марш написан М. Кузминым».

обычная комната, отведенная под кабинет и по-домашнему называемая «Кукушкина» [260: 212–238], или же кухня – «обезьяний притон» (по определению писателя) [206: 48].

Другой пример описания атмосферы ремизовского дома встречаем в любительском стихотворении киевского знакомого писателя – Андрея Акопенко, прозванного в дружеском кругу «Синдбадом». В конце июня 1911 года он приехал в Петербург и, не найдя Ремизова по старому адресу в знаменитом доме Буркова (запечатленным писателем как собирательный образ «всего Петербурга» в повести «Крестовые сестры»), предварил свой визит на новую квартиру писателя (на Таврической) письмом, в котором с теплым чувством вспоминал полюбившиеся ему вечера в «доме „Бурка“»:

Я, кочуя как номад,
Вновь приехал в Петроград;
И в столице сей болотной
Я с отрадою узнал,
Что период превольготный
В жизни Вашей днесь настал <...>.

Я узнал, что в доме Бурка
В поднебесных этажах,
[В рифму просится здесь «Турка»¹⁴,
Что в «Речи» сидел в Крестах],

Что у Бурки в поднебесьи
Вас теперь уж не сыскать,
Где на стульях равновесье
Было так легко терять.

Где ораторствовал Прахов,
Сообщая ряд таких
В решете чудес и страхов,
Все о странствиях своих!

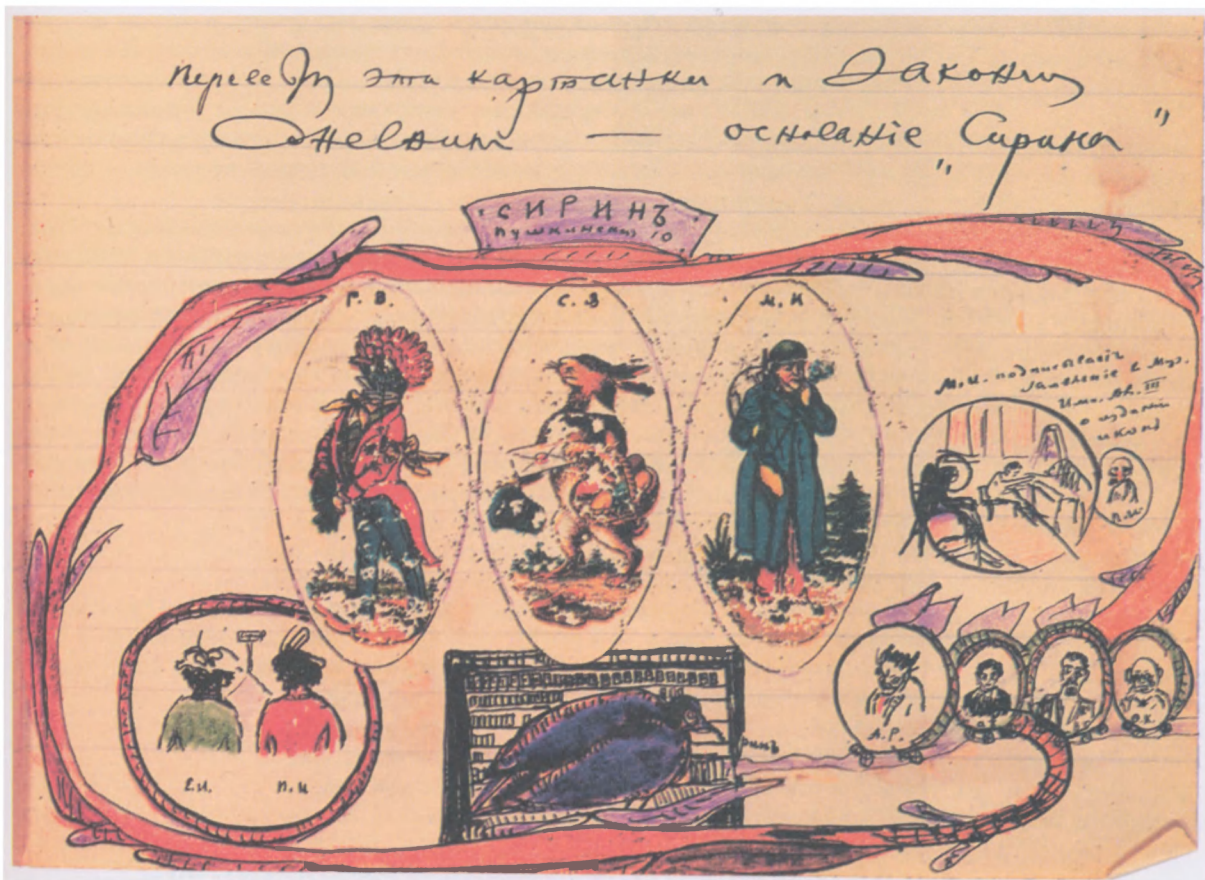
Где бывали и иные —
Кто упомнит их число? —
Где табачное впервые
Зелье вдруг произросло;
Где Шестов рассказ про Турка
(Назидательный!) вещал...
И вот в этом доме Бурка
Я уже вас не сыскал!

(РНБ. Ф. 634. № 40. Л. 1–1об).

В этот же период закладывались основные принципы игры в Обезвельволпал, в том числе и своя, особая, письменность. Примечательным достоинством личности Корнетова было его феноменальное знание глаголического письма, за что

¹⁴ Подразумевается старинный приятель Ремизова – Илья Аронович Тотеш, по прозвищу Турка, который стал прототипом главного героя рассказа «Галстук» (1911).

друзья прозвали его «глаголицей». Известно, что Ремизов увлекся древнеславянской азбукой во время учебы С. П. Ремизовой-Довгелло в Археологическом институте в 1910–1912 годах. Тогда, проявляя свойственную ему любознательность, он заполнил целую тетрадь глаголическими штудиями (РНБ. Ф. 634. № 16). В письмах Ремизова начала 1910-х годов часто встречаются «шифрованные» строчки, написанные глаголическими литерами. В ответ на подобные послания его корреспонденты отзывались в той же манере, нередко начиная свои письма приветствиями на глаголице¹⁵. Оттого ремизовские слова, обращенные к Корнетову, будто бы он «единственный на всем земном шаре писал письма и всякие дружеские послания глаголицей» [72: 316], на самом деле являлись очевидной автохарактеристикой.

А. Ремизов. Лист из тетради «Сиринъ». 1912 (ИРЛИ)

¹⁵ См., например, письма Ю. Н. Верховского к Ремизову, относящиеся к 1911 г. (РНБ. Ф. 634. № 75. Л. 1); письмо С. Н. Тройницкого от 1 марта 1912 г. (РНБ. Ф. 634. № 57. Л. 15). Глаголицей написаны и некоторые инскрипты Ремизова на книгах начала 1910-х гг. [134: 17; 199: 53].

ЯВЛЕНИЕ ОБЕЗЬЯНЬЕГО ЦАРЯ И ЕГО СВИТЫ

Союз людей свободного творческого духа, не отягощенных трафаретным мышлением, выделяющихся из обывательской среды, спустя несколько лет будет назван Обезьяньим обществом. С одной стороны, обезьяна символизирует природную мудрость, естественность и даже хитрость, с другой – своеволие, нежелание подчиняться каким-либо нормам и правилам – словом, живет в свое удовольствие. Стереотипное представление человека об обезьяне непременно включает в себя не только элемент развлечения (обезьяна по своей природе должна уметь презабавно «ломать комедию»), но и скрытое опасение перед ее проделками.

Отметим, что Ремизов заявил «обезьяню» тему еще в 1903 году, в одном из стихотворений в прозе («После зноя желаний»): «И скотский гам гогочет и мудрость обезьянья глубокомысленно мечтает» [82: 155]. Противопоставленные друг другу «скотство» и «мудрость», инстинкт и разум (впоследствии основополагающие мировоззренческие концепты ремизовского творчества) впервые соотнесены здесь, пусть и косвенно, с антитезой человек ↔ обезьяна.

Событийная история Обезьяньей Великой и Вольной Палаты начинается с «Трагедии о Иуде принце Искаротском», которую Ремизов закончил в 1908 году [4: 15–50]¹⁶. Почти полностью подчиняясь повествовательной канве апокрифических сказаний об Иуде, автор отступил от народной интерпретации лишь в том, что ввел в пьесу необычный персонаж – Обезьяньего царя Асыку Первого. Основная смысловая задача, которую поставил автор, включив в «Трагедию...» столь необычного героя и его многочисленную свиту, раскрывается по ходу пьесы. Пилат, «игемон Ерусалимский», проводит своеобразный «евгенистический» эксперимент – смешивает («женит») человека и обезьяну, чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Последствия становятся очевидными к началу третьего действия:

З и ф:

<...> Много их попало в беду! Про одного рассказывают: схватил он подвернувшийся кол и так ловко чвакнул сонного по голове, что у того череп раскололся. Ткнул еще колом в живот и пошел, как ни в чем не бывало.

О р и ф:

Из ревности?

З и ф:

Нет, так себе.

О р и ф:

Ну и обезьяна! Эти обезьяны любого из нас за пояс заткнут.

З и ф:

А что с той косоглазой выделявали – просто умора! – Гладил, гладил ее один – тише воды, ниже травы! – да как пырнет, кровь пробрызнула...

О р и ф:

Как же их судили?

¹⁶ Подробнее об истории создания и постановке пьесы см. [62: 187–188; 413: 163–165; 419: 46–66; 139: 187–189].

З и ф:

Обыкновенно как людей.

О р и ф:

Какой же приговор?

З и ф:

Одна дорога – всем беспощадная казнь. Принц неумолим: не спускает вины виновному.

О р и ф:

Я бы и этого самого Обезьяньего царя положил бы на ладонь и другою раздавил, вот так! Он ведь всем коноводил. <...> Намутил, пакостник!

З и ф:

Всякий свое, как полагается, по закону получит: кому вытянут жилы, кому гвоздь вобьют в голову, кому живот распорют, кого сожгут в уголь, кого бросят в котел с расплавленным свинцом, кого закопают по уши в землю, кому голову долой. – Знай наших! [4: 38].

Каждый из участников диалога повествует «о своем» (так строится нарратив в современной пьесе абсурда), но оба они сходятся в одном: обезьян надо примерно наказать – в соответствии с законом. Однако виновность животных, скорее всего, в том, что они каким-то образом спровоцировали человеческую жестокость («ты виноват уж тем, что хочется мне кушать»). Автор принципиально затемняет описание происшедшего, не называя прямо, кто в эпизоде бойни есть человек, а кто – обезьяна. Действующие лица заменяются метонимиями: «один» и «сонный», «один» и «косоглазая». Примечательно, что эта непроявленная акцентуация приводит к ошибке даже такого пронизательного (хотя и склонного к дихотомическому схематизму) критика, как Иванов-Разумник. Стремясь убедить читателя, будто, помимо людей, виновниками «мучительств» являются также и обезьяны, он весьма произвольно «цитирует» текст: «Про одного обезьяна (здесь и далее курсив наш. – Е. О.) рассказывают: схватил он подвернувшийся кол и так ловко чвакнул сонную по голове, что у той череп раскололся...» [183: 97]. В последующих редакциях пьесы Ремизов, изменив род существительного («сонный» → «сонная»), более определенно обозначил распределение ролей в конфликтной ситуации:

Много их, обезьян, попало в беду! Теперь расхлебывай. Ну правду говорят: войдет этот Обезьяний царь и ровно все обалдевают, все проклятый подымет! Про одного рассказывают: шантряп, схватил он подвернувшийся кол и так ловко чвакнул сонную по голове, что у той сразу череп раскололся. Ткнул еще колом и пошел, как ни в чем не бывало [18: 39].

И хотя реплика Орифа («Ну и обезьяна! Эти обезьяны любого из нас за пояс заткнут»), казалось бы, называет субъект жестокого поведения «обезьяной», общая родовая форма номинативного числительного («один», «одного») уже определенно указывает на то, что в обоих случаях это – человек, тогда как женский род существительного («сонная» и «косоглазая») подразумевает обезьяну. Человеку выгодно представить собственную жестокость свойством обезьяньего характера и обвинить обезьян во всех смертных грехах, себя же наделить высшим правом распоряжаться чужой жизнью и уже от имени власти насаждать узаконенный садизм.

Что произошло в дальнейшем, осталось за рамками «Трагедии о Иуде...», однако тематически примыкающий к пьесе сон «Обезьяны» позволил развернуть тему расправы людей над обезьянами в подробную картину их казни, описанную от имени Обезьяньего царя:

Нас стянули со всех концов света: из Австралии, из Африки и Южной Америки, и я, предводитель шимпанзе, опоясанный тканым гагажьего пуха поясом, ломал себе голову и рвал на себе волосы, не зная, как вырваться из цепей, которыми мы были скованы по рукам и ногам, и улетнуть на родину, но было уж поздно. Прогнав по целине через поля, нас выстроили, как солдат, на Марсовом поле, и герольды в золоте со страусовыми перьями на шляпах, разъезжая по рядам, читали приговор.

Нас обезьян обвиняли в непроходимом распутстве, злости, бездельничанье, пьянстве и упорно-злонамеренной вороватости и, признавая необыкновенно блестящие природные способности к развитию и усовершенствованию, приговаривали применить к нам секретные средства профессора Болонского университета рыцаря Альтенара – потомка викингов Гренландии, Исландии и Северного Ледовитого Океана.

Со слепой материнской любовью и негодованием следил я, как по совершении всех шутовских церемоний началась расправа: эти безбожные люди потехи ради прокалывали нас сапожным шилом и потом били железными молотками, а другим намазывали шерсть мягким и горячим вараом и, закатав в массу вара веревку и прикрепив ее к телу, продергивали в хомут свободной и сильной лошади и волокли по земле под гик и гам, пока не издыхала жертва, третьим же тщательно закалывали губы медными металлическими булавками. И много еще было сделано, как обуздание, потехи ради.

Когда же Марсово поле насытилось визгом и стоном, а земля взбухла от пролитой обезьяньей крови, а крещеный и некрещеный русский народ надорвал себе все животы от хохота, прискакал на медном коне, как ветер, всадник, весь закованный в зеленую медь. Высоко взвившийся аркан стянул мне горло, и я упал на колени. И в замеревшей тишине, дерзко глядя на страшного всадника перед лицом ненужной, ненавистной, непрошеной смерти, я, предводитель шимпанзе Австралии, Африки и Южной Америки, прокричал гордому всаднику и ненавистной мне смерти трижды петухом [5: 37–38]¹⁷.

¹⁷ М. В. Безродный называет сон «Обезьяны» «рефлексом (?!! – Е. О.) индивидуальной писательской мифологии» и, объединяя мотивы Медного всадника, Марсова поля и «крика петуха», делает вывод об скрытом присутствии в рассказе темы Петра I. Однако далее, заявляя об осознанном использовании Ремизовым так называемого приема *nomina sunt odiosa*, или «эффекта значимого отсутствия» имени, он утверждает, будто «в ремизовской игре» Асыка Первый пародийно соотносен с фигурой Петра I – на том только основании, что писатель изобразил обезьяньего царя «с короной „как петушиный гребень“ (курсив наш. – Е. О.)» [106: 214]. Такая позиция не только оставляет за скобками смысловые компоненты ремизовского сна, но и игнорирует реальное содержание самой игры, ни литературные, ни изобразительные, ни мифологические аспекты которой не дают оснований делать подобные выводы. О том, к каким курьезам может привести исследователя стремление выдать собственную ассоциацию за писательскую интенцию, свидетельствует другой «пример из Ремизова». Анализируя рассказ «Павочка», герои которого при упоминании имени Александра Македонского затевают абсурдный спор о том, кто же был его наставником – Сенека или Гераклит, Безродный указывает на «окончательный и правильный» ответ – «Нерон», якобы верно рассчитанный, но зашифрованный автором, кото-

Обезьянья палата возникла в 1908 году¹⁸, когда я писал «Трагедию о Иуде принце искаротском»: обезьяний царь Асыка, действующий в трагедии, награждает обезьяньими знаками.

А сама мысль об обезьяньем знаке вышла из игры.

Проездом в Петербург каждую осень останавливались в Москве¹⁹. Из писателей в Москве об эту пору встретить кого было не так просто, все разъезжались по всяким Малаховкам. И я играл с своей маленькой племянницей Ляляшкой (Елена Сергеевна Ремизова).

Надо было что-нибудь особенное придумывать.

Она приставала ко мне сделать ей такое, чего ни у кого нет.

Вот тут-то я и сделал ей обезьяний знак «для ношения тайно».

Этот знак она, конечно, потеряла, и на следующую осень пришлось новый делать, а для лучшего бережения знак висел на стене на видном месте – и никто не мог догадаться, что это означает: висит, а не известно что, а Ляляшка помалкивает [61: 38–39].

Обезьяний царь, «выпущенный на сцену в „Трагедии о Иуде“ и хранившийся пять лет²⁰ неприкосновенно в заднем кармане у Зонова, вышел к детям щедрый и без всякого лукавства» [54: 57]. Таинственный, выбивающийся из рамок обыденных представлений, во многом двусмысленный (озорной и трагический) образ Асыки неожиданно был воспринят детьми как повод для забавы:

Детям очень понравилось играть в обезьяньего царя. Я рисовал им «обезьяньи знаки»: линии, как они сами из себя вылиниваются, по Кандинскому²¹; из фигур, а у них всегда свое лицо, высывывались или прятались,

рый скрыл во всей этой «головоломке» «мифологемы воды и огня» [106: 212–213]. Комический характер вывода особо подчеркивается тем фактом, что писатель оставил в мемуарах свою, вполне бытовую, «разгадку»: «...„Журнал для всех“ с редактором В. С. Миролюбовым, прозванным Сенеккой: поправил в статье Лундберга Аристотеля на Сенеку (учитель Александра Македонского)...» [57: 43]. Ср. также с дарственной надписью на книге «Корявка» (1922): «Сколько таврических воспоминаний связано с этим Корявкой / Петр Иванович – это Нерадовский / Балда Балдович и Сенекка <Траклит – зачеркн.>, учитель Александра Македонского / это от В. С. Миролюбова / Доктор – конечно, Нюрнберг / а привидение лунатическое от Терещенок и от Акопенки тут перепало что-то про фельдшера...» [134: 23].

¹⁸ В конце 1940-х гг., комментируя обстоятельства возникновения Палаты, в нескольких случаях Ремизов начинает отчет истории игры с 1907 г. В альбоме «Карты Сведенборга», созданном в конце 1940-х–начале 1950-х гг., имеется рисунок с надписью: «Обезьянья Великая и Вольная Палата открыта в 1907 г. в Москве» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 12). Такая же датировка встречается и в пояснениях к ранним письмам к жене [79: 460], и на грамоте С. Ю. Прегель 1948 г. (Прегель II).

¹⁹ Примечательно, что в Москве, в доме брата А. Ремизова – Николая, в те годы жила обезьяна, прозванная «Обезьян Иванович». Ср. с письмом Ремизова к С. П. Ремизовой-Довгелло от 18 июня 1904 г.: «Занимался с обезьяной: обезьяна чахлая и озабоченная» [78: 263].

²⁰ Ремизов имеет в виду время, прошедшее между написанием пьесы и началом ее постановки.

²¹ Ср.: «...скорее всего ученик я Кандинского, и это я понял уже тут в Берлине, после лекции Ив. Пуни» [61: 77].

высматривая рожи и морды другого не фигурного мира, чудища и звери, конечно «лютые», но в своем существе, по Достоевскому («Бог им дал начало мысли и безмятежную радость»), как на рисунках Ф. С. Рожанковского и Наталии Парэн; звери пугать пугали и иначе невозможно, но они были своими, они тоже пугались, очень близкие детскому безмятежному миру.

Детей занимало и то, что они должны были носить эти знаки скрытно, никому не заметно – тайна! и то, что если и заметят, все равно, никто ничего не поймет, а также трудно-выговариваемое имя царя и то, что его никто не видел и о нем никто ничего не знает.

Они верили, что только один я, как-то «схвостясь», могу с ним разговаривать и объясняться на «обезьяньем языке».

А от детей игра перешла к взрослым... [54: 57].

Игре в Обезьянью Великую и Вольную Палату также предшествовала уже известная нам ремизовская пред-образность: содержательная сторона драматического действия отошла на дальний план, и от пьесы (характеристики Верховного правителя обезьян, его страны и нравов его подданных) остались только фантазийно интерпретируемые знаки и символы. Автор использовал диалоги «Трагедии...» как начальную игровую ситуацию. Отдельные элементы пьесы, вовсе не предназначенные для развлечения, соединялись вместе постепенно, исподволь, в конечном итоге превращаясь в ритуал, традицию и привычку. Таким образом, в течение восьми лет (с 1908-го по 1915 г.²²) накапливались основные эстетические и идеологические элементы ремизовской игры, предпринимались попытки найти им функциональное применение в различных формах общения. Первыми посвященными в таинства детской игры стали постановщики «Трагедии о Иуде...» (1916)²³ – Ф. Коммиссаржевский, А. Зонов и В. Сахновский. Они и оказались, по утверждению Ремизова, первыми обладателями обезьяньих знаков [61: 39]. В «Разрядной росписи людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» записано:

Ф. Ф. Коммиссаржевский,
Зонов, Сахновский

} первые кавалеры Ордена, награжденные за лицедейство в «Трагедии о Иуде принце Искаротском», где изображен обезьяний царь Асыка (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 47).

²² Ср. с авторской датировкой (MCMXV–MCMXXI) на одном из первых рисунков Ремизова с изображением царя Асыки (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 5) и упоминанием в книге «Кукха» (глава «Обезвелволпал») того факта, что А. П. Зонов был посвящен в обезьяньи князя уже к концу лета 1915 г. [61: 39–40].

²³ Театральная критика восприняла «обезьянью» тему спектакля с диаметрально противоположных позиций. «Сильнейшим и удачнейшим местом в исполнении пьесы была сцена с обезьянами. Только что Иуда, неумышленно выполняя волю рока, убил своего отца и только что решает взять в жены свою мать, как вылетает обезьяний царь со своей свитой, и в черном вихре, в дикой пляске гнусных харь как бы разнуздывается в сатанинском веселье самая черная стихия греха» [169: 6]. «Комический элемент пьесы представлен» фигурой «Обезьяньего царя, во внешнем облике которого, так же как его свиты, слиты народно-фантастические представления об обезьяне и черном арапе» [352: 6].

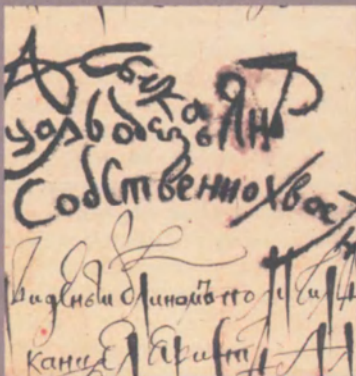
Каждый, кто пытается установить жесткие временные рамки для ремизовской игры, обречен полагаться на сведения, которые заведомо не могут быть восприняты как объективные факты. В известном смысле все они являются результатом аутомифологии писателя, оформившейся несколькими десятками лет позднее, чем реально возник феномен Обезвельволпала. Хотя изучение истории литературы и предполагает опору на объективные данные, однако позитивистская методика плохо уживается не только с такой мифической реальностью, как игра, но и с самой историей, которая намеренно затемняет свое происхождение и истоки²⁴. С другой стороны, творческому сознанию свойственно придавать своим фантазиям достоверный характер, *post factum* ассоциируя их с тем или иным событием (как правило, эти «свидетельства» меняются во времени). Таким образом, мы считаем нужным подчеркнуть, что природа игровой рефлексии Ремизова несовместима с «точными документальными доказательствами», связанными с уточнением конкретной даты (дня, месяца и года) основания Палаты, на чем иногда настаивают некоторые современные исследователи [146: 78].

А. Ремизов.
Рисунок
из альбома
«Карты
Сведенборга».
1950-е
(И Р Л И)

²⁴ Известный исследователь феномена человеческой эволюции, богослов и философ П. Тейяр де Шарден рассматривает это свойство истории как своеобразный закон: «...с самого начала мы сталкиваемся с фундаментальным условием опыта, в силу которого начала всех вещей имеют тенденцию становиться материально неуловимыми – закон, повсюду встречаемый в истории, который мы <...> назовем „автоматическим устранением эволюционных черенков“» [344: 80].

СУДНОЕ ДЕЛО О ОБЕЗЬЯНЬЕМ ХВОСТЕ

З

адолго до того, как Обезьянья Великая и Вольная Палата обрела известность, частью мифологического образа Ремизова стал обезьяний хвост, однажды действительно затмивший все опробованные ранее маскарадные костюмы. Впрочем, за многочисленными ремизовскими масками скрывалось продуманное отношение к своей роли, не допускавшее подмены естественных отношений легкомысленными мнимостями. Ремизов вел себя так, словно сознательно стремился объединить вокруг собственных чудачеств симпатичных людей в соответствии с идеальными представлениями о правдивости, искренности и дружеском расположении. Как ни парадоксально, но именно «происшествие с хвостом», случившееся на одном из маскарадов, актуализировало идею создания союза единомышленников, отрицающих фальшь и лицемерие.

Позже, когда обезьяний хвост утвердился в качестве одной из основных мифологем и стал устойчивым игровым элементом Обезьяньей Палаты, семантика этого символа значительно обогатилась. Если появление Ремизова на людях с привязанным сзади хвостом было уместно только на костюмированном вечере (иными словами, в игровой ситуации), то и развитие этой темы стало возможным лишь в изолированном от реальной жизни пространстве Обезвельволпала («интермеццо повседневной жизни» [368: 19]), где обезьяний хвост почитался за реликвию и был исполнен тайного смысла. Недаром *канцеляриус* Палаты утверждал, что Верховный правитель обезьян Асыка «собственнохвостно» подписывал важнейшие документы общества: на всех без исключения обезьяньих грамотах и знаках имеется характерный зигзагообразный росчерк красной тушью, который можно сделать, по игровому домыслу, разве что кончиком обезьяньего хвоста.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА МАСКАРАДЕ

События, произошедшие в дни празднования нового, 1911 года, вышли далеко за рамки игры и имели самые неожиданные последствия. Позже писатель вспоминал:

В то время в Петербурге снова, как в старые годы, была мода на ряженье. Обыкновенно я рядился в козлиную маску, а потом ни во что не рядился, а в своем виде – тоже от «паясничества!» – на последнем же вечере у Сологуба «появился» самим собой и только сзади «обезьяний» хвост. Дело о отрезанном хвосте в моем архиве, хранилось в Публичной Библиотеке... [79: 470–471].

История началась с невинной шутки, наиболее краткое упоминание о которой находим в воспоминаниях Конст. Эрберга. Речь шла о новогоднем маскараде, состоявшемся на квартире у Ф. Сологуба 3 января 1911 года:

Всем этим заправляла А. Н. Чеботаревская. <...> Друзья приходили, кто в чем хотел, и вели себя, как кто хотел. Помню артистку Яворскую (Борятинскую) в античном хитоне и расположившегося у ее ног Алексея Н. Толстого, облаченного в какое-то фантастическое одеяние из гардероба хозяйки; помню профессора Яценко в одежде древнего германца со шкурой через плечо; Ремизова, как-то ухитрившегося сквозь задний разрез пиджака помахивать обезьяньим хвостом [398: 140–141].

Несколько дней спустя обнаружилось, что хвост, забавлявший гостей на вечере у Сологубов, отрезан от той самой обезьяньей шкуры, которую Анастасия Николаевна, жена Сологуба, раздобыла по просьбе графа А. Н. Толстого для маскарада, устроенного Толстыми у себя дома накануне, 2 января. На Ремизова, участника обоих маскарадов, еще у Толстых присмотревшего для своего костюма эту экстравагантную деталь, пало тяжкое обвинение в злостном небрежении к чужим вещам. Началась переписка, насыщенная едва сдерживаемым гневом – с одной стороны, и оправданиями – с другой.

6. 1. <19>11. Петербург.

Уважаемый Алексей Михайлович!

К великому моему огорчению, узнала сегодня о происхождении Вашего хвоста из моей шкуры (не моей, а чужой – ведь это главное!). Кроме того, не нахожу задних лап. Неужели и они отрезаны? И где искать их? Жду ответа. Шкуру отдала починить, – но как возвращать с заплатами?

Ан. Чеботаревская

(РНБ. Ф. 634. Оп. 3. № 233. Л. 1).

8. 1. 1911.

Многоуважаемая Анастасия Николаевна!

Я очень понимаю Ваш гнев и негодование. Пишу Вам подробно, как попал ко мне хвост. 2-го я пришел к гр. А. Н. Толстому¹. У Толстого застал гостей – ряженных. Какой-то офицер играл, а ряженные скакали. На ряженных были шкуры. Дожидаясь срока своего – чай пить, стал я ходить по комнате. На диванах разбросаны были шкуры. Среди шкур я увидел отдельно лежащий длинный хвост. Мне он очень понравился. Я его прицепил себе без булавки за штрипку брюк и уж с хвостом гулял по комнате.

Пришел А. Н. Венуа. Видит, все в шкурах, вытащил какой-то лоскуток и привязал к жилетке. Тут ряженные стали разыгрывать сцену, и все было тихо и смиренно – никто ничего не разрывал и не резал. Меч острый японский по моей просьбе – боюсь мечей всяких в руках у несмелых – был спрятан.

Уходя от Толстого, попросил я дать мне хвост нарядиться. Толстой обещал захватить его к Вам, если я прямо пойду к Вам. 3-го я зашел к Толстому, получил от него хвост, прицепил его без булавки и поехал к Вам.

У Вас, когда надо было домой, я снял хвост и отдал его Алексею Николаевичу.

Я взял хвост таким, каким мне его дали. Я его не подрезывал. С вещами я обращаюсь бережно. И нет у меня привычки (глупой, меня раздражающей) вертеть и ковырять вещи. Лапок я тоже не отрывал. И не видал. Очень все это печально.

А. Ремизов

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 30).

Удовлетворившись таким объяснением, Анастасия Николаевна во втором своем письме несколько смягчила тон:

9. 1. 1911. Петербург.

Уважаемый Алексей Михайлович!

Вы меня простите, пожалуйста, если Вы в резке шкуры не повинны, но я письмо получила от г-жи Толстой на следующий день, что «хвост отрезал Ремизов в ее отсутствии» – что меня и повергло и в изумление, и в печаль. Я 3 дня разыскивала такую шкуру и купила новую.

А. Ч.

(РНБ. Ф. 634. № 322. Л. 2).

Мемуарная литература совершенно по-разному расставляет акценты в описании этой, на первый взгляд, анекдотической истории. Н. Оцуп, обрисовывая сложившуюся ситуацию, перемещает центр внимания с фигуры Ремизова на двух других действующих лиц – Ф. Сологуба и А. Толстого, выступивших на авансцену уже в следующем «акте»:

¹ Сохранилась открытка с приглашением Ремизовых на этот вечер: «31.12.<19>10. Милый Алексей Михайлович, приходите к нам завтра 31-го встречать Новый Год, вместе с Серафимой Павловной. Ежели же Вам обоим нельзя будет прийти (что нас очень огорчит), 2-го января ждем Вас обоих непременно. У нас будет Венуа и Бородаевский, больше никого. Затем остаюсь Ваш и навсегда гр. Ал. Толстой» (РНБ. Ф. 634. № 217. Л. 2).

Для какого-то маскарада в Петербурге Толстые добыли через Сологубов обезьянью шкуру, принадлежавшую какому-то врачу. На балу обезьяний хвост оторвался и был утерян. Сологуб, недополучив хвоста, написал Толстому письмо, в котором назвал графиню Толстую госпожой Дымшиц, грозился судом и клялся в вечной ненависти. Свою угрозу Сологуб исполнил, он буквально выжил Толстого из Петербурга [270: 51–52].

По оценке Г. Чулкова, серьезность происшествия заключалась в том, что действительно виновный писатель оказался в стороне от событий, в то время как все остальные участники комедии, в конечном счете переросшей в драму, не на шутку перессорились.

Обезьяний знак
А. Н. Чеботаревской.
1918 (ИРЛИ)

На одном из маскарадов <...> разыгралась история с обезьяньим хвостом. <...> На маскарад был приглашен, между прочим, один писатель, который по любви своей к чудачествам объявил простодушной Анастасии Николаевне, что ему для его костюма необходима обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим трудом достала у кого-то желаемый предмет и дала его шутнику с предупреждением, что с ним надо обращаться чрезвычайно бережно. Представьте себе ее ужас, когда любитель шуток явился на вечер в своем обычном пиджаке, из-под которого торчал обезьяний хвост. В этом заключался весь этот маскарадный костюм. Но главное – был отрезан хвост от драгоценной шкуры. Это был уже скандал. Сам хитрец вышел сух из воды. Но вокруг «обезьяньего хвоста» разыгрались дамские страсти. Какую-то даму обвинили в том, что писатель отрезал хвост по ее наущению. Полетели письма с взаимными оскорблениями. Мужья заступились за жен. Сологуб обиделся на одного небезызвестного и даровитого литератора, который впутался неосторожно в полемику по поводу хвоста [381: 160].

Наконец, относительно сторонний взгляд на события представлен в воспоминаниях московской актрисы и писательницы – Л. Рындиной:

В следующий приезд в Петербург я заметила, что некоторые лица, составлявшие раньше общество Сологубов, у них теперь не бывают. Я спро-

сила о причине Анастасию Николаевну, она сухо сказала: «Не хочу их видеть». Федор Кузьмич по обыкновению молчал. С ними я больше этого вопроса не поднимала, но, встретив Алексея Николаевича Толстого, раньше частого гостя Сологубов, спросила, в чем дело. Толстой со свойственным ему юмором ответил: «Да все из-за обезьяньего хвоста!» Тут уж я совсем заинтересовалась, что это за зловредный обезьяний хвост. Оказывается, литераторы устраивали маскарад. Одевались кто во что мог, Ремизов, как всегда иронически, сказал: «Мне бы только дали обезьяний хвост, вот я и буду обезьяна». А Сологубы для этого маскарада одолжили у своих знакомых две драгоценные обезьяньи шкурки. Толстой, не смущаясь, у одной из этих шкурок отодрал хвост и прицепил Ремизову. Маскарад прошел очень весело. После Анастасия Николаевна стала просить отдать ей шкурки, – одна оказалась без хвоста. Как ни искали этот хвост, не нашли. Анастасию Николаевну возмутила дерзость Толстого, оторвавшего хвост... Одним словом, произошла ссора. Часть писателей была на стороне Сологубов, другая защищала Толстого, и дружная раньше компания раскололась. Вот откуда родились у Алексея Ремизова его Обезьянья палата и ее сановники [310: 308]².

Эти мемуары особенно примечательны тем, что они называют имя человека, который на самом деле «отодрал хвост» у одной из обезьяньих шкур. Вероятно, в силу близких отношений именно Рындиной Толстой доверил свои властные откровения, а та, когда участников происшествия уже не было в живых, обнародовала для любознательных потомков его добровольное признание в совершенном проступке.

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД

Симптоматично, что в начале 1911 года Ремизов столкнулся с неприятной повторяемостью конфликтов, которые вызвали у него повышенную обидчивость, мнительность, сверхтребовательное отношение к окружающим – возможно, связанные с обострением хронического заболевания. Помимо январского столкновения с Толстыми почти в те же дни (9 января) он вынужден был порвать отношения с С. Городецким: «Причиной этому – Ваши возмущающие и грубые выходки. Вот чтобы избавиться от этого, я и думаю, лучше не быть знакомым» [259: 52]. В данной конфликтной ситуации Ремизов апеллировал к А. Блоку. Ответное письмо поэта от 11 января 1911 года помогает понять, что, собственно, заставило писателей, близких к Ремизову, вдруг так резко посерьезнеть: «До сих пор ведь мы все по отношению друг к другу были более или менее цветами. Когда встречались, все между нами было сдобрено розовым маслом – стилями, масками, шутками и стишками. Но самые плоды – впереди. Многим из нас воистину суждено быть вместе и называться: „мы“» [116(8): 326].

Ремизовская «обезьянья» шутка неожиданно разделила людей общего круга, испытывавших до сих пор расположение друг к другу, на тех, кто понимает

² По мнению Л. С. Флейшмана, это свидетельство мемуаристики «подтверждает фундаментальное значение символика хвоста в ритуализированной жизни обезьяньего ордена» [364: 188].

игру в жизни как «трюкачество», и тех, для кого игра – та же самая жизнь, соединенная с фантазией и именно поэтому лишенная несовершенств бытового поведения – грубости, недоверия и подозрительности. После январского маскарада произошла некая поляризация участников этой истории вокруг антитетически противостоящих друг другу «трюка» и «игры». Даже такой серьезный и трезвого ума человек, как Ф. Сологуб, который не всегда принимал стиль поведения Ремизова (он однажды с нескрываемым раздражением спросил его: «Почему вы все время врете?»), сблизился с этим чудачком и любителем шуток.

Тем временем сама «история с отрезанным хвостом» раскручивалась по спирали. Ровно месяц спустя после происшествия Сологуб, с упорством наставника, желавшего проучить нерадивого ученика, предпринял кампанию по изоляции Толстого от петербургского литературного мира: разослал ультимативные письма людям своего круга, в которых потребовал от них разорвать отношения с графом. Шестого февраля идентичные по содержанию письма были отправлены Ю. Верховскому и Г. Чулкову [335: 298], позиции которых в развивавшейся истории оказались диаметрально противоположными. О своей реакции на ультиматум Сологуба Чулков вспоминал:

И вот однажды я получил от Федора Кузьмича письмо, в котором он требовал, чтобы я не принимал у себя в доме провинившегося писателя. Как я ни любил Федора Кузьмича, но решительно отказался принять такой «обезьяний» ультиматум. И Федор Кузьмич дулся на меня некоторое время [381: 161].

Отношение Чулкова к случившемуся немаловажно, поскольку он вместе с профессором А. С. Яценко выступил посредником А. Толстого на третейском суде, рассматривавшем это «дело» 15 февраля 1911 года. Его воспоминания далеки от объективного анализа внутренних причин, вызвавших длительное разбирательство. Видимо, столь же несерьезно относился к случившемуся и сам Толстой: ведь Чулков, скорее всего, излагал версию, представленную Алексеем Николаевичем и его супругой.

В письме к Верховскому Сологуб писал:

6 февр<аля>1911 года

Дорогой Юрий Никандрович,

Я с большим огорчением узнал, что Вы продолжаете поддерживать отношения с графом Алексеем Николаевичем Толстым. Образ действий графа Ал. Ник. Толстого таков, что для меня невозможно быть в обществе его друзей.

Преданный Вам Федор Тетерников

(Г М И СПб).

Верховский тотчас поспешил ответить словами абсолютной поддержки:

6. II. <1>911

Дорогой и глубокоуважаемый Федор Кузьмич,

Мне было очень грустно читать Ваше письмо. Вы как бы спрашиваете меня, какие отношения предпочту я: с Вами – или с А. Н. Толстым? Неужели возможно ставить этот вопрос? Да, я был у него, но тогда же письмо его к Анастасии Николаевне назвал последнею степенью пошлости. До вчерашнего вечера я имел легкоеверие думать, что Толстой во вторник

повинился во всем Алексею Михайловичу и просил у него совета, желая сделать то же перед Вами и Анастасиею Николаевной. Теперь же отношения между мною и Толстым невозможны. Вы знаете, что я всегда любил и уважал Вас и Анастасию Николаевну. А будете ли Вы отныне считать меня в числе Ваших друзей – решите сами...

Искренно Вам преданный Юрий Верховский

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 129. Л. 7).

В конце концов маскарадная шутка переросла в проблему переоценки взаимоотношений в литературной среде, о чем Сологуб написал во втором письме к Верховскому:

7 фев<раля> 1911

Дорогой Юрий Никандрович,

Ваше письмо было очень приятно для Ан<астасии> Н<иколаевны> и меня. Вы ответили так скоро и решительно, что очевидно, что Ваше решение было готово до моего письма. Поверьте, что мы очень ценим искренние отношения и очень дорожим ими. Мы бы не ставили вопроса в такой форме, если бы видели в этом только личное столкновение. Но я думаю, что этот случай имеет общее значение, как показатель той нестерпимой грубости нравов, которая вносится в последнее время в литературную среду все настойчивее; и то, что мы узнали от Алексея Михайловича Р<емизова>, окончательно утвердило меня в этом взгляде. И Ан<астасия> Н<иколаевна>, и я очень благодарим Вас за милое дружеское отношение к нам, и мы будем сердечно рады, если наши отношения взаимные и впредь будут оставаться такими же, основанными на взаимном понимании, сочувствии и доверии. Александре Павловне от нас сердечный привет.

Преданный Вам Федор Тетерников

(ГМИ СПб)³.

Буквально вслед за этим Верховский заявил Толстому ноту протеста, расцененную адресатом на фоне накалившихся страстей как намеренное оскорбление. О случившемся Толстой известил Вяч. Иванова 8 февраля: «Дело в том, что Ю. Н. Верховский прислал мне оскорбительное письмо, и я вызываю его на третейский суд» [274: 245].

В тот же день Толстой отправил Верховскому весьма лапидарное послание:

Таврическая, 147⁴. 8. II. <19>11

Милостивый Государи!

Вызываю Вас на третейский суд.

гр. А. Н. Толстой

(ГМИ СПб).

³ Как явствует из этого письма, сложившаяся ситуация обнаружила подводные течения в отношениях между литераторами данного круга. Воспоминания С. И. Дымшиц-Толстой свидетельствуют, что в отношениях Толстого с Сологубом уже была определенная двойственность, исключавшая искреннее доброжелательство: «Алексея Николаевича <...> в доме Сологуба забавляла и вместе с тем немного раздражала хозяйка, окружавшая смешным и бестактным культом почитания своего супруга» [137: 79].

⁴ Обозначенный в письме адрес не соответствует подлинному адресу Толстого на тот момент: в начале 1911 г. он жил в доме № 147 по Невскому проспекту. Описку можно объяснить одновременностью составления писем к Верховскому и Вяч. Иванову, проживавшему на Таврической улице.

В ответе Верховского, принявшего вызов, тем не менее прозвучало и некоторое недоумение:

9. II. <1>911

Мил<остивый> Государь,

Письмо Ваше получил. Если Вы действительно находите, что есть повод к третейскому разбирательству между нами, то потрудитесь сообщить, в чем он заключается, Вашим доверителям, которые пусть ко мне и обратятся.

Юрий Верховский

(ГМИ СПб)⁵.

14 февраля Ю. Верховский попросил А. Блока и Е. Аничкова быть посредниками в предстоящем третейском суде. В тот же день Блок сообщил матери: «Пришел Верховский приглашать меня участвовать в третейском суде. <...> Мы будем разбирать только часть – инцидент с ни в чем не повинным Верховским». Упоминая о конфликте, поэт пояснял: «Это очень давняя и грязная история, в нее замешаны многие писатели (секрет!)» [116(8): 329]. Поведение Толстого обнаружило столь ненавистное поэту поверхностное отношение к жизни – тревожный симптом подрыва нравственной основы, необходимой художнику. Осуждение известного легкомыслия Блок выскажет и в дневниковой записи два года спустя, когда ему доведется прочесть комедию А. Толстого «Насильники»:

Все испорчено хулиганством, незрелым отношением к жизни, отсутствием художественной меры. По-видимому, теперь его <Толстого> отравляет Чулков: надсмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения: много в Толстом и крови, и жиру, и похоти, и дворянства, и таланта. Но, пока он будет думать, что жизнь и искусство состоят из «трюков» (как нашептывает Чулков, – это, впрочем, мое предположение только), – будет он бесплодной смоковницей. <...> К сожалению, часто бывает так, что нарушение всего, само по себе позволительное, влечет за собой и нарушение одного – той заповеди, без исполнения которой жизнь и творчество расплывются [116(7): 221].

⁵ О переговорах Ю. Верховского с посредниками А. Толстого – Г. Чулковым и А. Яценко – свидетельствуют сохранившиеся черновики писем Верховского из того же фонда: «10. II. <1>911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Мне очень жаль, что Вы и профессор Яценко не застали меня. М<ожет> б<ыть>, Вы бы заехали ко мне сегодня же: я вечером дома. Завтра я рассчитываю быть дома после четырех часов – и до вечера. Буду Вас ожидать. Преданный Вам Юрий Верховский. P. S. К сожалению, не удалось за поздним временем отправить письмо с посыльным и приходится отложить наше свидание до завтра»; «12. II. <1>911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Завтра я жду Вас и профессора Яценка в назначенное Вами время – в 3 ч. дня. Пред<анный> Вам Юрий Верховский»; «13. II. <1>911. Многоуважаемый Георгий Иванович. Спешу известить Вас, что на рассмотрение посредниками, а не третейским судом, что выяснилось сегодня из разговора с проф<ессором> Яценком и Вами, дела, возникшего между гр. А. Н. Толстым и мною, я согласен и посредниками с своей стороны пригласил Евгения Васильевича Аничкова и Александра Александровича Блока, к к<о>т<о>рым и прошу обратиться посредников графа А. Н. Толстого. Преданный Вам Юрий Верховский» (ГМИ СПб).

Формально третейский суд собрался 15 февраля 1911 года по поводу конфликта Толстого с Верховским, и оскорбленное достоинство А. Толстого было здесь удовлетворено. Но, принимая во внимание, что он – всего лишь следствие первопричины, потянувшей за собой целую цепь инцидентов, суд чести принял необходимые меры по восстановлению психологического климата в отношениях А. Ремизова и Ф. Сологуба с А. Толстым. В результате затея Толстого с третейским судом над «ни в чем не повинным» (по словам Блока) Ю. Верховским обернулась против самого истца. По решению суда и, очевидно, сознавая шаткость своего положения, Толстой в письменной форме принес свои «полные извинения» Сологубу и Ремизову. Вот его письмо к Сологубу с припиской группы посредников:

Милостивый Государь,

Федор Кузьмич, осуждая свой образ действий, приношу Вам, вместе с заявлением моей готовности дать Вам дальнейшее удовлетворение, мои полные извинения, поскольку Вы справедливо можете признать себя оскорбленным в лице Анастасии Николаевны, и покорнейше прошу Вас передать таковые же извинения самой Анастасии Николаевне.

Примите уверение в моем совершенном почтении.

Гр. Алексей Н. Толстой.

15. II. <1>911.

Слова «поскольку Вы справедливо можете признать себя оскорбленным»... значат, по мысли графа А. Н. Толстого: «так как Вы справедливо можете признавать себя оскорбленным», – в чем свидетельствуем подписью, в силу данных нам графом А. Н. Толстым полномочий,

Вячеслав Иванов

А. С. Яценко

Георгий Чулков

Евгений Аничков

Александр Блок

15 февраля 1911

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 682. Л. 5–6).

Вяч. Иванов, избранный «супер-арбитром» суда чести между Толстым, с одной стороны, и Верховским, Ремизовым и Сологубом – с другой, в своих письмах к Ремизову, содержащих обстоятельные отчеты о подготовке и проведении этого разбирательства, также видел его смысл в «оздоровлении литературной атмосферы». 17 февраля он сообщил Ремизову о результатах судебного разбирательства:

По отношению к Вам, глубокоуважаемый Алексей Михайлович, суд выслушал следующее заявление А. Н. Толстого, каковое и признал удовлетворяющим нравственные требования, обуславливавшие при посредстве суда этической репутации А. Н. Толстого. А именно А. Н. Толстой свидетельствует, во-первых, свое совершенное убеждение в неприкосновенности Вашей к тому поступку, подозрение в котором было по вине А. Н. Толстого на Вас брошено, – причем настаивает на том, что само подозрение, выразившееся в форме случайно брошенного и несерьезного предположения, важности которого он не измерил, и которому отнюдь не придавал смысл обвинения, а лишь небрежной и полшутливой попытки объяснить факт, который представлялся ему лишенным всякого значения, – что само подозрение это, <кое> возникло по легкомыслию и опрометчивости, было лишь

подозрением в недостаточно осторожном обращении с вверенными, уже испорченными вещами, а не в их умышленной порче или самочинном искажении; в настоящее же время он, А. Н. Толстой, глубоко сожалеет о своей опрометчивости и убежден в своем заблуждении относительно Вашего участия в этом поступке товарищеской компании. Во-вторых, он искренне желает и перед судом обязуется принести Вам извинения за все, между Вами происшедшее, если Вы со своей стороны не заподозреваете вообще и изначально <но> его внутреннее достоинство как человека порядочного. Ибо разговор с Вами в силу некоторых Ваших слов оставил в нем по этому пункту недоумение [85: 98].

Витиеватый отчет «супер-арбитра» и, более всего, двусмысленность извинений Толстого в изложении Иванова вызвали у Ремизова вполне понятное раздражение: на полях письма он припишет красными чернилами – напротив слов об «этом поступке»: «Будто бы взял обезьяний хвост (обрезал)». А над вырезанными из «Сатирикона» шаржированными портретами Толстого и Сологуба выведет: «Судное дело о обезьяньем хвосте» (РНБ. Ф. 634. № 217. Л. 29). И в своем ответном письме Иванову Ремизов не станет скрывать неудовольствия: «Бог с ними, с извинениями, не надо мне никаких формальностей, не верю я в это, пускай помнит мои напутствия и о себе подумает и себя самого без суда всякого судит» [85: 99]. Спустя сутки, судя по всему, ознакомившись с этим ответом, Толстой принесет Ремизову свои извинения:

18. II. <19>11

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,
я рад возможности, после выяснения третейским судом известного Вам инцидента, в разбирательстве которого я не преминул опровергнуть Ваше в нем участие, по моей ошибке приписанное Вам, и после Вашего письма к Вячеславу Ивановичу, из которого я вижу, что Вы не затрагивали чисто нравственных моих отношений к вещам в разговоре между нами происшедшем, принести Вам искренние извинения за мои сгоряча сказанные слова, которые совсем не соответствовали моему уважению к Вам. Я хочу надеяться, что заявления в этом письме и на суде загладят последствия неосторожного произнесения мной Вашего имени, по ошибке связанного с этим инцидентом, о чем чистосердечно сожалею и извиняюсь.

Примите еще раз уверения в моем глубоком уважении.

Гр. Алексей Н. Толстой

(РНБ. Ф. 634. № 217. Л. 3).

Быть может, Н. Оцуп несколько преувеличивал, когда писал, что Сологуб выжил Толстого из Петербурга, но разгневанный писатель был непримирим. Об этом свидетельствует дневник А. Толстого, в котором маскарадный сюжет 1911 года отразился в шутовском стихотворении, написанном в апреле того же года, когда Толстой был на Кавказе и собирался продолжить свое путешествие в Крым:

ОТЪЕЗД В ФЕОДОСИЮ
(конец апреля)

Я потек струей соленой,
Став на баке корабля,

Мелким бесом истомленный,
В Киммерийские поля.
Мне не надо обаяний,
Для меня пусть вечен пост.
И на мачте обезьяний,
Словно знамя, вился хвост
[351: 279].

И хотя публикатор дневника Толстого А. И. Хайлов объясняет путешествия писателя его природной любознательностью, нет сомнений, что стихотворение содержит вполне конкретную мотивацию возникшей тогда «охоты к перемене мест». Если принять во внимание события зимы 1911 года, то становится очевидным, что слова «Мелким бесом истомленный» следует относить вовсе не к названию романа «Мелкий бес» и его героям, как указывается в комментарии [351: 324], а непосредственно к его автору – Ф. Сологубу. В свою очередь, обезьяний хвост – не отвлеченная метафора, соотнесенная публикатором с Обезвельволпалом Ремизова, а конкретный хвост, отрезанный от маскарадной шкуры.

БЫТОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ КАК ФАКТ ЛИТЕРАТУРЫ

Известно, что в литературных произведениях Ремизова присутствуют эпизоды его личной жизни. Более того, именно автобиографические «сюжеты» являются лейтмотивами ремизовской прозы, поэтому следы «дела о обезьяньем хвосте» рано или поздно должны были возникнуть и в произведениях писателя.

Поначалу сюжет на шумевшей истории бытовал в форме устного рассказа, вернее, сплетни, тем более что в литературных кругах Петербурга Ремизов имел репутацию отъявленного «сплетника», сочинявшего и публиковавшего свои невероятные сны о реальных людях. В. Пяст вспоминал, что «он <Ремизов> любил распространять слухи <...> о каких-нибудь, действительных или мнимых, ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего „лисьего хвоста“ и т. д. и т. п. без конца» [293: 36]. Воспроизводимая мемуаристом подмена обезьяньего хвоста на лисий еще более увеличивает дистанцию между действующим лицом – любителем «распространять слухи» – и рассказчиком, также распространяющим свой слух об этой истории.

Посредством отстранения Ремизов – действительный участник известного события – становится литературным героем не только многочисленных чужих мемуаров, но и своих собственных произведений. И чем больше проходило времени, тем быстрее реальное происшествие теряло свою конкретность и попадало под абсолютную власть художественного вымысла. Писатель обрисовывал мотив, взятый из жизни, на самой границе реальности и фантазии – в области, из которой берут начало все ремизовские сны, скрепляющие воедино настоящее и фантастическое. Таковы, например, два сна из лирико-документальной книги Ремизова «Взвихренная Русь». В первом – мотив «обрезанного хвоста» и подразумевающегося под этим проступка совершенно отвлечен от конкретного случая: «С. Я. Осипов в матросском, а поверх золотая венгерка с красными шнурами, а сзади торчит препорядочный хвост, должно быть от барсука отрезан» [44: 110].

Во втором сне, где Ремизов наблюдает со стороны за почти лишенным какого-либо смысла разговором Горького и Гржебина, реалии скандальной истории проступают достаточно отчетливо:

Входит А. М. Горький, а за ним Э. И. Гржебин.

Гржебин в ночном колпаке с аистами.

«Это мне из Германии Вейс привез!» – и прихоращивается. «Педагогическое средство, – говорит Горький, – только немцы такое и могли сочинить».

«А я Алексею Толстому подарил московский колпак вязаный, безо всего, жалованный колпак».

Обедать надо, а на столе одни обезьяньи хвосты.

«Доктору Владыкину Менелик, негус абиссинский, подарил, – вспоминаю, – Толстого еще судили за это!»

«А зачем хвост обрезал?!» – говорит Горький.

«Это не Толстой, это все Копельман!» – Гржебин закусил от хвоста кончик, и как над спаржей трудится, а хвост крепкий, не поддается [44: 149].

В снах из «Взвихренной Руси» Ремизов демонстрирует свой излюбленный прием: использование фактического материала как наиболее благоприятной почвы для создания мифа, легенды или – на сниженном уровне – литературного слуха, сплетни. Механизм сплетни основывается на эффекте достоверности, достигаемом благодаря пропорционально соразмерной диффузии действительности и вымысла. Залогом исходной правдивости чаще всего становится конкретное имя. Характерно, что через сон, напрямую связанный с «судным делом о обезьяньем хвосте», Ремизов не стремится ответить на вопрос, кто истинный виновник происшествия; его словно вовсе и не беспокоит конечное торжество справедливости. Вместо этого он подчеркнуто ориентируется на слух и молву. Сон как будто фиксирует окончательную форму сплетни, от которой в конце концов остается лишь «звон», смутное воспоминание, удерживающееся только на реальных именах.

Признаком правдивого изложения можно считать упоминание достоверного имени – доктора Владыкина⁶, которое косвенно соотносится с неким врачом, упомянутым в рассказе Н. Оцуца (тем более что он не был непосредственным свидетелем событий 1911 года и воспроизвел вариант истории, имевший хождение среди петербургских литераторов). Появление же во сне абиссинского негуса Менелика (1844–1913), должно быть, определяется, во-первых, ассоциативной связью с московским слухом о Гумилеве, якобы привезшем из Абиссинии шкуры обезьян для Мережковских, а во-вторых, реальным фактом поездок Гумилева в Африку в 1913 году, из которых он доставил экзотические материалы для своей коллекции и по заказу Академии наук. Вполне допустимо, что сон из «Взвихренной Руси» был

⁶ Справочник «Весь Петербург» приводит информацию о двух врачах Владыкиных: ассистенте императорского повивально-гинекологического института – Александре Львовиче и о докторе из амбулатории Общины св. Евгении – Борисе Васильевиче; Р. Д. Тименчик указывает на Б. В. Владыкина [293: 397]. Причастность одного из них к литературной богеме подтверждается строками из письма Н. А. Андреева к Ремизову от 3 декабря 1910 г.: «Было это на вечере у Владыкиных (где хозяин ждал и Вас)» (РНБ. Ф. 634. № 42. Л. 8об.). В письме среди гостей упоминаются также Сологуб и Розанов.

так или иначе инспирирован московскими версиями маскарадной истории 1911 года. Единственным достоверным «персонажем» является А. Толстой – действительный участник реальных событий; остальные герои, при абсолютной подлинности их существования, сыграли роль фантомов пуганого сновидения.

Интересно сопоставить приведенное описание сна с версией истории о последствиях маскарада у А. Н. Чеботаревской, сохранившейся в воспоминаниях А. Я. Брюсова [168: 227]. Прежде всего отметим необычайный резонанс, который получил этот эпизод не только в петербургских литературных кругах, но и в Москве. Пересказ московской интерпретации данного происшествия в записях А. Брюсова сопровождается легким недоверием мемуариста. И в самом деле, изложение, явно основанное на слухах, вызывает сомнение, тем более что в нем приблизительно верно воспроизведенная фабула разыгрывается иными действующими лицами, нежели это было в действительности. Так, чета Сологубов подменена Мережковскими, а Верховский – поэтом А. С. Рославлевым. Неизменными в этой версии остались лишь роли Ремизова и Вяч. Иванова; зато злополучная маскарадная шкура представлена охотничьей добычей Гумилева из лесов Абиссинии.

Мотив «хвоста» появляется и в последней петербургской повести Ремизова «Канавы» («Плачущая канава»), создававшейся с 1914-го по 1918 год. Многие герои наделены чертами характера и приметами автобиографии писателя. Антон Петрович Будылин по-ремизовски воспринимает реальность как сновидение и имеет своеобразное представление о человеческом счастье:

Самым ненавистным было для него всякое принуждение <...> отпусти ему Бог хвост и обеспечь покойную жизнь, да он, поверите ли, сумел бы обернуться, примостившись где поудобнее, и тихо и смирно помахивал бы он хвостом день и ночь [68: 422].

Автор проводит нечто вроде психологического эксперимента над своим героем, заставляя его совершить проступок, в известной степени напоминающий тот, в котором писатель был обвинен в январе 1911 года. Будылин неожиданно для себя самого крадет с прилавка магазина маленькую фарфоровую собачку. Внешне такой поступок ничтожен, даже смешон и нравственно достоин порицания. Чрезвычайно важно, как Ремизов описывает душевные рефлексии героя после содеянного:

Вот он, Антон Петрович Будылин, помощник инспектора – мыслитель – преемник Шопенгауэра, стянул какую-то фарфоровую собачонку, которой и цена-то грош. <...> И то была правда, что застыдился он, только совсем не того, что сделал недозволенное и осуждаемое <...>. Если бы был он уверен в безнаказанности, он и не такое бы еще сделал. И кажется, не было греха, который не совершил бы он просто из озорства и любопытства <...> И застыдился он только оттого, что представил себя уличенным [68: 407–408].

Словно специально воспроизводя здесь ситуацию «дела о обезьяньем хвосте», писатель представляет подобное обвинение справедливым и – буквально погружается в темные глубины человеческой психики. Недаром тот же Будылин, возмущаясь бездушным озорством одного фабричного, вдруг со страхом вспоминает о фарфоровой собачке и задумывается, потрясенный

таким неожиданным сопоставлением: «Самое лучшее, конечно, не иметь дела с людьми. Но как это осуществить, когда от людей и можно спрятаться, разве что в могиле. „И от самого себя!“ – что-то подало голос из самого сердца» [68: 426]. Быть может, это были самые горькие исповедальные слова Ремизова, который будто повинился за многие проказы в своем прощальном слове Петербургу.

В эмиграции, когда чувство щемящего, «всеобъемлющего» стыда и за то, что было, и за то, чего не было, немного притупится, Ремизов иначе оценит и свои проделки: «Петербургскую жизнь вспоминаю с содроганием. Ложь, игра и хвастовство – затягивающий круг, и, чтобы не пропасть в нем, много было истрачено сил. Одно из средств защиты для меня было озорство» [416: 315]. Вероятно, третейский суд 1911 года в значительной степени повлиял и на ремизовскую градацию шуточных поступков, различающую озорство безобидное и озорство оскорбительное, разъединяющее людей. Именно как озорство, затемняющее человеческие отношения, было расценено Ремизовым поведение А. Толстого, который оказался способным на оговор в смешной, но имевшей вовсе не веселые последствия проказе.

Для повести «Плачущая канава» характерен художественный прием вмешательства авторского голоса в рассуждения героев. Так, Маша Тимофеева, столкнувшаяся в жизни с легкомыслием, назовет это человеческое свойство «гибельным пороком». И тут же авторский голос подхватит эту мысль с таким убеждением, с каким говорят, только имея печальный личный опыт:

Можно бороться и карать вероломство, можно клеймить всякую подлость человеческую, но с бездумьем что вы поделаете? Самое на вид безобидное, а внутренне страшнее всякого страха <...>.

«А я этого и не знал!»

«А я и не подумал!»

«Вот не думал, что так выйдет!»

Негодяй, да ты думай наперед, а потом делай, а не наоборот, нагадишь, а когда потычут, и схватишься! [68: 451].

Не раз, возвращаясь к событиям 1911 года, Ремизов пытался вновь и вновь осмыслить нравственную сторону истории, ставшей литературным анекдотом. Забавный эпизод послужил материалом для развития одной из основных тем творчества писателя, впервые прозвучавшей в повести «Крестовые сестры». В 1931 году Ремизов, вспоминая петербургскую жизнь, напишет:

...в мае 1920 <...> я читал главу из моей «Плачущей канавы», где вновь, после «Крестовых сестер», через десять лет, я спросил себя: «что есть человек человеку?» И ответил: «Человек человеку бревно... нет, человек человеку подлец». И еще спросил себя, вдруг вспомнив все-то до последних дней моей жизни и оглянув жизнь в эти наши жгучие бедовые годы, и ответил: «Человек человеку дух утешитель» [62: 86].

К середине 1920-х годов в литературно-художественном окружении писателя, особенно среди эмигрантов, Обезвельволпал уже воспринимался как значимое художественное явление и как союз, объединяющий разноплановых творческих людей. Описанием истории, хроники и материалов Обезьяньей Палаты занимались близкие друзья писателя. Одним из таких подвижников был обезьяний кавалер, художник Н. В. Зарецкий, который к юбилею Обезьяньей Палаты (в 1928 году исполнялось 20 лет со дня ее «официального» образования) написал статью для берлинской газеты «Die Literarische Welt» (на немецкий язык ее перевела художница О. А. Бродская), о чем сообщил Ремизову в письме от 30 июля 1928 года. Каково же было удивление автора, когда вместо своей статьи в номере от 28 сентября он нашел «сочинение» под заголовком «Eine seltsame Dichterloge. Zwanzig Jahre Affenkammer» («Необыкновенная писательская ложа. 20 лет Обезьяньей Палате») с подписью «Essed-Bey»⁷ [408]. Центральным сюжетом этой статьи оказалась «маскарадная история» 1911 года.

К этому времени «происшествие с хвостом», пересказываемое на все лады, попавшее в воспоминания современников и неоднократно упоминаемое в их переписке, освободившись из-под контроля своих непосредственных героев, в соответствии со стихийными законами народной молвы трансформировалось в литературный анекдот. Парадоксальным образом история периодически возобновлялась и проигрывалась по однотипному сценарию: скандальное недоразумение – переписка с выяснением отношений – третейский суд. Новый виток событий начался в январе 1928 года, когда ленинградская «Звезда» опубликовала мемуарный очерк Г. Чулкова «Федор Сологуб». Описывая конфликт, разыгравшийся из-за маскарадного костюма Ремизова, Чулков не упоминал имен участников скандала, но дал им узнаваемые характеристики. Эмигрантская печать не обошла вниманием появление этих мемуаров. В парижской газете «Возрождение» (1928. 3 мая, № 1066. С. 3) была напечатана статья Н. Н. Берберовой «Георгий Чулков о Сологубе», подписанная псевдонимом «Ивелич». В сущности, она дословно пересказывала отдельные, весьма тенденциозно выбранные фрагменты текста Чулкова. Здесь отмечалось, что не все герои маскарадного эксцесса в очерке «поименованы полностью». Поэтому автор в меру собственной деликатности, исправляя это упущение, обозначил действующих лиц начальными буквами их подлинных фамилий. Однако, в отличие от прочих, заглавная буква фамилии Ремизова была дополнена падежным окончанием.

Почти дословно следуя за повествованием Чулкова, Берберова позволила себе смелые объективации, на которые не решился мемуарист. Например, Чулков не утверждал, что именно Ремизов отрезал злополучный хвост, а лишь констатировал свершившийся факт. Берберова-Ивелич в своей статье без лишних оговорок вносила определенность:

⁷ Essed-Bey (Эссад-Бей) входил в организованный М. Горлиным берлинский «Клуб Поэтов» (1928–1933). В воспоминаниях Е. Каннак – одной из участниц этого кружка – он характеризуется как «плодовитый, но не слишком серьезный историк», писавший в основном по-немецки [308: 364–365].

...писатель Р., склонный к чудачествам, объявил, что ему необходима для маскарадного костюма обезьянья шкура. Анастасия Николаевна с большим трудом достала у кого-то желанный предмет и дала его Р-ву, предупредив, что надо обращаться с величайшей осторожностью. Писатель Р. тотчас оторвал от шкуры хвост, нацепил его и явился на маскарад. Анастасия Николаевна пришла в ужас. Некую даму обвинили в том, что Р. отрезал хвост по ее наущению. За даму вступился ее муж, писатель Т. Писатель Р. вышел сух из воды, но между Т. и Сологубом отношения долго оставались натянутыми.

Мемуары Чулкова и появившиеся на них рецензии совпали по времени с подготовкой юбилея ремизовской Обезьяньей Палаты; это обстоятельство вновь всколыхнуло воспоминания о маскарадной шутке 1911 года. Апофеозом литературных метаморфоз происшествия стала скандальная статья Essed-Bey'я, где не только полностью раскрывались имена участников конфликта, но и прямо назывался виновник этого «тяжкого преступления» прошлых лет:

Писатель Сологуб был обладателем очень дорогой обезьяньей шкуры, которая тщательно хранилась в его квартире. Однажды А. Толстой пришел к нему и попросил одолжить ему обезьянью шкуру, т<ак> к<ак> он хочет появиться на маскараде в виде обезьяны. Но когда на следующий день он вернул ее, обнаружилось, что от шкуры был отрезан хвост. «Куда вы подевали хвост?» – спросил Сологуб. «Я не знаю, куда он подевался».

На этом бы история и закончилась, если бы Ремизов, который при этом присутствовал, не вмешался в разговор. «Это неслыханно, испортить такую дорогую обезьянью шкуру. Стыдитесь» – с такими словами обратился он к Толстому. «Вы думаете, мне нужен ваш обезьяний хвост?» – закричал Толстой в гневе.

Ремизов до тех пор сглаживал обоих, пока Сологуб и Толстой, в общем-то старые друзья, не расстались врагами. Целый день пробыл Ремизов у Сологуба и толковал о недостойном поведении Толстого, пока госпожа Сологуб не заявила, что она теперь вообще Толстого в дом не пустит.

На следующий день Ремизов явился к Толстому. «Это даже смешно, – сказал он, – что такой писатель, как Сологуб, отказывает Вам от дома из-за какого-то паршивого хвоста. Этого я от него не ожидал, дело и гроша ломаного не стоит, я бы это так не оставил». Он снова говорил до тех пор, пока Толстой не заявил, что Сологуб – дурак.

После этого Ремизов навестил всех петербургских литераторов и каждому рассказывал всякие небылицы об обезьяньем хвосте. Вскоре вся русская литература разбилась на два враждебных лагеря, на тех, кто за хвост, и тех, кто – «против хвоста». Один критик, друг Толстого, заявил, в своем журнале, что Сологуб – обидчивый обыватель. Другой критик, друг Сологуба, писал, что Толстой – нецивилизованный варвар, о чем явно свидетельствуют его произведения.

Когда литературный спор достиг апогея, Ремизов ходил из дома в дом и всюду причитал: «Это просто ужасно... Русские писатели, украшение нации, бранятся из-за какого-то обезьяньего хвоста!» Вскоре после этого выяснилось, что Ремизов, по непонятным тайным причинам, сам отрезал хвост на том маскараде. Когда его уличили, он сказал: «Мне нужен был новый хвост для подписей в Обезьяньей Палате». И ему удалось, правда с большим трудом, снова помирить оба враждующих лагеря русской литературы [408].

Достоинство как Ремизова, так и Зарецкого, конечно же, было задето и самим фактом появления подобной статьи, более напоминавшей хармсовские «Анекдоты», нежели юбилейный панегирик. Однако, если отвлечься от личных интересов и вопросов чести участников «истории с хвостом», можно заметить, что сюжет со временем приобрел черты литературного апокрифа. Описание обстоятельств скандальной публикации и ее последствий находим в письме Зарецкого к Ремизову от 16 ноября 1928 года:

Как Вам известно, я писал статьи к 20-летнему юбилею Обезвельволпала. Некий Ассад-Бей, сотрудник Liter<arisch> Welt <...> обещал свои действия для помещения этой статьи. О. А. Бродская (у них в доме я познакомился с этим господином) перевела статью. Уезжая в отпуск, она препоручила мой графический материал доставить <...> Ассад-Бею. Все было выполнено точно.

Спустя некоторое время случайно захожу в редакцию Liter<arisch> Welt. Мне дают №, вижу репродукции грамот <...> ищу свою фамилию, не нахожу и вижу «Ассад-Бей». За неграмотностью ничего не понимаю. Влетает нервный редактор и объясняет, что взяты из моей статьи две цитаты, что статья эта написана Ассад-Беем. <...> ...сейчас же позвонил своему адвокату <...>.

Адвокат написал в редакцию, и редактор предложил для ликвидации еще 15 МЛ <...> ...Liter<arisch> Welt прислали мне 10 МЛ. Посоветовавшись с Ольгой Александровной, мы решили принять эти условия, а Ассад-Бей <послать?> к черту. Гонорар поделили Б<родская> О. А. – 15 МЛ и мне – 10.

Но Ассад-Бей подал на меня в суд чести, который организовали при местном Клубе русских поэтов. Дело разбиралось в течение пяти часов, и суд вынес постановление, что Ассад-Бей совершил «по легкомыслию некорректный поступок» в отношении меня. Он остался решением суда недоволен и заявил, что подает на меня в Коронный суд. Во время действия суда обе сестры Бродские заявили публично Ассад-Бею, что его поступок есть не что иное, как залезание в чужой карман.

Во время моих объяснений я сообщил суду, что помимо поступка в отношении меня Мист<ер> Ассад-Бей поступил крайне некорректно в отношении писателя А. М. Ремизова, расшифровав в своей статье имена Толстого и Ремизова, которые Георгий Чулков, советский писатель, по чувству деликатности поместил *под начальными буквами фамилий*. На это он возразил, что статьи Г. Чулкова он не читал, а слышал этот рассказ на вечере, посвященном памяти Ф. Сологуба, где Сергей Кречетов назвал фамилии писателей полностью. Верно ли это, я не знаю, т<ак> к<ак> на этом вечере не был. Представитель Ассад-Бей, некий Кумминг, заявил, что мое заявление не относится к делу и что г. Ремизов может и сам заявить протест, если сочтет это нужным... (А м х е р с т).

Ремизов не стал заявлять протест. Единственную известную нам реакцию писателя на статью в «Die Literarische Welt» находим в его ответном письме к Зарецкому от 23 ноября 1928 года:

Как это все ужасно, что так вышло. Из самого невиннейшего и безобидного столько огорчений и хлопот и безобразия.

Между прочим, имена {А. Толстого и мое} печатно раскрыло «Возрождение» в рецензии на книгу Чулкова. Я не опровергал. I) мне очень трудно было бы поместить письмо II) не стоит.

Для Вашего архива: Вы знаете, говорю вам по всей правде: того знаменитого хвоста Я не отрезал. И если бы кто-нибудь вдумался в мое отношение к вещам, тот понял бы, как это не ладит<ся> со мной: отрезать хвост! Вещи для меня живое (П р а г а).

Казалось бы, бесконечная череда превращений ремизовской маскарадной шутки в самых немыслимых интерпретациях на этом должна была завершиться. Тем не менее в 1930 году в Москве вышла книга Чулкова «Годы странствий», включавшая и уже известный очерк о Сологубе. Вероятно, именно этот факт послужил поводом для письма С. П. Ремизовой-Довгелло к Н. Зарецкому от 20 декабря 1930 года, в котором она вновь возвратилась к этой поистине «бессмертной» истории с обезьяньим хвостом:

Дорогой Николай Васильевич, я давно собираюсь Вам написать – изложить все в точности о «хвосте», и, наконец, собралась.

Я обладаю исключительной памятью и вижу, как люди в своих воспоминаниях многое путают и перевирают, иногда от отсутствия настоящей памяти, а иногда, вероятно, и со зла. Так вот с ручательством за точность: о Сологубе (он и его жена) пригласили нас на маскарад: мы сначала не хотели ехать – редко вообще бывали на людях, но потом А. Н. Толстой, придя к нам, стал нас уговаривать ехать вместе, целой компанией, захватить за ними в часов 11 вечера, оттуда и ехать. Мы согласились, но не хотели маскироваться и в своем собственном виде заехали к Толст<ым>.

Там застали много народу, приготавлиющихся к маскараду, гримирующихся. Стали говорить, что и мы должны быть в масках. Я надела домино и взяла маску, а Ал<ексей> Мих<айлович> маски так и не надел. Проходя по гостиной, в которой валялись всякие костюмы и материи и т. д. для маскирующихся, он увидел лежащий на диване хвост вроде обезьяньего, он спросил у Софьи Исааковны (тогдашняя жена Толстого), можно ли ему взять этот хвост и прицепить к себе, чтобы было вроде костюмов. Она сказала: берите. Так и поехали все вместе на нескольких извозчиках, все в масках, кроме А. М., у него только хвост.

Потом, через несколько дней, Ал<ексей> Мих<айлович> получил письмо от А. Н. Чеботаревской <...>, письмо очень резкое, она спрашивает у А. М., как он мог оторвать хвост. А. М. ответил ей, что хвоста он не отрывал, а нашел его у Толстого в ружьяди, предназначенной для маскировки, и прицепил к себе с разрешения С. И.

Дальше о суде я не могу подробно изложить, потому что там не была, но о суде имеются точные документы в Публичной библиотеке в Петербурге, документы в виде писем В. И. Иванова, Сологуба и т. д. Толстой должен был извиниться перед Сологубами. А хвост и вообще разные меха и шкуры, бывшие <в> тот вечер у Толстых, принадлежали доктору Владыкину <...>, который их дал Чеботаревской, а та Толстым (П р а г а).

И тем не менее последнее слово в этой истории осталось за Ремизовым. В 1940-х годах в автобиографической книге «Мышкина дудочка» он написал:

...у всех был в памяти «оборванный обезьяний хвост» из звериного собрания абиссинского доктора Владыкина – ценнейший дар Негуса. (Все, кто писал о том времени, конечно, единогласно обвиняют меня – и мне бы теперь ничего не стоило сказать «да, виноват», но говорю чистосердечно, в хвосте неповинен, а кто у доктора оборвал хвост, не знаю.) [57: 45].

ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ: ПОРЯДОК И ПРАВИЛА

В

1917–1921 годах Обезьянья Великая и Вольная Палата определилась как антитеза политической действительности и в этом смысле, конечно, являлась утопией – невозможным в мире очевидного. Игра – всегда условность, балансирующая между правильным, завершено-скучным идеалом и обыденной реальностью. По аналогии с другими играми, создающими собственный изолированный мир, творческий процесс в Обезьяньей Палате был направлен прежде всего на установление строгих правил, утверждавших общую идею игры, на распределение ролей и принципы взаимодействия участников: «Внутри игрового пространства царит собственный, безусловный (volstrekt) порядок. <...> В несовершенном мире и сумбурной жизни она создает временное, ограниченное совершенство. Порядок, устанавливаемый игрой, имеет непреложный характер. Малейшее отклонение от него расстраивает игру, лишает ее собственного характера и обесценивает». Всякая игровая ситуация предполагает „элемент напряжения“, который наполняет игровую деятельность этическим содержанием, проверяя духовные силы играющего» [368: 21].

В течение нескольких лет появились основные законодательные документы Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, существенно пополнился список обезьяньих князей и кавалеров; «обезьяньи» тексты явились реакцией писателя на конкретные события и представляли собой художественное изложение идеологии и этических идеалов Палаты, которые намеренно противопоставлялись сумбуру и беззаконию революционной действительности. На фоне уродливых проявлений большевистского режима Обезьяний Орден, вопреки людскому противоборству и разъединению, провозгласил своим идеалом мир гармоничных человеческих взаимоотношений, исходным и итоговым смыслом которого должны были утвердиться принципы взаимоуважения, доброжелательства, абсолютной свободы без обязанностей и полной анархии, основанной на порядке и осознанных ограничениях.

Образ обезьяны у Ремизова принципиально амбивалентен и в большей степени отмечен печатью добра, нежели зла. Особое место среди так называемых «обезьяньих» текстов принадлежит знаменитому «Слову о погибели земли русской» (1917) – единственному в своем роде обнародованному писателем произведению, где эта тема звучит в унисон статьям М. Пришвина, публицистическим произведениям Ф. Сологуба, «Черным тетрадам» или стихотворениям З. Гиппиус революционных лет. Всюду обезьяна предстает воплощением грубой, бессмысленной и разрушительной силы, символом большевизма, революционной толпы, не признающей святынь, лишенной нравственных критериев¹. Разлучаясь навеки с уходящей, умирающей Русью, Ремизов вопрошал:

Где ныне подвиг? где жертва?

Гарь и гик обезьяний. <...>

Обнагленные жадно с обезьяньим гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь – прощальный, поминальный пирог. И рвут, и глотают, и давятся [13].

«Слову о погибели...» предшествует «сочинение» следователя Боброва из повести Ремизова «Пятая язва» (1912) – «Плач над разоренностью земли русской о погибели русского народа», где миру людей (впервые в уничижительном смысле) присваиваются обезьяньи повадки: «хихикающее трусливое общество с своим обезьяньим гоготом» [8: 150]².

«Обезьянья» тема используется в «Слове о погибели...» косвенно – в качестве нелестного сравнения. Куда более откровенным текстом, прямо отождествляющим большевизм с «вонючей торжествующей обезьяной», является недатированный белой автограф Ремизова, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома³. В свое время этот текст так и остался неопубликованным, за ис-

¹ Ср., например, с дневниковой записью З. Гиппиус: «Мы в лапах гориллы, а хозяин ее – мерзавец» [375: 29]. Заметим также, что в христианской традиции обезьяна – это *figura Diaboli* [412: 13–27].

² О внутренней взаимосвязи «Слова о погибели...» и «сочинения» Боброва см. [146: 131–132, 135–136]. Примечательно, что в последней редакции «Слова», вошедшей в состав «Взвиренной Руси», тема «гикающих обезьян» полностью снята.

³ Вариант текста находится в составе Дневника писателя 1917–1921 гг. [69: 512]. Заметим, что дело фонда А. М. Ремизова начинается с записки 1930 г., где из всего архива писателя выделен именно этот документ: «Архив Ремизова. Поступил в Пушкинский Дом. Годы: 1913–1919. I. Произведения. – набросок без названия. На обложке надпись: „от В. Ф. Боцяновского. 26/VI 1925 г.“ Содержание – поношение революционной России: „Вонючая торжествующая обезьяна“ и т. д.». На папке данной единицы хранения и поныне имеется историческая виза, оставленная красным карандашом: «Не выдавать» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 40).

ключением небольшого фрагмента, первоначально вошедшего в рассказ «Голодная песня» (1918) книги «Шумы города» (Ревель: Библиофил, 1921), а затем – под таким же названием – в книгу «Взвихренная Русь». В опубликованный вариант отрывка, кроме нескольких несущественных разночтений с рукописью, автор внес одну принципиальную коррективу: образ обезьяны заменен на «самодовольную и торжествующую» «свиную толпу с пятаками» [44: 250]. Публикуемая ниже рукопись, которую далее мы будем именовать «Вонючая торжествующая обезьяна...», в своем обличительном звучании приближена к «Слову о гибели земли русской» и в силу этой аналогии может быть истолкована как панорамное изображение большевистского террора.

Алексей Ремизов

Вонючая торжествующая обезьяна, питающаяся падалью, реквизируемым сахаром и ананасами, ты напялила на свои подпрыгивающие кривые ноги генеральские штаны, стянутые с растерзанного тобой генерала, на вихрастую голову, прикрывая уши, самодовольно нахлобучила французский красный колпак, присвоила русское крестное имя, русскую человеческую кличку и, обольстив изголодавшуюся горемычную чернь медовым пряником – посулом мира, хлеба, земли и воли, а главное праздностью и беспечальным обезьяньим довольством, с тупым пулеметом и бездушным штыком завладела Русью, родиной моей, покаранной за свое русское «обознался», «здорово живешь» и «наплевать».

Косноязычная, гикающая с набитым семечками ртом, исковеркала ты родную русскую речь «главковерхами» и «викжелями», изъёрнившись, ты могучее «могу» превратила в бессильное (импотентное) «с-могу», объявила изменниками русских людей, для которых твоя обезьянья морда есть обезьянья морда, а не лик Спасителей, как пыжишься представиться перед простецами и недоумками, набрала в свою стаю все отребье, весь грех наш и позор русский, и расправляешься в судах-расправах своих, бросая по тюрьмам на снедь острожным вшам, кого твоя нога хочет, кличешь освободить Европу от империалистических зверств и захватов, а несчастную Русь, захватив, загнала обезьяньей расправой своей к той темной до-ярославовой поре истории нашей, когда предки наши звериным обычаем живяху, запустила лапу свою в оттопыренный карман богача, а заодно и к трудовым копейкам бережливых работников, а теперь обожравшаяся, торжествующая, вымазанная сладостями, калом и кровью, протянула лапу и ко мне – к нам, писателям русским, которых на многомиллионной Руси и ты с своим коротким умом можешь без большого труда пересчитать по узловатым пальцам.

Понимаешь ли ты, самодовольная и торжествующая обезьяна, хоть что-нибудь в моей жизни и в моей воле, можешь ли ты вызвать под своим тупым черепом хоть отдаленные мысли, хоть намек о моем труде? Знаешь ли ты хоть что-нибудь о той боли, какая жжет меня, о той тревоге и муке, в которой проходит моя жизнь наяву и во сне? Снились ли тебе сны мои и играло ли сердце твое от радости, заливавшей душу мою, от той радости, от которой светится весь мир – дышат камни, оживают игрушки, глядят, разговаривают звезды, и разрывалось ли сердце твое от тоски и скорби, которая обугливала всякий блеск и свет? Нет, ты дрыхнешь и тебе ничего не снится, нет, ты не страдаешь, ты только орешь от голода и визжишь от похоти, и нет звезд над тобой. Как же ты, нищая духом, можешь пося-

гать на мою волю и распоряжаться моим трудом, который есть одна живая боль?

И еще скажу тебе, понимаешь ли ты, что я последний нищий, собираю окурки, чтобы набить хоть одну цельную папиросу, всем приятелям и знакомым должный, и никогда не знаю, буду ли завтра обедать или только языком щелкать, и тело мое измождено, душа измучена, кожа с нее содрана – ты не понимаешь? – понимаешь ли ты, что, под видом благоденствия народу, ты запускаешь лапу не в карман мой, который пуст, а лезешь к моей шее, к кресту моему, который тяжелее золота и горячее огня.

Прочь обезьяньи лапы! Ты не смеешь! Мой труд нельзя ни реквизиловать, ни национализировать, как нельзя мысли моей ни повелевать, ни приказывать, – меня можно только убить.

P. S. Весь сыр-бор загорелся из-за Михайловского. При чем Михайловский? Какое тебе дело до Михайловского? Михайловский – русский писатель, обысков не производил, в тюрьмы никого не сажал, говорил о правде – истине и справедливости. Какое тебе дело до правды? Твоя правда – ложь, твоя истина – обман, твоя справедливость – застенок (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 40. Л. 1–2); [70: 140–145].

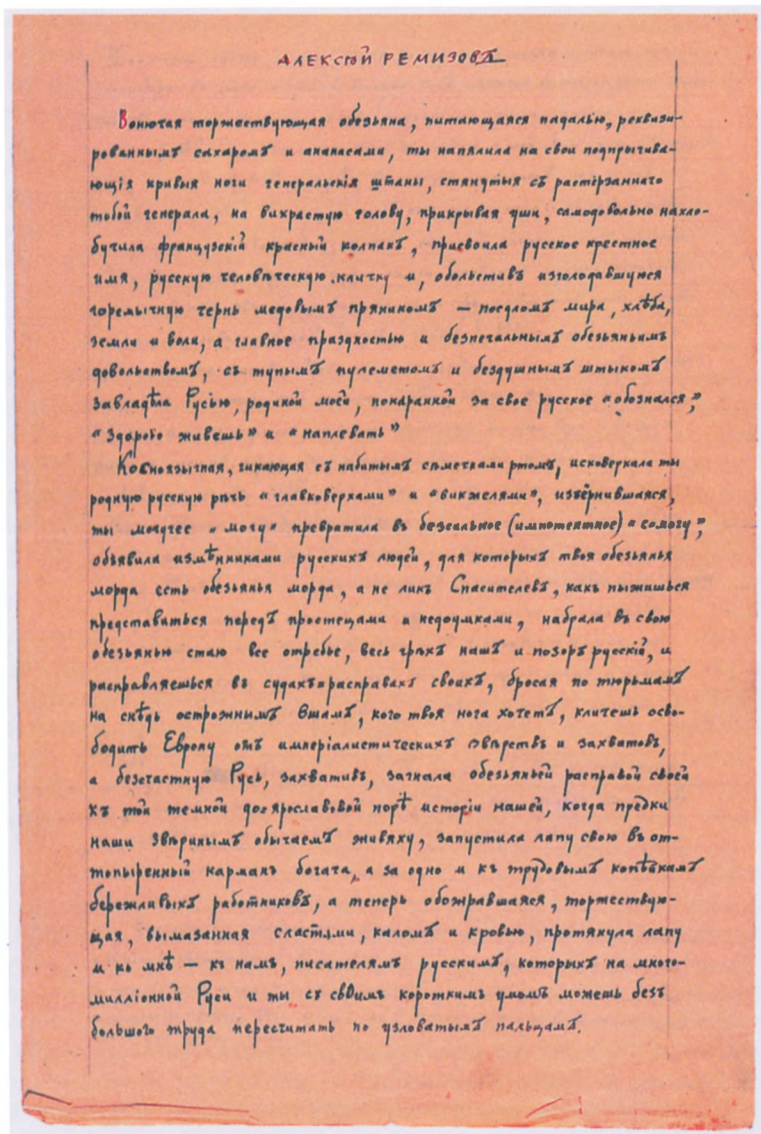
Ближайшим литературным предтечей «Вонючей торжествующей обезьяны...» можно назвать сон М. Е. Салтыкова-Щедрина «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с правдой» из цикла «За рубежом». Использование образа свиньи представляется закономерным продолжением литературной сатирической традиции. В произведении 1920 года «О человеке – Звездах – и о свинье» Ремизов строит повествование на противопоставлении творческой свободы и пошлой ограниченности, воплощением которых, соответственно, выступают человек и свинья:

...о труде художника и ученого надо сказать так: труд их неоплатный. И только свинья могла бы сказать, что труд художника и ученого есть труд легкий и, даже, пожалуй, вовсе никакой труд, а праздное развлечение праздного человека, тунейдца <...>. Какую надо боль и тоску – никогда не поймет свинья харя всю боль и тоску человека, и ей в луже ее стоячей никогда ничего не снилось, и сон не разрывал ей сердце, и с разорванным сердцем она не металась, создавая в этом засвоженном железном мире бессводные волшебные миры [21: 3–4].

Творчество Ремизова, автобиографическое по своей природе, после 1917 года отличается особенной документальностью, нередко представляя собой беллетризованную хронику революции. Такая «летопись» текущих событий, уподобленная «Временнику» Ивана Тимофеева, публиковалась им в журнале «Народоправство», где каждая новелла соотносилась с политической реальностью [12]⁴. Тот же прием распространяется и на текст автографа. Публицистика революционной эпохи позволяет убедиться в том, что почти каждая строка «Вонючей торжествующей обезьяны...» конкретизируется действительными событиями, относящимся к концу 1917 года, когда большевики

⁴ Главы из «Временника», в том числе и «Всеобщее восстание», впоследствии были напечатаны и в берлинском литературном ежемесячнике «Эпопея» (1922. № 1–3), выходявшем под редакцией А. Белого.

последовательно захватывали государственную власть [313: 131–196]⁵. Даже эпитет «торжествующая», примененный к чудовищу дьявольской природы и метафорически обращенный в адрес инициаторов революционного переворота, воспринятого как крушение мира и наступление «последних времен», позволяет увидеть в памфлете несомненную аллюзию на апокалиптический образ торжествующего зла – *Bestia Triumphans*⁶.

А. Ремизов.
Автограф.
Конец 1917 г.
(ИРЛИ)

⁵ Ср. также со словами из «Апокалипсиса нашего времени» В. Розанова, первые два выпуска которого увидели свет в конце 1917 г.: «Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции...» [300: 420].

⁶ Латинское название образа, возникающего в «Откровении святого Иоанна Богослова» (гл. 13).

Структура памфлета напоминает сужающиеся концентрические круги: от фактов, отражающих историческую катастрофу, – к беде личного порядка. По сути дела, перед нами обвинительная речь, описывающая состав преступления и страшные симптомы времени. Поэтому текст можно разделить на «общие места» революционного лихолетья, образующие фон эпохи, и перечисление отдельных фактов, за которыми стоят конкретные политические сюжеты. Перемены в стиле жизни, вызвавшие мгновенную реакцию такого чуткого индикатора, как язык общения, нашли отражение в ремизовском пассаже по поводу родной речи, исковерканной уродливыми словообразованиями нового строя – «викжель» и «главковерх». Аббревиатуры «викжель» (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников) и «главковерх», под которой подразумевалась фигура верховного главнокомандующего, народного комиссара по военным и морским делам Н. В. Крыленко, не сходили со страниц прессы, обозначая ведущие политические темы конца 1917 года. К приметам времени отнесем и фразу об обольщении черни «пряником – посулом мира, хлеба, земли и воли», перекликающуюся с передовицами газет правых эсеров, где первые декреты Советской власти назывались лживыми обещаниями, служащими приманками для народных масс.

Не случайно здесь упоминание «французского красного колпака» как намек на полюбившуюся большевикам аналогию с Великой французской революцией. Подобный исторический параллелизм стал в эсеровской прессе объектом едкой иронии. В статье «Красный гроб» с принципиально значимым подзаголовком «Слово о том, как доказала Россия, что человек действительно происходит от обезьяны» М. Пришвин писал:

...французская пьеса превратилась в русскую мистерию о происхождении человека от обезьяны, страшную и невиданную миром мистерию, где на тронах сидят обезьяны, а души усопших по черным улицам вихрем носятся в красных гробах [287; см. также: 286].

Ф. Сологуб высказался на эту же тему в газете «Петроградский голос»:

Мы поспешили назвать нашу революцию великою и сравнить ее с Великой французской революцией. Но вот видим, что величия в делах наших мало, и революция наша является только обезьяною Великой французской революции [334]⁷.

Всепоглощающая атмосфера насилия и произвола – это не только мрачный фон бытовой и политической жизни конца 1917 – начала 1918 года, но и лейтмотив постоянных газетных откликов. Многие из них – о двурушнической большевистской тактике, сочетающей бесосновательные уверения в миротворческой миссии революции для всего мира и «обезьянью расправу», – совпадают с контекстом «Вонючей торжествующей обезьяны...»:

⁷ Интересно, что автор ссылается здесь на «Слово о гибели земли русской»: «вокруг нас „гарь и гик обезьяний“ по скорбному слову Ремизова». К этому ремизовскому памфлету Сологуб обращался и в своих публичных выступлениях [398: 3].

Теория «священного насилия» и практика «беспощадной расправы» приносят свои плоды. <...> А смольные верховники и главковерхи в это время одной рукой подписывают приказы, в которых, захлебываясь, уверяют, что «Россия не хочет и не будет вести войны, что она распускает свою армию», что она и дальше «будет распускать ее», а другой грозят расстрелами без суда и «беспощадной расправой» и подстрекают к новым убийствам несчастных, ослепленных людей [159].

Инвективная реплика Ремизова о расправах без суда и следствия пересекается с рядом газетных публикаций, раскрывающих произвол революционных трибуналов. Комментируя директивы Советов по созданию революционных трибуналов, где в качестве мер борьбы с нарушителями «революционного порядка» предлагались «принудительные работы, лишение свободы, высылка за границу и тому под.», – газета «Новый вечерний час» с понятным беспокойством отмечала 9 декабря 1917 года: «Особенно характерны эти последние словечки. Кто определит их содержание?»⁸ Чудовищным подтверждением беззакония такого революционного судилища было потрясшее многих сообщение о расправе над генералом Духониным⁹. Малопонятное, на первый взгляд, упоминание имени Михайловского в постскриптуме также соотносится с событиями начала января 1918 года, когда бурно обсуждался Декрет о монополизации наследия писателей-классиков, и в первую очередь – наряду с сочинениями Некрасова, Тургенева и Салтыкова-Щедрина – наследия Н. К. Михайловского [254].

⁸ Тема расправ в тексте Ремизова сопряжена с темой тюремного застенка как одной из форм большевистского террора. Очевидно, что документальным источником этого мотива могли послужить не только арест графини С. Паниной, арест и убийство А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина в конце ноября 1917 – начале января 1918 г., но и арест М. М. Пришвина (со 2 по 17 января 1918 г.) вместе с другими сотрудниками редакции «Воля народа» [288]; а также редакционные статьи газеты «Воля народа» (после ареста – «Воля страны») начиная с 5 января 1918 г. Интересны в этом смысле наблюдения, сделанные Пришвиным в пересыльной тюрьме, откуда он писал Ремизову 3 января 1918 г.: «Дорогой Алексей Михайлович! арестовали нас кучей: (и Розов тут!) и тот некий, который пришел купить Волю Народа. Из этого заключаю, что должны ж выпустить; но, говорят, что может быть сидение будет и долгое. <...> у меня отобрали портфель со многими рукописями (и Вашими). <...> Я требовал портфель со стихами и согласно с говорившими: я – член Учредительного Собрания», говорил: „А я русский писатель!“ На это получил ответ – „после 25-го октября это не считается!“ <...> мне кажется <...>, что тюремное сидение есть точное изображение тому состоянию духа, которое мы все испытываем теперь дома» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 156. Л. 6–7об.).

⁹ Генерал-майор Николай Николаевич Духонин и после октябрьского переворота занимал должность верховного главнокомандующего Ставки. 8 (21) ноября 1917 г. он был отставлен от своих обязанностей лично Лениным и заменен прапорщиком Н. В. Крыленко после того, как 7 (20) ноября отказался выполнять распоряжение Совета Народных Комиссаров о начале переговоров с противником. На следующий день после приказа СНК на станции Могилев революционными солдатами и матросами, которые предварительно установили плакат с надписью «Революционный трибунал», над безоружным генералом был учинен зверский самосуд. Подобные расправы стали жуткой «нормой» революционного времени. 10 декабря 1917 г. «Воля народа» поместила сообщение о самосуде над командующим войсками туркестанского военного округа генералом Коровиченко, упоминание о котором вошло в текст «Взвихренной Руси» в качестве иллюстрации к рассказу об извращенном понимании порядка в революционные годы [44: 72].

Окончательно атрибутировать рукопись позволяет фрагмент, где происходит своеобразный сдвиг от политического памфлета к лирическому повествованию. Именно эта часть текста несет в себе заряд особой, личной актуальности и напрямую связана с конкретными событиями своего времени. В последние дни декабря 1917 года в прессе появился отчет об очередном декрете ВЦИК, непосредственно коснувшемся интересов творческой интеллигенции. Основным содержанием правительственного постановления был вопрос о создании государственного издательства. Наряду с монополизацией изданий всех русских классиков объявлялась отмена авторской собственности [157: 296–298]. З. Гиппиус в «Петербургском дневнике» записала: «Уничтожили авторское право. Что еще? Да все изничтожают» [375: 41]. Январь 1918-го начался с широкого обсуждения этой проблемы на страницах газеты «Вечерний звон»:

Новый декрет большевистского правительства решает участь единственно великого в России наследства: литературы. По плану декрета, после смерти авторов права собственности на их сочинения отменяются, и весь труд их жизни поступает в распоряжение государства. <...> Естественно, придавая большое значение этому новому декрету, очень спорному и неожиданному со всех точек зрения, между прочим, с точки зрения и прижизненных интересов автора, редакция решила открыть по этому вопросу широкую анкету, в которой согласились принять участие весьма многие известные авторы [97].

В том же номере «Вечернего звона» был опубликован и резко отрицательный ответ Д. Мережковского (вместе с солидарным мнением Ф. Сологуба и ответом А. Блока, содержащим противоположную точку зрения):

На что им русская литература? Если они победят, то наступит такое равенство в зверстве, что никому не нужна будет литература и вообще слово: на что зверю слово? А если их победят, то русская литература будет им осиновый кол в горло. В первом случае – убийство, во втором – самоубийство и в обоих – бессмыслица [97].

Одновременно на страницах газеты «Новый вечерний час» возникла специальная рубрика, в которой возможность высказаться на злободневную тему также была предоставлена ведущим литераторам. А. Чеботаревская заявляла прямо:

Под видом «социализации авторских прав» совершается невежественными демагогами, всячески подольщающимися к толпе, грубейшее покушение на трудовые гроши работников мысли и самое циничное издевательство над правами личности <...> декрет об авторском праве – такая же «поденка», как и прочие произведения гг. комиссаров. Но отвратительно, что они и в этом случае не останавливаются перед искажениями истины, внушая темным массам лживое представление о «буржуях-писателях», купающихся в золоте, тогда как положение писателя в России всегда было, есть, да, по-видимому, и впредь будет одним из самых бедственных и гонимых [374].

Однозначным был ответ и писательницы Тэффи, назвавшей декрет «мародерским желанием вырвать у нашей интеллигенции последнюю копейку». В том

же номере «Нового вечернего часа» на тему опроса высказался В. Немирович-Данченко, а в следующем (от 5 января) – выступили А. Куприн, А. Амфитеатров, О. Миртов и М. Пришвин.

Уместно предположить, что и «Вонючая торжествующая обезьяна...» в целом может быть прочитана как своеобразный ответ на анкету об авторском праве. О том, что Ремизов сочинил некий текст, свидетельствует его письмо Ф. Сологубу от 1 января 1918 года:

Звонил Пильский написать ему для В<ечернего> Ч<аса> о декрете, уничтож<ающем> авторс<кое> право [Пильский сказал мне, что с Вами разговаривал о этой анкете. Я написал, написал и сосед наш Пришвин, Завтра 1/2 9-го утра придет Пильский ко Пришвину за рукописями... (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 580. Л. 24).

Причина, по которой ответ Ремизова так и остался неопубликованным, вероятно, кроется в самом тексте, по своему характеру приближенному к обличительной речи, а по своей политической ориентации – к сугубо антибольшевистскому памфлету. Содержание «Вонючей торжествующей обезьяны...» оказалось гораздо шире заявленной цели анкеты. В своем дневнике Ремизов в тот же самый день – 1 января – записал: «Русская литература всегда стояла на стороне угнетенных и по заветам ее никогда не может стать в ряды торжествующей обезьяны» [69: 472]¹⁰. «Вонючая торжествующая обезьяна...» позволяет определить политический вектор взглядов Ремизова в конце 1917–январе 1918 года. Но если взглянуть шире, факт существования этого текста раздвигает рамки «обезьянней» темы в творчестве писателя, позволяя обнаружить антиномическую сущность своеволия обезьяны. Вообще волеизъявление в понимании Ремизова – это действие, нравственное содержание которого зависит от выбора между бессмысленным разрушением жизни («торжествующая обезьяна») и творческим преображением действительности (Обезвельволпал).

ДВА МАКСИМАЛИЗМА

Упоминание в дневниковой записи о «заветах» русской литературы не случайно: полемический укол направлялся в адрес недавних товарищей по журналу «Заветы» и прежде всего был обращен к литературному критику Иванову-Разумнику. Хотя до осени 1917-го большинство авторов и редакторов журнала «Заветы» (1912–1914), издательства «Сирин» (1912–1915) и альманаха «Скифы» (1917) (Иванов-Разумник, А. Блок, А. Белый, М. Пришвин, Е. Замятин, Л. Добронравов, В. Шишков, С. Постников, Н. Клюев, С. Есенин,

¹⁰ Спустя много лет, когда улягутся политические страсти и «злоба дня» отойдет на дальний план, Ремизов объяснит свое понимание связи «заветов литературы» и «революции»: «Революция – завет; прошлое, „сделанное“ – все, что живо-пламенно, все равно интернациональное и такое из беллетристики, не разрушать ни под какую руку – только дурашливый хозяин в революцию коверкает машины и разрушает „налаженный аппарат“ каких-нибудь очень полезных хозяйственных учреждений только потому – „революция!“, „старый режим!“ или еще как» [62: 258].

О. Форш и другие: многие из них – старейшие князья и кавалеры Обезвель-волпала) составляли реальный круг самых близких друзей Ремизова.

Жизненное и литературное общение обезьяньего старосты, старейшего обезьяньего кавалера Р. В. Иванова и А. Ремизова в течение нескольких десятилетий развивалось в модусе притяжения-отталкивания [277: 19–119]. Критик и писатель, будучи представителями принципиально несхожих, но взаимообусловленных сфер литературной деятельности, всегда старались соблюдать паритет между творческой независимостью и личной дружбой. Ремизов нашел в Иванове-Разумнике внимательного исследователя и толкователя; Иванов-Разумник обрел в Ремизове «своего» автора. Трудно назвать другого критика, который бы с таким постоянством обращался к произведениям писателя и так высоко ценил бы его талант. Иванову-Разумнику принадлежит характерное определение ремизовского творческого мира как пограничья «между „Святою Русью“ и обезьяной»:

Обезьяний
знак
Н. А. Клюева.
1917
(Музей ИРЛИ)

...это два полюса его жизни и творчества, между которыми он, дрожа, колеблется – как бузиновый шарик между двумя противоположными полюсами электричества. <...> ...в том-то и сложность творчества А. Ремизова, <...> что в жизни, им видимой, чувствуемой и изображаемой, все смешано, перепутано, сплетено: страдающие праведники сходят с нестервской жестокости и всяческого непотребства; только одни лучистые, «как потерянные», глаза выдают их внутренний ужас и муку. Все смешивается: зло с добром, правда с ложью, обезьяна с праведником. И посреди этой смешанной, кошмарной толпы, им же изображенной, стоит А. Ремизов... [183: 90–91].

Накануне Февральской революции главным объединительным началом для авторов альманаха «Скифы» стали общие умонастроения: предвидение политической и социальной катастрофы, ощущение символической значимости переживаемого времени, активная антивоенная позиция, желание творчеством откликнуться на вызов времени. Тогда «скифство» являлось скорее «мироощущением»¹¹, чем идеологической, политической или эстетической программой. Во «Введении» к сборнику «скифство» интерпретировалось как «искания непримиримого и непримиренного духа», как вечное противоборство с «Всесветным мещанином» [323: X–XI]. Несомненно, тема «обезьяньего вольного скифа, песенного Китовраса», встречающаяся в ремизовских текстах революционного времени, была созвучна этим общим исканиям [146: 156–157].

Принципиальные разногласия обозначились в конце 1917 года, когда Иванов-Разумник опубликовал «Слово о гибели земли русской» во втором сборнике «Скифов» одновременно с собственной статьей «Две России», где, чрезвычайно высоко оценив «Слово», подчеркнул и его «контрреволюционность»:

Обезьяний гик услышал он <Ремизов> только на другой стороне пропасти – и не услышал его рядом с собою; обезьянье стадо увидел он только вокруг борцов за революцию – не увидел его вокруг себя [324: 208]¹².

В «Слове» и «Двух Россиях» воплотились индивидуальные восприятия истории, объединенные идеей осознанного личностного самоопределения в катастрофически переживаемом хронотопе. Однако намеренное (то есть орга-

¹¹ Ср. с блоковской оценкой символизма, представленной в статье Иванова-Разумника «Надписи на книгах»: «...мысль о символизме не как мировоззрении, а как мироощущении – была близка А. А. Блоку» [186: 236].

¹² На статью Иванова-Разумника с резким возмущением отозвалась З. Гиппиус в письме к Ремизову от 15 января 1918 г.: «То, что сделал с вами Ив<анов>Р<азумник> – последнее похабство. Я только что увидела „Ск<ифы>“, и считаю, что до такой бесчестности ни один литератор никогда не доходил. Кроме того, и сама по себе статья столь кощунственно-грязна, что ее трудно держать в руках. <...> Хотя внутренне это не лишено логики. Смердяковы только верны себе. Не забывайте, что лакеи – хуже своих господ» [414: 186–187]. Статья «Две России» вызвала реплику и А. Чеботаревской: «Но какие же, однако, основания <...> общественному критику Разумнику Иванову клеветать на безответного сказочника Ремизова, оплакивающего на своем языке, своими словами и образами, гибель земли русской, лягать не угодивших ему...» [374].

низованное Ивановым-Разумником) столкновение двух текстов на страницах второго выпуска «Скифов» раскрыло и взаимоотрицающий идеологический максимализм их авторов. Если «Слово о гибели...» было полифоническим выражением многовекового прошлого Отечества, то статья «Две России» отразила субъективно-нормативные представления Иванова-Разумника о будущем русской революции. Критик резко разделил литературный мир – на сочувствующих «погребальным» настроениям Ремизова и тех, кто видел в ней грядущее духовное преображение. Генетическая взаимосвязь «Слова» и «Вонючей торжествующей обезьяны...» дает возможность предположить, что при возникшей полярности точек зрения автора и критика содержание последнего текста в принципе могло также распространяться и на статью Иванова-Разумника¹³.

Тема ремизовского памфлета (как и интерпретация в новом ключе образа обезьяны) во многом объясняется духовной атмосферой правоэсеровской газеты «Воля народа» («Воля страны») и ее литературного приложения «Россия в слове». Ремизов вошел в число ближайших сотрудников издания вместе с М. Пришвиным, В. Шишковым и другими литераторами после раскола среди так называемых «скифов», когда левые эсеры, с которыми тесно сотрудничал Иванов-Разумник, заключили коалиционное правительственное соглашение с большевиками. Если весь «сыр-бор» «загорелся» из-за Михайловского, то причиной «пожара» стали попытки левых эсеров и близких к ним «скифов» придать теоретическим воззрениям классика народничества спекулятивную политическую окраску.

Казалось бы, после появления в «Воле страны» (24 января 1918 г.) статьи «Подкальыватель» – довольно злобного выпада против Иванова-Разумника, подписанного псевдонимом «Ип. Трилесов» [277: 119–122], отношения писателя и критика должны были зайти в тупик, но именно эта злополучная публикация все же побудила Ремизова попытаться найти пути к личному примирению. Он обратился за советом к Е. Лундбергу и получил следующий ответ:

...готов на всякие услуги, но говорить <за Вас – зачеркн.> с Разумником после «подкальывателя» надо Вам непосредственно, а не через посредников. <...> Самое большее, что можно сделать без Вашего участия, это попросить Разумника телефонировать Вам для переговоров по делу – это я сделаю в первое же свидание с ним [274: 122; письмо от 13(26) февраля 1918 г.].

Исторические события, растворившие литературу в политике, окончательно развели двух бывших друзей по разные стороны «идеологических баррикад»:

¹³ В частности, слова: «...твоя обезьяня морда есть обезьяня морда, а не лик Спасителя, как пыжишься представиться перед простецами и недоумками...» есть не что иное, как полемическое указание на неохристианские, «скифские» идеи Иванова-Разумника. Ср.: «За корявыми словами, русской революцией всемирно провозглашенными: „мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов“ – только душевно глухой мог не слышать слов вдохновенных, когда-то провозглашенных миру: „на земле мир, в человеках благоволение“...» [324: 201]. См. также запись в дневнике писателя в начале января 1918 г.: «Был Разумник – битва под Разумником» [69: 472].

Хотя и продолжаю думать, что революция разъединила нас «пропастью», но пропасть эта – в области политических и социальных взглядов, и через нее – для меня по крайней мере – всегда переброшен мост добрых личных отношений и полного уважения к чужому искреннему мнению. Чего уж больше расхождение между мною и Ремизовым, обостренное печатно, – но и с ним мы в прежних отношениях (РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. № 361. Л. 95; письмо Иванова-Разумника П. Н. Сакулину от 23 мая 1919 г.).

Однако прежних, душевно-дружеских отношений восстановить не удалось. «...С ним <Ремизовым> мы слились внешне – не внутренне», – более откровенно признавался Иванов-Разумник М. Пришвину 19 сентября 1919 года [276: 198]. «Битвы», усугубившие их расхождения в начале 1918-го, обнаружили явное родство писателя и критика – в максималистском упорстве каждого сохранять верность и своим принципам¹⁴. Позже лирико-философские фрагменты «Взвихренной Руси» – хроники революционных лет, где явь переплетается со сном, а сон с явью, – в высоком поэтическом регистре передадут и подлинные переживания Ремизовым так называемых «битв под Разумником» и ироническое («сновидческое») восприятие образа «Скифа» (один из литературных псевдонимов Р. В. Иванова): то он провозглашает новое восстание в Петербурге, то «с пудовым портфелем, словно бесноватый из Симонова монастыря», пророчествует:

Это вихрь! На Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир. И у кого есть крылья – – [44: 211].

В памяти Ремизова куда более значимыми, чем все идеологические распри, оказались и вовсе неожиданные последствия этого конфликта. Поскольку его фамилию Иванов-Разумник занес в свою записную книжку – в список потенциальных организаторов Вольной Философской Академии (Вольфилы), – 15 февраля 1919 года он был арестован Всероссийской чрезвычайной комиссией по подозрению в участии в «заговоре левых эсеров». Весьма показательно, что в хронике тех дней («Взвихренная Русь») на первый план выступили даже не подробности ареста, кратковременного тюремного заключения и допроса, но сам факт случайной встречи членов Обезьяньей Палаты в ВЧК на Гороховой ул., д. 2. Эта история была запечатлена Ремизовым в одной из глав раздела «Обезвельволпал», названной в духе народного абсурдизма: «Лошадь из пчелы¹⁵ – хождение по Гороховым мукам б<ывшего> канцеляриста и трех кавалеров обезвельволпала» [44: 274–292]¹⁶.

¹⁴ Ср. два высказывания, относящиеся к одному и тому же времени: «Революция или чай пить? Другими словами: – Стихия – палочки вертящиеся? – или упор, самоупор?» [44: 66]; «...свое лицо – самое дорогое, самое святое, что только может быть у человека» [184: 79].

¹⁵ Название отражает народное поверье, в соответствии с которым «все пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедушкой и брошенной в болото. Когда рыболовы опустили невода в это болото, то вместо рыбы вытащили улей с пчелами» [311: 92].

¹⁶ В сохранившейся рукописи романа главка имела название: «Лицевое хождение по гороховым мукам б<ывшего> канцеляриста и трех кавалеров обезвельволпала» (Амхерст).

В ночь на Сретение, в великую метель и вьюгу по замыслу нечистой силы или от великого ума человеческого¹⁷, произведен был обыск в Обезьяньей-великой-и-вольной-палате и забран б. канцелярист обезвелволпала. И в ту же ночь той же участи подверглись три обезьяньих кавалера – К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг и М. К. Лемке; а на Карповке взят епископ обезьянский Замутий (в мире князь обезьянский Евг. Замятин), а на Забалканском кавал. обеззн. К. А. Сюннерберг-Эрберг, а на Загородном председатель (и не обезьяньей) – Книжной Палаты С. А. Венгеров. Поименованные: Сюннерберг-Эрберг, епископ Замутий и председатель Венгеров, допрошенные на Гороховой, отпущены по домам, причем во время допроса у одного из потерпевших съедены были котлеты, хранящиеся на случай в портфеле –

«точно не знал, что места сии обитаемы разбойниками!»

На следующий день к ночи захвачен был кавал. обеззн. А. А. Блок, а другой кавал. Р. В. Иванов-Разумник отправлен со Шпалерной из Предварилки на Москву.

Поутру по обедне через обезьяньего зауряд-князя было донесено о ночном происшествии в обезвелволпал Алексею Максимовичу Горькому, и что делать: не вышло бы какой беды – написаны обезьяньи грамоты на глаголице! – а на глаголице и такие ученые, как Пинкевич, и даже сам Н. Н. Суханов не понимает! А гулявший последние часы на свободе А. А. Блок, несмотря на праздничный день, проник во Дворец к самому наркому А. В. Луначарскому с жалобой на обезьяню неприкосновенность обезвелволпала.

Так было ликвидировано, как говорится, восстание «левых с-р-ов» в Петербурге [44: 274–275]¹⁸.

Подробное описание полуанекдотических и трагикомических мытарств заканчивалось допросом и записью показаний:

¹⁷ Указание Ремизова на то, что людей чаще всего связывает случай, позволяет провести неожиданную литературно-художественную параллель. В иное время и в иной стране была сформулирована универсальная модель социальных связей, парадоксальным образом ассоциирующаяся с Обезьяньей Палатой: «Если вы обнаружите, что ваша жизнь перепелась с жизнью чужого человека, без особых на то причин, <...> – этот человек, скорее всего, член вашего карасса» [135: 5]. Напомним, что «карасс» в знаменитой «Колыбели для кошки» американского писателя-сатирика К. Воннегута – это сообщество, существующее вне национальных, ведомственных, профессиональных, семейных или классовых перегородок.

¹⁸ Ср.: «В пять часов утра – как я потом узнал – ряд автомобилей с чекистами подъезжали в разных частях города к домам, где жили мои знакомые, адреса которых я имел неосторожность занести в свою записную книжку (с этих пор никогда больше я этого не делал). Были арестованы и отвезены на „Гороховую, 2“: поэт Александр Блок с набережной реки Пряжки, писатель Алексей Ремизов, художник Петров-Водкин, историк М. К. Лемке – с Васильевского острова; писатель Евгений Замятин – с Моховой улицы; профессор С. Венгеров – с Загородного проспекта, – еще и еще со всех концов Петербурга, где только ни жили мои знакомые» [187: 128]. Подробнее об аресте см. также [109].

Я писал завитущато – и перо хорошее, и сидеть удобно, и свет такой, не темнит и не режет! – и в конце подпись свою вывел:
с голубем, со змеем, с бесконечностью –
с крылатым «з», со змеиным «кси»
с «Ъ» – в Алексее
с «ижицей» – в Ремизове
и с заключительным «твердым знаком» [44: 288–289]¹⁹.

Представить описываемые события с разных точек зрения позволяют воспоминания философа, будущего ученого секретаря петроградской Вольфилы А. З. Штейнберга – также одного из арестованных:

Я был свидетелем того, как допрашивали Ремизова и как он по-настоящему, по-ремизовски, своим неповторимым стилем давал показания. Когда следователь приказал ему: «Пишите! Я нижеподписавшийся Алексей Михайлович Ремизов...», Алексей Михайлович его тут же прервал: «Ради Бога! Не Ремйзов, а Рёмизов, Рёмизов». – «Ну, Рёмизов, – сказал следователь, – пишите дальше». – «Уж я только по-своему буду, не могу же я просто вот так взять и отменить свою фамилию». Он писал довольно много и, очевидно, все в своем стиле. Отмечаю это только потому, что если кому-либо вздумается искать новые, еще не известные рукописи Ремизова, то в архивах петроградской Чека их, вероятно, можно найти, если они не переданы в какой-нибудь литературный архив [393: 36]²⁰.

В другом месте своих мемуаров Штейнберг упомянул и об Обезвельволпале:

Я помню еще в России, когда Алексей Михайлович назначил себя главным председателем Обезьяньей палаты и свои ремизовские рисунки в красках, называя их орденами, раздавал каждому из нас. У меня еще и теперь где-то есть орден какой-то степени этой Обезьяньей палаты. В эту игру он играл очень серьезно. Я слышал, как он в Чека на допросе отвечал следователю своим полуплачущим, ремизовским тоном: «Да какой же я контрреволюционер, я сказочник» [393: 130–131].

Впрочем, по собственному признанию Штейнберга – человека рационалистического склада мышления, поклонника марбургского неокантианства, русского народничества и еврейской схоластики, – сказка эта не веселила его сердца [393: 131].

¹⁹ Об автомифологическом характере этой подписи, воспроизведенной в печати на титульном листе книги «Пляс Иродиады» (Берлин, 1922) и на обложке сборника «Лалазар. Кавказский сказ» (Берлин, 1922) см. в статье М. В. Безродного [105: 224–228].

²⁰ Показания Ремизова в архиве ФСБ (СПб.) не сохранились (сообщение В. Г. Белоуса на основании архивной справки, выданной в 1993 г.).

Хотя автор «Двух России» и стремился записать Ремизова в приверженцы идеологии «православия, самодержавия, народности», канцеляриус Обезьяньей Палаты всегда склонялся в сторону осознанного анархизма, предпочитая стихии масс творческое своеволие индивидуальности. Поэтому писатель, собственно, и был среди «вольнлюбивых скифов» в революционно-романтический период; потому он оказался вне «скифского» сообщества – снова в «подполье», когда «скифы», близкие к левым эсерам, как ему показалось, стали обслуживать власть: «В жизни моей не поступал ни в какую веру и мне в голову не приходило зачислять себя в „партию“, а на меня не зарились, да и в „союзах“ и „обществах“, – был в Союзе Писателей и отсюда меня „автоматически“ выгнали и в России и здесь» (Гарвард; письмо Ремизова к А. В. Тырковой-Вильямс от 5 февраля 1953 г.).

Чем очевиднее становились результаты большевистской революции, поначалу казавшейся многим неумным разгулом народной стихии, тем нагляднее проявлялся ее государственный характер. Вольный порыв жизни угасал, придавленный революционными декретами, запретами и ограничениями. В новом политическом контексте «обезьянье своеволие» выглядело предпочтительнее «порядка», устанавливаемого государством. Анархизм как «свободное подчинение правилам» воспринимался многими вполне позитивной декларацией прав отдельной личности по отношению к политической деспотии победившего коммунизма.

Революция шла во имя народа для народа – воля народа.

И вот достиг народ власти и во главе его стали революционеры.

А «подпольный» человек говорит:

– Народ или я?

– Я. И подчиняться «воле народа» не желаю: под ничью дудку или «не-народа» плясать не буду,

– Враг народа.

– Нет, какой же я враг, но принимаю и это во имя свободы моего я [69: 513–514]²¹.

Образ обезьяны-тирана – невменяемого чудовища, разрушающего культуру и самое жизнь, – исчезает из ремизовского творчества как будто в одночасье. Происходит своего рода семантическая «перекодировка» символов, а образ «вонючей торжествующей обезьяны» сменяется образом свиньи. Парадоксально, но начиная с 1919–1920 годов в «обезьяньих» текстах Ремизова именно свободлюбивые обезьяны воплощают и хранят высокие этические принципы. «Реабилитация» обезьяны, быть может, отчасти объяс-

²¹ С. Н. Доценко, объявляя Ремизова носителем «оппозиционно-бунтарской» идеологии противления революции бытом, интерпретирует веселость и ироничность ремизовского духа как позицию бытового человека, спасающегося «питием чая» от мировых катаклизмов, по аналогии с протестом «подпольного человека» Достоевского [163: 310–316]. Система аргументов строится на дихотомии истинного («обезьяна») и ложного («человек»). Однако заметим, что обезьяна, как и человек, может быть воспринята и в истинном, и в ложном свете – в зависимости от того, какой интерпретацией наделяет ее автор, какие цели задает, что предлагает выбирать.

няется изменением политической ситуации, заставившей писателя убедиться в переменчивости так называемых общественно-политических констант жизни и в постоянстве стремления человека к свободе. Некоторые косвенные свидетельства о круге чтения писателя этого времени наталкивают на мысль, что, возможно, такой значимый поворот в его мировоззрении был прямо связан с одной литературной новинкой. В домашнем «кондуите» книгочех Обезвельволпала – библиофила Я. Гребенщикова дважды (31 июля и 19 сентября 1919 г.) встречаются отметки о выдаче Ремизов из собственной библиотеки библиотеки романа А. Франса «Восстание ангелов» (РНБ. Ф. 41. № 4. Л. 24, 33). Очевидно, имелось в виду издание 1919 года, которое выпустила петроградская «Всемирная литература» – в переводе П. Муратова, под редакцией и с предисловием М. Кузмина (первоначально в том же самом переводе книга вышла в 1918-м, в московском издательстве «Северные огни»).

Напомним, что роман начинается с таинственного и варварского разрушения богатейшего книгохранилища. Не найдя никаких следов злоумышленников, библиотекарь, господин Сарьет, впадает в отчаянье.

Страшная тревога овладела им, и он уже стал спрашивать себя, не могла ли какая-нибудь обезьяна, проживавшая по соседству, спускаться с крыши по каминной трубе в библиотеку и там передразнивать научные занятия. Обезьяны, думал он, ловки в изображении человеческих действий. Зная привычки этих животных преимущественно по картинам Ватто и Шардена, Сарьет воображал их подходящими в умения подражать жесту или подделывать внешность на Арлекинов, Скарамушей, Церлин и Докторов итальянской комедии. Они представлялись ему то с палитрой и кистью в руке, то толкущими в ступе различные снадобья, то перелистывающими у «атанора» старинные трактаты по алхимии. В одно злосчастное утро, увидя большое чернильное пятно на странице третьего тома Библии с параллельным текстом на многих языках, переплетенной в голубой сафьян с гербом графа Мирабо, – он перестал сомневаться, что именно обезьяна была виновницей этого злодеяния [367: 26].

Вскоре поиски привели библиотекаря в старый сарай, где он увидел бесконечно жалкое создание – ничуть не похожее на то чудовище, которое рисовалось его воображению.

Там на теплой соломе и лохмотьях одеяла стучала зубами от холода охваченная цепью поперек туловища молодая макака. Она была ростом с пятилетнего ребенка. Ее свинцовое лицо, ее лоб в морщинах, ее тонкие губы выражали смертельную печаль. Она подняла на посетителя еще быстрый взгляд своих желтых глаз. Потом маленькой сухой рукой схватила морковь, поднесла ее ко рту и сейчас же опять отбросила. Поглядев одно мгновение на вошедших, пленница отвернула от них голову, как будто ничего уже более не ожидала ни от людей, ни от жизни. Скорчившись и охватив колено рукой, она не шевелилась, но время от времени сухой кашель сотрясал ее грудь [367: 27].

Несчастная, замученная людьми макака удивительным образом напоминает персонажей сна «Обезьяны». Несомненно, что в контексте переживаемой пи-

сателем исторической эпохи, когда культурные ценности стали объектом отщипывания революционной толпы за многовековую социальную несправедливость, этот фрагмент «Восстания ангелов» мог наполниться особым смыслом, актуализирующим и тему озверевшего человека, и образ невинного животного, а весь сюжет мог предстать вариацией на тему истинных и ложных умозаключений, в границах которых вращается стереотипное мышление.

...Старый любовник книг, еще недавно, вооружившись гневом и возмущением, выступивший на поиски насмешливого и чудовищно коварного врага, антибиблиофила, теперь стоял в удивлении, грустный и удрученный, перед маленьким существом без силы, без радости, без желаний. Признав свою ошибку, смущенный этим почти человеческим лицом, очеловеченным еще более печалью и страданиями, он произнес:

– Виноват! – и наклонил голову [367: 27].

В конце 1910–начале 1920-х годов основным объектом едкой ремизовской иронии стали «бесхвостые» двуногие, которые, объявив себя «человеками», так и не выбрались из состояния «скотов»²². На известную литературную традицию – наделять животных человеческими чертами и подчеркивать их несомненное превосходство над людьми (восходящую к Плутарху), а также на откровенно сатирическую ориентацию приема позже указал сам писатель:

...«обезьянье царство» как-то само собой получило в войну и революцию сатирический характер Свифтовского лошадиного царства *гуигнемов*: царь Асыка издавал манифесты и подписывал «собственнохвостно» декреты [54: 57].

Игра в Обезьянью Палату была принципиально аполитичным изобретением, и в силу толерантности *канцеляриуса* среди *обезьяньих кавалеров* были как и убежденные коммунисты, так и их идеологические оппоненты. Только природной ироничностью автора игры можно прокомментировать его реакцию на убийство Распутина: «– Угробили чудотворца, – сказал он, улыбнувшись: – следует, может, выдать этим старателям орден Великой Обезьяньей палаты? А? За любовь к родине?» [98: 221].

В то же время игра, конечно, не могла существовать вне политики. Изолированное для непосвященных и умышленно отвлеченное от действительности пространство откровенно пародировало уродливые формы большевистского режима. Даже появившаяся в 1920 году аббревиатура *Обезвелволпал* была создана наподобие таких политических и общественных образований, как

²² В частности, тема различения «скотского» и «звериного» в человеке находит воплощение в рассказе «Свет нерукотворенный» (1916). Ср.: «...вот эта несчастная капля человечества, высокомерно отгораживающегося от зверя, зверье с человеческими громкими псевдонимами, – именами крестными! / Я спрашиваю: / – Какое же отличие этих человеков от зверей? / – Да одна отлика, – отвечает кто-то тихонько, ко всему претерпевшийся, – они все небритые, а люди, сам видишь! / И вижу, как сквозь сон, – или мне снилось когда-то, – есть в мире среди зверей звери, достигнувшие человека, – какая жуть, какое проклятие человеку во зверях среди братьев зверей и сестер звериц и зверного брата летающего и книжного разумного человечества» [10: 85].

Наркомпрос, Копровуч и многих других неологизмов, населивших быт и язык нового времени. Предметом сатиры становилось даже обыкновенное бытовое поведение. В этом плане показательна сказка «Заячий указ» (1917), ориентированная на жизненные реалии первых революционных лет. Ее герой – хитроумный заяц провозглашает среди зверей «указ с печатью»: «– От царя обезьяньего Асыки велено от всякого рода зверя доставить по сто шкур» [33: 12]. Используя традиционный сказочный прием, Ремизов проецирует характерные явления мира людей на фантастический мир животных. Так, в сцене, где заяц читает «указ» царя Асыки, трагестируется стиль поведения революционных комиссаров с их декретами и мандатами: заяц умело использует рефлекс страха перед символом власти – «красным ярлычком от чайной обертки». Образ зайца несет в себе и приметы житейского прагматизма самого писателя, который в роли *канцеляриста* Обезвельволпала провозглашал указы Асыки и собирал с верноподданных Великого Обезьяна подать (*хабар*), используемую для красочного оформления царских указов и грамот (особо ценилась цветная бумага или просто яркие обертки от упаковок). Миф об Обезьяньем царе, издающем указы для людей, дополняется новым, пародийным элементом, с помощью которого сатирически высвечивался абсурд жизни.

Введение имени Асыки в контекст сказки совершается органично, без каких-либо авторских комментариев²³. Однако характерно, что позже уже известный нам сон «Обезьяны» самые принципиальные изменения приобрел в редакции, вошедшей в состав «Взвихренной Руси» под новым названием – «Асыка»²⁴: обезьяны, выстроенные для казни на Марсовом поле, уподоблены красноармейцам (в редакции 1910 года – солдатам), безбожных людей сменили «гуманнейшие умники», а в выражении «крещеный и некрещеный русский народ» были сняты все поясняющие эпитеты.

Потребность в эзоповом языке увеличивалась по мере укрепления большевистской власти и усиления политических репрессий против интеллигенции. Создалась поистине трагическая ситуация, когда участие в общественной жизни означало для творческой личности – поступиться собственной свободой, а неучастие обрекало на полную социальную изоляцию. Вполне отдавая себе отчет в размахе уверенно утверждавшейся монополии «красной печати», по сути устранившей само понятие свободы слова, Ремизов в качестве *канцеляриста* Обезьяньей Великой и Вольной Палаты инициирует обсуждение этой проблемы. Так рождаются эпистолярные и художественные документы, принадлежащие уже не только самому автору Обезвельволпала, но и другим близким по духу литераторам, вовлеченным в его игровое пространство.

Сохранилось письмо Ремизова к А. Блоку, из которого явствует, что замысел опубликовать сочинения известных литераторов на тему «красной печати» возник в конце лета 1920 года. Одним из инициаторов затеи был С. М. Алянский (именуемый в дружеском кругу по названию своего издательства –

²³ Примечательно, что в первых публикациях сказки, появившейся в печати еще в России, указы издаются от имени «царя государя и великого князя» [11; 14].

²⁴ Подключение сна «Обезьяны» к мифу Обезвельволпала произошло в печатной редакции, предшествовавшей выходу книги «Взвихренная Русь», которая была опубликована под названием «Асыка – царь обезьяний» [42: 8]. Этот текст полностью соответствовал первой редакции.

Алконост), выпускавший журнал-альманах «Записки мечтателей», а также ремизовские книги под грифом «Обезьянья Великая и Вольная Палата». Ремизов писал:

23 или 24 августа
не знаю
<19>20 года
<Петроград>

Кавалеру Обезьяньего Знака
Александру Александровичу Блоку

Дорогой Александр Александрович!

Был Алконост с письмом от Асыки, говорит, чтобы я вам от обезьяньей палаты запрос написал.

Вчера еще утром я был, как человек, а сегодня с грелкой, беспамятный и бестолковый.

Я не знаю, что с такими делают в обезьяньем царстве, убивают ли сразу, чтобы жалобами не мучили света, или обертывают в вату, как недоносков, и греют, и молоком поят.

Очень я всегда боюсь таких вот дней больных – приступов боли моей: огненным поясом опоясан с пустой головой, безголосым сердцем и должно быть паром вместо души.

Успеньев день
28. VIII

Это уж наверно.

В обезьянье царство проник человек: вещал «кое-что про бога», а когда обезьяньи синие азробили унесли его в Ледовитое царство, где нет ничего и след его пропал, остались <1 сл. нрзб.> какие-то обрывышки бумаги. (Культурные люди без бумаги никак не могут!)

В [печатном] одном печатном говорилось: [что] в каком-то большом городе сделано было внезапное обследование всех рынков и у 4000 торговцев [было] обнаружено сотня яиц, что свидетельствовало или о жестоком изуверстве человеческом – среди обезьян скопцов нет! – или о нищенстве рынков, которые обследовать – только людей попусту мутить, должно быть, очень голодных.

На этот обезьяний вопрос ответят специалисты – В. Бонч-Бруевич, пищевики и доктора, уцелевшие от тифа.

А на другой вопрос просят ответить поэта: на писанном обрывышке прочитали стих:

ни ожиданий, ни просветов,
нет сил ни верить, ни желать;
уста трибунов и поэтов
замкнула красная печать.

какие такие печати никто ничего не понимает
Канцелярист Обезьяньей Великой и Вольной Палаты

Алексей Ремизов

Обращаюсь понемногу в лягушку: температура упала – 35,8. Скоро заквакаю и буду мушек ловить ртом, этому-то я очень рад: не надо будет просить белой муки – до зимы – гордо прокормлюсь мухой (на мух до сих пор не было нигде спроса и никакой [цены] регистрации) [258: 5–6].

Блок поддержал игровой стиль «запроса» из Обезьяньей Палаты и буквально в течение двух дней сочинил «Ответ на вопрос о красной печати» в духе газетных фельетонов нового советского образца [258: 15–16]. Сатирический эффект достигался постепенным снижением семантики символа «красная печать», который в конечном итоге был идентифицирован как штамп на сургучной головке спиртовых бутылок, популярных среди новых хозяев жизни. Между тем инициаторы ожидали от Блока не столько прозаический памфлет, сколько поэтическое произведение, более откровенно-публицистическое, которое могло бы прозвучать выражением подлинно гражданской позиции творческой интеллигенции.

Дорогой Александр Александрович!

плохо разбираю рукопись: перепишите! и Алконост только глаз натрудил, ничего не понял.

Александр Александрович, напишите стих –

Вот Вы сказали мне:

«Ничего не пишу и не могу писать: гнет такой!»

Напишите это стихом.

Вы пришли за паспортом на площадь, пальцы у вас были завязаны, просили паспорт выдать – старый пропал. Курили тоненькую папиросу, а я не помню, зачем пришел и что просил, только помню, через силу стоял у стола и ждал, когда попрошу.

Красная печать – очень неопределенно общее – у меня в 1906 г. напечатана была в «Северн<ых> цветах» «Эпитафия коробке с красной печатью»²⁵.

Я прошел этап от Пензы до Устьсысольска через множество тюрем и пронес с собой карандаш, запис<ную> книжку, перочин<ный> ножик в коробке с красной печатью. Печать была кондитерская, а начальники тюремные принимали за казенную.

Нет, не красн<ая> печать, другая, и вот о другой напишите, если охота есть.

Алексей Ремизов

31.VIII

МСМ XX

[258: 6].

Повторное письмо Ремизова позволяет заключить, что «заказчики», получив от Блока фельетон, вновь вернули его автору – для «переписки», после чего текст так и остался в архиве поэта не востребовавшей рукописью: автор к ней больше не возвращался. Существует и другое произведение, которое, несомненно, также было написано «по заказу» царя Асыки и его сподвижника Алянского. Оно было опубликовано в ближайшем номере «Записок мечтателей» (1921. № 2–3) под общим названием «Тулумбас» и озаглавлено «Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского». Его автор Е. И. Замятин в Палате действительно являлся *Епископом обезьянским* и одновременно носил «мирской» титул князя.

Возлюбленные братья обезьяне! Оставим скорбь и успокоим сердца наши, усердные о вере. Как самовидец свидетельствую ныне: все служи о

²⁵ Тема печати и ее охранительной функции восходит к ранней новелле Ремизова «Эпитафия» (1903); другое название – «Коробка с красной печатью» [6: 180–181].

нечестии и безбожии в земле Алатырской – суть истинная ложь, которую лишь горькоумные именуют правдой. И более того скажу вам, возлюбленные братья: умиленные слезы я пролил здесь, ибо нет под солнцем земли столь ревнующей о спасении душ и о погублении здешней, тленной жизни – ради грядущей, нетленной. Чаемое явилось во плоти: вся земля Алатырская объявлена единой ставропигиальной обителью, и все жители от мала до велика приняли постриг, а иные и большую печать, и жизнь их – подлинным стала житием.

Нет уже велелепия, и кимвалов, и тщеты мирской, но во всем скудота изясная и убожество, какое инокам надлежит. Памятуя, что украшение телесное есть веселие князю тьмы, жители здесь ходят во вретисах, рубищах, власяницах. И не умащают себя благовонными маслами, подобно язычникам, и не украшают золотом и камением драгоценным, но напротив того, презирая плоть, бегают даже водного омовения, ибо чистота душевная – вяще телесной и нежность плоти от бани – пагуба есть. Мудростью трапезных старцев жители-иноки блюдут здесь непрестанный и строгий пост: не только мяса не приемлют, но и рыбы, елей же – однажды в год. Вина же и ликера, разжигающих блудную похоть, рождающих смех и веселие, и скакание бесовское – не ведают вовсе, и старцы строгой казнью казнят, если кто от мирян принесет в обитель вина. Видел я еще некоторых иноков, тайно воскурящих курение диаволу табаком – проклятым зельем, произросшим от Саврасиева мерзкого удища; но и о том старцы сказывали, что по прошествии недолгого времени, прекратят эту скверну, ибо к чему поганить поганой травой Божию землю, когда может она произрастать хлебный злак?

Так воздержанием от всех прелестей мирских борют князя тьмы, но и о молитве помнят. – Мало просвещен я, и темен для меня язык здесь, и темны слова песнопений их. Но вот солнце зайдет, и мимо иду келий, и с умилением сердечным вижу согласные, как и встарь, ряды иноков-воинов и слышу согласное, молитвенное, как и встарь, пение. И тоже молитвенное пение радостию наполняет сердце, когда стекаются иноки слушать проповедь старцев, и все набожно снимают скуфейки; буде же невежественный чужеземец или мирянин нечестивый в шапке стоит, то иноки, ревнуя о вере, заушают нечестивца, как некогда Ария злоумного. Истинно, хвала создателю, еще не оскудело здесь благочестие! И иконы святые чтут, как и отцы их. На стенах келий, и в трапезных, и в общих храминах – повсюду увидите вы, возлюбленные братья, лики святых, хотя и в простых, по бедности обители, киотах, но простые те киоты благочестиво изукрашены цветами и травами.

Добродетели иноческие, издревле заповеданные: смирение и послушание терпеливое – украшают братию Алатырскую, как бы звезды темною одежду ночную. В послушании терпеливом мудро содержат иноков старцы, и на всякое слово старца иноки отвечают: аминь, хотя бы сказал, испытуя инока старец, что не два ока у него, но три. И нет здесь, как в иных, языческих, землях, пагубного разномыслия и разноглаголания, но все – поистине стадо, единое. Многих иноков, немалого ума, видел я несущих тяжкий подвиг молчальников, но не ведаю: своей ли волей запечатали они себе уста или старцами наложено на них послушание молчаливое. Мнится мне, что так, ибо ведаю мудрый страх старцев, блюдушщих стадо свое от слов умного соблазна. И не лучше ли одному запечатать уста,

нежели тысячу погубить, посеяв в души их суетное мудрование и сомнение еретическое?

Так в трудах и добродетели, в непрестанном посте, в смирении и послушании – проводят иноки дни здешней своей, временной, жизни. И веселится сердце, не видя веселия, но лишь сокрушение и плач: ибо веселящиеся здесь – там восплачут, и здесь сокрушающийся – там возвеселится. И не это ли истинное благочестие? Не это ли образ иноческого жития? Не это ли венец добролюбия христианского?

Возрадуйтесь же со мною, возлюбленные обезьяне: не безверие умной гордыни, но смиренная вера, не нечестие, но честное иноческое житие в здешней земле – и я, смиренной Замутий, тому нелicenseмерный свидетель [176: 177–179]²⁶.

Замятин в своем «Послании...» представляется «обезьянным» прозвищем, обращаясь к «возлюбленным братьям обезьянам». Помимо очевидной стилизации под архаичный язык произведений Ремизова, написанных в сказовой манере, в этом тексте мы находим прямую переключку с известной ремизовской темой «о происхождении табака»: упоминание о «проклятом зелье, произросшем от Саврасиева мерзкого удища». Тема «печати» соединяется в «Послании смиренного Замутия» с темой монашеского затворничества – «пострига», избранного иноками во имя превращения «жизни» в «житие». Правда, неизвестно, добавляет автор, «своей ли волей запечатали они себе уста или старцами наложено на них послушание молчаливое». Неоднократно отстаивавший право еретического меньшинства противостоять господствующему большинству, Замятин сатирически утверждает преимущество «иноческого молчания» перед «суетным мудрованием и сомнением еретическим» и иронически заявляет о необходимости «погубления» «здешней, тленной жизни – ради грядущей, нетленной».

Замятинское «Послание...» явилось откликом не только на тему «красной печати», но и на композицию из трех миниатюр Ремизова, опубликованную в предыдущем номере «Записок мечтателей» (1919. № 1; под тем же общим заглавием: «Тулумбас»), где впервые был обнародован обезьяний Манифест. Название «Тулумбас» – большой турецкий барабан, в который бьют одной колотушкой, – иронически подчеркивало государственный монополизм; одновременно «тулумбасить» (в переносном смысле) – значит бить кого-то. Скрытый смысл «запроса» царя Асыки, безусловно, подразумевал художественную фиксацию многозначности идеологемы «красная печать», поскольку омоним «печать» несет в себе несколько значений: это и официальная пресса, и синоним запрета, и, собственно, символ государственной власти. Специально открытая рубрика объединяла произведения двух писателей по общему тематическому признаку; по-видимому, для нее же предназначался и блоковский ответ на тему «красной печати».

Вероятно, и сам *канцеляриус* Обезвельволпала собирался выступить с открытым публицистическим произведением, отголоски которого сохранились в «Донесении обезьяньего посла обезьяньей вельможе» (вариант этого текста от-

²⁶ Очевидно, «Тулумбас» был написан в сентябре–октябре 1920 г. Косвенно этот факт подтверждается заметкой о том, что 25 октября 1920 г. на вечере в Доме искусств состоялось «чтение Ремизовым памфлета „Послание епископа Обезьянского“ (три новых рассказа)» (Дом искусств. 1920. № 1. С. 70).

ложился среди его бумаг, примыкающих к «Дневнику» писателя [69: 512–513]). Даже своим названием (не говоря уже о содержании) «Донесение...», несомненно, перекликается с замятинским «Посланием»:

– – спешу уведомить тебя, друг мой, что положение дел в великой белой империи²⁷ страшно изменилось: все люди вышли из скотских загон и объявили, что они человеки, но при этом они стали разбрасывать нечистоты на площадях и улицах, утверждая, что во всеобщем засорении заключается истинная свобода. Вожди их говорили, что людей единственно можно убеждать, отказавшись от всякого принуждения, поэтому никто никого не стал слушаться. И каждый стал делать что хотел. Ты знаешь, что у нас, в обезьяньем царстве, свободно выраженная анархия, но она подчинена строгим правилам и выработанным формам, которым каждый подчиняется совершенно свободно. Например, хотя бы при переправе через реку – все берут один другого за хвост и таким образом переплывают цепью. Каждый понимает, что иначе переправиться нельзя, либо он утонет. Слабые же дети переходят по живому мосту сплетенных обезьян²⁸. Представь себе у людей – этих напыщенных дураков! – совсем иначе: они стали не облегчать себе жизнь, а затруднять, причиняя всевозможные насилия во имя свободы и заставляя каждого заниматься несвойственным ему делом. Особенно нам, интеллигентным обезьянам, было смешно, когда писатели скалывали лед на улицах и разгружали барки с дровами. Нет, я никогда не унижусь до того, чтобы когда-нибудь захотелось стать человеком, как об этом мечтала моя бабушка, находившаяся в крепостном состоянии у бывшего барона фон-Пфиферганга в городе Штумбенбурге. Мы видим противоположное явление: наиболее почтенные из людей с удовольствием отказываются от своего человеческого достоинства и, переходя в наши ряды, становятся подданными великого Асыки. Нужно сказать правду, превратиться из человека в обезьяну не так трудно, хотя и не легко отказаться от предрассудков, связанных со чванной человеческой природой. Преимущества же обезьян, если взглянуть трезво, безусловно выше человеческих – –

* * *

Обезьянье свидетельство заменяет визы во все государства и дает бесконтрольный пропуск в леса, в поля, в болота и прочие трущобы всего земного шара. Дано сие свидетельство кавал. обеззн. (имярек) в том, что он поименованный кавал. обеззн. имеет неограниченные права переходить, переезжать и перелетать все границы и через любые заставы, по-

²⁷ В черновике: «в великой свиарной империи» [69: 512].

²⁸ Ср. с высказываниями одного из основоположников русского анархизма – П. Кропоткина: «Среди своих ближайших сородичей, обезьян, человек видел сотни видов <...>, живших большими обществами, где все члены каждого общества были тесно соединены между собою. Он видел, как обезьяны поддерживают друг друга, когда идут на фуражировку, как осторожно они переходят с места на место, как они соединяются против общих врагов, как они оказывают друг другу мелкие услуги, вытаскивая, например, шипы и колючки, попавшие в шерсть товарища, как они тесно скучиваются в холодную погоду и т. д. Конечно, обезьяны часто ссорились между собой, но в их ссорах было, как теперь бывает, больше шума, чем повреждений; а по временам, в минуты опасности, они проявляли паразитические чувства взаимной привязанности...» [213: 59–60].

ставленные «свободолюбивыми» человеческими ячейками, и не связан никакими обязательствами и клятвами и никому ничего не должен – волен делать, что хочет, и думать, как взбредет в голову, храня хвост [44: 294–295]²⁹.

Основным содержанием дополнительного абзаца (отсутствовавшего в черновом наброске) стала тема свободного преодоления границ, мотивируемая состоявшимся отъездом Ремизова из России. Схожие аргументы находим и в «Кукхе». Когда после августа 1921 года писатель оказался на положении бесправного эмигранта, именно «пограничье» навсегда стало для него естественным жизненным пространством. Обращаясь мысленно к В. Розанову, он с горечью сетовал по этому поводу:

Эх, Василий Васильевич, только обезьянья палата (обезьянья палатка!) уничтожила всякие границы, заставы, пропуски и визы – иди куда хочешь, живи как знаешь. И как она безгранична, палатка-то, границ не имеет, так и значения, увы! Никакого в ограниченном мире [61: 66].

В целом мифологический нарратив «Донесения обезьяньего посла» вписан в исторический контекст революционной эпохи. Вывод, к которому приходит его автор, вполне очевиден: жизнь отдельной личности куда выше интересов государства, народа или же партийного сообщества, стремящихся насильственно ограничить свободу с целью исправления «скотской» природы человека. Обезьянам не надо притворяться «человеками»: они обладают самыми «неограниченными правами» по преодолению всех искусственных границ, придуманных людьми. И – не будучи никому и ни в чем обязанными – для сохранения собственной жизни («хвоста!») обезьяны непременно должны объединиться: их спасение единственно возможно при условии свободного подчинения «строгим правилам и выработанным формам».

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА

Непременным условием самоутверждения государства является так называемая «легитимация» власти. В послереволюционном историческом контексте Манифест Обезьяньей Великой и Вольной Палаты и Конституция «верховного властителя всех обезьян» Асыки Первого не могли выглядеть иначе, чем откровенный политический эпатаж³⁰. В то время как новая власть, уча-

²⁹ Глава «Обезвелволпал» мемуарной книги «Взвихренная Русь»; первая публикация – на страницах рижского журнала «Перезвоны» (1925. № 3). В сохранившейся рукописи романа имеется лист с перечнем глав, где зафиксирована датировка «Донесения...»: 1919–1920 (Амхерст).

³⁰ Об очевидной сатирической соотнесенности Обезвелволпала с реалиями исторического момента свидетельствует и дополнение к приведенному тексту Конституции, написанное Ремизовым в альбоме Я. П. Гребенщикова (1921 г.): «Обезвелволпал <...> есть общество тайное <...>. Висит на советской платформе» (Луценко).

ствующая в свержении монархической формы правления, стремилась сделать жизнь своих сограждан максимально контролируемой и «прозрачной», Обезвельволпал узаконил принципы своеволия: объявил себя «тайным обществом», «конституционной монархией» и в соответствии с парадоксальной логикой абсурда установил для своих подданных в качестве основного жизненного принципа «свободновыраженную анархию».

Для самого Обезвельволпала и конституционные принципы, и декларируемая «идеология» носили системообразующий характер. «Неисповедимость» целей и намерений Палаты вполне подтверждалась содержанием законодательных параграфов: предельно общими словами о характере «общества», его верховном правителе (визуальный образ которого известен, хотя «его никто никогда не видел»), о гимне, обезьяньем танце, иерархической структуре, всего лишь трех «обезьяньих» словах да неизвестно зачем добавленного правила бытового поведения, намеренно подчеркивался «тайный» характер Обезвельволпала. «Обезьянья Палата тем и обезьянья, дает все права и освобождает от всяких обязанностей» [57: 134]. Манифест декларировал одно-единственное право: называть ложь – ложью, а лицемерие – лицемерием. Отторгая «гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова», документ фиксировал противоположность свободного и естественного обезьяньего мира рабскому и лицемерному сообществу «людей человеческих». Сохранилось два автографа Манифеста. Один оказался в составе «документов» Обезвельволпала, собранных С. Я. Осиповым. Ниже приводим его полностью. Угловыми скобками отмечена авторская правка и вставки.

Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов
и всея природы
Асыка I-ый

верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, объявляем хвостатым и бесхвостым обезьянам, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать, и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, как бы оно не называлось³¹. А потому и писателям <исправленное: писатели> из наших, все<м>, те<м>, кто обмакивает кончик хвоста в чернильницу или мизинец, если <обезьян> бесхвост, надлежит помнить, <что> никакие <старые – зачеркн.> лицемерные ухищрения пузатых отравителей от приседа и присяда и называющих идею приемлемой, но не приемлющих борьбу за ту же идею и <так!> не допускающих бороться мыслью и идеей, там где это возможно, не могут быть допустимы в ясно откровенном и смелом обезьяньем царстве и что всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения

Дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и подмазан собственноручно на исковерканном глупостью русском языке» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 2).

³¹ Ср. с приведенным выше удивительным замятинским оксюмороном, определяющим окружающую действительность: «истинная ложь, которую лишь горькоумные именуют правдой».

В этом тексте более подробно, чем в печатных редакциях, раскрывается основной обвинительный мотив, обращенный к писателям «из наших», кроме того, обнаруживается тема уродливых искажений речи, привнесенных революционной эпохой. Можно предположить, что данный автограф является самой первой редакцией Манифеста. К тому же своим инвективным пафосом эта редакция напоминает «Вонючую и торжествующую обезьяну...».

Другая беловая редакция, датированная 1919–1921 годами, то есть временем окончательного самоопределения Обезвелволпала³², была запечатлена писателем 10 мая 1921 года в альбоме с автографами выдающихся писателей и поэтов послереволюционного Петрограда, собранными сотрудницей Пушкинского Дома Е. Казанович (ИРЛИ. Р I. Оп. 12. № 282. Л. 6). Документ выполнен в эстетике грамот Обезьяньей Палаты: он написан искусным полууставом, с «росчерком» царя Асыки и «скрепой» канцеляриуса. Текст Манифеста полностью соответствует его первой публикации в журнале «Записки мечтателей» (1919. № 1. С. 144–145):

Мы милостью всевеликого самодержавного повелителя
лесов и всяя природы

АСЫКА ПЕРВЫЙ

верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, объявляем хвостатым и бесхвостым обезьянам, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделывать, и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, как бы они ни назывались.

А потому и тем скоморошным обезьянам, кто обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизинёц, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде и хамском приседе, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения.

Дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и подмазан
собственнохвостно.

Конституция (под названием «Обезвелволпал») впервые была опубликована в берлинских «Бюллетенях Дома искусств» [24: 30–31], а затем с изменениями включена (вместе с Манифестом) в состав романа «Взвихренная Русь».

КОНСТИТУЦИЯ

1. Обезвелволпал (обезьянья-великая-и-вольная-палата) есть общество тайное –
происхождение – темное,

³² В эти годы Ремизов жил на Васильевском острове – в квартире, которая буквально ассоциировалась им с Обезьяньей Палатой.

цели и намерения – неисповедимые,
средств – никаких³³.

2. Царь обезьяний-Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа-Асыка-Первый-Обезьян-Великий:

о нем никто ничего не знает,
и его никто никогда не видел.

3. Есть асычий нерукотворенный образ – на голове корона, как петушиный гребень, ноги – змеи, в одной руке – венок, в другой – треххвостка.

4. Гимн обезьяний:
я тебя не объел,
ты меня не объешь,
я тебя не объем,
ты меня не объел!

5. Танец обезьяний: «вороний» – в плащах, три шага на носках, крадучись, в стороны и подпрыг наоборот с присядом, и опять сначала.

6. Семь князей. Семь старейших кавалеров-вельмож, ключарь, музыкант, канцелярист и сонм кавалеров и из них служки и обезьяньи полпреды.

7. Три обезьяньих слова: «ахру» (огонь), «кукха» (влага), «гошку» (еда).

8. Принято отвечать на письма [44: 272–273].

МАНИФЕСТ

Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов и всея природы –

АСЫКА ПЕРВЫЙ

верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, омрачившее свет мечты и слова, объявляем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались³⁴; а потому тем, кто обмакивает в чернильницу

³³ В составе одноименной главы в книге «Ахру» этот пункт Конституции был сформулирован следующим образом: «происхождение – темное, / цели – свободно выраженная анархия, / намерения – неисповедимые (курсив наш. – Е. О.), / средств – никаких» [32: 49–50].

³⁴ Ср.: «...на языке гуигнгнмов совсем нет слов, обозначающих ложь и обман» [312: 485]; а также: «Он <гуигнгнм-хозяин> рассуждал так: способность речи дана нам для того, чтобы понимать друга и получать сведения о различных предметах; но если кто-нибудь станет утверждать то, чего нет, то назначение нашей речи совершенно извращается, потому что в этом случае тот, к кому обращена речь, не может понимать своего собеседника; и он не только не получает никакого осведомления, но оказывается в состоянии худшем, чем невежество, потому что его уверяют, что белое – черно, а длинное – коротко. Этим ограничивались все его понятия относительно способности лгать, в таком совершенстве известной и так широко распространенной во всех человеческих обществах» [312: 495]. Ср. также: «Мы отказываемся уродовать личности во имя какого бы то ни было идеала; все, что мы позволяем себе, – это искренне и откровенно выражать наши симпатии и антипатии к тому, что мы считаем хорошим или дурным. Такой-то обманывает своих друзей? Такова его воля, его характер? Пусть так! Но наш характер, наша воля – презирать обманщика! <...> Его активной страсти противопоставим нашу, такую же активную и сильную, страсть – ненависть ко лжи и обману» [213: 307–308].

кончик хвоста или мизинец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников и лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем объявляем во всеобщее сведение для исполнения; дан в дремучем лесу на левой серебряной бумажке и подмазан собственноручно; скрепил и деньги серебряной бумагой получил бывш<ий> канцелярист обезвелволпала cancellarius – [44: 273–274]³⁵.

Если с известной долей условности Конституцию и Манифест Обезвелволпала можно назвать идеологическими документами, то кодекс «обезьяньего» поведения (конец 1940-х годов) стал сводом моральной философии Ремизова. Страница «архаических обезьяньих начертаний», фантастическим образом возникшая из недр пишущей машинки («машинка русская, а получился не русский шрифт и не латинский, а Бог знает что – целая страница каракулей»), словно «дикий обезьян неопрятным хвостом ширял по листу»), отчетливо продемонстрировала наличие внутри «обезьяньего царства» гармонических отношений:

Животные четвероногие,
Птицы, рыбы и гады,
– от небесной лазури до полевой зелени:

Переступая порог обезьяньего притона – горнила закоснелого преступления и поджига, намотайте на ус и вбейте себе в голову царя обезьяньего Асыки слово:

(перевод с обезьянского)

- 1) Говорит один обезьян – другому обезьяну хранить гарпократическое³⁶ молчание;
- 2) Простор мысли и никогда не стоячьсть, и без всяких задних мыслей, без нашептов, заплёвок и намеков;
- 3) Дверь не заперта – входить без зова, но не вертеться без толку около моего стола;

³⁵ В списке глав рукописи романа «Взвихренная Русь» «Манифест» помечен 1918 годом (Амхерст). В составе книги «Ахру», под «Манифестом», который завершал книгу, проставлены даты и места создания: «1918–1922 г. / Petersburg, Charlottenburg». Обе редакции 1922 г. практически идентичны. Однако они отличаются от последней (1927), включенной во «Взвихренную Русь». Первоначальный вариант: «огадившее всякий свет мечты...» заменен в окончательной редакции на: «омрачившее свет мечты...» Пассаж про «пузатых отравителей» в текстах 1922 г. был более категоричен: «в своем рабьем присяде и хамском приседе (курсив наш. – Е. О.)». Отличается и автохарактеристика в конце текста: в редакциях 1922 г. писатель именует себя «б. канцелярист, забеглый политком (курсив наш. – Е. О.) обезвелволпал. – cancellarius». В своей библиографии произведений Ремизова Х. Ламплъ [415] указывает также на публикацию «Обезьяньего манифеста» в газете «Русское эхо» (1925. № 33. С. 5), который соответствует тексту из «Ахру». Об этой же публикации упоминает и Н. В. Зарецкий в своем письме к Ремизову от 24 мая 1927 г. (Амхерст).

³⁶ Здесь: хищническое.

- 4) Ничего не просить насильственно;
- 5) Не ершиться и не насакивать друг на друга по пустякам. Пример со свиньей: чем свиньям теснее, тем ближе они жмутся друг к другу гузнами;
- 6) Лучи прошлого – воспоминание. Но только, пожалуйста, без повторов;
- 7) Более надежды, чем сомнения, больше желаний – неосуществимых и неосновательных;
- 8) Не под-так-ивать;
- 9) Самое простое никогда не прямо, прямой в природе не существует, а только в воображении, и только подходами, крюками и кривунами достигается простое;
- 10) Не затевать неугомонной возни;
- 11) Проверяйте «факты» живой жизнью;
- 12) И доброе слово чтобы в горле не останавливалось! [57: 29–30].

Моральная философия Обезвельволпала (так же, как и эстетика Обезьяньего общества) впитала в себя самые разнообразные начала мировой культуры, отражая центральные для XX столетия темы – индивидуальной свободы и мировой гармонии. В основание ремизовского «обезьяньего» кодекса были положены не декларативные требования метафизической этики, но и не принципы так называемого «зоологического материализма», характерные для классических анархистов³⁷, а личный жизненный опыт, трансформировавшийся в правила, по своей аномальной сущности отдаленно напоминающие «Афоризмы житейской мудрости» А. Шопенгауэра.

Как и немецкий мыслитель, автор «обезьяньей морали» призывал руководствоваться «обычной, эмпирической» точкой зрения, ни к чему не обязывающей ни мудрецов, ни глупцов [392: 260]. Но в отличие от интеллектуального шопенгауэровского пессимизма, колебавшегося между страданием и скукой, гуманность постулатов «обезьяньего» кодекса объясняется их направленностью на «серединность»³⁸ – простоту и естественность самой жизни. Ремизов не стремится ограничить себя привычным для интеллектуального выбора исключительным «да» или «нет». Коренное отличие его

³⁷ В русском анархизме представлены две принципиально противоположные оценки порядков, царящих в животном мире: признание инстинкта животных как основы для развития человеческой свободы и как состояния, которое следует преодолеть. Ср.: «Наши первобытные предки жили *среди животных и с ними*. И как только они начали вносить какой-нибудь порядок в свои наблюдения природы и передавать их своему потомству, животные и их жизнь и нравы давали главный материал для устной энциклопедии знаний и житейской мудрости, которая выражалась в виде поговорок и пословиц» [213: 59]; а также: «Человек – животное; по прямой ступени он произошел если не от гориллы, то от ее сородичей; упразднить своей животности человек не может. Но... человечество – последнее и совершеннейшее проявление ее – есть одновременно все возрастающее отрицание животного начала в человеке. Человек может и должен переработать свою животность, очеловечить ее через свободу» [121: 146]. Ремизовская утопия, откровенно пародируя идеологическое доктринерство, предлагала вполне оригинальный вывод: человек только тогда выйдет из своего рабского, «скотского» состояния, когда будет вести себя по отношению к другим людям столь же естественно, гармонично и «интеллигентно», как относятся друг к другу представители животного мира.

³⁸ Ср. с характеристикой восточного мудреца, который, «держась „середины“», питает и воплощает в себе «*основную простоту – ту высшую элементарность*, что извлекается из сложной житейщины лучами Дао» [92: 17].

нравственных постулатов от традиционных норм состоит главным образом в том, что они ничего никому не навязывают. Это проявляется даже в принципиальном отказе автора от использования слов, настаивающих на «необходимости», «долженствовании», «следовании» и тому подобном. Модальность скрыта; более того, в одном и том же предложении позитивное утверждение намеренно сталкивается с одновременным встречным отрицанием, и оттого подразумеваемый вывод («мораль») становится ярче и парадоксальнее.

Если ремизовский «кодекс» попытаться воспринять буквально – как советы отдельной личности для гармонизации внутреннего «я», – то дух иронического морализаторства окажется очевидным³⁹. Совершенная свобода и абсолютная гармония могут быть достигнуты только тогда, когда человек будет делать то, что ему по душе. Человеческие действия, по мнению Ремизова, изначально не поддаются регулированию извне, поэтому ориентиром поведения индивида может быть только «живая жизнь». Отличительным признаком этих «рекомендаций» является их абсолютная выполнимость, исключая какое-либо насилие и над собственной личностью, и над другими людьми.

³⁹ Ср. диалог героя-рассказчика со священником о. Куликом («По карнизам»): «О. Кулик, – окликнул я тихонечко, – я вам „обезьяний знак“ дам для ношения. На это послышалось обычное: «Господи помилуй!» – «О. Кулик... первой степени с куричьей задней ногой». И опять – но уж по-другому: «Господи помилуй!» – «Я профессору Черенкову дал первой степени с комариными ножками». – «Да как же это я у вас буду в обезьянах состоять, неловко! – отозвался о. Кулик и точно чему-то обрадовался, – в обезьянах, Господи помилуй!» – «Вы думаете, духовное звание исключает принадлежность?» – «Свяжешься! Еще и в ковчег не допустят». – «Но ведь это ж только название: „обезьяний!“ А главное, никаких обязанностей, а права безграничные и ничего не признается: ни пространства, ни времени, и образ действия любой, против нормального мышления!» – «Я боюсь», – растерянно сказал о. Кулик. – «Да чего бояться-то?» [47: 57].

ОБЕЗВЕРВОЛПАЛ: МИР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФАНТАЗИИ

И

нтерпретируя феномен Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, некоторые исследователи подходят к нему как к явлению «институциональному». С. Н. Доценко хотя и именует Обезвелволпал «мифом», «пародией», «истинным царством свободы», «положительной альтернативой» реальности, одновременно представляет его – партией, куда «принимались люди» в соответствии с их убеждениями; организацией – с «обратным знаком» по отношению к партиям власти и оппозиции [163: 309]. Г. Слобин считает, что Палата была «тайным литературным обществом», «неформально» просуществовавшим с 1907-го по 1917 год, до тех пор пока не «было „официально“ учреждено конституцией, написанной Ремизовым кириллицей и глаголицей»: «Члены Палаты часто встречались на квартире Ремизовых и вели шутивную переписку, пародируя тон и стиль официальных документов» [325: 49].

Между тем истину следует искать совершенно в иной плоскости. Возникновение игры действительно было вызвано потребностью писателя в творческом и дружеском общении, желанием самоутвердиться в литературной среде и противопоставить существующим формам общения свою оригинальную коммуникативную модель. Однако Ремизов сам по себе – уникальный тип творческой личности: своего рода Homo Ludens, то есть человек играющий, человек, в течение всей жизни создававший миф собственной жизни. Его собственное «я» не только являлось естественным источником творчества, но и само становилось объектом и результатом этого творчества.

Все литературные произведения Ремизова представляли собой искусно выстроенное «автобиографическое пространство» [153], где литературные герои воспроизводили автопортретные черты или заимствовали психологические характеристики реальных лиц из ближайшего окружения писателя, и все «человеческое, слишком человеческое» (Ф. Ницше) становилось материалом для мифотворчества. Мемуарный цикл созданных им произведений поэтапно осветил каждый значимый отрезок пройденного пути: 1877–1897 («Подстриженными глазами»); 1897–1905 («Иверень»); 1905–1917 («Петербургский бунрак»); 1917–1921 («Взвихренная Русь»); 1923–1939 («Учитель музыки»); 1940–1943 («Сквозь огонь скорбей»). В конечном счете и Обезьянья Палата стала неизменным контекстом биографии Ремизова. Пользуясь разрозненным жизненным и литературным материалом, писатель на протяжении всей своей жизни созидал целостный универсум, в котором стремился воплотить утопическую мечту о литературном и человеческом братстве.

В русле основных направлений культуры рубежа веков Обезьянья Великая и Вольная Палата – своеобразное осуществление основных тенденций эстетики и мировоззрения символизма, который, уподобив реальность художественному тексту, стремился преодолеть границы, разделяющие действительность и искусство, художественный быт и литературный факт. Новизна мировосприятия символистов определялась не только отождествлением жизни художника с драматической историей, подлежащей описанию и толкованию, но и представлением об окружающей действительности как о своеобразном панэстетическом пространстве. Мир в подобном ракурсе представлял иерархией текстов во главе с «универсальным Текстом», «отражающим мифологическую природу мира». Он осмыслялся как «глобальный „миф о мире“ и как „мистическая реальность“, в конечном итоге, реализуемая «в „текстах жизни“ и в „текстах искусства“» [249: 134]. В то же время с мифом отождествлялись и результаты художественного творчества. Создаваемые символистами тексты воспринимались «литературой о литературе», «поэтически осознанной игрой» разнообразными традициями, образами и ситуациями, взятыми из сокровищниц мировой культуры [250: 94].

Миф нового времени поставил во главу угла индивидуального человека. Более того, секуляризованная культура породила такое специфическое явление, как автомифологию, наиболее значительные примеры которой в русской культуре были созданы, в частности, Пушкиным, Гоголем, В. Соловьевым, Андреем Белым и Блоком. «Среди тех, кто оставляет свое имя в мировой истории, встречаются „люди образа“ и „люди пути“ <...>. „Люди образа“ сами создают миф о себе и сами этот миф представляют» [132: 41]. К таким людям вполне можно отнести и Ремизова; проза его пронизана самоописаниями, откристистализовавшимися в целостный автобиографический миф, в построении которого Обезьянья Палата стала наиважнейшим звеном.

В отличие от автомифологий многих символистов (например, Блока или Белого), возникших из мистических переживаний, разгадывания затаенных в реальном бытии символов и знаков, миф Ремизова строился в ином регистре, где эзотерическое максимально приближалось к бытовой стороне жизни: повседневность облекалась писателем в символические формы и становилась фактом литературы. В этом смысле Обезвельволпал Ремизова был не чем иным, как мифологической реальностью, складывавшейся по принципу образования символистского «текста-мифа» на основе различных культурных традиций и литературных образов. Этот уникальный эксперимент возник в развитие идеи, которую писатель высказал на заре своего творческого пути, осмысляя суть и законы мифологии: «только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека»; «и стал я сочинять легенду о себе или, по вашему, „сказывать сказку“» [205: 89, 125].

Уже тогда Ремизов воспринял современную литературу как тождество единичного факта творчества и общего процесса, существующего в потоке единой, неразрывной общечеловеческой культуры. Обезьянья Палата соединяла в себе такие многоуровневые культурные традиции, что для каждого функционально значимого художественного или историко-литературного объекта найдется прототип (и не один). Такой миф принципиально вариативен, а фигура автора в нем многолика. Она не отражает направленного движения к единому образу; скорее это калейдоскоп переводов, которые меняются в соответствии с поэтикой каждого конкретного произведения, каждой конкретной житейской ситуации. Ремизовское автоописание распространялось на все его творчество, проявлялось во всех произведениях и полностью соответствовало внутренней природе писателя, которого определенно можно назвать «человеком образа».

Для Ремизова не существовало различий между литературой и жизнью, поэтому он не отделял собственный образ в литературе («писатель») от реального и вымышленного образа в жизни («человек»):

Писатель и человек. Так повелось судить человека, ремесло которого – слово. <...> Правильно ли такое деление: человек и писатель? Писатель в своих произведениях дает все заветное, человеческое. До расчленения на «писателя» и «человека» в памяти храню о себе – все врет, грубый. С расчленением на «человек» и «писатель»: 1) подражатель (В. Пяст); 2) хитрый из воды сух выйдет (Чулков); 3) литературный вор (А. Измайлов); 4) все врет (Ф. Сологуб) [205: 90].

Н. В. Резникова своих воспоминаниях в главе под примечательным названием «Образ Ремизова, им самим создаваемый» утверждала, что широкое признание его как писателя «шло вразрез с тем образом, который Ремизов создавал в течение всего своего писательского пути: образ непризнанного, отталкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека» [294: 133]. Артистически умаляя свой талант, значение и роль, он сознательно творил образ «слабоголосого писателя» [205: 91], сравнивая себя с маленькой птичкой ремез (известной по одной малороссийской колядке), наделенной сильным голосом, но наказанной Богом за озорство и своеволие¹.

В Обезвельволпале реализовалась одна из ипостасей Ремизова: хроникер, незаметный писарь, канцелярист общества – то есть герой, под неприметной маской которого скрываются принципиальные мировоззренческие позиции автора. В этом игровом пространстве писатель отводил себе скромное место, исполняя самую маргинальную роль: всего лишь фиксируя в шуточных письменах свой литературный миф, позже воплощаемый в произведениях, где тема Обезьяньего общества становится доминирующей («Ахру», «Кукха», «Взвихренная Русь», «Учитель музыки» и др.).

Тексты обезьяньих грамот обязательно обрамлялись глаголическими надписями, а рисованные изображения на них, как, впрочем, и вся графика Ремизова, подписывались его личным знаком – глаголической буквой: . В письме к В. Ф. Маркову (1955) Ремизов приоткрыл значение важного

¹ См. сказку «Ремез-птица», вошедшую в сборник Ремизова «Николины притчи» (Пг., 1917). Ср. с характеристикой ремеза у Даля: «пташка... из рода синичек, которая вьет гнездо кошелем; за искусство это ее зовут *первой пташкой у Бога*» [348: 91].

для себя символа: «...этот глаголический знак ставлю под моими рисунками – славянское „ч“, латинское „р“» [76: 431]. Комментируя это письмо, Марков высказывал недоумение, зачем, собственно, писателю понадобилось соотносить кириллический и латинский эквиваленты с глаголическим знаком [76: 443].

На наш взгляд, ремизовская криптография служит подтверждением продуманной многослойности смыслов. Замена именной подписи глаголической литерой была не простым графическим жестом, но желанием семиотически соединить мир Обезьяньей Палаты с мифом собственной личности. Беспрестанная игра значениями и внешними обликами слов (и даже букв) открывает аутомифологический мотив объединения в одно целое букв-близнецов, связанный с историей происхождения фамилии «Ремизов» от имени маленькой птички. Прописная латинская буква «г», по-видимому, ассоциировалась им как с ремезом, так и с собственной фамилией: «Фамилия моя происходит от колядной птицы ремеза, а не от глагола. <...> Назвали меня Алексеем именем Алексея божия человека – странника римского» [94: 25]².

Благодаря значку глаголического алфавита (священному славянскому письму, созданному в конце IX – начале X в.³), писатель символически соединил два полярных, антиномических начала. С одной стороны, кириллическая «ч», соответствующая глаголической букве, с древнейших времен имела универсальное название – «червь», с другой – та же самая литера указывала на эзотерический смысл слова «человек», являющегося опорным в формуле имени преподобного *Алексия человека Божия*. Забавный значок на ремизовских «обезьяньих» письменах и рисунках вмещает в себя символический макрокосм, существующий в необъятном диапазоне – от самой нижней, земной (буквально: земляной) твари до высочайшего творения Бога. Подобная экзистенциальная самоидентификация выражена в известных державинских строках из оды «Бог» (1784):

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень существа;
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, – я раб, – я червь, – Я Бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколь произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

² Чтобы избежать ассоциаций своей фамилии с карточным глаголом, Ремизов в письмах к малознакомым людям нередко проставлял ударение на первом слоге. Об изменении написания фамилии «Ремизов» через «и» (от карточного глагола «ремизить», т. е. вводить в ремиз, подсиживать), а не через «е» (от названия птицы «ремез») см. [55: 234–235]. Писатель смог так убедительно обосновать «птичью» этимологию своей фамилии, что М. Горький, например, всегда писал «Ремезов», указывая на точность такого правописания и другим. См. его письмо к М. Э. Козакову от 28 декабря 1932 г. [214: 198, 205].

³ Интерпретацию эзотерического значения глаголицы и кириллицы см. в книге А. Зиновьева [177: 211]; здесь время возникновения глаголицы относится к 886–893 гг.

В проекции на игровую маску Ремизова, проявляющуюся одновременно как в самоумалении (*канцелярист Обезьяньей Палаты; б. канцелярист, забеглый полтком; буфетчик Обезвелволпала*⁴), так и в объективной власти над всем ходом игры, хотя и скрытой за фантомной фигурой царя Асыки, обнаруживается еще одна самоидентификация Ремизова, восходящая к его историческому тезке – царю Алексею Михайловичу. Тень «тишайшего» самодержца стоит за отдельными мотивами мифа Обезьяньей Палаты, и сам он ассоциируется со многими характерными особенностями личности ее *канцеляриуса*. Из объективных оснований, позволяющих указать на этот слой ремизовской автомифологии, назовем копии царских грамот, сохранившиеся в архиве писателя (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. № 64). Все остальные аргументы восходят к культурной памяти, преданиям и историческим описаниям. Тем более что и само сравнение личностей царя и писателя скорее соотносится с собственным правилом Ремизова – опираться на «бездоказательное», которое «как вера, источник легенд, оживит исторический документ» и, «перенося его в реальность неосязаемого мира», поможет сохранить истину о человеке [59: 22].

Как свидетельствуют многочисленные жизнеописания, в личности царя Алексея Михайловича сочетались необыкновенная кротость характера (благодаря чему он стал героем житийной литературы, а также многочисленных народных легенд) и – черты сильного правителя, уверенно занимавшегося проблемами государственного строительства. Это был просвещенный самодержец, благодаря которому на Руси утвердилась национальная самобытная книжность и возникали устойчивые связи с европейской культурой. Столь же неординарным было и творческое кредо Ремизова, в котором, по сути, ортодоксальное отношение к языковым и культурным традициям уживалось с незаурядными способностями ученого-компаративиста, сводящего к общему знаменателю самые разнообразные мифологические и лингвистические явления.

Самодержец любил скоморохов и лицедеев, и поэтому при его дворе расцвел театр, в котором ставились наивные «представления». Первая пьеса Ремизова – «Бесовское действие» была именно таким представлением, написанным на основе древнерусского списка XVI века и его позднейших лубочных вариантов (XVIII–XIX вв.). Законодательная и административная деятельность царя Алексея Михайловича запечатлелась во множестве грамот, среди которых было немало и «жалованных», говорящих о его умении ценить достоинства и заслуги своих вельмож. Ремизов также будет постоянно использовать жанр грамоты в поэтике своей игры. Собственно, вся эпоха правления Алексея охватывает исключительно важный для творчества Ремизова спектр исторических и культурных явлений. В истории культуры они выполняют роль устойчивых символов-кодов, и среди них особенно значимыми становятся в первую очередь такие явления, как «протопоп Аввакум» и «самозванство». Для Ремизова история – живой миф, в котором он совершал чудесные путешествия и перевоплощения. В новелле «Царский венец» автор представляет себя наборщиком времен правления Алексея Михайловича, пострадавшим за приверженность героическому староверу, своему «духовному наставнику» – протопопу Аввакуму [54: 91]. Феномен «самозванства» игровым образом сказался в мифологическом пространстве Обезьяньей

⁴ Такая «должность» Ремизова значится в составленной С. Я. Осиповым «Разрядной росписи людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты»: графа *служилые люди*.

Палаты: в узурпации *канцеляриусом* права отдавать распоряжения от имени царя Асыки, а по сути дела – управлять Обезвельволпалом.

Образ «тишайшего» царя подразумевает самые разнообразные модели поведения: Царь – как человек, наделенный неограниченной властью, но не пользующийся ею; Царь – не демонстрирующий свое превосходство; Царь – человек, обуреваемый непомерной гордыней и смиряющий этот грех; Царь – личность, в которой борются сознание собственного превосходства и признание своей ничтожности перед Богом и т. д. В известном смысле схожая амплитуда самосознания была характерна и для Ремизова, который не раз удивлял своих ближайших друзей немотивированной мнительностью, самоуничижением и юродством (в бытовом значении этого слова). Как упоминает Н. Кодрянская, весьма проницательные догадки о глубинных и поистине трагических причинах такого перевоплощения однажды высказал один из преданно любящих его поэтов (В. А. Мамченко):

Разве не бесовское действо его озорство – самоумаление – все это испытующе показное, внешнее, действующее из глубины гордости, безбоязненное! И значительно – когда прольется и утечет по какому-то назначению его самоумаление, как с кровью и гноем все его бесноватые, – в нем вновь легким светом горят скромность, проницательность, внимательная простота, как жажда гармонии и мира. Но смотришь на Алексея Михайловича такого и думаешь: вот так кора земли сжимает в себе стихийное наваждение [205: 104].

Вместе с тем в создании собственного образа Ремизов действовал как опытный режиссер и актер в одном лице. В этом смысле Обезьянья Палата – своеобразный театр одного актера – была творением самодостаточным, не требующим общественной оценки или непременно соучастия, но одновременно она не стремилась к абсолютной самоизоляции, ничуть не препятствуя включению в свой условный мир других лиц – зрителей или добровольных участников. Несомненно, ее создатель стремился организовать зрелище, главной притягательной и интригующей фигурой которой стал бы он сам, его внешность, поведение, характер его занятий. Не место красит человека, а человек место, не раз говаривал писатель, предупреждая вопросы удивленных гостей, впервые столкнувшихся с необычным, поистине декоративным антуражем его кабинета.

Подхватив идею жизни-театра Евреинова, Ремизов мог ориентироваться и на жизненный эксперимент такой экзотической личности, как «маг» Жозефен Пеладан (1859–1918). Этот французский писатель-декадент, основавший в 1888 году религиозно-эстетический Орден, несколько раз упоминается в книгах Ремизова, который видел в Пеладане предшественника русского символизма, человека, который превратил свою реальную бытовую жизнь в театральные подмостки, наполнив ее символами и таинственными знаками. Благодаря случайному созвучию собственного имени с именем вавилонского царя Меродаха-Баладана он присвоил себе халдейский титул «Сар» и обратился к изучению тайных наук. Характеризуя личность Пеладана, критик Н. К. Михайловский писал: «В качестве любителя музыки и поклонника Вагнера он едет в Байрейт, на представления вагнеровских опер, проникается их музыкой и сюжетами, воображает себя хранителем чаши Грааля, затем духовным преемником тамплиеров и розенкрейцеров. Пеладан носит какие-то особого покроя атласные, голубые и черные камзолы, расче-

сывает себе волосы и бороду по ассирийским образцам, выработал себе особенный почерк на старинный манер, любит писать красными и желтыми чернилами, употребляет почтовую бумагу с изображением ассирийской короны, пишет не письма, а «mandements», то есть приказы или послания. Он изобрел себе герб <...>, пишет он не романы, а „эпопеи“» [253: 15–16; 404].

Не раз подчеркивая театральную природу своего Обезвельволпала («моя Обезьянья великая и вольная палата (Обезвельволпал) или по здешнему l'Académie des Singes – тот же театр» [54: 56]), писатель в большей степени имел в виду не то драматическое лоно, из которого вышел царь Асыка («Трагедия о Иуде принце Искаротиотском»), а родственность театральное действия детской игре, активизирующей способность человека к перевоплощению, восприятию условного мира как взаправдашнего.

Для среднего эмигрантского читателя Ремизов прежде всего «чудак», автор с выкрутасами, «штукарь» с хитрыми словесными ходами, со странными выражениями, с причудливой грамматикой. Многих это отпугивает, а некоторые называют стиль Ремизова «кривляниями» и «ужимками». Личные знакомые писателя, разнесшие слухи о фигурках в его кабинете, об его Обезьяньей Палате и всевозможных шутках над друзьями, только способствовали ложному представлению об авторе «Мышкиной дудочки» как об эксцентрике, играющем в колдуна и волшебника. Почему-то не хотят понять, что Ремизов обладает исключительным и блестящим чувством игры, тем самым инстинктом театральности, который является одним из основных и сильных человеческих потребностей. Недаром Шиллер видел именно в этом инстинкте источник искусства вообще и в частности литературного творчества [339]⁵.

РЕАЛЬНОСТЬ – СОН – ИГРА

Игра литературными «масками» и «ролями», эпистолярная игра, разыгрывание реальной жизни по законам художественного произведения, стилизация, пародия и мистификация⁶ – вот арсенал средств, которые активно использовались Ремизовым и благодаря которым Обезвельволпал имманентно соединил жизнь и творчество, миф и реальность. Тем не менее процесс ассимиляции ремизовской игры в литературный быт проходил довольно долго – в течение целого десятилетия.

⁵ Подробнее о философском осмыслении темы игры Ф. Шиллером см. исследование Г. Маркузе [244: 183–202]. Ср.: «Импульс игры – носитель освобождения. Его цель – не игра „с“ чем-то, скорее это игра самой жизни, ускользающей за пределы нужды и внешнего принуждения, как проявление существования без страха и тревоги, и значит – проявление самой свободы» [244: 192–193].

⁶ Считая мистификацию одним из важнейших элементов ремизовской игры, мы не можем согласиться с утверждением А. А. Данилевского, буквально называющего Обезвельволпал мистификацией, которой Ремизов будто бы «с увлечением предавался сам и которой охотно морочил головы своим современникам» [155: 95]. Мистификация – это авторское произведение, в основе которого лежит вымысел, выдаваемый за реальность. Автор мистификации хотя и скрывается, но всегда находится неподалеку. Миф в принципе лишен авторства, и поэтому он воспринимается не как продукт индивидуальной творческой фантазии, а как свойство самой реальности.

Потребовались серьезные усилия, чтобы мир непредсказуемой индивидуальной фантазии стал близким и понятным не только детям, но и многим взрослым. Игровое взаимодействие с окружающими предполагало и принципиально новые формы художественного освоения реальности. В индивидуальном плане игра постепенно вытесняла «подпольное» сознание и выстраивала удивительный фантастический универсум. Одновременно происходила ее экстерииоризация: мифологическое пространство, в рамках которого преодолевались коммуникативные границы между «своим» и «чужим», становилось пронизываемым, умопостигаемым и доступным для других людей.

О том, что Ремизов всерьез интересовался философской проблемой взаимодействия субъективного «я» и мира объектов, подтверждает его перевод книги А. Леклера «К монистической гносеологии». Преодоление границ между собственным и чужим сознанием автор монографии решал в духе последовательного солипсизма: «Собственное сознание является первообразом, его составные части доставляют родовые понятия, из которых вместе с постулированной индивидуацией складывается чужое сознание...» [223: 55]. Такая точка зрения позволяла сделать вывод, что воображение «человека играющего» взаимодействует с другими людьми на уровне «первообразов», или «архетипов» (К. Г. Юнг), благодаря глубинной бессознательной, а точнее, до-сознательной, надындивидуальной природе самого сознания.

Человеческие души разные и разными проходят жизнь. Какое же может быть общее «служение»? Надо победить свою отдельность и не замечать, но другие должны забыть тебя и соединиться с тобой в игре «не твое и не мое».

А это над тобой – миф [78: 272].

Если в объективном мире человеку свойственно чувствовать себя одиноким и реальность разъединяет людей, не позволяя им понимать друг друга, то объединительным началом может стать воображаемое, игровое, мифологическое пространство. Разрешение индивидуальной проблемы «подпольного», или отчужденного, человека заключается в том, чтобы объективировать чудесный мир хаотического воображения в элементах игры и таким образом осуществить то, что философия называет «приобщением» [113].

Напомним, что первым ремизовским экспериментом по объективации «я», позволившим писателю передать тончайшую сейсмологию внутренних душевных состояний, были его первые «литературные без-образия»: шуточные *Некрологи* и стихотворения, написанные в жанре «видений». Позже универсальным опытом, с максимальной точностью фиксирующим самые неуловимые и зачастую неизъяснимые рефлексии, становится для Ремизова сновидение – сфера бессознательной экзистенции, наделяемая смыслом и не уступающая в своем значении объективному миру.

Сны сами по себе увлекательны, как всякое приключение; а «приключение» – душа живой жизни: из приключений составляется биография человека и история вообще. Сны как бы прерываются бодрствованием, а на самом деле, проникая бодрствование, непрерывны – нигде не начинаются и не имеют конца или: уходят в глубь веков, к первоначальному, к са-

На этой стадии становления художественного самосознания Ремизова сновидение неотделимо от игры, или «приключения». Сновидение обозревает минувшее в его мифологическом уплощении и потенциально предполагает творческую фиксацию. Поэтому запечатленное памятью сновидение писателя отождествляет с текстом. Благодаря воображению обычное зрение преобразуется в видение (про-зрение), рождающее идеальные смыслообразы, из которых складывается миф. В результате такого «снотворчества» автоматически уничтожалась граница между сном и реальностью, автором и героями и одновременно возникало особое игровое пространство, подвластное лишь законам авторской фантазии. Действительно, если повседневная деятельность людей основана на всеобщей рациональности, то мир воображения, фантазии, игры – то есть в широком смысле мифологическое пространство – приглашает войти в сферу иррационального и условно-допустимого.

Снотворчество конца 1900-х – первой половины 1910-х годов (первые литературные сны Ремизова были опубликованы в 1908 году) стало своего рода предуготовлением к игре со взрослыми. Его можно назвать своеобразной прелюдией большой Игры. Это была прекрасная возможность отделить «своих» от «чужих», потенциальных посвященных от непосвященных, если подразумевать в действиях автора какую-то подспудную «прагматику». Начиная с первых своих рассказов-снов, Ремизов рассчитывал на диалог с теми, кто принял бы этот условный, воображаемый мир не за одно из его обычных чудачеств, но за предложение игрового общения и творческого взаимодействия.

Мифологическое пространство сно-видения (т. е. объективированный, литературно зафиксированный результат сновидения) является аналогом игры. Сновидец, как и автор игры, снимает с себя ответственность за самый процесс снотворчества, равно как и играющий не знает, как сложится игра, потому что в основе ее – жизнь, неисповедимый произвол судьбы: ему не что снится, и он не волен распоряжаться ни действием, ни действующими лицами. Однако сновидец, публикующий сновидения, как и *канцеляриус*, ведущий игровую документацию, является единственной фигурой, облеченной неограниченной властью: он – кукловод, управляющий марионетками, он – демиург, в руках которого судьба «героев». Реализуясь в двух ипостасях «человека играющего» – *канцеляриуса* и «сновидца», Ремизов предлагал в построенном им фантастическом пространстве согласиться с некими правилами или условными допущениями, признаваемыми включенными в его орбиту людьми-объектами.

⁷ Сон и игра схожи в своем отношении к реальности; они встречаются на той границе, где фантазия соединяется с действительностью. Ср. с высказыванием Э. Кассирера: «...для мифического мышления и „опыта“ существует постоянный и плавный переход от мира снов к миру „реальности“. И в чисто практическом смысле, и в установке на реальность, которую человек принимает не просто в представлении, но в действии и деятельности, определенные сны получают ту же силу, значение и „истину“, как и события, переживаемые наяву» [371: 113]; а также: «Игра не есть „обыденная“ жизнь и жизнь как таковая. Она скорее выход из рамок этой жизни во временную сферу деятельности, имеющей собственную направленность. <...> Противоположность „игра – серьезное“ во все времена остается неустойчивой. Неполноценность игры имеет своей границей полноценность серьезного. Игра превращается в серьезное, а серьезное – в игру» [368: 18].

Объективация воли сновидца наглядно демонстрируется на примере сравнения «рабочего» наброска, сделанного непосредственно по пробуждении, с литературным вариантом этой фиксации:

13.VI.<1917> Видел во сне, что жду очереди сниматься в фотографии. Ждет и П. Е. Щеголев. А снимают долго. Наконец моя очередь. И меня сажаят, а сзади садится какая-то еврейка. Всех так и снимают – на фоне евреек. Тут я проснулся. На воле гром – гроза. И опять вижу, мы куда-<то> все бежим и на каком-то мосту неизвестно зачем я отсек голову – так по пути – и бросил, и бегу, стираю кровь с пальцев. Потом собираемся ехать в Эссендуки. С<ерафима> П<авловна> приедет потом, а нас четверо Викт<ор>, Сергей⁸, Прокофьев и я – мы совсем налегке с нотами, будем играть какие-то коротенькие пьесы с музыкой и пением. Осталось очень мало времени, а собираемся мы из Сыромятников. Я хожу по огороду, а на грядах кучи яблоков

[69: 439].

– жду очереди сниматься: много нас ждет и П. Е. Щеголев. А снимает Д. С. Мережковский и снимает очень медленно: какой же Мережковский фотограф!

Наконец и моя очередь: меня усаживают в кресло, а сзади садится Лундберг – всех так и снимают на фоне Лундберга.

И бежим мы куда-то и на каком-то мосту неизвестно зачем, так по пути, отсек я голову Тинякову, бросил голову и опять бегу, стираю кровь с пальцев.

Надо ехать в Эссендуки, – С<ерафима> П<авловна> приедет потом, – нас четверо: Андрей Белый, В. С. Миролубов, С. С. Прокофьев. Багажа у нас никакого нет, только ноты. Мы будем играть коротенькие пьесы с музыкой, пением и танцами. Осталось мало времени, а собираемся мы из Сыромятников.

Я хожу по огороду около Андрониева монастыря, на грядах кучи яблок – «черное яблоко».

«Чернов собрал из ломаного железа!»

И вдруг откуда ни возьмись, идет Тиняков – –

когда свинья ест, она хвостиком помахивает.

из временника моего 1917 года
VII 1922⁹

(Прага).

Нельзя сказать, что сновидческие экзерсисы писателя были допущены в литературный мир беспрепятственно: они вызвали немало противоречивых мнений, в особенности из-за употребления в них реальных имен [85: 96; 400: 202]. «В какой час ослепления беллетрист мог принять мысль огласить, как

⁸ Виктор Михайлович (1876–1919) и Сергей Михайлович Ремизовы (1875–не ранее 1930-х гг.) – братья А. М. Ремизова.

⁹ Ср. с текстом сна, который вошел в книгу «Взвихренная Русь» [44: 120]. Характерно, что разночтения дневниковой записи, белого автографа и редакции 1927 г. сказались практически только в употреблении имен. В книжном варианте кроме Ремизова названы Андрей Белый, Владимир Диксон и К. А. Сомов.

литературное произведение, причудливые записи своих диких снов! <...> Это, очевидно, в Ремизове одно из тех чудачеств, которых у него не занимать стать, – высказывал свое возмущение рецензент третьего тома его „Сочинений“, тут же выражая надежду: – Все это, разумеется, должно отпасть со временем от Ремизова, как шелуха» [189: 98–99]. Тем не менее все дальнейшее творчество писателя послужило опровержением этого прогноза. Ремизов утверждал значение сна как мифологической реальности, содержание которой не может быть изменено или проигнорировано. В защиту своего мифотворчества значительно позже он высказался в письме к Я. М. Цвибаку (А. Седых):

Гонение на употребление знакомых мне совершенно непонятно. Вы только подумайте!

Д. С. Мережковский с начала революции (вот уже 10 лет на носу), как Тутанкомоном упражняется, М. А. Алданов на князьях и графах собаку съел, треплет всяких зубовых и в ус не дует, и ничего, пропускают! А мне – нельзя помянуть С. П. Познера! А чем он виноват, что он не «фараон» и не «граф» и никакая придворная птица.

Тоже и во снах: фамилии не случайны! М. П. Миронов снится к дождю, Н. А. Теффи к ясной погоде и т. д. (А м х е р с т; письмо от 30 мая 1926 г.).

Со всей очевидностью Обезьянья Палата смогла привиться лишь в условиях экстремальных, взяв на себя роль игрового отражения и пародийного противопоставления революционной действительности. Органичное внедрение Обезвелволпала в повседневную жизнь ремизовского окружения и в литературный процесс зафиксировал роман «Взвихренная Русь». Автор здесь – хроникер и летописец, чей рассказ обретает значимость как в хронотопе большой истории, так и с позиций отдельной человеческой биографии. Если принять во внимание факт, что история, как зафиксированный результат чьего-либо сознания, имеет своего автора, то сон и игра оказываются одноприродными с историей творениями, в основании которых может лежать мифопоэтическое мышление творящего субъекта.

В романе мифологическое пространство явлено в трехмерном изображении: *реальность – сон – Обезвелволпал (хроникер – сновидец – канцеляриус)*; все эти элементы существуют одновременно и не наделены особыми приоритетами. Хотя повествование построено на монтажном соединении реальных событий и сновидений (последние графически обособлены от остального текста), их объекты и герои остаются неизменными. Один и тот же объективный материал, вмещающий в себя набор героев-образов (Блок, Лундберг, Шестов, Пришвин и др.), находит воплощение в переплетающихся пространствах исторической реальности, сна и игры. При этом и реальность, и сон, и игра как результаты творческого сознания писателя являются своего рода аналогиями по отношению друг к другу¹⁰.

Создание мифологического пространства стало для Ремизова проблемой экзистенциальной значимости: он стремился не только освоиться в чужом мире,

¹⁰ Сон, пронизанный реалиями объективной жизни, есть мифологизированная действительность в ее прошлом, настоящем и даже будущем. Известная поливалентность восприятия истории сближает ее с мифом, который по своей природе может наполняться различными смыслами. По тем же причинам сновидение тождественно истории и мифу. Подробнее о связи истории и сна см. [35б: 66–84].

но и в известном смысле навязать общественному сознанию собственное понимание реальности. В этой связи уместно вспомнить слова Сергея Шаршуна, который в 1932 году, размышляя о тенденциях современной мировой литературы, назвал прозу Ремизова «магическим реализмом». Опираясь на высказывания французского литератора Э. Жалю, Шаршун определил роль этого направления «в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического, – тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной: поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим изображением» [382: 229].

Надо заметить, что ремизовский «магический реализм» (другими словами, восприятие реальности как мира фантастического, волшебного, магического) восхищал современников, но и вызывал достаточно настороженное отношение как факт его повседневного поведения. Примером тому может послужить рассказ В. М. Алексеева, переводами которого Ремизов воспользовался в 1919–1921 годах для создания своих волшебных рассказов на основе притч и сказок Пу Сун-лина (псевдоним: Ляо Чжай), в частности «Лиса преподобного». Когда в 1926 году Алексеев посетил Париж с лекциями, он встретился с Ремизовым и был возведен в *обезьяньи кавалеры* и назначен *полпредом китайским* Обезвелволпала. В своей лекции «Китайская литература и ее читатель», произнесенной в Коллеж де Франс, ученый, очевидно подразумевая Ремизова, отмечал особое восприятие писателем фантастического:

Что меня особенно удивило в суждениях читателей моих переводов Ляо Чжая – это слепая уверенность в искренности писателя, который, по их мнению, сам честно верит в существование этих лисов, суккубов и злобных демонов. <...> Один известный во Франции русский писатель, прочтя мои переводы, говорил мне, что, по его мнению, следует допустить реальное существование мира лисиц, совершенно своеобразного, отличного от нашего, «чрезвычайно китайского», ибо иначе нечего и читать в этих чудовищных рассказах [102: 735].

Приводя этот фрагмент в своем очерке-послесловии, М. В. Баньковская высказывает следующее предположение: «Имя писателя не названо, но, скорее всего, им мог быть Ремизов. В таком случае напрашивается мысль: не были ли утверждения Ремизова розыгрышем, под стать „обезвелволпалу“? Трудно все же допустить, чтобы Алексеев его не понял» [102: 735]. Конечно, слова писателя не были «розыгрышем», как не был мистификацией и Обезвелволпал. На наш взгляд, недоразумение возникло из-за столкновения двух противоположных миропониманий: научного, настаивавшего на непреодолимой границе между волшебным и реальным миром, и мифопоэтического, для которого миры эти – взаимопроницаемы и синкретичны¹¹. Приходится констатировать: будь Ремизов, к примеру, теософом и рассуждай он о тонких мистических материях, его слова вызвали бы куда меньше удивления, чем тема реальности фантастического мира лис-оборотней.

¹¹ Ср., например, с высказыванием близкого Ремизову В. В. Розанова («Сказочное царство», 1900): «Суть сказки и сказочного <...> заключается в более тесном сближении всего мира как бы на одну небольшую площадь, небольшое пространство бытия. В этой тесноте, какой-то метафизической тесноте, вещи, разрозненные в объективном мире, начинают субъективно перемешиваться, взаимно проникать друг в друга или переходить друг в друга...» [305: 123].

Обезьянья Великая и Вольная Палата легко соединяла реальность, воображение и импровизацию: игровая условность ничуть не умаляла серьезности и конкретности самой жизни¹². Жизнеспособность Обезвелволпала обеспечивалась основным принципом, положенным в его основание, – смешением традиций. Думается, это происходило благодаря такой организации игры, которая, подобно гомоморфной структуре, вбирает в себя любые культурные формы прошлого и настоящего, позже «обыгрывающиеся» по новому или наполняющиеся новым содержанием.

Освоенная взрослыми, Обезьянья Палата приобрела статус утопического мира, не только своей «идеологией», но и символической образностью противостоявшего действительности. Для Ремизова игра в Обезьянье общество стала выходом из трехмерного пространства обычной жизни в инобытие смысла. Как и в любой другой игре, предусматривающей перевоплощение в вымышленные образы, *канцеляриус*, *князя* и *кавалеры* Обезвелволпала существовали словно «понарошку», иронически остранив действительность. Обезьянья Великая и Вольная Палата была похожа на детскую игру в куклы, где имена (то есть звания и титулы) определялись автором, но сюжет и фабульное развитие которой диктовала сама жизнь.

Ремизов умышленно не делал различий между игрой и творчеством, игрой и реальностью. Так из игры создавался «текст жизни», запечатлевшийся на страницах его прозы. Писатель органично вводил имена обезьяньих *кавалеров* и *князей* не только в автобиографические произведения, но и, например, в такую специфическую по жанру книгу, как «Россия в письменах», где публикация документально-исторического материала предварялась историей его обретения: «Юрий Верховский Слон, кавалер обезьяньего знака, принес мне однажды именинный дар...» [63: 39]; «...недавно пришел ко мне князь обезьяний И. А. Рязановский, а я старину мою московскую и старую, и нестарую разложил на столе, вспомнить захотелось» [63: 220].

Немотивированное введение игровых элементов Палаты в повседневную реальность – обнародование «обезьяньих» званий реальных лиц, упоминание имени Асыки, серьезное обсуждение делопроизводства Палаты в частной переписке и, наконец, замещение собственного имени литературным псевдонимом – сигнализирует об особом авторском отношении к Обезвелволпалу, что позволяет считать игру не столько явлением художественного быта, сколько литературным фактом, неотъемлемой частью всего творческого наследия

¹² Игра, постепенно ассимилировавшаяся в настоящую жизнь, сделала настолько проницаемыми границы между реальностью и выдумкой, забавой и серьезным, что за очевидной фантастичностью не могли не скрываться искренние переживания и подлинная «забота» (по М. Хайдеггеру, это – исходная составляющая человеческого бытия-в-мире) личности о мире. В этой связи Обезвелволпал вызывает прямые ассоциации с особым стилем общения итальянских гуманистов Возрождения, не чуждых игре и творческому преобразованию действительности в миф. Подобно флорентийским гуманистам, у которых «игра расцветала в противовес мифу и в зависимости от него, подменяя миф собственной ритуальностью и серьезностью, беря на себя его жизненно тотальную и сакральную роль» [104: 93], Ремизов столь же органично руководствовался в жизни принципом творческого поведения «*ludum serium*» (серьезная игра).

писателя. Долголетние игры в Обезьянье общество и устойчивый интерес к этому жинзетворческому эксперименту в немалой степени обеспечивались установкой на тайну: «...исключительность и обособленность игры проявляются самым характерным образом в таинственности, которой игра любит себя окружать» [368: 23]. Атмосфера таинственности складывалась из образа Обезьяньего царя, «которого Асыку никто никогда не видел и о котором обезьяне никто ничего не знает» [62: 154], обезьяньих знаков «для тайного ношения» и глаголицы как сакральной письменности. Забавный казус, произошедший в революционные годы (в ходе кратковременного ареста Ремизова в феврале 1919 года), мог иметь и вполне серьезные последствия:

Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке.

Обезьянье делопроизводство велось не на «кириллице», всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на «глаголице», о которой редко кто слышал.

При обыске обратили внимание на фигурки – ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки – глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой азбуки. «Наша первая азбука, сказал Горький, глаголица, ученые думают, ее, а не кириллицу, изобрели первоучители славянские, святые Кирилл Философ и Мефодий» [54: 58–59].

Каждый посвященный в члены общества удостаивался «обезьяньей» награды – знака или ордена за особые заслуги, подтверждаемые грамотой, – «все по человеку», «по рангу и характеру жалуемого» [54: 57–58]. В заметках «историографа» Обезвельволпала С. Осипова (небольшом плане-конспекте предполагавшегося труда об Обезьяньей Палате) пояснялось: «Ордена жалуются оказавшим услуги Обезьяньей Великой Палате, а также единомыслящим и сочувствующим. Ордена Обезьяньей Великой и Вольной Палаты имеют отличия, по рангу и характеру жалуемого» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 42). Кроме того, среди бумаг Осипова сохранились черновые записи, касающиеся основных законоположений игры:

Возведение в кавалеры всего рода Гржебиных.

Медаль ОВВП¹³ – первая ступень отличия.

ОВВП одна из первых пошла на деловые отношения с сов<етской> Рос<ией> и предложила экспорт обезьяньих шкур.

Право вельмож носить хвосты где угодно, право выбрать и иметь «служку».

Возведение в потомственн<ые> почетные кавалеры (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 55).

Регалии, будучи своеобразными сакральными знаками, отражали отличительные черты и достоинства личности и выражались в мифологических образах, совершенно отвлеченных от образа обезьяны. Поэтому Палата скорее

¹³ Эта обезьянья награда упоминается в тексте грамоты Ф. Сологуба (1919), а также в письме Ремизова к М. Дьяконову от 19 апреля 1926 г. (Амхерст).

напоминала бестиарий, в котором обладателем обезьяньего знака «1-й степени с заяшным глазом» оказался А. Блок [75: 115], орден «с лапами гусиными и о трех хвостах выдриных» носил П. Щеголев, а самому С. Осипову был пожалован орден 1-й степени «с мышью пяткой» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 42).

Возможно, игровой «тотемизм» шел от особого творческого интереса Ремизова к «русалиям» – древнерусским языческим обрядовым игрищам: «...на этих весенних русалиях непременно маски – рядились зверями, птицами, чудовищами и чучелами» [62: 157]. В период с 1913-го по 1922 год Ремизов написал несколько произведений в жанре «русалий» для постановки в театре [38: 49: 9–14; 62: 167–171; 413: 171–174]. Универсум Обезвельволпала, тогда только обретавший конкретные черты, оказывался сродни миру мистических народных верований и праздников. Подвергая участников игры своего рода обрядовому перевоплощению, Ремизов, с одной стороны, создавал сказочный образ, лишенный какого-либо реального подтверждения, а с другой – наделял их сакральными масками, которые идентифицировались с индивидуальностью и своеобразием каждой личности.

Все дарственные документы Палаты были искусно разрисованы. К области эстетического развития игры в Обезвельволпал относятся графические эскизы писателя, в частности иконописное изображение царя Асыки, впервые появившееся на стене его последней петербургской квартиры на Васильевском острове. Отметим, что эпистолярная манера Ремизова всегда отличалась декоративным украшением писем с использованием каллиграфии, различных шрифтов и иллюстрации собственных текстов. Первой обезьяньей наградой в Палате был знак, удостоверяющий возведение данного лица в статус *кавалера*. Поначалу обезьяний знак был основной наградой и представлял собой небольшой (примерно 10×10 см) квадрат картона с рисунком, к которому обычно прилагался текст (свидетельство) с развернутой мотивировкой присвоения этого обезьяньего «чина».

Рисованные грамоты имели необходимый набор постоянных элементов. Основной текст, обычно обрамленный глаголическими надписями, располагался в середине и представлял собой графическую стилизацию под «полуустав древних русских летописей», «совмещенный с рукописным „пошибом“ дяков Древней Руси» [248: 155]¹⁴. Непременными атрибутами нижней части листа были *собственнохвостный* росчерк царя Асыки и подписи членов Палаты. В левом нижнем углу свое законное место занимала *печать* Обезвельволпала. В начале существования «обезьяньего» делопроизводства (1916–1919 гг.) ее эстетика изменялась. По нашим наблюдениям, введение этого игрового элемента (как и использование глаголического значка под рисунками) относится к началу 1916 года: впервые изображение *печати* и глаголического значка встречается в письме к Тинякову от 8 февраля 1916 года (РНБ. Ф. 774. № 33. Л. 48об.). На грамоте Щеголева (1917 г.) для слов, написанных по окружности *печати*, использован кириллический алфавит. Не-

¹⁴ Художник В. Милашевский отмечал, что, «подражая древнерусскому письму, Алексей Михайлович внес свою долю „художественного озорства“ в очертания букв, снабдив их чисто ремизовскими затейливыми загогулинками и вихреобразными разлетами» [248: 155]. Ср. с воспоминаниями М. В. Добужинского: «Он <Ремизов> умел писать и „установ“, и „полуустанов“, и выкручивая самые замысловатые завитки. Часто он уснащал свои писания и рисунками довольно странными – был в них настоящим сюрреалистом еще до сюрреализма» [158: 276–277].

которые грамоты 1918–1919 годов украшены почтовыми печатями из красного сургуча, которые, по-видимому, были предметом коллекционирования Ремизова¹⁵. Позже постепенно укореняются рисованные печати с преимущественно абстрактным изображением в центре, глаголической надписью по окружности: «Обезьянья печать» и датой римскими цифрами. Из некоторых эпистолярных реплик Ремизова к своим адресатам следует, что изготовлению этого атрибута власти канцеляриус уделял не меньше времени и усердия, чем написанию всей грамоты. Так как в архиве писателя сохранился специальный альбом «Печати Обезвелволпала», датированный 1934 годом и содержащий 30 рисунков¹⁶, можно предположить, что эти образцы заготавливались Ремизовым независимо от создания грамот.

Основные неизменные атрибуты оформления «обезьяньего» документа были зафиксированы в набросках к «историографии» С. Осиповым: «...грамоты должны быть подписаны собственноручно Асыкой, скреплены печатью Обезвелволпала и оплачены всякими канцелярскими сборами» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 43). Завершала пространство листа обязательная «нотариальная» подпись: «Скрепил и деньги получил канцеляриус Алексей Ремизов». Эта подать, размеры которой подчас выражалась в поистине непредсказуемых ценностях (от материальных до гуманитарных), исчисляемых в таком совершенно условном в Палате измерении, как «деньги», почти всегда подчеркивала личное отношение каждого обезьяньего кавалера к самому Ремизову. *Хабар*, или *хабара*, – слово старинное, тюркоязычного происхождения и в разных диалектах имеет различные значения: нажива, взятка, но и – известие, весть. В обиходе Обезвелволпала использовался весь семантический диапазон этого слова, о чем свидетельствует запись в дневнике М. Пришвина от 30 декабря 1917 года:

Когда стучусь к Ремизову и прислуга спрашивает, – «Кто там?» – я отвечаю, как условились с Ремизовым, по-киргизски.

– Хабар бар?

Значит, есть новости.

Девушка мне отвечает со смехом:

– Бар!

И я слышу через дверь, как она говорит Ремизову:

– Грач пришел!

Киргизские мои слова почему-то вызывают в ней образ грача и всегда неизменно. Сама же Настя белая, в белом платочке, и притом белоруска. Кто-то сказал ей, что Россия погибает. Сегодня она и передает нам эту новость: Россия погибает. И на вопрос мой киргизский: «Хабар бар?»

– Есть, – отвечает, – Россия погибает.

– Неправда, – говорим мы ей, – пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет.

– Как, – спрашивает, – Леу?

– Толс-той.

– Леу Толс-той.

¹⁵ Следы сургучной печати сохранились на грамоте Ф. К. Сологуба (1919 г.). На грамоте И. В. Жилкина (1918 г.) приклеена треугольная сургучная печать с оттиском по трем сторонам: «Всех – сное – блаженство».

¹⁶ Список иллюстрированных альбомов Ремизова опубликован А. д'Амелия [154: 163].

Пушкина тоже заучила с трудом, а Достоевский легко дался: Пушкин, Лев Толстой и Достоевский стали для Насти какой-то мистической троицей.

– Значит, они нами правят?

– Ах, Настя, вот в этом-то и дело, что им не дают власть, вся беда, что не они. Только все-таки они с нами.

Как-то пришел к нам поэт Кузмин, читал стихи, Настя подслушивала, потом спрашивает:

– Это Леу Толстой?

Потом пришел Сологуб, она опять:

– Это Леу Толстой?

Ей очень нравятся стихи, очень!

Как-то на улице против нашего дома собрался народ и оратор говорил народу, что Россия погибнет и будет скоро германской колонией. Тогда Настя в своем белом платочке пробилась через толпу к оратору и остановила его, говоря толпе:

– Не верьте ему, товарищи, пока с нами Леу Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет [289: 396–397].

Несомненно, что поэтика Обезьяньей Палаты, как и ее история, создавалась спонтанно и во многом благодаря склонности Ремизова и его друзей к творческому, ироническому обыгрыванию реальных событий жизни. Введение *хабара* свидетельствовало об одной из «ипостасей» общества, которое в годы войны и революции в значительной степени было сориентировано на пародирование уродливых форм бюрократической государственности. Социально-сатирический уклон Палаты был поддержан М. Пришвиным, учредившим в 1916 году фантастическое «Заячье ведомство» – «внутри Министерства Торговли и Промышленности», где, по его собственным словам, он «служил, укрываясь от войны, делопроизводителем отдела „Военного Времени“» [286: 253–254]¹⁷. Не случайно грамота 1917 года, дарованная П. Щеголеву, является своего рода контаминацией этих двух мнимых организаций: многие реальные лица, упомянутые в документе, в том числе и сам награжденный, названы не только *обезьяньими кавалерами*, но и *заячьими сенаторами и резидентами*.

Палата, мистифицируя реальность, иногда кооптировала своих членов совершенно независимо от их собственных решений. В этом контексте примечателен диалог между Ремизовым и Розановым, запечатленный в «Кукхе»:

Я рассказал ему <Розанову> о семи князьях обезьяньих и о «мощах обезьяньих», которые представлены в лице И. А. Рязановского, и о П. Е. Щеголеве, старейшем князе, и о гимне обезьяньем...

– Да, я хотел похлопотать за одного человека – так поросенок.

– Кто такой?

¹⁷ По своей пародийной природе «образ» фантастического общества близок таким историческим предшественникам, как «Бенго-коллегия, или Великобританский монастырь» или же «Всепеньейший и всешутейший собор» Петра I (хотя сам автор вроде бы и отрицал это: «затея Обезьяньей Палаты вышла не из „всешутейшого“ Петровского безобразия, а из детской игры» [62: 121]), игровые элементы которых – участие именитых людей, занимавших высшие посты на государственной службе, пародирование римской иерархии, «где Петр Великий среди всех лиц, как бы с намерением скрыть свою личность, избрал для себя низшую степень протодиакона» [262: 734], а также и другие [280: 527–546], – вполне коррелируются с Обезвельволпалом.

– Руманов, – и вдруг В. В. как-то по-настоящему, по-просительскому наклонился, – нельзя ли ему хоть медаль какую?

Я объяснил В. В., что вообще-то все это зависит от канцелярии, а в канцелярии взяточничество самое зверское: надо подать прошение и при этом обезьяний хабар, но что Руманову, в виду его книжных заслуг, можно и так дать [61: 40].

Казалось бы, противоестественные формы, которые приняла реальность в революционную эпоху, были абсолютно несовместимы с игрой, тем не менее, вопреки жестокости жизни, конкретная житейская помощь вознаграждалась шутивными грамотами и орденами. Например, голодной весной 1917 года доктор Унковский был удостоен такого обезьяньего знака:

Владимиру Николаевичу
Унковскому

за крупы всякие, за книги из-под развалин извлеченные, за память в трудные дни дан обезьяний знак первой степени с крупинкою ячневой для ношения

А. Ремизов <подпись>

дан в смутное время
1917 г. 3 апреля <место печати>
в Санкт-Петербурге
канцелярист А. Ремизов

(ИРЛИ. Р. I. Оп. 30. № 48. Л. 2).

В 1923 году в Берлине была даже заведена специальная тетрадь, обложку которой украсили аппликация и надпись, частично попавшая под фрагмент приклеенного бумажного декора: «Хабар Обезьяньей <Палаты> <Алексею> <Р>емизову». Здесь сохранились записи Ремизова, а также расписки об уплате хабара от В. Андреева, А. Бахраха, В. Лурье, Л. и Н. Львовых и др. Среди документов находятся и разнообразные «Прошения» шуточного содержания. Например, коллективная просьба о переименовании:

Его Обезьяньему
Величеству
Царю Асыке I
В Обезьянью Великую
Вольную Палату

Прошение

Бьем челом Вашей Милости и просим смиренно разрешить нам именовать Кавалера Обезьяньего Знака с Барсучьими Пупками Вишняка-Шварца-Оскорбительного соответствующими его званию и достопримечательности прозвищами:

1. Бафомет (Верховный Козел)¹⁸

¹⁸ Бафомет, мистическое божество, которому поклонялись практиковавшие церемониальную магию тамплиеры, соотносится с гермафродитическим Козлом Мендеса, божеством черной магии [370: 336, 378]. Использование в шуточном «Прошении» в канцелярию Обезвельволпала данной мифологемы только подтверждает «неисповедимость» путей ремизовской игры, элементы которой привносились в ее контекст не только автором, но и самими участниками.

2. Макабуз (Недойная Коза)

Кавал<ер> с хоботком жужжалицы Илья Эренбург
Недослужившаяся до звания Любовь Козинцова

(Хабарная тетрадь. Л. 23).

С течением времени форма обезьяней грамоты практически не изменялась, и только с 1922–1923 годов на ней появилась «гербовая марка»: «...на грамо-

Обложка
Хабарной
тетради.
1922–1923
(ИРЛИ)

те должна быть гербов<ая> марка в сумме 1 квадрильон» (Хабарная тетрадь. Л. 43). Стоимость марки определялась особой денежной единицей:

По примеру того времени, когда каждый уважающий себя город РСФСР печатал и выпускал в обращение свои собственные деньги <...>, Обезьянья Великая и Вольная Палата также выпустила свои денежные знаки «лионы». Изготовлены деньги чрезвычайно искусно, все, от подписи царя Асыки до Бахраха упказа, как нарезано, тончайшей комариной ножкой. <...> По слухам, одно время Нью-Йоркская биржа очень интересовалась этой новой валютой, на нее был бешеный спрос и несколько новых америк<анских> миллиардеров положили тогда основание своим состояниям, играя на повышение «лионов»¹⁹. Однако, все сделки происходили чисто по-биржевому, на записях, без наличности самой валюты. Да и трудно было сделать иначе, т<ак> к<ак> единственный «лион», впущенный в обращение, крепко был запрятан великой (собирательницей) коллекционершей денег Серафимой Павловной (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 38; рукой С. Я. Осипова).

В другом, неопубликованном, отрывке Ремизов так охарактеризовал основной денежный знак Обезвелволпала:

В обезьяньем царстве <искони – зачеркн.> денежной единицей, как у нас рубль, а здесь франк, искони был хвост; высшая мера: хвост с лицами. Но с тех пор, как «обезьянье» взгнездилося в «человечье», обезвелволпал вынужден был отказаться от традицион<ного> хвоста и перейти на подобие человек<еских> денег.

В Ревеле в России и в инфляцию в Герм<ании> возник<ли> обезьяньи лионы – обезлионы. По созвучию с миллионом, биллионом, триллионом (Амхерст; недатированный карандашный набросок).

История Палаты совместилась с судьбой русской эмиграции первой волны, что отразилось в разных «новых» именах Обезьяньего общества и метонимиях царя Асыки, переведенных на разные языки: на немецком Палата стала называться «Das große und Freie Affenstift», а старейшины были объединены в «Совет» – *Affenrat*; во Франции царь Асыка подразумевался под формулой «Le grand et Libre chapitre de l'Ordre des Singes» («Великий и свободный глава Обезьяньей Палаты»), сама же Палата именовалась – «l'Académie des Singes»; на английском, благодаря молодому переводчику А. Брауну, возникла аббревиатура «G.F.H.A» («Grand Federation of Human Apes») [405: XIV]; в переводе на чешский «Обезьянья Палата» звучала как «Opičí veliká a volná rada». Одновременно в канцелярии Палаты возникла необходимость и в переводе на иностранные языки обезьяньего Манифеста. Собрание переводов на немецкий, испанский, сербский, английский, французский языки сохранилось в специальном ремизовском альбоме, составленном в 1948 году (Амхерст). Обезьянье царство утверждалось подобно независимому государству, имеющему собственных представителей в разных землях. Номенклатурному раз-

¹⁹ Здесь же изображен «лион» с надписью: «Löwen – 1 квадриль – lion» (Хабарная тетрадь. Л. 37об.). Ср. также: «Я сделал обезьянью монету – львовую: / Löwen – 1 квадриль – lion / аз обезцарь асыка собственнхвостно / упказ А. Бах-рах. / И все это тончайшей комариной ножкой, как нарезано, от царя Асыки до Бахраха упказа» [61: 51].

нообразию способствовали специфические обстоятельства революционной и постреволюционной жизни: уродливый язык или, например, специфика дипломатии в советской России, которая в Обезвельволпале пародировалась должностями многочисленных обезьяньих полпредов: проживавший в Царском Селе Иванов-Разумник назывался кавалером царскосельским, а обосновавшийся с 1921 года в Лондоне Д. Святополк-Мирский был назначен полпредом Англии. Об этом вспоминает Р. Гуль:

Ремизов шел от сказа, поэтому и любил старинное слово, он же необычайно любил и уродливые, а иногда пронзительные новообразования, словосокращения – ревком, ревтрибунал, губчека, наркомпром, командарм, конармия. Все это Ремизов сразу же подхватывал в свое большое литературное хозяйство, которым прекрасно распоряжался. Недаром даже свою Обезьянью Великую Вольную палату Ремизов тут же превратил в ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ, а ее членов производил из кавалеров – в полпреды. Так, полпредом всея Евразии был Петр Сувчинский. В полпреды Англии и Мексики был возведен князь Дмитрий Святополк-Мирский. И я храню подписанную собственноручно царем обезьяньим Асыкой грамоту в знак возведения в кавалеры обезвельволпала I-ой степени с васильками и назначении берлинским полпредом [150: 67].

Уже к середине 1920-х годов стало ясно, что Обезьянья Палата распространилась буквально по всему миру. Появился даже специальный обезьяний билет, позволявший беспрепятственно пересекать все межгосударственные кордоны. Такие «визы» принадлежали Н. Слонимскому и А. Грачеву:

Дан сей обезьяний билет из Обез Вел и Вол Палаты
Обез<ьяньему> Вельможе – начальнику
слонов – кавал<ер>у обез<ьяньего> зн<ака>
Арсению Владимировичу
Грачеву на право вольного
и безвизного въезда и
выезда куда угодно –
в какие страны или в
какие города безразлично
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 54; рукой С. Я. Осипова).

Должности «обезьяньих подданных» зачастую были прямо связаны с реальными обстоятельствами их личной биографии или причастности к жизни Ремизова. Так, к примеру, появились «профессии» *стекольщика, ключаря, вратаря* и др.

Грамоты 1925–1926 годов выделяются среди прочих надписью, поставленной под печатью: «Красная вежа Обезвельволпала»²⁰. Этим, в частности, отмечена юбилейная грамота Л. Шестова – единственный, но весьма показательный образец игрового замещения реальных членов Обезьяньего об-

²⁰ По-видимому, употребление старинного слова «вежа», обозначающего палатку, шатер, было использовано Ремизовым с целью игры словами и их смыслами. Подобная надпись имеется на грамоте *поганому половецкому хану Кобыку* 1925 г., хранящейся в коллекции Т. Уитни (США).

щества историческими именами, фигурировавшими в жалованных грамотах царя Алексея Михайловича и в указах Петра I (Федор Очкасов, Ф. Грешищев, М. Хрущов и др.) [83: 147–148]²¹. На грамоте Л. Шестова значится: «за Полпред Евразии кав<алер> Петра Сувчинского Федор Очкасов» и т. д. Такой прием стал решением своеобразной проблемы собирания подлинных подписей *полпредов* Обезвельволпала, проживавших в разных странах. Остроумная идея замещения реального лица (*Полпред Евразии*) историческим (Федор Очкасов) только усиливала игровую роль под-разумевавшегося П. П. Сувчинского. Кроме того, такой прием придавал большую достоверность и самому «обезьянью» документу – в отличие, например, от грамоты Н. Зарецкого (1928 г.), которая также была снабжена целым списком членов Палаты, но все имена на ней были написаны рукой Ремизова.

Грамоты 1940-х годов отличаются от ранних более свободным декорированием текста (включающим «тематические» рисунки), дополнительным комментарием (например: «Конституция обезвельволпала, равно и манифест царя Асыки см. Взвихренная Русь стр. 272»), а также поименными перечнями *кавалеров обезьяньего знака*, стоявших у истоков Обезвельволпала, и новых его членов из парижского окружения писателя.

Подробное исследование «обезьяньих» документов раскрывает не только имена многих участников игры, но и ремизовское стремление зафиксировать на этих наградных бумагах значимые для истории Обезьяньего общества временные вехи. На отдельных рисунках и грамотах конца 1940-х – начала 1950-х годов имеется авторское указание на 1907 год как год зарождения Палаты. Однако, например, грамота И. Галактионова 1921 года датирована: «VI-й г. Обезвельволпал», так что начало истории можно отнести и к 1916 году. Нельзя обойти вниманием и упоминание в позднейших мемуарах «обезьяньего» статуса З. Гржебина: «...в войну 1914 года ходил заурядкнязем обезьяньим» [62: 133]. Все эти раритеты объективно подтверждают, что этические и эстетические принципы игры актуализировались в годы Первой мировой войны и революции.

Тексты грамот дают представление и о разнообразных видах этого «обезьяньего» документа. Грамота, пожалованная за определенные, чаще всего гуманитарные, заслуги, называлась «жалованной». Были «сезонные» награждения, связанные с временем года (осенняя грамота), а также «праздничные», приуроченные, например, к Пасхе, к дню Симеона Летопроводца или к празднованию Нового года. Особого внимания заслуживает факт создания так называемой *передаточной* грамоты. Этот документ, изначально предназначенный А. Ф. Керенскому, датирован 5 октября 1937 года. В 1940 году в верхней части грамоты появляется новая приписка, свидетельствующая о передаче грамоты *протопопу и благочинному Обезвельволпала* К. И. Солнцеву. Названия грамот возникали и в связи с конкретными обстоятельствами, когда Ремизову приходилось их самому атрибутировать как *запасные, не востребуемые* и пр.

²¹ Грамота Алексея Михайловича о даровании земель Макарию Григорьевичу Чирикову (1669 г.), в которой упоминается Очкасов, была опубликована Ремизовым в журнале «Версты» [41: 52–56]. Указанные источники стали предметом творческого изучения писателя, который последовательно разрабатывал метод «оживления» исторического документа, уже опробованный им в первом томе книги «Россия в письменах». Подробнее см. [83: 149 (примеч. 20)].

Законы и принципы, которые утверждались в период оформления идеи Обезьяньего общества, обретавшего отчетливый абрис литературной игры, оказались константными на протяжении всей истории Обезвелволпала. Антиповедение, возведенное в закон литературным образом Асыки, подтверждалось, например, специальным обезьяньим *удостоверением*, обладателем которого был В. П. Никитин:

<...> Собственнохвостно удостоверяет царь обезьяний Асыка, скрепил забелый канцелярист обезвелволпал, что поименованный эмир обезьяньей веры и кавалер Василий Петрович Никитин имеет все права без никаких обязанностей – все может и никому ничего не должен. 15 Декабря 1950 (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 18)²².

Диффузия вымысла в область реального, соединение серьезного и шуточного в пределах игрового пространства Обезвелволпала породили такой феномен, как «Издательство Обезьяньей Великой и Вольной Палаты», организованное С. М. Алянским в рамках его издательства «Алконост». В 1921 году в «Алконосте» под грифом вымышленного издательства и даже со специальной издательской маркой работы Ю. Анненкова была отпечатана сказка Ремизова «Царь Додон» в количестве 333 пронумерованных экземпляров [22]. Годом раньше Алянский выпустил ремизовскую книгу «Заветные сказы» (включавшую первые «труды» Обезьяньей Палаты: «Царь Додон», «Что есть Табак», «Чудесный урожай», «Султанский финик»), которая открывалась факсимильным воспроизведением «Лавровой обезьяньей грамоты» с посвящением Обезьяньей Великой и Вольной Палате. Тираж также составил 333 пронумерованных экземпляра, куда вошли и книги владельцев, чьи имена и «обезьяньи» титулы были набраны на авантитуле²³. Под грифом издательства «Обезвелволпал» Ремизов выпустил также рукописный альбом: *Ремизов А. Прощальный вечер Андрея Белого, устроенный Алконостом в Вольфиле 7 VII / 24 VI МСМХХ. Лекция о кризисах и Англии в войну. [Пр.:] Обезьянья Великая и Вольная Палата, МСМХХI. Продлит. № V, 12 стр. [119: 86, 93–94, 123].*

ЗНАМЕНИТЫЕ МИСТИФИКАЦИИ

Пластичность ремизовского дарования выражалась в постоянном эксперименте с художественной формой. Кроме того, игровой характер его творческой личности предполагал эксцентрические взаимоотношения с действительностью: как любитель розыгрышей и мистификаций писатель достаточно прочно зарекомендовал себя еще в Петербурге. С распространением действия игры в Обезвелволпал в сферу реального быта возможности для подобной эксцентрики значительно расширились. Ремизов свободно соединял пародию с элементами русской смеховой традиции – балагурством и

²² Ср. с текстом «Обезьяньего свидетельства» в кн. «Взвихренная Русь» [44: 295].

²³ В частности, в коллекции А. М. Луценко находятся именные экземпляры *зуряд-князя и кавалера обезьяньего знака* Э. И. Гржебина и *книгочия василеостровского и князя обезьяньего* Я. П. Гребенщикова.

скоморошеством. Об этом красноречиво говорит тот факт, что тексты Манифеста и Конституции Обезвельволпала в первых журнальных публикациях предварялись этюдами «Тулумбас» и «Кафтан Петра Великого» [24: 30–32]. Соединение «обезьяньих» текстов со скоморошью темой возвращает к первоначальному замыслу Ремизова, в соответствии с которым подданные Обезьяньего царя Асыки в «Трагедии о Иуде принце Искарриотском» ассоциировались со скоморохами:

Пилат:

...так и идут, так и идут, как рыба в Иордан-реке, да с песнями, с ладонями, – писк, визг, гик, толкотня. Одного сахара за день погрызут, другому бы на год хватило, а пол исследят, – с неделю после моют, ничем не отмыть. А есть среди них презабавные.

Иуда:

Скоморохи? [18: 33].

Ориентация на поведение скоморохов в условиях революционной действительности была вызвана противопоставлением мира и антимира, правильного и неправильного, причем беззаконный антимир скомороха оказывался праведнее настоящего: «В минуту горчайшей народной беды и обиды выступали вперед скоморохи. <...> а за ними катила волна – русская правда» [24: 30].

Несколько изысканнее и сложнее складывались отношения игры с миром творческим. Поскольку принцип противопоставления в этой сфере был неактуален и даже недопустим, здесь в силу вступали более смягченные приемы, аналогичные травестии, при помощи которых была создана одна из незабываемых мистификаций – «философское общество» Цвофирзон. Вымышленное общество возникло в контексте социокультурного феномена, получившего в истории русской общественности устойчивое название «русский» Берлин.

...Русский Берлин если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины <...> хлестаковскими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. ...инфляционный Берлин, связанный с живой Россией и по свежим воспоминаниям выехавших за границу, и по общению с приезжающими из России, был столицей... [65: 358].

Русская колония стремилась создать в своем новом хронотопе некий «параллельный мир», где могли бы реально существовать сложившиеся и действовавшие в пореволюционные годы в России новые институты интеллектуального общения. Подобное «двойничество» было вызвано желанием упрочить связи с родиной, вопреки обозначившейся дистанции, осознать пути развития ее истории, культуры и философской мысли. Так, в конце ноября 1921 года в Берлине возникли «двойники» петроградских Дома искусств и Вольной Философской Ассоциации [265: 141–155].

Спустя полгода на страницах берлинского «Голоса России» был опубликован ряд анонимных заметок, сообщавших о возникновении «в противовес» Вольфиле нового философского общества под странным названием Цвофирзон.

– 22 апреля в «Ди штилле Экке» в Шенеберге состоялось организационное собрание нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантскому отделению «Волфины». Общество называется «Свободное философское содружество» или для краткости на манер Волфины «Zwovierson». Почетным председателем избран единогласно Лев Шестов, секретарем инж. Я. С. Шрейбер. В члены принимаются все искавшие и что-либо нашедшие, как физически, так и духовно, в вещи или в идеях, безразлично. В Совете: Г. С. Киреев, А. П. Потапова, Е. Zech, О. Эдлер, Ф. Олькеницкая-Пугавка, Ив. Лупин, Бруно и А. Вишняк-Шварц [27].

– В противовес появившемуся художественному журналу Object – Вещь – Gegenstand, созданному кучкой художников «левого» направления (Изд. при «Скифах» А. А. Шрейдера) в Берлине образовалась авангардная ячейка художников, объединенных <...> Я. С. Шрейбером, и с осени предполагается издание журнала по типу вещи L'Idée – Понятие – Begriff.

Музыку берет на себя П. П. Сувчинский, художества Арнольд Дзеркал (Sehr kalt), литература же вся в руках Г. С. Киреева [27].

– В Шарлоттенбурге в «Берлинер Киндель» состоялось первое открытое собрание нового философского общества.

Первым выступил Г. С. Киреев: «Ижица как символ вещей сокровенных». Затем П. П. Сувчинский читал «О знаменном распе» – о его решающем значении для русской музыки. Третьим – художник К. Ф. Задолит свои воспоминания о скульптурных работах в России по украшению Петербурга (1918–1920). После чего А. Чхеидзе продекламировал поэму «Лалазар». А в заключении была оглашена приветственная телеграмма из Парижа от Льва Шестова: наш философ решительно отказывается от звания почетного председателя, мотивируя свой отказ исключительно дальностью расстояния и неудобствами путей сообщения.

Следующее собрание будет посвящено докладу Д-р А. С. Роде «О питательности пилуль д-р Кубу», очерку В. К. Виничеки²⁵ «Днепровские пороги как подводная Скандинавия», – запорожцы и викинги и воспоминания Е.²⁶ [28].

Для Ремизова – автора этих бурлескных сообщений – Цвофирзон явился естественным продолжением игры в Обезвельволпал [251: 179–185]. Вся мистификация была построена на внешнем сходстве и внутреннем искажении реалий берлинской жизни русской эмиграции. Само название – Zwovierson являлось непереводаемым изобретением писателя, имитирующим немецкую аббревиатуру. Членами его Совета были названы и друзья, знакомые и коллеги Ремизова, среди которых оказались реальные участники заседаний

²⁴ Данная заметка воспроизводит все те намеренные опечатки, которые Ремизов использовал в пародийном контексте. Полное собрание текстов, связанных с берлинской мистификацией и другими газетными розыгрышами Ремизова, см. [67: 215–222; 309: 21–22, 165–174; 365: 145–176]. В архиве Н. В. Зарецкого (Прага) имеется самодельный альбом «Цвофирзон» с расклейкой ремизовских газетных публикаций.

²⁵ Подразумевается В. К. Винниченко.

²⁶ Возможно, имеется в виду Е. Г. Лундберг.

берлинской Вольфилы. Некоторые фамилии искажались в соответствии с игровой стилистикой общения, принятой в ближайшем окружении писателя. Подкрепляя шутку достоверными именами, Ремизов в пародийном ключе использовал «рифмы» реальных фамилий (секретарь Вольфилы А. Шрейдер – секретарь Цвофирзона инженер Я. Шрейбер) и комически повторял околотовильские предприятия издательства «Скифы» (журнал «Вещь» – ремизовский вымышленный журнал «Понятие»).

Подробное описание того, как «русский» Берлин отреагировал на ремизовскую мистификацию, находим в воспоминаниях Е. Лундберга:

А. М. Ремизов пытается отгородиться от берлино-парижской провинции за пестрыми ширмами капризной своей фантазии.

Но чем-то давно знакомым веет от самодельных его игрушек, развешанных поперек комнаты, от бумажных чертей, украшающих окно, от альбомов, на страницах которых расклеены конфетные бумажки, и от мистификаций, в которых что ни год все больше тайной, терпкой, жалкой и печальной злости.

Профессор Яценко редактирует литературно-библиографический журнал. В журнале есть отдел – своего рода хроника «лет рассеяния». Писатели сообщают о себе и о своих друзьях достоверные сведения: о том, что потеряно. Поскольку Ремизов лишь недавно приехал из советской России и связан с широчайшими литературными и художественными кругами, Яценко обратился к нему за материалами. И не обманулся. Неделя за неделю пошли рассказы. Яценко записывает имена неведомых ему писателей, отчеты об их судьбах, названия произведений. Ремизов неистощим. Редактор вдохновляется, мечтает вслух об отдельном издании собранного материала, предвкушает славу единственного в своем роде информатора о перегоревшей и перегорающей литературе роковых годов.

Яценко уходит. Ремизов в сладостном утомлении закутывается в платок, неизменно согревающий его плечи. Красный ротик его становится еще ярче. Кривенький смешок бежит по зеленобледной щеке.

В том, что он рассказал Яценко, в том, что Яценко в восторге педанта потащит на свой склад для грядущих десятилетий, нет ни слова правды, Ремизов все выдумал. Сворачивая папиросу, отдыхает в кресле после волнительной работы.

Торжеством Ремизова-мистификатора была полемика между «Рулем» и «Накануне», вызванная его выдумками.

Когда Яценко перестал верить его сообщениям, Ремизов перенес свою деятельность в отдел литературной хроники берлинской эсеровской газеты «Дни»²⁷. В хронике стали появляться заметки о лекциях, о литературных вечерах, о заседаниях философских кружков. Указывалось место и время. Отчеты были написаны в строгом, деловом тоне. Сообщалось, что такого-то числа, в таком-то кафе В. К. Винниченко прочтет доклад на тему «Днепровские пороги, или подводная Скандинавия». Поскольку эмигранты были мало осведомлены о создании ЦКУБУ, Ремизов безнаказанно опубликовал, что доктор Э. Роде сделает сообщение «о пилюлях кубу и о влиянии их на человеческий организм». В конце концов мистификация в розницу перестала удовлетворять Ремизова. Он воспользовался тем,

²⁷ Ошибка мемуариста: речь идет о газете «Голос России».

что деятельность берлинского отделения Вольной Философской Ассоциации замерла, и объявил о создании нового философского общества «Цво-фир-Зон». Никто не пытался расшифровать это сокращенное немецкое название организации. Да и сам Ремизов не мог бы этого сделать, ибо то была просто-напросто звуковая, совершенно неправдоподобная имитация немецких сокращений.

Появилась заметка об открытии Цво-фир-Зона в таком-то не существующем кафе на такой-то реально существующей и всем знакомой улице. Любители философии замечались, но тщетно. Видимо, газетный хроникер допустил какую-то погрешность при передаче адреса. На следующий день появился отчет об учредительном собрании членов общества. Председателем Цво-фир-Зона был избран философ Лев Шестов, живущий постоянно в Париже. Несколько позже газеты опубликовали краткую телеграмму Шестова, благодарившего общество за избрание, но отклонившего предложенную ему честь – «за дальностью расстояния». Ремизов радостно смаковал придуманную им для несуществующей телеграммы мотивировку отказа... Дальше заседания общества назначались с чрезвычайной регулярностью. Названия докладов становились все чуднее. От иных веяло решительным идиотизмом. Представители эмигрантской интеллигенции, каждый порознь, высказывали сожаление, что из-за постоянных ошибок при указании адреса не удастся побывать на заседаниях Цво-фир-Зона, но очень тепло отнеслись к высокой затее философствующих соотечественников.

Когда отчеты и рефераты достигли предела идиотизма, кто-то из сотрудников сменеховской газеты «Накануне» разразился громовой статьей по поводу склонности эмиграции к схоластике. Критик перечислил темы докладов – их тесный перечень производил потрясающее впечатление философской хроники Бедлама или Канатчиковой дачи. Этого не стерпел «Руль». Он вступился за Цво-фир-Зон как за эмигрантскую организацию и облял сменеховцев за безграмотность. Полемика прокатилась по всей эмигрантской прессе от Праги до Белграда. И никто не посмел не только что сказать, но даже подумать, что «король-то ведь гол», а Цво-фир-Зон – неправдоподобно идиотичен.

Ремизов признавался, что ни один его роман, ни одна повесть не причиняли ему столько тревог до появления в свет («а вдруг догадаются») и столько радости после появления («не догадались»), как отчеты о деятельности Цво-фир-Зона [232: 300–303].

Своим определением – «свободное философское содружество» – *Цвофирзон* декларировал идею объединения, под лозунгом которой протекала вся эмигрантская жизнь русской интеллигенции. Однако тенденция к воспроизведению русской интеллектуальной жизни, к своеобразному двойничеству, столь характерная для деятельности русских эмигрантов в Берлине, была доведена в ремизовских печатных розыгрышах до абсурда. Внешне *Цвофирзон* не противопоставлялся себя берлинской Вольфиле, но претендовал на роль ее двойника или отражения, с той лишь разницей, что это, второе, отражение (учитывая первое – петроградскую Вольфилу) кривлялось и блефовало. Абсурдные названия заявленных докладов и намеренная неконкретность целей общества представляли собой беспрецедентный фарс.

Мотивы создания мифического антагониста Вольфилы были полисемантически. Они отражали как индивидуальные рефлексии писателя, так и общие настроения русской колонии. Выдумка Ремизова, отчасти продиктованная же-

ланием освоить новое культурное и географическое пространство, притязаниями на новаторское использование жанра газетной заметки в литературных целях объяснялась, главным образом, попыткой показать тщетность и беспочвенность философской задачи, ради которой объединились берлинские вольфильцы. Эта позиция согласовалась с мнением близких к Ассоциации людей, которые и тогда, и позже выражали сомнения в том, что в эмигрантской среде можно воспроизвести атмосферу духовных исканий, интеллектуального братства, которой была наполнена их деятельность в России.

Возникновение *Цвофирзона*, зафиксированное на страницах прессы как литературный факт анонимного творчества Ремизова, свидетельствовало об устойчивой тенденции ремизовской игры к преобразованию из творческой формы художественного быта в новую литературную форму. Неслучайно эта берлинская мистификация и прочие «обезьяньи» сюжеты Ремизова позже были положены в основу многих глав его автобиографических книг.

Игровая природа Обезьяньей Палаты была склонна как к травестии действительности, так и к ее мифологизации. Очевидно, что выбор материала нередко диктовал и способ отражения реальности. Скажем, *Цвофирзон* так и остался в истории Палаты лишь эпизодом, достойным мягкого иронического обыгрывания. В то же время современники не раз отмечали известное сходство внутренней организации ремизовской игры более исторически значимой формой общения русской интеллигенции – масонскими ложами. В. Шкловский заявлял без оговорок: «Обезьяний орден придуман Ремизовым по типу русского масонства» [390: 295]. В интерпретации Н. Берберовой такое сравнение получило свое развитие:

...весь символизм Обезьяньей Великой и Вольной Палаты Ремизова, ее ритуал и ее регалии, были пародией на масонство, только вместо глаза, вписанного в масонский треугольник, в «Обезвелволпале» из треугольника смотрела какая-то рожица, нарисованная Ремизовым, как карикатура на самого себя [111: 58].

В своей книге «Люди и ложи: русские масоны XX столетия» писательница перечисляет целый список лиц, принадлежавших к братству вольных каменщиков, многие из которых были *кавалерами* и князьями Обезьяньей Палаты. Тема масонства могла проникнуть в поэтику Обезвелволпала через знакомых Ремизову еще по вологодской ссылке – *старейшего кавалера* Обезьяньей Палаты П. Е. Щеголева и *кавалера обезьяньего знака* Б. В. Савинкова, а также благодаря М. И. Терещенко, с которым Ремизов очень тесно общался в 1910-е годы в связи с деятельностью издательства «Сирин» [146: 89–91]. Все трое принадлежали к масонским ложам России.

Действительно, нельзя не заметить некоторых семиотических соответствий между Обезьяньей Палатой и Орденом вольных каменщиков: семь обезьяньих князей – «Совет семи» в структуре масонской организации; тайные обезьяньи знаки – франкмасонские тайные знаки, посредством которых члены общества узнают друг друга, где бы они ни находились [245: 10]. К опознавательным сигнатурам относятся и специальные слова, знание которых подтверждало членство в масонском Ордене. Обычно эти слова означали «гения огня» (Ardarel), «гения воздуха» (Casmagan), «гения воды» (Talliud) и «гения земли» (Turlae) [245: 110], что может быть сопоставлено с тремя «обезьяньи-

ми» словами: *ахру* (огонь), *кукха* (влага), *гошку* (еда). Глаголица – масонские гиероглифы²⁸; обезьяньи и масонские грамоты; Манифест и Конституция Обезвелволпала – традиция создания конституций различных братств, а также распространение масонских манифестов; дружеские встречи в доме Ремизова, интерпретируемые писателем как собрания Обезвелволпала, – принятые во многих ложах годичные банкеты, нередко сопровождавшиеся шумным весельем; сопряженность образа Асыки с гностическим Абракрасом – встречающиеся в масонских трактатах XVIII века упоминания Абракраса [245: IX–X, 51; 337: 66–67]. Наконец, изначальная идея, заложенная при образовании масонских объединений, совпадает с принципами творческого братства, учрежденного Ремизовым.

Внимания заслуживает и неожиданный мотив, возникающий в одном из ремизовских снов: «Про Пифагора говорилось, что „пришел на землю не бог, не человек, а Пифагор“. А основанная им „обезьянья палата“ называлась „Союз пифагорейцев“: беспрекословное и упоенное повиновение царю Асыке, учителю Пифагору: „Сам сказал“» [58: 26]. О союзе пифагорейцев, созданном по образцу восточных братств посвященных, ходят разные легенды. Пифагор посвящал избранных в таинства своего учения лишь после долголетних испытаний, целью которых было не только развитие способности познавать высший смысл, но и закаливание характера и воли. Многие стороны пифагорейства хранились в тайне, соединяя в себе глубоко сокрытую символику и соответствующий ритуал. Это и многое другое позволяет нам не только связывать очевидной общей историко-культурной связью пифагорейство и масонство, но и провести через них прямую линию непосредственно к Обезьяньей Палате.

Интересно, что первые масонские ложи XVII столетия были созданы как «попытка, вызванная необходимостью обороны цехового ремесла от конкуренции нового искусства и новых приемов строительства» [245: 4]. Внутри Ордена существовало разделение на «цех», ведающий исключительно ремесленными проблемами, и «братство», представлявшее собой более сплоченную и дружную часть цеха, главной задачей которого считалось сохранение «традиции морального общения и взаимопомощи» [245: 8]. Осознавая необходимость сбросить традиции русской литературы в постреволюционное время, в условиях новой, нарождающейся культуры, необдуманно стремящейся избавиться от наследия прошлого, Ремизов организовал вокруг себя собственный «цех» учеников, среди которых была не только молодежь, но и его сверстники (Е. Замятин, Вяч. Шишков, М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, К. Федин, М. Зощенко и др.); большинство из них состояли членами Обезьяньей Палаты.

Масонство было одной из влиятельных форм объединения русских эмигрантов. Весьма многие из парижских масонов одновременно входили и в Обезьянье «братство»: Б. Сосинский, В. Андреев, Д. Кобяков, М. Вольфсон, Б. Рожанковский, Г. Слиозберг, М. Тер-Погосян, Н. Евреинов, С. Маковский, К. Мочульский, Г. Газданов, М. Добужинский и др. Примечательно, что М. А. Осоргин – историк русского масонства и один из его лидеров – полуплутливо ангажировал Ремизова летом 1927 года:

Ни разу не спросил Вас, как Вы относитесь к Алданову? Вообще Вы кого-нибудь любите, Алексей Михайлович? Так, по-человечески? Из обычно-

²⁸ В архиве Ремизова хранится Манифест Обезьяньей Палаты, написанный писателем на глаголице (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 51). Образец масонских гиероглифов см. в книге «Масонство в его прошлом и настоящем» [245: 51].

венных людей, а не вообще. Если бы Вы не носились так со своим (вполнину мнимым) нездоровьем, я бы хотел втянуть Вас в *масонство*, хотя Вы хитрец, а там хорошо быть проще. Что Вы об этом думаете?

Хорошо бы выкинуть какое-нибудь коленце; но лень (Амхерст)²⁹.

В середине 1920-х годов Ремизова действительно приглашали вступить в ряды парижских масонов, подтверждение чему находим среди документов архива парижской ложи «Северная звезда».

В 1925 – начале 1927 г. было также намечено к принятию в масонство много лиц, которые, однако, не решились войти в масонский Орден и вступить в ложу Северная Звезда, например профессора И. М. Херасков и Л. И. Шестов, художники Б. Д. Григорьев и М. З. Шагал, политические деятели А. А. Титов и М. В. Вишняк, литераторы А. М. Ремизов и Т. И. Полнер, генерал М. В. Ярославцев (О работах ложи в 1924–1931 гг. см. ее протоколы: АСЗ. К. 1³⁰) [320: 347].

Ремизовская реакция на несостоявшееся приобщение к братству вольных каменщиков осталась в «закулисье» Обезвельволпала. Но не вызывает сомнений, что писатель был в курсе многих событий в жизни парижских масонов, о чем, в частности, свидетельствует единственная в своем роде грамота, которая является уникальным документом Обезьяньей Палаты, сочетающим «обезьянью» терминологию и масонскую символику Древнего и Принятого Шотландского устава:

Рыцарская грамота рыцарей пламенного меча
– 23 августа 1932 в Париже –

Дана сия серебряная грамота князю обезьяньему-старейшему кавалеру
Обезьяньей Великой и Вольной Палаты
Николаю Васильевичу Зарецкому
в знак возведения его в рыцари пламенного меча

(ВАР. 4).

Неизменно следуя собственному принципу игрового переосмысления действительности, Ремизов вводит здесь «звание» коня и *оруженосца* и обыгрывает обряд инициации. Кроме того, грамота содержит сведения о различных «номенклатурных» перестановках внутри Обезьяньего Ордена:

по смерти Ив<ана> Анд<реевича> Болдырева-Шкотта (1903 – †19 V 1933) – рыцаря пламенного меча оруженосец его кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> Дим<итрий> Юр<ьевич> Кобяков возводится в почетные оруженосцы и переходит с рыцарским мечом к рыцарю пламенного меча князю обез<ьяньему> и старейшему кав<алеру> обез<ьяньей> вел<икой> вол<ьной> пала<ты> Николаю Васильевичу Зарецкому. Конь – африканский доктор и кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> Вл<адимир> Ник<олаевич> Унков-

²⁹ Письмо от 14 июля. Слово, выделенное нами курсивом, подчеркнуто Ремизовым красным карандашом.

³⁰ Аббревиатура «АСЗ. К. 1» означает: Национальная библиотека Франции (Париж). Отдел рукописей. Архив «Северной звезды». Протоколы заседаний ложи «Северная звезда» за 1924–1938 гг., коробка № 1.

рыцарская грамота рыцарей пламенной меча
- 23 августа 1932 г. Париж -

1933
VI

На сей чрезвычайной грамоте князю обязанному старшину кавалеру обязались великой
а великой полнотой Николаю Васильевичу Зарецкому
взъясно возведениа его въ рыцаря пламенной меча

М
Е
У
В
А
П
О
Н
И
С
А
У

въ оуженосцы дана ему Михаилу Гориню, кав. обяз. зн.
Конемъ - кав. обяз. зн. Владимирю Николаевичу Тукалевицкимъ

по смерти Ив. Анд. Болдырева - Шкопота (1903-1919-1933) - рыцаря пламенной меча
оуженосецъ его кав. обяз. зн. Дим. Юр. Кабяковъ возводитиа въ почетной оуженосцы
и переходити съ рыцарскими метамъ рыцарю пламенной меча князю обяз. и старшину кав. обяз. вел. вол. пала

Николаю Васильевичу Зарецкому

комъ - африканский докторъ и кав. обяз. зн. Вл. Ник. Цукковский
за грахлостю ставитиа на ипод ножней кормъ съ обязательствомъ
появлятиса на рыцарскихъ процессиахъ ввсакому повопонои

- К. В. Мозгалевский - орден. К. В. Зноско-Городский - ком. Н. Д. Набоков
- Кн. Ю. А. Ширинский-Шихматовъ - Л. Б. Савинковъ - Ев. Кн. Ширинский-Шихматовъ
- М. А. О. Горинъ - Д. А. АНАРЕЕВЪ - М. К. Волосковъ
- Бр. Бр. Сосинский - ДАН. Рязниковъ - Ев. Комаровъ
- Вл. Вс. Вейдле - Дим. Вейдле - Вл. Ф. Хоросевъ
- Л. М. Костяковъ - кн. А. В. Оболенский
- Вл. Вс. Зетлеръ - Я. Б. Полонский - Н. В. Лощевъ
- Б. Ии. Огородниа - В. А. Ментенко

24 VI 1933
PARIS

Всакимъ кавалеру обязались великой полнотой
а великой полнотой и кавалеру обязались великой полнотой
и кавалеру обязались великой полнотой и кавалеру обязались великой полнотой

За илтиицика Анаст. Вас. Анферова смотритель Василий Куковничевъ

Рыцарская грамота Н. В. Зарецкого.
1932-1933 (ВАР. 4)

ский за дряхлостью ставится на «подножный корм» с обязательством появляться на рыцарских процессиях ведомому под попоной.

Грамота завершается списком остальных членов Ордена в соответствии с субординацией: *рыцарь – оруженосец – конь*:

К. В. Мочульский – оруженосец К. Е. Зноско-Боровский – конь
К. Д. Набоков <...> М. А. Осоргин – В. Д. Андреев – М. К. Вольфсон...
(BAR. 4).

По-видимому, данная обезьянья грамота отразила конкретные обстоятельства из жизни русских братств во Франции начала 1930-х годов, которые и привлекали особое внимание Ремизова. В письме к А. В. Бахраху (1932) он писал: «Придите, пожалуйста, в воскресенье вечером и принесите масонскую печать, я срисую ее» (BAR. 1).

Как показывают опубликованные архивные документы, в 1932–1933 годах в масонском мире Парижа произошла значительная дезинтеграция, затронувшая все русские ложи. По различным политическим и концептуальным мотивам состав многих мастерских либо существенно поменялся, либо привел к образованию новых лож [319: 229]. Одним из активных деятелей русского масонства был М. Осоргин, с 1932 года подготавливавший почву для организации новой мастерской «Северные братья» (1933–1939), у истоков которой вместе с ним стояли близкие к Ремизову В. Сосинский и В. Андреев [319: 204]. Новое братство осознанно отказалось от «политики и политиканства» и заявило о своем преобразовании в «союз душ, легкий и свободный», целью которого является «общение с хорошими людьми», составляющее, по убеждению Осоргина, истинный смысл жизни [319: 191, 203]. Во многом благодаря его ревностному отношению к масонской обрядности в ложе «Северные братья» был принят Шотландский устав.

Элементы *рыцарской* обезьяньей грамоты в своем подтексте безусловно соотносятся с реалиями и знаковой системой масонской жизни. Это и ее датировка, и надпись по левому краю листа: «*Меч Адониса*», символически обозначающая один из важнейших мифов об умирающем и воскресающем боге, который лежит в основе масонского ритуала посвящения, и пародийная интерпретация традиционных «степеней» посвящения, принятых в Шотландском уставе: «*Рыцарь-избранник девяти*», «*Рыцарь Востока или меча*», «*Рыцарь королевского топора*» и т. п.

Рыцарская грамота примечательна не только своими, как будто специально напказ выставленными, соответствиями с масонской символикой, но и некоторыми «малопрозрачными» элементами, которые указывают на литературные источники этого текста. Первый восходит к бессмертному роману Сервантеса «Дон Кихот», а второй – к автобиографическому сюжету из книги «Учитель музыки», связанному с игровой стилистикой всей бытовой жизни писателя. Легко оперируя культурными кодами, Ремизов виртуозно сочетал автобиографическую линию и литературные реминисценции. Грамота является исключительным образцом ремизовского синкретизма, мастерского соединения различных культурных традиций – приемом, при помощи которого писатель создавал свои поистине модернистские произведения 1930–1950-х годов.

Одним из них, безусловно, была книга «Учитель музыки», публиковавшаяся при жизни автора только в периодических изданиях. Ее герой – Василий Куковников – alter ego писателя, имя, не раз использовавшееся в 1930-е годы как

псевдоним³¹. В главе «Пустяки» (впервые: Последние новости. 1933. 26 марта, № 4385) он ведет диалог с Корнетовым (также одним из многочисленных автобиографических персонажей этого романа), у которого в квартире разбилось дверное стекло. Житейски беспомощный Корнетов приуныл, озадаченный проблемой, как вынуть осколки из рамы. Но огорчение испарилось, как и не бывало, когда одно стеклянное острие внезапно вызвало в памяти чудесный образ:

– Меч Амадиса! – показал он на самый изогнутый и зазубренный.

– Меч... но какой Амадис?

Корнетов с упреком посмотрел на меня:

– Мечта Дон-Кихота.

А ведь мне и в голову не пришло про Дон-Кихота. И жалко выбрасывать. <...> И немедленно были вылиты девять хрустальных мечей: куски разбитого стекла, разложенные по столу, перевиты серебряной ниткой, место клинка – серебро из-под чаю «лион», а сверху – бледно-синей бумагой и на наклеенном белом подпись «меч Амадиса Дон-Кихот».

Так и совсем по пустяшному случаю в Париже появилось девять рыцарей пламенного меча. И хотя «журнал офисиель» об этом никак не обмолвится, «весь Париж» только и будет говорить, что о рыцарях, пока и такое, ничем не гасимое пламя, вздутое автором Дон-Кихота, не погасит какой-нибудь случай: исчезнувший турецкий офицер с похабными усами [65: 293].

Эпизод полностью отвечает жанровому своеобразию «Учителя музыки» – произведения, которое автор идентифицировал двумя определениями: «идиллия» и «бытовая автобиография». В свою очередь, *рыцарская грамота* Зарецкого стала игровым дополнением книги «Учитель музыки». Несмотря на всю фантастическую природу этого артефакта, он, как и все «обезьяньи» документы Ремизова, снабжен рядом объективных элементов; самыми неоспоримыми из них являются подлинные имена всех *рыцарей, оруженосцев, коней и литейщика*. Первая из датировок – «23 августа 1932», – по-видимому, относится к реальному времени возникновения «рыцарских мечей». А дата, проставленная в верхнем правом углу грамоты, объясняется важными ранговыми перестановками, связанными с самоубийством молодого писателя И. А. Болдырева-Шкотта (19 мая 1933 г.). Наконец, последняя помета (около печати) – «24 июня 1933 года, Париж» – указывает на время и место создания грамоты.

Письмо Ремизова к Н. Зарецкому, написанное через неделю после безвременной кончины *кавалера Обезвельволпала*, которого Ремизов воспринимал своим учеником, позволяет утверждать, что и само посвящение Зарецкого в *рыцари Пламенного меча*, и грамота, написанная по этому поводу, возникли как рефлексия на смерть Болдырева-Шкотта:

19-го умер³² Болдырев (Шкотт) (1903–1933): он был «рыцарем пламенного меча». У вас есть альбом «рыцарей» – и там его изображение. В понедельник мне выдадут его меч (Хрустальный), я при первой возможности перешлю в ваше хранилище (о происхождении «мечей» я напечатал в

³¹ Об игровом переосмыслении собственного образа и фамилии в псевдониме «Куковников» см. в статье М. Безродного [105: 227].

³² Сверху приписано мелко: (веронал).

«П<оследних> Н<овестях>» – глава из «Учителя музыки». Пришлю вам, написал кратко (больше не разрешается): Над могилой Болдырева-Шкотта, если напечатают, пришлю (П р а г а; письмо от 27 мая 1933 г.)³³.

Казалось бы, в траурном контексте малоуместны и игра в мифический Орден, и внешне комический циркуляр о конях и оруженосцах. Однако именно грамота является объективным документом, фиксирующим своим мифологическим языком реальные события жизни, обращая их в вечные, не подвластные времени символы. Обезьянья игра Ремизова осуществляется одновременно в разных регистрах, не разводя смешное и трагическое, а, напротив, соединяя в одно целое, повторяя опыт величайшего парадоксалиста – Сервантеса.

Текст грамоты восходит к конкретной сцене шуточного посвящения Дон Кихота в рыцари, которая, как и весь роман, строится на столкновении восторженного идеализма и грубого, циничного «реализма». «Обезьяний» документ может быть прочтен односложно – как пародия, но в грамоте названы имена людей, чьи человеческие и профессиональные качества Ремизов бесконечно ценил и уважал. Для него были открыты их по-настоящему рыцарские дела и поступки. Так, однажды, рекомендуя своего верного помощника и друга В. Сосинского для работы в Секретариат Организации Объединенных Наций, он написал:

Владимира Брониславовича Сосинского знаю 25 лет. <...> О Сосинском я говорю: в моих глазах рыцарь – человек с открытым сердцем к человеку, к его породе и его вере.

Вот мой сказ и ответ. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 70. Л. 1; письмо 16 июня 1952 г.)

Остается непроясненным вопрос, отчего на *рыцарской* грамоте Н. Зарецкого начертано имя Адониса, символизирующего в масонской традиции способность к возрождению, а не славное имя легендарного странствующего рыцаря Амадиса Галльского – героя серии средневековых рыцарских романов и кумира несчастного Дон Кихота. Пожалуй, именно эта мифологема (Адонис как культурная рифма Амадиса) является точкой схождения смыслов, заложенных в игровом тексте Ремизова. Несмотря на то что грамота посвящена Зарецкому, мотивом для ее создания стала все-таки смерть Болдырева-Шкотта. Возводя в *рыцари* здравствующего Зарецкого, Ремизов раскрывал общее смысловое сплетение совершенно разных культурных кодов: миф о воскрешении, масонский обряд и обычай Французской Академии, к которому подключались и такие скрытые дериваты, как шуточные традиции, бытовавшие в «Арзамасе» и вологодском кружке «С.С.А.». Все это, учитывая личное отношение Ремизова к друзьям по Обезвельволпалу, также продуцировало идею вечного, бессмертного рыцарства на все времена.

³³ Об обстоятельствах самоубийства И. Болдырева-Шкотта, который, по мнению автора мемуаров, «начинал всецело под литературным влиянием Ремизова», см. в книге В. Яновского [400: 184–185].

ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ
ЕСТЬ ОБЩЕСТВО ТАЙНОЕ!

И

зятая книжечка «Заветных сказов», вышедшая в 1920 году в издательстве «Алконост» в количестве 333 нумерованных именных экземпляров, открывалась особой лавровой грамотой:

Эта книга посвящается Обезьяньей Великой и Вольной Палате. Дана сия обезьянья лавровая грамота в знак утверждения посвящения книги Обезьяньей Великой и Вольной Палате, князьям обезьянским, вельможам и всему сонму обезьяньих кавалеров под строгой ответственностью [19: авантитул]¹.

Словом «заветное» (одновременно имеющим значение «тайное») в русской фольклористике обозначают народные тексты непристойного, эротического содержания. Для творчества А. М. Ремизова характерна своеобразная поэтика эротического: эвфемизмы, игровая мена телесного «верха» / «низа», гротескный реализм, восходящий к народной традиции. Сборник «Заветных сказов» (в состав которого были включены знаменитые эротические сказки «Что есть Табак» и «Царь Додон») писатель выделял в ряду других произведений. В 1922 году он записал на форзаце издания:

...это первый камень для создания большой книги Русского Декамерона. Я знаю, мне не суждено это сделать – не успею, но я вижу такую книгу, и начало ее будет не чума, а 18–19 год. Опыт русский. Вот в какой обстановке расскажет Россия свою быль и небыль [134: 21].

Возможно, ориентируясь на время создания «Царя Додона», Ремизов иногда вместо 1908-го (официального года основания Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, связанного с созданием «Трагедии о Иуде принце Искаротском») указывал на 1907 год. Так или иначе, именно эти два «заветных» текста, впоследствии внесенные автором в список «Трудов» Обезьяньего общества, послужили основным мотивом объединения близкого круга друзей вокруг писателя и определили тот игровой (в том числе и эротический) контекст, в рамках которого возникла идея «тайного». И если к детям Обезвельволпал обращался своей «безмятежной» стороной – «без всякого лукавства» [54: 56], то для посвященных взрослых в Обезьяньей Великой и Вольной Палате могла скрываться своя, взрослая «тайна», ведь буквально «посвященный» – это знающий тайны.

¹ Оригинал грамоты – РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. № 46. Л. 1.

ВЕЛИКИЙ ФАЛЛОФОР ОБЕЗЬЯНЬЕЙ ПАЛАТЫ

Очевидный эротизм ранних ремизовских сочинений во многом инспирирован личностью и миропониманием В. В. Розанова – великого фаллофора² Обезвельволпала.

В глазах писателя философ – наивный и естественный ребенок, напоминающий маленькую племянницу Ляляшку, для которой, собственно, и была придумана игра в Обезьянью Палату.

Когда я сказал В. В. Розанову, что он награждается обезьяньим знаком и возводится в старейшие кавалеры обезвельволпала, Розанов сразу ничего не понял, ошеломился, а потом спросил:

– А кто еще старейший там у тебя в палатке?

В. В. сказал не в «палате», а в «палатке», как говорила и Ляляшка.

– Гершензон старейший, Шестов...

Я хотел было еще сказать, что и Иванов-Разумник, Лундберг и Балтрушайтис, но побоялся сразу вводить во все обезьяньи тайны:

«обезвельволпал есть общество тайное!»

Гершензон и Шестов произвели огромное впечатление.

– Старейший кавалер, – соображал что-то В. В., – и никогда ни выше, ни ниже?

– Никогда. Так и останетесь старейшим навечно.

– Это мы вроде как митрофорные попы? – обрадовался В. В. – Согласен! Стало быть, я старейший кавалер.

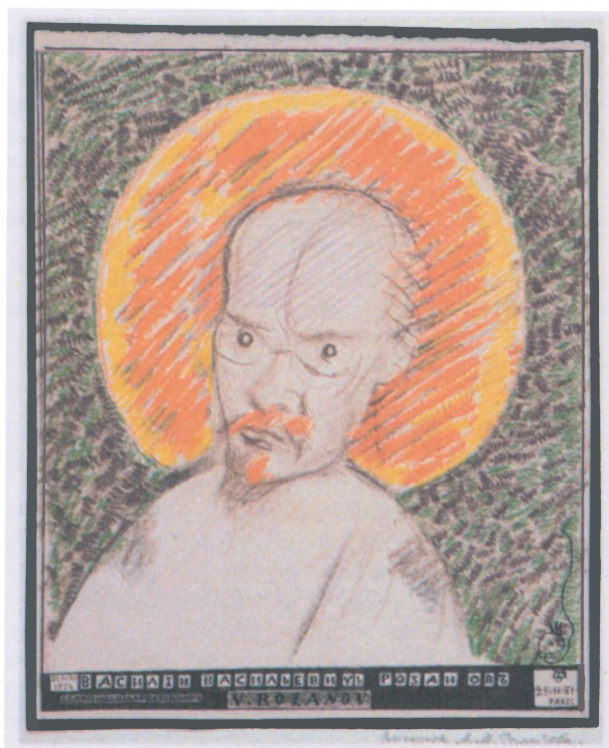
– И великий фаллофор обезвельволпала [61: 39].

Розанов нарочито узнаваем в герое ремизовского рассказа «Пупочек» (1913) – мальчике Юре, чем-то удивительно похожем на некоего учителя Василия Васильевича: «...юркий, быстрый, носик торчит, а главное, говорил скоро очень». Помимо указания на увлеченность нумизматикой (Юра «был... уверен, что они очень богатые, и в подтверждение, должно быть, этой уверенности показывал мне как-то копейки новенькие – богатство свое»), особую двусмысленность описанию придает иронический намек на «торчащий носик» [10: 71]. Соотнесенность образа ребенка и личности философа настолько намеренна, что далее по ходу рассказа мальчик так и зовется – «Василием Васильевичем». В безобидной взрослой шутке – «Знаешь, Василий Васильевич, я у тебя твой пупочек съем!» – произвольно соединились детские восприятия омфалоса – центра личного бытия и тела – и онтологические представления взрослого человека о фаллосе. Пафос переживаний ребенка передается от лица рассказчика:

² Фаллофор – участник Дионисийских мистерий, главным атрибутом праздничного костюма которого являлся кожаный фаллос гиперболических размеров.

Ах, ты Господи, западет же такое в душу и уж все мыслишки, какие есть, все мысли у него к одному, к этому стянулись, а это одно, это все – пупочек, и важное такое, все, главное самое, лишиться, чего просто он и представить себе не мог, представить не может, чтобы такое было, если бы вдруг да лишился: вот я взял бы да и съел его! [10: 71–72].

Маленький «Василий Васильевич» выражает здесь *punctum puncti* розановского мировоззрения, переданного через призму детских представлений об интимной сакральности³. Характерно, что тема «пупочка» прямо связана с эротической символикой античных монет. Некоторые из них изображали дельфийский мраморный «пуп земли» (ομφαλοῦ τῆς γῆς), имевший конусообразную или куполовидную форму; другие – подобие Авраамовой «части *membr̄i masculini*»⁴, под которой было начертано имя Зевса [300: 254]. Омфалос имплицитно соответствует фаллосу – не столько в смысле их анатомического соседства, сколько ввиду сходства культовых поклонений и тому и другому. В священнодействиях Древнего Востока и античного мира фалл и омфал почитались как фетиши, а впоследствии наделялись и особым символическим смыслом. Во время Дионисийских праздничных шествий фаллос было принято поднимать высоко вверх и украшать венком и золотой звездой. Омфалос состав-

А. Ремизов.
Портрет
В. В. Розанова.
1931
(ВАР. 4)

³ Ср. с названием другого ремизовского рассказа – «Царевна Мымра» (1908), которое несет двойной смысл: сакрализацию детским сознанием образа героини (женщины легкого поведения) и недоступное ребенку эротическое содержание слова «мымра», встречающееся в русских народных загадках про «птицу Мымру» [256: 513].

⁴ Мужской член (лат.).

лял часть орнамента на краснофигурных вазах, фресках и рельефах в композиции со священными повязками, венками, лавровыми ветвями и особым облачением, покрывавшим его сферическую поверхность [195: 23].

В повседневном общении двух друзей именно совместное рассматривание нумизматической коллекции располагало к фривольным разговорам о сокровенной стороне человеческой жизни. В одном из писем философ обратился к Ремизову с предложением:

...возлюбленный мой «охальник» (хотел написать «похабник» – да испугался) – не сделать ли нам кое-чего изумительного, кое-чего не вдруг, но по-маленьку и по-легоньку насчет в самом деле копирования монет? Некоторых, которые не допускают по темноте рисунка фотографирования? [61: 53].

Позже Ремизов пояснял:

В письме ко мне о копировании монет, прием описательный совсем к монетам не относится, а к разговорам нашим о такой книге – «Книге любви», о чем знали хорошо у нас «мамки» и «свахи». А о монетах: я предложил некоторые очень тонкие скопировать и издать альбом. Осуществить ничего не пришлось⁵.

Отметим семантическое различие слов «похабник» и «охальник», подчеркнутое Розановым: «похаб», по Далю, – хородивый, дурень; «похабный» – наглый и бесстыжий в речах, срамно(скверно)словный, ругательский, поносный; зато «охальник» – бесстыжий озорник. Во второй половине 1900-х – начале 1910-х годов в своем отношении к эротической теме Ремизов несерьезен и наивен. Его неприятие предписываемого символистами эстетизма сближалось с вызовом, который Розанов, в свою очередь, бросал распространенным представлениям о трансцендентном Эросе:

Когда я читаю о «богочеловеческом процессе» (Вл. Сол.), то мне ужасно хочется играть в преферанс.

И когда я читаю о «философии конца» (Н. А. Бердяев о кн. Е. Труб.), то вспоминаю маленькую «Ли», у нас на диване, – когда мы потушили электр. и я, 2 Ремизовых и она, залившись тихим ее смешком, решили рассказывать анекдоты о «монахах»!

Тут-то под. Ремизов и рассказал о «мухах» [304: 179]⁶.

⁵ Альбом «Розановы письма. Василий Васильевич Розанов. 1856–1919», составленный из писем Розанова и ремизовских комментариев к ним. Пояснение Ремизова к письму Розанова от 27 июня 1906 г. (Гарвард). Следы этого замысла находим в письме художника Н. Зарецкого к Ремизову от 24 мая 1927 г.: «В прошлом письме (открытка) я рассказывал Вам о новой книге, в которой я приступил. Называться она будет „Синичка, дамская антология“. Произведения авторов следующих: Барков, В. Пушкин, А. Пушкин, Лермонтов, Кузмин, Розанов (из Кукхи), Ремизов А. М. (Рассказ о хоботе). Нет ли у Вас еще другого материала для этой книги. Напр<имер> фрагмент из книги „О любви“, о той мудрой науке, какую у нас на Руси в старые времена няньки и мамки хорошо знали, да невест перед венцом учили, ну и женихов тоже» (Амхерст).

⁶ Имеется в виду изощренный способ самоудовлетворения монашеской похоти, описанный в «Табак»: «...прямо на огороде, обнажив эти части, на грядки ложится и лежит <монастырская братия>, привлекая и питая мух дерзких» [64: 56].

Показательно, что повышенный интерес к специфической теме далеко не всеми воспринимался адекватно. С. И. Дымшиц-Толстая, супруга А. Н. Толстого, вспоминала:

В этот период нашей петербургской жизни мы стали посещать ряд писательских домов... бывали у А. М. Ремизова. <...> К Ремизовым А. Н. проявлял интерес наблюдателя, идти к ним называлось «идти к насекомым». Действительно, и сам хозяин – маленький, бороденка клинышком, косенькие, вороватые взгляды из-под очков, дребезжащий смех, слюнявая улыбочка, – и его любимый гость – реакционный «философ» и публицист В. В. Розанов – подергивающиеся плечи, нервное потирание рук, назойливые разговоры на сексуальные темы, – все это в самом деле оставляло такое впечатление, точно мы вдруг оказались среди насекомых, а не в человеческой среде. Завернувшись в клетчатый плед, придумывая неожиданные словесные каламбуры, Ремизов любил рассказы из Четьи-Минеи, пересыпая их порнографическими отступлениями. В местах наиболее рискованных он просил дам удалиться в соседнюю комнату [137: 79]⁷.

СЛОВО ПРОФАННОЕ И САКРАЛЬНОЕ

История 1908 года о том, как Ремизов и Розанов рисовали фаллосы, впервые описана в повести «Канава», а затем вошла в книгу «Кукха»⁸, построенную на документальном материале и положившую начало совершенно особому типу ремизовского нарратива: реальный житейский случай облекался в форму анекдота, а затем уже разыгрывался литературными героями. В «Канаве» – последнем петербургском произведении Ремизова – действующими лицами эпизода выступают Баланцев (Ремизов) и Будылин (Розанов), соответственно наделенные характерными чертами их прототипов. Объект рисования изящно обозначен фигурой умолчания, так что суть происходящего проясняется только посредством авторских намеков.

Как же им провести вечер? <...> – Я придумал, давайте рисовать, – ошарашил Антон Петрович <Будылин>. <...> И, подмигнув выразительно, что рисовать, уселся за работу. <...> ...у Будылина, как ему самому показалось, начинало выходить похоже, и, любуясь произведением своим, он

⁷ Ср. также с впечатлениями Н. Берберовой о Ремизове-эмигранте: «Ремизов жил среди „статиков“, „динамиков“ не искал, хотел главным образом подводного течения человеческой теплоты. Он любил людей, любивших его, помогавших ему, ограждавших его от жизни заботами о нем, тех, которые с благоговением слушали его бредни о чертенятах, обезьяньих палатах, все его фантазии (искусно „заделанные“, но почти всегда – сексуальные). И среди таких людей он жил, постепенно отрезав себя от тех, которых нужно было *познавать*. Читателей у него было мало, они все помещались у него в квартире за чайным столом, и между читателями-друзьями-гостями этими не было ничего общего, кроме их доброго отношения и расположения к хозяину дома» [112: 306].

⁸ В 1928 году Ремизов воспроизвел для Н. В. Зарецкого – почитателя творчества Розанова и собирателя документов Палаты – тот исторический рисунок: «Прилагаю точнейшую копию с рисунка В. В. Розанова, см. Кукха, стр. 59–60. Сохранял в разгорах нарисованные египетские хоботы, но они в России и думаю, пропали: кто-то свистнул. Я наводил точнейшие справки: не знают. Ну, что делать...» [255: 180].

впал в умиление. <...> ...Баланцев тоже увлекся. Правда, выходило у него уж очень фантастическое и совсем ни на что не похожее. И вот для вразумления и стал он под рисунками подписи подписывать [68: 460].

В «Кукхе» предмет, более чем прозрачно названный «х. хоботом» («слоны» – в данном топологическом ряду – это «обладающие сверх божеской меры» [61: 35])⁹, дополнен ассоциативными комментариями героев:

Я, Василий Васильевич, вроде как Сапунов, только лепесток могу.
Так ты лепесток и нарисуй – такой самый. <...>

Дайте посмотреть! – нетерпеливо сказал В. В. У самого у него ничего не выходило – я заглянул – крючок какой-то да шарики [61: 90].

Кульминация эпизода приходится на момент раскрытия внутреннего смысла рисунка, проявляющегося через его фонемическое имя: «Так х. (хоботишко)! – сказал я, – это не настоящий». Уничжительная форма известного слова, употребленная Ремизовым, вызвала у Розанова бурю негодования:

Как... как ты смеешь так говорить! Ну, разве это не свинство сиволапое? – и передразнил: – х (хоботишко)! Да разве можно произносить такое имя? [61: 90].

В «Канаве» попытка Баланцева адекватно, с должным пафосом повторить за Будылиным «имя единственной вещи» только еще более обострила полемику: «вышло совсем скверно, как-то насмешливо скверно». В ответ Будылин разразился обвинительной речью:

Возмутила грубость, которая послышалась Будылину в баланцевских подписях и, главное, в самом произношении, как это он выговорил, и, конечно, русская грубость, потому что Баланцев из русских русских. <...> – Все оплевано, омелено и сапожищем растерто, – горячился Антон Петрович, <...> – а по сапогу изматернино! Обойдите весь свет, и нигде не найдете такой подлости, укорененной в самых недрах народной жизни и освященной стариной и преданием [68: 460–461]¹⁰.

Символистская культура предполагает миропонимание, актуализирующее эстетический опыт творческой личности в семиотической форме. Суть возникшего конфликта предельно проста: объективация имени обнаруживает два различных культурных кода – сакральный и профанный¹¹. Розанов «вдох-

⁹ В «Заветных сказках» Афанасьева подобный эвфемизм встречается в сказке «Чудесная мазь» (сюжет «г») [256: 150].

¹⁰ Ср.: «Матерную же речь, как и сквернословие, <Розанов> не употреблял, почитая за великий грех и преступление» [61: 87].

¹¹ М. В. Козьменко, анализируя ремизовскую эротику, не принимает во внимание очевидную дистанцию, которая явно возникает у писателя и философа в индивидуальном восприятии Эроса. Явно приписывая Ремизову розановскую апологию фаллизма, автор называет «ремизовскую фаллологию» «законченной системой» [209]. Это обобщение скорректировано в другой его работе, где исследователь, указывая на некий «трагический корректив, который необходим для понимания степеней близости и расхождений писателя <...> с учением о „Древе Жизни“ Розанова» [210: 185], все же оставляет вне поля зрения эволюцию собственно ремизовских представлений об Эросе.

новенно и благоговейно» сообщает фонемическому имени культовое значение; оттого нецензурное слово в его устах воспринимается как «имя первое – причинное и корневое: / – X. (х о б о т)» [61: 90] (заметим, что в изложении Ремизов усиливает звучащий пафос заглавной буквой и разрядкой). В интимной розановской прозе, максимально приближенной к дневнику, слово «фалл» употребляется весьма часто, иногда помечаемое только начальными литерами, возможно, из-за нежелания «всуге» упоминать священное¹². Кроме того, в обыденном сознании иноязычное название известного предмета само по себе окружено неким символическим ореолом и культурным контекстом.

Общезвестное русское слово, озвученное писателем, в этой ситуации столь же естественно, как и обценная лексика в устах одного из героев романа «Пруд» (1905) – сапожника, мальчишки Филиппка, который «рассказывал свою единственную сказку» «необыкновенно просто и наивно, и вся непечатность сказки только и заключалась в непечатности слов и выражений» [73: 98]. В то же время Ремизов неприкрыто ироничен в отношении к предмету изображения. Скрытое указание на матерную речь призвано приумножить комизм происходящего. Помимо неподобающей интонации уничижительную окраску используемому слову придает и соответствующий суффикс «-ишк-». Усиленно подчеркивая личную «профанность», Ремизов тем не менее в завершение описания истории своего «дикого рисунка» признаёт и особо отметит другую – сакральную сторону русского матерного языка:

...матерная, как и всякая ругань, просто как слово – самородно выбившееся, ведь это цельная стопа – стопа-ступ слов, а по звучности, звончей оплеухи, так – прекрасна.

И все прекрасно в своей звезде [61: 80].

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА

Вершиной ремизовской эротики принято считать сказку «Что есть Табак. Голосиева повесть» (1906), сочиненную на основе апокрифических легенд о происхождении табачного зелья из «удищ» Дьявола. Однако рассказ о том, как у автора возникла идея написать «Табак», в ироническом изяществе эротического подтекста не уступает самой сказке. В «Кукхе» этот небольшой сюжет концентрируется вокруг примечательного события начала 1900-х годов, привлекшего внимание петербургской богемы. В доме хранителя Эрми-тажа А. И. Сомова (его сын К. А. Сомов – известный художник – впоследствии иллюстрировал «Табак») сугубо для избранных, к которым, безусловно, принадлежали Розанов и Ремизов, демонстрировалась восковая копия фаллоса графа Григория Александровича Потемкина-Таврического. Любопытство страждущих увидеть подобный феномен буквально наэлектризовало атмосферу в «обществе», так что предполагавшееся тайное ознакомление стремительно превратилось в секрет полишинеля.

¹² См., например, [299: 347–348]. Ср. также со словами Розанова из письма к Ремизову (1910): «Нельзя открывать, называть громко то, что должно быть в тайне и молчании» [61: 79] и поздними размышлениями Ремизова: «Великая тайна сказать слово, и чем тайнее слово, тем оно проще, и самые простые и самые тайные из слов – самоочевидности...» [67: 214].

Следует заметить, что впервые тему повышенного интереса к фаллическому «совершенству» находим в романе «Пруд», о содержании которого Розанов высказывался более чем иронично: роман, где все «про хоботы больше» говорится [61: 46]¹³. Персонаж одного из эпизодов – кононарх Яшка, прозванный Слоном, примечателен тем, что ему было «отпущено Богом сверх всякой меры». Сцена ознакомления братьев Финогеновых с уникальным образцом природы почти зеркально повторена в рассказе о тайном просмотре восковой копии потемкинских «достоинств». Петербургский контекст аналогичной, по сути, истории, естественно, более эстетизирован, но градус интереса и для московских подростков, и для столичного бомонда тождествен:

Финогеновым надо было во что бы то ни стало добраться до кононарховых вершков и все увидеть собственными глазами. И вот с помощью о. Гавриила стащили со Слона подрясник, и началась разборка планов, как любил выражаться сам о. Гавриил.

Сонный Слон визжал, григотал, захлебывался и, наконец, совсем протрезвился, открыл глаза и сконфузился.

– Низкая душа, – бормотал запыхавшийся о. Гавриил, – деточкам в удовольствие, а ты брыкаешься!

Так весь день и провозились с кононархом [73: 114]¹⁴.

Соотнесение физиологических параметров натурального слона и мужчины dokonчено в «Пруде» и микросюжетом о половом Мите-Прометее, получившем как-то в Зоологическом саду «трудную и небезопасную должность при слоне: за двадцать пять рублей приводил он слона в чувство во время случки»¹⁵. Извращенность монашеской братии воспринималась мальчишками Финогеновыми исключительно как повод для смеха и баловства. Этому детскому легкомыслию в романе противопоставлено поведение туземцев:

...дикие стали показывать <...> свои украшения и какие-то подозрительные кабаньи хвосты, которыми увешаны были их руки, а потом подняли свои кокосовые пояса, и название при этом сказали, и так серьезно, так наивно, что никому стыдно не было и никто не хихикнул... [73: 98]¹⁶.

¹³ Примечательно, что в первой (журнальной) редакции романа «Пруд» эвфемизм «хобот» отсутствует.

¹⁴ Ср. с текстом второй редакции: «Яшка-„Слон“, известный непомерной огромностью всех своих членов»; « – Низкая душа, – таинственно рекомендовал о. Гавриил гостя, – хобот – уму непостижимо, от обера, душечка, есть восприятие ему сноситься...»; «Надо было во что бы то ни стало добраться до хобота. С помощью о. Гавриила „Слона“ обнажили, и началась „разборка планов“» [73: 341–342].

¹⁵ В отличие от текста окончательной редакции, цитируемого нами [73: 137], во второй редакции обязанности героя были описаны более сдержанно: «...в Зоологическом Саду, где он занимал какую-то нечистую тяжелую должность при слоне... во время случки» [73: 357].

¹⁶ Ср. также с рассказом «Дикие» (1913), где денотатом подразумеваемого «откровения» впервые выступает слово из выдуманного туземного языка: «И когда все было показано и рассказано, старший людоед кротко так приподнял свой пояс. – Вика, – сказал людоед кротко так, – вика! И мне так жалко стало и больно – столько было доверчивости и такого детского, и такого невинного, о чем нам и подумать трудно» [9: 70].

В «Кукхе» Ремизов создает энигматический текст, в котором уникальный экспонат, именуемый «опалом», описывается метафорически:

...восковый слепок с некоторых вещей Потемкина-Таврического: эти «вещи» я уже видел и разжигал любопытство В. В.:
– Свернувшись лежат, как змей розовый [61: 73]¹⁷.

Столкновение множественного и единственного числа применительно к одному и тому же предикату как будто сбивает с толку, но вместе с тем сигнализирует о возможности разгадать точное название предмета, в древнерусском словоупотреблении именуемого «срамными удами». Позже история была развернута в рассказе «О происхождении моей книги о Табаке» (1946). Характерно, что в этом втором, и самом подробном, варианте воспоминаний о появлении на свет «Гюносовой повести» предмет, подтолкнувший писателя к созданию эротического произведения, явлен без масок и псевдоимен. Ремизов просто использует известное латинское слово:

Пенис Потемкина был сделан по воле Екатерины «для назидания обмельчавшему потомству» в точном размере и со всеми отличительными подробностями, с родимым пятном у «ствола расширения», – восковый розовый слепок и хранился в Эрмитаже. Для публичного обозрения недоступен [64: 13].

Еще одна, третья, редакция этой истории появляется в главах книги «Встречи», публиковавшихся в 1953–1954 годах. Автор вновь возвращается к игровому утаиванию общеупотребляемого имени, уже апробированному в «Кукхе». Метонимиями воскового фаллоса избираются названия: «опал», «статуэтка», «кукла», «мощи», латинское «пенис» – как иностранное слово, острающее смысл предмета, и, наконец, якобы английское «хул», которое для своих творческих задач использовал Пришвин:

Хул! – отозвался Аросев и объяснил значение этого нерусского слова: «пенис» в России запрещен, а Пришвину никак не обойтись было без него и придумал и напечатал: «хул» – звучит по-английски, но и по-нашему, дурак поймет [64: 48].

Ключ к этому художественному приему находим в «Огне вещей»:

Достоверно только «непрямое» высказывание, где не может быть ни умолчаний по стыдливости, ни рисовки «подымай выше». И самое достоверное в таком высказывании то, что неосознанно, что напархивает из ничего, без основания и беспричинно, а это то самое, что определяется словом «сочиняет» [59: 26].

¹⁷ Обратим внимание на ироническое звучание слова «вещи», которое впоследствии станет у Ремизова одним из основополагающих концептов. Ср. также: «фаллический культ» – «есть целокупное народное обожание, целокупное народное влечение „к этим... маленьким вещам“...» [299: 274]. Параллели между «Кукхой» и текстами Розанова исследованы А. Л. Сгопе [407: 197–210].

Один из способов придать реальному предмету символическое значение – найти ему соответствующий аналог. Фигура умолчания в повести «Канавы» сама по себе уже указывает на необычность рисунка, а используемый в «Кухне» эвфемизм («хобот»), с одной стороны, объективирует символическую сцену, с другой – демонстрирует метафору, привычную для фольклорных интерпретаций материально-телесного низа и верха: фаллос ↔ хобот. Основная тема задается слонем – существом, крупным по всем параметрам, образ которого по ассоциации спроецирован на образ мужчины, наделенного природой исключительными физическими достоинствами. Хобот в таком переосмыслении аналогичен носу: хобот ↔ нос. Нос – известный фаллический символ; его размеры традиционно принято напрямую увязывать с мужским половым органом:

...если бы носы, как платки, прятали в карманы, можно было бы сказать: трудно вынимается. В. В. Розанов по каким-то египетским розысканиям о человеческой трехмерности, – в длину, в ширины и... «в бок», – взглянув только на нос Пселдонимова (герой повести Достоевского «Скверный анекдот». – Е. О.), сказал бы, не задумавшись, своим розановским, по-гречески: «да ведь это фалл!..» [59: 191]¹⁸.

В 1953 году в письме к Н. Кодрянской Ремизов сам указал на то, что во «Встречах», в главе о потемкинском пенисе, он пытался повторить гоголевский прием:

...я сделал новую редакцию розановского рассказа и называю «Моя литературная карьера» (как меня печатали и издавались мои первые книги). Форма рассказа – неоконченная повесть, так у Гоголя написана повесть о Иване Федоровиче Шпоньке. У Гоголя центральное Сон, у меня какая-то таинственная статуэтка, которая таинственностью своей, перелетая под секретом с языка на язык, взбаламутила весь Петербург и переметнула в Москву. Я бросаю рассказ, описав «канун», и заканчиваю будто бы о другом, а на самом деле о своей литературной карьере. Центральное «статуэтка», которая так и остается загадкой – явление всякой и нелитературной карьеры. Как я писал вам, я показывал рассказ благочестивым людям и никто не нашел ничего предосудительного... [204: 267–268]¹⁹.

Это авторское пояснение раскрывает источник вдохновения Ремизова – гоголевское сюжетосложение, в основе которого лежит обманное смещение акцентов. Более того, совершенно откровенные детали первой редакции этой истории 1946 года, получившей название «О происхождении моей книги о Табаке», наводят на мысль, что и в этом варианте автор – непревзойденный мастер «непрямого высказывания» – также обратился к гоголевскому приему, в данном случае «заимствованному» из повести «Нос».

Фарсовый характер ремизовского повествования, смысловая пружина которого держится на образе фаллоса, своевольно путешествующего по Петербургу,

¹⁸ Об эротическом контексте мотива «носа» в повести «Часы» см. статью Е. Горного [143: 197–199].

¹⁹ Ср.: «Шпонька» – «произведение блестящезаконченной формы, а для дураков „без конца“» [65: 469].

усиливает буквальность аналогии. В двух текстах – множество рифм, даже тех, что образуются независимо от воли их авторов. Рассказу Ремизова предшествует реальная история, связанная с обнаружением восковой «модели» потемкинского пениса. Существует гипотеза, будто и гоголевская повесть появилась на свет благодаря секретным сведениям об изготовлении уникального ринологического протеза [212: 341–347]. Обе истории (одна фантастическая, другая – трансформировавшаяся из реальной в мифическую) начинались по соседству: хлеб с носом майора Ковалева обнаруживается на Вознесенском проспекте, а футляр с копией Фалла графа Потемкина был доставлен в квартиру А. И. Сомова – на Екатерингофский, 97. Появление некоего господина, оказавшегося носом несчастного майора, знаменует раздвоение героя. В сущности, мы имеем дело с синекдохой: часть приобретает статус субъекта, нос превращается в самозванца, выдающего себя за высокопоставленное лицо. Схожую метаморфозу переживает и легендарный потемкинский фаллос. Автор анекдота вовремя подпускает сплетню, и живым носителем «сверх божеской меры» становится безродный студент Петр Петрович Потемкин, славившийся ростом, экстравагантными стихами и эпатажным поведением на вечерах молодых поэтов. Слух о тайной демонстрации музейной редкости распространяется по Петербургу столь же самопроизвольно, как неожиданно появился в разных частях города и нос Ковалева, оставивший своего хозяина:

...пенис Потемкина, сначала робко шепотком, осмелевая, уже нагло ходил к знакомым и незнакомым, распоряжался по-свойски. Он являлся под разными именами, сохраняя свою неистовую природу [64: 34].

У Гоголя сотрудник газеты проницательно замечает, что сюжет о дерзком побеге Носа следовало бы отдать «тому, кто имеет искусное перо, описать это как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в „Северной пчеле“ (тут он понюхал еще раз табуку) для пользы юношества (тут он утер нос) или так, для общего любопытства». Похоже, что именно из этой реплики в действительности вырастает рассказ о происхождении табака (кстати, и в самой сказке псевдомонах Саврасий выделяется среди других персонажей своим носом – громадным «до невозможности»). Исчезновение Носа в повести Гоголя привело к комической переписке Ковалева с госпожой Подточиной, где игра буквальными и переносными смыслами приобрела фарсовое звучание. Широкою общественную огласку получила и другая история (уже известная читателю) – дело о пропаже обезьяньего хвоста.

Преобразование смеховой эротики, исполненной в духе гротескового реализма, в эротическую символику осуществляется аналогично тому, как в истории культуры происходит обращение слова в миф. На первой стадии означаемое и означающее составляют как будто единое целое: между именем предмета и самим предметом нет смыслового зазора. Культурная необходимость назвать, «не называя», приводит к «метафорическому уподоблению» (А. Н. Афанасьев), благодаря чему появляются синонимические имена. Означаемое наполняется синкретическими смыслами: «...всякий смысл в мифологии заложен потенциально, словно в хаосе, и ни один не ограничен, не выступает как что-то частное...» [387: 169].

Имя, первоначально произнесенное в сюжете с рисованием, лишено какого-либо символического и тем более сакрального наполнения. В позднейших ин-

терпретациях появляются новые – метафорические – имена, а реальный эпизод приобретает черты мифа. Нетрудно заметить, что Ремизов использует характерный для русских «заветных» загадок прием остранения, описанный Шкловским на примере эротической сказки, когда метафора обращается в символическое имя и закрепляется за предметом [391: 20–23]. Здесь уместно также вспомнить и интерпретацию мифа М. Мюллера, согласно которой язык «забывает» первоначальное имя предмета и подменяет его метафорическим. Источник мифа кроется в двусмысленности языка, в так называемой паронимии. Каждый раз, когда человек забывает о первоначальном значении метафор и ставит на их место искусственные смыслы, рождается мифология, или, по словам Мюллера, «заболевший язык»²⁰.

Для мифологического мышления характерны неразделенность субъективного и объективного, предмета и имени, вещи и ее атрибутов, пространственных и временных отношений. То, что для научного анализа является сходством, в мифологическом объяснении выступает как тождество. Мифологическое мышление – конкретно-чувственно, а потому предметы, не утрачивая своей конкретности, могут символически заменять другие предметы и явления, то есть становиться их знаками, что и делает их более умопостигаемыми. Образ не подменяет предмет, он и есть сам предмет. Мифическое сознание обращено к единичному; *pars pro toto* является одним из основных его принципов: целое не имеет частей, но часть является целым. В результате возникает синкретичный мифологический образ, иносказательность которого воспринимается уже не как метафора, но как универсальное и самодостаточное бытие. Заполняя ментальное пространство символическими образами, мифомышление достигает своей основной цели – объяснения и пресуществления мира.

²⁰ Развивая эти взгляды, Н. А. Кареев предложил различать в мифологии «две совершенно различные области: первая есть продукт мифического объяснения явлений реального мира, вторая – продукт забвения смысла слов, затемнения речи; содержание первой – реальный мир, изъясняемый мифически, действительность, ненаучно понятая (апофатическое миросозерцание), содержание второй – фантастический мир мифических образов, сфера сверхъестественного, поставленная за пределами чувственного мира; первую мы назовем мифическим миросозерцанием, вторую – мифологией в теснейшем смысле» [196: 65]. В свою очередь, А. А. Потебня считал, что было бы последовательнее, говоря о мифологии, смешать эти два различных момента мысли и оставить их в таком смешении [284: 267]. Действительно, Ремизов, прибегая к метафорическим смыслам, использует обе сферы: первая для него – его естественное ментальное пространство; вторая – прием «апперцепции в слове», который он использует осознанно. Ср. также: «Ремизову было известно учение филолога Потебни о болезни языка. В старину, в незапамятные времена речь человека была образной, а со временем человек утратил дар образно-поэтического восприятия мира. Алексей Ремизов и сознательно, и интуитивно преодолевает то явление, которое Потебня назвал болезнью языка. Он вернул русской речи и русской литературе эту утраченную ею поэтическую образность» [171: 137].

Расплетая различные сюжетные нити собственной биографии, из пересечения которых появилась сказка о табаке, Ремизов, обращаясь к читателю, замечал: «Уже в одном „преуготовлении“ Вы слышите мотив моей гоносиевой повести» [64: 14]. Семантическое сближение истории о происхождении табака с мифологией Обезьяньего Ордена создают неожиданно проявляющиеся и тотчас готовые ускользнуть мотивы. Переживания Сомова, устроившего тайную демонстрацию эрмитажного раритета, странным образом связаны с самой таинственной персоной Обезьяньей Великой и Вольной Палаты – царем Асыкой:

Андрей Иванович, «водрузив» драгоценный «ларец» – размер скрипичного футляра – на самом видном месте «под святы», все беспокоился: «а ну – как „схватятся“!». А кому хвататься, если вещь находится в полной неизвестности: никто никогда не видал и ничего не знает, как о легендарном обезьяньем царе Асыке [64: 14]²¹.

Тем не менее некоторое представление об этом центральном персонаже «тайного» общества, его окружении и ритуалах дает пересказ «Трагедии о Иуде-принце Искаротском» в статье Иванова-Разумника «Творчество Алексея Ремизова» (1910–1911):

...на сцену выходит, под торжественные звуки «обезьяньего марша», сам «Его Величество царь Обезьяний, Обезьян Великий – Валахтантарарахтарандаруфа Асыка Первый» <...> Люди, вместо орденов, украшаются «обезьяньими знаками», фаллосами... [183: 97].

Критик прямо назвал «обезьяньи знаки» фаллосами, хотя в тексте трагедии даны лишь намеки: «неподходящие обезьяньи знаки» – это «такое безобразие!»; «с таким сокровищем на шее, если не прикрываться, никуда и носа не покажешь: всякий тебя на смех подымет» и т. д. [4: 39]²².

Десятилетием позже эротическая символика стала для Ремизова важнейшим инструментом мифопоэтического дискурса, ключом к целостной и универсальной картине мира²³. Именно в это время в Берлине условная жизнь Обезвелволпала дополнилась новым ритуалом, связанным с поощрением заслуженных *кавалеров* Палаты «наградными» хвостами – знаковым отли-

²¹ Ср. с высказыванием героев «Трагедии о Иуде...» о царе Асыке: «Только что по пояс человек, а там – скот» [4: 38].

²² Ср. также со словами Пилата: «Я Ироду-царю намедни послал, так он обиделся. Дурак! – Мало ли какие бывают знаки: у одних звезды, у других звери, а у третьих это...» [4: 35].

²³ Ср. с определением мифа из книги Э. Бете «Mythus – Sage – Märchen» (1905): «Миф – это примитивная философия, простейшая презентативная (anschauliche) форма мысли, ряд попыток понять мир, объяснить жизнь и смерть, судьбу и природу, богов и культы» [220: 160].

чием участников игры от не-участников²⁴. Возможно, стремясь подчеркнуть игровую замену, существующую в разговорной форме немецкого языка: фаллос – schwanz (хвост)²⁵, а также желая связать две культуры через языковые соответствия, что отразилось в его первых эмигрантских произведениях²⁶, Ремизов намеренно усилил тайный, эротический смысл этого символа в системе собственных мифологических построений. Эротический микрокосм Обезьяньей Палаты вариативно мог подразумевать не только вертикальную ось смещений: фаллос ↔ хвост ↔ нос, но и горизонтальную: репиз ↔ хвост, – корреляцию, вполне законную, если вспомнить, что «хвост» и есть первое значение употребляемого Ремизовым латинского слова. Приставленный спереди наподобие фаллоса, хвост выступал иронической иллюстрацией розановской теории «бокового роста» [298: 58–59]²⁷.

Эротическое значение хвоста обыгрывалось и на рисованных обезьяньих грамотах. В абстрактных формах обезьяньей печати и обезьяньей марки – практически везде, хотя и неявно, присутствует фаллическая тема. К числу наиболее откровенных рисунков относится изображение на грамоте 1937 года, принадлежащей А. Керенскому [411: 51]. Кроме того, схожий эротический мотив со всей очевидностью проявляется в обрамленном кавычками фрагменте из неатрибутированного текста о шумерском божестве на рыцарской грамоте Н. Зарецкого 1933 года:

сам хубаба медленно шел им навстречу
лапы у него, как у льва, медной чешуей покрыто его тело

²⁴ Ср. с репликой Ремизова в письме к Л. Шестову: «Что же касается премии писателям, надо только узнать, когда это будет, обезьянья вел<икая> вол<ыная> палата тоже раздаст премии хвостами» [83(№3): 115].

²⁵ В «Трагедии о Иуде...» тема «хвоста» появляется в разговоре Сибории с Зифом и Орифом, сразу же после эротической загадки: «С и б о р и я. Добродушно. Ей-Богу, прямо бесы, только что хвостов нет. / З и ф. Вот и ошибаетесь: есть – да еще какие! Ориф, покажи! / О р и ф. Кобенясь. Трудно вынимается. / З и ф. Врет: распетушье – так недоросток. / С и б о р и я. Фу! – от стыда глаза горят» [4: 30–31]. Здесь же присутствует и пояснение Ремизова: «распетушье» – «ни то, ни сё, кладенный, холощенный петух»). Об эротическом подтексте символа хвоста «в ритуализированной жизни Обезьяньего Ордена» впервые обмолвился Л. С. Флейшман: «Кстати, текст трагедии и „Кукка“ вынуждают безусловно отождествлять хвост с х(оботом), в терминологии „Кукки“» [364: 188]. Указание на роль «хвоста» в эротическом контексте повести Достоевского «Крокодил» находим в работе Г. Левинтона [221: 276].

²⁶ Ср. с названиями рассказов из сборника «Ахру»: «Крюк» – от Krücke (нем.) – костыль, клюка, изогнутый инструмент; «Альберн» – Albern (нем.) – дурашливая, пустяковая болтовня.

²⁷ Попутно отметим демонстрацию и противоположной оси анатомических смещений – в постоянном «токовании» одного из персонажей романа «Пруд» – пономаря Матвея Григорьева, окружающим: «Пупок у меня не на животе, а на спине этак!» [73: 78]. В этой связи нелишним будет провести параллель с характеристикой, которую дает своему герою Н. В. Гоголь, иронически намекая на его нетрадиционную сексуальную ориентацию: «Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя поговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. Откуда выходят все эти сплетни? Так, как пронесли было, что Иван Никифорович родился с хвостом назади. Но эта выдумка так нелепа и вместе гнусна и неприлична, что я даже не почитаю нужным опровергать пред просвещенными читателями, которым, безо всякого сомнения, известно, что у одних только ведьм, и то у весьма немногих, есть назади хвост, которые, впрочем, принадлежат более к женскому полу, нежели к мужескому» [140: 177].

когти ног его точно у коршуна, рога его точно у тура
хвост его и детородный член
несут на концах своих змеиные головы (ВАР. 4).

Другой важнейший элемент игры – гимн Обезьяньей Палаты («я тебя не объел, / ты меня не объешь, / я тебя не объем, / ты меня не объел!») самым неожиданным образом утверждает в символике Обезвельволпала эротическую тему. Исследования лингвистов и этнографов фиксируют практически во всех культурах устойчивую семантическую аналогию между потреблением пищи и соитием: «...в очень большом числе языков эти два процесса обозначаются одним и тем же словом» [222: 195]²⁸. Примечательно, что манипулирование подобными словесными формами находим у Розанова:

Чем же я одолел Гоголя (чувствую)?

Фаллизмом.

Только.

Ведь он совсем без фалла. У меня – вечно горячий. В нем кровь застыла. У меня прыгает.

Посему я почувствовал его. Посему – одолел.

О, да...

Великий Боже! – какое СПАСИБО.

Это путь. Для русских – «путь Розанова». По нему идет «смирненная овца», «Розанов – овца», без ума и с кое-какой жизньюшкой.

Но она спокойно «по-своему» и «по всему миру» ест траву и совокупляется, «ажно хочется», и всему миру дала... во всем мире возродила вновь силу и жажду и есть и (с пропуском одной буквы тоже) [300: 119; запись от 10 мая 1915 г.].

Установить подлинное значение глагола обезьяньего гимна позволяет один из эпизодов романа «Пруд». Его герой – чудаковатый отец Гавриил.

...От непорочности ли своей, или еще от чего, за детей беспокоился: ему постоянно за обедом и ужином мерещились женщины, – тысячи, миллионы женщин, которые вот пожрут и иссосут Финогеновых, а может быть, уж пожирают и сосут.

Именно за совместной едой возник между Гавриилом и братьями Финогеновыми странный обычай:

...не доев еще своей тарелки, когда другие уж кончали, он сливал к себе остатки из других тарелок. Если же ему предлагали подлить свежего супу или щей или хотели в кухню унести начатые тарелки, он обижался.

– Я тебя, – пищал о. Гавриил, как-то растягивая слова с пригнуской, – я тебя, душечка, объел, я тебя, Сашечка, объел?

Финогеновы знали такую повадку о. Гавриила и всякий раз хором отвечали ему, повторяя по несколько раз:

– Ты меня не объел! Ты меня не объел! <...>

²⁸ О метафоре «есть = любить» см. работы А. Потебни [284: 295]; [283: 730–731].

Не унимался о. Гавриил и, увешанный капустой, лапшой, хлебными крошками, соловья, растопыривал жирные лоснящиеся пальцы и над собой, и над чужими тарелками.

– У-у <...> Колечка! пожрут они тебя... тысячи... [73: 101].

Несмотря на подробное описание, смысл обеденного ритуала остается затемненным из-за ощущения, будто употребленные здесь слова не соответствуют своим прямым значениям. Навязчивый образ агрессивных женщин служит семиотическим знаком, переводящим контекст диалога в сферу эротического. Расшифровку этого знака находим у Леви-Строса:

Если в наиболее знакомой нам и, бесспорно, наиболее распространенной в мире эквивалентности мужчина занимает место едока, а женщина – пищи, то не следует забывать, что часто дается и инвертированная формула – в мифологическом плане, в теме *Vagina dentata*²⁹, что значимым образом «кодировано» в терминах поедания, то есть прямо (тем самым подтверждается закономерность мифологического мышления: преобразование метафоры завершается метонимией). Впрочем, возможно, что тема *Vagina dentata* соответствует не инвертированной, а прямой перспективе – в сексуальной философии Дальнего Востока, где <...> искусство постели для мужчины заключается в том, чтобы не допустить поглощения женщиной его витальной силы и чтобы эту опасность использовать для своей выгоды [222: 196].

Для монаха-«страстотерпца» процесс еды подспудно соотносится не только с абстрактным грехом, но и с конкретным актом прелюбодеяния. Глагол «объесть» несет в себе явно заместительную функцию, и его метафорическое значение подразумевает обманное действие: *объесть* → *объесть* = обмануть. Оставляя в стороне сарказм эпизода, в котором намерения и действия героя прямо противоположны его словам, подчеркнем, что миф, как основополагающий конструктивный принцип Обезьяньей Палаты, возводит в обезьяньем гимне иронию глагола «не объесть» в статус позитивного действия: доминирующий смысловой оттенок этого «заклинательного» слова предполагает запрет обмана и посягательства на чужую индивидуальность.

Эротический подтекст обезьяньего гимна, в свою очередь, указывает на сакральное значение одного из трех «обезьяньих» слов – *гошку* (еда). Однако оно появляется у Ремизова лишь единственный раз – в тексте Конституции Обезвельволпала, и концептуальный смысл его герметичен. Вместе с тем мифологическое значение двух других слов, составляющих обезьяний «символ веры», – *ахру* (огонь) и *кукха* (влага), поддается интерпретации благодаря книгам с одноименными названиями – «Ахру» (1922) и «Кукха» (1923), написанным в первые годы эмиграции. Эти произведения открывают серию принципиально новых автобиографических текстов, где тема воспоминаний переплетается с экзистенциальным осознанием собственной «пограничной ситуации» – между смертью и жизнью, между Россией и Западом. Мучительная самоидентификация сопровождается рождением оригинальной натурфилософской картины мира.

Возможно, именно события русской революции обратили Ремизова к центральным первоэлементам ранней греческой философии, к грандиозному обра-

²⁹ Зубастая вагина (лат.).

зу сотворения Вселенной в гностической космогонии, которые в истории культуры восходят к Гесиоду и орфикам и потому называются Эросом, что только он «устраивает мир, живой и неорганизованный», «устраивает вселенную и создает людей и богов» [230: 191]. Апология «огня» как первоосновы мироздания, космического процесса гибели и возрождения Вселенной – в центре поэмы «О судьбе огненной» (1918). Ремизов обращается здесь к натурфилософии Гераклита:

Пожжет огонь все пожигаемое.
В огненном вихре проба для золота
и гибель пищи земной.
И вместо созданного останется
одно созидаемое –
персть и семена для роста [17: 9].

В «Огненной России» (1921) философское осмысление революционной реальности символически соотнесено с «огненным словом» Достоевского. Мифологическая поливалентность понятия «огонь» раскрывается и в другой книге, в заглавие которой вынесено слово «Ахру», появившееся и объясненное здесь впервые:

Ахру – слово обезьянье на обезьяньем языке: американский ученый проф. Гарнер в африканских лесах, сидя в железной клетке, от обезьян подслушал, и наш ученый, проф. Ф. А. Браун тут в Берлине и без клетки глаз-на-глаз в Zoologischen Garten; а означает это ахру – огонь [32: 53].

В одном из альбомов Ремизова (1926) вклеена вырезка из неустановленной газеты под названием «Обезьяний язык», также, по всей вероятности, принадлежащая перу писателя:

Американский естествоиспытатель проф. Гарнер, известный исследователь обезьяньего языка³⁰, отправился в дебри Восточной Африки, чтобы там с помощью граммофона продолжить свои исследования. На мысль об исследовании языка обезьян проф. Гарнера впервые натолкнуло своеобразное поведение нескольких обезьян, которые были помещены в одной клетке с диким павианом.

Он потратил много денег и времени на эти исследования; долгое время провел в первобытных африканских лесах, в железно-решетчатой клетке, чтобы удобнее и лучше наблюдать за поведением обезьян. Он утверждает, что ему удалось сделать массу любопытнейших наблюдений, которые привели его к заключению, что обезьяны объясняются между собой не только знаками, но и членораздельными звуками.

³⁰ Следует привести и критическую оценку исследований Гарнера: «В 1892 году Р. Л. Гарнер опубликовал книгу „Речь обезьян“, которая вызвала громадный интерес, поскольку он заявил, что узнал около 40 слов обезьяньего языка. Однако эта книга настолько фантастична и ненаучна, а интерпретации в ней настолько экстравагантны, что, по-моему, ее вообще не следует принимать во внимание, поскольку более тщательные исследования ученых полностью опровергают ее выкладки» [220: 95]. См. книгу самого Р. Гарнера [409], а также статью М. Безродного [107: 153–154].

Между прочим он пишет следующее о своих наблюдениях: «я записал почти двести слов на обезьяньем языке. Так, например (обозначая их слова по нашему способу), слово «ахру» означает солнце, огонь и вообще понятие о тепле. «Кукха» – вода, дождь, холод; «гошку» – пищу, процесс еды» (Амхерст; альбом 1926 г.)³¹.

Совмещение реального плана бытия и символического, сакрального, сконцентрированного в мифологическом названии, определяет различные символические значения огня: поминальный («К звездам»); огонь – вечное возрождение, жизнестойкость, душевное тепло («Крюк»); огонь – веселье, шутка («Алберн»).

После выхода в свет книги «Кукха», посвященной В. В. Розанову, это «обезьянье» слово, переведенное автором как «влага», дало мифологическое имя всему комплексу представлений об образе философа. Воссозданный в книге вдохновенный момент рождения сакрального слова насыщен эротической космогонией. И если первое из приведенных определений – «влажность сквозьзвездья» – может показаться поэтической метафорой, то сексуальная направленность последующих метонимий очевидна:

...живая влага, Фалесова hugron, мировая «улива», начало и происхождение вещей, движущаяся, живая, огненная, остервенелая, высь скорпи, высь быстры, высь бега, жгучая, льнущая –

я скажу –
на обезьяньем языке словом – одним
словом:
кук – ха –
кук- ха!

Кукха, проникающая мир сквозь звезды, устой подзвездья, сама живая жизнь, живчик, семя, выросшее и в букашку и в козявку 3 1/2 миллиона в Лондонском музее всяких разных козявок, смотрите! – и в человека с беспокойной, как сама кукха, мыслью от Фалеса до –

кукха, проникающая в кукку,
самопознающая!
кукха, вырывающаяся из себя –
хочу знать само!
кукха, где все –
одно сердце,
одна жизнь,
букашки, козявки, таракашки,
слоны,
медведи,
коровы,

³¹ Ср. с черновой записью С. Я. Осипова, озаглавленной «Слова и письменна обезьяньи»: «Слова: слова обезьяньи подслушаны от обезьян и записали ученые, – америк<анский> ученый проф<ессор> Гарнер, сидя в африк<анских> лесах, в железной клетке, и наш ученый, проф<ессор> Ф. А. Браун, в Берлине в Zoologischen Garten, без клетки с глазу на глаз. <...> Ахру – огонь, свет. Кабал-балал – книги с автографами (художников?). Кукха – суть жизни (?)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 40).

люди –
вырастающая человеком
в самочеловека –
в пирамиду
В. В.
Розан-
ов

[61: 75–76]³².

Последними строками, графически изображающими пирамиду с обращенной вниз вершиной (так же завершался и каждый из «Заветных сказов»), автор подчеркнуто демонстрирует фаллическую символику, с которой у него ассоциируется имя философа³³.

Сакральный лексикон, состоящий всего из трех слов: *ахру* (огонь), *кукха* (влага), *гошку* (еда), выводит ремизовскую игру из круга бытовых развлечений. Архетипическая семантика «обезьяньего» языка задает параметры построения космогонического мифа, фиксирующего определенную картину мира и ее первоэлементы. «Огонь», «влага» и «еда» – константные мифологемы, лежащие в основании мировой цивилизации; каждая в известной степени представляет собой эротически заряженный первоэлемент бытия. Огонь – космический символ жизни, движущая сила постоянного обновления мироздания: в огне мир рождается и разрушается. Согласно гностикам, огонь связан с размножением. В человеке он – источник всего сущего, первопричина творческого действия. Как мужское начало, огонь превращает горячую и красную кровь в сперму. Влага – еще один первоэлемент Вселенной; в антропоморфной модели универсума влагу заменяет кровь. Это женское начало олицетворяет собой сферу и атрибут всеобщего зачатия. Еда как мифологема также включает в себя представления о первоосновах бытия. Во время еды разыгрывается ритуал смерть–воскресение: в акте еды космос исчезает и появляется, итогом чего становится обращение к новой жизни, новому рождению, воскресению.

Семиотический анализ первобытных культур показывает, насколько осознанно-сакральной являлась сексуальность как дискурсивная форма межчеловеческого общения, насколько осмысленным, живым и взаимосвязанным был архаичный сексуальный язык. Даже сама обезьяна, по народным поверьям, символизирует силу полового влечения [108: 190, 209]. Все «обезьяньи» слова сопряжены с космогоническим процессом рождения=смерти и поэтому

³² Примечательно, что С. Н. Доценко в своей статье «Обезвельволпал как зеркало русской революции», объявляя Розанова одним «из „источников“» и одной «из „составных частей“ Обезвельволпала», предлагает воспринимать вполне определенные натурфилософские представления Ремизова о «кукке=влаге» как основание для весьма своеобразного рецепта «чая», который, по мнению исследователя, есть «синтез „вещей“, обозначаемых тремя «обезьяньими» словами: «огонь + влага (вода) + еда = чай» [163: 314].

³³ Ср. с рассуждениями Розанова о символическом значении пирамиды: «...пирамида (как великая постель) есть собственно храм Озириса: причем очень естественно, что фараон клался в пирамиде именно на ту самую высоту и вообще „в той пропорции от макушки до подошвы“, где „озиринская часть находилась у живого“. / Пирамида в сем случае становится совершенно понятною: это храм Вечного, каков им стал бранный человек после своей кажущейся смерти» [297: 341].

несут в себе взаимодополняющий смысл. Табуирование эротического подтекста в «обезьяньем» языке соответствует словесной и буквенной магии, похожей на первобытное мышление, призванной, с одной стороны, подчинить называемое человеческой воле, с другой – защитить его от враждебного воздействия.

Возможно, корневая система этих трех слов восходит к индоевропейскому праязыку³⁴. В частности, *ахру* близко по звучанию к индоевропейскому «аг», которое одновременно есть и мужчина, и огонь. Поставленное в «обезьяньем» лексиконе первым, слово «огонь» соотносится с единицей – символом творческого начала, силы и энергии. Индоевропейский корень, обозначающий единицу (*oi-(d)-nos*), дает возможность соотнести древнесеверное *кри* – огонь – с древнерусским *удъ* в значении «пенис». Примечательно также, что нос – фаллический символ, – согласно мифопоэтической традиции, считался местилищем души (огня). В основании слова *кукха*, вероятно, также лежат индоевропейские корни, где *kuk* – женский половой орган, а *gheu* – влага. Возможно, что и слово *гошку* восходит к древнеиндийскому *ghas* – есть, пожирать (в сочетании с *kuk*) [241].

Войны и революции, которые разрывают связь времен и разобщают людей, падающих в эти водовороты, приносят с собой неизбежное «заболевание языка». Безусловным выходом из этих катастроф будет рождение нового языка, сам акт появления которого уже означает победу над этим злом. Задача сократально-эротического «обезьяньего» языка – восстановить порядок в мире хаотической действительности. «Обезьяний» язык – это не только универсальное мифологическое пространство, сохраняющее непреходящее ценности, но и форма инициации, то есть посвящения в смысл человеческого бытия.

³⁴ Об интересе Ремизова к сравнительно-исторической этимологии свидетельствует автокомментарий к «Трагедии о Иуде...», объясняющий происхождение имени Иуда: «Юда – от корня *und* (лат. *unda*, болг. *уда*)» [4: 29].

SUMMA AMORIS

ниверсальным ключом к поливалентным смыслам ремизовского «эротического символизма» является портрет «Обезьяньего царя Асыки» (ВА R. 4). Это произведение было создано к началу 1932 года и отправлено в Прагу для выставки «Рисунки русских писателей» (экспозиция которой открылась в конце 1933 года), подготавливаемой художником Н. В. Зарецким. Графическому таланту Ремизова и, в частности, художественному оформлению Обезьяньей Палаты здесь отводился специальный раздел¹.

В своем письме от 1 февраля 1932 года писатель сообщил Зарецкому:

Книгу о Николе (Образ Николая Чудотворца) я вам пришлю. И вложу в нее портрет Розанова (оригинал), перерисовывать боюсь, не сумею

→– Асыки (и его генеалогия) – { из Вяя
→– Идиота
→– Иуды...²

(Прага).

Время создания рисунка – период особой актуальности для писателя приема художественного монтажа. Мифологемы Гюголя, Достоевского и Розанова объединяются им не только с целью объяснения символической природы («генеалогии») образа Асыки, но и для окончательной фиксации оригинальной натурфилософской картины мира, в основе которой – взаимосвязь Эроса и Танатоса. Истинный замысел автора позволяют раскрыть размышления Ремизова о природе этих мифологем в ходе работы над главами «Огня вещей».

¹ В единственном рукописном экземпляре каталога выставки рисунок «Обезьяний царь Асыка» значился под № 1026. См.: «Выставка: „Рисунки русских писателей“. Каталог. Составил Н. В. Зарецкий. Прага. Народный музей. 1933 г. Единственный экземпляр» (ВА R. 4).

² Упомянутый портрет Розанова (см. с. 152 наст. изд.) сохранился в архиве Зарецкого (ВА R. 4).

ЗАГАДОЧНЫЙ МЕТАТЕКСТ

По наблюдению К. Леви-Строса, мифологическое мышление часто выражает себя с помощью причудливого по составу репертуара и «оказывается чем-то вроде интеллектуального бриколажа» [222: 126]³. Аналогичным образом мифопоэтическое творчество можно уподобить алхимическому пресуществлению, элементами которого являются различные общекультурные символы-коды, а целью выступает создание нового мифа. Художественный арсенал, несмотря на всю обширность, не складывается стихийно: творец, использующий случайно приобретенный материал, сам задает границы собственного выбора.

Миф Обезьяньей Палаты – принципиально открытая для интерпретаций система гомоморфных элементов, связанных между собой не авторской интеллектуальной стратегией, а континуумом мировой культуры. Это обстоятельство позволяет рассматривать ремизовский рисунок как метатекст, существующий в двух формах выражения – графической и вербальной. В центре композиции – символический портрет царя Асыки в образе гностического Абракса. Впервые подобная «икона» появилась на стене василеостровской квартиры писателя в Петрограде в 1919 году и впоследствии не раз воспроизводилась самим Ремизовым⁴. Именно к началу 1930-х годов многие авторские знаки, представленные на данной «иконе», стали устойчивыми элементами идеографии Обезьяньей Палаты. К их числу относятся греческая надпись «Αβραξας», венчающая изображение; глаголическая надпись «Обезвелволпал» – в центре, слева от фигуры Асыки; а также авторский значок – глаголическая буква «ч» () – справа, который дополнен здесь характерным «хвостобразным» зигзагом, направленным вниз рисунка.

По правому полю, сверху вниз, на русском, французском, и немецком языках начертано: «АСЫКА ЦАРЬ ОБЕЗЬЯНИЙ ASYKA LE ROI SINGE KÖNIG DER AFFEN» и параллельно: «ВАЛАХТАНТАРАПАРАНДАРУФА». Слева, сверху вниз, приведены названия в некотором роде «программных» произведений

³ Схожий прием отмечает Г. Н. Слобин в повести «Неуемный бубен» на примере образа Стратилатова [325: 99–100].

⁴ Следующими были цветной рисунок с авторской датировкой «MCMXV–MCMXXI» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 5) и монохромный рисунок (РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 4. № 31. Л. 6), опубликованные в журнале «Ухват» [42: 8], а также в немецкой прессе [425: 51; 373]. В качестве именного экслибриса схожий графический «портрет» Асыки-Абракса был подарен Ремизовым Н. Зарецкому 23 октября 1931 г. (Прага). Возможно, тогда же в личный архив Зарецкого поступил и описываемый здесь метатекст. Примечательно, что для отдельного издания сказки «Царь Додон», вышедшей под грифом Обезьяньей Великой и Вольной Палаты в 1921 г. в «Алконосте», Ю. Анненков специально стилизовал «портрет» Асыки в виде издательской марки.

писателя: «ВЗВИХРЕННАЯ РУСЬ КУКХА УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ»⁵. Непосредственно под рисунком, в центре, большими буквами дано его заглавие: «ЦАРЬ ОБЕЗЪЯНИЙ АСЫКА». Слева – на французском языке: «LE „GRAND CHARITRE DES SINGES“ EST GOUVERNÉ PAR LE ROI ASYKA UN SINGE MUSTERIEUX QUI N'EST NULLE PART PARCEQ'IL EST PARTOUT». Справа – графическое изображение двух фаллосов.

Последовательно, то есть слева направо, на верхнем и нижнем уровнях расположены текстовые «блоки», начертанные прописными буквами и практически без знаков препинания:

[1] МОЖЕТ ЛИ МЕРЕЩИТЬСЯ В ОБРАЗЕ ТО ЧТО НЕ ИМЕЕТ ОБРАЗА? КАЗАЛОСЬ ВРЕМЕНАМИ ЧТО Я ВИЖУ В КАКОЙ-ТО СТРАННОЙ И НЕВОЗМОЖНОЙ ФОРМЕ ЭТУ БЕСКОНЕЧНУЮ СИЛУ ЭТО ГЛУХОЕ ТЕМНОЕ И НЕМОЕ СУЩЕСТВО Я ПОМНЮ ЧТО КТО-ТО ПОВЕЛ МЕНЯ ЗА РУКУ СО СВЕЧКОЙ В РУКАХ ПОКАЗАЛ МНЕ КАКОГО-ТО ОГРОМНОГО И ОТВРАТИТЕЛЬНОГО ТАРАНТУЛА И СТАЛ УВЕРЯТЬ МЕНЯ ЧТО ЭТО ТО САМОЕ ТЕМНОЕ ГЛУХОЕ ВСЕСИЛЬНОЕ СУЩЕСТВО ДОСТОЕВСКИЙ ИДИОТ МОЕ НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ⁶

[2] ЖИЗНЬ ЕЕ ПРИРОДА ЕЕ ГЛУБОЧАЙШАЯ СКРЫТАЯ ЗАВЯЗЬ ЭТО ВСЕСИЛЬНОЕ ГЛУХОЕ ТЕМНОЕ И НЕМОЕ СУЩЕСТВО СТРАННОЙ И НЕВОЗМОЖНОЙ ФОРМЫ ОГРОМНЫЙ И ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ ТАРАНТУЛ ДОСТОЕВСКОГО ИЛИ ПРИЗЕМИСТЫЙ ДЮЖИЙ КОСОЛАПЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОЙ ЗЕМЛЕ С ЖЕЛЕЗНЫМ ЛИЦОМ ГОГОЛЕВСКИЙ ВИЙ ДЛЯ ЖИВОГО НОРМАЛЬНОГО ТРЕЗВОГО ГЛАЗА НЕ НАПУГАННОГО НИКОГДА НЕ ТАРАНТУЛ НЕ ЕГО ПРООБРАЗ СПУТНИК ВИЯ ПУЗЫРЬ С ТЫСЯЧЬЮ ПРОТЯНУТЫХ ИЗ СЕРЕДИНЫ КЛЕЩЕЙ И СКОРПИОННЫХ ЖАЛ НА КОТОРЫХ ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ КЛОКАМИ И НЕ САМ ВИЙ С ЖЕЛЕЗНЫМ ПАЛЬЦЕМ ВСЕ ЧТО МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ ЧАРУЮЩЕГО «КРОШЕЧНЫЙ КРАСНЫЙ ПАУЧОК»⁷

⁵ Для всех этих произведений характерна ярко выраженная автобиографическая тема. «Кукха» и «Взвихренная Русь» содержат разделы, непосредственно посвященные Обезвельволпалу. «Учитель музыки» соединяет два жанра – «идиллию» и «бытовую автобиографию» и является таким жизнеописанием, в котором наравне с литературными героями сосуществуют их реальные прототипы, а также знаковые для мировоззрения Ремизова имена – Гоголь и Достоевский. Именно здесь впервые используется прием художественного переосмысления концептов Гоголя, впоследствии закреплённый в «Огне вещей». См. об этом в нашей статье [263: 136–137].

⁶ Сон Ипполита Терентьева («Идиот»; глава «Мое необходимое объяснение»). Ср.: «Может ли мерещиться в образе то, что не имеет образа? Но мне как будто казалось временами, что я вижу, в какой-то странной и невозможной форме, эту бесконечную силу, это глухое, темное и немое существо. Я помню, что кто-то будто бы повел меня за руку, со свечкой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всесильное существо, и смеялся над моим негодованием» [161(8): 340].

⁷ Ср.: «А ведь жизнь – ее природа, ее глубочайшая скрытая завязь – „это всесильное глухое, темное и немое существо странной и невозможной формы“ – этот огромный и отвратительный тарантул Достоевского, этот приземистый, дюжий, косолапый человек в черной земле с железным лицом и с железным пальцем – гоголевский Вий – – для живого нормального трезвого глаза, не напуганного и не замученного, никогда не „тарантул“, никогда – „пузырь с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал, на которых черная земля висела клоками“, никогда никакой не Вий с железным пальцем, нет, никогда не это, а все, что можно себе представить чарующего из чар, вот оно-то и есть душа жизни» [56: 201]. «Крошечный красный паучок» – из видения Ставрогина, главного героя романа «Бесы» [161(11): 11].

[3] А. РЕМИЗОВ ТРАГЕДИЯ О ИУДЕ НАШ СТАРЫЙ ЗАКАДЫЧНЫЙ ДРУГ ВМЕСТЕ ПУД СОЛИ СЪЕЛИ НАШ ИЕРУСАЛИМ НАЧАЛЬНОЕ ЦАРСТВО ПОСРЕДИ ЗЕМЛИ СТОИТ ЭТО ПУП ЗЕМНОЙ А ОБЕЗЬЯНСКОЕ ЦАРСТВО ОТКУДА РУКОЙ ПОДАТЬ МЕСТНОСТЬ ЛЕСИСТАЯ ЖАРКАЯ БОГАТСТВА НЕСМЕТНЫЕ ТАКОЙ НАРОД ТАМ БЕСТИЯ ЧИХНУТЬ НЕЛЬЗЯ ВСЕ СЕЙЧАС ЖЕ У НИХ ИЗВЕСТНО ОБЕЗЬЯНИЙ ЦАРЬ ВСЕ ЗНАЕТ И ПОСОВЕТОВАТЬ ТОЖЕ МОЖЕТ ЗА МИЛУЮ ДУШУ ЧТО УГОДНО ХЕ ХЕ ВОЙДЕТ ОН И РОВНО ВСЕ ОБАЛДЕВАЮТ ТАК ИЗ НЕГО И ПРЕТ ЭТО ОБЕЗЬЯНСКОЕ СТАРИКА ПОДЫМЕТ ХЕ ХЕ ХЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НА ХОДУ ДЕРЖИТ НОС ПРОТИВ ВЕТРА ЗНАЕТ ПЕРЕУЛКИ И ЗАКОУЛКИ ВХОДУ И ВЫХОДУ НЕ СДЕЛАЕТ ДЕЛА СПРОСТА ВРЕТ ЧТО ЛЫКО ДЕРЕТ ТАК СЛОВАМИ КАК ЛИСТЬЯМИ СТЕЛЕТ АСЫКА ПЕРВЫЙ НА СЛАДКОЕ ПАДОК ПИЛАТ ИУДЕ⁸

[4] О НЕМ НИКТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЕТ И ЕГО НИКТО НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ⁹

[5] ВЕРА И ЗАКОН РОЗАНОВА ВИЙ ПУЗЫРЬ ТАРАНТУЛ В ИХ НАДЗВЕЗДНОМ ЦВЕТЕНИИ В ИХ ЗВЕЗДНОМ НЕБЕ В ИХ ТЕПЛОЙ ПАРНОЙ ЗЕМЛЕ И ЕДИНСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ ВЫСШЕЕ НАЧАЛЬСТВО ЛЕСНОЙ ВИЙ ЦАРЬ ОБЕЗЬЯНИЙ АСЫКА ВЫСКОЧИВШИЙ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ В ЭДИПОВУ НОЧЬ И ОПЬЯНИВШИЙ ОДНИМ СВОИМ ДЫХАНИЕМ ВСЕ И ВСЕХ

УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ БЕЗ ПРЕДМЕТА¹⁰

[6] ЗЕМЛЯНАЯ СИЛА – НЕИСТОВАЯ НЕОБДЕЛАННАЯ ДАЖЕ НОСИТСЯ ЛИ ДУХ БОЖИЙ ВВЕРХУ ЭТОЙ СИЛЫ НЕ ЗНАЮ ДОСТОЕВСКИЙ¹¹

⁸ Фрагмент в наибольшей степени соответствует последней печатной редакции «Трагедии о Иуде...». Ср.: «Мой старый закадычный друг: вместе пуд соли съели. Наш Иерусалим – начальное царство, посреди земли стоит, – это пуп земной, а Обезьянское царство отсюда рукой подать... Местность лесистая, жаркая, богатства несметные. Такой народ там – бестия: чихнуть нельзя – все сейчас же у них известно. Обезьяний царь все знает и посоветовать тоже может за милую душу, что угодно... Хе, хе, войдет он и ровно все обалдевают. Так из него и прет это, обезьянское... старика подымет. Хе, хе, хе, все подымет. Вот сам увидишь. Ты с ним поговори. Замечательный: на ходу держит нос против ветра, знает переулки и закоулки, входы и выходы, не сделает дела спроста, врет, как лыко дерет, – так словами, как листьями, стелет, Асыка Первый. Вот кстати! Надо его угостить. На сладкое падок» [18: 33].

⁹ Законоположение из второго параграфа Конституции Обезвельволпала.

¹⁰ Цитата соответствует фрагменту из публикуемого нами ниже очерка «Розанов», за исключением разночтения *надземный* и уточнения в скобках (*Трагедия о Иуде*). Ср. с окончательной редакцией этого этюда в газете «Новое русское слово» (1953. 6 декабря, № 15198) и книге «Встречи»: «Вера и закон Розанова – Вий, Пузырь, Тарантул в их надзвездном цветении, в из звездном небе, в их теплой парной земле, и единственная власть – высшее начальство или, по Гоголю, „значительное лицо“ (генерал-губернатор), лесной Вий – „царь обезьяний Асыка“, выскочивший однажды из-под земли в Эдипову ночь и пьянивший одним дыханием своим все и всех...» [62: 105]. Авторское указание «УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ БЕЗ ПРЕДМЕТА» мы рассматриваем как еще одно свидетельство интертекстуальности ремизовского творчества 1930–1950-х гг. Предположительно текст, первоначально или в черновом варианте называвшийся «Без предмета», увидел свет под близким по смыслу заголовком «Без начала» [52]. Позже этюд под таким названием, развивавший тему гоголевского Вия, был включен в книгу «Учитель музыки» как часть главы «Случай из „Вия“» (здесь мы опираемся на комментарий А. д'Амелия [65: 552]).

¹¹ Ср. со словами Алеши Карамазова о «карамазовской» природе: «Тут „земляная карамазовская сила“, как отец Паисий наемдни выразился, – земляная и неистовая, необделанная... Даже носится ли Дух Божий вверху этой силы – и того не знаю» [161(14): 201].

Практически каждый элемент приведенных текстовых фрагментов соотносится с графическим изображением. Обрамляющие рисунок цитаты и названия произведений вместе организуют интертекстуальное пространство, что особенно характерно для позднего творчества Ремизова, где одни и те же отрывки текста мигрируют по разным произведениям. «Знаменателем» основных мотивов автобиографического цикла («Кукха», «Мышкина дудочка», «Учитель музыки», «В розовом блеске», «Подстриженными глазами», «Иверень», «Встречи») является итоговая книга писателя – «Огонь вещей».

Из всех элементов метатекста складывается логическая цепочка, соединяющая изображение Асыки и фаллосы. Графическое включение обращенных друг к другу фаллосов семиотично; окружающие их специфические ареолы, похожие на нимбы в иконописи, призваны указать на сакральный смысл денотата. Конкретность фаллического рисунка¹², не противореча общему символическому звучанию, переводит содержание отдельных цитат в плоскость более очевидно-эротическую, чем на то указывал контекст произведений, из которых они были изъяты.

С фаллическим рисунком сопряжено название «иконы» – «Царь обезьяний Асыка». Смысл корреляции открывается через расположенное рядом конституционное положение Обезвелволпала: «О нем никто ничего не знает и его никто никогда не видел», которое, в свою очередь, притягивает к себе вопрос [1]: МОЖЕТ ЛИ МЕРЕЩИТЬСЯ В ОБРАЗЕ ТО ЧТО НЕ ИМЕЕТ ОБРАЗА?¹³ В цитате [5] имя Асыки синонимично именам Вяя, Пузыря и Тарантула. При этом если образы Пузыря и Тарантула мыслятся производными от Вяя, то Асыка воплощает в себе более сложный смысл: он – «единственная власть высшее начальство лесной Вий». В «Огне вещей» появлению Вяя предшествует описание подземных чудовищ, внешний облик которых отмечен и эротической подробностью: они были «с отвратительными липкими залупленными хвостами» [59: 20]¹⁴. Существительное «хвост» обретает здесь очевидное фаллическое значение, тем более если учесть этимологию прилагательного, в соответствии с которой «залупать» означает задира́ть кожу, заворачивать, а собственно «залупа» – русский эквивалент латинского «praeputium».

Возможно, за пристрастием обезьяньего царя к сладостям [3] скрывается аллюзия «сладкое» → «сладострастное», восходящая к рассказу Ивана Карамазова о высшем наслаждении «безмерностью чужого страдания» у турок, магометан и варваров: убить младенца в момент его радостного смеха, – заканчивавшемуся словами: «Кстати, турки, говорят, очень любят сладкое» [161(14): 217], а также к комментарию В. Розанова: «Намек на любовь турок к сладкому имеет более общее значение: повсюду уклон человеческой природы к жестокому Достоевский связывал с ее уклоном к страстному и развратному» [303: 54–55].

¹² О подобной фаллической графике упоминает Д. С. Святополк-Мирский в своем письме к П. П. Сувчинскому от 11 февраля 1926 г.: «От Ремизова удивительное письмо – все в хуях» [427: 46].

¹³ Полисемантическая природа данной мифологической модели мира (сущности, не имеющей названия, формы и образа) позволяет соотнести ее с древнекитайским Дао, которое, в соответствии с традицией, воспринимается как бесформенное и без-образное первоначало, источник «мириад вещей» [252: 313]. Об эротическом смысле Дао см. статью А. И. Кобзева [204: 12–31].

¹⁴ Ср.: «...нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов» [139: 173]. Толкование «нечистой силы» как «фаллической силы» см. в статье Розанова «Магическая страница у Гоголя» (1909) [302: 419].

Весьма фривольно может восприниматься и описание местонахождения Обезьяньего царства – как откровенная анатомическая топография. Обратим внимание, что в первой редакции «Трагедии о Иуде...» эротические намеки данного отрывка были еще более явными:

Тебе, конечно, известно, что наш Иерусалим – это пуп земли, а Обезьянское царство отсюда рукой подать, тоже вроде как на пупе стоит или около того там, где все начинается. Местность лесистая, жаркая, богатства несметные [4: 34].

В целом образ царя Асыки [3] может быть прочитан как эротическая загадка:

ВОЙДЕТ ОН И РОВНО ВСЕ ОБАЛДЕВАЮТ ТАК ИЗ НЕГО И ПРЕТ ЭТО
ОБЕЗЬЯНСКОЕ СТАРИКА ПОДЫМЕТ ХЕ ХЕ ХЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ НА
ХОДУ. ДЕРЖИТ НОС ПРОТИВ ВЕТРА ЗНАЕТ ПЕРЕУЛКИ И ЗАКОУЛКИ ВХО-
ДЫ И ВЫХОДЫ НЕ СДЕЛАЕТ ДЕЛА СПРОСТА

Ответ на нее вовсе не такой очевидный, с каким обычно мы сталкиваемся в русском фольклоре, поскольку фаллический рисунок является не более чем символическим отражением того смысла, который скрыт как в образе Асыки-Абракссаса, так и в каждой цитате. Асыка, Вий, Пузырь и Тарантул – метонимии не фаллоса как такового, а той субстанциональной сущности, которая находится в центре мироздания и называется писателем «темной», «глубочайшей», «скрытой» «завязью» жизни. Именно такой закодированный смысл вложен в фразу на французском языке, находящуюся слева от надписи «Царь Обезьяний Асыка» и зеркальную по отношению к фаллическому рисунку. Дословно она переводится как «„Великая Палата обезьян“, под управлением царя Асыки, обезьяны таинственной, которой нет нигде, потому что она везде». Очевидна семантическая переключка этой сентенции с описанием Асыки [4], но функция каждого из цитатных блоков задана локальным контекстом. Немаловажно, что столь значимая фраза написана на французском языке, который принимает на себя роль шифра. Это предложение находится в очевидной валентной связи с центральным «названием» и изображением фаллосов. Вместе они образуют такое суггестивное поле метатекста, где дистанция между означающим и означаемым практически стремится к нулю, в то время как словесный портрет Асыки [3], являясь частью вербального ряда, поддерживает общий индикаторный строй и допускает возможность более общих интерпретаций.

ЦАРЬ АСЫКА-АБРАКСАС

Рисунок «Царь обезьяний Асыка» является ключом к генеалогии Верховного правителя обезьян. В различных изданиях «Трагедии о Иуде...» полное прозвище Обезьяньего царя каждый раз изменяло свою конфигурацию¹⁵; неиз-

¹⁵ Первоначально: «Его величество царь Обезьяний, Обезьян Великий – Валахтан-ТарарахТарандаруфа Асыка Первый» [4: 35]; в «сириновском» собрании сочинений: «Обезьян Великий – Валах – Тантарарах – Тарандаруфа Асыка Первый» [7: 148]; в издании Наркомпроса: «Обезьян Великий – Валах – Тантарарах – Тарандаруфа Асыка Первый» [18: 35]; наконец, в позднейших мемуарах: «Царь обезьяний Асыка Валахтантарарбхтарандаруфа» [54: 56].

менным оставалось лишь имя – Асыка. В свое время было высказано предположение, что оно восходит к имени вогульского князя (вторая половина XV в.) – историческому герою вогуло-остяцких племен, населявших территорию северной части Урала [148: 173–176; 333: 71]. Однако куда более вероятной представляется связь ремизовского персонажа с легендарным царем Асокой (Ашокой) – «первым покровителем и главным распространителем буддизма», который, согласно древним сказаниям, жил приблизительно за 240 лет до нашей эры. Легенды приписывают Асоке построение первых пирамид и связывают с ним возникновение индийской письменности: «...это влияние Запада появилось только со времен Бактрианского царства», то есть начиная с индийского похода Александра Македонского [246: 191]¹⁶.

Характерно, что на тот же самый исторический контекст указывает в мемуарах и сам Ремизов: «Царь обезьяний Асыка Валахтантарархтарандаруфа, персонаж возможный в „Подвигах Великого Александра“...» [62: 187], – предлагая в качестве литературной реминисценции одноименное повествование М. Кузмина (1909). Однако в другом случае он называет непосредственный источник, на который ориентировался, когда создавал «Трагедию о Иуде...»:

...в повестях о неведомых странах и одноногих, пупкоглазых, и людях с песьими головами, и людях-кентаврах, но не с коньим, а со свиным хвостиком; во всех чудесных и волшебных «Александриях» у меня не было чувства, как от чего-то чужого, странного, «уродливого», чудовищного, внушавшего когда-то страх или внушающего беспокойство [55: 57].

Такое прямое свидетельство позволяет назвать отправной точкой ремизовского мифа о царе Асыке и его подданных древнерусские «Александрии» (до сих пор находившиеся вне поля зрения исследователей творчества писателя). Ремизов, живо интересовавшийся мифологией и буквально штудировавший труды А. Веселовского, В. Истрина, Ф. Буслаева, несомненно использовал в работе над «Трагедией о Иуде...» мотивы и образы русских, южнославянских и греческих списков романа об Александре Македонском. Присутствие в «Александрии» темы людей с хвостами, а в некоторых в редакциях – с овечьими хвостами; описание утопического царства рахманов; наконец, некое «птицкое царство», о котором в русском списке XV века говорится: «А в той земле повстречали людей, ростом в локоть, пришли они Александру поклониться и принесли много меду и фиников; а люди те птицами назывались» [91: 105], – все это сближает характеристику Обезьяньего царства в «Трагедии о Иуде...» со сценами знаменитого романа. Весьма примечательна курьезная ошибка, вкравшаяся в сербский перевод греческого оригинала «Александрии»: «людие птицы» в русском тексте возникли из сербского списка, где фигурировало слово «птици», которое, в свою очередь, является вторичным осмыслением греческого слова *πιπκοῦ* – обезьяны [91: 242].

Странствия героев пьесы (Зифа и Орифа) буквально напоминают фантастические описания походов Александра Великого:

¹⁶ Особо отметим примечательную деталь внешнего облика Асоки, подчеркиваемую Васильевым, – его «безобразную наружность» [246: 15].

Иде-где мы с ним не путешествовали. Побывали и в Мазанческом царстве: такое есть девичье царство, а женятся они на Эфиопах с году на год, – мальчишек отдают Эфиопам в их земли, а девчонок при себе оставляют. Прожили мы у них с месяц в роде Эфиопов, – такая была там Василиса гусятница, кхе... Ну были еще и у тех чудаков, которые под негасимым огнем живут в Алыберском царстве: не пьют, не едят, куда ветер повеет, туда и эти люди летят, как паутина, а смерти им нет и в руки не даются. Правда, народ благочестивый: ни одного ругательного слова... Кое-как протараканили время, сняли голов двенадцать для развлечения, да в Окаменелое царство пустились. В Окаменелом царстве ничего особенно-го, только что печки топят орехами, да заброшено оно на конец земли, где ни за какие деньги того же ситного не достанешь. Пообещали мы им пирога с горохом, да давай Бог ноги. А то попали раз в Поливянскую землю, есть такая Поливянская земля; так в этой земле, как есть, все ни на что не похоже: люди не люди – полузверь, получеловек, об одном глазе и об одной ноге, а головы и в помине нет, вместо головы так что-то в роде мышиноного хвостика торчит. Насилу ноги убрали [4: 29].

Описание «приближенных» Асыки («...так и идут, так и идут, как рыба в Иордан-реке, да с песнями, с ладонями, – писк, визг, гик, толкотня. Одного сахара за день погрызут, другому бы на год хватило, а пол исследят, – с неделю после могут, ничем не отмыть. А есть среди них презабавные») вызывает предположение одного из героев пьесы о принадлежности царской свиты к веселому племени скоморохов [18: 13]. В этом ракурсе самым очевидным литературным предшественником «Трагедии...» является «Хождение за три моря Афанасия Никитина»:

Обезьяны же живут в лесу, и есть у них князь обезьянский, ходит со своей ратью. И если кто их обидит, тогда они жалуются своему князю, и он посылает на того свою рать. И обезьяны, напав на город, дворы разрушают и людей побивают. Говорят, что рать у них весьма большая, и язык у них есть свой; детей они родят много, но которые рождаются не в отца и не в мать, тех бросают по дорогам. Тогда индостанцы их подбирают и учат всякому рукоделью, некоторых же продают, но ночью, чтобы они не смогли убежать назад, а некоторых учат подражать лицедеям [369: 61–62]¹⁷.

Родословная образа Обезьяньего царя также ведет в глубь восточной мифологии. В частности, она восходит к персонажу индийского эпоса «Рамаяна» обезьяньему богу Ханумане, который, в свою очередь, стал прародителем царя обезьян Сунь Укуна – героя классического китайского романа У Чэнъэня «Путешествие на Запад» (XVI в.)¹⁸. СобираТЕЛЬная характеристика свидетельствует, что он «не признает никаких авторитетов – ни земных, ни не-

¹⁷ См. также статьи Х. Лампля и Э. Мануэляна [413: 163–165; 419: 62–63]. Образ «обезьяньего народа» соотносим также с не знающим закона обезьяньим племенем из «Книги джунглей» Р. Киплинга.

¹⁸ К сожалению, мы не располагаем прямыми свидетельствами знакомства писателя с этим персонажем классической китайской литературы. Однако вполне вероятно, какие-то сведения были получены Ремизовым в студенческие годы, когда он, по собственному утверждению, увлекался Китаем [55: 81]. Подробнее об этом литературном герое, его происхождении и чертах характера см. книгу А. П. Рогачева [295: 107–113].

бесных; он свободолюбец, уничтожающий все, что мешает жить людям. Сунь Укун смело критикует установившиеся порядки, иерархические отношения, небесные власти, насмехается над сильными мира сего. Он смел, находчив и решителен, мудр и проницателен; он полон доброты, юмора, оптимистической уверенности в своей правоте и непобедимости, житейского ума, наблюдательности; он добрый и мудрый руководитель своего обезьяньего народца, который он обучает, которым он справедливо и гуманно правит. И главное, он абсолютно непримирим ко всякой подлости, к предательству, несправедливости и угнетению» [363: 44]. Бунтарь, возмутитель порядков и безобразник, в поисках своего пути он не желает подчиняться общепринятым законам жизни, установленным для простых смертных. Целью странствий Сунь Укуна является обретение бессмертия, потому он крадет золотые персики (волшебный плод – типичный символ вечной жизни), за что принимает наказание от Будды. Примечательно, что и в «Трагедии о Иуде принце Искаротском» Обезьяний царь также присваивает себе золотое яблоко, являющееся предметом вожделения героев пьесы.

Таким образом, генезис Обезьяньего царя Асыки, безусловно, определен индуистской и буддийской мифологией и соотносится с эпохой великих походов на Восток Александра Македонского. В то же время контаминация образа Обезьяньего царя Асыки с символическим изображением Абракса легитимизирует в мифе Обезьяньей Палаты гностическую систему координат. Оправданность объединения двух культурных кодов подтверждается многочисленными наблюдениями исследователей, одни из которых делают вывод об индуистских, буддийских и китайских корнях гностицизма, другие утверждают, что «семена гносиса были оригинально индийского происхождения, занесенными столь далеко на Запад благодаря буддийскому движению, которое первоначально покрывало весь Восток, от Тибета до Цейлона» [282: 547–548].

В этой связи представляется необычайно важным, что одним из первых самостоятельных философских опытов Ремизова-ребенка было знакомство с гностиками:

И стало мне изучение философии, как яблоки – каждая система имела для меня свой легкий вкус, запах и окраску. А чтобы для глаза было убедительнее, а памяти крепче, все, что мне казалось путаным, я рисовал: первый мой графический альбом посвящен гностикам: Василид, Маркион [66: 25].

Подробное изучение Ремизовым в 1905–1907 годах апокрифических сказаний и различных космологических легенд, сопряженное с подготовкой книги «Лимонарь», а также исследование народных представлений о годовой цикличности, предшествовавшее написанию «Посолони», способствовали включению в систему философского и эстетического оформления идеи игры гностического образа Абракса. Мистическое имя царя Асыки-Абракса напрямую соотносится с основным смыслом «Посолони», в народных обрядах и играх описывающей календарный цикл (слово «посолонь» означает: «по солнцу, по ходу солнца, с востока на запад»): согласно толкованию учения гностика Василида христианским ересеологом св. Иринеем во II веке, Абракас является воплощением годового круговорота, символически скрытого в сумме букв его имени – 365 (в цифровом значении греческого алфавита), и вместе с тем включает в себе принцип единства противоположных начал мироздания.

Подобное толкование приводится и в статье И. Д. Мансветова (вошедшей в круг чтения Ремизова в период работы над «Лимонарем»), из которой следует, что кабалистическое имя «Абракасас» соответствует гностической плероме, охватывающей 365 эонов, по числу суток в году, которое, «если его буквы переложить на цифры, выразится числом 365 ($\alpha=1 \beta=2 \rho=100 \alpha=1 \xi=60 \alpha=1 \zeta=200 = 365$)» [239: 35]. Родство образов Асыки и Абраксаса открывается и в семантической эквивалентности слова «абракадабра», восходящего к слову «Абракасас», полному имени Обезьяньего царя: Валахтантарарахтарандаруфа (= абракадабра) [164: 120]. «Собственнохвостной» подписью царя Асыки-Абраксаса были подписаны все обезьяньи знаки, выполненные канцеляриусом Палаты Ремизовым, и предназначались для «тайного ношения», как и древние амулеты с надписью слова «абракадабра» (Абракасас), обладавшие заклинательной силой¹⁹.

Древние ересеологи высказывали и другое суждение, будто словом «Абракасас» Василид хотел выразить ту сущность Непознаваемого Божества, которая скрывается под именем Митры – центральной идеи древнего персидского культа, воплощенной в одноименном мифологическом персонаже. Митра (Mithra – буквально: «договор», «согласие») покровительствует человеческому взаимопониманию, дружбе и симпатии, разумной организации человеческого общежития, способствуя правильному различению добра и зла, правды и лжи. Число «365» является мистически значимым и для орфических таинств, и в митраизме; само имя Митры имело точно такое же численное значение. В этом контексте примечательно, что общее количество князей, кавалеров и другого служилого люда Обезьяньей Палаты определенно стремилось к 365. К неясным соответствиям символики Обезвельволпала и митраизма можно отнести особую роль образов огня и воды. Более очевидной представляется проекция, связанная с мистическим значением числа «7» в митраистском обряде посвящения, на структуру Обезьяньей Палаты, которую возглавляли 7 князей и 7 старейших кавалеров-вельмож.

Напомним, что первая контаминация образа царя обезьян и Абраксаса наблюдается в рассказе-сне Ремизова «Обезьяны», который позже в контексте книги «Взвихренная Русь» получил название «Асыка». Анализируя рассказ, С. Н. Доценко задается вопросом: «Почему обезьяна (шимпанзе) кричит не по-обезьяньи, а именно *петухом*?» [164: 117]. В своих последующих рассуждениях исследователь связывает семантику образа Обезьяньего царя с иконографическим изображением Абраксаса. Однако нам представляется не менее важным дать ответ и на другой вопрос: *почему, собственно, петухом*?

Действительно, рисуя Асыку-Абраксаса, Ремизов обычно изображал существо, у которого «на голове корона, как петушиный гребень, ноги – змеи, в одной руке венки, в другой – треххвостка (плеть)» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 42; а также «Взвихренная Русь» [44: 272])²⁰. Сам по себе петух (провод-

¹⁹ Примечательно, что в русской демонологии слово «абракадабра», графически выраженное в виде четырех треугольников, сложенных вместе, являлось формулой обращения к нечистой силе [311: 86–87].

²⁰ Древние описания Абраксаса почти тождественны ремизовской «иконаграфии». Ср.: «...с человеческим туловищем, человеческими руками, петушьей головой и змеями вместо ног; в правой руке его плеть, в левой круг или венки с двойным крестом внутри» [90]. Ср. также с описанием «конкретного и эклектичного бога» Абраксаса у Х. Л. Борхеса («Оправдание Лже-Василида»): «...условное и пугающее изображение какого-то царя – с головой петуха в профиль, мужским торсом, разведенными руками, сжимающими щит и кнут, а также конечностью в виде кольцеобразно закрученного хвоста» [122: 63].

ник солнца; земной образ этого небесного огня) символизирует воскресение из мертвых и вечное возрождение жизни. Петух причастен как к царству жизни и огня, так и к царству смерти и тьмы. Кроме того, петух символизирует необыкновенную сексуальную потенцию и плодородие. Гностики отождествляли символическое изображение петуха на колонне с петушиной головой Абраксаса [350: 309–310]. С другой стороны, соединение в одном образе петуха и змеи вызывает ассоциации с василиском (от греч. *βασιλευς*, или царь) – мифическим зооморфным существом с головой петуха и хвостом змеи, обладающим сверхъестественной способностью убивать взглядом или дыханием. Спасти от василиска можно было, лишь показав ему зеркало: убийственным для него было его же собственное отражение. Примечательно, что этот носитель смерти погибал также от взгляда или крика петуха.

Для Ремизова образ Абраксаса воплощает в первую очередь символическую совокупность мировых начал – Добра и Зла, Бога и Дьявола, в которых зеркально взаимоотражаются жизнь и смерть²¹. В контексте обрамляющих «икону» цитатных фрагментов Асыка-Абраксас выражает идею «тайной», плодоносящей энергии: *Αβραξας* «отнюдь не является каким-либо собственным именем Божества», а «лишь обозначает совокупность творческих сил, проявляющихся во вселенной» [261: 199]. Подразумеваемая субстанция близка Василидовой «панспермии», которая является «совокупностью семян всяческого», «единством потенций всего» [198: 68]. Соотнесение творческой силы и оплодотворяющего первоначала весьма напоминает розановский строй мыслей из его письма к Ремизову:

А знаете, как всякое семя требует vulv'ы, так всякий талант требует «сферы», которая приблизительно и подобно vulv'ы, «талантливое употребление себя» похоже и даже есть то же самое, что совокупление, какое любит вся талантливая тварь Божия [61: 52–53].

Заметим, что Ремизов в своем рисунке отдельно приводит цитату из Достоевского [6], указывая на до-божеское происхождение первоосновы мира. Она – не от Бога и не от Дьявола; это то, что Василидом было осознано как Бог-Не-Сущий: эта «Первичная Незьяяснимая Сущность бесстрастна, – в Ней заложены непостижимым образом семена, или потенции, всего того, что впоследствии разделяется на духовное и материальное, на свет и тьму, добро и зло и т. д.» [261: 197]. Первоначально безобразному (*αμορφιαυ*) через смешение и разделение мира, надлежит завершиться «великим неведением»: «Все будет жить согласно со своей природою и не будет стремиться к тому, что против его натуры» – таков, по Василиду, идеальный замысел Абраксаса [282: 362].

²¹ Об отдельных аспектах мироощущения Ремизова, близких символизму, см. статьи З. Г. Минц и К. Секе [75: 74–75; 317: 105–120].

Уже «Кукха» свидетельствовала о важном сдвиге, который произошел в ремизовском восприятии личности В. Розанова и его философии пола за прошедшую четверть века со времени создания сказки «Что есть Табак». От прежней иронии, профанного озорства, дистанцирования от розановского фаллического пафоса посредством обценной лексики не осталось и следа. Но это сближение вовсе не означало согласия двух представлений. Спустя еще восемь лет, в 1931 году, Ремизов напишет очерк «Розанов», который станет фундаментом для оформления его собственных мировоззрительных построений на темы Эроса.

РОЗАНОВ²²

Розанов, исповедник пламенной веры в Вия, Пузырь и Тарантул в их надзвездном цветении²³, представленном в высшем очаровании Гоголем в «Вечерах» и Толстым в улыбающейся Наташе и Катюше; у Достоевского с его грозным отчаянием и мрачным восторгом, с пронзительной тоской и чистосердечием, огненно и убежденно сказавшего трогательные строчки одним духом о Нелли, Лизе «Вечного мужа» и Соне, Розанову нечего было искать: эти «косточки» его не прельщали, разве что для «Опыта»²⁴. Розанов, отвернувшийся от Гоголя, проглядевший и подземную тайну Вия и кровную тайну «Страшной мести» и райскую тайну «Старосветских помещиков», а возненавидевший за то, что Гоголь не женился – «в утробе матери скопом зарожден!»²⁵ – ничего не нашел другого, как отплеваться: «русалка, утопленница... проклятая колдунья с черным пятном в душе, вся мертвая и ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная, в которой вообще нет ничего! Ничего!!!»²⁶ Розанов, со всей горячностью своего виного сердца усвоивший стиль Лукьяна Тимофеевича Лебедева из «Идиота» с его толкованием Звезды-Полыни, с его двойными мыслями о искреннейшем слове и деле и столь же искренней лжи и правде одновременно, с его молитвой за упокой графини Дюбарри, за ее последний «мизер» и наконец с его «связующей мыслью», нашел свою связующую для всей жизни и всего живого – плод и его производство, и высшую и единственную красоту увидел в беременной женщине и вообще в плодоносящей твари; ведь звери когда-то очень тесно жили с людьми, – старые звери, как старые турки, смотрели, убежденно, внимательно и справедливо.

²² Текст печатается по беловому автографу, хранящемуся в фонде Н. В. Зарецкого (Прага), в соответствии с современным правописанием и сохранением авторской пунктуации. Рукопись представляет собой раннюю редакцию текста, впоследствии вошедшего в книгу «Встречи. Петербургский буерак» [62: 105–108] как часть очерка «Розанов», под самостоятельным названием «Выхожу один я на дорогу». В сравнении с публикацией во «Встречах» очерк имеет значительные разночтения. Одна из его первых черновых редакций находится в коллекции Т. Уитни (Амхерст).

²³ См., например, его апологию язычества в «Предисловии ко второму изданию» книги «В мире неясного и нерешенного» (1904) [301: 8–20].

²⁴ Вероятно, подразумевается книга В. Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского» (1894), которая имела подзаголовок «Опыт критического комментария».

²⁵ Ср. в «Уединенном» у Розанова: «Интересна половая загадка Гоголя. <...> Он бесспорно „не знал женщины“, т. е. у него не было физиологического аппетита к ней» [299: 262].

²⁶ См. там же [299: 118].

И этим Лебедевским стилем – петербургской приказной речи с паузами, подмигиваниями, читай между строк, – написал – дело своей жизни – «Семейный вопрос»²⁷ не одно только благословенное утробное ношение и кормление грудью, а те самые дети, которые вырастут и начнут галдеть. «Дети – образ Христов, будущее человечество», – так, или дети с их шелковыми мордочками и удивительно нежными ручками, еще не оторвавшиеся от духовного мира, еще не сказавшие «я есмь», есть образ Света. Розанов согласен с Достоевским и тут у него этот свет – Христос – <не> «ненавистный темный лик Голгофы, опечаливший землю», а Светло-Христово Воскресение²⁸, с весенними ручейками, с влюбленностью, разлитой в первом цветении земли, «Христос воскрес!» и древний русский обычай троекратного поцелуя не безразличного радостного и обрадованного, всех принимающего и тех и этих, и этих обреченных, уже с затягивающейся петлей на шее, но все еще с крепко сжатыми руками: «Бог не допустит» – «Христос воскрес!» А насчет будущего человечества – какое оно – да лишь бы плодились и все тут, и пусть это будет муравейник, дрожащая тварь, над которой кто смел, тот и съел. «Да, это так. Это их закон. Не переменятся люди и не переделают их никому, и труда не стоит терять. Кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властен! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее. Так до сих пор велось и так всегда будет. Только слепой не разглядит!» Розанов и с этим согласен, но это совсем не важно, какой подлец или какой мошенник цыкнет на муравейник. Вера и закон Розанова Вий, Пузырь, Тарантул в их надземном цветении, в их звездном небе, в их теплой парной земле, и единственная власть – высшее начальство лесной Вий – царь обезьяний Асыка, выскочивший из-под земли в Эдипову ночь («Трагедия об Иуде») и опьянивший одним своим дыханием все и всех, – Валахтан-тарарахтарандаруфа! Розанов потом уж схватился, что семейный вопрос без подрастающих детей невозможно и представить, а дети – ад, хоть из дому беги. «Если бы Василий Васильевич представил себе все, когда писал Семейный вопрос, а то ничего не знал!» (Слова Варвары Дмитриевны). И ведь каждый орет: «я есмь». А кто это смеет, и что такое я есмь – я, Розанов, я есмь! И больше никого. Никого!!! После «Норы»²⁹ Розанов искренне недоумевал: «почему же, когда все так хорошо кончилось, Нора ушла от мужа?» А Розанов смел говорить «я есмь»³⁰. Тут он многое повторял за Достоевским из «Необходимого объяснения»: «...если уже раз мне дали сознать, что „я есмь“, то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками, и что иначе он не может стоять? Кто же и за что меня после этого будет судить?»³¹ Я вспом-

²⁷ См. «Семейный вопрос в России» В. В. Розанова [296].

²⁸ Ср.: «...в Спасителе нужно поклониться не чертам Голгофы, не печали гроба, но чертам Вифлеема, восторгу „Боговоплощения“» [301: 74].

²⁹ Пьеса норвежского драматурга Г. Ибсена (1879).

³⁰ Ср.: «Я никогда не сочинял. Суть моя „Я есмь я“ – вот моя литература» [300: 288].

³¹ Слова Иполита Терентьева – одного из героев романа Достоевского «Идиот» [161(8): 344]. Ср. также: «Дмитрию <Карамазову> суждено возродиться к жизни; через страдание он очистится; он, уже только готовясь принять его, ощутил в себе „нового человека“. <...> Вместе с очищением в нем пробуждается сила жизни: „В тысяче мук – я есмь, в корче мучусь – но есмь“, – говорит он накануне суда, который, он чувствовал, окончится для него обвинением. В этой жажде бытия и в неутолимой же жажде стать достойным его хотя бы через страдания опять угадана Достоевским глубочайшая черта истории, самая существенная, быть может центральная» [303: 42–43].

нил Розанова, кого же и вспомнить, когда гремит весна³² и весь город пишет стихи, я вспомнил Розанова неповторяемого, единственного, самого по себе, с его папироской, которую и отпетый в гробу, подмигнув, закурил бы – «служба долгая, лежать неудобно, страсть покурить захотелось, а полагается или не полагается, к черту!» Я его вижу, как ходит он в этой весенней урчащей, прыскающей и хлюпающей гуще, подрыгивает и лягается, сам с собой, так, просто обалдел, трезвенник, не выносящий и презирующий пьяниц, пьяный от асычьего весеннего воздуха, или как вкопанный стоит, обращенный туда в высь весеннего неба, никогда не различающий глаз человека, а вот зачарованный мигающий маленькими звездами, бормочущий без слуха и голоса –

Выхожу один я на дорогу
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит...³³

И этот его бог – Вий, Пузырь, Тарантул ворожит над ним, брошенным в мир на землю, избранным, отмеченным рыжим знаком, с упорным черепом «человека» и всегда пышащим сердцем, где в каждой капельке крови «разожжен уголек», над ним – семяющим близоруким, без слуха и голоса, всеми горячими кровными словами всасывающим животворящую скользящую силу, расцветающую в влюбленной гимназистке Вале, в ее голубом, и во всех, во всех в нее влюбленных, серых, карих, светлых, зеленых, желтых и голубых. «Дура, – сказал бы Розанов, – чего же ты не выходишь замуж?» Или: «Почему не сходишься со всем, кто тебя желает?» Он и еще что-то хотел сказать, да язык прикусил. «Черствое у тебя сердце, голубушка»

Paris
1931

(Прага).

Пожалуй, этот текст можно назвать гимном *Великому фаллофору Обезьяньего Ордена*, где Розанов изображен восприемником Гоголя и Достоевского. Ремизовское постижение взглядов философа уподобляется герменевтической интерпретации, когда интенция направлена не столько на воспроизведение аутентичной позиции, сколько на создание новых смыслов. Имя собственное – «Розанов», наравне с «Гоголем» и «Достоевским», предстает здесь самостоятельной мифологемой, а сам очерк являет собой выражение оригинальной концепции Эроса, окончательный смысл которой раскроется только в «Огне вещей» – книге, подытожившей взгляды писателя на русскую литературу как сферу личного самосознания.

³² Ср., например, с высказыванием Розанова о Мопассане в статье «Один из певцов „вечной весны“» (1909): «„Божественный“ характер любви и весенних сил природы открывается только из их связи с последующим» [302: 362].

³³ Ср. со словами Розанова из статьи «„Демон“ Лермонтова и его древние родичи» (1902): «...звезды в самом деле романтичны, а любовники все и до сих пор великие звездочеты, звездо-мыслители и звездо-чувственники. Пусть кто-нибудь объяснит, отчего влюбленные пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные:

Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездой говорит, –

как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом» [302: 99].

В очерке «Розанов» (в отличие от последующих пересекающихся вариантов этого текста: «Учитель музыки»³⁴, «В розовом блеске» [62: 105], «Встречи» [56: 201], «Огонь вещей» [59: 19–20]), начальный космогонический элемент и основной принцип бытия, воплощенный в мифологемах Гоголя и Достоевского («Вий, Пузырь и Тарантул»), дан соответственно розановскому мировосприятию: это – пьянящая, «животворящая скользкая сила», дарующая жизнь, вопреки всему и всем, без мертвой морали и цинизма; другими словами, Эрос есть основной жизненный инстинкт. Однако в «программном» рисунке «Обезьяний царь Асыка», отражающем компендиум оригинальных философских воззрений Ремизова, изменчивая природа Эроса, скрывающаяся под мифологическими именами Вия, Тарантула и Асыки, представлена как «все, что можно представить себе чарующего», как «бесконечная сила», но и как «глухое, темное и немое существо», «темное, глухое всесильное существо». Идея амбивалентности Первосущности, бесстрастной и беспощадной, порождающей и уничтожающей, инвариантно заявлена во всех цитатах вокруг Асыки-Абраксаса и окончательно сформулирована в «Огне вещей»:

Вий – сама вьющаяся завязь, смоляной исток и испод, живое черное сердце жизни, корень, неистовая прущая сила – вверху которой едва ли носится Дух Божий, слепая, потому что беспощадная, обрекая на гибель из ею же зачатого на земле равно и среди самого косного и самого совершенного не пощадит никого.

Вий – а Достоевский скажет Тарантул [59: 19–21]³⁵.

Для Ремизова Первоначальная сущность имманентно включает в себя жизнь и смерть в их нераздельном единстве; это понятие имеет две оборотные стороны: демонстрируя витальный, эротический характер, оно одновременно указывает на Танатос. Столь подчеркнутое отождествление любви и смерти, безусловно, обращено против розановского идеализма, апеллирующего исключительно к продолжению рода, к жизни в ее нетленности и беспредельности³⁶.

³⁴ Ср.: «Вий – это сама завязь, исток и испод – живое сердце жизни, „темный корень“ жизни, земляная, неистовая, непобедимая сила, „вверху которой едва ли носится дух Божий“, слепая – потому что беспощадная, и глазастая – потому что безошибочная в выборе, обрекая на гибель, из ею же зачатого на земле среди самого косного и самого совершенного, не пощадившая однажды и самое совершеннейшее, Вий – а Достоевский скажет: Тарантул» [65: 469]. В свою очередь, вторая часть главы «Случай из Вия» из «Учителя музыки», является вариантом главы «Сверкающая красота» из книги «Огонь вещей».

³⁵ Данная цитата является вариантом фрагмента из второй части главы «Случай из Вия» («Учитель музыки»).

³⁶ Ср. с записью Розанова из «второго короба» «Опавших листьев»: «Когда говорят о „демоническом“ и „бесовском“ начале в мире, то мне это так же, как черные тараканы у нас в ванне (всегда бывает и их люблю): ни страха, ни заботы. „Есть“ – и Господь с ними, „нет“ – и дела нет. / Это не моя сторона, не мое дело, не моя душа, не мой интерес. / Посему я думаю, что сродства с „демонизмом“ если он есть) у меня вовсе нет. <...> / И так как в то же время у меня есть бесспорный фаллизм, и я люблю „все это“ не только в идеях, но и в натуре, то отсюда я заключаю, что в фаллизме ничего демонического и бесовского не содержится; и выражения „Темная сила“, „Нечистая сила“ (по самим эпитетам, явно относимые к фаллической области) суть мнение апокрифов, а не Священного Писания» [299: 360].

Синкретический Эрос Ремизова³⁷ не только отстоит от фаллического оптимизма Розанова, но и определенно расходится с тем житнетворческим опытом, который запечатлелся в мистериальных и теургических переживаниях символистов. В начале века русский символизм, всецело сконцентрированный на философском осмыслении темы любви, объявил Эрос важнейшей мифопоэтической доминантой. Следуя Платону, представители этого новейшего мировоззрения видели в любви не чистую идею, не чувственное явление – а особую «демоническую» (в древнем смысле) силу, посредствующую между божественной и смертной природой [332: 237]. Осознавая Эрос как «рождение в красоте» (Вяч. Иванов), они тем самым разграничивали смерть и жизнь и антиномически противопоставляли небесное – земному, божественное – демоническому. Быть может, именно символистская эстетика окончательно закрепила за понятием «платоническая любовь» смысл, подразумевающий любовь умозрительную, духовную, бестелесную, любовь небожителей, стремящихся к осуществлению «творческого Эроса» (М. Волошин). Самый процесс постижения природы любви оборачивался для символистов проблемой выбора между двумя безднами – возвышающей, открывающей врата бессмертия, или губительной, демонической, чувственной страсти.

Хронотоп ремизовского творчества запечатлел внутренние дискуссии с разными оппонентами. Среди них нельзя не вспомнить Н. А. Бердяева и фразу из адресованного ему шуточного *Некролога*: «...наши долгие беседы о „бездне верха“ и „бездне низа“». Очевидно, уже тогда в рассуждениях Бердяева об Эросе выстраивалась та жесткая оппозиция плотского и духовного начал, которая значительно позднее была развита в мыслях философа о природе любви [114: 399–420; 115: 74–82]. Для Ремизова, судя по всему, тема Эроса в то время определялась мотивами фольклорных источников³⁸, и в беседах с Бердяевым он был скорее слушателем, чем собеседником; *Некролог* заканчивался словами: «Мир праху твоему! / Ну, а насчет „бездны низа“ ничего не могу сказать».

Спустя полвека Ремизов вновь возвращается к беседам вологодской поры. В книге «Иверень», главы из которой появлялись в печати в самом начале 1950-х годов, писатель поместил новую редакцию своего *Некролога* Бердяеву (философ скончался в 1948 году). Этот текст представляет собой послание в царство мертвых, вернее, к душе, которой теперь, в ее неземном бытии, открыты вечные истины. Его содержание откорректировано

³⁷ Очевидный для писателя синкретизм первоэлементов, лежащих в основании мироздания, призван указать на тождество органически данной материи бытия (Эроса) и смысловой, творческой стороны жизни (Логоса). В системе символических координат ремизовской натурфилософии отсутствует антиномия духа и плоти и огонь («ахру») отнюдь не противоположен влаге («кукхе»), как об этом пишет М. В. Козьменко: «...можно вообразить две оси ценностной системы Ремизова, на которых располагаются полярные между собой, но в равной степени близкие писателю имена-символы: кукха-Розанов-Фалес (влага, земля, плоть) и ахру-Блок-Гераклит (огонь, звезды, дух)» [210: 247].

³⁸ Свидетельство интереса будущего писателя к народной эротической демонологии находим в письме к невесте от 27 мая 1903 г.: «...открыл еще новое существо, называется „плезница“; живет в цветущей ржи, ее глаза, как васильки, видима с Петрова дня до Ильина, еще более яростна, чем „лесная женщина“ (лесавка), та хоть мечтает и ищет взрослых, а эта подкарауливает ребятишек» [77: 163]. См. также его стихотворение в прозе «Плблэница» [1: 72–73].

временем и экзистенциальным опытом минувших лет. Именно здесь Ремизов наконец находит то, что собственно ему хотелось бы сказать относительно «бездны низа»:

И глядя на звездное небо, точно и первый раз увидя, я понял, что звездное небо – это то же, что наша земля, и оно для земли. Звезды – это семена, а звездное поле – небесное поле. И есть ли там какой-нибудь «дух», или это зримое, осязаемое глазом – эти льющиеся блестящие сперматозоиды, носители жизни, это сама кровь в ее чистейшем существе [66: 261]³⁹.

Рассмотрение ремизовских опорных экзистенциалов в их философской взаимосвязи раскрывает внутренний смысл самого названия одной из последних книг писателя. «Огонь вещей» – это и есть, собственно, не что иное, как любовь в ее человеческом воплощении и, одновременно, это – онтологическая идея всепроникающего Эроса–Танатоса. Работа над «Огнем вещей» в 1930–1940-х годах задала общий строй размышлений, которые на протяжении многих лет сложились в своеобразную натурфилософскую систему взглядов.

Символы и образы ремизовской картины мира («первожизни» [59: 204]) собираются в калейдоскопический орнамент из послереволюционных текстов и весьма прозрачно соотносятся с основными понятиями доплатоновской философии и гностицизмом. «Любовь-и-смерть», заключенная в понятие плодоносящей Первосушности (в своем содержании гераклитовская), восходит к пониманию Эроса как бытия, пограничные формы которого – рождение и умирание. Единым первоэлементом, сутью вещей, обобщающим символом ремизовской идеи Эроса является огонь: «...пожар возникает из самой природы вещей, поджигателей не было и не будет» [59: 38]. Символ пожара – «всепожирающее время». Понимание смысла стихийной огненной силы у Ремизова как нельзя более полно соответствует «беспредельной мощи» (потенции) «всяческого» в гностической модели мира [198: 65–66; 193: 198–199].

Герменевтический метод книги позволяет писателю толковать отдельные сюжеты гоголевской прозы в соответствии с этими символическими представлениями. Здесь «панночка умерщвляющая» из «Вия», сгубившая простоватого философа Хому Брута своей любовью, ассоциируется с богиней-воительницей Астартой, олицетворяющей любовь и плодородие, преследующей своей страстью возлюбленного. Обе они мифологически осуществляют непререкаемый закон судьбы. Любовь и судьба в этой интерпретации тождественны, так как подразумевают неминуемость заключенных в них роковых предрешений, связанных со смертью. Когда философ Хома попытался «иссудьбиться», смертельный итог стал еще более очевиден: «дурак, от судьбы

³⁹ Ср. с рассуждениями Розанова о «земной и звездной крови»: «И разве... гораздо ранее, чем осуществится в земных условиях, в материальной обстановке, кровь в нас не шумит странными шумами и, расходясь волнами далеко от нашего земного „я“, – не входит струями света в далекие существа, или мы сами („пора любви“) захватываемся светом чужих, далеких, иногда очень далеких „я“ <...>, и в сущности и глубже – захваченные уже до своего рождения, именно „в звездах“, в „утробах матерей“, в фаллическом сложении отцов, где все со всем переплетено не как хаос, а как гармония, как некая Пифагорейская „музыка сфер“...» [302: 419].

разве бегают!» [59: 18]. Судьба не оставляет человеку никакого выбора: «знак судьбы паутина» [59: 89]⁴⁰.

Темное, глухое – немые зеркала-глаза, покляпое пахмурое мурло – Тарантул. <...> В его скорпионьих лапах мера: законы природы. И нет для него ни высокого, ни святого, нет никому пощады: одна у всех доля [58: 216].

В очерке «Выхожу один я на дорогу» Ремизов дополняет раздумья о мифологемах Розанова новыми принципиальными выводами: «в подполье» – нет подполья, «трехмерная ограниченность» мира – искусственна и значима только для «тупых и ограниченных» людей, а паучья «тайна» – в возможности взорвать мировой порядок по своему, недоступному для человеческого понимания, произволу:

...в «подполье» из зеленой слизи, плесени и сыри – из «духовной туманности» открылся богатый мир, и с той же неожиданностью, как там откроется в вечности в этой единственной комнате – в то-светной закоптелой бане с пауками по углам. И что, ведь оказывается, что какому-то там пауку – этой концентрации первострастей и сил всяких желаний, сока и круговорота жизни⁴¹ – чтобы развесить и залести свою паутину в «светло-голубом» доме и наслаждаться жертвой, понадобился Эвклид, а самого по себе Эвклида в природе нет и не было, а наша ясная трехмерная ограниченность такая чепуха, какую сам по себе ни один чудак не выдумает; и еще оказывается, что пауки – эти демиурги, распоряжающиеся судьбами мира, по какому-то своему капризу – «разум служит страсти!» – могут нарушить всякий житейский счет, «дважды два» станет всем, только не «четыре», а незыблемый и несокрушимый «четверной корень достаточного основания», смотрите, одна труха, а незыблем и несокрушим лишь в «светло-голубом» доме для тупиц и ограниченных – для всех этих творящих суд звериных харь... [62: 107]⁴².

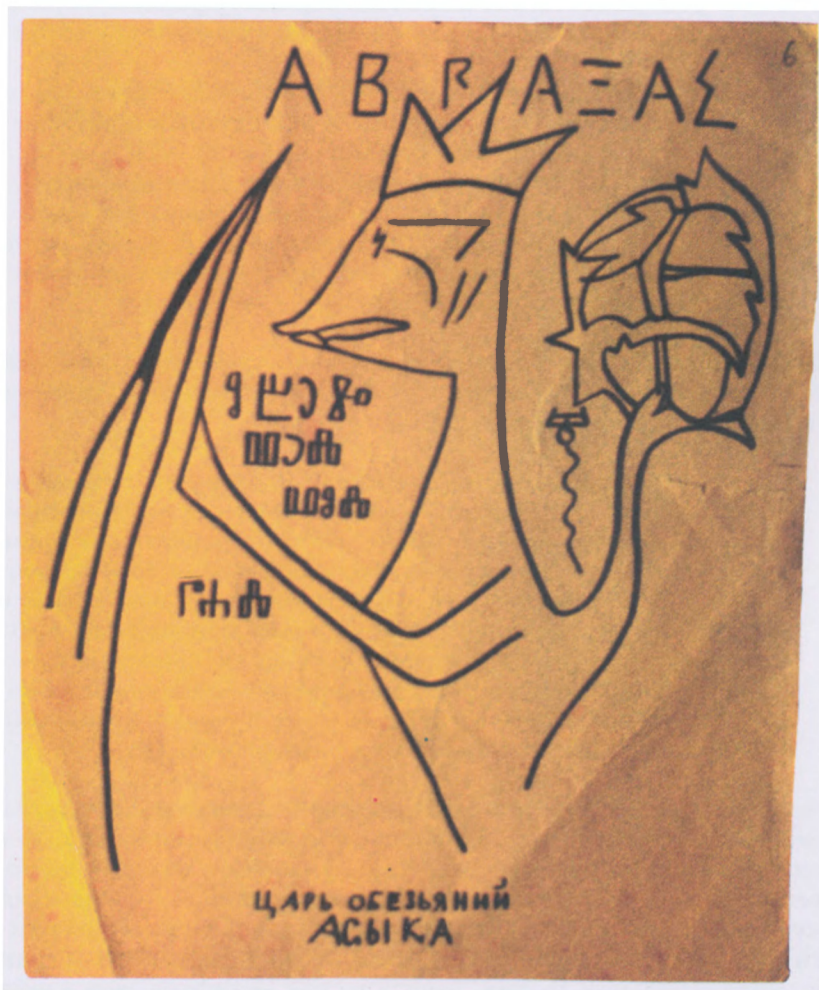
В «Огне вещей» Ремизов сформулирует основные принципы своего позитивного мировосприятия, отвергающего искусственные барьеры между жизнью и смертью, духом и плотью, сном и явью. Такая философская позиция определенно приближает его к гностическому пониманию, где любовь – это и есть сама по себе смерть, быть может, лишь с той разницей, что в трактов-

⁴⁰ Образ паука, топологически близкий Вию и Тарантулу, несет в себе в идею судьбы, или рокового предназначения. Ср. с высказыванием Розанова: «11 декабря 1913 / Сидит темный паук в каждом, гадкий, серый. / Это паук „я“. / И сосет силы, время. / Тяжело дышать с ним. / Но не отходит. Тут. / И раздавил бы его. Не попадает под ногу. / Этот паук „я“ в я. / И нет сил избавиться. Верно, умрем с ним. / Пробудимся на том свете „в жизнь бесконечную“: а паук тут. / И видишь не Бога, а паука. / И услышан будет голос: ты смотрел на паука на земле, смотри и теперь. Этот паук „я“ в я» [297: 224]. Ср. также с записью А. Блока от 14 мая 1918 г.: «Все нежизнеспособные сходят с ума; все паучье, плотское, грязное – населяется вампиризмом (как за стеной)» [117: 407].

⁴¹ Ср. с одним из первых в творчестве Ремизова прецедентов раскрытия темы насекомых, воспринятой от Достоевского, которая сопряжена с темой сладострастной природы человека в рассказе «Тараканий пастух» (1903).

⁴² Ср.: «Любовь не имеет границ. Любящие найдут друг друга. И самое главное в жизни любовь» [69: 514].

ке писателя сняты оппозиция духовное=бессмертное / телесное (половая любовь)=смертное: «И, одаренный разумом, узнает, что он смертен, и что причина смерти – любовь»⁴³. Единственный смысл любви – заполнить краткий промежуток между рождением и смертью и тем самым оправдать «первородное проклятие время-смерть» [59: 12], доказать, что «высшее и единственное: любовь человека к человеку». Такая философия допускает иронию по отношению к року: «В самом деле, не землей же мир Божий сошелся, и на нашу в чем-то согрешившую землю и тарантул-то пущен только для порядку» [59: 224].

А. Ремизов.
Царь
обезьяний
Асыка.
1928
(РГАЛИ)

⁴³ Из фрагмента гностического Евангелия от Евы [193: 159]. Ср. со словами Плутарха об Александре Великом: «Он говорил, что сон и плотская любовь более всего убеждают его в том, что он смертен: и страдания и наслаждения порождены только слабостью нашей природы» [99: 209].

Эрос есть и обычное тяготение людей к друг к другу – те самые мельчайшие душевные «искры» человеческого общения, которые выражены на последних страницах «Огня вещей»: «– А вот мне Коля и ежика несет. Ну давайте, откроем скорее клетку – мой ежик, моя надежда, моя мечта, мое очарование, моя любовь!» [59: 229]. Эрос одновременно есть и Логос – творчество, которое также обнаруживает свою эротическую природу, это «чарующий жгучий всплеск полной жизни, движимой подземной вийной силой» [59: 229]. Творчество как одно из проявлений Эроса – непреложный закон бытия, заключающийся в неразрывной связи начала и конца, рождения и смерти.

«Огонь вещей» утверждает Эрос не только как натурфилософскую картину мира, но и как экзистенциальную проблему взаимопроникновения яви и сна.

От загадочных явлений жизни близко к явлениям сна, в которых часто раскрывается духовный мир. А язык духовного мира не вещи сами по себе, а знаки, какие являют собою вещи [59: 162].

В снах... и самое важное: кровь, уводящая в пражизнь... [59: 129].

Пол связан с кровью. Пол как бы душа крови. Пол живет и владеет после смерти. <...> И кровь – эта непрерывность жизни – это замирающее, умирающее и воскресающее в другом – имеет свой голос. И этот голос открывается во сне... [59: 155]⁴⁴.

В имплицитной форме писатель дает ответ на известный философский вопрос, поставленный Гераклитом и гностиками, Платоном и Аристотелем, формулировку которого находим у Л. Шестова:

Не только чистые последователи Платона, но циники и стоики, я уже не говорю о Плотине, стремились вырваться из гипнотизирующей власти действительности, сонной действительности, со всеми ее идеями и истинами. <...> Древние, чтобы проснуться от жизни, шли к смерти. Новые, чтоб не проспать, бегут от смерти, стараясь даже не вспоминать о ней. Кто «практичней»? Те ли, которые приравнивают земную жизнь ко сну и ждут чуда пробуждения, или те, которые видят в смерти сон без сновидений, совершенный сон, и тешат себя «разумными» и «естественными» объяснениями? Это – «основной вопрос философии – кто его обходит, тот обходит и самое философию» [388: 161].

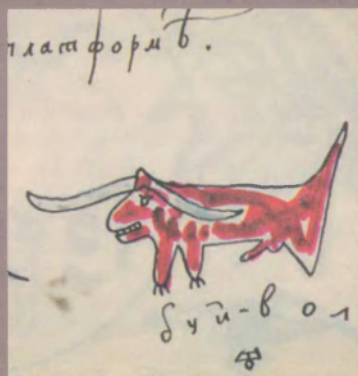
Если человеческое сознание воспринимает жизнь как неподлинное бытие, то такая ситуация предполагает два решения: пробудиться от сна, то есть умереть, или продолжать жить во сне. Однако Ремизов исходит из априорной уверенности, что «душа знает больше, чем сознание». Он связывает неизъяснимую душевную тоску, свойственную всем творческим натурам (в особенности такой inferнальной натуре, как Гоголь), – с «памятью» о трансцендентном и первоначальном Бытии. Гностическая метафора «зов извне», напоминающая человеку о его небесном происхождении, прямо выражена Ремизовым в интерпретации «нездешней» природы Гоголя:

⁴⁴ Ср.: «Магия, вообще вся, всемирная, – гнездится в крови человека, с ее терпким запахом, который есть другая сторона сладкого запаха пола» [302: 419].

Есть в «Старосветских помещиках» автобиографическое: полдневный окликающий голос. Этот голос услышал Афанасий Иваныч, вестник его смерти, слышит и Гоголь и в детстве и пред смертью, когда начнет свой подвиг: сожжет рукописи и откажется от еды [59: 15].

Выбор Ремизова – в соединении на первый взгляд взаимоисключающих экзистенциальных состояний. Сон и творчество сливаются в одно понятие, как и более сущностные экзистенциалы жизни и смерти. В свою очередь, жизнь и смерть оказываются лишь двумя сторонами единого и вечного бытия свободной человеческой души: «Наша живая реальность – стена, отгораживает тот другой мир с загадочным, откуда появляется душа и куда уходит оттрудив свой срок» [59: 34]. В результате смысл «зова извне» предстает пробуждением от «сна», возвращением к неизменным первоначалам бытия, к «огню вещей», который есть не что иное, как синкретизм Эроса и Логоса, любви и творчества.

НАСЛЕДНИКИ ОБЕЗЬЯНЫХ ТРАДИЦИЙ

А

Алексею Ремизову, навсегда покидавшему Россию, было только 44 года, и вряд ли он считал себя умудренным наставником. Но именно тогда, в начале двадцатых, с особой ясностью он осознал свою личную ответственность за будущее русской литературы. Наблюдая за постреволюционным распадом, писатель остро ощущал необходимость культурной преемственности. Как мастер – подмастерьев, собирал он вокруг себя писателей – и своих сверстников, и молодежь: Е. Замятин, Вяч. Шишков, М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, К. Федин, М. Зощенко. Так образовалась своего рода «студия» Ремизова, что было вполне в духе эпохи, когда возникло множество литературных объединений и студий по изучению прозы, школ поэтического мастерства и художественного перевода.

Конечно, нельзя сказать, что большинство начинающих литераторов отвечало писателю человеческой и творческой взаимностью. Молодые были эпигонами в буквальном смысле этого слова, то есть – «идушими после» со всеми присущими последователям свойствами: от формального подражательства до негативизма. И тем не менее по отношению к молодежи Ремизов был всегда настроен доброжелательно, не только обучая многих художественному мастерству, но и одновременно вовлекая их в свою литературную игру.

Обезьянья Палата была немыслима в России без Ремизова – ее идеолога и организатора. Однако, благодаря своей игровой природе ремизовское «тайное общество» (подобно другим обществам и кружкам, объединявшим своих участников в образной игре), обладало «склонностью самосохраняться, консервироваться», даже когда игра казалась уже сыгранной: «...будучи однажды сыгранной, она остается в памяти как некое духовное творение или ценность, передается далее как традиция и может быть повторена в любое время» [368: 23]¹.

¹ Так, например, возникает аллюзия на традиции пушкинского Лицея и «Арзамаса» в поздних интерпретациях «Серрапионова братства». Ср. со словами К. Федина: «Для всех бывших членов этой бывшей группы работа тех лет была своеобразной эпохой „лицея“» [359: 4]; «без умысла подражая знаменитому „Арзамасскому Обществу Безвестных людей“, „Серрапионови братья“ в самом начале двадцатых годов вели протоколы» [361: 103].

КОЛЬЦО ПОЭТОВ

Поэтическая ассоциация «Кольцо поэтов» имени К. М. Фофанова была основана 30 апреля 1921 года Владимиром Викторовичем Смиренским – поэтом, писателем, литературоведом, который в 1920-е годы публиковал свои стихи под псевдонимом Андрей Скорбный². Должность секретаря поэтической ассоциации исполнял его брат – Борис Смиренский (1900–1970). Ее основной состав был представлен группой поэтов-эгофутуристов: К. Олиповым (К. К. Фофановым), Д. Дориним, Б. Тимофеевым, Н. Позняковым, Дм. Савицким и др.

За короткий срок своего существования («Кольцо поэтов» было закрыто распоряжением Петросовета 25 сентября 1922 г.) ассоциация развернула активную деятельность. Было организовано одноименное книгоиздательство, выпустившее в свет четыре книги В. Смиренского, два поэтических сборника его старшего брата – «Лунная струна» (1922) и «В лимонной гавани Июкогама» (1922), а также первый сборник стихов К. Вагинова «Путешествие в Хаос» (1921); готовились к печати книги Вл. Ленского и альманах «Кольцо поэтов». При издательстве существовала книжная лавка (Литейный пр., 57), систематически устраивались устные альманахи в специально снятом особняке в Басковом переулке, 2. К участию в вечерах и заседаниях ассоциации приглашалась литературно-художественная элита Петрограда и Москвы: А. Блок, М. Кузмин, Ф. Сологуб, А. Ахматова, Ю. Верховский, Андрей Белый, Вл. Пяст, В. Зоргенфрей, В. Шкловский, Е. Замятин, Вяч. Шишков, В. Милашевский, В. Ходасевич, Ю. Юркун и многие другие.

А. Ремизов, вошедший в «коллегию экспертов» ассоциации, был зачислен в «Кольцо поэтов» одним из первых³. После своего отъезда из Петрограда писатель неоднократно передавал «приветы» «Кольцу поэтов», о чем имеются записи в Летописи ассоциации (ИРЛИ. Ф. 582. Необработанная часть фонда). Из писем В. Смиренского к Л. И. Аверьяновой следует, что его переписка с Ремизовым продолжалась по крайней мере до весны 1927 года (ИРЛИ. Ф. 355. № 54. Л. 45). Косвенным свидетельством интереса писателя к «Кольцу поэтов» является анонимная заметка в берлинском журнале «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 42), автором которой, по всей видимости, был сам Ремизов, предоставлявший сведения о литературной жизни в России: «Кольцо Поэтов, в Петербурге, к которому принадлежат: Константин Олипов (Фофанов), Борис и Владимир Смиренские, Анатолий Фролов, готовит сборник стихов».

² В автобиографии (1960) Смиренский писал, что он пользовался тридцатью двумя псевдонимами, среди которых – Вадим Ренский, Вячеслав Пик и др. (ИРЛИ. Ф. 582).

³ В 1928 г. в письме к В. Миролюбову В. Смиренский, вспоминая о деятельности «Кольца поэтов», отмечал: «Очень охотно и много нам помогал А. М. Ремизов» (ИРЛИ. Ф. 185. Оп. 1. № 1071. Л. 12об.).

Молодыми поэтами был образован тогда и так называемый «Орден кукиша», из известных нам инициаторов которого назовем Б. и В. Смиренских, К. Олимпова, К. Маньковского и А. Фролова. Все они знали об Обезьяньей Палате от самого Ремизова, а двое из них – В. Смиренский и А. Фролов – были членами Обезвельволпала. Характерна раздраженная запись в дневнике М. Кузмина, относящаяся к августу 1921 года: «...с утра еще был Маньковский с орденом „кукиша“! Эта шайка ремизовских эпигонов тоже мне надоедает» [215: 479].

Подражательный характер «Ордена кукиша» по отношению к литературной игре Ремизова выразался в заимствовании внешних элементов Обезьяньего общества, в частности, в изготовлении собственных отличительных «знаков»:

КУВЫРКОЛЛЕГИЯ
ЗНАК НА ПРАВО НОШЕНИЯ
КУКИША

В листьях, с маслом.
Константин Олимпов
СПЕКУЛЬПРОДКОМ

Кувыркoм: Б. Смиренский
Ком<миссар?>: Анатолий Фролов

(РГАЛИ. Ф. 1718. Оп. 1. № 69. Л. 3).

Перу Б. Смиренского принадлежит стихотворение, посвященное А. М. Ремизову:

Лоскутками огонь свечи
В зеркала синий дым разносит;
И блестят в бессонной ночи
На столе голый череп и кости.
Насупились в складках души
Брови густого мрака...
Там, в черной живет глуши
Кавалер обезьяньего знака.
Много он знает слов,
Много и тайн знает,
И долго, поверх очков,
Обезьянью книгу читает [328: 4].

В. Смиренский также посвятил А. Ремизову несколько стихотворений, из которых приведем только одно:

Молитва монахини

Ал. Мих. Ремизову

...Царствует теперь повсеместно – гнида.
И ума не приложу, отчего...
Помяни, Господи, Царя Давида
И всю кротость Его!..

лето 1921-е от РХ
СПБ.
июль 19.

кавалер обез<ьяньего> знака:
Андрей Скорбный
(Вл. Вик. Смиренский) [329:186]

Скорее всего, общение В. Смиренского (профессионального библиотекаря и библиографа, в ту пору служившего инструктором библиотечного дела во Втором тяжелом артиллерийском дивизионе в Петрограде) с писателем началось на деловой основе. Ремизов искал кого-либо, кто мог бы грамотно описать его личную библиотеку, предназначенную для продажи. Рекомендация пригласить для этой работы Смиренского могла исходить от Я. Гребенщикова, старинного друга Ремизова, *василеостровского* книгочея, сотрудника Публичной библиотеки. Примечательно, что и сам Я. Гребенщиков был членом «Кольца поэтов». Воспоминания о встречах с Ремизовым сохранились в мемуарах В. Смиренского.

Навстречу мне из-за огромного письменного стола поднялся маленький, почти горбатый человечек с жесткой щетиной волос, в очках, гладко выбритый. Черты его лица мелкие, глаза – тоже небольшие, с хитринкой. В зубах у него желтый деревянный мундштук с недокуренной папирсой. Одет он в странный, кургузый пиджачок ярко-зеленого цвета, сшитый, несомненно, из портьеры.

Он протягивает мне крошечную, худую ручонку, приглашает сесть. Я сажусь около его стола и с интересом осматриваюсь. Стены большой квадратной комнаты раскрашены пестро и причудливо. Вдоль комнаты протянута нитка, на которой висят, покачиваясь, обезьянки, пауки и всякие чудища. В одном углу, наиболее ярко раскрашенном, в симметричном порядке развешаны игрушки: тут тоже обезьянки, палочки, хвостики, какие-то цветные камни. Одна стена сплошь занята книгами. На столе хозяина с исключительной аккуратностью разложены альбомы и рисунки, крошечные книжечки в старинных выцветших переплетах, рукописи. Здесь же, на краю, стоит большой деревянный ящик, в котором бережно сложены окурки.

– Когда нечего курить, – объясняет Алексей Михайлович, заметив мой несколько удивленный взгляд, – пригождаются и окурки. А без курения трудно работать!

Он охотно показывает мне свои рукописи. Все они в образцовом порядке, собственноручно переплетенные и раскрашенные. Пишет Ремизов мелким, совсем бисерным, но четким почерком. Некоторые рукописи и письма Ремизов пишет скорописью XVII–XVIII века. На это он большой мастер. Потом он так же охотно и любовно показывает мне свои книги, игрушки. О каждой игрушке у него сложена сказка, с каждой связано много воспоминаний⁴.

– И стены вы сами раскрасили?⁵ – спрашиваю я.

– Не место красит человека, – усмехаясь, отвечает Ремизов, – а человек место. Я эту поговорку помню и поэтому крашу свое место всегда сам.

⁴ Об истории возникновения ремизовской коллекции игрушек см. книгу Н. Кодрянской [205: 119]. Здесь же приведен рассказ Ремизова о передаче этой коллекции в Пушкинский Дом. Уже будучи в Берлине, Ремизов прислал в Пушкинский Дом «паспорта» – рисунки с изображением некоторых персонажей своего бестиария (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 43. Л. 1–5), а также письма Ремизова П. М. Устимовичу [145]. См. также о коллекции [133: 508–515; 207: 2; 88: 10–11].

⁵ Речь идет о квартире Ремизова на 14-й линии Васильевского острова (д. 31, кв. 48), в которой писатель жил с сентября 1916-го по май 1920 г. Стены в этой квартире были расписаны изображениями *кавалеров* и *князей* Обезьянней Великой и Вольной Палаты и ее царя Асыки.

В этот момент в комнату входит жена Ремизова, Серафима Павловна Довгелло. Это – женщина, которой посвящены все без исключения книги Ремизова⁶. Она вдвое выше его и вчетверо толще. Это очень высокая и очень полная женщина с простым, чисто русским лицом. Ремизов представляет меня ей, и беседа становится общей. Серафима Павловна внимательно слушает рассказы мужа, вероятно, слышанные ею уже не один раз. В ее отношении к мужу чувствуется трогательная заботливость. Видно, что она бережно и ревниво охраняет писателя от всяких забот и дел, а на все его чудачества, игры и рисование смотрит, как мать на избалованного ребенка.

– Теперь, – говорит Ремизов, – я расскажу вам об «Обезьяньей палате». Управляет палатой небезызвестный вам обезьяний царь Асыка. Я при нем только скромный канцелярист. Званием князей обезьяньей палаты пожалованы очень немногие: Максим Горький, Евгений Замятин, Вячеслав Шишков...⁷ Остальные писатели являются кавалерами обезьяньего знака. Обезьяний знак рисуется только мною, а подписывается царем Асыкой собственноручно.

Тут Ремизов достает лист плотной бумаги, на котором причудливо нарисован обезьяний знак. Вверху непонятная, видимо, собственноручная подпись. Ремизов подходит к столу и вписывает в свободное, нарочито незакрашенное место мое имя.

– Жалуетесь вам, – говорит он торжественно, – обезьяний знак. Отныне вы посол Великой и Вольной Обезьяньей палаты и кавалер.

– Поздравляю вас, – улыбается Серафима Павловна. Я низко кланяюсь обоим и благодарю.

– Кавалеров, – продолжает Ремизов, – у меня много. Некоторые из них, вот как вы, – несут определенную должность:

Замятин – брадобрей, вы, брат ваш Борис Викторович и Анатолий Фролов – послы. Фролов, кроме того, исполняет еще по малолетству обязанности служки. Тиняков – гнида обезьяньей палаты⁸.

Тут лицо Ремизова морщится, и он довольно хихикает.

Много раз я бывал потом у Ремизова, привел его библиотеку в порядок, составив алфавитный каталог всех его книг. По этому каталогу в скором времени Ремизов библиотеку продал⁹.

⁶ Почти все книги Ремизова, вышедшие в России, открывались посвящениями С. П. Ремизовой-Довгелло [205: 151–186; 134: 16–31].

⁷ Е. И. Замятин, В. Я. Шишков и М. Горький входили в круг литераторов, с которыми Ремизов тесно общался в 1920–1921 гг. Ср.: «Е. И. Замятин „изуграф“ – резчик слова – смиренный епископ обезьянский Замутый, в мире князь обезьяний Евг. Замятин и без кофеину вяжлся за сказки, рассказы, повести – и успел. И Шишков, князь сибирский и бежецкий обезьяний – пьесу за пьесой со своим неперменным комедийным паствушонком, а также память сибирскую – шаманскую повесть» [32: 38]. Вяч. Шишков посвятил Ремизову свой рассказ «Соловьиная ночь» (Подножие башни. Пг., 1920). Горькому и Замятину посвящены страницы мемуарной прозы писателя [62: 117–134, 252–258]. См. также публикацию писем Е. Замятина к А. Ремизову [275: 176–179].

⁸ В. Смирнский оставил о Тинякове отдельный мемуарный очерк, открывавшийся словами: «Ремизов называл Тинякова „гнида обезьяньей палаты“. И надо сказать, что это омерзительное прозвище присвоено было Тинякову не зря. Это был неисправимый, закоренелый циник, совершенно беспринципный и аморальный. И весь ужас заключался в том, что этой беспринципностью и цинизмом Тиняков даже гордился» (ИРЛИ. Ф. 582).

⁹ В письме М. А. Дьяконову от 18 января 1922 г. из Берлина Ремизов сообщал: «...перед отъездом продал я свои книги и самые любимые Блоху в Петрополис. Думал, получу деньги, на первое время за границей к<ак> н<и>б<удь> перебьюсь, а до сих пор денег не получил» (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 1).

Потом он поручил мне продать его альбом с рисунками. Рисовал Ремизов очень неплохо, но как художник он был подлинным футуристом¹⁰. Он, например, нарисовал меня. Это был крошечных размеров рисунок, где лиловым карандашом была изображена какая-то непонятная фигура, держащая под мышкой пачку альбомов. Внизу была подпись: «Владимир Викторович Смиренский продает мои альбомы с картинками». Без подписи трудно было поверить, что это я. Этот рисунок и один альбом я оставил себе, остальные¹¹ продал и, надо сказать, почти мгновенно.

Имя Ремизова было очень популярно в литературной среде; каждый из писателей, приезжавший в Петроград хотя бы на время, считал своим долгом прийти на поклон к Ремизову. <...>

Обезьяний знак
В. В. Смиренского.
1921
(ИРЛИ)

¹⁰ В 1910 г. Ремизов участвовал в выставке «Треугольник», устроенной Н. Кульбиным, а в 1915-м его рисунки впервые были опубликованы в футуристическом сборнике «Стрелец». Общие интересы связывали Ремизова и с В. Хлебниковым. См. об этом [98: 214; 67: 201; 103: 191-207; 420: 411; 243: 123-125; 152: 142-151].

¹¹ Один из таких альбомов с портретами ремизовских современников (1917-1921) хранится в Отделе рукописей РНБ (Ф. 634. № 19).

Пока я приводил в порядок библиотеку Ремизова, я был свидетелем многочисленных писательских паломничеств. Целые дни к нему приходили знакомые и незнакомые люди, и Ремизов всех принимал очень вежливо, внимательно всех выслушивал, с особенным удовольствием дарил свои затайливые автографы и портреты.

Перед отъездом Ремизов подарил мне одну из своих рукописей и портрет, на котором написал: «Обезьяну Ивановичу – Владимиру Викторовичу Смиренскому, от бывшего канцеляриста Алексея Ремизова, на память обезьянскую в Ильин день».

На мое предложение вступить в члены «Кольца поэтов» Ремизов ответил мне письменно: «“Кольцу поэтов” кланяюсь низко и благодарю. Слово мое в стихах и в прозе – от слова».

Последний вечер мы сидели с ним вдвоем, пили жиденький чай из высоких, толстых стаканов.

– Так-то вот, Обезьян Иванович, – сказал мне Ремизов, – уезжаю. Хочу уехать отсюда, переменить фамилию и начать новую жизнь. Устал я, Обезьян Иванович, измытарился очень!..

Мне и самому казалось, что Ремизов вправду устал от собственной лжи, которой он себя окружал, от всех своих чудачеств, от постоянной, нарочитой неестественности, оригинальничания. Много лет он воссоздавал свой второй, чудаческий облик, и все делал с гримасами, с ужимками; одевался странно, вел себя странно, все что-то выдумывал, всех постоянно мистифицировал. С серьезным видом он таким неподдельно искренним тоном рассказывал какую-нибудь несообразность, что ему верили. А где-то внутри, глубоко, под пиджаком, сшитом из старой портьеры, билось чистое сердце талантливого и умного человека, которому под конец жизни стало, видимо, и противно, и тошно смотреть на второе свое «я». Поэтому слова его о перемене фамилии и жизни я принял как должное. Не скрою, что мне все-таки жаль было расставаться с этим смешным человечком, который сидел тихенько, горбатый и худенький, утопая в глубоком кресле, в большой своей, неуютной и пестрой комнате с балаганскими украшениями и говорил мне, прощаясь:

– Не увидимся больше, Обезьян Иванович, не увидимся, милый! Деньги вы за меня получите в редакции и оставьте их у себя. Это вам за библиотеку.

Тут он мне дал две доверенности.

– Пишите стихи, – продолжал он, – берегите Анатолия Фролова. Он еще очень молод, и за ним надо приглядывать [329: 166–170].

СЛУЖКА ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА

Среди неофитов Обезьяньего общества начала 1920-х годов особый интерес вызывает фигура Анатолия Фролова – самого молодого приверженца царя Асыки, по юности лет выполнявшего в Обезвелволпале обязанности служки. Он, безусловно, пользовался особенным расположением Ремизова, который, находясь в эмиграции, с нежностью вспоминал: «...мой обезьяненок, обезьянко, б<ывший> царь ежиный Анатолий Фролов, служка обезвелволпала, единственный в Петербурге, таскающий в коротеньких штанишках билет на право ношения хвоста» [32: 40]. В реестре членов Обезвелволпала

Фролов упоминается дважды: «служба обез<велволпала> и кав<алер> царь беличий Анатолий Фролов» и – «служба Обезвелволпала, обезьяненко и б<ывший> царь ежиный» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13).

Анатолий Александрович Фролов, родившийся в 1906 году, в 1920-м был учеником 37-й Советской Единой Трудовой школы I и II ступени Выборгского района (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. № 2349). В Летописи «Кольца поэтов», составленной братьями Смиренскими, имеется запись о вступлении Фролова в ассоциацию и о назначении его заместителем председателя (21 июля 1921 г.)¹². 17 апреля 1922 года Фролов был исключен из ассоциации вместе с Е. Замятиным и В. Миролюбовым, а 21 августа снова зачислен (ИРЛИ. Ф. 582). В своем поэтическом сборнике «Большая любовь» (Пб.: Кольцо поэтов, 1922.) В. Смиренский поместил стихотворение с посвящением Анатолию Фролову – «Когда на сгорбленных ступенях...». Его фамилия попала в заметку–мистификацию Ремизова, анонимно напечатанную в берлинской газете «Голос России» (1922. 16 апреля, № 943):

В Петербурге образовался книгоиздательский трест «Аверьяныч и Товарищи». К 1 мая издательство выпускает 1-ый товарищеский сборник: Вяч. Шишков, Евг. Замятин, А. И. Чапыгин, К. А. Федин, А. С. Неверов, М. А. Дьяконов, А. А. Фролов, Георгий и Яков Гребенщиконы, А. Б. Кусиков, Б. А. Пильняк и Н. А. Шапошников. А называется сборник «Кавыка».

Упоминание о нем как о поэте встречается и у М. Кузмина. «Жизнь проталкивается <...> в ремизовской сиротке Анатолии Фролове», – писал Кузмин, завершая свой обзор современной поэзии «Парнасские заросли» за март–сентябрь 1922 года¹³. Сведения о дальнейшей судьбе Фролова почерпнуты нами из его студенческого дела и личного дела его отца – А. М. Фролова¹⁴. В 1922 году А. Фролов поступил на отделение общественных наук факультета Общественно-педагогического Петроградского университета; в 1923-м подал заявление с просьбой выдать ему документы для продолжения обучения на экономическом факультете Первого Петроградского политехнического института. На вопросы одной из анкет (1922) отвечал:

15) Чем занимались до 1914 г.? – *играл и учился.*

16) Чем занимались с 1914 по 1917 г. – *играл, учился, читал.*

17) Чем занимались с 1917 по 1922 г. – *играл, учился, читал и писал*
(ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. № 2349. Л. 6).

В 1923 году вместе с двумя своими старшими братьями – Владимиром и Сергеем – Анатолий Фролов выехал за границу «с целью повышения квалификации». Обосновался он в Париже, стал археологом и в конце 1950-х годов

¹² Лирические стихотворения Фролова были опубликованы в 1923 г. в петроградском журнале «Жизнь искусства»: «Звезда на небе зелена...»; «Еще трепещет верный лук...» (№ 18. С. 14); «Ясное небо – яснее любовь...» (№ 20. С. 21).

¹³ В опубликованный текст обзора [172: 114–122] эта фраза не вошла, но была восстановлена в издании М. Кузмина 2000 г. [216: 222].

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. № 2349; Петербургский гос. университет путей сообщения (ПГУПС). Личное дело № 25 за 1959 г. Александр Матвеевич Фролов (1870–1964) – академик УССР, гидротехник, профессор Политехнического института и Института инженеров путей сообщения в Ленинграде.

защитил докторскую диссертацию (*La relique de la Vraie Croix: recherches sur le développement d'un culte*. Paris: Institut français d'études byzantiques, 1961), преподавал в Сорбонне, женился, имел сына – Луку¹⁵. О встречах Фролова с Ремизовым в Париже, куда писатель переехал также в 1923-м, сведений нет.

В силу своей молодости А. Фролов позволял себе реализовывать некоторые символические идеи Обезьяньего общества буквально. Если Ремизов лишь однажды на людях продемонстрировал обезьяний хвост на известном маскараде 1911 года, то его воспитанник осуществлял законное право вельмож Обезвелволпала «носить хвосты где угодно» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 55) в повседневной жизни. Фролов, пожалуй, был первым и единственным, кто не только безыскусно, по-детски воспринял все правила игры в Обезьянье общество, но и создал рукописный сборник стихов под названием «Обезьяний хвост», посвященный писателю.

В архиве М. В. Борисоглебского (РНБ) хранятся две тетради стихов Ан. Фролова. Первая из них содержит машинописные тексты шестнадцати стихотворений, собранных под общей обложкой с посвящением:

Стихи (плохие)
А. М. Ремизову (хорошему)
Анатолий Фролов
(обезьяненок)
1921.

Титульный лист тетради заполнен множеством рисунков с подписями, являющимися цитатами из стихов. Вторая тетрадь представляет собой рукописный сборник, озаглавленный:

Обезьяний хвост
1921
Анатолий Фролов.

На обороте первого листа тетради написано посвящение: «А. М. Ремизову». На пяти листах сборника расположены пять стихотворений. Любопытно, что почерк Фролова в значительной степени имитирует ремизовский, особенно характерный для его обезьяньих грамот (РНБ. Ф. 92. Оп. 1. № 354. Л. 1–22). Среди стихотворений этого сборника имеется поэтическая фантазия на тему Обезвелволпала:

На великолепном троне
В золотой короне
Сидит Царь Асыка
Первый.
А кругом него кувыркаются
вельможи.
Корчат обезьяньи рожи,
Стрекочут на различных языках
И похожи
На чертенят с вербы

¹⁵ Биографические сведения об А. А. Фролове см. в некрологе, написанном А. Грабарем [410: 247].

И такое это в Асыкином царстве
В обезьяньем государстве
Благолепие
Прямо-таки изумительно [329: 187–188].

Об эскападах Фролова подробно вспоминал его старший товарищ В. Смиренский:

Любимцем Ремизова был Анатолий Фролов. Ему не было, кажется, и 16 лет в ту пору, но он писал стихи, от которых веяло несомненным талантом:

Второй Иаков мне! Горбатые ступени
Роняет радуга, – страстей прозрачный рай.
Зарей, заря! И в тени, тени, тени,
Скользи, душа, а сердце не сторай!¹⁶

Анатолий Фролов имел, как я уже говорил, звание посла и служки обезьяньей палаты и, по присвоенной ему должности, обязан был носить хвост. У него было их два: один будничный – маленький и почти незаметный заячий хвостик, а второй – праздничный, длинный, сплетенный из ремней. Когда он шел по улицам города с праздничным хвостом, его часто окликали прохожие, говоря, что у него сзади что-то болтается. Фролов оборачивался и резко отвечал, что это у него хвост.

Он был экзальтированный юноша. Однажды он засиделся у меня часов до трех ночи. Жил я в гостинице, которая после часу ночи закрывалась, и надо было будить швейцара. А это связано было с деньгами, которых у нас не было. Фролов долго думал, что делать, потом посмотрел в окно. Было совсем светло: в Ленинграде в начале лета еще стоят белые ночи. Этаж, однако же, был третий. Фролов попрощался со мною и вылез через окно на водосточную трубу, по которой благополучно спустился вниз. Я наблюдал за этим акробатическим трюком и даже написал на трубе, что такого-то числа по ней спустился поэт Анатолий Фролов. Как потом оказалось, спуск вовсе не был благополучен. Не успел Фролов дойти до угла, как был задержан наблюдавшим за его спуском милиционером. Фролов был в коротких штанишках, с хвостом. Никаких документов у него не было. Его продержали в милиции до утра, пока не удалось созвониться с его родными. Отец его был известный ученый, профессор.

Однажды я пришел к Ремизову с Фроловым, а Ремизов говорит: «Идемте-ка в „Дом Искусств“, там сегодня читает новый рассказ совсем еще молодой писатель Михаил Зощенко. Говорят – талантливый». Пошли. Шествие было довольно странное: впереди шел Ремизов, с непокрытой головой, в очках, смешной и горбатый, в своем ярко-зеленом пиджаке, за ним следовала Серафима Павловна, на необъятном фоне которой он совершенно терялся, позади шли, и тоже гуськом, я и брат мой Борис, а замыкал ше-

¹⁶ В архиве Смиренского (ИРЛИ. Ф. 582) имеется блокнот с обращенными к нему стихами Ф. Сологуба, К. Вагинова, К. Олимова (К. К. Фофанова), С. Нельдихена и др. В их числе и три стихотворения А. Н. Фролова. Прочитированные строки являются первой строфой одного из этих стихотворений. Приводим его окончание: «Не принимай ни радости, / ни гнева, / Нельзя любовнику забытому / помочь. / Когда в червонцах ласковою / девой, / Рыдаю горько, упадает / ночь. / И буду так лежать, / псоглав и светел, / Пока зарю не продырявит / петел. / 1922».

стве Анатолий Фролов, курчавый и смуглый, как цыганенок, с длинным ременным хвостом, обвивающим голые ноги¹⁷. Между прочим, Фролов разительно напоминал юного Пушкина. Зоценко мы слушали тогда впервые, читал он совсем еще не смешной рассказ «Старуха Врангель». Ремизов был доволен и все похваливал автора...¹⁸ Рассказ был и вправду хорош [329: 168–169].

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА МОЛОДОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Заботливое отношение Ремизова к молодому поколению литераторов объяснялось его общим оптимистическим настроем на будущее русской культуры в начале 1920-х годов. К. Федин вспоминал:

После одного вечера в Доме искусств я шел домой вместе с Ремизовым. <...> ...он говорил... будто посвящая меня в тайные свои убеждения. – Ну, вот и появляются молодые, из медвежьих углов, кто с посада, кто с городища. Я всегда говорил – погодите, придут, откуда никто и не ждет, явятся преемствовать, и с полным правом не инкубаторные и не гомункулы, а с отцом и матерью – равно и от русской революции, и от русской литературы. Я счастлив, что был прав, что вижу теперь, как вы все рождаетесь, что стою при самом начале, при родах, и что буду кого-нибудь повивать, как бабка [360: 111–112]¹⁹.

В критических статьях 1920-х годов, посвященных новой литературе, нередко подчеркивалось влияние ремизовской художественной манеры на стилистику Фебина, Никитина и первых рассказов Лунца; распространенное мне-

¹⁷ Ср. с воспоминаниями М. Зоценко («Перед восходом солнца») – вероятно, о том же вечере в Доме искусств: «Вот идет А. М. Ремизов. Маленький и уродливый, как обезьяна. С ним его секретарь. У секретаря из-под пиджака торчит матерчатый хвост. Это символ. Ремизов – отец-настойтель „Обезьяньей вольной палаты“» [180: 502].

¹⁸ Вероятно, Смиренский описывает чтение этого рассказа (опубликован в сборнике Зоценко «Разнотык» (Пг., 1923)) на вечере художественной прозы под названием «Сегодня», состоявшемся в Доме искусств 23 мая 1921 г., на котором вместе с «серапионами» М. Зоценко («Старуха Врангель»), Л. Лунцем («Исходящая № 37»), Н. Никитиным («Ангел Аввадон») читал свои рассказы и А. Ремизов (цикл «Шумы города»). Этот вечер описан в дневнике К. Чуковского (запись от 24 мая 1921 г.): «Вчера вечером в Доме искусств был вечер „Сегодня“, с участием Ремизова, Замятина – и молодых: Никитина, Лунца и Зоценко. Замятин в деревне – не приехал. Зоценко – темный, больной, милый, слабый, вышел на кафедру (т. е. сел за столик) и своим еле слышным голосом прочитал „Старуху Врангель“ – с гоголевскими интонациями, в духе раннего Достоевского. Современности не было никакой – но очень приятно. Отношение к слову – фонетическое. Для актеров такие рассказы – благодать. „Не для цели торговли, а для цели матери“ – очень понравилось Ремизову, к<ото>рый даже толкнул меня в бок» [378: 170]. См. также книгу Ю. Анненкова [98: 309], где опубликован портрет М. Зоценко работы Анненкова (1921), на втором плане которого изображена афиша этого вечера.

¹⁹ Характерно, что подобным образом отзывался о собственном искусстве способствовать рождению истины («майевтике») древнегреческий философ Сократ, сравнивая его с повивальным искусством своей матери Филареты.

ние быстро превратилось в трюизм. Куда пронизательней оказался взгляд критика старой школы А. Г. Горнфельда. В своем полемическом ответе на статью А. Воронского, который, в частности, констатировал, что «Серапионовы братья», являя собой «новый культурный тип» писателей, все же не избежали «формального» влияния Ремизова и «подражают ему» [136: 258–275], Горнфельд подчеркнул взаимосвязь художественного стиля и творческой идеологии: «Пока своя идеология не отлилась в свой художественный стиль, реальное современность является „подражание Ремизову“, иной же „культурный тип“ есть невоплощенное в действительность достижение далекого будущего» [142: 5].

Действительно, влияние Ремизова на начинавших литературный путь «серапионов» отразилось не столько в стилистике, сколько в стремлении к самоосуществлению в каждом из них «идеологии» творчески свободной личности, критерии которой постоянны и не меняются от поколения к поколению. О «воспитании» подобного рода Ремизов написал в одном из первых эмигрантских рассказов «Крюк».

Есть одно русское литературное большое гнездо – Петербург–Москва. И от этого большого гнезда по всей по России – от океана до гор и от гор до моря и от моря до пустыни и от пустыни до других гор – малые гнезда.

И в жесточайшие годы – в войну всесветную и замутение, в раззор и падаль, не погибли, зайились гнезда.

В большом гнезде на Москве ходил со скрипочкой Скриплик – Андрей Белый, учил поэтов стиху, в Петербурге Серапионовы братья по азам замятиным долбили – Замятин учил их рассказам и сказам, а стиху учил Гумилев. <...>

А к которому лешему все звери сходятся и птицы и гады и муравьи и пчелы пение свое попеть и рык рыкать, таким Лешим в большом гнезде петербургском был Алексей Максимович – на Кронверкский к Горькому дорога, что тропа к ключику:

его суд и ряд
над всем гнездом

А от Горького повертывало зверье в другую лешачью нору – стог чертячий – в Обезьянью великую и вольную палату на суд обезьяний [32: 43–44].

Восприятие личности и творчества Ремизова молодыми литераторами было неоднозначным и отнюдь не статичным. Писатель входил в круг несомненных литературных мэтров, творчество которых воспринималось как образец высокого художественного мастерства. Н. Чуковский писал в своих воспоминаниях:

Убежден, что <...> Лунц и Каверин в 1921 году ценили и понимали Горького как писателя еще меньше, чем я. Лунц вообще не любил русскую прозу <...>. Из русских прозаиков последних десятилетий более или менее признавал только Ремизова да Белого <...>. Остальные тоже своими учителями считали Лескова, Ремизова, Белого, Бунина, Киплинга, Замятина, а никак не Горького [379: 85–86].

По-видимому, многие начинающие писатели приобретали необходимые навыки художественного мастерства благодаря внимательному изучению произведений Ремизова. В 1920 году Л. Лунц опубликовал статью «Театр Ре-

мизова» [233: 2], в которой назвал его пьесы едва ли не единственным примером современной, живой, новаторской драматургии. Кроме того, на одном из занятий Студии он выступил с рефератом о творчестве писателя [380: 66]. Даже в заглавии известной пьесы Лунца «Обезьяны идут» можно разглядеть аллюзию на ремизовскую «обезьянью» тему. Под обаянием личности и творчества Ремизова, пожалуй, в наибольшей степени находились Н. Никитин и В. Познер. Прочитав книгу «Огненная Россия», 25 января 1922 года Познер откликнулся на нее стихами:

Земного шара ровно треть
Подвластна огненной стихии.
Возможно ль в Огненной России
Не загореться, не сгореть
(Амхерст).

Восторженно отзывался об этой книге и Н. Никитин, признававшийся в письме к Ремизову от 14 апреля 1922 года:

Хотел я рецензировать «Огненную Россию» и «Шумы» для «Кн<иги> и Рев<олюции>». И не выходит. Ремизов мой не укладывается в рецензию. Рецензия до сих пор вобла сушеная, а что это за рыба, мы – палшники, хорошо знаем. «Огненная» – незабываемая книга, вещь. Если пня не осталось бы, если бы все было пропито <?>, то по «Огненной» можно рассудить и о боли нашей, и о гневе, о восторге и плаче. Когда читал я – слезы капали. Точно не Вы – а птица Див пела мне. Огненная – гимн Революции, Бунту Русскому. Не забывайте Кавалера Вашего Олонецкого – грамоты жалованной до сих пор из Палаты не получил (Амхерст)²⁰.

Характерная доверительность писем Познера и Никитина отразила исповедальный стиль общения, сложившийся между начинающими писателями и Ремизовым еще в Петрограде и получивший мифологическое определение – «суд обезьяний». Эпистолярное и личное общение многих из них с мастером продолжалось и после ремизовской эмиграции. Однако некоторые, расценив его поступок как лицемерный, старались больше не вспоминать об одном из своих учителей²¹. Еще в начале лета 1921 года М. Зощенко был награжден обезьяньей грамотой, что подтверждается его дневниковыми записями:

Июнь. Был у Ремизова. Читал повесть – одобрил. Говорили долго. <...>
Записан в кавалеры Ордена Обезьяньего Знака.
Но известие об эмиграции писателя произвело радикальную переоценку ценностей:
А! Убежал Ремизов.
Дико.
Человек два часа говорил:
– «Не понимаю, что нужно, скажем, Ал. Толстому, графство его, что ли? Зачем ушел из России? Что будет делать?»

²⁰ Имеются в виду книги Ремизова «Огненная Россия» и «Шумы города», изданные в Ревеле в 1921 г.

²¹ О влиянии Ремизова на творчество Зощенко см. книгу М. О. Чудаковой [377: 120–130].

Я бы этого не сделал». –
И вот. Дико [177: 228]²².

Исключением среди мемуарных свидетельств является очерк К. Федина, в котором, несмотря на некоторую тенденциозность характеристик, с большой симпатией изображена личность Ремизова и подробно рассказывается об обезьянней Палате [360: 105–113]²³. В начале двадцатых Федин был корреспондентом Ремизова и выполнял разнообразные просьбы писателя. Так, в августе 1921 года, спешно покидая Петроград, Ремизов не смог вывезти все свои книги, к тому времени изданные в России. Очень нуждаясь, он предполагал уже в Берлине составить на их основе новые сборники. Усилиями Федина и Никитина в ремизовскую личную библиотеку вернулись его «Подорожие», «Николины притчи», «Странница», «Укрепа». От Федина Ремизов получал также московскую и петроградскую пе-

²² Ср.: «За границу удрала группа писателей. Между прочим, и г. Ремизов. А прежде, чем удрать за границу, г. Ремизов пользовался вот какими льготами и преимуществами: в 1-м отеле ему была предоставлена лучшая, роскошно меблированная квартира. В отеле центральное отопление, но Ремизову были поставлены отдельные печи; дрова в течение года давались ему в изобилии. Он один в отеле пользовался отдельной прислугой; ему была предоставлена лошадь для разъездов за пайками; «Севцентрпечать» предупредительно снабжала его газетами и журналами. Все это – за государственный счет. – За что? За какие заслуги перед революцией? «Из уважения к литературе». Когда месяца два тому назад из отеля выселяли беспартийных и даже кой-кого из коммунистов, г. Ремизов уцелел – «из уважения к литературе»?! Он пользовался всем, а рядом пролетарские писатели – пролеткультовцы и голодали и холодали и болели на этой почве безостановочно... «В порядке вещей»? Но теперь такому «порядку вещей» не должно быть больше места. В «Последних новостях», белогвардейской газете, читаем (№ 396): «Молодые поэты, беллетристы и художники, посещающие лекции в Доме искусств, Доме литераторов и Институте искусств, все противники коммунистов». Так! А мы цацкаемся с ними. А мы предоставляем им разнообразные льготы и преимущества, даем пайки, помогаем кооперативным их начинаниям» [126: 4].

²³ Стремление Федина воссоздать по возможности объективную картину литературной жизни 1920-х гг. первоначально встретило серьезные препятствия со стороны цензуры, а затем, после выхода книги в свет, резкие отклики критики [273: 134, 138]. В частности, в статье Ю. Лукина «Ложная мораль и искаженная перспектива» Федин был подвергнут остракизму за упоминания о Ремизове. Ср.: «Даже описывая позорное бегство Ремизова за границу, Федин проливает слезы умиления по поводу того, что этот предатель родины и враг революции якобы, видите ли, носил на груди в ладанке горсть русской земли. Прокривлявшийся всю свою жизнь Ремизов и здесь не изменил себе, а советского писателя Федина это вдруг привело в состояние чувствительной растроганности. Напомним все же, о ком идет речь. О том самом скрывавшемся под маской шута матером реакционере Ремизове, путаные, фиглярствующие размышления которого так передает сам Федин, вежливо называя их «ироническими»: «Движение, желющее все объяснить, странно и мучительно, в нем есть болезненная натянутость. – (Это о нас, о нашем времени?) – Вместо того, чтобы так нетерпеливо торопиться в неизвестное будущее, не лучше ли задержаться в прошлом, сделать шаг назад? Это желание обернуться назад может быть выражено связью с чем-нибудь первобытным, ну, хотя бы с обезьяной... Мы произошли от обезьяны, и – о, ужас! – сколько мы утратили, пока сделались тем, что мы есть!» Вот «шедевр мысли», достойный «истинного эпика». В дни, когда молодая советская республика отстаивала свое существование в боях гражданской войны, Ремизов создает нелепое шутовское общество литераторов: «Обезьянью великую и вольную палату» [231: 4].

риодику. Именно К. Федин поддерживал дружеские контакты с многочисленными членами Обезьяньей Палаты. В одном из писем 1922 года он сообщил писателю новости из жизни общих знакомых и друзей:

«Летом был у книгочия²⁴ нашей палаты, рассматривал доспехи и реликвии Асыки. Недавно ходил к М. М. Шкапской, видел обезьяний музей. Все в целости, зверье думает и улыбается по-прежнему <...>. Завтра посылаю Вам „Николины притчи“» (Амхерст).

Поэтическим выражением причастности к жизнетворчеству Обезьяньей Палаты является и стихотворение самой М. Шкапской (которой писатель перед отъездом из России передал на хранение свою коллекцию игрушек, украшавших домашний интерьер Обезвельволпала) под названием «Нечто в виде обезьяньей присяги»:

Людские правды и обманы
Я отвергаю как порок
И быть приличной обезьяной
Даю нерушимый зарок.
Отринув всякое искусство,
Я плоть свою смирю постом,
И будет искреннее чувство
Водить моим тупым хвостом [389: 7].

СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ

Для Познера, покинувшего Россию в начале лета 1921-го и разделившего со своими друзьями лишь самый начальный этап постепенного оформления идеи их «братского союза» в реальное литературное общество, Ремизов был полноправным членом группы «Серапионовы братья» и, конечно, ее наставником [266: 171–184]. В одном из писем Ремизов, вероятно, попросил Познера дать краткое описание истории создания группы и характеристику каждому «серапиону». Этот материал отчасти лег в основу рассказа «Крюк» и одновременно почти без изменений был использован в заметке, принадлежавшей перу Ремизова и опубликованной в берлинской «Новой русской книге».

Письмо В. Познера Ремизову от
12 ноября 1921 года:

Вот, Алексей Михайлович, пишу Вам все, что знаю, о Серапионовых братьях.

Они были основаны в начале этого года. Первые основатели – Лева Лунц, Коля Никитин, Миша Слонимский и я. Первое заседание состоя-

Заметка А. М. Ремизова:

«Братья Серапионовы», литературный кружок, возник в Петербурге в начале 1921 года. В него входят Илья Алдрович Груздев («Брат-настоятель»), Мих. Л. Слонимский («Брат-виночерпий»), Никол. Никол. Никитин («Брат-канонарх»), Лев Натан. Лунц («Брат-скоморох»), Викт. Бо-

²⁴ Я. Гребенщикова. Здесь и далее сохраняется авторское написание слова.

лось 1 февраля, а потом каждую субботу братья: Груздев – брат-настоятель, Никитин – брат-канонарх, Лунц – брат-скоморох, Шкловский – брат-скандалист, я – молодой брат.

Без прозвища – Вы, Ахматова, Анненков, Замятин, Зощенко, Одоевцева, Коля Чуковский.

Остальные – гостишки (Амхерст).

рис. Шкловский («Брат-скандалист»), Влад. Солом. Познер («Молодой брат») и без прозвища: – А. М. Ремизов, Анна А. Ахматова, Анисимов²⁵, Евг. Замятин, М. М. Зощенко, Одоевцева, Всев. Иванов, Конст. Федин, Як. Гребенщиков и Ник. К. Чуковский. Остальные – гостишки [343: 38].

Много лет спустя писатель говорил, что именно он «окрестил» группу, «вспоминая Э. Т. А. Гофмана, которого он так любил» [294: 84–85]. Почти все члены «Серапионова братства» были обладателями обезьяньих грамот и титулов. Не случайно (быть может, благодаря схожим тенденциям к игровому восприятию действительности, креативности и аутомифологии) Ремизов считал новую литературную группу своего рода автономией Обезьяньего царства:

На обезьяньем языке говорят из людей только избранные и посвященные и потому он распространен мало. Но, тем не менее, есть уже целые страны и народности, введшие у себя обезьяньий язык, как например Иммажинезия, Серапиония и др. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 40).

Ремизовская игра была построена на идее дружеского союза творческих индивидуальностей, утверждавшей независимость и самоценность каждого художественного таланта. Буквально с момента своего рождения «серапионы» также поспешили заявить о независимости каждого «собрата», подчеркивая, что их объединение не продиктовано общими творческими целями. Выше стремления образовать новое литературное направление либо течение они ставили «романтическую идею о дружбе», емко выраженную словом «братство». Узаконенная Ремизовым в Обезьяньем обществе «свободно выраженная анархия», ограниченная лишь осознанными правилами поведения, намеренно противопоставлялась всякого рода постановлениям и запретам послереволюционной эпохи. Такие же умонастроения просматривались и у «серапионов»:

В феврале 1921 года, в период величайших регламентаций, регистраций и казарменного упорядочения, когда всем был дан один железный и скучный устав, – мы решили собираться без уставов и председателей, без выборов и голосований [234: 30].

Решили собираться вольно, без устава, и новых членов принимать, руководствуясь только интуицией [327: 25].

Закваска у меня – анархистская и за нее меня когда-нибудь повесят. Пока не повесили – пишу стихи. Искал людей по себе – нашел: Серапионы. Народ по моей душе, чтобы одно на пике, другое без головы – иначе и жить не стоит [345: 29].

²⁵ Упомянутый в заметке Анисимов – явная опечатка. Должно быть: Ю. П. Анненков.

Подобно «строгим правилам», принятым между членами Обезьяньего общества, свои законы были и у «серапионов»: «все они – одинаково, но каждый по-своему – любят литературу и хотят работать в ней» [327: 5]. Если в Конституции Обезвельволпала было закреплено его «темное происхождение», то члены «братства» с юношеской категоричностью настаивали на собственной оригинальности: «литературные традиции – неизвестны» [326: 25], упреждая любые попытки вписать их общество в цепочку историко-литературной преемственности. Декларируя собственную самостоятельность (творческое своеволие, как сказал бы Ремизов), «серапионы» «пуще всего боялись потерять независимость, чтобы не оказалось вдруг „Общество Серапионовых братьев“ при Наркомпросе или при чем-нибудь другом» [326: 25].

Совсем в духе Ремизова звучали и высказывания молодых писателей в связи с попытками официальной критики подчинить их творчество идеологическому диктату:

Требуется нынче от писателя идеология?

Вот Воронский (хороший человек) пишет:

...Писателям нужно точнее «идеологически определяться».

Этакая, право, мне неприятность!

Какая, скажите, может быть у меня «точная идеология», если ни одна партия в целом меня не привлекает?

С точки зрения людей партийных я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эс-эр, не монархист, я просто русский. И к тому же – политически безнравственный. <...>

Нету у меня ни к кому ненависти – вот моя «точная идеология» [178: 28].

Вместе с тем молодые «серапионы» не придавали значения возможному родству своего «братства» с Обезьяньей Палатой, едва ли большинство из них осознавало и роль инициатора Обезвельволпала в своей творческой судьбе. Для Ремизова же «серапионы» стали тем новым поколением писателей, за которым увиделось будущее русской литературы. В одном из своих первых заграничных газетных интервью он говорил: «Есть и сейчас в России подлинные таланты. К числу их принадлежит украинец Зоценко, сын известного художника, проникнутый духом Гоголя. Талантлив и петербуржец Никитин» [239: 2].

С легкой руки Федина тайное Обезьянье общество продолжало существовать как бытовая традиция и после отъезда Ремизова. Спустя три года Федин собрал старых друзей (включая «серапионов») «под сенью» Обезвельволпала, напомнив каждому его «обезьяний» титул. В частности, в письме к Е. Замятину от 3 октября 1924 года он писал:

Милый Евгений Иванович.

По случаю радостных чувств, кои испытываю, окончив труд тяжкий и жестокий, созываю я на понедельник 6-го с/м в 9 часов вечера собор князей, кавалеров и почитателей обезьяньей палаты для молитвы, бдения и благословенной трапезы. Твое присутствие как преосвященства обезьяньего необходимо и обязательно, ибо только под твоим искушенным управлением нестройный сонм «Серапионовых братьев» сможет достойно исполнить херувимское служение [141: 22–23].

13 октября 1924 года в послании к П. Е. Щеголеву Федин извещал:

Старейшему князю
Обезьяньей Великой и Вольной Палаты
Павлу Елисеевичу Щеголеву

от кавалера Обезьяньего знака
Конст<антина> Федина.

Смиреннейшее прошение.

Всенижайше доводя до сведения Вашего сиятельного святейшества о созыве в понедельник в 9 часов вечера в моих недостойных келиях собора князей и кавалеров Обезвелволпала в присутствии сонма Серапионовых братьев, всеподданнейше прошу Ваше сиятельное святейшество прибыть по вышеуказанному адресу и к часу для благословения соборной трапезы и совершения обезьяньей молитвы в сослужении епископа обезьянского Замутия. Из непосвященных приглашены: граф Ждановский, урожденный Черная пятница, и друкяр Ефимий Белицкий.

Вашего сиятельства раб и покорный слуга

Конст<антин> Федин.

1) Прошу пожаловать непременно; 2) Крепость не ниже 45°; 3) Меню от Федорова; 4) Причины уважительные – а) окончание романа, б) отъезд в дальние страны (И М Л И. Ф. 28. Оп. 3. № 463. Л. 1).

Разумеется, подобное существование Обезвелволпала было лишь эрзацем, искусственно сохранявшим игровое общение. И как ни удивительна жизнестойкость формы, все же перед нами очевидный пример семантического истощения традиции. 1924 год – время, когда идея собственного братства «серапионов», поначалу тождественная в своих интенциях ремизовской игре, постепенно утрачивала актуальность. Импульс мифологического восприятия действительности иссяк; сама мифология переместилась в плоскость литературной шутки, да и это, как пишет Федин, было только плохо прижившимся в их среде стилем общения:

Шуточные черты в жизни литературного кружка «Серапионовы братья» не были значительны. Смеялись много, но <...> веселья не получалось. Не укоренились в кружке и прозвища. Изредка приходило на память, что Всеволода Иванова зовут «братом алеутом», а Николая Никитина – «братом ритором» [361: 103].

Упоение игрой в «братство» сменилось традиционными дружескими встречами в дни юбилеев. Жизнетворческий потенциал общества «Серапионовы братья» как литературной игры оказался невостребованным. Игровое общение сменилось формированием литературного направления, то есть осуществился процесс, при котором, по словам Ю. Тынянова, «творческая свобода» оказывается лозунгом оптимистическим, но не соответствует действительности и уступает место «творческой необходимости» [353: 278].

Благодаря Ремизову некоторые произведения молодых писателей «братства» были напечатаны в берлинских газетах. Публикуя стихотворение Н. Тихонова «Махно» [347: 6], писатель прибегает к новому «конструктивному принципу»: он использует в качестве эпиграфа цитаты из писем своих корреспондентов:

...выклеивается тут такой – Николай Тихонов –
молодец: многим из Серапионов нос утрет.

*Из пыльного послания Замятия²⁶,
епископа обезьянского*

Николай Тихонов – брат половчанин – памятен ему
скрип возов в поле и пение лебедей на полете.

Припись обезьянского канцеляриста.

Здесь примечательны, во-первых, пояснение источника: «пыльное послание Замятия»; во-вторых – суггестивный характер подписей, намеренно данных в мифологическом ключе, – указание на сопричастность «серапионов» ремизовской Обезьянней Палате. Имя Замятина, по-видимому автора «послания», раскрыто через его титул епископа Обезьяньего общества. Соответственно, и авторекомендация Ремизова здесь подчеркнута остранена через его мифологическую ипостась в Обезьяньем Ордене. Уже в 1923 году тенденция к использованию таких внелитературных и внесюжетных элементов, как личная корреспонденция, для создания художественного произведения блестяще осуществилась в книге «Кукха. Розановы письма», полнотью построенной на реальных письмах В. В. Розанова²⁷.

Характерно, что Ремизов публиковал свои заметки анонимно. Это напоминает осознанный прием, которым писатель обычно пользовался в работе с фольклорным материалом. Однако, как правило, Ремизов сопровождал публикуемые им фольклорные тексты комментариями и подзаголовками типа: «народная сказка, сказанная А. Ремизовым» [112: 191–210]. По логике «художественного быта» письма «серапионов», явно печатавшиеся без их ведома, также должны были иметь аналогичные пояснения. Став «литературным фактом», бытовое письмо приобретало свойства фольклора и, стало быть, уже не могло претендовать на конкретное авторство²⁸. Посвященные «братьям» заметки Ремизова в берлинских «Голосе России» и «Новой русской книге» отразили стремление писателя облечь их биографические данные в форму литературного апокрифа. Мифологизируя образ «серапионов» в своих очерках, Ремизов наглядно демонстрировал принцип обратимости «художественного быта» и «литературного факта».

Так произошло «удвоение» «Серапионовых братьев» как «литературного факта» – один раз в виде гофмановского произведения, другой – в виде литературной новации, интонационно довольно близкой к фарсу. Сопоставление этих ремизовских публикаций позволяет утверждать, что они складываются в единый текст, созданный на основе «внесюжетных элементов», героями которого являются реальные молодые литераторы. Наличие авторской маски и камуфляж источников предполагает осознанную режиссуру игровой ситуации – своего рода авантюрного сюжета, требующего адекватного прочтения.

Завершенной формой ремизовского мифа о «Серапионовых братьях» является текст, который увидел свет в газете «Голос России»:

²⁶ Соотношение имен Б. Пильняка и Е. Замятина в эпиграфе, вероятно, объясняется тем, что Пильняк привез Ремизову в Берлин в феврале 1922 г. письмо от Замятина, содержащее подобные строки. Так же интерпретирует ремизовскую ремарку С. И. Субботин, раскрывший авторство этой заметки и, на наш взгляд, справедливо предположивший, что источником эпиграфа было реальное письмо, местонахождение которого до сих пор неизвестно [341: 209, 211].

²⁷ Аналогичный метод «олитературивания» исторического документа и бытового письма Ремизов отчасти применил в книге «Россия в письменах» [63].

²⁸ Подробнее см. книгу Ю. Тынянова [353: 265].

Серапионовы братья

Это вовсе не зря, что во главе единственного сейчас в России укрепляющегося круга молодых писателей «Серапионовых братьев» стоит не расхлябанная тля и не взлохмаченная пугала, а инженер-корабельщик Евгений Иванович Замятин, ключарь русского слова, по-английски говорящий, как на своем.

А книговедом братьев – брат-обезьян – бородатый друг Замятина – Як. Пет. Гребенщиков, любящий книгу пуще всего на свете и скажем, не ошибемся, готовый и самую лютую смерть принять за книгу – верный и неизменный страж книжной России.

А критиком братьев – брат броневик Виктор Шкловский, прущий напролом и напоперек.

Русское дело сейчас – дело, а не фуфыр и безобразия.

Исконная наша шапка-закидайка – дело прошлое и пропащее.

Деловая Россия – инженер-корабельщик, говорящий по-английски, вот кому по праву верховодить, когда кладутся камни строить новый великий дом – Россию.

Верховод и голова «Серапионовых братьев» – Замятин.

Дух же и вдохновитель – Гофман.

«Серапионовы братья» 1 февраля этого года праздновали годовщину своего братства:

М. М. Зощенко, брат-мечник; Вс. Иванов, брат-алеут; Н. Н. Никитин, брат-канонарх; К. А. Федин, брат-привратник; И. А. Груздев, брат-настойатель; М. Л. Слонимский, брат-виночерпий; Л. Н. Лунц, брат-скоморох; Влад. Познер, брат-младший (в Сорбонне науку проходит) и самый младший брат Николай Тихонов, брат-половчанин –

не пастух собирает стадо
не пастух собирает стадо,
то скликает раду-громаду
сам батько Махно клыкастый
зачервонили по ветру сабли,
по Днепру зажупанили вестя,

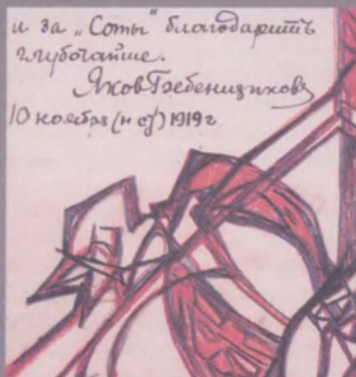
а теперь Никитина рассказ.

Друг Серапионов [29: 7]²⁹.

В отличие от других публикаций, статья «Серапионовы братья» подписана «говорящим» псевдонимом – «Друг Серапионов». Данную сигнатуру в соответствии с теорией Тынянова можно охарактеризовать как обнаружение «конструктивного принципа», при помощи которого писателем создавался миф о «серапионах». Очевидно, что под маской «Друга» мог скрываться только Ремизов – свидетель их первых литературных шагов, внимательно наблюдавший за творчеством группы, состоявший со многими из ее участников в личной переписке и, быть может, именно поэтому в конце жизни без сомнений утверждавший, что именно он был «крестным отцом» «Серапионовых братьев».

²⁹ Статья предваряла публикацию рассказа Н. Никитина «Мокей». На взаимосвязь этого текста и ремизовской публикации стихотворения Н. Тихонова «Махно» обратил внимание С. И. Субботин, отметивший, что в очерке «Серапионовы братья» приводится неточная цитата из этого стихотворения [341: 209, 214–215].

АРХИВЫ ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА

Незадолго до отъезда из России Ремизов передал в дар две грамоты, в свете последующей истории Обезьяньей Палаты получившие особое значение. 19 июля 1921 года на авантитуле «Атласа азиатской России» он удостоверил возведение В. Шишкова в обезьяньи князя. На верхнем поле документа писатель оставил помету: «Последняя обезьянья грамота», а в конце грамоты впервые идентифицировал себя как «б<ывший> канцелярист и с сего дня б<ывший> политком» (Луценко). Другая, не менее примечательная грамота принадлежала А. Ахматовой; ее необычность кроется в авторской датировке: «5 августа 1921» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 21)¹. В означенный день Ремизов с женой навсегда оставили Петроград, что подтверждается многочисленными свидетельствами, в том числе и письмом Ремизова к С. Постникову, в котором писатель уже из Берлина описывал начало своей эмигрантской одиссеи:

Выехали мы из Петербурга 5 VIII 1921 по беженскому билету *под своей фамилией* с эшелоном 38–39. 8 VIII в Ямбурге отдали в Особый Отд<ел> Пропусков свои трудовые книжки, в Нарву нас пропустили, как русских, каковыми мы и остаемся (ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. № 71. Л. 2).

Писатель покидал город тайно, о его отъезде знали лишь несколько человек², на попечении которых оставались реликвии Обезвельволпала, библиотека и его личные вещи. Такими доверенными лицами были преданный друг Я. П. Гребенщиков (на прощание он принес писателю щепоть земли из Таврического сада) и семья С. Я. и А. В. Осиповых, приложившая немало усилий для переезда Ремизовых сначала в Ревель, а затем и в Берлин.

¹ На обороте грамоты имеется надпись рукой А. Ахматовой: «На вечное хранение Николаю Ивановичу Харджиеву. 8 июня 1932». Дневниковая запись Ахматовой, касающаяся обстоятельств ареста О. Мандельштама в 1934 г., свидетельствует, что вместе с грамотой она получила и обезьяний знак: «13 мая 1934 года его <Мандельштама> арестовали. В этот же самый день я после града телеграмм и телефонных звонков приехала к Мандельштамам из Ленинграда. <...> Мы все были тогда такими бедными, что для того, чтобы купить билет обратно, я взяла с собой орденский знак Обезьяньей Палаты, последний, данный Ремизовым в России (мне принесли его уже после бегства Ремизова – 1921), и статуэтку работы Данько (мой портрет, 1924 г.), для продажи. (Их купила С. Толстая для музея Союза писателей)» [101: 33].

² Ремизов имел веские основания сохранять свой отъезд в тайне. В. Шишков в своем письме от 29 декабря 1921 г. сообщил писателю: «Ваше первое письмо от 28/VIII <1921> из Эстонии я получил <...> лишь в ноябре месяце. Сведения о том, что Вы вместо Смоленск<ой> губ<ернии> уехали за границу, а также некоторые Ваши просьбы я узнавал из Ваших писем к общим нашим знакомым. <...> А меня, грешным делом, в связи с Вашим отъездом допрашивали. Допрос был строгий, но вполне корректный. Был там трижды, простудился и целый месяц пролежал в постели» (Амхерст).

Мысль об исторической значимости Обезьяньей Палаты как в личной судьбе, так и в общей судьбе целой плеяды современников неявно оформилась в сознании Ремизова еще в Петрограде. Желание запечатлеть память об Обезвельволпале осуществилось на стенах его последней квартиры, которые он украсил монументальными полотнами, представлявшими нечто вроде обезьяньего «иконостаса». Так появился знаменитый «Асычий нерукотворенный образ» (написанный, как утверждал Ремизов, «в человеческий рост»), напротив которого помещался «Угол обезьяньих вельмож» – своеобразный «пантеон» членов Палаты, объединенных под изображением большой птицы с серебряными крыльями и надписью на глаголице: «Обезьянья Великая и Вольная Палата». На рисунке в отдельных рамках изображались Э. Гржебин, И. Рязановский, И. Тотеш, Н. Григорьева, В. Максимова, А. Рябинин, А. Радлова, Ф. Щеколдин, Я. Гребенщикова и Н. Шапошников.

По воле канцеляриуса Обезьяньей Палаты Якову Петровичу Гребенщикову выпало быть хранителем «обезьяньего ларца с дурацким колпаком и бубенчиками и обезьяньим хвостом», как впоследствии писатель зафиксировал в своем первом берлинском списке Совета Обезвельволпала³. Вероятно, это были некие символические атрибуты игры – памятные вещи вроде «трехпалой лягушки»⁴. Кроме того, под присмотром у верного товарища оставалась часть семейного архива Ремизовых. О том, насколько надежным хранителем был Гребенщикова, свидетельствует С. Осипов, который в одном из писем к Ремизову 1922 года сообщал о результатах своей поездки в Петроград:

Помня просьбу Серафимы Павловны, был в Петербурге у Якова Петровича Гребенщикова, книгочия Василеостровского. Но он мне ни альбомов с фотографиями, ни самих фотографий не дал. Говорит, что они находятся на хранении, в особом тайнике, но что хозяина тайника сейчас нет в Петрограде и что потому получить ничего нельзя (Амхерст).

Первое время после своего отъезда из России Ремизов особенно часто сообщался с Гребенщиковым в письмах, будучи абсолютно уверенным в том, что неизменно найдет искреннее сострадание и участие. В своем отклике на смерть Блока («К звездам»), написанном в Берлине, Ремизов мысленно вверяет заботу о могиле поэта на Смоленском кладбище своему другу:

³ ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 7об.

⁴ Эта игрушка упомянута среди реликвий Палаты в черновых набросках к историографии Обезьяньего общества (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 39).

Я. П. Гребенщиков и его сестры, они на острове, соседи наши, от них до Смоленского два шага, они-то уж как будут могилу вашу беречь, знают там каждый холмик, придут и на Радоницу – красное яичко принесут, похристосуются, и на зеленый Семик, и на Дмитровскую субботу. Гребенщиков – книгочий, всякую вашу книгу имеет и на иностранном, он один такой в Петербурге, он и могилу не оставит, «князь обезьяний» [62: 95]⁵.

Ремизов видел в Я. Гребенщикове воплощение истинно подвижнического служения книге. Они сблизились в 1918 году, когда практически все литераторы и работники гуманитарной сферы были вынуждены «нести культуру в массы», читать лекции на заводах и в армии. Но даже в эти памятные испытаниями годы Гребенщикова отличало от многих необыкновенное желание поделиться своими знаниями в самых разных аудиториях:

В темь и «глад и мор» военного коммунизма, в годы 1918–1921, я не запомню жизнерадостнее человека во всем Петербурге: в какой только ячейке, на каком только собрании: и у балтморев, и у красноармейцев, и на всяких «трубошных» заводах во всех районных отделах и подотделах не выступал он, «бия себя в грудь», часами читая о своем любимом библиотечном деле и библиографии... [62: 265].

Скромный сотрудник Петербургской Публичной библиотеки, Я. Гребенщиков в Обезьяньей Палате имел титул князя и должность книгочия. Человек, соединяющий благородство природы и высокий профессионализм, он и в повседневности казался Ремизову мифологическим героем. Книга, как высочайшее достижение человеческой культуры, была его стихией и страстью, символом веры, которому он жертвенно посвятил всю свою жизнь.

Еще скажу о соседе нашем Я. П. Гребенщикове. Яков Петрович – книгочий василеостровский, книжный островной владыка, сатрап библиотечный – волосы дьяконовы, а брада колом, лекции читает, бия себя в грудь и таща за бороду, отчего кол не ровен, больше всего на этом свете любит книгу, а питается морожеными овощами. Но ему не надо и мороженого – дай ему книгу, с книгой все забудет, изжогу забудет, от которой много терпит.

⁵ Добросердечие Гребенщикова ощущается в сдержанных строчках его письма к Л. Д. Блок, которую он старался душевно поддержать после смерти А. Блока: «Р. С. В своих письмах и С. П. Ремизова и А<лексей> Мих<айлович> всегда кланяются Вам и матери Блока. Они сильно измучались заграницей» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 49. Л. 2; письмо от 4 февраля 1922 г.). Блок был духовным спутником самых важных событий его жизни: «В воскресенье 15го вечером на скамейке у могилы Блока Лида согласилась стать моей женой» (ИМЛИ. Ф. 47; письмо Я. П. Гребенщикова к Е. И. Замятину от 20 августа 1926 г.: сообщено М. Ю. Любимовой). Следя за судьбой Гребенщикова, Ремизов радовался счастливым переменам в его личной жизни и рядом с фотографией, запечатлевшей василеостровский «Угол обезьяньих вельмож», надписал: «Яков Петрович Гребенщиков /кн<язь> обезьяний / книгочий, женился в 1927» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 14). Ремизов ошибся в указании года женитьбы: Я. П. Гребенщиков зарегистрировал свой брак с Лидией Константиновной Чичаговой, как он радостно сообщал Е. И. Замятину, у «советского попака» 19 августа 1926 г. (ИМЛИ. Ф. 47).

Добивался Яков Петрович Лимонаря моего, спрашивал и в Петербурге, и в Москве – нигде нет. А у него, в книжной его казне все есть, Лимонаря только нет.

И вот – сам я не видел – свидетельствует Алконост-Алянский.

Из-под земли что ли, а достал таки Алконост Лимонарь. Зашел в лавку Яков Петрович, а он ему Лимонарь – и совсем не плясун, схватил Яков Петрович книжку, и прижимая к груди, завертелся как самый настоящий плясун веретенщик, и вертелся по лавке, отбрыкивая и притоптывая – Лимонарчик! Лимонарчик!

И так прятка была пляска и так неистово верчение, свидетели, бывшие в лавке, Л. И. Жевержеев и С. М. Алянский, сами поддались страсти: Левкий Иванович, схватив Шварцову «Краткую зоологию», а Алянский – Бухаринскую «Азбуку коммунизма», и прижимая к груди, оба завертелись, счастливые, вокруг книжного счастливца.

И был пляс тройкой с кличем, присвистом и чоком к великому изумлению книжников, от 12-ти диоптрий и выше, а попросту слепцов, гвоздящих через стекло витрины – книжные новинки и старину прекрасную, как новь [35: 40–41].

Еще раньше – в 1918 году – Ремизов впервые упомянул имя Гребенщикова в рассказе «Письмовник» («Придет И. А. Рязановский, А. М. Коноплянцев, Я. П. Гребенщиков, петербургские книгозичи, раскрою Письмовник»), чем вызвал искреннее смущение этого тишайшего и скромнейшего человека:

...когда Вы неожиданно для меня сказали о своем хотении описать моего деда Арсения и других моих – сделалось мне и любо и несказанно и опять же неловко. Не знаю я: по мне как-то нескладно как будто, когда в печатном виде фигурирует твоя порода. Непривычно. И до сих пор в смущеньи нахожусь я.

То, что Вы упомянули личность мою однажды и притом в качестве книгозича – в качестве для меня лестном и несравненном, – это одно влило в организм мой сознание большой полученной мною награды. За что только. А больше я: не смею (ИРЛИ. Ф. 256 Оп. 3. № 59. Л. 2об.; письмо от 4 мая 1918 г.).

Надо сказать, что Гребенщиков стал устойчивым персонажем ремизовских очерков и газетных реплик, которые то и дело появлялись в эмигрантской периодике:

И это вовсе не обязательно вместо носа иметь хронический насморк, носить под фалдами потрепанные знаки препинания и чтобы несло от тебя мышью и нафталином, если ты любишь старинную книгу, автограф и самодельнишний рисунок писателя. Не скажу о Костроме, но наши питерские и московские книжники могли позволить себе жениться и даже иметь детей. К примеру Василеостровский Я. П. Гребенщиков, уж какое пристрастие к книгам, и пользовался большим успехом и по преимуществу у городских учительниц [50].

Страстный коллекционер и библиограф, Я. П. Гребенщиков имел обширную библиотеку и щедро «окормлял» ею своих знакомых и друзей. Его домашние заметки, запечатлевшие миграцию книг, свидетельствуют, что постоянными

пользователями его сокровищницы были А. М. Ремизов и Серафима Павловна. Насколько принципиален был Гребенщиков, обращаясь с книгами, можно судить по его письму к Ремизову от 24 ноября 1919 года (ответ на преподнесенный подарок):

Алексей Михайлович!

Благодарный за книгу, – пишу свои неудовольствия. Первое: знаете, конечно, Вы, сколь приятно и дорого бывает получить книгу. Получить еще книгу. Прямо с дрожью и с волнением принимаешь книгу в руки. И так же хорошо Вы знаете, Вы-то не можете не понимать этого, что очень неприятно бывает брать книгу, которую подносят тебе за что-то. За «деловую услугу», в виде чуть ли не уплаты. Нехорошо это: досадливо, неуютно, пропадает наслаждение... Алексей Михайлович – покорнейше прошу Вас: не подносите никогда мне книжек за домотопные <так!> и водяные «хлопоты». А то я и так мало делаю и презираю себя за малоделанье, а тогда и вовсе не дотронуться будет рукой до ручки ведерной и не потянут ноги к Толоцкой Ек<атерине> Серг<еевне>.

Во-вторых же: Вы тоже хорошо знаете, как я люблю и автограф и цельные, ненарушенные, в девственном виде книжки. А Вы взяли да первый-то лист и выдрали (шмуц-титул). Обидели книгу, какую-то <?> вроде боль ей причинили. Без сомнения, там была какая-нибудь надпись. Ну, конечно: не хочется давать с подписью. А книжка-то при чем? А я?

Подставили Вы дату 7 XII / 25 XI. И не поймешь: сегодня или завтра книжку С. П. Гернета⁶ подарили Вы мне...

А уж как я Вас люблю и дорожу Вами, как самым дорогим на свете, – и не выговорить мне словами. Хочется иногда прямо Богу молиться, чтоб дал такой язык. А потому опять же, что неуемно хочется сказать Вам хоть один раз, но все на совесть.

Что-то Розов не несет альбома? Волнует это очень.

Яков Гребенщиков

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 59. Л. 7–7 об.).

Специально для Гребенщикова Ремизов расписал альбом, в котором оставили свои автографы Б. Пильняк, Е. Книпович, В. Шишков, С. Алянский, А. Фролов и др. Образ друга-книжника был для писателя гарантом сохранения библиофильских традиций; с ним была прочно связана память о Петербурге и надежды на будущее. Круг знакомых Якова Петровича определялся молодежью, тяготеющей к самостоятельному литературному творчеству. Это были начинающие пролетарские писатели (многие из них были слушателями библиотечных курсов, которые Гребенщиков вел в 1918–1920 гг.), а также уже заявившие о себе в печати молодые литераторы. Особенно прочно Ремизов связывал имя Гребенщикова с группой «Серапионов». В уже известной нам анонимной заметке об этом объединении (см. с. 215) он называл Гребенщикова «брат-обезьян – бородатый друг Замятина», «книговед братьев» и особо подчеркивал, что его друг – «верный и неизменный страж книжной России», «готовый и самую лютую смерть принять за книгу».

⁶ Вероятно, речь идет о книге малых драматических произведений С. П. Гернета «Миниатюры Скальда. Сборник пьес» (Пг.: Тип. Сириус, 1915).

В 1920 году Гребенщиков предполагал создать сборник изречений о книге. С просьбой оставить запись в специальном альбоме, посвященном книге, он обратился в письме к Ф. Сологубу, причем в весьма эмоциональной форме:

Не удивляйтесь просьбе моей и не отбросьте ее. <...> Я очень люблю книгу, книги: больше всего на свете. Люблю книгу, единственную, всю целиком: за внешность, за внутреннее. У книги мой знания, при ней моя профессия. Пусть больна моя любовь – ну, что мне делать.

Давно собирался я и собрался: завести альбом. Но беру смелость: каждого человека, чья запись в альбом мой для меня дорога и значительна, прошу: если строчку занесете в альбом, одно слово из строчки этой посвятите книге. Помяните книгу. Похвалите книгу. Право, книга похвал достойна. Особенно в наши дни, измученная... Мне так хочется собрать букет из похвал прекрасной книге, произнесенных моими большими современниками.

Лист из альбома А. Д. Радловой. Текст и рисунок А. Ремизова; приписка и подпись Я. П. Гребенщикова. 1919 (ИРЛИ)

Федор Кузьмич, не откажите в большой для меня чести: дайте запись свою в альбом мой. Не сочтите лишь за простую прихоть мою затею (ИРЛИ. Ф. 289 Оп. 3. № 202; письмо от 21 марта 1920 года).

Об этой просветительской идее своего друга Ремизов вспомнит в 1922 году в одной из своих заметок в «Голосе России», думая об ответственности эмигрантских издательств перед Россией:

Як. Петр. Гребенщиков, брат обезьян выпускает альбом «Книга и слово» – изречения современников о слове и книге: что такое слово, какая в нем тайна и какая сила; и что такое книга – как ее беречь надо и какая такая наука издательская, – какую ответственность несут перед Россией издатели и какая кара на тех, кто убежден почему-то (пример из русских заграничных издательств), что издать книгу – дело столь же нехитрое, как пройти до ветру [26: 7].

Несомненно, что частично ремизовские книги, вышедшие в первые годы эмиграции, поступили в Публичную библиотеку через Гребенщикова⁷. Это стало еще одним свидетельством духовной близости двух людей, бесконечно посвященных книжному делу. В своем предсмертном (недатированном) письме Гребенщиков написал: «Я был предан Вам, книжки, к стыду своему, больше, чем людям. Вы не обманывали меня. Вы доставили мне жизнь счастливую, полную счастья» (РНБ. Ф. 1041. № 174)⁸.

Ремизовская фраза «готовый и самую лютую смерть принять за книгу», адресованная Гребенщикову, оказалась пророческой. В 1920-х годах он был сослан в Ташкент, а в 1933 году арестован по делу о так называемом «идейно-организационном центре народничества» (главным обвиняемым, по иронии судьбы, вновь, как и в 1919-м, был Р. В. Иванов-Разумник) в составе «ячейки народнической интеллигенции», куда кроме него «гэпушники» включили литераторов и библиотечных работников – В. М. Котлярова, А. Д. Скалдина, Б. П. Брюллова, Н. П. Каткова и В. А. Розова [187: 159–243]. Сам Гребенщиков на допросах «показал»:

Ко мне на квартиру в течение последнего времени заходил Алексей Иванович БАЙДИН, библиотекарь с/х Академии, эс-эр и народник, несколько лет тому назад приехавший в Ленинград из ссылки за контр-революционную деятельность.

НАРОДНИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ БАЙДИНА МНЕ ХОРОШО ИЗВЕСТНЫ.

⁷ См. однотипные инскрипты на книгах Ремизова «Лалазар. Кавказский сказ» (Берлин: Скифы, 1922); «Мара» (Берлин: Эпоха, 1922); «Сказки обезьяньего царя Асыки» (Берлин: Русское творчество, [1922]); «В публичную библиотеку. Алексей Ремизов. Charlottenburg» и датированные: «14. 9. <19>22». См. также письмо Ремизова в Государственную Публичную библиотеку от 15 июня 1922 г. с просьбой принять 11 своих книг, вышедших за границей (РНБ. Ф. 634. № 25).

⁸ Ср. также с его письмом к директору библиотеки Э. Л. Радлову от 14 января 1924 г.: «Я Библиотекой живу. Не знаю, что будет дальше, буду ли я в ней существовать до конца дней моих или вдруг выскочу неожиданно для всех (и для себя вместе) в один из дней... – в настоящее время около библиотеки и в библиотеке вся моя любовь, вся страсть моя, мои знания, профессия. Интересы библиотеки кривно близки» (ИРЛИ. Ф. 252 Оп. 2. № 410).

С идеологом народнического движения ИВАНОВЫМ Разумником я также связан. ВСТРЕЧАЛСЯ С НИМ В ДЕТСКОМ СЕЛЕ И В ИНЫХ МЕСТАХ. СТРОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ИВАНОВА Разумника МНЕ ИЗВЕСТЕН.

С теоретиком и крупным деятелем партии социалистов-революционеров Н. В. БРЮЛЛОВОЙ-ШАСКОЛЬСКОЙ я ПОЗНАКОМИЛСЯ В ТАШКЕНТЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКЕ. По прибытии БРЮЛЛОВОЙ-ШАСКОЛЬСКОЙ из полит<ической> ссылки в Ленинград я посетил ее квартиру.

Я знаком с А. А. ГИЗЕТТИ – эсером, ныне находящимся в полит<ической> ссылке в Коканде (Архив Ф С Б СПб. Обвинительное заключение по след<ственному> делу № 169–33 г. Ленинградской Областной эсеровско-народнической контр-революционной организации. Л. 158)⁹.

Никаких самооговоров в контрреволюционной деятельности выдавший виды «сиделец» не сделал, зато другие, вероятно, менее опытные его «подельники» под давлением обстоятельств прямо признавались в несуществующих политических «грехах»:

Группа вела по указанию центра пропаганду народнических идей преимущественно среди представителей высшей интеллигенции – крупных литераторов, искусствоведов, научных работников и т. д.

Те же самые идеи пропагандировались членами группы при помощи специфики их профессий. Члены группы – КАТКОВ и РОЗОВ НАСЫЩАЛИ НАРОДНИЧЕСКИМИ ИДЕЯМИ СВОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, другие – ГРЕБЕНЩИКОВ и КОТЛЯРОВ – по профессии крупные ленинградские библиотекари ИСПОЛЬЗОВАЛИ В ЭТОМ ПЛАНЕ ВОЗМОЖНОСТЬ СПЕЦИФИЧЕСКОГО ПОДБОРА КНИГ В ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ ИМ БИБЛИОТЕКАХ (Л. 160; показания А. Д. Скалдина).

После завершения следствия Я. Гребенщиков был сослан в Алма-Ату, где спустя почти два года (в марте 1935 г.) скончался [342: 157–167]¹⁰. Ремизов простился с другом некрологом, где были и такие вещи слова:

Яков Петрович, в наш век, когда человечество превращается в Бестиарий, и не человеческий голос, а бестий визг, окрик и клич гасит слова, а ваши любимые книги обречены на пожар, – за вашу любовь к книге, которую люблю, за вашу любовь к старинной песне, которую люблю, – и что есть прекраснее догматиков, песней, сложенных в честь Богородицы? – на пасхальной службе я подумал, это не сожжется, не может сгореть, и когда провалится мир, испепелится земля, только человеческое слово, как эти песни, вылетевшие из человеческого сердца, не сгорят, а зажгутся созвездием, и в этом созвездии будет гореть и ваш козий, но тогда чистейший голос: «Ангел вопияше» [51].

⁹ При публикации сохранена орфография и пунктуация оригинала. Сообщено В. Г. Белоусом.

¹⁰ В некрологе [51] неверно указано место кончины Гребенщикова (Новосибирск), что, конечно же, объясняется недостоверностью информации, переданной в 1935 г. из России в Париж.

Многие друзья Ремизова знали о его ностальгических переживаниях и намерениях когда-нибудь вернуться в Петроград, не раз звучавших и в печатных выступлениях, и в письмах, что приходили из зарубежья. В характерной исповедальной манере он писал В. Н. Тукалевскому 16 февраля 1922 года:

Нет, все-таки я никогда бы не уехал из России, -- если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся -- света не видел. Или погибать, или временно уехать --

Понемногу оправляюсь

а как укреплюсь, назад
в Россию.

Хочется мне не с пустыми руками домой вернуться и поучиться -- есть чему поучиться

и написать -- четыре года

смотрел жил стотысячной

жизнью и конечно, оторвавшись, легче видеть

яснее вижу

мало тут я видел чего,

жалко -- такое чувство

это я про русских

а что успел увидеть

а так мы отдельно -- душой к России

за эмигранта не считаю себя

(ГАРФ. Ф. 577. Оп. 1. № 697. Л. 14)¹¹.

Так или иначе, но писатель, навсегда покидая родину, вряд ли мог предположить, что Палата отправится в путь вместе с ним. Однако не прошло и месяца со дня пересечения Ремизовыми границы, как жизнестойкость игры подтвердилась в первом из известных эмигрантских «обезьяньих» документов. Уже 17 сентября 1921 года в Ревеле в *кавалеры обезьяньего знака* был посвящен *лавровой* грамотой Л. Львов.

Волею общей судьбы изгнанников и беженцев в эмиграции сошлись пути многих *кавалеров Обезвелволпала*, возникли новые деловые и творческие связи и знакомства. Идея Палаты приобрела здесь особый смысл: призрачный матрикс объединил разбросанных по Европе философов, литераторов, художников, врачей, издателей и многих других выходцев из России. Палата хранила прошлое этих пилигримов как драгоценность и объединяла их в настоящем, не только создавая иллюзию общности, но и вполне реально осуществляя принципы взаимопомощи, товарищеской поддержки и творческой заинтересованности друг в друге. Спустя многие годы, когда Обезьянья Палата состоялась как литературный и художественный памятник эмиграции --

¹¹ Ср. также с письмами Ремизова к В. Н. Унковскому: «Мы уехали легально по *беженс<кому>билету*, как однажды жившие в Эстонии. Но мы остаемся русскими подданными» (ВАР. 5; письмо от 7 апреля 1922 г.); «Со дня нашего приезда за границу одна мечта -- вернуться в Россию <...> там мы все нужны (ВАР. 5; письмо от 8 января 1923 г., Берлин).

трагической странице истории русской культуры, в письме к Я. Цвибаку (А. Седых), напечатанному весной 1952 года статью об Обезвельволпале, Ремизов подведет итоги своей многолетней игры:

Спасибо за память: вспомнили Обезволпал.

Открыта 45 лет тому назад в Москве. Сколько великих прошло через эту виноградную Палату, а я остаюсь несменяемым канцеляристом, теперь заштатный, так под грамотами и подписываюсь.

Обезьяньи грамоты вносили и в самую темь нашей жизни только веселость и никто никогда не оскалится схватить меня себе на зуб [316: 111].

В первые годы эмиграции Обезьянье общество стало едва ли не доминирующей творческой темой Ремизова. Буквально сразу же по прибытии в Берлин он непринужденно опубликовал письмо в редакцию журнала «Русская книга», где «обезьянья» тема возникала без лишних пояснений – как «код» к авторскому амплуа:

Редактору «Русской Книги»
Проф. А. С. Яценко
доктору медицинского права
и кавал. обез. знака I ст.
с заяшными шариками

Обезьяньей Великой и Вольной Палаты
Письмо

I. Благодарность.

От книжников благодарность за берлинскую «Русскую книгу» – память любовную к застенной России, измученной и темной, но в которой огоньки горят – и слово и дух творческий живы и любовь книжная.

Есть такие – еще земля держит – за книгу отдадут последний кусок хлеба, и новые приходят – прямо с земли – жадными глазами высматривают книгу.

Встретил я нынче по весне на Литейном Книгочия василеостровского и князя обезьяньего Я. П. Гребенщикова: идет, вижу, не жравши, а сияет точно меду наелся, остановились – ко всенощной звонят – вытащил он из портфеля столько вот книг и книжек и «Русскую книгу» и уж сказать ничего не может, только пальцами перебирает да чмокает.

Ученики мои красноармейцы не раз приходили ко мне в Обезьянью Великую и Вольную Палату – древлехранилище мое, книжки смотрели и игрушки трогали.

– Точно в раю! – за всех как-то сказал Смелков

II. О Гржебине.

Что сказать мне в защиту кума моего, зауряд-князя обезьяньего Зиновия Исаевича Гржебина?¹² В годы бедовые – 1918–1919 – когда русские ученые и писатели определены были в третью категорию и подыхали, падали, как в ту пору лошади, З. И. Гржебин спас нас от голодной смер-

¹² Реплика является ответом на обвинения З. И. Гржебина в нечестном использовании авторских прав с целью наживы, опубликованные на страницах журнала «Русская книга». Ср. с печатным объяснением Гржебина: «Что касается Ремизова, то надеюсь, что он, когда узнает о помещенной Вами заметке, сумеет лучше меня опровергнуть клевету» (Русская книга. 1921. Январь, № 1. С. 9–10).

ти. И в другие годы, когда З. И. околачивался по заграницам, Марья Константиновна Гржебина не оставляла нас и была первым откликом и в бозе и в печали и в празднике.

Алексей Ремизов
б<ывший> канцелярист, забегл<ый> политком
Обезвельволпала
[23: 22].

Берлин, 18 IX 1921 г.

Столь же естественно и органично на страницах «Бюллетеня» берлинского Дома искусств (1922) воспроизводились тексты Конституции и Манифеста Палаты, дополненные рисунком писателя, с подписью, понятной всему «русскому» Берлину.

Кавал. обез. зн. с заяшными шариками
доктор международного права
профессор А. С. Яценко
под-ручку
с «Русской Книгой» [24: 30–32, 37].

Законодательные документы Палаты воспринимались как полноправные художественные тексты писателя. Однако, несмотря на барьеры, разделяющие бытовое поведение и творчество, феномен литературной игры приобрел вполне реальные черты, когда по приезду в Берлин Ремизов приступил к созданию реестра Обезвельволпала. Так появилась на свет тетрадь, состоящая из нескольких листов, искусная обложка которой представляет собой

А. Ремизов.
Рисунок.
1922

коллаж из бумажных многоугольников в бордово-красных тонах (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13). На первом листе – цветной рисунок Асыки-Абраксаса, увенчанный римскими цифрами, обозначающими исторический период существования Палаты: *MCMXV – MCMXXI*. Вокруг рисунка – глаголические надписи: сверху – «Обезвелволпал»; справа – «Асыка / царь обезьяний / его / нерукотворенный / образ / написанный / на стене / В. О. 14 л. 31\33 к. 48 / *MCMXIX / Петербург*»; внизу под символическим царским «росчерком» – «собственноручная подпись Асыки»; внизу справа – «Берлин».

Второй лист озаглавлен двумя словами – «Обезвелволпал» и «*Affenrat*» (т. е. обезьяний совет) и содержит составленный рукой Ремизова список членов общества с приведением полных званий и титулов. Примечательно, что на этой странице Ремизов перечисляет только тех, кто стал кавалером Палаты еще в России, хотя позднее в Совет Обезвелволпала войдут и многие русские берлинцы и парижане. Непоследовательность порядковых номеров и вынесение в отдельную строку некоторых особых званий и мифологических имен (*забеглые князья, мощи обезьяны*) говорит о попытке структурного оформления Совета. Рядом с двумя фамилиями в этом списке проставлены кресты: Зонов скончался в 1923 году, а Щеколдин – в 1919-м.

Следующие два листа, заполненные именами членов Обезвелволпала, написаны Ремизовым на глаголице. Напротив многих фамилий имеются подлинные подписи. Как и список Совета, глаголический реестр после составления был частично пронумерован: цифрами снабжены 35 фамилий, но их дополняют еще 9 имен, не обозначенных порядковым числом¹³:

Соколов-Микитов И. С. кн. обз.*;

гр. Алексей Н. Толстой кн. обз.;

Лев Шестов;

Лундберг Е. Г.*;

Каплун С.Г.*;

1. Иллисон Л. И. † 1922*;

2. Белау Д. Л. † 1922;

3. <Львов Л. И.>;

4. Орг А. А. IV¹⁴;

5. Шрейбер Я. С.;

6. <...>;

7. Койранский

А. Арнол.;

8. Яценко А. С.*;

9. Жакмон П. П.;

10. Вишняк;

11. Шапиро И. М.;

12. Пистрак П. С. IV;

13. Дроздов А. М.;

Андрей Белый*;

Постников С. П.*;

¹³ Звездочками отмечены имена, напротив которых стоят подписи владельцев, угловыми скобками – читаемые и нечитаемые зачеркнутые имена, а также наши конъектуры.

¹⁴ Возможно, римской цифрой «IV» отмечена степень кавалера. Такую же цифру находим и на рисунке из бумаг Осипова с изображением Ирины Чижик-Каплун.

- А. Л.¹⁵
- Б. А. Пильняк*;
- Пупочек Ю.¹⁶ *;
14. П. Балтер*;
15. Гутнов Е. А.;
16. Эфрон С.;
17. Пистрак С. М.;
18. Бахрах А. В.;
19. Залкинд;
20. Пинкевич А. П.;
21. Гринберг Э. Г.;
22. Родэ А. С.;
23. Элиасберг А. С.;
24. А. Чернова*;
25. Н. Чернова*;
26. О. Чернова;
27. О. Чернова <так!>¹⁷;
28. Р. Кайзер;
29. А. Грачёв;
30. С. Осипов*;
31. А. Осипова*;
32. Н. Зорецкий <так!>;
33. Н. Голубев;
34. Л. Львов;
35. Н. Львова

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 6–6об.).

Последний лист *Affenrat'a* начинается также столбцом из глаголических имен русской Ремизова и подлинных подписей, написанных в основном детским почерком: почти все участники этого списка – дети взрослых членов Палаты:

1. Каплун Эм.*;
2. Чижик Каплун IV*;
3. Десслор В. Ф.;
- Тамара Персиц*;
- Гржебина Л.*;
- «– К.*;
- «– Б.*;
4. Балтер Г.*;
5. О. Е. Чернова;
6. Н. В. Чернова;
7. А. В. Чернова (Аука);
8. Лурье В. С.;
9. Элиасберг Э. Н.

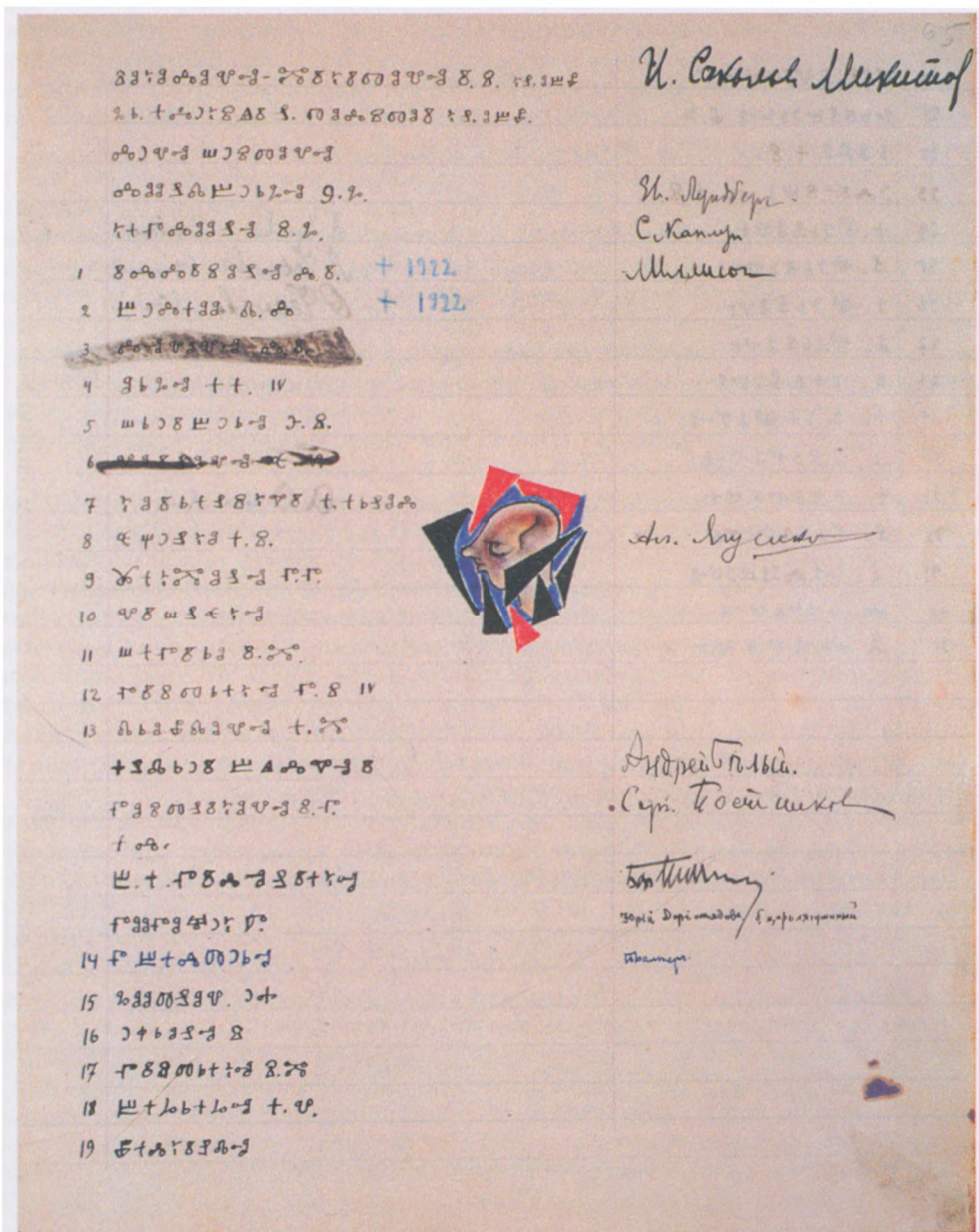
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 8).

¹⁵ Возможно, А. Лютер.

¹⁶ Напротив стоит подпись «Юрий Дореомедов» с припиской рукой Ремизова: «б<ывший> царь лягушиный». Прозвище вызывает прямые ассоциации с героем рассказа «Пупочек» – мальчиком Юрой.

¹⁷ Подпись напротив густо замазана.

В нижней части списка рукой писателя приведены еще 13 членов Обезвельволпала. Среди них указаны как фамилии тех, кто остался в Петрограде (Н. Шапошников, Иванов-Разумник, Н. Григорьева, М. Кузмин, А. Тиняков, С. Новгородов, И. Ершов), так и эмигранты, поселившиеся в Берлине (С. Каплун-Сумский, М. Тер-Погосьян, Л. Иллисон, А. Дзеркал, Л. Шестов, Е. Лундберг). Эти имена разделены на подгруппы, составленные по иерархически функциональному признаку: обезьяньи «профи» (брадобрей, музыкант, певец), послы и старосты. Имя посла эстонского Л. Иллисона помечено годом его смерти.

А. Ремизов.
Глаголический
список.
1921-1922
(ИРЛИ)

Начало глаголическому реестру *кавалеров обезьяньего знака* (как игровому отражению реального творческого союза писателей и художников) было положено в ноябре 1921 года. Он практически совпадает с составом Совета берлинского Дома искусств, образованного 29 ноября 1921 года и объединившего представителей русской литературы и искусства в Германии, а также со списком действительных членов и членов-соревнователей ДИСКА. Исходя из наличия в глаголическом списке подлинной подписи Соколова-Микитова (в Берлине – с мая 1921-го по июнь 1922 г.), а также подписи Пильняка (гостил в Берлине у Ремизова в феврале-марте 1922 г.) и Иллисона (скончался осенью 1922 г.), мы можем утверждать, что по крайней мере эта часть ремизовского реестра создавалась в период с осени 1921 года (Ремизовы приехали в Берлин 21 сентября) до осени 1922-го. Возможно, что и *Affenrat* был составлен тогда же, но, судя по помете о смерти Зонова, подвергался корректированию и в 1923 году.

Несомненно одно: Обезьянья Палата в эмиграции стала куда более популярной, чем в России; число ее членов стремительно приумножалось. Возведение в *обезьяньи кавалеры* было теперь не только авторским произволом Ремизова, но и встречным горячим желанием многих претендентов на это звание. Вряд ли стоит утверждать, что все «новообращенные» осознали игру как некий братский союз, хотя именно такое отношение к Палате все же явно превалировало – ведь грамоты выдавались как своеобразная награда за вклад в культуру и за человеческое участие, расцениваемое как едва ли не самое драгоценное достоинство. Кроме того, в эмигрантской среде Обезвеллопал стал показателем некоего престижа, символом принадлежности к творческой элите.

По-видимому, этими обстоятельствами можно объяснить целый ряд «челобитных» царю Асыке, сохранившихся среди писем к Ремизову, с нижайшими просьбами принять в лоно Обезьяньего общества. С появлением в печати обезьяньего Манифеста и Конституции, книг «Кукка» и «Взвиренная Русь» миф игры стал еще привлекательнее. Конечно, существовали и более прозаические мотивы. Ремизовское графическое искусство постепенно признали не только близкие друзья, но и профессиональные художники. О его графике высоко отзывались М. Добужинский, В. Кандинский, П. Пикассо, Иван Пуни, Н. Гончарова, М. Ларионов и др. Искусно выполненные грамоты стали привлекать внимание коллекционеров и вообще ценителей его рисовальной манеры, авангардной по своей природе.

Уже в 1920-е годы появляются поклонники мифотворчества Ремизова, которые придают его, на первый взгляд, шуточной затее достаточно серьезное значение. Петербургский знакомый Ремизова М. А. Дьяконов в письме 1924 года спрашивал у писателя: «Нет ли у Вас случайно списка членов Обезьяньей Великой и Вольной Палаты? Думаю, что у Вас он имеется, а мне ужас как хочется иметь» (Амхерст). В январе 1925 года молодой английский переводчик А. Браун, желая представить ремизовскую игру в Англии, поделился своими планами с писателем: «По-моему, хорошо бы написать и напечатать по-английски (для англичан нарочно) *историю Обезвеллопала. Дайте мне данные (даты, записки первых заседаний и т. п.)*. Я напишу и найду журнал, чтобы поместить. <...> переводчик и управляющий обезпропаганды Alec Brown» (Амхерст). Уже через месяц он сообщал о работе над вступительной статьей к сборнику повестей Ремизова, готовившемуся к изданию отдельной книгой на английском языке [405: XIII–XV]: «Сегодня отправляю предисловие. Пишу о Вас, и о палатке, и о том, как

надо писать русские слова через английские буквы <...> Крокхвост Al. Brown» (Амхерст)¹⁸.

В конце 1926 года Андрей Седых, многократно писавший о Палате в статьях и мемуарных очерках, предложил Ремизову (по-видимому, мысленно представляя себе грандиозное зрелище): «А вот у меня мысль: так как вы уже многих пожаловали знаком Обезьяньего ордена, то не мешало бы устроить общее собрание всех кавалеров в каком-нибудь кафе: „О ранде-ву де шоффер“, например» (Амхерст).

КЛЮЧАРЬ С. Я. ОСИПОВ

После исчезновения Ремизова из Петрограда среди оставшихся в городе кавалеров Обезвелволпала были и те, кто пытался продолжать традиции Обезьяньего общества. Об этой добровольно исполняемой миссии писатель впоследствии узнал от молодых литераторов, поддерживавших с ним эпистолярный диалог. Так появилось звание *ключаря*, кратковременно соотносимое с именем К. Федина, но вскоре перешедшее к С. Я. Осипову, который взял на себя обязанности по делопроизводству и собиранию архива Обезьяньей Великой и Вольной Палаты.

5 августа 1924 года Осипов напомнил в своем в письме из Берлина к Ремизову об одном примечательном событии, случившемся десять лет тому назад:

Оказывается, дорогой Алексей Михайлович, уже 10 лет, как я с Вами познакомился! Вспомнил об этом на днях, когда 31 (18) августа мы справляли здесь свою мельхиоровую свадьбу. Еще Вы прислали нам тогда поздравительное письмо – десять лет тому назад! Был тогда «Сирин» (поздравьте Пелагею Ивановну¹⁹ с юбилеем!), ходили Вы к нам, угощали Мы Вас чаем (покрепче!), крестили Мишу – сына нашего сторожа Николая, был у Вас телефон «209-69», выписывал Вам «головщик» и «бухгалтер строгий» гонорар и авторские экземпляры – хорошее было время! (Амхерст).

В 1913 году Сергей Яковлевич Осипов был приглашен Ивановым-Разумником на работу бухгалтером в только что образованное издательство «Сирин». После окончания Высших коммерческих курсов он долгие годы работал по специальности; к литературному труду имел косвенную причастность, по долгу

¹⁸ Крокхвост – прозвище А. Брауна, употреблявшееся в его эпистолярном общении с Ремизовым. Обращает на себя внимание и характерное розановское слово «палатка», и то, что письма Брауна начинались с заголовка на глаголице – Обезвелволпал.

¹⁹ П. И. Терещенко, ее сестра – Екатерина Ивановна и брат – Михаил Иванович основали в 1912 г. издательство «Сирин», напечатавшее восьмитомное собрание сочинений Ремизова, а также сборники его рассказов и сказок. Писатель был одним из постоянных авторов образованного на базе издательства одноименного альманаха. Ремизов воспринял возникновение издательства как эпохальное событие, посвятив ему специальный дневник, в котором имеется следующая запись: «Основание издательству „Сирин“ положено было 10-ого октября 1912 г. в день св. Иакова Постника. К вечеру того дня было мне извещение по телефону от Михаила Ивановича, а вечером приехали его Пелагея Ивановна да Елизавета Ивановна и сказали: – Мы решились. Согласны. Эти слова мне очень памяты, понял тогда и сообразил, что дело начинается, и только направить надо по-хорошему» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2 № 3. Л. 5).

службы общаясь с творческой интеллигенцией в издательствах, книжных складах и магазинах. Именно этому человеку предстояло сыграть немаловажную роль в судьбе писателя. Любитель шутивных прозвищ, Ремизов сразу окрестил нового коллегу, отвечавшего за денежные вознаграждения в издательстве, *головщиком*. Вскоре их отношения приобрели теплую задушевность: упомянутая в письме поздравительная открытка Ремизова, датированная 18 (9) июля 1914 года, была бережно сохранена в домашнем архиве Осипова.

В августе 1921 года его как сотрудника Наркомпроса командировали в ревельское торгпредство, где он находился до 1 августа 1923 года. Совпадение времени отъезда Ремизова и Осипова в Ревель не оставляет сомнений в том, что Сергей Яковлевич стал не только надежной опорой Ремизовых в это трудное время, но и одним из организаторов их поэтапной эмиграции. Служебное положение Осипова позволяло ему и его жене, Анне Васильевне, бывая в Петрограде наездами, выступать в роли «связных» Алексея Михайловича и Серафимы Павловны в общении с друзьями и знакомыми. Осипов самозабвенно и преданно занимался личными делами писателя и прилагал все усилия, чтобы вернуть его собственные книги, изданные в России, рукописи, альбомы – все, что было в спешке оставлено в Петрограде. Переписка Ремизова и Осипова является ценнейшим свидетельством обстоятельств жизни Ремизова в 1922–1928 годах. Бескорыстное участие и заботу Ремизов принимал с благодарностью, не скупясь на искренние признания.

В письме к Осипову в Ревель от 19 января 1922 года он, как обычно, выражал свою признательность:

17. I. получил газеты – 5.
очень Вам благодарен
всякий бытовой намек – слово, имя – приоткрывают
русскую жизнь
настоящая Россия
только ведь там в России
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 8. Л. 22).

В августе 1923 года Осипова перевели в берлинское торгпредство. Здесь он мог общаться с писателем лично и значительно чаще, до тех пор, пока в ноябре Ремизовы не переехали в Париж. Волею судьбы вовлеченный в обстоятельства личной и творческой жизни писателя, вскоре он приступил к исполнению обязанностей, которые обычно возлагаются на личного секретаря. Осипов стал собирать материалы к биографии Ремизова. Маленькие листки из блокнота, исписанные карандашом, заполнялись, вероятно, сразу же после долгих бесед. При всем конспективном характере своих заметок Осипов стремился запечатлеть в них колорит живой ремизовской речи:

...за чаём <так!> А. М. рассказывал о своей жизни в тюрьме с уголовными – поддельщиками денег, карманниками, громилами. Срезали подметки. При перегоне овация в Публ<ичном> Доме, старуха подала семитку (2 к.) – долго хранил – при этом сказала прими милостыню, нищенка несчастная от Семеновны. Бараночник бородатый вынесли с шустрым мальчонкой связку баранок. Некрологи по политическим, оставлявшим

тюрму: Щеголев. Затем А. М. рассказал про единственный письменный отклик читат<еля?> на свои произв<едения> (ИРЛИ. Ф.256. Оп. 2. № 38. Л. 8)²⁰.

Вскоре творчество Ремизова так увлекло Осипова, что он, пристально следивший за текущей критикой и публицистикой, посвященной писателю, сам приступил к рецензированию его произведений. Сохранилась вырезка из ревельской газеты «Жизнь» с рецензией на книгу «В поле блакитном» (Берлин, 1922), подписанной «С. О.», которую автор приложил к своему письму. 11 мая 1922 года Ремизов отвечал: «Ваш отзыв о П<оле> блак<итном> получил, спасибо: очень добросовестно написана, а ведь, знаете, пишут, не читая» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 8. Л. 25).

Кроме того, рецензия на книгу «Трава-мурава. Сказ и величание» (Берлин, 1922) была опубликована Осиповым в журнале «Новая русская книга» (1922. № 8)²¹.

Звание *ключаря* пришлось Осипову по душе. Он оказался первым и единственным *обезьяньим кавалером*, кто с редкой скрупулезностью (несомненно, выработанной в основной, профессиональной сфере своей деятельности) взялся вести дела Палаты. Завершая одно из своих посланий писателю, Осипов с явным удовольствием выводил:

Будьте здоровы, всего Вам лучшего с обезьяньим приветом
С. Осипов

князь обезьяний
ключарь Обезвелволпала
б<ывший> головщик Сирина
Профессор щетоводства
коллега St. Petrus'a (тоже ключарь!)

(Амхерст; письмо от 13 февраля 1927 г.).

Собирая рецензии и печатную иконографию Ремизова, Осипов всегда радовался появлению нового материала:

17 апреля <19>24. Берлин

Получил сегодня от Вас «Paris Journal» и «Последние новости» Ловского. – Спасибо большое! Карикатура на Вас Pierrá Soupolt'a хороша, и я очень рад присоединить ее к моему собранию. – Не оставляйте меня в будущем! А статья Ловского – «nicht bezonderes», как говорят здесь. Стрательно, но... бледновато. Самое интересное для меня, представьте, было в упоминании, что у Вас, как и здесь, в Берлине, протянуты нити, а на них подвешены игрушки, да еще про колпак Церберский с кисточкой. В дополнение к полкам книжным из ящиков, что сами оклеили бумагой, это новые штришки Вашей парижской жизни, о которой Вы так скупно пишете, что и мы, и Львовы, и другие, Вас крепко любящие, почти ничего не знаем, – эти новые штришки были более всего интересными (Амхерст).

²⁰ Обстоятельства описаны в рассказе Ремизова «Кандальники» (1903); под названием «Скандальники» впоследствии вошел в цикл «В плену» [6: 177].

²¹ Беловой автограф рецензии, подписанный «О<сипов>», находится в составе архива Ремизова (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 38. Л. 4–6).

Эта же тема – собрания материалов для биографии – повторяется и в письме от 13 октября того же года:

Получил «Les Nouvelles Litteraires» 13 сент<ября> № 100 с фельетоном о Вас Бор<иса> Шлецера²². А из «Руля» № 1170 от 8 октября вырезал для Архива очень хорошую статью Б. Каменецкого о «Николиных Притчах» (Амхерст).

Незадолго до расставания в Берлине Осиповым – Сергею Яковлевичу и его жене, Анне Васильевне, безотказной исполнительнице всех поручений Ремизова в Петрограде, – были пожалованы обезьяньи грамоты:

Дана сия обезьянья турецкая грамота Сергею Яковлевичу Осипову
в знак возведения Его в кавалеры обезьяньего знака I ст<епени>
с мышиными пятками обезвелволпала
и в знак возведения в старейшины –
в ключаря обезьяньего
обезьяньей великой и вольной палаты

Affenrat
10 <19> 23
Berlin

Царь обезьяньей <так!>
Асыка собственнохвостно

<печать>
<слева, сверху вниз:
МСМХХІІІ Х 23>

<справа глаголическая
надпись, сверху вниз:
Обезьянья печать>

Скрепил и деньги бумагой и клеем получил б<ывший> канцелярист
обезвелволпала
cancellarius Алексей Ремизов
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 19).

Дана обезьянья грамота
Анне Васильевне Осиповой
в знак возведения ее в кавалеры
обезьяньего знака первой степени
с перышком самой маленькой и самой
мудрой птички абумса
обез вел вол палаты

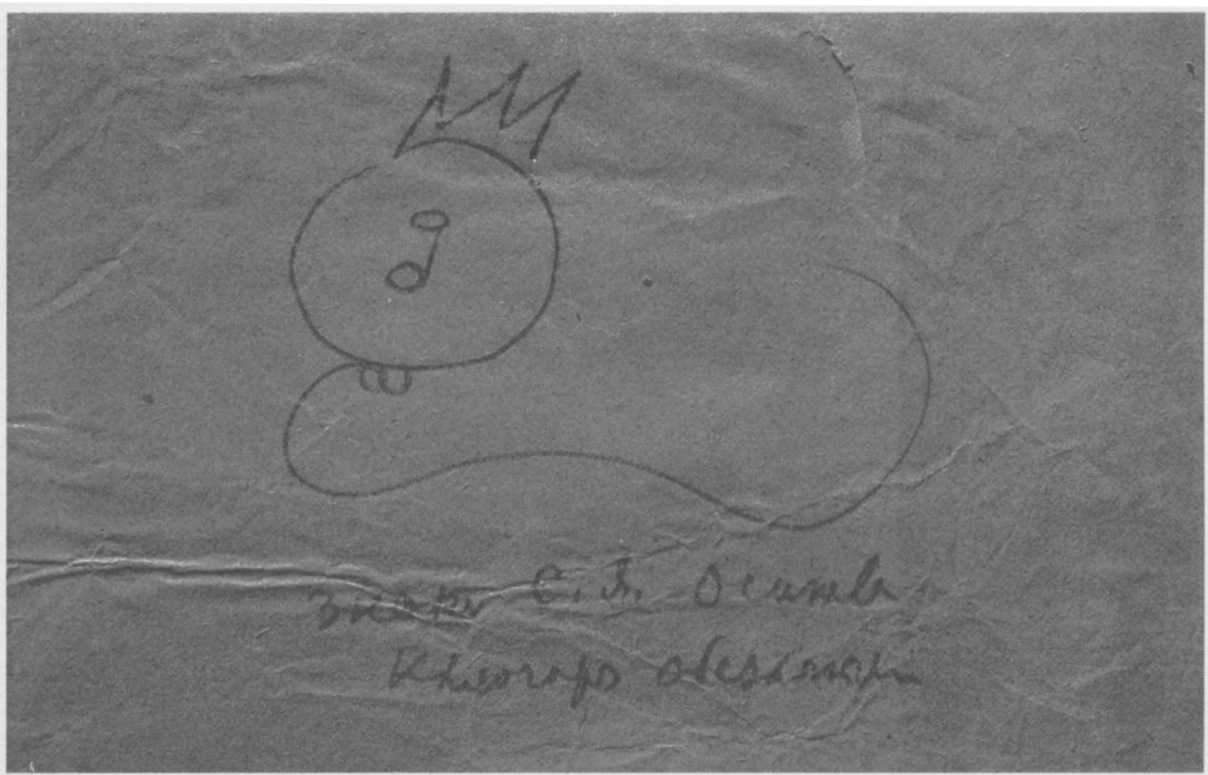
²² Сохранилось недатированное письмо Б. Шлецера с пометой Ремизова о дате получения (20 июля 1924 г.): «Пишу о Вас статью в Nouv<elles> Litteraires. Обязался дать через неделю, статья должна появиться в печати в пятницу, 1-го Августа. К статье должен быть приложен Ваш портрет. <...> Одновременно с моей статьей пойдут Ваши легенды о Николе (1 или 2) в моем переводе...» (Амхерст).

Affenrat
Berlin
23.10.<19>23

Царь Асыка обезьяньей <так!>
соственнохвостно.

Скрепил и деньги книгами получил б<ывший> канцелярист обезвельволпала
cancellarius Алексей Ремизов
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 20).

Благодаря Осипову, с тщательностью профессионального архивиста собиравшему бумаги Обезьяньего общества, сохранилось свидетельство, обозначившее в истории ремизовской игры и личной биографии писателя очередной значимый этап – конец берлинской эмиграции. Этот поистине авангардный документ соединял литературную игру с бытовыми реалиями «русского» Берлина. На листе упаковочной бумаги с типографской надписью «Jnhalt 50

Обезьяний знак С. Я. Осипова.
1922 (?) (ИРЛИ)

Грамм.» и фабричной наклейкой «Поповыя Папиросы» рукой Ремизова было приписано:

<над наклейкой и справа от нее> –
ключарь обез<ьянней> вел<икой> вол<ьной> п<алаты> С. Я. Осипов
кавал<ер> обез<ьянней> вел<икой> во<льной> п<алаты> Н. В. Зарецкий
–«– А. В. Осипова
–«– Н. Г. Львова
–«– Л. И. Львов
начал<ьник> слонов
Арсений Грачов <так!>
иностранный вельм<ожа> // Соломон Каплун
кавал<ер> обе<зьяннего> зн<ака> В. Ходасевич.
<под наклейкой> –
обез. вел вол пал
– последнее берлинское сборище
кавал<еров>, вельмож и проч<их>.
3.11.<19>23
День повышения трамвайной платы
Алексей Ремизов
(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 33).

Осипов последовательно возвращал писателю, казалось бы, навсегда утраченные ценности, оставшиеся в России. Только благодаря его исключительным усилиям Ремизов обрел фотографии настенных рисунков своего петербургского Обезвельволпала. Спустя несколько лет, отправляя копии фотоснимков Н. Зарецкому, Ремизов подробно описал питерские оригиналы:

Сегодня ходил к Яше Шрейберу (он хозяин фотографии Dorilis) и попросил его переснять и увеличить две фотографии: фотографии из России: на одной снят нерукотворенный образ Асыки (пле<т>ку шкапом заставили) нарисованный мной прямо на стене на В.О. 14 л. 31/33 во весь рост. Он малиновый, а фон желтые клетки. Лицо его – вы увидите – мне, не мастеру, не повторить. И другая фотография со стены же уголок портретов вельмож: по<д> Серебряной птицей в медальонах (П р а г а; письмо от 7 августа 1928 г.);
...посылаю Вам две карточки: на одной Асыка, на другой некоторые вельможи, которых успел нарисовать.

Когда-то брат ключаря обез<ьяннего>²³ проник в нашу квартиру на В. О. 14 л. 31/33 кв. 48 и снял две стены: этот уголок и рядом громадную из Хождения Богор<одицы> по мукам и Асыку и Видение пророка Исаии и офиса (П р а г а; письмо от 14 августа 1928 г.)²⁴.

Возвращение черно-белых фантомов прошлого не могло не придать нового импульса на время затихшей игре, архив которой теперь пополнялся благодаря непрерывным трудам Осипова. Нередко Ремизов пытался безуспешно связаться с редакциями, взявшими его рукописи для публикации, – эта тяжелая обязанность также неукоснительно исполнялась Осиповым.

²³ Петр Яковлевич Осипов (1894–?) – родной брат С. Я. Осипова.

²⁴ Впоследствии эти фотографии с подробными комментариями писателя заняли почетное место в альбоме с рисунками «Карты Сведенборга» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 12–16).

Сохранившиеся анкеты из «личного дела» Осипова подтверждают, что он прожил в Берлине по крайней мере до конца 1928 года²⁵. Все это время продолжалась их интенсивная переписка с Ремизовым. Именно в письмах Осипова мы находим подтверждения тому, что берлинскую тетрадь с перечислением Обезьяньего Совета и глаголическим списком кавалеров обезьяньего знака Осипов доставил в Петроград. 28 декабря 1923 года Ремизов получил подробный отчет об этой поездке:

Привез с собой еще дела Обезьяньей Палаты, а именно тетрадь со списком кавалеров, кабарную тетрадь и две тетради с Вашими рисунками и карикатурами. Все это осталось на бережном хранении, вместе с ранее полученными от В. Я. Шишкова. К сожалению, как я уже упомянул, выехал я довольно экстренно и неожиданно и потому не имел времени, чтобы достать ящик, упаковать и отправить что-нибудь большее, напр<и-мер>, все рукописи (Амхерст).

Вступив в должность ключаря, Осипов возобновил работу по регистрации членов Палаты и их званий, начатую писателем в берлинской тетради, объединившей реестр Совета Обезвелволпала (*Affenrat*) и глаголический список. Документ, получивший мифологическое название *Бархатная книга*, стал притчей во языцех. Даже в скандально известной статье Ассад-Бея (это был, конечно же, один из тех двух фрагментов, которые остались от первоначального юбилейного текста Н. Зарецкого) о ней сообщалось следующее:

«Бархатная книга» Обезвелволпала под заведованием ключаря и обезьяньего князя С. Я. Осипова начинается с В. В. Розанова, старейшего обезьяньего князя. Далее следуют среди прочих: Горький М., обезьяний князь и кавалер 1 степени с глобусом. Шестов Л. И., старейший обезьяний князь и маркиз. Кузмин М. А., музыкант О.В.В.П. и кавалер 1 степени. Федин К. А., кавалер 1 степени. Белый А., старейший кавалер. Блок А. А., старейший кавалер. Д-р Кайзер, Рудольф, кавалер 1 степени. Савинков Борис, кавалер 1 степени и дворянин. Д-р Лютер А. Ф., кавалер 1 степени с крылышками бекаса. Сологуб Ф. К., кавалер 1 степени. Эренбург И., кавалер 1 степени [408].

Усердие и бурную деятельность, которую ключарь развернул в Берлине, восстанавливая тексты уже дарованных грамот и ведя учет всем вельможам царя Асыки, трудно было не оценить. Ведь первые годы эмиграции для Ремизова и многих других русских были и годами поисков старых знакомых, друзей, коллег, оказавшихся за пределами России. Только учитывая этот фактор, можно оценить усердие, с которым Осипов занимался делами Обезвелволпала, сообщая Ремизову о настоящем местонахождении ее кавалеров:

²⁵ Личное дело С. Я. Осипова 1921–1928 гг. находится в архиве Министерства торговли РФ.

Просите, Алексей Михайлович, Кавалеров обезьяньих, которые сейчас в Париже обретаются и в «La chambre des singes» (?) заглядывают, чтобы списали каждый текст своей грамоты и принесли Вам, а Вы перешлите их мне. Таким образом можно документально установить и совершенно точно отметить в реестре такие важные геральдические данные, как особенности хвоста, лап и др. Характерные отличия орденов, а также дату выдачи грамоты и хабар. Это большая потеря для геральдики, что до сих пор не зарегистрировались строго эти данные и нужно теперь это все восстановить. У здешних, берлинских, кавалеров, кого встречу, я попрошу, а уж Вы похлопочите насчет парижских... (Амхерст; письмо от 2 апреля 1924 г.).

Александр Самойлович Элиасберг, Кавалер Обезьяньего знака I степени с индейскими хохолками, живет теперь в Берлине, <...> Dr. Solomo – Великую Иностранную Вельможу, пока еще не нашел. На прежней его квартире (Karlsbad str., 4 bei Stettiner), сказали, что уехал в Париж (сбежал от кредиторов!). На днях поищу его в изд-ве Ладыжникова и тогда напишу Вам (Амхерст; письмо от 8 июля 1924 г.).

Такая старательность не укрылась от иронического взора К. Мочульского, который в том же 1924 году сообщал писателю: «Ваш ключарь – роется: „новых людей ищет“» (Амхерст). Из ремизовских поручений по делам Обезвелволпала сохранилось только одно «высочайшее» указание в письме от 9 ноября 1923 года: «Впишите: Николай Константинов<ич> Рõрих кав<а>лер> обез<ья>ньего> зн<ака> I ст<епени> с львиной лапой и посол Индии» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 8. Л. 38). В 1925 году список членов Обезьяньего общества стал так велик, что пришлось заводить вторую регистрационную книгу. «Спасибо за новости по ведомству ОВВП. Новых кавалеров пришлось занести во 2-ой том бархатной Книги (1-й весь записан)», – рапортовал прилежный архивист в сентябре 1925 года (Амхерст). Предположительно этот значительно пополненный новыми именами материал впоследствии был передан Ремизову (к сожалению, его настоящее местонахождение нам неизвестно).

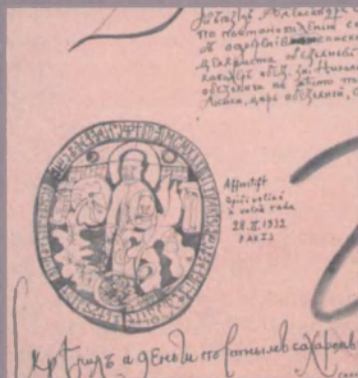
С. Я. Осипов был первым и, пожалуй, единственным из посвященных в игру, кто реально озаботился созданием историографии Обезьяньей Палаты. Вслед за канцеляршусом Обезвелволпала он сформировал «Разрядную роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты». Этот список, содержащий характерные комментарии в ремизовском стиле и состоящий из подразделов «Царь Обезьяний», «Князя Обезьяньи», «Кавалеры Обезьяньего Знака», «Немецкие ордена», «Младшие кавалеры», «Служилые люди», по всей вероятности, был составлен со слов Ремизова в 1923 году в Берлине. Такая датировка основывается на времени возведения художника Н. В. Зарецкого в обезьяньи кавалеры – 1 сентября 1923 года (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 46). «Разрядная роспись...», безусловно, была всего лишь черновиком того документа, который ключарь предполагал сохранить для истории Обезвелволпала.

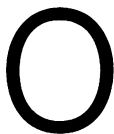
Его «Роспись» – часть большого труда, посвященного Обезвелволпалу. Среди бумаг Осипова сохранился черновой план будущей работы: в большинстве своем карандашные записи представляют собой заголовки с оставленными под ними пустыми местами или небольшими заметками: «Дензнаки обезьяньей Палаты»; «Статут Обезвелволпала»; «Хабара»; «Реликвии Обезвелволпала»; «Слова и письма Обезьяньи»; «Предметы»; «Жалованные грамоты». По

первоначальному замыслу описание должно было открываться листом, озаглавленным: «Орден Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (геральдическое описание)». Ниже контуром обозначено место для будущего рисунка (помеченное словом «изображение»); далее следовала вербальная характеристика Асыки и его атрибутов (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 42). Один из листов, под заголовком «Откуда пошла и как стала быть Обезьянья Великая и Вольная палата», начинался летописной фразой, обрывавшейся многоочием: «В лето от Рождества Христова тысяча девятьсот восьмого...» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 37).

- О том, как сложилась жизнь С. Я. Осипова после его возвращения в Россию, в город, уже носивший новое имя – Ленинград, известно немного. Достоверно знаем, что он избежал сталинских лагерей и умер после войны и блокады в своей квартире на Васильевском острове. В 1940 году Осипов продал за 385 рублей документы, оставшиеся после его бурной деятельности обезьяньего клюшника и геральдика Рукописному отделу Пушкинского Дома. Среди этих материалов были многочисленные письма от Ремизова, берлинская «Хабарная тетрадь», берлинская тетрадь со списками членов Обезьяньей Палаты, составленная Ремизовым, а также черновые наброски к истории Обезвелволпала.

ИГРА И ЖИЗНЬ КУНСТМАЛЕРА ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА

Одним из самых активных приверженцев игры в Обезьянью Палату был художник Николай Васильевич Зарецкий. Его личный архив сохранил пять обезьяньих грамот, которые засвидетельствовали быстрое и успешное продвижение по «обезьяньей» табели о рангах. Такое благоволение царя Асыки было продиктовано особой симпатией Ремизова к человеку, воплощавшему беспрестанный творческий поиск, авторитет коллекционера, широту культурных интересов.

Уроженец Липецка, профессиональный военный (кавалерист), Зарецкий получил художественное образование в мастерской Я. Ф. Циоглинского в Петербурге. Сильное влияние оказало на него творчество художников из объединения «Мир искусства». Уже в 1907 году начинающий график принял участие в оформлении символистских журналов «Весы» и «Золотое руно»¹. Достаточно рано круг его творческих интересов сосредоточился на книжной иллюстрации: особенно его увлекла русская классика (Пушкин и Лермонтов).

В дружеской компании, собравшейся в Берлине, куда Зарецкий перебрался летом 1922 года из Константинополя, он получил игровое прозвище *кунст-малер*. Очевидно, знакомство с Ремизовым началось во время подготовки к изданию книг писателя, дизайнерское оформление которых было поручено Зарецкому. Под обложками его работы в берлинском издательстве Э. И. Гржебина вышли «Русалия» (1922), «Крестовые сестры» (1922), «Пятая язва» (1922), «Сказки русского народа» (1923). Н. Зарецкий принял самое деятельное участие в подготовке к чествованию 20-летия Палаты, а также во многих других знаменательных событиях, связанных с историей Обезвельволпала. Пожалуй, в первую очередь именно благодаря художнику идея ремизовской игры стала общественным достоянием.

¹ В письме 1935 г., адресованном А. Н. Бенуа, Зарецкий вспоминал: «Еще будучи офицером и сидя в глуши на берегах исторической Березины, я с первого года издания „Мира Искусства“ получал этот журнал, читал его и перечитывал, разглядывал, сравнивал, и он по-настоящему был моим университетом и повлиял к тому, что я оставил полк и попал в мастерскую Яна Францевича <Циоглинского>. Это время моей жизни самое красивое, трепетное, драгоценное, и вот почему имена Ваше и Сергея Павловича Дягилева для меня так же дороги и вечно ценимы» (ГРМ. Ф. 137. Оп. 2. № 564. Л. 1).

ЮБИЛЕЙНЫЕ ХЛОПОТЫ

Краткий срок, проведенный Ремизовым в Берлине, стал для писателя самым тягчайшим периодом эмиграции, но и самым интенсивным по изданию книг. Здесь были возобновлены старые знакомства и творческие связи, обретены новые друзья. Собственно в мастерской Зарецкого, отличавшегося исключительной коммуникабельностью, Ремизов и познакомился со многими людьми, ставшими впоследствии его неизменными спутниками. Зарецкий был автором нескольких портретов Ремизова; об одном из них упоминается в письме Осипова к писателю от 15 мая 1924 года: «Kunstmaler лентяйничает и все не соберется выбрать день, чтобы перевести Ваш портрет на камень» (Амхерст). Этот рисунок в 1924 году демонстрировался на выставке, организованной Н. Зарецким в берлинской «Русской художественной школе»².

Зарецкий всегда охотно поддерживал игровой тон Обезвельволпала. Содержание его писем к Ремизову недвусмысленно дает понять, что *кунстмалер* строго вел учет своим «обезьяньим» титулам. Так, 7 сентября 1925 года он обратился с просьбой восполнить наградной документ, который по неизвестным причинам до сих пор отсутствовал в его бумагах:

7. IX. 1925. <Берлин>

К Вам, как *kanclerarius*-у <так!> Обезвельволпала, у меня большая просьба. Нет ли у Вас в делах грамоты на мое имя:

«Кавалеру Обезьяньего знака 1 степени с завитком пестиковым Обезвельволпала, данная 1. 9. 23 в день погребения мухи, клопа, таракана, блохи, Семеона <так!> Летопроводца и начала бабьего лета». Так хотелось бы иметь, если и не подлинник, то хотя бы список ее. Не могли бы Вы похлопотать об этом, доставили бы мне радость неизреченную (Амхерст).

Выраженный в столь лукавой манере намек на вознаграждение был оценен по достоинству, и вскоре грамота была изготовлена – правда, с значительно отредактированным текстом и помеченная двойной датировкой и с глаголической надписью: «Обезьянья / грамота / Николаю / Васильевичу / Зарецкому / Обезвел / волпал / А. Р.». МСМХХІІІ–МСМХХV.

² Литография с портрета сохранилась в архиве художника (Прага).

Дана сия обезьянья грамота кунстмалеру
Николаю Васильевичу Зарецкому
в знак возведения его
в кавалеры
обезьяньего знака I степени
с чудесным фиником обезьяньей
великой
вольной па <ла>
ты

Красная вежа
Обезвелволпала
<печать, глаголическая надпись: Обезьянья печать.
МСМХХIV VIII> 1 сентября 19<23> Berlin
25. 9. <19>25
Paris

<росчерк Асыки>
Собственно-
хвостно

Le grand et Libre chapitre de l'Ordre des Singes

G.F.H.A
Das große und freie Affenstift
стрекоза обезвелволпала <Н.> <Л>ьвова³

Скрепил и деньги портретом получил б<ывший> канцелярист
обезвелволпал
cancellarius Алексей Ремизов

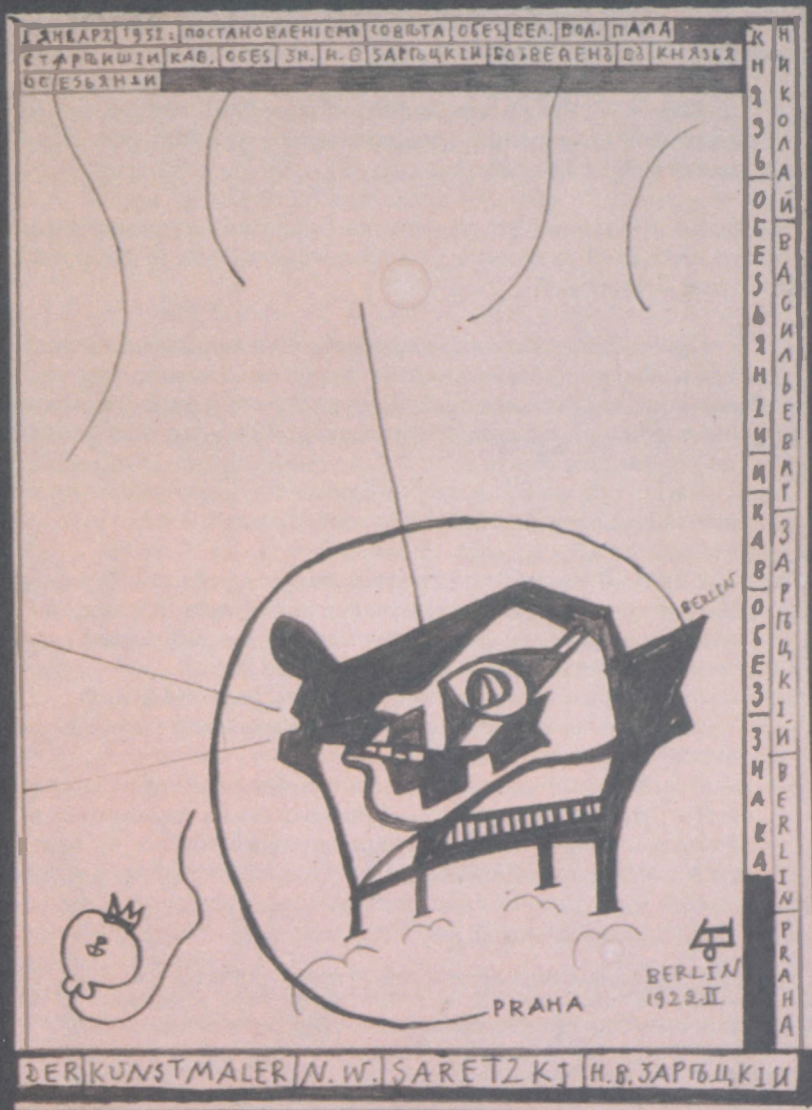
(BAR. 4).

В ответ на полученную грамоту Зарецкий писал 16 ноября того же года:

Дорогой Алексей Михайлович, очень порадовали меня Вашей грамотой. Чудесно. Вызывает восторги моих друзей. Окантована желтой бумагой, широкой полосой, а внутри, тонкий <1 сл. нрзб.> красно-оранжевый тон возле самой грамоты, вышло очень нарядно. И висит она на стене, окруженная персидскими миниатюрами (А м х е р с т).

Через два года Зарецкий был удостоен следующего почетного титула и новой обезьяньей грамоты. Активное участие Зарецкого в творческих проектах писателя очень быстро было оценено канцеляриусом Палаты: художнику было присвоено высокое звание старейшего кавалера. Именно в 1927–1928 годах он неоднократно предпринимал усилия поместить материал о ремизовской игре в немецкой и эмигрантской прессе, о чем, в частности, писал Ремизову 24 мая 1927 года (упомянув своих немецких коллег, в том числе

³ Подлинная подпись Н. Г. Львовой.

А. Ремизов. Портрет Н. В. Зарецкого.
1922 (ВАР. 4)

основателя берлинского журнала «Sturm» – Х. Вальдена и редактора эмигрантского журнала «Жар-птица» – А. Э. Когана):

Был я у Вальдена и предложил ему статью об Обезвельволпале с портретом, работы Каплуна, печать Асыки⁴, манифест из «Эха» и мою грамоту⁵. На днях ему понесу весь этот материал. Говорил я ему, что хорошо бы этим отметить Ваш юбилей, этого года. <...> Кроме того, сегодня я говорю на эту тему с Ал<ександром> Эдуард<овичем Коганом>. Осенью он выпустит «Жар-птицу» и тогда возможно даст место моей статье о Вашей палате. <...> Есть у меня молодой немецкий литератор, работает он в журнале «Die Lesestunde», подписчиков у них 400.000. Буду просить его отметить Ваш юбилей (А м х е р с т).

На настойчивое предложение художника организовать публичное празднование юбилея писателя (в июне ему исполнялось 50 лет) Ремизов ответил категорическим отказом:

Прошу Вас и умоляю: *не отмечайте никаких юбилеев!* У меня вся душа против и мне всегда смешно, когда это делают другие. Если есть у Вас желание сделать мне настоящее добро (а я верю), поговорите с Walden'ом (*не о юбилее*), а о самой обезвельволпал'е и как это необходимо сохранить на страницах Sturm'a.

Точно так же и с Алекс<андром> Эдуард<овичем Коганом> прошу Вас *не поминайте юбилея*, а опять-таки, как и с Walden'ом о закреплении Обезвельволпал'а.

Николай Васильевич, вы понимаете, что это хорошо, только НЕ ТУТ. У меня создались совсем другие отношения и ТАК соприкоснуться я не имею никакого желания. Тем более все тут (за неимением другого), гоняются за всякими юбилеями.

И в немец<ком> журнале die Lesestunde НЕ НАДО.

Вот если бы поместить у него перевод какого-нибудь рассказа: это было бы хорошо. –

Я живу здесь совсем отдельно⁶: «изолировано», мои книги бойкотируются («Взвихренную Русь» боятся даже произносить) и для меня имеет большое значение, когда закрепляют мое бытие на свете через мои книги <...>⁷ иностранцы. <...>

⁴ Имеется в виду рисунок Ремизова «Царь обезьяний Асыка», опубликованный в 1928 г. дважды: в журнале «Gebrauchgraphik» (1928. VI. S. 51) и в статье Ассад-Бея [408]. Рисунок назван в письме «печатью» не только в связи со своеобразной техникой исполнения, но, вероятно, еще и потому, что Зарецкий использовал это графическое изображение в качестве своего экслибриса (его оттиски с надписью, расположенной по периметру рисунка «*EX-LIBRIS * СТАРЕЙШАГО КАВАЛЕРА ВЕЛИКОЙ ВОЛЬНОЙ», сохранились в фондах художника в Праге).

⁵ Речь идет о грамоте Зарецкого с двойной датировкой: 1 сентября 1923 г., 25 сентября 1925 г. (ВАР. 4), которая была опубликована вместе с рисунком «Царь обезьяний Асыка» (см. примеч. 4). Эти же ремизовские шедевры были представлены Вальденом на экспозиции в галерее «Sturm» летом 1927 г.

⁶ Сверху приписано: «(в затворе)».

⁷ Рисунок, скрывающий два зачеркнутых слова.

Вот видите целая страница ушла на мое МОЛЕНИЕ не так сделать. Я верю, что Вы меня поймете, и то, что говорили уже, ликвидируете, а возьметесь [и я вам буду очень благодарен] за Wal<den> и А<лександра> Э<дуардовича> и за Lesestunde, воздействуя на них по совсем другому мотиву – во имя самоценности Обезвелволпал'а.

Поклонитесь от меня Р. Гулю. М<ожет> б<ыть> у него есть «Взв<ихренная> Рус<ь>»? Хорошо бы для статьи о ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ проверить текст, напечат<анный> в «В<звихренной> Р<уси>» стр. 272 Конституция

стр. 273 Манифест

стр. 295 обез<ьянья> виза

стр. 296 Асыка,

а для самой статьи полезно стр. 294 о обезьяньей свободно-выраженной «анархии».

26. 5. <19>27. Paris

(Прага).

Откликаясь на хлопоты Н. Зарецкого, подбиравшего соответствующий иллюстративный материал (уже в связи с юбилеем Обезвелволпала) для различных периодических изданий Берлина, Ремизов предложил для публикации исторические фотоснимки «Угла обезьяньих вельмож», привезенные из Петрограда С. Осиповым:

... вот бы где-нибудь их напечатать по случаю 20^а летия Affenstift'a⁸. Обезвобилей это не литюбилей – это госюбилей. Надо отметить, что обезвелволпал первой вступила <так!> в торговые сношения с Советами еще в 1920 г., когда ни одно государство Советов не признавало и все мы (петербургски<е>) были обложены блокадой со вне и собственными заградительными вехами внутри. И тогда выступил Обезвелволпал, «висевший на советской платформе»⁹, и предложил обмен: мы будем поставлять хвосты, а нам, ну что возможно, лишь бы не пропасть от голода и согреться. Докгидчиком <так!> – и обез<ьяньим> торгпредом был небезызвестный Соломон Каплун, возведенный в иностранные вельможи (Прага; письмо от 7 августа 1928 г.).

Готовясь к юбилею Обезьяньей Великой и Вольной Палаты в 1928 году, художник подробно расспрашивал Ремизова об истории Обезвелволпала, подготавливая статью, впоследствии так бессовестно присвоенную и переименованную Ассад-Беем.

За все свои усилия Зарецкий еще весной 1927-го был удостоен следующего обезьяньего звания. Предупреждая посылку грамоты, Ремизов оповещал художника в письме от 8 мая 1927 года:

... не забудьте Вашего обезьяньего звания: Вы старейший кавалер обез<ьяньего> зн<ака> (т. е. митрофорный протоиерей), как был В. В. Розанов. – Увидите С. Я. <Осипова> передайте ему, чтобы зарегистрировал

⁸ Обезьяний приют, учреждение (нем.). Одно из наименований Обезвелволпала, вероятно адаптированное для немецкоязычного читателя.

⁹ Автоцитата из альбома Я. Гребенщикова (Луценко).

Вас: повышение сделано на пасху Советом обезьян<ьих> кавал<ер>в живущих в Париже и Лондоне (П р а г а); [255: 179].

Но присылка долгожданной грамоты затягивалась, и Зарецкий вновь предпринял необходимые шаги для получения обещанного награждения. При этом он направил просьбу еще об одном ценном автографе, предусмотрительно позаботившись о качестве бумаги: «Бумага белая предназначена для „Финика“¹⁰, а листок древней зеленоватой бумаги для Грамоты на высокое звание „Старейшего кавалера“. Разумеется, если Вас это не затруднит» (Амхерст; письмо от 23 октября 1927 г.). Занимаясь переездом на новую квартиру, Ремизов с ответом задержался, но, тем не менее, 9 декабря 1927 года открыткой заверил: «Финик (или банан) будет вам переписан и грамота на старейшие» (П р а г а). Спустя три месяца художник наконец получил свою вторую обезьянью грамоту.

<Слева глаголическая надпись сверху вниз: Обезвелволпал>

<Справа глаголические надписи сверху вниз:

Обезьянья грамота Николаю Васильевичу Зарецкому>

<марка, глаголическая надпись сверху: обезьянья;

снизу: марка 1 об<ез>л<ион> >

Обезьянья марка I обезлион

100 червонцев

Дана сия обезьянья жалованная грамота

художнику Николаю Васильевичу

Зарецкому в знак возведения

его в старейшие кавалеры

обезьянней великой и вольн

ой палаты

Кавал<ер> обез<ьяньего> зн<ака> Н. Д. Набоков

Кавал<ер> обез<ьяньего> зн<ака> Б. П. Выпеславцев

Кавал<ер> обез<ьяньего> зн<ака> И. И. Данилов

Полпред кельтов В. В. Диксон

ключарь обез<ьяний>

Prince C. Осипов

<печать, глаголическая надпись: Обезьянья печать>

MCMXXXVIII.7.III

Chapitre de L'ordre

de Singes

G.F.H.A.

Das große und freie Affenstift

полпред всей Евразии П. П. Сувчинский

7.3.28

полпред Англии кн. Д. С. Мирский

PARIS

полпред Монголии и инспектор обез<ьяньего> банка

Gerges Chklaver

¹⁰ По-видимому, речь идет об авторском списке сказки «Султанский финик», вошедшей в сборник «Заветные сказы» [19].

полпред Словении Мирко Претнер
полпред Германии
Маркграф Ф. А. Степун
полпред Турции
М. М. Тер-Погосьян
полпред кламарский
Н. А. Бердяев

полпред римский М. А. Осоргин
полпред Шотландии
Ив. Scott
полпред литовский
Ольгерд Машинский
кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака>
Кн. Андрей Оболенский

Скрепил и деньги бумагой получил б<ывший> канцелярист
обезвелволпал

cancellarius Алексей Ремизов
(BAR. 4)¹¹.

ЗАРЕЦКИЙ ПРОТИВ СИРИНА

На долгие годы Зарецкий оказался под властью неотразимого обаяния писателя, способность которого к выдумке, игре и импровизации всегда вызывала у него искреннее восхищение. В творчестве Ремизова художнику импонировали явственная связь с классической русской литературой, искусное использование фольклорных источников, новаторские приемы прозы, а также стремление писателя адекватно выразить взаимосвязь рисунка, каллиграфии и собственно литературного текста. Признание всесторонней одаренности Ремизова сделало Зарецкого бескомпромиссным ревнителем его творчества.

Н. Зарецкий постоянно посещал заседания берлинских литературно-поэтических кружков и знал артистическую жизнь русской диаспоры изнутри. Между тем взаимоотношения в «русском» Берлине не отличались сплоченностью и доброжелательностью. Так же как и в России, между литераторами существовали глубокие идеологические и творческие разногласия. 13 ноября 1928 года, буквально сразу же после известной выходки Ассад-Бея, газета «Руль» поместила рецензию «В. Сирина» – В. Набокова (уже обратившего на себя внимание первыми сборниками стихов и романом «Машенька») на только что вышедшую книгу Ремизова «Звезда-Надзвездная», составленную из литературных обработок апокрифических легенд и притч [321: 4].

В. Сирин.

Звезда надзвездная. У.М.С.А. Париж.

В сказке или сказании, как и в шахматной задаче, должно быть то, что называется *pointe*, иначе говоря соль, изюминка. Читая сказания Ремизова, поражаешься их безнадежной пресности, т. е. не находишь в них именно того, что одно может оправдать этот литературный жанр. Не оправданием является и то, что Ремизов, дескать, подражает древним апокрифам, сказаниям калик переходных. В апокрифе, в легенде есть антикварное очарование, таинственные перспективы древнего мышления, пейзажи, облагороженные далью, символы, которые во время оно были полны бла-

¹¹ На этой грамоте нет ни одной подлинной подписи, кроме подписи самого Ремизова. Все имена написаны рукой писателя.

гоухания и значения. Надобно какое-то особое вдохновенное воображение, необыкновенное мастерство, чтобы сочинить такие же бесхитростные сказки, какие сочинялись в старину.

Ни особого воображения, ни особого мастерства у Ремизова не найдешь. Сказки в этой книге производят впечатление чего-то неустойчивого, безответственного, случайного. Когда автор приводит ряд образов (а рядов, перечислений, описей – хоть отбавляй), не чувствует читатель такого внутреннего закона, который глубже ритма и вернее смысла определяет количество данных образов. «Иуда к речке прибежал – река ушла; в лес бежит – наклоняется лес» – и читатель одолеваем какой-то мысленной щекоткой и не знает, почему автор ограничился лесом, речкой и рекой, а не прибавил еще чего-нибудь, скажем: «прибежал к горке, – сгладилась гора» и т. д. Или вот, перечисляет Ремизов части, из которых Бог создал человека: «от земли – остов, от моря – кровь, от солнца – красота» и т. д. Можно и прибавить и отсечь, – впечатление от этого не изменится. А кроме того, автор злоупотребляет астрономией, хотя, правда, не против неё, а против вкуса, грешит он, когда в одной сказке говорит о звезде, принесенной Богородицей, в другой утверждает, что солнце – «Божья слеза», в третьей заставляет Бога взять от того же солнца красоту, чтобы дать ее человеку. Страшно то, что, опять-таки, ничего бы не изменилось, если бы Богородица принесла «солнце надсолнечное» вместо «звезды надзвездной», и если бы не солнце, а звезда оказалось бы «Божьей слезой». «Гремит ад громом, бурит бурей», – в накидку вьет автор, – и читатель автоматически прибавляет «огнит огнем». Автор играет в перечисления. Автор играет в очень скучную игру.

Добро еще, если бы слог Ремизова был безупречен. Но, увы, – какая небрежность, какой случайный подбор слов, какой, подчас, суконный язык... «Угрюмо жуткою ночью сменялись первые дни на земле» или «жестокий сумрак безлунный безмолвием облек город». Не лучше «подстреленное оскорбленное сердце» и «кровью обливалось сердце, искало выхода» (сердце Богородицы, которое «ищет выхода» – это, в смысле стиля, даже как-то кощунственно). И уже к области недопустимых курьезов относится следующее: «становились на колени, и змий с ними». Нет, это не простое неведение (автор знает, что у змея нет колен, на которые он мог бы становиться), но это и не святая непосредственность. Это есть признак той небрежности, отпечаток которой лежит на всей книге [321].

Рецензия Сирина настолько возмутила Зарецкого, что он взялся за перо. В результате вышла достаточно экзальтированная статья, которую он послал Ремизову с просьбой поместить в парижской прессе:

Всякая брань бесчестит того, кто произносит ее,
не того, на кого направлена она.
Оружие против – презрение
(Слова императора Николая,
написанные им на «Родословной» А. С. Пушкина)¹².

¹² Перевод с французского пометы Николая I на письме Пушкина Бенкендорфу от 24 ноября 1831 г., к которому был приложен автограф стихотворения «Моя родословная» [291(7): 445–447].

– Ну, как Вы поживаете?
– Ничего-с, тянем ляжку Мономаха
(Из клубных разговоров)

В № «Руля» от 14 сего ноября в отделе «Библиография» я прочел рецензию на книгу «Звезда надзвездная», изданную в Париже У.М.С.А.

Как-то странно – в заголовке упущено имя автора и только уже из самой рецензии мы узнаем, что это произведение Алексея Михайловича Ремизова.

Впервые встречая такую по тону и стилю рецензию, я был вдвойне поражен, прочитав под ней подпись прозо-и поэта В. Сирина.

Рецензент, подчеркивая массу «недочетов» книги, заканчивает ее заключением, что у Ремизова – суконный язык!

Вот так штука!!

И это про Ремизова, о котором В. В. Розанов говорил: «Это потерянный бриллиант, а всякий будет счастлив, кто его поднимет: ум, спокойствие, археология...»¹³

А г. Сирин к этому драгоценному камушку отнесся по-петушиному, с задором и криком.

Но ведь и тот исторический крыловский петушок отбросил в сторону своей изящной лапкой жемчужину, предпочтя ей зерно ячменное, которое хотя и не столь видно, да сытно.

Но то была птичка, хотя и задорная, но невзрачная, да и что можно требовать от ее скромной куриной головки, хотя и хорошенькой и украшенной прелестным гребешочком!

Но когда пишет прозо-и поэт – хотя, признаюсь, начало рецензии меня сбilo с толку и я подумал, что автором ее является какой-то шахматист, так как, сравнивая сказку и сказание с шахматной задачей, он уверяет, что как в первой, так и во второй и третьей должно быть то, «что называется *pointe*, иначе говоря – соль, изюминка».

Автор рецензии, отмечая суконный язык Ремизова, пишет об его книге: безнадежная пресность; подражание древним апокрифам (а какие еще бывают апокрифы?); в апокрифе, в легенде антикварное очарование (ну словечко «антикварное очарование»; не уместнее ли было бы говорить об очаровании примитивном?); таинственные перспективы древнего мышления (фу-ты, какая тьма египетская!!); пейзажи, облагороженные далью (как это понять – топографически, или в смысле дальности времени?); символы, которые во время оно были полны благоухания и значения. Почему же это: во время оно? Вспомните греческие мифы – они и до сих пор не утратили грациозного изящества замысла и блестящей формы.

Приведа одно место из Ремизова: «Иуда к речке прибежал – река ушла; в лес бежит – наклоняется лес» – Сирин негодует. А по-моему, это действительно сильное по образу место и красивое и пластически выпуклое: Ремизов именно дает в этих немногих словах картину как от проклятого человека все отступилось.

Это сильно, это прекрасно, а г. Сирин говорит, что прочтя это место его одолела «какая-то мысленная щекотка» – действительно какая-то!

¹³ См. «Кукха» [61: 49].

Это какая-то, видимо ему одному свойственная, какая-то мысленная щекотка (ну и выраженьице же!), что и помешало ему и почувствовать силу и красоту этого образа.

Я не буду разбирать всю рецензию – достаточно нам и того, что я указал, но я возвращаюсь: как мог критик, к тому же сам поэт, не почувствовать красот ремизовского языка, силы его образов; как можно было сказать о Ремизове, что у него нет особого воображения, ни особого мастерства!!! Сирин находит, что слог Ремизова небезупречен, что у него случайный подбор слов, небрежность и пр. и даже суконный язык!

Итак, отныне г. Сирин входит в русскую литературу, впрочем, вернее в историю русской литературы, со своим суконным языком.

А ведь о Ремизове говорят иначе: говоря о «Серапионовых братьях», в их родословную вписывают имена Лескова, Ремизова и Андрея Белого. И все эти «братья» и Никитин, Зоценко, Федин, Слонимский, Всеволод Иванов, и стоящие в стороне от них Борис Пильняк, Евгений Замятин, Алексей Толстой, Пришвин, Шишков и Соколов-Микитов печатно заявляют себя учениками Ремизова и почитают его, как главу новой школы.

Такова сила таланта!

Как иллюстрацию этого приведу личный разговор с Николаем Никитиным, который рассказывал, как по поводу встречи Горького русские писатели Москвы и С.-Петербурга говорили с сожалением о том, что Ремизов живет вне России: «Он нужен нам, как живая лаборатория настоящего русского языка».

А вот г. Сирин этот язык считает суконным.

Сейчас у меня под руками несколько рецензий из берлинских журналов. Приведу несколько отрывков.

На «Пляс Иродиады»¹⁴ – «только одному Ремизову присуща странная и страшная способность заманить читателя 20 века в самую темь русского средневековья, столкнуть на дно Первобытного, замотать в неисходном тупике между молитвой и блудом, а самому отойти с усмешечкой. С Лысой Горы спуститься в благоуханные святые доли к яслям Непорочной. У Святой Софии помолиться, с посвистом взнестись на 5-й этаж к обезьяньему царю Асыке, бесстыдно помахать хвостом с заяшными шариками и броситься в советскую очередь с языческим воплем...» Н. П.¹⁵

О ремизовском «Царе Максимилиане» А. Прибыловский пишет: «это произведение является законченным, прекрасным художественным произведением» и отмечает о с о б е н н о с т и с т о р о н ы я з ы к а, четкого и чисто го в своей древней стихийности¹⁶.

Рука мастера-художника коснулась и внешней формы, устранив накопившиеся шероховатости.

А сам Ремизов говорит: «у русского народа есть слова, как огни купальские, и как цветы морозные на холодном стекле в солнечный крещенский мороз; у русского народа есть горчайшие и нежнейшие причитания и темные и вещи, как темь вещая лесов, заклинания».

¹⁴ Последняя редакция одного из ранних произведений Ремизова – «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» (1907), изданная в Берлине, с рисунками Н. Исцеленного (1922).

¹⁵ Неустановленная рецензия.

¹⁶ Цитируется рецензия А. Прибыловского на книгу «Царь Максимилиан. Театр Алексея Ремизова» (1920) [285: 12–13].

Художница Бродская, говоря о рисунках Ремизова, пишет об его слове: «В книгах Ремизова уже жили или прятались Зайчик Иванович, и Коловертыш, и Лесавка-Ворогуша... а в них – вот он весь, с лесным шепотом, с кудрявой, прыгающей, поющей, такой самородной и такой коренной, корневой, земляной, такой замысловатой и такой простой речью».

Когда в Париже возникла мысль переиздать «Житие Протопопа Аввакума, им самим написанное», то поручили это сделать Алексею Ремизову и он 33 часа переписывал «Житие», не только глазом следя, а и голосом выговаривая слово за словом и храня каждую букву Протопопа «всяя России»¹⁷.

Когда Поляков-Литовцев случайно купил в Париже 68 русских документов времени с 1701 по 1730 гг., то принес их в дар – кому же? – да, конечно, Алексею Михайловичу, как сберегателю русского слова. И Ремизов 5 дней благоговейно, «не разгибаясь», сидел над этими рукописями и все переписал (трижды переписал!), букву за буквой, строчку за строчкой, переговорил каждое слово – слово за словом – ведь «писали, как говорили!»

Подклеил, склеил, переплел – разными золотыми и серебряными бумажками, разноцветными, как камушками, покрыл переплет. И за эту работу, тронутый ремизовским терпением и любовью, художник Иван Пуни подарил ему свою картину.

Говорит Ремизов – «приедем в Россию, это будет первый наш дар России, эти рукописи – крепь крепкая, как земля».

Этим летом декан факультета славянских языков Лондонского университета сэр Бернард Перс известил Алексея Михайловича Ремизова, что ему дано звание члена-корреспондента.

И обратите внимание, г. Сирин, именно факультета с л а в я н с к и х я з ы к о в! – так как Ремизов именно и ценен и ценим со стороны языка, ценен как сберегатель русского слова.

Говоря о книге Ремизова «Электрон», Дроздов пишет: «Ремизов писатель большой и глубокий... Самое сладкое в писателе этом – любовь к народному языку»...¹⁸

А Вл. Лидин в своей повести «Курга-Баба» – «не перевелись еще человечки такие, русские, земляные, мышинные – живет и здравствует, и дай Бог лета долгие человечку российскому, в ночи перышком скрипящему, да, скрипящему – в голодуху и холод – князю обезьяньему Алексею Михайловичу Ремизову»¹⁹.

В рецензии на книгу Ремизова «Оля» мы читаем, что он «подлинный учитель грядущих поколений»²⁰.

Алексеем Михайловичем выпущено свыше 60 томов его произведений.

Не забыл Ремизова и Пушкинский Дом в С.-Петербурге, о котором Александр Блок говорит:

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!

¹⁷ Имеется в виду публикация, подготовленная Ремизовым [170: 1–73].

¹⁸ Цитируется рецензия на книгу «Электрон» (1919) [165: 21].

¹⁹ Неточная цитата. См. книгу Вл. Лидина «Ночи и дни» [225: 15].

²⁰ Подразумевается рецензия М. Осоргина (1927) [268].

Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!..
Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук –
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.
Вот зачем в часы заката,
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

И этот тихий, благоговейный поклон поэта относится и к Алексею Михайловичу, так как Пушкинский Дом среди своего богатейшего собрания имеет и угол Ремизова, где хранит его творения.

Невольно приходит на память история Пушкина. В 1830 г. он выпустил 7-ю главу «Онегина». Булгарин в «Северной Пчеле» доказывал, что у Пушкина нет «ни одной мысли, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершенное падение. Итак, надежды наши исчезли».

Но когда император Николай I-й прочел этот фельетон, он написал Бенкендорфу: «Я забыл вам сказать, любезный друг, что в сегодняшнем № „Пчелы“ находится опять несправедливейшая и пошлейшая статья, направленная против Пушкина; к этой статье наверное будет продолжение. Поэтому предлагаю вам призвать Булгарина и запретить ему отныне печатать какие бы то ни было критики на литературные произведения; если это возможно, запретите его журнал».

Бенкендорф отвечал царю: «Приказание Вашего Величества исполнено: Булгарин не будет продолжать свою критику на „Онегина“»²¹.

Точка.

Теперь кажется только забавной эта дерзость фиглярина по отношению к Пушкину: моська взбрехнула на слона-гиганта, но ее тотчас же загнали в подворотню и – конец.

В этой рецензии (т. е. г. Сирина) я вижу кощунственное отношение к имени русского писателя, писателя большого, прекрасного, и такое выступление рецензента подобно плевку на алтарь поэта, где пылает его священный огонь.

Но эта «дикая резвость» не поколеблет его треножника – он очень устойчив!

В дополнение к исторической справке, только что приведенной, вот еще несколько строк из речи Александра Блока, произнесенной им на 84-ю годовщину смерти Пушкина:

«Никогда не заслуживают от поэта дурного имени те, кто представляет из себя простой осколок стихии, те, кому нельзя и не дано понимать. Не называются чернью люди, похожие на землю, которую они пахнут, на клочок тумана, из которого они вышли. На зверя, за которым охотятся.

Напротив, те, которые не желают понять, хотя им должно многое понять, ибо и они служат культуре, – те клеймятся позорной кличкой – чернь;

²¹ Зарецкий почти буквально цитирует комментарий Б. Л. Модзалевского к письмам Пушкина [292: 398–400].

от клички не спасает и смерть; кличка остается и после смерти, как осталась она за графом Бенкендорфом, за Тимковским, за Булгариным – за всеми, кто мешает поэту выполнить его миссию»²².

Незадолго до смерти, в своем последнем произведении «Апокалипсис нашего времени», В. В. Розанов писал в жутком 1918 году: «Устал. Не могу. Две-три горсти крупы, пять круто испеченных яиц могут часто спасти день мой». И заканчивает словами:

«Сохрани, читатель, писателя!»²³

Вспоминаю, как в одно из моих посещений А. М. Ремизова, здесь в Берлине, он угощал своих гостей чаем и месячными сухарями, и сам курил сухие лепестки роз; табаку не было, денег не было.

Трудно живется нашему большому прекрасному художнику и, несмотря на то, что он ни разу не взялся за халтуру, оставаясь среди «голодухи и холода» – по словам Вл. Лидина – чистым художником, ни на йоту не изменяя своей миссии поэта.

И хотя в наше время отлично знают, как сделан «Дон Кихот»²⁴ и «что стоит фунт лиха», но, к сожалению, утеряли способность бережливого отношения к человеческой личности, и хотя бы даже простого уважения, а всего этого, разумеется, весьма достоин Алексей Михайлович.

Разумеется, можно не любить писателя, ибо, как давно известно, о вкусах не спорят – но почитать и уважать Ремизова и даже быть гордым за него – должно и следует, ведь это наш родной, прекрасный, русский писатель!

И говоря о нем, следовало бы быть более вдумчивым и серьезным, памятуя вопль В. В. Розанова: «Сохрани, читатель, писателя!»

17 Ноября 1928 года. Берлин.

Н. Зарецкий

(ВАР. 4; письмо от 20 сентября 1928 г.).

По-видимому, Ремизов был немало растроган рыцарством друга, но в ответном письме 23 ноября 1928 года деликатно отклонил предложение Зарецкого принять участие в публикации его статьи: «...мне очень трогательно Ваше отношение ко мне, но я не представляю, кто бы из здешних (газеты) напечатал Ваше» (Прага). Однако С. П. Ремизова в своем дополнении к письму мужа высказалась более эмоционально:

Дорогой Николай Васильевич, спасибо за Ваше возмущение Сирином, я бы очень хотела, чтобы Вы были здесь. Его рецензия глубоко невежественная и наглая. Мы думаем, что сделал он по желанию Бунина, который Алек<се>я Мих<айлович>a готов проглотить, так как это ему один соперник, все другие перед ним на задних лапках. Если бы в Руле можно было поместить Ваш ответ, было бы очень хорошо. А здесь мы не знаем, куда. За себя ведь неудобно заступаться, да и неизвестно, здесь никого нет. Если бы Вы знали, какие трусы здесь почти все. Если бы Вы знали, как тяжело жить из-за того, что нет настоящих смелых людей.

²² Неточная цитата из статьи А. Блока «О назначении поэта» (1921) [116(6): 162–163].

²³ Зарецкий с искажениями приводит заключительные слова Розанова из статьи «Приказ № 1» [300: 453].

²⁴ Подразумевается книга В. Шкловского «Как сделан Дон Кихот» (Пг., 1921).

Спасибо Вам еще раз, Николай Васильевич. Вы – настоящий. Всего Вам лучшего (Пр а г а).

Зарецкий в своем желании наказать Сирина был неотступен и довел дело до логического конца, публично заявив свою позицию на одном из заседаний берлинского Клуба поэтов. Post factum он рассказывал об этом Ремизову 31 декабря того же года:

Хочется рассказать обстоятельно Вам историю с моим ответом Сири-ну на его рецензию о Вашей книге. На одном собрании Клуба поэтов Си-рин возбудил вопрос об организации литературного вечера и между прочим предложил выступить и мне. Я отказался, нигде еще не было моей статьи. Но она поспела к этому вечеру, и я принес ее туда с намерением ее прочесть. Но увидав много незнакомой публики, решил отложить чтение, перенес его в Клуб поэтов. Встретясь с Сирином, я сказал ему, что у меня есть статья, но я думаю, что для этого состава публики она верно будет неинтересна.

«А о чем статья», – спросил Сирин. «Статья полемическая», – ответил я. «Ага, догадываюсь, верно по поводу Р.?» – «Это мой ответ на вашу рецен-зию, – ответил я, – и предупреждаю, что нападение будет жестокое». – «Но, что же, – сказал Сирин, – я буду готовиться! Я это чувствовал раньше».

И после, когда мне приходилось несколько раз на этом вечере прохо-дить возле Сирина, он шутливо говорил мне: «Вы какой, я не знал, что вы такой, вас надо бояться».

Сообща было решили, что я буду читать на следующем собрании Клу-ба русских поэтов.

На этот вечер я приехал с сестрами Бродскими с опозданием, когда происходило чтение Матусевича. За большим столом пили чай, кушали сладкие вещи и внимали выступающим поэтам. Было очень мило, уютно. Аплодировали, выбирали в члены союза, острили... Словом, очень мило, дружно, уютно. Но вот предлагают читать мне. Беру тетрадку; ин-тересуются прочесть, что написано на обложке. Обложка нежно розо-вого цвета и на ней два слова очень крупного почерка: Achtung, Achtung! Показал Сирину, сидевшему рядом со мной – «я не читаю по-немецки», – отвечает он. С началом чтения всё затихло, замерло, все напряженно слушают.

«И это про Ремизова, – читаю я, – вот так шутка!». Общий хохот. Про-должаю. В некоторых местах моего чтения снова дружный хохот.

Наконец, чтение кончено. Все словно оцепенели. Впечатление было огромное, словно разразившаяся бомба оглушила всех, а рассказ об VII главе и затем цитата из Блока о черни, как удар бича со всего лихого размаха силою. Все растерялись.

Молчание. Наконец, взволнованный Сирин, покрасневший, стараясь быть спокойным, обращается ко мне: «Вы меня сравниваете с Булгари-ным?» – «Нет, я вас не сравнивал с Булгариным, но нахожу литературную аналогию между его критикой на VII гл <аву> Онегина и вашей рецензией на книгу А. М. Ремизова», – отвечал я.

«Разве вы не знаете, что Булгарин служил в III отделении?» – спраши-вает он.

«Да, знаю, читал! Но повторяю, что здесь речь идет об литературной аналогии».

Сирин берет за руку свою жену, встает и, обращаясь ко мне, говорит: «Я оскорблен», и далее, сказав мне дерзость, торопливо уходит. Снова замешательство. Наконец, председатель собрания заговорил. Начал вздыхать и говорить – «как жаль, что я не знал раньше содержания статьи Н<иколая> В<асильевича>. Poleмического характера статью не следовало бы допускать и т. д. и т. д.».

Но вот раздается спокойный голос Матусевича: «А я считаю выступление Н. В. совершенно правильным. Рецензия Сирина была действительно возмутительна, и, написав такую рецензию, он должен был ждать настоящего ответа! Вообще Сирин уже несколько раз и ранее выступал с подобного характера рецензиями о книгах молодых писателей, что не следовало бы делать».

После Матусевича меня поддержал Гофман, Раиса Блох, Элиашева и Нина Бродская. Остальная часть гостей безмолвствовала. Но зато, к моему изумлению, выступил поэт Вл. Пиотровский и так нелепо предательски по отношению ко мне. После долгих разговоров Клуб просил меня, чтобы я в письме им сообщил, что в своей статье я не имел намерением сравнивать Сирина с Булгариным и что целью было сопоставление рецензий по литературной аналогии. И было решением <относительно?> Сирина потребовать от него извинений.

Просьбу Клуба я исполнил. Клуб послал копию моего письма Сирину, но он не желает извиняться и говорит, что Клуб даже ни при чем, что это его личное дело со мной.

Я им сказал, что шел в Клуб поэтов, а не в притон, куда ходят с ножом за голенищем – любители драк. А не любители драк, как я, вообще избегают таких сборищ. Что Сирин, как поэт и прозаик, мог, «подготовившись», поразить меня своим «интересным ответом», это его настоящее оружие. Был у меня недавно Б. Бродский и сказал, что группа писателей осуждают Сирина и решили потребовать от него извинений или же его удаления из Клуба: «или мы или он», – они решили.

Но пока все осталось без перемен. Сирин упорствует. Между прочим, он покидает Берлин, переселяясь в Париж. «Он не может жить с Вами в одном городе», – сказал мне один шутник²⁵.

В Клуб поэтов я подал заявление о своем выходе оттуда.

Разумеется в «Руле» поместить мою статью невозможно, ну подумайте, разве же пропустят мою статью, направленную против сына одного из основателей газеты!

Вот тут и делай что хочешь. В своей газете он черт знает что печатает, а возразить им негде.

И скажу Вам, Дорогой Алексей Михайлович, несмотря на все эти неприятности (говорю совершенно чистосердечно) я не раскаиваюсь, что выступил с чтением статьи. Напротив, у меня прекрасное чувство удовлетворения. До этого, вернее, до написания статьи я был буквально болен.

Да и думаю, что Мг. Сирин вряд ли вздумает еще раз когда-либо выступить с отзывом такого характера, как его рецензия.

²⁵ Возможно, этот инцидент упрочил в Набокове глубокую неприязнь к Ремизову, которая в достаточно скрытом виде проявилась в изображении двух персонажей романа «Пнин» – русофильской семейной парочки: художника Комарова и его жены Серафимы. Замечание о внешних совпадениях этих героев с четой Ремизовых принадлежит М. В. Безродному.

То, что он сказал – «я оскорблен», – неправда. Он просто был морально избит и растоптан. И то, что он выругался, говорит о том, как он пуст, ничтожен. Ведь в общем он действительно бездарен и безвкусен, начиная с его «Билибинского» псевдонима.

Простите меня, если я наскучил Вам этим рассказом о «литературных нравах» русского Берлина. Вспомните мою историю с Ассад-Беем о «Обезвельволпале».

Это недурное продолжение.

И этот жидок из Баку с татарской фамилией, право же, стоит этого русского дворянина, воспитанного в Кембридже.

Ну, вот пока и все.

Дорогой Алексей Михайлович, если у Вас найдется экземпляр «Звезды надзвездной» – не подарите ли мне. Откровенно говоря, я ее еще не читал, а хочется.

Душевно Ваш, Н. Зарецкий (Амхерст).

Пафос статьи художника зиждется на мысли о соблюдении этики взаимоотношений между писателями, о внимании и уважении не только к чужому творчеству, но и друг к другу. Интеллектуальная «дуэль» с Сирином типологически напомнила и знаменитый третейский суд 1911 года, и нашумевшую историю 1909 года, связанную с обвинением Ремизова в плагиате, когда в газетной перепалке за его честное имя вступились М. Пришвин и В. Хлебников [276: 159–160]. Добавим, что статья Зарецкого, так и оставшаяся неопубликованной и сохранившаяся в виде машинописи в архиве художника, завершалась послесловием, отделенным от основного текста сплошной чертой:

На экземпляре своей книги «Звезда надзвездная» А. М. Ремизов сделал следующую собственноручную надпись: «Старейшине Николаю Васильевичу Зарецкому – рыцарю и воеводе – книгу для чтения требующую умения читать по-русски, по-московски, без английского произношения, книгу, которая причинила вам столько хлопот и огорчений».

1. 1. <19>28²⁶. А. Ремизов. *Paris 11 Bd. Port-Royal Paris XIII*²⁷

(В А. Р. 4).

ПРАЖСКИЕ ВЫСТАВКИ

В 1931 году Зарецкий переезжает в Прагу. Здесь он обратил свой неутолимый темперамент на пропаганду и популяризацию русского искусства и литературы. В результате уже в 1932 году в Чешском народном музее открылась выставка «А. С. Пушкин и Русское общество его времени», которая засвидетельствовала появление не только подлинного знатока эпохи и биографии выдающегося поэта, его генеалогии и литературного наследия, но и коллекционера, которому зарубежное пушкиноведение обязано рядом важных открытий и наблюдений [376: 244–257]. Такой куль-

²⁶ Вероятно, ошибка дарителя; правильно: <19>29.

²⁷ Адрес Ремизова вписан рукой Зарецкого.

турный вклад Ремизов оценил необычайно высоко и искренне посочувствовал художнику, обиженному невниманием эмигрантской прессы к его работе:

Вы совершенно правы, за 9^а лет парижской жизни я видел столько литературного свинства, и то, как к вам отнеслись – к Вашей Пушкинской выставке, это нормальное для свинства явление. Ни интереса, ни внимания к работе.

(Никаким Ходасевичам ничего не посылайте.)

С Пушкиным – с материалами – вы доставите удовольствие, Вами «воспользуются» и больше ничего, но в этом «ничего» – гнездо свинячье.

Тысячу слов сказал бы Вам – и в сочувствие вам и в возмущение тому вопиющему цинизму, который был, есть и будет в том литературном круге, невежественном и единоподдержавном, где очень хорошо понимают, что идти Вам некуда.

Мне придется видеться с Рудневым (один из редакторов С<овременных> З<аписок>), я непременно спрошу, почему не было отклика на Пушкинскую выставку в Праге?

(Для примера: о «Посолони»²⁸ не было нигде отзыва; о 30^а снах Тургенева²⁹ даже не прочитали те, кому послал) (Прага; письмо от 9 сентября 1932 г.).

За выставку Зарецкий был удостоен в Обезвельволпале грамоты, где в заслугу художнику было поставлено символическое открытие «пограничного шлагбаума» Пушкину, как известно, никогда не покидавшему пределов России.

*<глаголическая надпись сверху: об<е>з<ьянья> гербовая
внизу: марка I об<е>зл<ион>.>
обезьянья гербовая марка один обез.лион
Алексей Ремизов*

*Дана сия обезьянья княжеская грамота старейшему кавалеру обезьяньего знака
художнику Николаю Васильевичу Зарецкому
устроителю Пушкинской выставки в Праге – открывшему
въезд Александра Сергеевича в Европу*

*По постановлению совета старейшин обезьяньего знака и
с одобрения епископа обезьянского Замутия и скре<п>ой б<ывшего> канцеляриста
обезьянней великой и вольной палаты старейший кавалер обез<ьяньего> зн<ака>*

*Николай Васильевич Зарецкий возводится в князья
обезьянни на место покойного князя и кав<алера> Павла Елисеевича Щеголева
Асыка, царь обезьяний, собственноручно подписывает эту грамоту*

*царь обезьяний
Асыка собственноручно*

<печать, глаголическая надпись: Обезьянья печать MCMXXXII> I. I. PARIS.

²⁸ Подразумевается последняя редакция книги сказок «Посолонь» [48].

²⁹ Имеется в виду эссе «Тридцать снов Тургенева» [49], впоследствии включенное в книгу «Огонь вещей».

Обезьянья княжеская грамота Н. В. Зарецкому
Affenstift
Opiči veliké
á volné rada
28.II. 1932
PARIS

Скрепил и деньги сахаром получил Алексей Ремизов (B A R. 4)³⁰.

Одна из особенностей грамоты заключалась в строгом соблюдении иерархического принципа Обезвельволпала. Получив статус *старейшего*, кавалер становился членом Совета Палаты, внутри которого поддерживалась традиция, весьма прозрачно соотносимая с законами «Арзамаса», когда каждый новый член общества занимал место своего упокоившегося предшественника. Ролевая динамика отнюдь не умаляла личного достоинства новообращенных; напротив, их игровой статус становился более весомым: так, Н. Зарецкий принял «эстафету» у знаменитого пушкиниста П. Щеголева. Кроме того, наградная бумага выделялась в ряду многих документов своей обезьяньей печатью – вполне реалистическим портретом Зарецкого в окружении конкретных примет его творческой индивидуальности: книг, бутылки вина, залатанных брюк, а также гиперболически подчеркнутых деталей, определенно намекающих на эротические пристрастия художника. За свою активную выставочную деятельность Зарецкий был удостоен титула князя Обезвельволпала. Грамоте, дарованной за пушкинскую выставку, предшествовал портрет Зарецкого (февраль 1922 г.), выполненный в сложной манере структурной графики, стилистически характерной для рисунков Ремизова 1920-х годов. Очевидно, он был изъят из берлинского альбома писателя³¹. В отличие от грамот, рисунок помечен специальным значком (с глаголической буквой внутри, соответствующей кириллической «з»), которым в идеографии ремизовской портретной галереи символически обозначались кавалеры Обезьяньего Ордена. Внизу имеется надпись, явно сделанная одновременно с портретом: «Der Kunstmalер N. W. Saretzkj H. B. Зарецкий». Сверху и справа – по периметру – помещен поздний комментарий:

1 января 1932 г. постановлением Обез.вел.вол.пала
старейший ка<валер> обез<ьяньего> зн<ака> Н. В. Зарецкий возведен
в князя обезьяньи
Князь Обезьяний и ка<валер> обез<ьяньего> знака
Николай Васильевич Зарецкий Berlin Praha (B A R. 4).

Как и следовало ожидать, «обезьяньи» награды выдавались в поощрение творческих заслуг и в благодарность за товарищескую помощь. Вторая княжеская

³⁰ Текст грамоты частично воспроизведен в публикации И. С. Чисовой [376]. Дата 28 февраля 1932 г., по-видимому, соотносится с открытием выставки «А. С. Пушкин и русское общество его времени», экспонировавшейся в течение февраля–мая 1932 г.

³¹ Вероятно, портрет Зарецкого первоначально находился в составе предназначенного для продажи «берлинского» альбома, об отправке которого в Прагу Ремизов сообщал в письме к Зарецкому 16 февраля 1932 г.

грамота зафиксировала совершенно новые обязанности Н. Зарецкого в Обезьяньей Палате: из *кунстмалера* он переводился в должность *хранителя-распорядителя* не только архива Палаты, но и огромной части графического наследия писателя. Именно с новой обязанностью Зарецкого – представлять интересы Ремизова в делах продажи его автографов и рисунков – связано специальное награждение этой грамотой, которая, кстати сказать, была затребована художником лично.

Весной 1932 года он приступил к подготовке новой выставки, посвященной рисункам русских писателей. Собирая для экспозиции лучшие образцы «обезьяньего» делопроизводства, Зарецкий обратился к Ремизову с просьбой в письме от 15 апреля: «Все забываю просить Вас написать мне Княжескую грамоту, посылаю для этого лист зеленой бумаги. Это нужно для выставки» (А м х е р с т). Подготовив увесистую посылку с новыми материалами для выставки и автографами на продажу, Ремизов приложил пояснение:

Так болит глаз, что некоторое время хочу не писать и не читать. Посылаю Вам 1) княжескую грамоту – разучился я писать с завитушками 2) грамоту доверенность распоряжаться моими рисунками, назначать им цену и получать деньги 3) и 4) два автографа – пишу через силу, очень плохо написаны 5) из «Посолони» – Пчелка (1924 г.)³² 6) незатребованная грамота М. Слониму 7) пробная грамота В. Н. Тукалевскому 8) и последняя грамота, тоже незатребованная новорожденной дочери Вадима Андреева 9) 12 рисунков «солнце и месяц»³³.

10) 4 рисунка ко Урсу из Трех серпов³⁴

11) и 24 рисунка Berliner Nachweis (П р а г а).

К письму прилагалась княжеская грамота:

<глаголическая надпись слева, сверху вниз: *Обезвелволпал*>

<марка, глаголическая надпись: *Об<езьянья> марка*>

Обезьянья

марка

I обез. лион

Дана сия обезьянья грамота князю обезьяньему

Николаю Васильевичу Зарецкому из обезьяньей

Великой и Вольной палаты от царя обезьяньего

Асыки через б<ывшего>канцеляриста обез.вел.вол.пала:

хранить и распоряжаться рисунками, назначая им цену и получая за них деньги, в виду

шаможа³⁵ и полного оскудения, как

это князю хорошо известно по донесению

болотных и заболотных

обез<ьяньих> полпредов

<росчерк Асыки>

³² См. каллиграфически исполненный авторский список новеллы «Пчелки» из книги «Посолонь», датированный 24 июня 1924 г. (П р а г а).

³³ Публикацию рисунков см. в каталоге коллекции Т. Уитни [411: 83–95].

³⁴ См. там же [411: 99–103]. Имеются в виду автоиллюстрации [45].

³⁵ От слова *шамать* – волочить ноги; здесь: ироническое выражение бессилия.

царь обезь
яний Асыка
собственно
хвостно

<печать, глаголическая надпись: Обезьянья печать. МСМXXXII> Paris
МСМXXXII
24. 4.

Скрепил и деньги травками получил
б. кацелярист обез. вел. вол. пал Алексей Ремизов
cancelarius A. Remisof

(BAR. 4).

Связь слова и графического изображения была для Ремизова одной из неотъемлемых сторон его художественного мира. Объясняя природу своего рисовального творчества, он писал:

В традиции русской литературы – рисунки писателей. <...> В самом процессе письма есть рисование. А когда «мысль бродит», рука продолжает механически выводить узоры – так обозначается рисунок. <...> Рисунки мои могут быть заметны только с книгой и рукописью. На большее я не претендую. Они всегда связаны с книгой, как часть или продолжение: моя рукопись всегда переходит в рисунок и рисунок в рукопись [53: 4].

Всячески культивируя графическое самовыражение, Ремизов придавал большое значение любым рисовальным опытам и своих товарищей по писательскому цеху: в его личном архиве бережно сохранялись рисунки Андрея Белого и В. Розанова. Не удивительно, что на организованной Зарецким выставке «Рисунки писателей», которая проходила в Чешском народном музее с декабря 1933-го по январь 1934 года, Ремизов был не просто одним из участников, но главным консультантом и поставщиком редких экспонатов³⁶. Так, 6 июня 1933 года он сообщал Зарецкому:

Посылаю 1) «Le chemin vrai pour aller á l'amour...» (Platon)³⁷ 30 рис<унков>
2) Из «Оли» 1 рис<унок>
рис<унок> Соколова-Микитова
– Андрея Белого
себя и В. В. Розанова (Прага).

Часть своих рисунков писатель предполагал выставить на продажу (о чем свидетельствуют его письма к Зарецкому, относящиеся к 1932 году, когда в Праге велась активная подготовка к предстоящей выставке). В конечном итоге

³⁶ Творчество Ремизова-рисовальщика и каллиграфа было также представлено на выставке «Рисунки русских и французских писателей» (1932), организованной Н. А. Оцупом под патронажем журнала «Числа» в Париже; в Чехословакии – на персональной выставке писателя, организованной В. В. Перемиловским в русской гимназии г. Моравска Тржебова (1934).

³⁷ «Истинная дорога, чтобы идти к любви» (франц.) – слова Диотимы из диалога Платона «Пир». Ср.: «Вот каким путем нужно идти в любви...» (пер. С. К. Апта) [279: 142].

такая судьба постигла альбомы, составленные из отдельных портретов современников, многие из которых были членами Обезвельволпала:

16. II. 1932

<...> Посылаю 3 альбома Берлинс<кий> – Парижск<ий> – Шарлотенбургск<ий> «кавалеров», хотя есть и не кавалеры. У кавалеров всегда значок ☺³⁸.

Попытайте счастье, м<ожет> б<ыть> на кого-нибудь позарятся. А потом, что не надо будет, верните. Я пушу в другие страны. Цена все та же: наивысшая 25 фран<ков>, а самая меньшая – 10 фран<ков>. По усмотрению. <...>

I) Берлинский альбом II) Шарлотенбургский Ал<ь>б<ом> III) Парижский Ал<ь>б<ом>

0) обложки с рукой

1) аэропланы	1) завитушка	1) Вяч. Ив. Иванов
2) Н. М. Минский	2) Ю. О. Мартов	2) Н. А. Бердяев
3) З. А. Венгероv	3) В. М. Чернов	3) З. Н. Гиппиус
4) М. М. Пришвин	4) А. Г. Барладеан	4) Д. С. Мережковский
5) гр. А. Н. Толстой в кругу своих предков (рисунок предков принадлежит Толстому)	5) П. П. Сувчинск<ий>	5) Б. К. Зайцев
6) И. С. Соколов-Микитов	6) А. Г. Вишняк	6) Кн. Д. П. Святополк-Мирский
7) Ев. Гер. Лундберг	7) Соколов-Микитов	7) А. В. Бахрах
8) Андрей Белый	8) Богуславская	8) М. М. Гуревич
9) Ив. А. Рязановский	9) Пуни	9) И. А. Болдырев (John Shkott)
10) А. Э. Коган	10) Залит	10) Вл. Н. Унков<ский>
11) И. Вл. Гессен	11) Арсеньев	11) В. В. Корсак (Завадский)
12) А. С. Яценко	12) – « –	12) Н. Д. Городецкая
13) Ев. Ал. Ляцкий	13) Лев Шестов	13) une jeune Rille de Vusse
14) Ав. Ф. Даманская		14) Бр. Бр. Сосинс<кий>
15) Frau Walden (б<ывшая> Каплун)		15) В. Л. Андреев
16) С. Г. Каплун		16) В. С. Варшавс<кий>
17) Ул. А. Цех		17) – « –
18) Я. С. Шрейбер		18) Б. Ю. Поплавс<кий>
19) Л. И. Шестов		19) – « –
20) А. Ремизов		20) А. Ремизов

(Прага).

Понимая уникальность персонального состава Обезвельволпала, Зарецкий в процессе подготовки будущей экспозиции побуждал писателя рассказывать о

³⁸ По-видимому, аналогичный альбом (Берлин, 1920–1923) хранится в Рукописном отделе РНБ (Ф. 634. № 20), однако на собранных в нем портретах данного значка нет.

наиболее ярких представителей литературно-художественного мира, к которому принадлежал писатель в Петербурге. Отдельные его письма к художнику, содержащие фрагменты воспоминаний, стали в некотором роде прототекстами его будущих мемуарных очерков.

О Б. В. Савинкове – вы мне напомнили – это мой долг: в самом ближайшем напишу свою память 1) встречу в юности, когда оба мы были безымянные и начинали литературную работу. 2) встреча «нелегальная» – перед Севастополем, перед арестом Савинкова». 3) и последняя встреча с загнанным нищим бесприютным Савинковым, которому и пойти было некуда и не с кем слова сказать – это здесь в Париже.

Он еще в те времена хорошо понял, что связь наша не на политике, и в разговорах было другое. И я с ним простился.

В день его ареста я потерял часы, которые у меня неразлучно 25 лет. И они были связаны с ним. И в день его смерти я его видел во сне.

Пишу это вам, чтобы вы представили себе программу моей «памяти о Викорисе Викторовиче»

Незначительные письма у меня хранятся.

И это можно приложить, ну где упоминается Обезвельволпал. Он был старейший, состоял, как Вы, не в князьях, а в вельможах, вроде митрофорного попа с набрюшником и палицей (Прага)³⁹.

Исключительность этого короткого экскурса в прошлое нам видится в примечательном выражении («программа памяти»), в котором Ремизов раскрывает основной принцип объединения людей в Палате, основанный на глубоко интимном сюжете, эмоциональном впечатлении, а не на идеологических платформах. Особый интерес для Зарецкого представляла фигура В. Розанова. В 1931 году в Праге художник даже организовал кружок «Опавшие листья», занимавшийся изучением творческого наследия философа. Ремизов, постоянно размышлявший в те годы о смысле розановского мировоззрения, постоянно делился с Зарецким своими мыслями:

...интонацию Розанова сохранил Достоевский. Есть одно место в *Братьях Карамазовых*. Живая речь Розанова. Когда сердится. Часть II книга IV Надрывы II У: отца

Слова Федора Павловича Карамазова: «Денег он не просит, правда, а все же от меня ни шиша не получит и т. д.», кончая «вот на чем только и съезжает» стр. 263 Изд. Т. И. П. Ладыжникова, Берлин, 1919 г. (с одной поправкой – Розанов трезвенник, *никогда не пил*) (Прага; письмо от 1 февраля 1932 г.); [255: 183].

Небольшая зарисовка о Дягилеве из письма от 15 октября 1929 года впоследствии почти без изменений повторится в книге «Встречи»:

Сергей Павлович родился в Перми и учился Пермской гимназии»
«...» (Уверены ли вы, что С. П. родился в 1872? Мне кажется, что в 1869 г.

³⁹ Ремизов собрал в отдельный альбом печатные материалы, связанные с процессом над Б. Савинковым (1924 г.), – «Отзывы о суде над Савинковым». На обложке имеется предваряющая надпись: «Сколько тут всякой мрази повывезло. Подать свой голос. 5 VII. 1948. Paris» (Амхерст).

Если эти сведения от него, то это ничего не значит. Молодость – только бы уберечь, хотя бы внешне: С. П. красил волосы, оставляя седую прядь. Перед смертью очень горевал о молодости, к<отор>ая прошла, горевал до слез!

Я познакомился с С. П. в 1905 г. 5 марта на литературн<ом> вечере у Паренсовых: это мое первое публичное выступление. Я читал из ненапечатанного еще «Пруда» гл. 13 и 14. (Участвовали З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, А. А. Блок, Леонид Семенов (Тяньшанский) и Д. С. Мережковский.)

Слушатели (это все больше великосветские) были возмущены. За меня заступался С. П. Дягилев и Бакст.

Я очень помню этот вечер (гл. 13–14 – самоубийство матери). В Вологде я это же читал Щеголеву, Савинкову и Каляеву. И там было совсем другое отношение.

До встречи же 1905 г. 5 марта, было одно недоразумение, которое разъяснил Д. В. Философов, самый ближайший к С. П., его двоюродный брат (тогда молодой, красивый).

Я служил с 1905 г., с февраля в Вопр<осах> Жизни. Роль заведующ<его> хозяйства я разыгрывал по-настоящему. И в письмах (даже деловых) подписывал

старый дворецкий Алексей
или домовый.

Такое письмо и еще повторное получил и С. П. Д<ягилев>.

И очень обиделся: он заявил, что с лакеями он в переписку не вступает, и только Д. В. Философов разъяснил ему, в чем дело. А через несколько недель я познакомился (П р а г а); [252: 182].

На отправляемые Ремизовым посылки и подробные рассказы Зарецкий отзывался восторженно:

26. VII. 1932

Понемногу разбираюсь в Вашем богатстве – за этой работой пришла мысль выступить на выставке «Обезвельволпал» по случаю его 25-летнего существования. Ах, как хочется, чтобы Вы приехали к Выставке сюда, это был бы ведь Ваш праздник!⁴⁰ Еще одна просьба: для истории «Обезвельволпала» не хватает портрета «единственного графа» – Н. С. Гумилева, нельзя ли его как-нибудь добыть от Вас. Рядом с ним я положил бы «Взвихренную Русь», стр. 338 (А м х е р с т).

<1933>

Сердечное спасибо за портрет Льва Исаакиевича <Шестова>, которому прошу Вас засвидетельствовать мою признательность. Этот портрет пойдет в «Пантеон Кавалеров и Князей Обезвельволпала» (А м х е р с т).

Организованная Зарецким выставка рисунков русских писателей, несомненно, явилась значимым событием в культурной жизни эмиграции. Она служила пропаганде и популяризации отечественной литературы, демонстрируя ее в весьма необычном ракурсе. Кроме того, вокруг этой выставки собралось немало деятельных людей, среди которых были не только русские, но и чеш-

⁴⁰ Имеется в виду выставка «Рисунки французских и русских писателей», организованная журналом «Числа».

ские гуманитарии. Их объединение – также заслуга Зарецкого, который не только сам был очень деятельным человеком, но и умел увлекать других. Так, посылая на выставку материал для экспозиции, писатель интересовался:

30. III. <19>32. <Париж>

Надо ли вам неиспользованные обезьяньи печати?⁴¹ <...> Вы ведь знакомы с Надеждой Филаретовной Папоушек. (У нее и у ее мужа есть обезьяньи грамоты) (Прага).

В период подготовки и работы выставки Обезьянья Палата не только существенно пополнила свои ряды, но и стала своего рода «фондом поощрения» деятелей культуры. Зарецкий активно рекомендовал в своих письмах имена кандидатур на звание кавалеров Обезьяньего Ордена⁴²:

30. IV. 1932. <Прага>

На днях я долго обсуждал с Dr. Вольф вопросы о выставке «рисунки писателей» <...> Было бы очень хорошо, если бы Вы прислали обезьяньи грамоты «нашим русским друзьям» 1) шефу-редактору «Prages Presse» – Arne Laurin и 2) писателю, работающему в той же редакции D^m František Kubka (говорит по-русски). <...> Они оба чрезвычайно внимательны, очень. У Laurina в порядке хранится переписка с Вами (Амхерст).

26. VIII. 1932. <Прага>

В канцелярию Обезвельволпала

Рапорт

Представляются к пожалованию за труды по работе организации выставок в Праге «А. С. Пушкин и русское общество его времени» и «Рисунков чешских и русских писателей»

в кавалеры I^a степени:

Dr. Miloslav Novotný,
bibliotekář i ochránce autografů
Národního musea v Praze

в старейшие кавалеры:

Dr. Josef Volf,
ředitel knihovny Národního
musea a předseda Spolku
českých bibliofilů v Praze

в кавалерсоветы Дамск<ого> Обезвельволпала:

Zofie Pohořecká, spisovatel
Старейший кавалер и князь О:В:В:П

Н. Зарецкий
(Амхерст).

⁴¹ Ремизовский альбом «Печати Обезвельволпала» (1934. 34 с.) указан в описи «Рукописные иллюстрированные альбомы А. Ремизова» [306].

⁴² Во время работы выставки Зарецкий получил от Ремизова cart blanche на право утверждать кавалеров Обезьяньей Палаты: «У меня есть „запасная“ обезьянья грамота. Если Вы увидите, что кому-нибудь сейчас надо выдать, напишите мне имя, отчество и фамилию, как титуловать, и немедленно вам ее вышлю (раскрашенная)» (Прага; письмо от 13 декабря 1933 г.).

8 сентября 1932 г. Ремизов в ответном письме обещал выполнить просьбу незамедлительно. И уже через несколько дней (13 сентября) отправлял заказ:

Сегодня посылаю 3 грамоты. Исправьте, если где сделал ошибку почешски. Задержал, очень ослаб после болезни. <...> Хочется мне к выставке закончить: альбом Лескова и «Дневник» из Взвихр<енной> Руси.

Если увидите, что еще кому-нибудь надо грамоту, напишите, я все сделаю (Прага).

13 декабря от Зарецкого поступило новое прошение:

Одновременно посылаю Вам <...> вложенный чистый лист для грамоты. <...> София Владимировна <Панина> приезжала ко мне в Konĥim (50 км). Если бы Вы знали, сколько было проявлено усилий на Заседаниях Славянского Института, чтобы осуществить эту выставку. Как председательница Комитета Дня Русской Культуры она организовала в этом году Тургеневский спектакль (Провинциалка), причем сама хлопотала, разыскивая бытовые вещи для спектакля и самой постановки. <...> Это тип подлинной русской барыни-аристократки, чрезвычайно простой <...>. И вот теперь при организации этой выставки она постоянно справлялась о ходе работ. <...> Вот о ней-то я и хотел замолвить перед Вами слово о грамоте. Написать же ей хорошо было бы так:

Председательнице Комитета Дня Русской Культуры в Праге, чьими усилиями были осуществлены: Пушкинская выставка в Праге 1932, Тургеневские дни и постановка «Провинциалки» 1933 г. и помощь устройства выставки Рис<унки> Русск<их> писателей

в знак возведения ее в высокое звание Старейшего Кавалера Дамы Обезвельволпала

Графине Софии Владимировне Паниной⁴³ (Амхерст).

Летом 1933 года, когда подготовительная работа уже подходила к своему завершению, необходимо было подумать и о широкой популяризации выставки «Рисунки писателей» в кругах эмиграции (памятуя о невнимании к предыдущей, пушкинской, экспозиции Зарецкого). Писатель сам предложил художнику свои услуги: «Я с удовольствием напишу слово к вашему собранию: о вашей любви к слову – к старине – к книгам. Но надо непременно, чтобы вы сами сделали объяснительное вступление. Все-таки напишите мне подробное содержание» (Прага).

В архиве Зарецкого сохранился рукописный альбом, на обложке которого его рукой выведено: «Выставка „Рисунки русских писателей“. Каталог. Составил Н. В. Зарецкий. Прага. Народный музей. 1933. Единственный экземпляр»⁴⁴. Помимо рисунков писателя (по каталогу: № 220–1022; 1117–1156; всего 851 лист), среди которых были рисованные дневники, автоиллюстрации, иллюстрации к произведениям русской классики и мировой литературы (например, «Рыцарский альбом – Меч Амадиса – Дон Кихот» – 12 рисунков), портре-

⁴³ Предложенный текст грамоты отчеркнут зеленым карандашом, по-видимому, рукой Ремизова.

⁴⁴ Как явствует из заметки Ремизова-Куковникова [50], рукописный каталог Зарецкого был одним из экспонатов выставки. О выставке см. также в книге Н. Зарецкого [406].

ты (в том числе 58 рисунков под общим названием «А. М. Ремизов и круг его знакомых»), этот раздел пражской экспозиции вмещал специальную тематическую рубрику, посвященную Обезьяньей Палате:

1907 25-летие Обезвелволпала 1932

(Обезьянья Великая и Вольная Палата)

1023. Собственная рука художника

1024. Завитушка

1025. Русский и немецкий автографы А. М^{айлови}ча

1026. Обезьяний царь Асыка

1027. Портрет канцеляриуса В. В. Палаты

1028. Манифест Царя Асыки на Обезьяньем языке

1029

1075 Портреты князей, старейших кавалеров и кавалеров 1-й степени, 47 рисунков

1076

1114 Грамоты и печати, 39 рисунков

<Фотография грамоты Зарецкого о возведении в кавалеры I степени от 25. 9. 1925>

1115

1116 Два портрета А. М^{айлови}ча (ВА R. 4)⁴⁵.

В связи с открытием выставки Ремизов действительно выступил в печати. Очерк, написанный в неподражаемой манере, был подписан псевдонимом «В. Кувшиков» и содержал колоритную характеристику личности Зарецкого:

...художник, археолог, библиограф, коллекционер, выдумщик и «предприниматель», т. е. пропагандист и агитатор, да еще в прошлом гусар, да его на коня если, да дать ему саблю в руку – взмахнешь – командор! [50].

Собственной графике также была дана высокая оценка:

А в заключение Ремизов, – и тут каких только нет каллиграфических затей и карандашом, и пером, и спичкой, и коготками мелких зверей, птичьей породы: рукописные альбомы, рыцарские грамоты, знаки и печати, чудище («Посолонь»), революция («Взвихренная Русь»), интерпретация («По карнизам»), пустяки или, по Достоевскому, мизер («Учитель музыки»), иллюстрации к избранным любимым текстам Достоевского, Лескова, Писемского, портрет Льва Шестова, и Гоголь – «Вечера» [50].

БЛЮСТИТЕЛЬ ОБЕЗЬЯНЬИХ ЗАВЕТОВ

Последней «обезьяньей» наградой Н. Зарецкого стала уже известная нам *рыцарская грамота* 1933 года, которая не только открывала новые мифологические смыслы, связанные с парижским окружением писателя, но и отмечала личные заслуги и бескорыстные («рыцарские») усилия художника.

⁴⁵ Альбом «Обезвелволпал» (1934. 10 с.) указан в описи «Рукописные иллюстрированные альбомы А. Ремизова» [306].

Очевидно, что и эта грамота, и возведение Зарецкого в князя Обезвельволпала были игрой «Высочайшей милостью» – в противовес той части эмиграции, которая игнорировала его популяризаторскую деятельность и, равнодушная к чужим творческим успехам, отмежевывалась от создания общего культурного контекста. Смысл же коллективного дела виделся и Ремизову, и Зарецкому не в образовании некоей национальной диаспоры, а в продолжении литературно-художественной традиции, независимо от роковых обстоятельств жизни, в которых оказались русские за рубежом.

Еще в конце 1928 года, вероятно, сразу после отъезда С. Я. Осипова из Берлина в Россию, Зарецкий взял на себя обязанности архивиста Обезьяньей Палаты и, судя по всему, продолжал вести учет ее участников. Его переписка с Ремизовым сохранила подтверждения значительной архивной работы⁴⁶. Первые указания, полученные от канцелярицы Палаты, касались записей о новом титуле Осипова:

4. X. <19>28. <Париж>

Что-нибудь я неясно написал: в Готландские полпреды и городов Любека, Гамбурга и Бремена возведен Prince обезьяний> С. Я. Осипов. Молчальник*) же за свое трусливое молчание обезнагражен...⁴⁷ (П р а г а).

Почти десятилетие спустя в письмах Ремизова следовали аналогичные просьбы:

31. III. 1937. Paris

Только-только поднялся после последней болезни (очень ослаб). <...> Заходит М. В. Добужинский. Всегда о Вас вспоминаем. (Он старейший кавалер.) Отметьте, что А. М. Горький – князь обезьяний и Ев<гений> Ив<анович> Замятин – кн<язь> обезьяний> и епископ обезьянский Замутий. На место Горького – вступает Лифарь. Я ему о вас рассказывал. (Одно горе – не пишет он писем, а разговаривать может.) Как жаль, что Вас тут нет – Пушкинская выставка⁴⁸ (П р а г а); [255: 185].

12. XII. 1937. Paris

По обезьяньей палате: я думаю вам следует титуловаться: Князь обезвельволпал, посадник обезьяний и кав<алер> обезьяньего> зн<ака>. Вместо Замятина, князь-епископ А. Ф. Керенский. Из художников в кавалерах анималист Федор Степанович Рожанковский.

Протопоп обезьяний Pierre Paskal (за перевод Аввакума). На грамотах везде ваша подпись (П р а г а); [356: 185].

Обезьянья Палата для Зарецкого была не только эстетическим феноменом; он всегда старался следовать правилам игры, искренне раскаяваясь в вольном или невольном их нарушении, о чем свидетельствует одно из его писем, отправленных после долгого молчания:

⁴⁶ Переписка Ремизова с Зарецким сосредоточена в нескольких архивохранилищах (ВАР. 4; Амхерст; Прага). Фрагменты писем из пражского собрания опубликованы в статье В. Морковина [255: 178–186].

* «Ведь он князь обезьяний> и не дать о себе весты!» (Примеч. А. Ремизова.)

⁴⁷ Возможно, имеется в виду Р. Уль.

⁴⁸ Имеется в виду организованная С. Лифарем выставка «Пушкин и его эпоха», которая открылась в Париже 16 марта 1937 г. [229: 52–70].

Дорогой Алексей Михайлович, я нарушил § 8 Конституции «Обезвело-волпала», но прошу Вас быть ко мне не строгим, т<ак> к<ак> этому были причиной мое полное безденежье (А м х е р с т).

В течение всей жизни художник собирал в альбомы изобразительный материал по истории русской бытовой и художественной культуры, искусству и литературе XIX–XX веков. Во многих из них были сосредоточены значительные творческие проекты: «Рисунки русских писателей» (248 клише-рисунков 30 писателей), «Русский воин, как автор, в науке, искусстве и литературе», «История материальной культуры человечества», «Эпоха Пушкина и Лермонтова» и др. Кроме Зарецкого, в Обезьяньей Палате собрались и другие коллекционеры русского искусства. Самыми яркими среди них были С. Маковский, С. Лифарь, известные своими коллекциями пушкинских автографов, К. Солнцев, в собрание которого попало немало рукописных произведений Ремизова, и Г. Чижов, интересовавшийся историей театра. Всех их Ремизов старался познакомить и объединить под сенью своего Обезьяньего общества.

12. XII. 1937. Paris

Лифарю тогда же (ведь это еще весной) передал Пушкинские рисунки. Еще раз скажу о нем: он чудесный, нежнейшая душа... но на письма не отвечает. (Иногда мне кажется: стесняется ошибок.) Давно его не видел, обещал зайти на Рождество... (П р а г а).

2. III. 1947. <Paris>

Пушкинские №№^a газет пошлет вам Глеб Владимирович Чижов <...>. Он – куафёр и музыкант обезвело-волпала, собирает книги о Пушкине и по истории Рус<ского> Театра. Ему можно верить: московский, с Собачьей площадки. О вас я ему рассказывал много. Приходит по воскресеньям. Только он очень высокий: говоря, задираю нос и никогда его глаз не видел (П р а г а).

25. IV. 1948. <Paris>

Вербное <воскресенье>

Пишет Вам старейший кавалер Обезвело-волпал Константин Иванович Солнцев. <...> Многоуважаемый Николай Васильевич, я человек архивный, по образованию историк (Пет<ербургского> Ист<орико>-Фил<ологического> Института), обладатель немалого числа книг и бумаг. Член <1 сл. нрзб.> комиссии в Тург<еневской> Библиоте<ке>, а посему ломаю голову, как бы ее из ничего восстановить⁴⁹. Про печальную судьбу Пражского «Архива»⁵⁰ мы знаем, а вот, что случилось с Вашим «Культ<урно>-Ист<орическим> Музеем, мне неизвестно, равно как и с собранным в нем Вашими стараниями «Пушкинским Уголком»⁵¹. Был бы очень рад получить об этом

⁴⁹ Русская библиотека им. Тургенева была открыта в Париже в 1875 г. В 1940 г., когда книжные фонды библиотеки насчитывали 100 тысяч томов, она была разграблена немецкими оккупантами [385: 459–569].

⁵⁰ Имеется в виду Русский заграничный исторический архив в Праге [307: 41–50; 281: 61–69; 125: 70–84].

⁵¹ Имеется в виду открытый 29 сентября 1935 г. в Збраславе Русский культурно-исторический музей. 2 февраля 1939 г. Зарецкий сообщал в письме А. Н. Бенуа: «Местный Культурно-исторический музей (прилагаю положение о музее) этой весной предполагает открыть новый зал, посвященный имени А. С. Пушкина.

весточку, надеяться на это позволяет то, что не раз мне про Вас рассказывал наш общий друг Алексей Михайлович.

С искренним уважением и приветом

К. Солнцев
(Прага).

Когда в 1950 году Зарецкий поселился в Париже, Ремизов помогал ему адаптироваться на новом месте, охотно знакомя со своим окружением и оказывая дружескую протекцию. Нередко в эти годы писатель также обращался к обширным знаниям художника по истории военного костюма и других реалий прошлого столетия:

24. VIII. 1950

Дорогой Николай Васильевич
Александр Васильевич Швецов старейший кавалер обезвельволпал
изобретатель волосяной обезьяньей мази
снюхался с Барковским
Хочет посмотреть на великого князя

покажитесь!

А. Ремизов

Расскажет Вам о Левитане и о Чехове. А вы ему покажете автографы Пушкина, рисунки писателей (ВАР. 4).

4. XII. 1950

...Кодрянская пошлет вам свою книгу «Сказки». Обратите внимание. За 30-ь лет в эмиграции в первый раз такая книга. Прочтите ее до последней страницы. Я знаю, вы оцените. <...> Она знает о вас от меня и от Прегель (ВАР. 4).

21 дек<абра>

В Р<усском> М<узыкальном> О<бществе> З<?> в 9 ч<асов> веч<ера> будет коронование ее, а потом в Обезьяньей Палате я поднесу ей грамоту за вашей подписью.

Царь Асыка жалует ее за ее сказки: быть ей на обезьяньих полях обезьяньей царевной.

Публично этого сделать нельзя, Париж не Петербург, дикий народ.

Если бы Чижов привез вас на час в РМОЗ (Рус. Музык. Общ.) (ВАР. 4).

14. XII. 1950

Наталья Владимировна <Кодрянская> захворала и вечер, ей посвященный, отложен на январь (ВАР. 4).

Музейная Комиссия поручает устройство этого зала мне. Необходимо иметь Ваши вещи» (ГРМ. Ф. 137. Оп. 2. № 564. Л. 5об.). После оккупации Чехословакии фашистскими войсками директор музея В. Ф. Булгаков был арестован, а сам музей закрыт. В бомбежках погибла значительная часть музейных экспонатов [160: 548–556]. В этом, пушкинском, контексте уместно упомянуть один альбом Ремизова, посвященный специально Обезвельволпалу, на втором листе которого сохранена присланная в 1926 г. сотрудником Пушкинского Дома П. М. Устимовичем листовка, анонсирующая учреждение общества «друзей государственного заповедника „Пушкинский уголок“» – общественной организации, привлекавшей силы интеллигенции к защите и сохранению Пушкинского заповедника.

...Коронавание <Кодрянской> состоится 17 января. Тут дикий народ и мелкой <так!>.

Я думал, Вы поднесете ей обезграмоту:

«ходить на обезьяньих полях обезьяньей царевной».

Но пришлось послать ей 15-го на Коляду в день ее рождения. И корону <рисунок короны> <...>

Если вам понадобится стрижка, напишите Г. В. Чижову, он куафер Обезвелоупал – навык на собаках и меня <так!>. Лет 10 стрижет, есть у него машинка. А Швецовская мазь чудеса делает, Я. Б. Полонского знаете, не узнать. Знай только копуль⁵² перед зеркалом расчесывает <1 сл. нрзб.>, а было голое место (ВАР. 4).

12. II. 1951

У Крымова⁵³ на обеде вы встретите Протопопа – Pascal'я, теперь он профессор Сорбонны, он всегда вас вспоминает. Персона! Три почетных легиона.

<...> Я написал свою память о Дягилеве («Дворецкий»), там и <о> собраниях у Бенуа на Адмиралтейском канале. На святках приезжал Бенуа, я не читал, а рассказывал ему для проверки. Ему 82 года, все помнит и особенно падок на миндальные пирожные (ВАР. 4).

7. III. 1951

Копытчик (С. К. Маковский) открыл «документ» о Пушкине, будто бы собирался идти в монахи. Как это понимать? (ВАР. 4).

28. VIII. 1951

Какая форма драгун? В «М<ертвых> Д<ушах>» штабс-ротмистр Поцелуев и поручик Кувшинников – «во всей форме» кутила – мечта Ноздрев.

Буду вам очень благодарен: напишите цвет. Я делаю альбом «Ноздрев». <...> Упомянется ли где-нибудь еще кроме «М<ертвых> Д<уш>» имя балаганного <1 сл. нрзб.> Фенарди: «четыре часа вертелся (эльвацировал) мельницей» (ВАР. 4).

13 сен<тября> 1951

Поцелуев чудесен: непроставшееся добродушие – зеленое с рыжбй и в гальбик и в банчишку и все, что хочешь.

А что за игра: гальбик?

Не знаете ли всего ромansa, поет Ноздрев под гитару:

Поцелуй меня, душа,

Смерть люблю тебя.

Нелединского стих, как по-Вашему?

И слова шарманки:

Мальбрук в поход поехал.

А дальше? (ВАР. 4).

⁵² Копуль (капуль) – мужская прическа с локонами, спадающими на лоб.

⁵³ Крымов Владимир Пименович (1878–1968) – предприниматель, прозаик, издатель, мемуарист; член парижского Союза русских писателей и журналистов.

Еще о вас справлялся граф Јосиф Чапский, художник. И пан Ян Кобеко-Пекарский (ВА R. 4).

Зарецкий пережил Ремизова на год, закончив свой путь в 1958-м, в пансионате для неимущих престарелых русских под Парижем. Как когда-то в Берлине и в Праге, его последнее пристанище представляло собой сумбурный музейный запасник, где были собраны редкие экземпляры русского фарфора, книг, литографий, лубков, рисунков и самодельные альбомы, то есть те уникальные явления «материальной культуры», которые в течение всей жизни питали его страстный артистический дух. В своей любви к культурному наследию писатель и художник были чрезвычайно похожи. Осознание этого взаимного творческого и человеческого притяжения запечатлелось в инскрипте Ремизова на книге «Пляшущий демон» (Париж, 1949):

Великому Князю
Обезвельволпала
Николаю Васильевичу
Зарецкому
единственному, одному и
единообразному в науке, в искусстве и в жизни
неутомимому собирателю
сокровищ
мысли, слова и образов
блжстителю обезьяньих заветов,
– подпор и подножие
незримого
царя Асыки –
старому верному другу
калека-неперехожая
Алексей Ремизов
☩
10 окт<ября> 1949

(ВА R. 4).

ХРОНИКА ОБЕЗЬЯНЬЕЙ ВЕЛИКОЙ И ВОЛЬНОЙ ПАЛАТЫ

1917

Из письма И. Жилкина – А. Ремизову

7 января 1917 г. <Москва>

Спасибо за память и обезьяний знак. Буду носить его, как носят revolt в «Прокл<ятом> Принце»¹: пряча под застегнутым халатом

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 73.
Л. 3).

Из «Дневника» М. Пришвина

5 марта <1917. Санкт-Петербург>

К концу апреля написать и отправить Корнею Ивановичу Чуковскому для «Нивы» (ул. Гоголя, 22) 300 строк о Ремизове про Обезьянье ведомство²

[289: 253].

А. Ремизов «Всеобщее восстание»

На второй и третий день³ было у нас большое сборище, как всегда. Как всегда, Федор Иванович Щеколдин и Наталья Викторовна Григорьева, Леонид Добронравов, И. А. Рязановский, А. М. Коноплянцев, Разумник Васильевич <Иванов-Разумник>. Прокофьев играл свое «Мимолетное», – так назвал он новые свои пьесы – музыку. Приходил и Александр Александрович Блок – и это в последней раз был он в моей серебряной игрушечной комнате – в обезвеволпале (в обезьяньей великой и вольной палате)⁴

[31: 80].

1918

Из письма М. Пришвина – А. Ремизову

<Петроград>. Казачий плац.
Константиноградская 6.

Пересыльная тюрьма.

9 января <1918>

Положение неважное, каждый день ожидаем бунта уголовных, которые грозятся нас перебить <...>. Сидеть в одной комнате в обществе из 25 человек – можете себе представить, как это убийственно... <...> Какую-нибудь хорошую книжку нужно прислать, а то читать нечего. Еще пришлите мне три хорошо сделанных обезьяньих знака 1) Михаилу Ивановичу Успенскому, иконографу, хорошему русскому человеку знак 1^а степени с палицей или епанчой (боевой).

¹ Название постановки «Трагедия о Иуде принце Искаротском», измененное по цензурным соображениям.

² Публикация не состоялась.

³ Речь идет о праздновании Пасхи, которая в 1917 году приходилась на 2 апреля.

⁴ «Сборище» состоялось на квартире Ремизовых на Васильевском острове (14 линия, д. 31, кв. 48).

<2> Сергею Георгиевичу Ручу, который начал у нас декадентство и специально изучает Вас – знак 1^й ст<епени> с золотым пером. <3> Владимиру Михайловичу Чернову – зн<ак> 1^й ст<епени> с хоботком. В двух камерах сидят нас интеллиг<ент-ных> людей 50 человек, которых я развлекаю рассказами из Обезьяньей Палаты.

Кн<язь> обез<ьяний> М. Пришвин
[276: 199].

Из письма М. Исаева – А. Ремизову

1/14 апреля <1918⁵>

Податель сего муж сестры жены моего брата Леонида, который состоит кав<але-ром> обезьяньего ордена 1 ст<епени> с мечами

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 87. Л. 1).

1919

Из письма А. Ремизова – П. Щеголеву

На место скончавш<егося> Федорова <так!> Ивановича⁶ возведен <назначен – зачеркн.> князь обезьян<ий> Федор Кузмич⁷

(ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 110).

1920

В. А. Милашевский «Тогда, в Петрограде»

<август⁸>

В один из первых вечеров, когда я сидел за вечерним чаем у моих новых знакомых, Михаил Алексеевич⁹ предложил мне отправиться вместе на заседание «Обезьяньей палаты» к ее Верховному магистру Алексею Михайловичу Ремизову. Я слышал об этом шутейном сообществе. Приходилось видеть и дипломы, возводящие в рыцарское достоинство, написанные Верховным магистром особым, фантастическим шрифтом!

Это был полуустав древних русских летописей, несколько совмещенный с рукописным «пошибом» дьяков Древней Руси.

В почерках этих грамотеев чувствовалась эстетика арабской графики.

Но Алексей Михайлович внес и свою долю «художественного озорства» в очертания букв, снабдив их чисто ремизовскими затейливыми загогулинками и вихреобразными разлетами.

Конечно, я жаждал увидеть, познакомиться с этим особенным человеком, тароватым на всякие диковинные выдумки.

Может быть, доведется посмотреть на самый процесс написания грамот, удостоверяющих, что ты в «Искусстве – НЕКТО»!

В августовский тихий вечер мы отправились на Владимирскую улицу¹⁰. Небольшая квартирка Ремизова была недалеко от Невского. Местоположение почетное

⁵ Датируется по содержанию: «немцы взяли Псков».

⁶ Имеется в виду Федор Иванович Щеголкин, умерший от тифа в 1919 г. Впервые о нем в очерке «Три могилы» [35: 133–134], а также см. очерк «Семь бесов» [66: 185–190] и статью Л. Я. Дворниковой [156: 231–242].

⁷ Подразумевается Федор Кузмич Сологуб, возведенный в обезьяньи князья грамотой от 17 февраля 1919 г.

⁸ Датируется по содержанию.

⁹ М. А. Кузмин.

¹⁰ В мае 1920 г. Ремизовы переехали в «Первый отель Петросовета» на Троицкой улице (ныне – ул. Рубинштейна), неподалеку от Владимирского проспекта.

и удобное для «Палаты». Мы совершили приятную прогулку по пустынноватым улицам – от Спасской до Владимирской.

Ремизов встретил нас троих с радушием исконно русским. Он посмотрел на меня с ласковым любопытством, однако не без некоторой насмешливости опытного «мистификатора»!

Потом я заметил, что не всех так милостиво встречал представляемых ему в первый раз лиц.

Может быть, к писателям-профессионалам у него рождалось более «сложное чувство», но ко мне как художнику, хотя бы и никому не известному, симпатия была явная. Ведь изобразительное искусство – это была страсть «потайная», напоказ особенно не выставляемая.

Несомненно, и Кузмин и Юркун обо мне сказали что-то особенное и лестное. Ведь в Петрограде было столько художников! Питер не Якутск, чтобы интересоваться любым лицом, занимающимся искусством живописи, Васильевский остров был полон ими.

Небольшой, чуть-чуть сгорбленный, скорее «человечек», чем «человек», Алексей Михайлович был своеобразен и типом своего лица. Он не был среднерусской внешности, а тем более «европейской». В его человеческой породе сквозили некие более древние «крови», чем славянские, как они отражены в классической русской живописи.

Может быть, это – тип племен древних обитателей побережий Верхней Волги, Оки, Мологи, Камы. Многочисленные племена после ледникового периода.

Мордва, черемисы, еще до появления в эти места тюрков. Москва, Муром, Карачары, Вязьма и так распространенные под Москвой села: Верея! Какие языки отразились в этих названиях! Какие племена здесь жили! Исконно-древние, берендеевские... – дославянские!

Тип лица Алексея Михайловича связывался с дремучими забытыми культурами, а может быть, и тип психики?

Неужели только внешность передается от забытых предков?!

Рисовали художники Ремизова как-то поверхностно, подчеркивали эдакую некоторую «чуждинку», подавались его «театру для себя». Некий «этнос» выразил в своем рисунке только я. Его рисовали Бакст и еще кто-то, и все создавали образ «недотыкомки».

Вскоре вышла в столовую и сама хозяйка дома — Серафима Павловна. Вот это уже настоящая «славянка» – дебелая, дородная, слегка уже расплывающаяся и улыбающаяся! Она выше ростом хозяина, и он где-то «при ней» или около нее! Очевидно, внутренне очень стойкая и самостоятельная. Надо же было сохранить и благожелательность и спокойствие по отношению ко всей этой «фантазмагории», царившей в ее доме!

Через всю небольшую комнату, почти всю занятую большим обеденным столом, под потолком были протянуты две веревки или бечевки. Они тянулись по диагонали комнаты и встречались где-то над серединой стола. Перекрест их, конечно, был неправильным, косоватым и случайным.

Так тянут веревки для белья во дворе, не считаясь с архитектурной геометрией. На «бечевах» висели или болтались разные корешки, сучочки забавной формы! Странные, вычурные, забавные, смешные и фантастические!..

Ремизов их называл «ЧЕРТЯГАМИ».

Он произносил это слово не только почтительно, но и с благоговейной уважительностью. Верю: берендеевцы им поклонялись! <...>

Каждый «божок» имел свое название, свое – ИМЯ.

Алексей Михайлович произносил их имена с понижением голоса, с тайной «доверительностью» и благоговейным трепетом!

Разумеется, всё это была игра, но игра вдохновенная.

– Это – БУРУНБЕЙ, – шептал он, – очень сильный... С ним надо с опаской... Но помогает, когда разговариваешь с «власть имущими». Тогда его надо снять. И держать в кармане во время «вызова» на разговор!.. Ну, а это – КУРУГАН! – сказал

он с некоторым хихиком и подмигиванием. – А вот: МИРЗОДЕНЯ... Успокаивает при огорчениях... Ну, а там дальше, в углу, – ВЕРЗОДУЙ... СВЫЛГАЧ... ХЛЮКЛА... ИГРЕНЬДЫБ... Много их, шутить с ними нельзя.

Я подумал, что названия эти он импровизирует мгновенно, и потом он спутает их... О чем много позднее и сообщил ему свое подозрение...

– Как можно! – вскипел он (чуть-чуть не высказав скрываемого смешка!). – Что вы! Что вы!.. Разве можно смешивать их!.. Никогда!.. Вот – ЕРЕПЕЙ-СИЛЕНДЕЙ... А вот – СИЛЬПУХА! Самый завихрень, самый корч с загогулиной говорит за себя и твердо, своим видом является вам – СЛОВО-ИМЯ!.. «КИКИМОРА»! – как просто и как выразительно!

Стали подходить рыцари Капитула

[248: 155–157].

1921

Из письма А. Ремизова – П. Щеголеву

В музей революции
голове, нарядчику и уставщику
муз<ея> рев<олюции>
Павлу Елисеевичу Щеголеву
старейш<ий> кн<язь> обез<ья-
ний> и кавал<ер>
обез<ьяньего> зн<ака> с
хвост<ами> и удобез
пер<вой> степ<ени>

В муз<ей> рев<олюции> прошу принять о И. П. Каляеве,
икону Воскресенья и моск. декабрь <1>905 г.

Алексей Ремизов

Воспоминания мои о И. П. Каляеве

и о цветах пасхальных

и о стихах

память вологодскую

напишу, как только очеловечусь

Алексей Ремизов

Петербург

25. VII. 1921

(ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4
№ 1479–1610. Л. 225).

Из письма Л. Добронравова – А. Ремизову

4. X. 1921. <Кишинев>

Помните чай с баранками филипповскими, помните, как убирали елку с
А. П. Зоновым, Таврическую?¹¹ Ух, как далеко все это!

(Амхерст).

Из письма С. Алянского – А. Ремизову

18 ноября 1921. Петроград

Скучно здесь без Вас, особенно после смерти Ал<ександра> Ал<ександро-
вича> <Блока>. Многих неприятных Вы оставили: некуда пойти

(Амхерст).

¹¹ Подразумевается петербургский адрес Ремизова (Таврическая ул., д. Зв, кв. 23).

Пресветлому князю Великой и Вольной Обезьяньей палаты Алексею сыну Михайлову челом бью!

Низкий поклон ему, прибывшему в неметчину поганую, спасшемуся из печи огненной!

А и помнит ли Алексей свет Михайлович меня, которому в прежние тихие годы доверял все свои книжки, и к каждой руку свою прикладывал, и елочки рисовал, и разные завитушки и узорчики ладные?

Я же помню его крепко и люблю, как прежде, и Пятую язву¹³, и особливо Егория Храброго¹⁴, а теперь полюбились мне его Шумы города¹⁵, а за то что помянул Блока, и за то, как помянул, спасибо душевное¹⁶.

И прошу отписать, как живет друг мой сердечный Михаил Алексеевич Кузмин?

И жив ли Сергей Абрамович Ауслендер, по которому <звонят – ?>, будто он в Питере, а то будто сгинул он безведомо в <1сл. нрзб.> Сибири?¹⁷

Жду письмеца: не побрезгуй, княже, отпиши в угомон неведущему Евгению Александровичу Зноско-Боровскому

(Амхерст).

1922

<Членский билет>

ДОМ ИСКУССТВ

Берлин Билет № 34 <вписано>

действительного члена

Завобезвелволпала Алексея Михайловича Ремизова

Председатель Совета: А. Белый

Секретарь: Александр Бахрах¹⁸

(Амхерст).

¹² Помета рукой Ремизова.

¹³ См. повесть «Пятая язва» [8].

¹⁴ Драматическое произведение Ремизова «Действо о Егории Храбром» (1912).

¹⁵ Первая книга Ремизова «Шумы города», изданная в эмиграции (Ревель, 1921).

¹⁶ Возможно, имеется в виду заметка, появившаяся в рубрике «Вести о писателях» на страницах петроградского журнала «Летопись Дома литераторов»: «А. М. Ремизов в письме своем к друзьям рассказывает: Весть о смерти Блока пришла в карантин 15 августа, и в этот вечер для очень немногих (всего оказалось из интеллигентных русских трое, знавших о Блоке, другие же и имени не слышали). С. П. (жена А. М.) читала стихи Ал. Ал. В конце письма А. М. пишет: И еще скажу вам: у кого есть силы и голова крепка, пусть не покидает России. Так и скажите» [131: 7].

¹⁷ Писатель С. А. Ауслендер после революции оказался в Омске, где с января 1919 г. печатался в колчаковской газете «Сибирская речь». В 1922 г. вернулся в Москву. В одном из альбомов Ремизова сохранилась вклеенная газетная вырезка, помеченная писателем датой «8. 12. 1922», в которой говорилось: «В Москву приехал из Сибири писатель Сергей Ауслендер. С. Ауслендер привез с собой два тома новых рассказов. С ним прибыла группа молодых сибирских писателей. Настоящим сообщением, нужно полагать, будут ликвидированы многочисленные некрологи, посвященные якобы погибшему во время гражданской войны писателю» (Амхерст).

¹⁸ Берлинский Дом искусств был образован 29 ноября 1921 г.

ДОМ ИСКУССТВ
Берлин Билет № 38¹⁹
действительного члена
Алексея Михайловича Ремизова²⁰
Председатель А. Минский
Секретарь: С. Каплун
(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – С. Постякову

Sharlottenburg. 22 Januar
<1922>

Дорогой Сергей Порфирьевич! В Ревель приехал (с разрешения) кавалер безьяньего зняка Борис Андреевич Пильняк (Bogay). Laitän 15 (Широкая). <...> Остерегите Пильняка, чтобы не попал в какую труппу издательскую. У него такие замечательные есть вещи

(ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1
№ 71. Л. 5).

Из письма С. Алянского – А. и С. Ремизовым

3 февраля 1922 г. Петроград

Глубокоуважаемые и дорогие
Серафима Павловна и Алексей Михайлович!
Быть может, я перед отъездом Вашим чем-нибудь обидел Вас или был недостаточно внимателен к Вам и Вашим тогдашним нуждам. Все могло быть и вероятно было, но есть и мне оправдание. Я слишком был занят умиравшим тогда А. А. Блоком, так как я был одним мужчиной, хлопотавшим по разным врачам и лекарствам. Кроме того, одного меня Александро Александрович допускал к себе и принимал мои хлопоты.
В день смерти Блока, не добившись Вас к телефону, я догадался о Вашем отъезде²¹. Прошло всего 1/2 года с того времени, а чувство такое, что десятки лет прошло. Часто очень вспоминаю Вас, чувствую себя немного виноватым. Хочется знать, как Вы там устроились и каково Ваше здоровье. Те сведения, которые доходят до нас, в большинстве случаев ложны и нелепы, а от тех, кому Вы пишете, ничего толком не узнать.
«Алконост» процветает, выпустил целый ряд новых книжек, о которых, вероятно, слышали. К сожалению, пересылка их за границу затруднена, но скоро, говорят, разрешится. В настоящее время занят собранием сочинений Блока и №№ 6 и 7 «Записок мечтателей» о Блоке. Хорошо было бы получить и Ваши воспоминания об А. А. (гонорар можно было бы поручить уплатить Вам в Берлине)
(Амхерст).

Из письма С. Алянского – А. Ремизову

22 февраля 1922 г. Петроград

Хорошо было бы, если бы Вы могли прислать мне в форме писем дневниковый материал для «Записок»²². Это было бы чрезвычайно интересно. Благодарю за сообщение о присылке воспоминаний о Блоке. Когда, приблизительно, они могут

¹⁹ Вписано от руки.

²⁰ Вписано от руки.

²¹ А. Блок скончался 7 августа 1921 г. Ремизовы покинули Петроград 5 августа.

²² Подразумевается издававшийся С. Алянским журнал «Записки мечтателей» (1919–1922). Представленные Ремизовым тексты были отвергнуты в письме Алянского от 18 апреля 1922 г.: «Теперь о Ваших воспоминаниях о Блоке. К большому моему огорчению, их напечатать в «Записках» Мечтателей нельзя будет по причинам, от меня не зависящим» (Амхерст).

прийти ко мне? <...> Что касается кавалеров и князей обезьяньих, могу сообщить, что книгочия Василеостровского²³ встречаю часто, последние дни только не видел. Он женился и занялся издательством. Должно быть, богатую жену в дом ваял. Издательство его называется «Поэзия» и первой книжкой печатает стихи А. Тинякова «Треугольник».

Старейший князь обезьяний П. Е. Щеголев стащил в пьяном виде в одном доме граненый бокал и очень был смущен протрезвившись. Бойтся честь обезьянью запачкать. Замутный²⁴ пишет, редактирует и пьянствует. Вообще насчет пьянства здесь многие соответствуют. Об этом расспросите Пильняка и Кусикова²⁵. Вельможу Шапошникова нигде не встречаю, занялся профессорством в Политехникуме

(Амхерст).

Из письма Л. Зандера – А. Ремизову

Февраль 1922. <11. IV. 1922>²⁶

Каюсь Вам: снедаем честолюбием: по обезьяньему знаку. Много лет уже! (с тех самых пор, как узнал о нем от моего отца, доктора Александра Львовича Зандера, который с Вами познакомился у Елизаветы Михайловны Терещенко²⁷, да, кажется, и у Вас был. Вы ему еще книгу с надписью подарили (кажется, Весеннее порошье²⁸), а он ее мне дал. Обещал меня с вами познакомить, и я этому весьма радовался, да не вышло: не то на фронт пришлось ехать, не то что-то другое помешало. Да мешало и то и другое всегда. Теперь вот кажется всего, в пределах возможного, достиг: на любимом деле сижу, и работа идет успешно, и люди хорошие есть, и от своих известия хорошие получаю. И даже самолюбие может быть удовлетворено: успех все время. Но нет – мечта об обезьяньем знаке так и грызет <...> заслуги же мои следующие:

- I) Напечатал этюды: Сверхъестественное у Тургенева, Нравственная ценность войны, Обоснование социального воспитания, Данность и заданность (вступительная лекция), Лекции по этике, Учение К. Леонтьева о прогрессе и мелочи – что у меня имеется посылаю.
- II) Читал в Университете курсы Этики, Логики, философии культуры, философии религии, О Влад<имире> Соловьеве и о Фаусте.
- III) Докладов читал много: и о Киркегоре (о коем работу сдал в печать) и о А. Блоке и о С. Н. Булгакове, о Бергсоне – много по религиозным и церковным вопросам.
- IV) Сотрудничал в Свободной Перми, Новом Пути, Русском Крае. Пишу в харбинском Русском Голосе – все статьи в идеологии Вех – подписываюсь Виктор Эремита²⁹.
- V) Имею следующие почетные прозвища от детей в Германии (в годы студенчества в Гейдельберге): Das Sapaniche Froschgerippe³⁰, der Orang-Utang³¹,

²³ Я. П. Гребенщикова.

²⁴ Е. И. Замятин.

²⁵ В конце января Б. Пильняк и молодой поэт А. Кусиков были командированы в Берлин. Пильняк остановился у Ремизовых. О его приезде с раздражением отзывалась С. П. Ремизова-Довгелло в письме к Э. Н. Гиппиус: «Сначала был здесь Пильняк – это – хулиган, он выводок <так!> советский, о чести понятия не имеет, о самой простой чести, какую знает самый последний бродяга. Напр<имер>, он хвастается своими победами над женщинами, ему от меня так попало, что он меня как огня боялся» (Амхерст).

²⁶ Помета рукой Ремизова.

²⁷ Совладелица образованного в 1912 г. издательства «Сирин», сестра сахарозаводчика и мецената М. И. Терещенко.

²⁸ Сборник рассказов Ремизова [9].

²⁹ Л. Зандер использует один из псевдонимов Сёрена Кьеркегора, под которым он выпустил вторую часть своей книги «Или-или» (1843).

³⁰ Испанский скелет (нем.); это выражение используется в идиоматических оборотах в значении: непонятный, странный, тарабарщина.

³¹ Орангутанг (нем.).

от товарищей по Александровскому Лицею – Das Kleine Wundt³² (я его переводил).

от Зеленого кольца (студенческий кружок, мною устроенный в Перми и здесь) Maestro; а здесь – Симпосиарх, ибо собирается в моей конуре, а угощать я за бедностью не могу (жалованья-то ведь нам не платят), так имеется на каждый раз «дежурный колбасник и фруктощик», а я только «предстоятель». Состою рыцарем Ордена Липы (всего два рыцаря и гроссмейстер), членом и секретарем разных ученых и неученых обществ. Имею еще прозвище Лубузьяна I (и так обезьяну исковеркал). Сослуживцы же разных учреждений (служил в Публичной библиотеке, <1 сл. нрзб.> Верховного, в бюро печати, в двух Университетах) почему-то зовут просто Левушкой.

VI) Обладаю весьма обезьяноподобной наружностью

(Амхерст).

Из письма В. Ужковского – А. Ремизову

17. III. 1922

Альбом, который Вы мне начали подарком «обезьяньего знака», заполнен многими и представляет исторический интерес – я его вожу с собою.

В моем романе <«Андрей Клинский»³³> дважды фигурирует Ваша фамилия

(ВАР. 5).

Из письма Б. Пильняка – А. Ремизову

28 марта

1922. <12. II – 28. III. 1922>³⁴

Прощальное подорожие

кавалера обезьянского знака
с волчьим зубом

Бориса Андреевича Пильняка (Boгау)

28 марта 1922 г., г. Берлин,

Церковная улица.

С благословения Обезьяньего Царя Асыки и скрепою бывш<его> Канцеляриста, забеглого политкома cancellarius А. Ремизова Обезвелволпала –

– Попу женскому –

лапландской русалочной женщине, плавающей К. М. Богуславской; и тебе, Вера Лазаревна мечь <1 сл. нрзб.> – память моя; Пуговке, художнице Анне Семеновне, в день потери ключа моего (см. «Исследование» Соколова-Микитова, изд.

И. П. Ладыжникова, Берлин, 1923), – и Волчихе, волчец вонзившей, и тебе, <1 сл. нрзб.> укусившей за губу меня (в Обезьяньей палате ответ дал : споткнулся, ударился губами – о лестницу); и ты, люты, хладная Лань, не водящая блох; и ты, Подруга небызывестного (твой укус руки моей – укус пчелы); и ты, Августа, мною невиданная (в твоём имени – кровная моя песнь трепещет); и ты, <1 сл. нрзб.>

Гамбургская, газ гасящая (на твоём мерзостном ложе – тридцать и одну ночь проспал я), и ты, грузинская царевна (один взгляд твой горшок разбил); и ты, ослепшая от моего почерка; и ты: –

– все Вы, всем Вам, пившим и не пившим со мной брудер-шафт, – ...

Первое – канцеляриусу Обезвелволпала раномутреннему будителю моему, и тебе, небызывестный профессор с заяшными шариками³⁵, и тебе, мифический Соломон-Сумский³⁶ с братьями; и ты, танком шествующий не за славой, а за долларами

(Амхерст).

³² Маленький Вундт (нем.). Имеется в виду немецкий психолог, физиолог, философ-идеалист Вильгельм Вундт (1832–1920).

³³ См. [354].

³⁴ Помета рукой Ремизова.

³⁵ А. С. Яценко.

³⁶ С. Г. Каплун.

Из письма А. Ремизова – В. Унковскому

7. IV. 1922. <Париж>

Сегодня Благовещенье – когда-то, помню, в этот день Вы у нас были на Таврической (ВАР. 5).

Из письма А. Пинкевича – А. Ремизову

Берлин. 18 мая 1922

Светлейшему князю обезьяньему
Ремизову Алексею

кавалера обезьяньего знака
неведомой степени Пинкевича Альберта

Рапорт

Сим доношу Вашему сиятельству, что житию моему берлинскому во вторник конец. А посему чувствую обязанным себя принести Вам великую почтительнейшую благодарность за высокое внимание, мне оказанное. Осмелюсь также почтительнейше просить Вас о разрешении представиться Вам по случаю моего отъезда (Амхерст).

Из письма А. Ремизова – В. Тукалевскому

Sharlottenburg. 14. VI. 1922

...сейчас нет минуты пишу Временник 2 часть.

Всеобщее восстание
временник
А. Ремизов

I Весенняя рынь (в Эпопее № 1)

II От аза до ижицы

интермедия – Обезьяний документ

III От ижицы до непы <?>

Поминанье³⁷

(ГАРФ. Ф. 577.
№ 697. Л. 18об.).

Из письма П. Сувчинского – А. Ремизову

7/8. 1922. Fischееvaster

Дорогой Алексей Михайлович, грамоту Вашу получил. Спасибо за нее большое! Я окончательно решил: – Подожду, в Россию не поеду...

(Амхерст).

Из письма Д. Святополк-Мирского – П. Сувчинскому

London. 11 окт<ября> 1922

В *Голосе России* узнал опять проказы Ремизова. Лев Шестов, делящийся тирольскими афоризмами, – фигура истинно комическая, совсем находка: «А из калosh, прямо скажу, целое лето не вылезает»³⁸

[424: 17].

³⁷ Речь идет о публикации под названием «Всеобщее восстание», появившейся в первых двух номерах журнала «Эпопея» (1922). Названные здесь главы второй части в последующих печатных редакциях были переименованы; «Обезьяний документ» во «Взвиренной Руси» получил название «Донесение обезьяньего посла обезьяньей вельможе».

³⁸ Подразумевается заметка Ремизова (опубликованная под псевдонимом Саркофагский) «Из жизни художников в Берлине», которая освещала деятельность фантастического общества Цвофирзон. Ср.: «Приехавший из Парижа б<ывший> почетный председатель Вольфилы Лев Шестов поделился своими тирольскими афоризмами. „Если бы не дождь, – сказал философ, – так бы и зимовал на альпийской панораме. Верите ли, целое лето пришлось таскать старое ватoshное киевское пальто, а из калosh, прямо скажу, не вылезал“» [30: 8].

Саркофагский <А. М. Ремизов>. «Из жизни художников в Берлине»
На Schutzengelfest – 2 октября в Шарлоттенбурге в Affenrate состоялось чествование А. М. Горького. «Обезьянья великая и вольная палата: князя обезьяньи, вельможи, послы, толмачи, обезьяньи служки и сонм кавалеров обезьяньего знака, собравшиеся в Шарлоттенбурге на сборище в Affenrate постановили ознаменовать день тридцатилетия литературной деятельности князя обезьяньего и кавалера обезьяньего знака первой степени с глобусом Алексея Максимовича Горького – выдать из обезвелволпала хвост обезьяний: сей хвост обезьяний носить ему при себе неотрывно, чтобы всякому понять по хвосту было, что есть за человек, чем был и чего достиг, тридцать лет трудясь на духовной работе честно и хвально!»
[30: 8].

Заметка из «Красной газеты»

Шуточный литературный орден «Обезьянья великая и вольная палата», организованная в Петрограде несколько лет тому назад Алексеем Ремизовым, чествовала в Шарлоттенбурге А. М. Горького по случаю исполнившегося тридцатилетия его литературной деятельности. Писателю была выдана следующая грамота: «Обезьянья великая и вольная палата: князя обезьяньи, вельможи, послы, толмачи, обезьяньи служки и сонм кавалеров обезьяньего знака, собравшиеся в Шарлоттенбурге на сборище, постановили ознаменовать день тридцатилетия литературной деятельности князя обезьяньего и кавалера обезьяньего знака первой степени с глобусом, Алексея Максимовича Горького – выдать из Обезвелволпала хвост обезьяний: сей хвост обезьяний носить ему при себе неотрывно, чтобы всякому понять по хвосту было, что есть за человек, чем был и чего достиг, тридцать лет трудясь на духовной работе честно и хвально»
[396: 4].

Из книги А. Ремизова «Встречи. Петербургский буерак»

Обезьянья Великая и Вольная Палата (Обезвелволпал) отметила юбилейный день Горького высшей наградой, какая только есть в свободном обезьяньем царстве: Горькому преподнесена царская жалованная грамота за собственноручной подписью обезьяньего царя Асыки в знак возведения его в князя обезьяньи. Под грамотой подпись обезьяньих князей: И. А. Рязановский, Н. В. Зарецкий, П. Е. Щеголев, М. М. Пришвин, Вяч. Шишков, А. Н. Толстой, князь-епископ

Портрет
Л. Шестова

Замутий (Е. И. Замятин). И старейшины – митрофорные кавалеры обезьяньего знака: Анатолий Федорович Кони, Василий Васильевич Розанов, Лев Исаакович Шестов, Михаил Осипович Гершензон, Петр Петрович Сувчинский³⁹. Принял Горький свой обезьяний княжеский титул, как дети играют. <...> Горький искренне поверил. Он держал в обеих «лапах» мою нарядную грамоту и удивлялся: «Князь! – обезьяний князь, да в роду Пешковых о таком и мечтать не могли!»

* * *

Я, «бывший» канцелярист (по старине диак), грамоту скрепил и деньги сахаром получил

[62: 121].

Из статьи Г. Алексеева «Алексей Ремизов»

В квартире у Ремизова, Алексея Михайловича, под потолком, протянуты нитки и веревочки, концами за гвоздики, а по веревочкам, как по паутине – приближается она к середке сплетением хитрым, пауку и тому так не выплесть – подвешены лапки птичьи, голубиные, ноготками внутрь, на красненьких узелках, воробьиные, сложенные в кулачок на беленьких: – воробьиные они меньше внимания стоят. А меж лапками веревочкой за шейку – коровки из сахару, что хозяйки на пасхальные бабы лепят, праздник Божий примечают, барашки с хвостиком, как крючок, крендельки: – слово – буки – аз и рцы – аз – мыслете, что и означает Ремизов, Алексей Михайлович. Оно, может, и смешно для непосвященного, да разве сердиться-то, сердиться на человека, который вот и не знает ничего, – аз – мыслете – рцы и буки – аз и паки буки дубовой душой не чувствует... как на такого человека сердиться можно: Бесчувственный он. А по стенам сусального золота листы идут – круглые как щиты, а на листах трубочист, с помелом, с метлой, чумазый как негр, трубочист совсем живой – только игрушечный, а за трубочистом пряник, да с медом, не как-нибудь, в Москве на Поддевичьем по советскому курсу 52.000 рублей плачен. А в самом центре всего птичьего и пряничного переплета, так вершка может на два от бараньего рога, в сусальное серебро оправленного – он и висит. Не очень однако большой, зато пушистый. С сединкой. Обезьяньего царя Асыки собственный хвост. Обезволпал – по правописанию советскому, что и обозначает обезьянью вольную палату, царем Асыкой управляемую, его никто никогда не видел, знать его смертному простому недоступно – хвост же, царский, канцеляриусу обезьяньему Алексею Михайловичу Ремизову впредь до особого царского указа охранять, собственным его величества царя Асыки хвостом манифесты скреплять, а неведующим, кои по младости своих лет или еще по заблуждению – буде бытие обезьяньего царя Асыки отрицать станут – хвост этот показывать велено, слегка и без боли по неверующему лбу пушистым концом ударяя.

Тут же за столом – царский приказ о возведении одного молодого писателя в кавалеры обезьяньего ордена 1-ой степени печатью скрепляя, – сам канцеляриус Алексей Михайлович Ремизов сидел, шифр ордена по старым пергаментам проверяя. Обезьяны нонче, что люди, попортились, тоже вот грамоте разучились, «ахру» – что по обезьяньей «свет» и «огонь» означает – слово веское, жить без него и подумать страшно – и то по новой орфографии писать стали. Сам он – канцеляриус махонький, в фуфайке, а на плечиках плед теплый – холодно, чай, в Европах. Очки у него круглые, совьи – ну, вот совсем немецкие, а над очками – два кустика – брови отмечают, а под очками тоже два кустика, выстриженных до пупырышков, на усах приходится. Обличьем – можно сказать, гном – в кустарниках, да по опушкам такие вот шатаются, похочатывают, кулачками по стволам стучат, травами-муравами по лесам заведуют, солнечными зайчиками, когда сквозь потолок лесной на хвою вниз просыплются, распоряжаются, в солнечные зайчики игру ведут. Как по Руси железную дорогу повели – все гномы в леса ушли, на берег озера, где китеж на дне

³⁹ Очевидно, что под «подписями» следует понимать перечень имен, написанный самим же Ремизовым, так как большинство из перечисленных не могли быть в 1922 г. в Германии.

спит, а как революция запалила землю – совсем их и не видно стало, запрятались по трущобам, подальше от духа человеческого, кровью загулявшего, от пожаров, затрепавших по лесам. Гномы-то и надумались. «Ахру» – свет, не стало его в человеческом сердце, тухнет – потухает, вот-вот зальют его кровью люди. Оттого царь Асыка, вольной обезьяней палаты государь – в дреме лесов непроходных, в пущах да тайгах и повелел: палату обезьянью заложить, гномов, от лесного неистовства убежавших, допустить, а свет «ахру», угасший в руке человеческой – в обезьяней руке, а твердой, в руке волосатой, а кровью не замеченной, возжечь. Так в приказах о возведении новых членов в кавалеры 1-ой степени и говорится: – Свет, «ахру» на обезьяньем языке именуемый, угаснуть не должен. И буде людям наперед непотребным окажется – обезьянью роду мохнатому держать свечу неугасимой настоящим приказом повелено.

Канцеляриус – он хитрый. И вязь славянскую знает, и иероглифом пишет, краской подмажет, золотца подлепит. А если кто не понимает – ласковый. Улыбается и на царский хвост перстом указывает:

– Вот он – хранитель света, именуемого «ахру», хвост обезьяний. Угасили пламенный светильник люди

[93: 44].

1923

Из письма С. Ремизовой-Довгелло – З. Гиппиус

3 января 1923. <Берлин>

...пишу Вам в ужасном состоянии: нас выгнали с квартиры. <...> Мне взялись помогать 2 молоденькие барышни – не настоящие, усыновленные <так!> дочери Чернова⁴⁰. На сколько он мне не симпатичен, настолько они хороши, да они с ним давно не живут, он ведь на ком-то опять женился, не с их матерью живет. Как вся молодежь, они вообще против социализма и социалистов, против большевиков так же, и против с<оциалистов>-р<еволюционер>ов и м<еньшпивику>в. Это очень характерно для молодежи. Своими глазами видят все, им по 19 лет, они – близнецы, их сестру маленькую 10 лет (теперь ей 13) бо<льшевик>и арестовали из-за отца и ее Ленин сам допрашивал, говорил: «Аличка⁴¹, скажи, где твой папочка?» Наконец, ее взяла на поруки первая жена Горького⁴², не М<ария> Ф<едоровна>⁴³. Так вот эти барышни мне помогают искать квартиру, а пока мы живем ужасно, наша ведьма-хозяйка нас выживает...

(Амхерст).

Из книги В. Шкловского «Зоо, или Письма не о любви, или Третья Элонза»⁴⁴ ПИСЬМО ПЯТОЕ,

содержащее описание Ремизова, Алексея Михайловича, и его способа носить воду на четвертый этаж бутылками. Здесь же описаны быт и нравы Великого обезьяньего ордена. Сюда же я вставил теоретические замечания о роли личного элемента как материала в искусстве.

⁴⁰ Наталья, Ольга и Ариадна Черновы – приемные дочери В. М. Чернова [268: 63–65, 75–76].

⁴¹ Детское имя младшей из сестер Черновых – Ариадны.

⁴² Жена М. Горького Екатерина Павловна Пешкова (1876–1965) в 1923–1937 гг. возглавляла организацию «Помощь политическим заключенным».

⁴³ Мария Федоровна Андреева (1868–1953) – актриса, гражданская жена М. Горького, в 1919–1921 гг. – комиссар театров и зрелищ Петрограда, заместитель наркома просвещения по художественным делам, заведующая петроградским ТЕО Наркомпроса.

⁴⁴ Авторское предисловие к берлинскому изданию 1923 г. датировано 5 марта [390: 280].

Ты знаешь, у обезьяньего царя Асыки – Алексея Ремизова – опять неприятности: его выселяют из квартиры.

Не дают спокойно пожить человеку, как он хочет.

Зимой в 1919 году жил Ремизов в Петербурге, а водопровод в его доме взял да и лопнул.

Всякий человек растерялся бы. Но Ремизов собрал у всех знакомых бутылки, маленькие аптекарские, винные и всякие другие, какие попались. Построил он их ротой в комнате на ковре, потом брал по две и бежал по лестнице вниз за водой.

При таком способе воду нужно носить для каждого дня неделю.

Очень неудобно, но – забавно!

Жизнь Ремизова, – он сам ее построил, собственноручно, – очень неудобная, но забавная.

Росту он малого, волос имеет густой и одним большим вихром – ежиком. Сутулит-ся, а губы красные-красные. Нос курносый, и все – нарочно.

А паспорт весь исписан обезьяньими знаками. Еще до того, как лопнул водопровод, ушел Ремизов от людей – он уже заранее знал, что они за птицы, – и пошел к великому обезьяньему народу.

Обезьяний орден придуман Ремизовым по типу русского масонства. Был в нем Блок, сейчас Кузмин состоит музыкантом Великой и вольной обезьяньей палаты, а Гржебин – тот кум обезьяний, и в этом ордене состоит в чине и звании зауряд-князя, это на голодное и военное время.

И я принят в этот обезьяний заговор, чин дал себе сам, «короткохвостый обезьяенок». Хвост я себе сбрил сам перед тем, как уйти в Красную Армию в Херсоне. Так как ты зауряд-иностранка и твои чемоданы не знают, что владелицу их вскормила сибирячка, румяная Стеша, то нужно сказать тебе еще и то, что наш обезьяний народ, народ дезертиров от жизни, имеет настоящего царя. Заслуженного.

У Ремизова есть жена, очень русская, очень русая, крупная, Серафима Павловна Ремизова-Довгелло; она в Берлине, как негр какой-нибудь в Москве времен Алексея Михайловича, царя, такая она белая и русская.

Сам Ремизов тоже Алексей Михайлович. Говорил он мне раз: «Не могу я больше начать роман: „Иван Иванович сидел за столом“».

Так как я тебя уважаю, то вот тебе открытие тайны.

Как корова съедает траву, так съедаются литературные темы, вынашиваются и стираются приемы.

Писатель не может быть землепашцем: он кочевник и со своим стадом и женой переходит на новую траву.

Наше обезьянье великое войско живет, как киплинговская кошка на крышах – «сама по себе».

Вы ходите в платьях, и день идет у вас за днем; в убийстве, даже более – в любви, – вы традиционны. Обезьянье войско не ночует там, где обедало, и не пьет утреннего чая там, где спало. Оно всегда без квартиры.

Наше дело – создание новых вещей. Ремизов сейчас хочет создать книгу без сюжета, без судьбы человека, положенной в основу композиции. Он пишет то книгу, составленную из кусков, – это «Россия в письменах», это книга из обрывков книг, – то книгу, нарощенную на письма Розанова.

Нельзя писать книгу по-старому. Это знает Белый, хорошо знал Розанов, знает Горький, когда не думает о синтезах и о Штейнахе, и знаю я, короткохвостый обезьяенок. Мы ввели в нашу работу интимное, названное по имени и отчеству из-за той же необходимости нового материала в искусстве. Соломон Каплун в новом рассказе Ремизова, Мария Федоровна Андреева в плаче его над Блоком – необходимость литературной формы.

Обезьянье войско несет свою службу. Ходом коня наискось я пересек твою жизнь, как это было и есть – ты знаешь; но, Алик, ты попадаешь в мою книгу, как Исаак на костер, сложенный Авраамом. А знаешь ли, Алик, что лишнее «а» в имя Авраама Бог дал ему из великой любви. Лишний звук показался хорошим подарком даже для Бога. Знаешь ли ты это, Алик?

Впрочем, ты не будешь жертвой, это я обменной жертвой, барашком, впутался рогами в кустарник.
Комната Ремизова вся в куколках, в чертиках; а Ремизов сидит и шипит на всех: «Типпе! – хозяйка», – и поднимает палец. Он не боится хозяйки – он играет. Тягостен вольным обезьянам путь по тротуарам, жизнь чужая. Женщины человеческие непонятны. Быт человеческий – страшный, тупой, косный, не гибкий. Мы юродствуем в мире для того, чтобы быть свободными. Быт превращаем в анекдоты. Строим между миром и собою маленькие собственные мирки – зверинцы. Мы хотим свободы. Ремизов живет в жизни методами искусства. Кончаю писать, мне нужно бежать в кондитерскую Mierike за тортом. Сейчас ко мне придет кто-то, потом нужно нести торт, потом еще зайти к кому-то, потом искать денег, продавать книгу, разговаривать с молодыми писателями. Ничего, в обезьяньем хозяйстве все пригодится. Вавилонское столпотворение для нас понятней парламента, обиды нам есть где записывать, розы и морозы у нас ходят в паре, потому что – рифмы. Я не отдам своего ремесла писателя, своей вольной дороги по крышам за европейский костюм, чищенные сапоги, высокую валюту, даже за Алю [390: 294–297].

Из письма А. Лютера – А. Ремизову

<Лейпциг. 23 марта 1923>

Великому Магистру
Обезьяньего Ордена
Алексею Михайловичу Ремизову
русский немчин

Артур Федоров сын Лютер, проживающий ныне в саксонгском граде Липске (Лейпциг тоже), но родившийся в российском богоспасаемом граде Орле – в нем же родился Тургенев, Иван Сергеевич, Лесков, Николай Васильевич, Федотова, Лукерья Николаевна⁴⁵, и Андреев, Леонид Николаевич – и там же, да в Первопрестольной Москве все науки прошедший челом бьет...

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – Б. Пильяку

Берлин. 24. 6. <19>23
Ивана Купала

Дорогой Борис Андреевич
18-го с/м приехал Никитин.

В тот же вечер взят был с него обезьяний хабар в 25. 000 м<арок> и бутылка Douga Portwein (Таррагонна <?> больше не употребляется!)
Архив получил. (Мало!) Собирайте все – письма, конверты, черновики – сами же после порадуетесь, когда передам вам.
Получил Сигары и кофе.
Очень очень вам благодарен!
С Никитиным пошлю книги. –
Сейчас он захворал – лежит простудился: без калош привычному человеку трудно.
Но с кем беда случилась, это с Бахчой: тоже лежит – простудился.
Из рассказа Ник<итина> понял, что соваться мне с своими книгами в Россию бесполезно.
Очень все это грустно.

⁴⁵ Гликерия Николаевна Федотова (1846–1925) – актриса.

И тут не выходит и там не принимают.
И где пытаться счастье в каком Китае?
Ну пишите
Серафима Павловна кланяется
Алексей Ремизов

(ИРЛИ. Новые поступления).

Из письма Н. Закатимова – А. Ремизову

Петроград. 1. VII. 1923

Я свято храню Вашу Грамоту, и Вашу доверенность на гонорар за «Царевну Лисаву...»⁴⁶

(Амхерст).

Письмо М. Щербакова – А. Ремизову

ЕГО Великообезьянству
АСЫКЕ ПЕРВОМУ ВАЛАХТАНТАРАРАТАРАНДЕ РУФЕ <так!>

Беглого российского пиита Михаила
Васильева ЩЕРБАКОВА, жительство
имеющего в граде Шанхае, по Консульской улице, номер дома 77-ый,
ВСЕНИЖАЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

Припадаю к обезьяньим ТВОИМ стопам через б<ывшего> Канцеляриуса ТВОЕГО, а ныне – Упрберлотобезволпала <так!>, Алексея Михайловича РЕМИЗОВА с ниже-следующим всенижайшим прошением:

Хоть и не стар я годами и в книгописном мастерстве не зело искушен, все же имел к сему сызмальства изрядное рвение и не токмо чужие во множестве читал, но и свои вирши и гиштории неоднократно отписывал и в толстых и тонких курантах печатал. Соблазнил же меня к сему учен муж, Евгений Васильев Аничков, меня из-под болгарской картечи извлекши и в граде древнем Солуне в лето Господне 1917 впервые в курантчики подмастерьем определив.

Заслуги мои суть не велики: в молодости (теперь бы не мог) осилил от корки до корки многоумный труд борзописца Андрея, по прозвищу Белого, «Символизм» именуемый. Прожил промеж народа ТВОЕГО обезьяньего (иначе японцы), без малого полгода, сиречь пять месяцев, питаюсь моченой редькой и прочим овощем. Ездил к народу ТВОЕМУ и на самую вашу родину, на Цейлон-остров, где, бают, обезьяннейшие предки ТВОИ некогда отважно бились, а ныне во всей натуре по лесам шугают и непристойности на сучьях вытворяют. О прочих же моих заслугах говорить мне не подобает и учинит о сем надлежащее представление ТВОЙ обезьяний посол в Китае и Кавалер обезьяньего знака Зандер Лев, ибо оный Зандер Лев ныне свое посольство оставляет и к немцам путь держит.

А посему, коль заслуги мои ТЕБЕ по нраву и коль требуется ТЕБЕ чин для между-усобных переговоров с державой Китайской, не благоугодно ли будет ТЕБЕ возвести меня в некий малый обезьяний сан, пожаловав приличным тому звани-ем, знаком ТВОИМ и надлежащей грамотой.

Беглый Российский пиит

Михаил Васильев Щербаков
к сему прошению руку
приложил.

г. Шанхай.

1 июля 18-го дня 1923

(Амхерст).

⁴⁶ Возможно, одна из сказок, написанных на основе рассказов Ляо Чжяя в переводе В. М. Алексеева, о которой Ремизов упоминал в своем письме к ученому 12 февраля 1926 г.: «Я написал сказку про Лисицу, пользуясь вашими книгами, и эта сказка, к моему горю, пропала» [102: 735].

Из статьи И. Лерского «В эмигрантском Берлине»

Ряды злобствующих, ушибленных ненавистью к новой России, эмигрантских писателей редеют. <...> Крепче сидит в Берлине А. М. Ремизов, маленький, сутулый, в больших круглых очках, очень тихий и кроткий. Он мало где бывает, живет близ Тиргартена, часто голодает из-за своей непрактичности и неприспособленности. Весь литературный Берлин, – знает удивительные закорючки-рукописи чудака – «мастера обезьяньей палаты», – этим именем подписывает расписку в авансе писатель, отнюдь не балуемый скаредными берлинскими издателями. Ремизов закончил интересные воспоминания о В. В. Розанове и продолжает свой *Временник*, отрывки из которого печатались в журнале «Эпопея»

[224: 2].

1924

Из письма Д. Святополк-Мирского – П. Сувчинскому

Париж. 8. 1. <19>24

Видел Ремизова. Вид у него лучше, чем был в Берлине, и он как будто веселый. Но его обижают здешние литераторы Бунин и Мережковский⁴⁷, считают за большевистского агента и никуда не пускают. А теперь вид того, что они просто хотят его оттеснить от здешних писателей.

Читали ли Вы *Кукха* (Розановы письма?). Книга удивительная. Я вообще его много читаю, и он растет в моих глазах. Иду к нему опять сегодня и несу ему «хабар обезьяний» – шампанское

[427: 25–26].

Из письма К. Мочульского – А. Ремизову

<19. 2. 1924>⁴⁸

Дорогой Алексей Михайлович

кавалера I степени с львовым
усом Обезьяньей Великой и Вольной Палаты
Константина Мочульского

Донесение

Согласно Вашего приказания, доведено до сведения М. Винавера⁴⁹ о Вашем желании поместить в «Звено» («Chainon») о встречах Ваших с писателями Земли русской,⁵⁰ <1 сл. нрзб.> на что последовала реакция: «Алексея Михайловича просить неотступно и торопить безотлагательно». Ждут не позже воскресенья. Если много – разбейте на несколько фельетонов, все будет напечатано и во французской монете уплачено. В самом скором времени и сам к Вам прибуду. Аглицкий обезьян о Вас статью написал (по-аглички) – скоро напечатают⁵¹. О «Временнике» написал... Ваш ключарь – роется: «новых людей ищет»

(Амхерст).

⁴⁷ Недоброжелательство ряда писателей-эмигрантов отчасти было связано с неоднократно высказываемыми публично надеждами писателя, касающимися ренессанса русской культуры, которые воспринимались как просоветские настроения.

⁴⁸ Помета рукой Ремизова.

⁴⁹ В эмиграции Максим Моисеевич Винавер (1862–1926) – юрист, основатель партии кадетов – был редактором парижского журнала «Звено».

⁵⁰ В «Звене» был опубликован цикл ремизовских снов о русских писателях (1925. 26 октября, № 143).

⁵¹ Имеется в виду Д. С. Мирский, обзорная статья которого на английском языке «Aleksel Remizov», написанная совместно с редактором международного отдела газеты «Таймс» Г. Вильямсом, была опубликована без подписи авторов в литературном приложении к лондонской газете «Таймс» 21 февраля 1924 г.; републикована с установлением авторства [428: 263–264, 275–279].

Из письма Е. Аничкова – А. Ремизову

<27. 4. 1924.>⁵²

Милый Алексей Михайлович,

Видите, пишу английским пером и сам не узнаю своего убийственного почерка. Это потому, что пишу Вам об молодом англичанине, настоящем начинающем поэте Брауне⁵³, которого Вам представляю этим письмом. Обласкайте. Славный. Переводит Лермонтова и на мое понимание превосходно. Браун показал мне статью о Вас в «Таймсе». Порадовало. Пришел Ваш час. По праву. Хочется счесть победой, в которой чуточку поратоборствовал. Браун хочет переводить. Он читал мне отрывки из Стратилатова⁵⁴. Любовно сделано и по-русски знает и по-английски произносится (Амхерст).

Из письма П. Рысса – А. Ремизову

1 мая 1924. Париж

Дорогой Алексей Михайлович, получил Вашу благодарственную грамоту: за что меня благодарите – я не понял: вещь – обычная и никаких благодарностей не требующая. Примерно: когда у Вас будут деньги в размере одного миллиарда долларов, – я возьму у Вас тысяч десять (если удастся) – и не поблагодарю даже. В Вашу обезьянью палату я с радостью приду, когда позовете (Амхерст).

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

4 мая 1924

Сегодня Гржебин зауряд-князь и кум – прислал Ваш пакет (такой нарядный и красивый, с Вашим портретом раб<оты> Бор<иса> Григорьева⁵⁵ и письмом. Спасибо, дорогой Алексей Михайлович! А наш Kunstmaler Nikolaus⁵⁶ придумал Ваш портрет перевести на камень и сделать литографуры (Амхерст).

Из письма А. Лютера – А. Ремизову

Leipzig, 23 мая 1924

...могу послать Вам теперь давно уже приготовленный для Вас экземпляр моей «Geschichte der russischen Literatur»⁵⁷. Вы в книге, правда, не найдете того Вашего портрета, который Вы прислали мне, а Залшупинское произведение⁵⁸: дело в том, что карточка с огневиком⁵⁹ запоздала, клише с другого портрета уже было сделано и пришлось покориться необходимости.

⁵² Помета рукой Ремизова.

⁵³ Alec Brown.

⁵⁴ Упоминается главный герой повести «Неуемный бубен» (1910), переведенной А. Брауном и изданной вместе с повестью «Пятая язва» в 1927 г. в Лондоне.

⁵⁵ Портрет был опубликован на обложке берлинского иллюстрированного приложения к газете «Эхо» (1929. № 29). О работе над портретом Григорьев писал Ремизову 16 апреля 1924 г.: «Мне бы хотелось закончить Ваш портрет, и я мог бы быть у Вас в пятницу в 11 ½ часов как обычно» (Амхерст).

⁵⁶ Н. В. Зарецкий.

⁵⁷ Речь идет о книге А. Лютера, где, в частности, имеется фрагмент, посвященный творчеству Ремизова [418: 441–443].

⁵⁸ Подразумевается оттиск с портрета Ремизова работы С. А. Залшупина, выполненный в технике гравюры на дереве, который был предоставлен для книги Лютера берлинским издательством «Гамаюн».

⁵⁹ Имеется в виду игрушка – «огненный человечек» Фейермэнхен [294: 64] – матерчатый гном в розовом полосатом платье и черном колпачке из коллекции Ремизова; писатель запечатлен с ним на одной из фотографий берлинского периода [65].

Думаю, тем не менее, что книга Вам понравится и что великий царь Асыка сочтет меня достаточным быть сопричислену славному ордену Обезвелволпала – честь, о которой я мечтаю давно и которая мне уже была обещана канцеляристом Обезвелволпала...

(Амхерст).

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

27 мая 1924

В Бархатную книгу Ал<ександ>ра Мартыновича <Аронсона?> я записал. Если будете посылать ему грамоту, то не оставите ли там место для скрепы Ключарем? (Амхерст).

Из письма Л. Зандера – А. Ремизову

Прага. <4. 6. 1924>⁶⁰

...бью челом за представляемых мною дальневосточных обезьян. От Варвары Михайловны Переводчиковой получил на днях письмо, которое прилагаю, п<отому> ч<то> 1) говорится о ее отношении к Асыке; 2) уж больно хорошо написано – вероятно, Вам будет просто прочесть приятно; а то без рукописания и орден дать трудно. А ей он очень нужен. Поэт она небольшой, но с душой... <...> От Михаила Вас<ильевича> Щербакова ничего не имею, но знаю, что работает. Грамоты и письмо Варвары Мих<айловны> прошу вручить подателю сего <...> моя же грамота под стеклом. <...> Сердечно преданный Вам – как Алексею Михайловичу и – верный раб Асыки и член Обезвелволпала кавалер обезьяньего знака I степени с птичьими перьями и китайский обезьяний посол, а также канцлер и кавалер Тибетского ордена абрикосовой рожи –

Л. Зандер
(Амхерст).

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

14 июня 1924. Берлин

Обезьяньи грамоты А. Ф. Лютеру я отправил при официальном отношении (за №?), с сообщением, что в Бархатную Книгу он внесен. Д-ра Эйтингона тоже записал в Бархатную Книгу. Он с интересом ее перелистывал и дал записать текст своей грамоты (Амхерст).

Письмо А. Лютера – А. Ремизову

Leipzig, 18 июня 1924

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Только что получил из Департамента Герольдии Обезвелволпала грамоты на возведение меня в Кавалеры Обезьяньего знака 1 ст<епени> с дупляным крылышком. Не могу даже выразить, как глубоко меня тронуло и обрадовало это известие! Радует меня не только оказанная честь сама по себе, но и мотивировка ее – признание ценности моего труда, на который я положил столько любви и старания. Зная хорошо, что цари милости свои дарят редко по собственной инициативе, а руководствуются обыкновенно указаниями близких им лиц, я едва ли ошибаюсь, предполагая, что великий царь Асыка решил пожаловать меня кавалером обезьяньего знака не без участия в деле своего мудрого и прозорливого канцеляриста, а потому прежде всего выражаю Вам свою сердечную благодарность, а затем прошу высказать Его Величеству, царю Асыке, что я со своей стороны буду прилагать все старания, чтобы оказаться достойным великой чести быть в числе кавалеров обезьяньего знака!

Искренне Вам преданный

A. Luther

(Амхерст).

⁶⁰ Помета рукой Ремизова.

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

22 июня <1924>. Берлин

Вашу надпись к картине Рёриха и портрет Б. Григорьева отдал в «Эхо» к Оречкину, напечатают в ближайшем номере⁶¹. Портрет обещаю поместить в размер фотографии, с рукописи сделать клише, а внизу – мелким набором тот же текст. <...> А. Ф. Лютер прислал в Департамент Геральдий Обезвельволпала, в Стол регистрации, письмо о получении им грамот и между прочим пишет: «Выражаю свою глубочайшую благодарность за оказанную мне великую честь, далеко превышающую мои скромные заслуги, и торжественно обещаю неуклонно стремиться к тому, чтобы всегда быть достойным этой чести.

Я думаю, что А<ртур> Ф<едорович> написал также и в Le grand et Libre chapitre de l'Ordre des Singes (?)

(Амхерст).

Из письма Л. Львова – А. Ремизову

8. VIII. 1924. Берлин

Дорогой А. М.

С<ерафиму> П<авловну>ну и Вас поздравляю и я.

Желаю самого наилучшего: о чем и сны не снятся. Возвращаюсь на родину без *большевиков!* Утверждаю, что это близко. Из России последние месяцы одна молва: их скоро не будет. <...> Вам огромное спасибо за Николины притчи⁶². Это самая лучшая книга в мире. Пишу о ней. Но не знаю, где печатать. <...> В «Эхо» должен скоро появиться мой «Обезвельволпал» («Ъ !!!): там о Вас и о Пушкинской «Золотой рыбке»). Если удастся устроить о Вас свой доклад, то заработок поделю потом с Вами. Но на это не много надежды

(Амхерст).

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

19 июля 1924

Если через М. А. Дьяконова ничего не выйдет насчет пересылки альбомов палеографических, то тогда напишите Ионе Киточревному⁶³ и пришлите это письмо мне, а я перешлю надежному человеку, который и передаст. <...> А Иону можно будет в награду возвести в красные кавалеры Обезвельволпала, с серпом и молотом!

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – В. Тукалевскому

Karlovy Vary. 1. 9.<19>24

Дорогой Владимир Николаевич,

Грамота готова знак нарисован...

(ГАРФ. Ф. 577. № 697. Л. 36).

⁶¹ В иллюстрированном еженедельнике «Русское эхо» («Russisches Echo»; 1924. 13 июля. № 29), выходявшем в Берлине под редакцией Бориса Оречкина, была воспроизведена каллиграфическая подпись Ремизова к репродукции с картины Н. К. Рериха «Дела человеческие»: «Из книги „Звенигород окликанный“. Стоят и вопиют люди, видя падение <...> новый город окликанный!» Автограф, его печатное воспроизведение и сама репродукция картины хранятся в одном из альбомов Ремизова, озаглавленном «Обезьяний манифест на разных языках» (Амхерст). На обложке этого же номера помещен портрет Ремизова работы Б. Григорьева под большим заголовком «Обезвельволпал».

⁶² Имеется в виду книга «Звенигород окликанный. Николины притчи» [40]. По-видимому, намерение Львова реализовалось с появлением последующих книг Ремизова. См. его рецензии на «Три серпа» (Париж, 1927) [236: 3–4] и на «Образ Николая Чудотворца» (Париж, 1931) [237: 3–4].

⁶³ В 1920-е гг. Илья Ионович Ионов был заведующим петроградским отделением Госиздата.

Из письма Б. Пильняка – А. Ремизову

7. 10. <1>924

Э/с Персей, Гренландское море у берегов Шпицбергена,
15 сент<ября> <1>924 г.

По 41-ому меридиану я, с полярной экспедицией Пла<в>морнина, дошел до 77°33' сев<ерной> широты, там нас льды не пустили к Земле Франца-Иосифа и мы свернули к Островам Вича, – мы были в местах, где только 11° до полюса, где нет ночи, – нас затирали льды. <...> Сегодня рассказывал профессорам об ОБЕЗВЕЛ-ВОЛПАЛЕ, – очень понравилось, хотя заподозрили контр-революцию [417: 494].

Из письма М. Кожевникова – А. Ремизову

Прага. 15. X. <19>24

С большим нетерпением поджидаю Вами обещанную грамоту для моего Пражского Альбома; он выходит очень интересным, и я был бы очень тронут и очень Вам признателен за такое Ваше доброе внимание.

Напоминаю еще раз размеры альбома: 1 четверть длины, 1/2 четверти ширины (приблизительно)

(Амхерст).

Из письма А. Брауна – А. Ремизову

15. XI. <19>24

Но не позволяйте ли мне осмелиться и выпросить себе чин обезьяний. Жду Вашу Канцеляристовскую <так!> милость. <...> Преданный Ваш переводчик А. Brown⁶⁴

(Амхерст).

Из письма Б. Шлецера – А. Ремизову

<1924>

Спасибо за письмо и за грамоту: буду носить ее при себе на счастье и отвода дурного глаза. <...> Появился альманах Leon Freich со статьей Михайлова о Вас в три столбца

(Амхерст).

1925

Из письма А. Брауна – А. Ремизову

5. I. <19>25

Получил письмо с грамотой и спасибо <...> переводить Ремизова это не то, что переводить какого Тургенева или Толстого. Много есть людей, кто это сделает – мало, кто Р<емизова> переведет. Дело не в лошадиной работе черного наброска, но в чем-то другом. *Надо по-английски сызнова написать о Вас*

(Амхерст).

П. Щеглов. «Об обезьяньей литературе»

Их никто не читал, но о них говорили все. Об их книгах, чуть ли не за год до выхода, исписывались тысячи строк в газетах, а когда книги выходили в свет, они на годы загромождали полки, чердаки и подвалы книжных магазинов и складов. И все-таки их, никем не читаемых авторов, громоподобная критика превозносила и возводила их на степень непревзойденных гениев. Читатель же пытался читать, старался понять и, оглушенный неистовым громом критического джаз-банда, казнил на свою тупость, не позволяющую ему понять мудреных писателей.

⁶⁴ В письме идет речь о намерениях английского издательства выпустить повесть Ремизова «Пятая язва».

И так длилось годами. Годами критические басы и тенора, делая необыкновенно умное лицо, славословили гений гениев и критическими кольями гвоздили по черепам читателя, не понимающего красот и очарований Белого, Ремизова или Пастернака. Тщетно критики и доброжелатели подводили читателя под узцы к ремизовским или андрее-белым родникам, читатель инстинктивно отворачивался от мутной воды. Но за то всякое собственное мнение читателя об этой мутной воде, всякое покушение на авторитет критиков и слагателей акафистов и непогрешимых бонз принималось последними за некую продерзость, за которую следовало бить кнутом и вырывать ноздри. И благодаря этому, гипнотизируемые хвалами нечитаемые писатели сами начинали верить в собственную гениальность и в свое право открыто, среди белого дня, не во хмелю, а в твердом уме и твердой памяти писать на языке горилл.

Вокруг этих нечитаемых образовалась даже своего рода литературная полиция, «священная дружина», тащившая и не пущавшая куда более свирепо, нежели обычно изруганный унтер *Пришибеев*.

А тем временем шло безбожное искалечение русского языка, выверты, неумное сочинительство «новых» слов, претенциозная отсебятина с каллиграфическим чистописанием и типографскими штучками, вроде размещения двух-трех букв на паре страниц.

И эта критическая оголтелость и литературное юродство сохранились целы-целешеньки и до наших очаровательных дней.

Пало великое государство, умерла трехсотлетняя династия, рухнул без остатка весь русский быт, но зато удивительным образом на эмигрантской почве оказались живы и литературные мощи и «имена» не только в политике, но и в литературе. Эти обанкротившиеся дома дирижеры и на чужой земле завели свои волынки и, как встарь, раздают награды, пальмы и дипломы своим «паинькам», и бичи и скорпионы – «бунтовщикам», напоминая тем самым Кобургского императора Кирилла, раздающего звания шталмейстеров и камергеров собственной клике и угрозы будущей петлей – непокорным.

К счастью кажется, счастливые дни Аранжуэца проходят. Опекаемые и направляемые теперь дерзают открыто проявлять собственное критическое мнение на предметы и явления, к которым требовалось подходить до сих пор только с босыми ногами и долу склоненной головой.

В этом отношении чрезвычайно симптоматично было недавнее выступление А. Черного против «передоновщины», как он характеризует «творчество» «гениального» Ремизова, беря его, как пример. Это не была шаблонная критическая статья, это был искренний вопль читателя, которому надоело вечное очковительство, и который, выйдя из себя, наконец, закричал: «Караул! Обманывают!» Дело здесь было, конечно, не в одном Ремизове, дело было в протесте против всех «принцев обезьяньей крови», а также против «комитетов взаимных одолжений», против «дружеских литавр и круговой поруки», против превращения русского языка в язык мартышек, против «плакатного крика», литературного шаманства, против «тарарабумбии», которую большие и малые Ремизовы, Белые, Пильняки пытаются сплавить под видом русского языка.

Литература – не обезьянья палата, читатель вниз головой не раскачивается и словесный визг, преподносимый ему на чужбине, под видом русского языка, вместе с фокстротами, нарумяненными девицами и полудевицами, дансерами и бездельничающими куртизанами – слишком невысокое явление, чтобы около него проходить с почтительно снятой шляпой, как того требуют до сих пор лейб-трубаки от критики

[395: 2].

Из письма Д. Святополк-Мирского – П. Сувчинскому

<Лондон. Июнь 1925>

Получили ли Вы грамоту на звание *Valet de Chambre du Roy des Singes?*

[427: 28].

Из письма А. Ремизова – Д. Шаховскому

18. 8. <19>25. <Париж>

Вчера наконец состоялось возведение Сувчинского в кав<алеры> и полпреды Евразии. Кн<язь> Мирский принес Royal Gallias и возведенного по обычаю полили для роста и плодотворения

[386: 244].

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

Берлин, 28 августа <19>25

Манифест обезьяний хотя немного уж и опоздал к американскому обезьяньему процессу⁶⁵, но все-таки взяли в «Эхо» и обнадружили напечатать, а гонорар натурой (Амхерст).

Из письма Д. Святополк-Мирского – П. Сувчинскому

Courbevoie. 5. 9. <19>25

P. S. Ремизов очень на Вас сердит. 1) вообще. 2) потому что Вы сделали худшую из гаф: забыли у него обезьянью грамоту

[427: 41].

Из письма Ю. Цеприкова – А. Ремизову

Брюссель, 21 сентября <1925>

Бельгия состоит из домов, фабрик и пр., а кусочки природы между этими уважаемыми учреждениями суть не более, как палисадники. Плохо для обезьян!.. Вернувшись нашел Ваши письма и грамоту, за которую величайшую благодарность приношу, и Е. В. Асыке I и, конечно, Вам, ибо (так думается) в большей мере перед Ним ходатайствовали. <...> Переписываю готическую грамоту и вклею Вашу печать. Цвета подходят. Наконец спешно перевожу библиографию Вашу <...> пошлю Вам (Амхерст).

Из письма А. Ремизова – В. Тукалевскому

Paris. 3. 11. <19>25

Грамота Вам подписывается обезьяньими полпредами и будет выслана в самое ближайшее время.

К Вам у меня вот такая просьба:

мне надо все о Николае Угоднике} т. е. св. Николае. Французские книги тут есть, а русских нет, конечно, мне надо Житие и надо историю. <...> Мне хочется дать жизнь Николы историческую, а через Минеи перейти к Николаю Угоднику и воспользоваться легендами, которые у меня в «Звенигороде окликанном»

(ГАРФ. Ф. 577. № 697. Л. 37).

Из письма М. Осоргина – А. Ремизову

При сем препровождается перевод Великой обезьяньей грамоты на итальянский язык

С почтением римский полпред и кавалер Обезвельволпала
Михаил Осоргин

Париж

ноября

четвертого 1925⁶⁶

(Амхерст).

⁶⁵ Подразумевается судебный процесс в Детройте (штат Теннесси, США) в июле 1925 г. Учитель Д. Скопс был привлечен к ответственности за изложение в колледже учения Дарвина (о происхождении человека от обезьяньих предков), преподавание которого было запрещено законом в ряде штатов. Суд отверг просьбу защиты о привлечении к разбирательству ученых и приговорил Скопса к денежному штрафу.

⁶⁶ Записка на глаголице.

Из письма Димы Марковича – А. Ремизову

Ковно. <17 декабря 1925>

Уважаемый Алексей Михайлович! В прошлом году мне довелось прочесть некоторые Ваши произведения, из которых я почерпнул кое-какие сведения об учрежденной Вами Обезьяньей Великой и Вольной Палате. Это учреждение меня так заинтересовало, что я решил при первом удобном случае написать Вам с целью навести справки о Палате, надеясь, что Вы извините мою невежливость. До сих пор такого случая не представлялось. Но вот Василий Эмильевич отправился в Париж на Рождество: я узнал его адрес и решил ему написать для передачи Вам. Узнать у вас я желал следующее: 1) могут ли в Обезвелволпале быть принимаемы несовершеннолетние, а если нет, то нельзя ли организовать подготовительную ступень к Обезвелволпалу «Наша Смена»? 2) В чем состоят обязанности членов Палаты? 3) Что следует исполнить и через какие искусства пройти, чтобы стать членом Палаты?

(Амхерст).

1926

Из письма А. Ремизова – М. Дьяконову

Paris. 19. 4. <19>26

Полпредство за вами, а Федину обезьянью Медаль так ему и напишите (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 3).

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

29. 5. <19>26. Paris

Посылаю вам ваш портрет. По-немецки я устрою в Literarische Welt – Вас и Н. А. Бердяева. А по-русски попытаю счастье у Лукаша в «Слове»⁶⁷ (BAR. 2).

Из письма Д. Шаховского – А. Ремизову

Брюссель.

Июнь 1926. <3. VI. 1926>⁶⁸

Библиографию досылаю. В третьем № значит 1) грамота Ваша 2) Rossica (если можно, хотелось бы иметь ее до конца июня)...⁶⁹

(Амхерст).

Из письма Н. Ruoff – А. Ремизову

16. VII. <19>26

Вчера получил <...> грамоту для W. Schwarz'a. Спасибо за все. Грамоту я передал по назначению, кавалер просит Вас благодарить сердечно. Остался очень доволен (Амхерст).

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

6. VIII. <1926>. Paris

Собора Обезвелволпала саккеларию
Дорогой Борис Константинович

Поздравляю вас со днем вашего ангела

Какая благодать-то Божья – перо само завивается: тепло.

⁶⁷ В 1925 г. поэт, прозаик и критик Иван Созонтович Лукаш (1892–1940) переехал из Берлина в Ригу, где начал редактировать литературный отдел газеты «Слово».

⁶⁸ Помета рукой Ремизова.

⁶⁹ Речь идет о содержании третьего номера (не вышел в свет) журнала «Благонамеренный», издававшегося в Брюсселе под редакцией князя Д. А. Шаховского.

Копытчика⁷⁰ не забывайте – сейчас с теплой погодой ожил, сделал запас туалетных огурцов, и, как шестнадцатилетний, мечтает о встречах № 3 «одоевских»⁷¹. Бахрах показывал «русскую литературу» о вас очень хорошо, но «наше время» (с 1895) все перепутал. «Обнаженные нервы» приписал В. Я. Брюсову (Н. А. <так> Емельянова-Коханского)⁷² «Благочинный»⁷³ в крестьяне возвел, а он подрядчиков сын, дед гробовщик. Но «в общем и целом» – столовое чтение: ешь и слушай

(ВАР. 2).

Из письма Я. Цвибака (Седых) – А. Ремизову

14. 8. <19>26

Дорогой Алексей Михайлович,

Спасибо Вам большое за присылку рисунков и диплома; хотел было дать в «Календарь» сообщение о пожаловании мне ордена обезьяньего, да заранее знал, что не примут. Грубые люди, бесчувственные.

Есть у меня к вам дело, только срочное. Выходит «Жар-Птица» в Париже⁷⁴. Дней через десять выйдет. А я – секретарь редакции. Нужен материал, и первым делом я подумал о Вас. Поэты уже прислали: Бальмонт, Цветаева, Ходасевич; а беллетристов нет. Так вот – положите почин, – и двиньте кусок, только небольшой, строк на 2000, а то не поместится, слишком много репродукций в номере. Материал, конечно, платный, и не хуже платим, чем другие...

Только издатель А. Э. Коган – хороший человек, но на асыкином языке – ни бельмеса. И очень просит, прислать вразумительное, и всем понятное... Так вы там смастерите сказку какую-нибудь, или кусок из «Взвихренной Руси». Очень я люблю Вашу «Взвихренную Русь». Когда выйдет книжка – пришлите, а то с ножом к горлу пристану.

Жду ответа и куска

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Кавалер ордена обе- <так!>

Цвибак

(Амхерст).

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

Берлин. 21 августа 1926

А Версты⁷⁵ уже пробежал. Очень содержательны и интересны. Это несомненно версты ближайшего пути в Россию. И почти вся редакция и главные сотрудники – Обезвельволпал!

(Амхерст).

⁷⁰ С. К. Маковского.

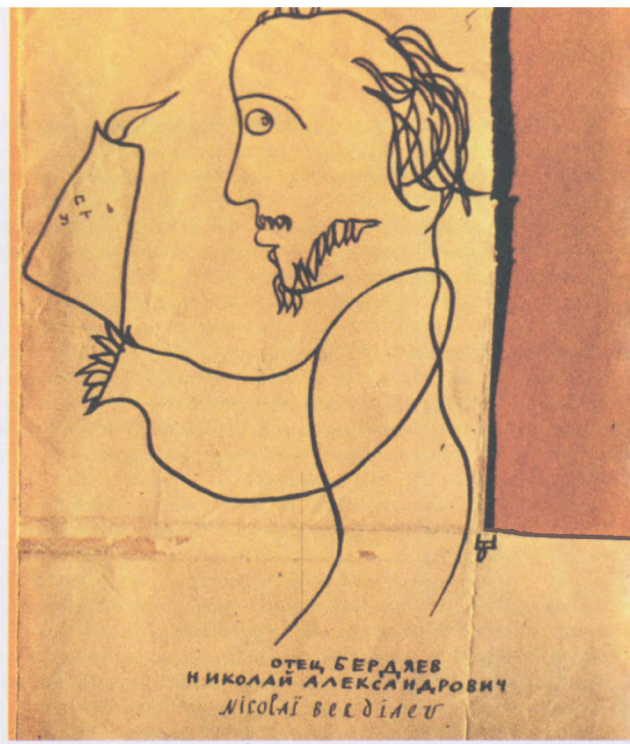
⁷¹ Подразумевается глава «Ночь третья» романа В. Ф. Одоевского «Русские ночи», посвященная философским рассуждениям на тему полезного и бесполезного в человеческой жизни.

⁷² Имеется в виду поэт Александр Николаевич Емельянов-Коханский и его печатная мистификация – сборник стихов «Обнаженные нервы» (1895), один из разделов которого был составлен из ранних стихов В. Брюсова.

⁷³ И. С. Шмелев.

⁷⁴ Ежемесячный литературно-художественный иллюстрированный журнал «Жар-птица» выходил в Берлине (1921–1923) и Париже (1925–1926) под редакцией А. Э. Когана, С. Черного, Г. К. Лукомского.

⁷⁵ Подразумевается первый номер журнала «Версты» (Прага; 1928–1929 / Под ред. Святополка-Мирского, П. Сувчинского, С. Эфрона), в списке редакционной коллегии которого указывалось, что журнал выходит при «ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова». Учредители журнала ориентировались на евразийство – политическое направление эмиграции, стремившееся к культурным контактам с советской Россией [427].

Портрет
Н. А. Бердяева

Из письма Я. Цвибака (Седых) – А. Ремизову

<Октябрь–ноябрь 1926⁷⁶>

Дорогой Алексей Михайлович,

получил Ваше письмо на голубой бумаге, – к удивлению моему, написанное не обезьяньим, а человеческим почерком. Ничего. Бог вам простит, но экземпляр этого редкого письма решил сохранить, дабы лет через сто наследники могли продать его с аукциона за приличную сумму.

Под строгим секретом могу сообщить, что «Иллюстр<ированная> Рос<сия>» принимать участие в чествовании Б. К. Зайцева не будет, так как Миронов⁷⁷, извините за выражение, не является поклонником его таланта. Я ему предлагал, но он отказался. Что поделаешь? А в «Сегодня»⁷⁸ у меня просили фотографию Б<ориса> К<онстантиновича> и интервью с ним, и рассказ его. Будет еще статья Айхенвальда.

Что же касается грамоты, то вот: по целому ряду соображений участвовать в поднесении хвоста я не могу. Жаль, но право не могу...

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – В. Унковскому

Париж. 18. 10. <19>26

Дорогой Владимир Николаевич

Дайте информацию в «За свободу»⁷⁹, в Ригу, в Берлин, куда можете, что 10 декаб<ря> 1926 исполняется 25-и летие литературной деятельности Б. К. Зайцеву (1901–1926) и этот день совпадает с 50-летием Б. К. Зайцева (1876–1926).

⁷⁶ Датируется по содержанию. Юбилей Б. К. Зайцева отмечался 10 декабря.

⁷⁷ В 1924–1930 гг. М. П. Миронов был редактором парижского журнала «Иллюстрированная Россия».

⁷⁸ Независимая демократическая газета, выходившая в Риге в 1919–1940 гг.

⁷⁹ Политическая, литературная и общественная газета, выходившая в Варшаве в 1921–1932 гг. (ред.-изд. И. И. Мацевский).

Обезьянья великая и вольная палата деятельно готовится к юбилею. Во главе юбилейного бюро стоит небезызвестный африканский доктор В. Н. Унковский. По (добровольной) подписке собрана сумма в 50 обезьян. лион (на русские деньги 50.000 червонцев) для приобретения «волчьих» марок

марки дают всевозможные права и освобождают от всяких обязанностей.

Ну, вы сами понимаете, как это надо составить. Говоря об обезьян<ьей> Палате, моего имени не упоминайте, никогда не напечатают. А надо, чтобы напечатали о предстоящем торжестве. В юбилейный вечер вы во фраке поднесете и прочитаете грамоту. Я вам отчетливо напишу на отдельном листке. В бюро по обезьяньему чествованию в помощниках у вас состоят: <...> Вениамин Корсак-Завадский (египтолог)

Георгий Шклявер (монголовед)

<...> Яша Шрейбер (виолончелист)

(ВАР. 5).

Из письма С. Белоцветова – А. Ремизову⁸⁰

Рига. 30. 10. <19>26

Грамоту обезьяньей палаты, конечно, воспроизведем с большим удовольствием⁸¹ (Амхерст).

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

<1 ноября 1926. Париж>

Дорогой Борис Константинович

Есть в Берлине еженедельная газета «Die Literarische Welt» выход<ит> по пятницам. Это, как «Les nouvelles litteraires» в Париже. Единственная литературная газета.

Надо ознаменовать Ваше 25^ю лет<ие>. Не откладывая, пошлите по след<ующему> адресу

Hans Ruoff
München-Nymphenburg
Südliche Auffahrtsalle 8 I

Вашу фотограф<ическую> карточ<ку> и небольшую автобиограф<ическую> заметку <и> библиографию. (Я ему посылаю «Своими путями»⁸² № 10/1925/ [где ваш портрет]) <...> Н. Ruoff = Иван Федорович кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака>...

(ВАР. 2).

Из письма А. Ремизова – В. Унковскому

<Париж>. 20. 11. 1926

Дорогой африканский доктор Владимир Николаевич

Посылаю вам текст приветствия. Юбилей будет справляться 10 декабря в пятницу⁸³. Сделайте 2 копии: одну пошлите в «За свободу» с просьбой напечатать 10 декабря, а другую пошлите на имя

⁸⁰ На бланке журнала «Перезвоны».

⁸¹ Подразумевается публикация в еженедельном литературно-художественном журнале «Перезвоны» (1925–1929), выходившем в Риге под редакцией С. А. Белоцветова.

⁸² Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал, выходивший в Праге под редакцией Н. А. Антипова, А. А. Воеводина и С. Я. Эфрона в 1924–1926 гг.

⁸³ 10 декабря 1926 г., в честь 25-летнего юбилея своей литературной деятельности, Б. К. Зайцев был возведен в члены Обезвельволпала, награжден грамотой и «Обезьяньим орденским хвостом» из папье-маше. По свидетельству дочери писателя Н. Зайцевой-Соллогуб, этот памятный экземпляр сохранился [174: 88].

с просьбой напечатать в №, который придется на 10 декабря.

Газета выходит по субботам, стало быть, напечатать могли бы 11-го.

Помяните в письме, что к<а>к вам известно, Николай Моисеевич состоит кавалером оеб<ьянънего> знак <а>.

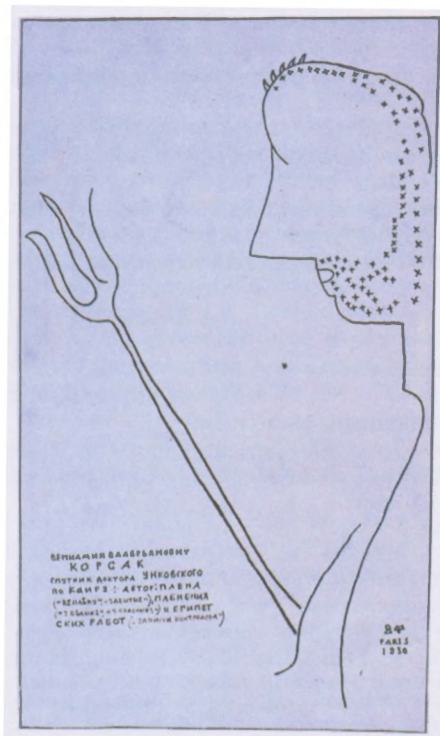
Моего имени не поминайте, везде подписывайте: сообщил Вл<адимир> Унковский (или африканский доктор Вл<адимир> Унков<кий>).

...как вам уже известно, Николай Моисеевич <Волковьский> состоит кавалером оеб<ьянънего> знак<а>...

(BAR. 5).

Юбилейное приветствие А. М. Ремизова харбинской «Заре»⁸⁴

Двадцать лет назад, кочуя между тропиками в черной Африке с доктором В. Н. Унковским, мы забрались в Дагамейские болота. По тем местам водится в изобилии небезызвестный зеленый змей; много докучал нам он своим неистовым свистом и рыком. Но мы не обращали никакого внимания, занимались чтением. Однажды нам попался только появившийся <номер> харбинской «Зари». Заинтересовавшись, мы немедленно абонировались: «Заря» сделалась нашим любимым чтением, а ее иллюстрации – приятным времяпрепровождением. Пьем за ее

Портрет
В. В. Корсака

БЕНЖАМИН ВАЛЪБЪЯНОВУ
КОРСАК
ПИСЬМО ДОКТОРА УНКОВСКОГО
ПО БИРЪЗЪ : ДОКТОРА ВЪ НА
«ПЕЛЕНЪ», ЗАВЪЯНЪ ПЪАКЕНСКО
«ТЪАБЪА» «ТЪАБЪА» «ТЪАБЪА»
СЪИХЪ FASOT (СЪИХЪ ПЪАКЕНСКО)

В. В.
1916

⁸⁴ Название написано рукой В. Унковского.

процветание, <1 сл. нрзб.> желаем здравствовать на многие лета всему товариществу, равно и сотрудникам во главе с редактором

(BAR. 5).

Газетная заметка

<1926>

А. М. Ремизов закончил книгу «Взвихренная Русь» и ряд рассказов из быта Сов<етской> России 1918–21 гг. Готовит к печати последний том «обезьяньей» серии, который выйдет под заголовком «Звенигород окликанный»

(Амхерст)⁸⁵.

1927

Из письма С. Осипова – А. Ремизову

1 января 1927 г.

Низко кланяюсь Вам за присылку Новой Недели с зайцевской юбилейной грамотой⁸⁶. Спасибо, что там меня помянули

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – С. Постникову

Париж. 20. 2. <19>27

Леониду Михайловичу⁸⁷ в гроб положили наши васильки и ромашку и ленту, на которой я написал в последний раз «прощайте»⁸⁸. Круг все теснее. Я совсем в затворе <...>

(ГАРФ. Ф. 6065.

Оп. 1. № 71. Л. 8).

Из письма С. Каплун, Р. Якобсона, И. Пуни, К. Пуни-Богуславской – А. Ремизову

Monte Carlo. <27 июня 1927>

Привет из Monte Carlo. Только что играли в рулетку. <...> Великая иностранная вельможа и кавалер С. Каплун

кав<алер> К. Пуни-Богуславская

Р. Якобсон за Якобсона его и моей руку приложил Пуни

(Амхерст) .

Из письма А. Ремизова – В. Зеелеру

Paris. 4. 12. <19>27

К новому году для вас готовится – по постановлению совета обезвельволпала – грамота: возведение Вас в кавалеры обезьяньего знака

(BAR. 3).

Из предисловия Алека Брауна к книге «The Fifth Pestilence together with The History of The Tinkling Cymbal and Sounding Brass Ivan Semyonovitch Stratilatov by Alexei Remizov»

У Ремизова есть замечательная игра, которая позволяет ему, держась в стороне, играть со всеми своими друзьями. Но за этой игрой, которая продолжается вот уже 20 лет, кроется нечто едко-серьезное.

⁸⁵ Газетная вырезка без выходных данных из альбома 1924–1948 гг.

⁸⁶ Имеется в виду публикация ремизовского «Приветствия кавалеру обезьяньего знака Борису Константиновичу Зайцеву...» [43: 8–9].

⁸⁷ Речь идет о Л. М. Добронравове, который скончался в Париже 25 мая 1926 г.

⁸⁸ и память мою я тогда же написал и долго ждал выхода № 2 Верст. (Примеч. автора.)

Широко известная организация существует, переименованная с тех пор, как большевистское правительство ввела свои странные названия для государственных учреждений в

Обезвельволпал, или полностью
Обезьянья великая и вольная палата,
которая в Англии известна как
G. F. H. A., или
Grand Federation of Human Apes

Ремизов – секретарь этой организации. Он раздает грамоты, подписанные хвостом Царя Асыки I, назначающие различные степени званий. Наградные бумаги исполняются по образцу древнерусских *грамот*, витиеватым обезьяньим письмом, и каждая из них представляет собой необыкновенное произведение искусства. Каждое возведение в сан держится в строгой тайне, но я возьму на себя смелость рискнуть (и Алексей Михайлович простит мне), сказав, что следовало бы показать того, кто трудится вместе с секретарем во имя человеческого взаимопонимания. В полную силу общество начало свою деятельность в 1908 году, с тех рисунков, которые Ремизов нарисовал шутя, чтобы развлечь свою маленькую племянницу, когда он был проездом в Москве, возвращаясь в Петербург из Черниговской губернии, где он обычно проводил лето; но в продолжении и развитии этой игры можно уже увидеть запечатлевшееся в ней чувство отчаянья и осознание дикости окружающего мира, овладевшее Ремизовым.

Он как будто говорил: позвольте по крайней мере хоть немногим из нас спастись; животные – только животные – не способны на низость; давайте станем человеческими обезьянами; давайте сойдемся вместе против окружающего нас мира – и в этой игре найдем освобождение от тягостных мыслей.

Несомненно, значение игры здесь преувеличено, но она позволяет пролить свет на природу ремизовского юмора и розыгрыша, который всегда осмыслен и символичен

[402: XIII-V;
пер. с английского].

1928

Из письма А. Ремизова – Н. Зарецкому

15. 4. <19>28. <Париж>

...Позвольте Вам представить испытанного вернейшего кавалера обезьяньего знака с серебряным козлом <?> и мускатным орехом литовского посла в Германии Ольгерда Витовтовича Машинского Algirdas Mošinskis. Будьте ему добрым наставником и советами не оставьте: едет из Парижа в Берлин учиться, любит искусство и науку

(Прага).

Из письма Н. Зарецкого – А. Ремизову

11. VI. <19>28. <Берлин>

...принесли Ваш пакет с грамотами. Грамоты очень красивые, превосходные. Сегодня будет вручена Гулю. На днях Френцелю

(Амхерст).

Из письма С. Кулаковского – А. Ремизову

12. VI. 1928

Дорогой Алексей Михайлович! Не откладывая в долгий ящик, спешу сообщить, что вчера поздно вечером прибыл Ваш Диплом, который я сразу положил под пресс, а затем устрою ему рамку – и на стенку (только ведь, какую рамку!!) Золотую, тоненькую? Посоветуйте! Глядя на нее, я хохотал от радости, что

привело в изумление мою кварт<ирную> хозяйку, передавшую мне пакет и недоумевавшую о причине моего веселого настроения. ...диплом Ваш уже стал одним из моих «палладиев» и что благодарствую за такие великолепные вещи <...> Ваш С. К., кавалер I ст<епени> Обезвельволпала

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – В. Перемилловскому

16. 7. <19>28. Paris

Посылаю Вам временную грамоту:

вы теперь как митрофорный поп старейший и полпред Моравии (имеете право на ношение хвоста)...

[80: 206].

Из письма Н. Зарецкого – А. Ремизову

30. VII. 1928

Я написал статью «Обезвельволпал» к 20-летней годовщине. Статья передана в «Die Literarische Welt». Если примут – дам Вашу последнюю фотографию, немецкий автограф и грамоту Dr. Frenzel'я

(Амхерст).

Дарственная надпись А. Ремизова

4. VIII. <19>28. Paris

Владимиру Фелофиловичу

Зеелеру

Память о Иакове и 20^м летию Обезвельволпала⁸⁹

(ВАР. 3).

Из письма А. Ремизова – В. Перемилловскому

3. VIII. <19>28. Paris

Клянюсь Володе⁹⁰: будете проездом и вечером я ему при нем грамоту напишу печать готова и асычья подпись есть

[74: 208].

Из письма А. Лютера – А. Ремизову

Leipzig. 24. 8. 1928

Все эти годы я продолжал усердно работать во славу русской литературы, помня обязанности, возложенные на меня как кавалера обезьяньего ордена

(Амхерст).

Essad-Bey. «Eine seltsame Dichterloge. Zwanzig Jahre Affenkammer»

Алексей Ремизов, известный русский писатель и основатель «Великой и вольной палаты», недавно был избран членом Английской Академии. Английские газеты приветствовали решение Академии и опубликовали заметки об известном ученом и обезьяньем исследователе Проф<ессоре> и Д-ре А. Ремизове, который вот уже 20 лет занимается изучением обезьян. А в России это решение вызвало замешательство. Поскольку Ремизов не обладает никакими академическими званиями, он не является ни профессором, ни доктором, ни даже почетным доктором, к тому же его занятия обезьянами не были настолько серьезными, чтобы привести в восхищение какое-либо ученое общество. Академические титулы имеет, правда, супруга Ремизова, госпожа Профессор Ремизова-Довгелло. Она представляет собой значительную величину в области науки о доисторических морских обитателях – полезной дисциплины, которую она преподает в Сорбонне. Когда

⁸⁹ На обороте фотографии А. Ремизова.

⁹⁰ Сын В. Перемилловского.

Ремизов узнал, что в Европе супруги профессоров, министров и т. п. носят титул супруга, он не усмотрел ничего особенного в том, чтобы и ему, как супругу, не обладать теми же привилегиями. Не долго думая, он в течение нескольких месяцев называл себя «профессором». Английская Академия каким-то образом прослышала о двадцатилетнем обезьяньем юбилее «профессора» и избрала его членом этого высокого ученого общества. Исследователь обезьян Ремизов, который в Германии называл себя предпочтительно сочинителем небылиц, с достоинством принял звание.

Итак, Обезьянья Палата, которой Ремизов обязан своим избранием и которая сыграла такую значительную роль в русской литературе, возникла двадцать лет назад. Однако детали, связанные с ее возникновением, остаются неизвестными. Когда его об этом спрашивают, Ремизов рассказывает всякий раз новую историю. Достаточно достоверна следующая версия: двадцать лет назад заболела маленькая племянница Ремизова. Писатель целые дни проводил у ее постели и придумывал сказки из жизни «Обезьяньего царя Асыки – Валахтантарарахта-рандаруфа». Позднее появилась книга «Сказки обезьяньего царя Асыки». В ней обезьяний король раздает обезьяньи ордена и титулы. Некоторые обезьяньи награды были изготовлены Ремизовым собственноручно и разосланы известным деятелям искусств. Так постепенно создавалась великая и вольная Обезьянья Палата (по-русски Обезвелволпал), к которой вскоре примкнули именитые русские писатели и художники. Это было, собственно, шуточное общество, которое зло высмеивало весь официоз. Вместо официальных орденов и званий, которыми писатели и деятели искусств не награждались, были обезьяньи титулы и знаки, обезьяньи рескрипты и даже обезьянья бюрократия в самой забавной форме. Обезьяньи грамоты на древнеславянском языке и на придуманном Ремизовым обезьяньем шрифте раздавались и подписывались писателем от лица канцеляриуса «собственнохвостно». Некоторые из немцев также удостоились титула кавалера Обезьяньего Ордена I степени. С Обезьяньей Палатой связано бесчисленное количество шуток, героем и создателем которых является чаще всего сам Ремизов. В истории литературы Палата также сыграла определенную роль. <...>⁹¹

В Берлине Ремизов жил в пансионате на Клейстштрассе. Здесь жили еще несколько русских, персидских и китайских семей. Дети часто приходили в комнату Ремизова, который разговаривал с ними то на церковнославянском, то на «обезьяньем языке». «Дети понимают все языки, – говорил он. В комнате Ремизова был портрет обезьяньего царя Асыки. Каждый вечер Ремизов прятал портрет. Когда его спросили о причине этого, он с абсолютной серьезностью поведал: «Обезьяна ездит ночью в метро от поворотного треугольника до Виттенбергплатц и ремонтирует линию, чтобы утром я мог поехать безопасно». Дети внимательно слушали его и верили. Вполне вероятно, что Ремизов и сам в это верил.

У одного известного берлинского букиниста было редкое издание Достоевского. В первом томе имелся автограф Достоевского и пометы на полях, поэтому книга была большой букинистической редкостью. Ремизов, друживший с этим книготорговцем, взял у него этот том, чтобы почитать, клятвенно пообещав отдать через два дня. Прошло два месяца, Ремизов книгу не возвращал. Букинист пришел к нему и потребовал вернуть ее, а Ремизов сделал большие глаза. «Вашу книгу? – сказал он. – Это вовсе не ваша книга, это Божья книга». Книготорговец и по сей день безутешен. <...>⁹²
[408; пер. с немецкого].

⁹¹ Опущен фрагмент, повествующий о знаменитой истории об «отрезанном обезьяньем хвосте».

⁹² Далее следует помещенный в статье немецкий перевод «Манифеста» Обезвелволпала и заключительное краткое описание *Бархатной книги* С. Я. Осипова.

По случаю двадцатилетия обезьяньего ордена шлю царю Асыке и его почтенному канцеляриусу самые искренние поздравления! Vivat, crescat, floreat!⁹³ Дипломы, русский и немецкий, висят у меня на стене и всем проходящим я изъясняю значение их, после чего они проникаются ко мне нарочитым уважением!
(А м х е р с т).

Ил. Эльвин. «Профессор от обезьян»

Пребывающий в эмигрантских палестинах небезызвестный писатель Алексей Ремизов удостоился особой чести – он избран недавно английской академией наук в члены-корреспонденты.

За какие же научные заслуги такая честь?

Ответ дают английские газеты, указывающие на научные заслуги Ремизова в качестве... обезьяноведа. В течение 20 лет, сообщают они, «профессор д-р А. Ремизов» неустанно изучает этих предков человеческого рода, к которым питает особое пристрастие⁹⁴.

Правда, до сих пор ничего не было известно о том, что Ремизов обладатель каких-либо ученых степеней, хотя бы из категории «почетных». Но дело в том, что эмигрантствующий обезьяновед, приехав за границу и заметив, что на Западе ученые и прочие степени, принадлежавшие мужьям, украшают также их жен, – так, например, жена профессора титулуется «госпожа профессор», – решил, что закон этот имеет, так сказать, обратную силу (каковой ход мыслей приводится немецким журналом «Литерарише Вельт»). Посему счел подходящим носить титул по почтенной супруге своей Довгелло-Ремизовой, читающей в Сорбонне лекции по такой важной дисциплине, как науке о праисторических рыбах.

И Ремизов стал с тех пор – ничтоже сумняшеся – подписываться: «профессор д-р Ремизов».

Английская же академия – весьма чувствительная к судьбе гибнущих на чужбине ученых талантов, жертв большевиков – не замедлила принять профессора Ремизова в свое лоно.

Здесь будет весьма кстати напомнить об обезьянах, которые сыграли такую решающую роль в этой истории.

20 лет назад Ремизов, человек с причудами, учредил «великую вольную обезьянью палату» в Петербурге; в качестве великого магистра палаты он раздавал «обезьяньи дипломы» писателям и художникам от имени обезьяньего царя Асыки. В этой шутовской затее была значительная доля общественной сатиры на порядки времен реакции.

С тех пор прошло много лет. Ремизов, вышвырнутый в эмигрантское болото, не растает со своим обезьяньим королем. В его квартире на Клейстштрассе в Берлине всегда висело на стене изображение обезьяньего короля. Но каждый вечер он регулярно прятал портрет.

– «Это потому, – сообщил Ремизов, посвященным, – что мой добрый Асыка уезжает на подземке – от Глайсдрайек до Виттенбергплац: он осматривает и чинит дорогу, по которой мне надо ехать днем...»

И, как видим, такое постоянство чувств оказалось вознагражденным
[397].

⁹³ Пусть живет, растет, процветает (*лат.*).

⁹⁴ Информация о присвоении Ремизову ученого звания Лондонским университетом появилась и в парижской прессе. В газете «Последние новости» была опубликована заметка, озаглавленная «А. М. Ремизов член-корреспондент Лондонского университета», в которой говорилось: «Декан School of Slavonic Studies, т. е. факультета славянских языков лондонского университета, сэр Бернард Перс известил А. М. Ремизова, что ему дано звание члена-корреспондента. Члены-корреспонденты избираются только за научные заслуги и за напечатанные работы» [89].

<Берлин. 1928>

Дорогой Алексей Михайлович –

Приношу вам свою большую благодарность за возведение меня в кавалеры обезьяньего знака I ст<епени> с васильками. А назначением полпредом берлинским – даже смущен – чересчур не по заслугам высокий пост. Впрочем – при дружеском содействии старейшего члена ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА Н. В. Зарецкого и другого наезжающего сюда – небезызвестного профессора и доктора международного права, А. С. Яценко, кавалера с известными заяшными шариками, – думаю – с должностью своей справлюсь

(Амхерст).

1929

«Против Ремизова»

В «Вечерней Москве» помещена гнусная заметка о Ремизове по поводу избрания писателя членом-корреспондентом английской академии наук, причем не сохранивший никаких оттенков благородства зубоскал пишет всякие небылицы о том, будто звание это дано за научные заслуги жены А. Ремизова, читающей лекции в Сорбонне о том, что Ремизов якобы подписывается «профессор доктор Ремизов» и прочую чепуху.

Мы привыкли уже, что в желто-советской печати появляются всякие гнусные выпады против писателей и ученых, находящихся за границей, но впервые мы видим подобное соединение невежества с беззастенчивостью. Неужели эта заметка не вызовет соответствующего ответа российских литераторов, которым отлично известно место, занимаемое Ремизовым в русской литературе, и которые прекрасно понимают, что английская академия сделала то, что, в сущности, должна была бы сделать академия российская.

Один из немногих писателей за рубежом, Ремизов занял совершенно аполитическую позицию. За это его чуть не бойкотирует та воинствующая эмиграция, которая художественность писателя привыкла измерять по степени запальчивости его антибольшевистских выступлений. Ремизова уже неоднократно обвиняли в тайных симпатиях к «советской России», забывая, что он попросту продолжает любить Россию, подчеркивали его духовную связь с «советскими писателями», не понимая, что писатели эти у Ремизова учились и ему подражают.

Очевидно, в благодарность за все то, что сделано Ремизовым в нашей словесности, и пущено в ход базарное остроумие советского журналиста, которого легко узнать и по уму и по копыту

[290: 118–119].

1931

Из письма А. Ремизова – В. Зеелеру

<Париж>. 12. 1. <19>31. За лесом

Дорогой Владимир Феофилович.

Пишу Вам на медовой бумаге
наказали мне: вчера сидел с градусником
рисовал обезьяньи печати
пробовал и Вас изобразить. Сегодня температура упала до лягушачьей – 35,8
голос звучит чисто, только тела своего не чувствую,
только шкурки (пять желтых и одна красная).
Придется в одной из них завтра ехать на вечер.

Хочу просить Вашего разрешения:

на моих чтениях всегда

со мной *Вадим Андреев*

(он бережет книгу)

(когда-то его отец Л. Н. Андреев – первый меня принял и напечатал). Позвольте ему сопровождать нас. <...>

Очень хочется (да так и следует) быть на вечере молодым писателям из «Кочевья».

Прошу Вас, сделайте распоряжение, чтобы их пропустили бесплатно: (Б. Поплавский, В. Варшавский, И. Болдырев)

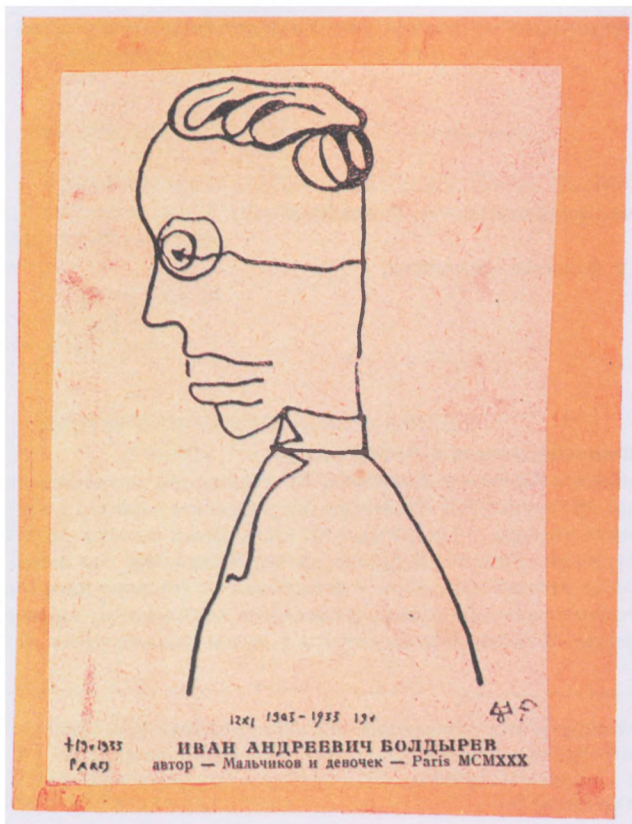
(В А Р. 3).

Из письма Ю. Иваска – А. Ремизову

15. I. 1931

Лбом	царя
животом	обезьяньего
коленом	за знак
благодарю	первой
Асыку	степени
и обезьянью	и обезьяний
великую	пушок
и вольную	одуванчика
палату	в особенности

(Амхерст).

Портрет
И. А. Болдырева-Шкотта

Из письма А. Ремизова – Н. Зарецкому

31. IV. <19>32
Вербное<воскресенье>.
<Париж>

Я мало кого вижу, а Цветаеву мельком видел в церкви на свадьбе ка<валера> обез<ьяньего> зн<ака> Андрея Вл<адимировича> Оболенского
[255: 183].

Из письма М. Добужинского – А. Ремизову

16. XII. <1>932. Kęstučio

Дорогой Алексей Михайлович, а помните ли Вы, что было ровно 25 лет назад: 4 дек<абря> (= 17 дек<абря> нов<ого> ст<илия>) 1907 года? – Бесовское действо над неким мужем. Об этом событии, когда мы с вами и Федором Коммиссаржевским впервые взошли на сцену, я Вам напоминаю и поздравляю Вас с общим нашим юбилеем (и Ф<едору> Ф<едоровичу> также напишу) <...> эта дата еще оживляет столько замечательных и дорогих воспоминаний 1907:

Вера Федоровна <Коммиссаржевская>
Мейерхольд (ранний, хороший!)
Костя Сомов
Сюннерберг!
«Пруд» Ремизова
....

Вокруг каждого имени свой веночек и узор воспоминаний – и у меня и у Вас
(Амхерст).

Из письма Ф. Рожанковского – А. Ремизову

25.10.<19>37. <Париж>

Грамоту оправил и повесил – красива!

(Амхерст).

Мих. Осоргин. «Колокольчики и бубенчики»

«21 писатель награжден орденом Ленина... 49 писателей награждены орденом трудового красного знамени; 102 писателя награждены знаком почета» и т. д.⁹⁵ Орден Ленина, иначе говоря, – Владимир на шею. Знак почета, что-то вроде Анны или Станислава третьей степени. В былое время Владимир «на шею» (третьей степени) давал права потомственного, а остальные – личного дворянства, да еще назначались на содержание орденских кавалеров доходишки, выраженные в крестьянских душах. И были еще капитулы и думы кавалерские. В чем это

⁹⁵ 31 января 1939 г. большая группа советских писателей «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» была награждена орденами СССР; среди них: 21 – орденом Ленина, 49 – орденом Трудового Красного знамени, 102 – орденом «Знак Почета».

выражается сейчас? В предоставлении квартир, в пожаловании автомобилей? Бесплатный проезд в метро?

Трудновато представить себе Льва Толстого, повязывающего себе на шею колокольчик, но Алексея Толстого не так уж трудно. Быстро свершилась европеизация русских литературных нравов! Загляните в любой «Annuaire des Lettres»⁹⁶, и вы найдете полный список удостоенных «decoation»⁹⁷; и никого это не шокирует, наоборот! В списках писателей, вслед за именем, следуют значки, изображающие их командорские, офицерские, кавалерские и прочие звания, пора было и нам догнать Европу. Во всяком случае ухмыляться по этому поводу имеют право только те, кто, по сую сторону, остались не крашенными. Итак, осуждать не будем: простим человекам человеческие слабости! Что уж там: «Служащего в министерстве иностранных дел титулярного советника Александра Пушкина всемилостивейше пожаловали Мы в звание камер-юнкера двора Нашего», – высочайший указ придворной конторе от 31 декабря 1933 года. «Друзья, Вельгорский и Жуковский, должны были обливать холодной водою нового камер-юнкера: до того он был взволнован этим пожалованием. Если бы не они, он, будучи вне себя, разгоревшись, с пылающим лицом, хотел идти во дворец и наговорить грубостей самому царю» (Запись Бартенева, со слов Нащокина). На что так обиделся Пушкин? Только на то, что его не сделали камергером. «Несмотря на мою дружбу к нему, я не буду скрывать, что он был тщеславен и суетен» (П. А. Вяземский). Но то были старые времена; принял ли бы камергерский ключ Александр Блок, кавалер ремизовской обезьяньей вольной палаты? Да не посетует на меня А. М. Ремизов, если я перепечатаю здесь манифест его «Обезьяньей – великой – и – вольной – палаты», потому что это очень нужно. Потому что сейчас это уже не манифест, а реквием былой литературной России, и «чужачество» звучит страшным приговором <...>. Кончилась – рассыпалась вольная палата...

[269].

Из письма П. К. Паскаля – А. Ремизову

Париж. <1937>

Сегодня получил Вашу грамоту и к моему большому сожалению в понедельник невозможно мне к вам приехать

(Амхерст).

1945

1945. XI. Paris

Дарственная надпись А. Ремизова

Собора Обезвеволпала Маршалу Владимиру Феофиловичу Зеелеру
Заштатный канцелярист Обезвеволпала
Алексей Ремизов руку приложил⁹⁸
(В А. Р. 3).

⁹⁶ Имеется в виду периодическое издание, выходившее в Париже в 1845–1946 гг., «Annuaire de lettres des arts des théâtres».

⁹⁷ Орден, знак (франц.).

⁹⁸ На обороте фотографии А. Ремизова.

Из письма З. Элиасберг – Н. Зарецкому

<27 марта 1946. Париж>

Что же касается А. М. Ремизова, то впечатление о моем посещении у него <так!> осталось очень грустным. Живет он далеко (от моей обители) в маленькой комнате, заставленной полками книг; у окна длинный письменный стол, заваленный манускриптами; две кушетки, под одной и под другой – стена затянута ремизовскими рисунками, напоминающими какой-то батик или скорее увеличенную проекцию мозговых клеток...

Сознаешь все время, что ушел человек⁹⁹, который был связан с Ремизовым <...>. Сидя на диване и приподняв голову, увидела над собой знакомый когда-то давно по Берлину шнурок, протянутый с штучками какими-то, висящими на нем. Но вместо берлинских воробьиных лапок (откуда они были?) развешаны листья сухие платана, тоже как бы пальцы судорожно согнутые... А сам А. М. стал всей наружностью еще более причудливым, даже еще «красивее»: те же взъерошенные волоса словно рожки над висками, но белые, совсем белые, а спина, в белом pullover'е с широкой зеленой полосой, еще более сгорблена, но взгляд все тот же живой, «подсматривающий», только 4 пары очков, лежащих на столе, говорят о борьбе с недугом. <...> Ремизов диктует даме (русской) из книги об отце Ваакуме¹⁰⁰

(В А Р. 4).

Из письма А. Ремизова – Г. Струве

28. IV. 1946. Paris

Дорогой Глеб Петрович!

Петр Карлович Паскаль

Pierre Paskal

в обезьяньей палате

«протопоп» обезвевлопала

праведный человек и благочестивый

(Стэнфорд).

Из письма З. Элиасберг – А. Ремизову

12. X. <19>46

Чудесную грамоту Вашу (радующую глаз) получила давно...

(Амхерст).

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

15. III. 1947. <Париж>

Посылаю Вам билет на вечер Г. В. Чижова (под именем Холмского) <...> очень хорошее пение...

(В А Р. 2).

Андрей Седых. «Обезволпал»

Прочел недавно у Ремизова: меня съели мыши. Вернее, не меня, а старый газетный номер с моей статьей. Это – один из снов Ремизова наяву. Живых мышей у него на квартире нет, а на письменном столе, точно, у него стояла коллекция мышек, и он почему-то говорил, что это – семья Познеров.

⁹⁹ Его жена умерла несколько лет тому назад. (Примеч. на полях.)

¹⁰⁰ Подразумевается протопоп Аввакум.

Ремизов уже лет двадцать живет в доме на рю Буало, – дом этот и его обитателей он тщательно и неумолимо описывает в своих книгах. На дверях квартиры, к великому ужасу консьержки, висит обезьяний хвостик. К хвостику ловко привязано одно су. Обезьяну зовут «Медведкина»:

– Пусть себе висит, счастье принесит – и мне удобно, как увижу хвостик, так и знаю, моя квартира, и уж тогда не ошибусь!

Как-то хвостик сорвали, – мальчишки, а может быть, человек, доставляющий молоко. Ремизов долго горевал, раздобыл новый, снова повесил и потом обстоятельно писал во всех газетах, какое несчастье его постигло.

Хвост, по существу, является неким символом. В квартире Алексея Михайловича с незапамятных времен помещается Обезьянья Великая и Вольная Палата – в сокращении Обезволволпал, – пожизненным президентом и великим мастером которой он состоит... Есть у меня великолепный диплом, в две краски, написанный знаменитой ремизовской вязью. С закорючками и выкрутасами: жалуются сия обезьянья грамота, весенний именной ярлык Андрею Седых, в знак возведения его в кавалеры обезьяньего знака 1 степени с каштановым цветком. И на грамоте расписался собственноручно царь обезьяний Асыка, скрепил канцелярист Обезволволпала Алексей Ремизов. Это единственный орден, полученный мною в жизни.

* * *

Жили мы в Париже по соседству. Он на деревенской улице Отей, а я сейчас же за церковью, – минутой-две ходьбы. Иногда я приходил к Ремизову, поглядеть, как живет человек, поговорить о книгах. Президент Великой и Вольной Палаты неизменно сидел за столом в вязаной бабьей кацавейке, смотрел внимательно через стекла очков и приглаживал на голове рожки, – два пучочка черных волос. А под потолком на веревочках болтались всякие его талисманы – «гешпенсты» – черти, травы, рыбы кости и три летучих мыши. А на столе – подземный цверг, – по-русски О г н е в и к («Добрый он, нос ведь колбаской»). На подушке Коловертыш – лежит днем на кровати, вместо меня, тепло сохраняет – борода какая-то!

а на нитках сушеные травы, весна прошлогодняя, кости, оберегающие от несчастий, змейки, божки, чертенята – вся Великая и Вольная палата.

Сидит Алексей Михайлович за столом, делает вид, что пишет, а сам на своих животных поглядывает: все ли на местах? Животные ничего, болтаются на нитях, покачиваются, потихоньку, и счастлив Ремизов до необычайности или только притворяется. Он с хитрецей.

* * *

Иногда он писал мне письма на разноцветной бумаге. На каждое письмо уходил добрый час, – оно не писалось, а разрисовывалось. Титульные буквы всегда замысловатые, с завитушками, – выводятся они красными чернилами. Сбоку какая-нибудь картинка, хвостик обезьяний, или уж на худой конец приклеена серебряная бумажка, для красоты. И подпись ажурной работы, тоже красными чернилами.

А сколько времени уходит на заготовку конверта! Ведь нельзя же президенту Обезволволпала просто заклеить его. Нет, тут из прејскуранта выискивается какой-нибудь герб немецкого княжества, с башнями, щитами, королевскими лилиями. Гербом запечатывается конверт, к нему прибавляется полоска золоченой елочной бумаги. Вот тогда письмо может считаться законченным и отправиться по назначению.

Только один раз написал он мне письмо настоящим, человеческим почерком, без старинной вязи и выкрутасов, – не до этого было: заболела жена, Серафима Павловна... Потом я думал, трудно человеку играть роль, иногда прерывается. Нет, не трудно: уж очень Ремизов сжился со всей своей выдуманной чертовщиной, и не оттого ли Гоголь – его любимый писатель?

С годами Ремизов и сам стал походить на какого-то гнома в больших американских очках. Стал маленький, сгорбленный, слабенький, говорит тихим голосом, с трудом подбирает нужные с л о в а, косноязычий. А начнет читать – все забыва-

ешь: великий мастер. И никогда не знаешь, что Ремизов скажет и что сам про себя придумает. Вдруг говорит, что начал гимнастику делать – гириями работать – и ведь ничего, выходит!

– Как-нибудь снимусь со штангой в руке. И потом, могу на трапеции: поднимаюсь на мускулах, а там уже – пяткой могу зацепиться и колесом, по-обезьяньи – очень мне это нравится!
И при этом глаза смеются: этакий вздор, да он к гириям побоится подойти близко, а где-то подсознательно хочется быть сильным гимнастом, вертеться на турнике-те, делать «колесо».

* * *

Мучают Ремизова сны.

Снится ему покойная Зинаида Гиппиус. Идет по небу, и все Мережковского критикует. А Мережковский спрашивает: «С кем вы, с Христом или с Адамовичем?»

На следующий день сон тщательно заносится в тетрадку, а потом, при случае, появляется в печати. Или от скуки сядет Ремизов и напишет что-нибудь про «африканского доктора»¹⁰¹, – я этого доктора знал хорошо; придурковатый субъект и всегда однотонно что-то бубнит. А Ремизов слушает, посмеивается и доволен. Или придумает другое. Пошлет в газету заметку: поэтесса такая-то приступает к изданию журнала «Щипцы». Оказывается – скандал: поэтессы такой не существует и повести «Утопленник» – тоже. Это – из нравов Обезволпала, но это – мелочь, а важно то, что Ремизов чудесный человек и великолепный писатель, великий собиратель слов и редчайший стилист, у которого учатся молодые советские писатели.

* * *

Помню последнюю нашу встречу.

Ярким солнечным днем прилетели немецкие самолеты и сбросили над Парижем бомбы, и больше всего досталось нашему кварталу Отей. Это была первая бомбардировка Парижа.

Когда отвыли сирены, я вышел на улицу. У самой нашей церкви бомба вырыла воронку, пробила туннель метро и разорвалась под землей. Когда произошел взрыв, женщины в убежище заплакали и несколько секунд было страшно... На Версальском авеню снесло большой дом, и под развалинами остались люди. И пока я смотрел, как выносят тела, кто-то сказал, что другая бомба попала в дом на улице Буало – дом был Ремизова.

Алексея Михайловича я нашел в квартире, – голова его была перевязана, пол усеян осколками стекла. Был он контужен, ранен осколками; в соседней комнате лежала его жена. И Ремизов рассказывал, как все это произошло, – вдруг, как ударит, все посыпалось, – а мы на ощупь живы... И рассказывал так, словно извинялся за происшедшее, и теперь в его робких глазах стоял ужас, – таким я его навсегда запомнил.

Говорят, он порядком состарился. По-прежнему похож на очкастого гнома, по-прежнему мерзнет и кутается и все так же боится переходить через дорогу... Но старость не сказывается на Ремизове-писателе. Есть люди, которые не понимают и не любят ремизовских писаний, – может в них раздражать внутреннее издевательство, пристрастие к описанию разного рода «африканских докторов», и курбеты и выкрутасы. Но пишет Ремизов так, как никто не может. Есть у него, у косноязычего, особенные слова, – редчайшие, как драгоценные камни, давно забытые людьми. В ремизовском сумбуре и взвихренности рождаются образы

¹⁰¹ В. Н. Унковского.

необычайной силы и красоты, словно опаленные внутренним светом, – молнией, пронизывающей черное небо

[314: 3].

Из письма А. Ремизова – Н. Кодрянской

30. VI. 1947. <Париж>

Почему-то у нас не выходит никаких праздников, вы заметили? <...> Исаака Вениаминовича прошу 2 пластинки изобразить меня и увековечить чайничный нос. Это будет 6-го в воскресенье – а по старому стилю 25 июня канун Ивана Купала. А когда вы вернетесь, будет и Слоним – он митрофорный кавалер обезвелволпала – вот давайте тогда отпразднуем 40 летие ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛА 1907 г.

[206: 44].

Из письма А. Ремизова – В. Перемиловскому

3. VIII. 1947. Paris

Вы меня очень тронули вашей памятью, вашей заботой. И ведь это не в первый раз. Помните, как вы устраивали выставку моих рисунков, храню фотографии. Я почти ослеп. За оккупацию надорвался, приходилось читать ночи – чуть лампочка, почти ощупью без света. Отрываясь, я еще рисую, но по-другому – у меня оглазилась рука. С 1931 года меня не издают по-русски, а в России, когда попаду в отдел «классиков», а это будет д<олжно> б<ыть> после моей смерти

[80: 233].

1948

Из письма А. Ремизова – А. Бахраху

18. I. <19>48. <Париж>

Хочу объяснить Вам, почему Солнцев, почему А. В. Тыркова, которую укоряют, что изредка (ей 85 лет), а все-таки она заглядывает на Rue Voileau в обезьянью палату. Если бы пришел когда-нибудь Мэтрод'отель, я бы его чаем напоил с финиками, а между тем, если Союз Писателей мычал по-собачьи свистом, Русские Новости. По-человечески: позволили раскрыть рот, но когда я проговорил два слова (2 лягушки из 7) мне кричит свинья: «Молчи! Пошел вон!»

(ВА R. 1).

1949

Из письма А. Ремизова – И. Кодрянской

27 марта 1949. <Париж>

Птичка моя певунья
Наталья Владимировна

Вот вам грамота тепер вы и цензор, и князь обезьяний. Царь обезьяний Асыка собственноручно подписал грамоту 25 марта, когда выпускал птичку. Против Асыки не пойдешь, передаю грамоту. А я хотел дать ее вам в день, когда отдадите в набор вашу книгу Сказок – осталась бы память о рождении ваших сказок¹⁰². Но я боюсь, что всякие случайности отодвинут этот день в бесконечность

[206: 116].

¹⁰² Имеется в виду книга Н. Кодрянской «Сказки» (Париж, 1950), которая вышла с предисловием А. Ремизова и иллюстрациями Н. Гончаровой.

Из письма А. Ремизова – Г. Струве

Сергиев день
8/25. X. 1949. <Париж>

Пошлите стихи С. К. Маковскому <...> для «Оплешника»¹⁰³ (Оплешник – чаровник).

Появился из Алжира Солончук, хотя имя православное Борис Борисович, а магометанин, швыряет деньги, отвалил на мечеть и попал к Маковскому. Учился он в Оксфорде и вас называет учителем, пишет стихи. Ко мне его приводил Бахрах. А Маковский скрывает и только по воскресеньям вывозит к Крымову. Мало я верю этому Солончаку, в роде он Басаврюка и ни-с-того-ни-с-сего песни поет и в непоказанное время. А в «Оплешник» верю. <...> Парижский архив я дал на хранение Конс<тантину> Ив<ановичу> Солнцеву в St. Plast. <...> По дочери отец – вы, как ее крестили, автоматически вошли в ОбезВелВол-Пал. Теперь Вы «старейший», а в Берлине – кавалер обез<ьяньего> знака I ст<епени> с фисташками

(Стэнфорд).

1951

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

14. 1/1. 1951. Покров. <Париж>

Дорогой Борис Константинович!

Адрес Глеба Владимировича Чижова
M.G. Tchijoff
3 Rue Lacietelle-prolognée
Paris XV

Напишите ему день и час – когда б он мог явиться к вам с Шиком и Бутчиком. Затяжно не обезьянье общество – круг почитателей Пушкина – Болдина, а Вам быть ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ.

Об этом они и придут просить Вас и кланяться. Чижов секретарь
(ВАР. 2).

Из письма А. Ремизова – Б. Зайцеву

6. VIII. 1951. <Париж>

Обнаружилось, что Б. М. Крутиков 29 лет (1922, Берлин) состоит в Обезьяньей Палате в чине барабанщика. Нынче при расчете пожалован в «палатные масте-ра» или «Палатин обезвелволпал»

(ВАР. 2).

1955

Из письма А. Ремизова – В. Маркову

7. XII. 1955. <Париж>

Обезвелволпал существует и только по слепоте не могу написать вам грамоту о возведении в кавалеры обезьяньего знака с паутиной хчсеей 1 степени

¹⁰³ Издательство, образованное в 1950 г. по инициативе и на средства друзей Ремизова (семей друживших между собой Резниковых, Андреевых и Сосинских) специально для издания его книг.

«Хчея» от «хочет», как полачая от плакать воспринятые от <1 сл. нрзб.> можно произвести и от «ходить» — ходчея = хчея¹⁰⁴
как толчея
Хчея = (от ходить) как толчея

[76: 432-433].

1956

Из письма А. Ремизова – Г. Струве

28<?>. I. 1956. <Париж>
<машинописная копия>

Дорогий <так!> Марья Семеновна Глеб Петрович

Мое пристрастие к хронологии:

Наталь[я]¹⁰⁵ Владимировна Кодрянская 1904

Если Вам понадобится справка, напишите. Алексей Петрович мне по/мо/жет установить хронологически моих забытых современников

1905 г., Петербург

Читал воспоминания Чулкова (Федерация, М. 1930) и Пяста, там же 1929.

Процезено цензурой, но все-таки дает представление о начале деятельности

1905 год Дягилев, Бердяев, Булгаков Блок Гершензон (М. О. писал стихи).

Будете в Париже, повидайте обезьяньего часовщика Алексея Спасского, он знает о жизни Киры.

Алексей Ремизов¹⁰⁶

День прибавился /конец фразы почти неразборчив/

(Стэнфорд).

Из письма А. Ремизова – В. Маркову

1 сентября 1956. <Париж>

В будущем 1957 -- на Ивана Купала (24 июня) мне 80 лет (родился в 1877) У меня такое чувство -- не успел оглянуться.

Не могу разобрать чего написал, чувствую, о чем хотел сказать и к чему говорю
24 июня 1877 – 1957 – 80

8 сентября 1902 – 55 мое первое напечатанное Эпиталама

1907 – 50 первая изданная книга Посолонь и основание Обезьяньей Великой и Вольной Палаты.

¹⁰⁴ Комментарий В. Ф. Маркова: «Речь идет о строчках в поэме Хлебникова „Сельская очарованность“»

И паутины хчея

И летних мочек толчея

Так как у Хлебникова в ямбе встречаются „хромые“ строки (т. е. с опущением одного неударного слога), то я подозревал, что здесь какое-то диковинное русское слово, мне не известное, и, естественно, обратился к специалисту по таким словам. Потом я издал книгу о поэмах Хлебникова (The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Univ. Of Calif. Press, Berkeley and Los Angeles 1962), где сослался (стр. 221, примечание 74) на соображения Ремизова, в то время уже покойного. Оказалось, что мы оба были в комичном положении, т<ак> к<ак> здесь не что иное, как опечатка, и должно читаться „ячея“ – добротное, „хлебниковское“ слово. Об этом казусе впоследствии не без легкого злорадства поведал Ник<олай> Харджиев в примечании к статье „Маяковский и Хлебников“, напечатанной во втором фestsрифте в честь Р. Якобсона (To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of Seventieth Birthday, vol. III, Mouton 1967, p. 233, note 5).

¹⁰⁵ Квадратные скобки и косые черточки – конъектуры копииста (вероятно, самого Г. Струве).

¹⁰⁶ Справа от подписи воспроизведен от руки ремизовский глаголический значок.

Н. В. Кодрянская затеяла монографию. Конечно это не будет историко-литературная, а портретная – рисунок с живой речи – интервью.
И вот я в эти сумрачные дни исповедуюсь

[76: 437–438].

1957–1980-е

(Обезьянья Палата в воспоминаниях современников)

Из Рукописного альманаха К. Чуковского «Чукоккала»

Еще в дореволюционное время Алексей Михайлович Ремизов из озорства, для потехи создал шуточную Великую Обезьянью Палату, кавалерами которой были выбраны некоторые из его друзей-литераторов, в том числе и я. Кавалеры Обезьяньего знака сокращенно назывались кабабезны, и среди них была установлена Ремизовым строгая иерархия

[380: 184].

Из воспоминаний И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»

Алексей Михайлович Ремизов был домоседом, жил на земле, даже под землей, походил на колдуна и на крота, вдохновлялся корнями слов, не мудрил, как Белый, а чудил. <...>

Теперь мне хочется вспомнить А. М. Ремизова, с которым я познакомился в 1922 году в Берлине. В мещанской немецкой квартире, в комнате, заставленной чужими вещами, сидел маленький сгорбленный человек с большим любопытным носом и с живыми, лукавыми глазами. Его жена, Серафима Павловна, хлопотливо потчевала гостей чаем. На письменном столе я увидел рукописи, написанные, вернее, нарисованные мастером каллиграфии. А на веревочках покачивались различные черти, вырезанные из бумаги: домашние и злые, хитрые и простодушные, как новорожденные козлята. Алексей Михайлович тихо посмеивался: в тот день кроме привычных игрушек у него была новенькая – Пильняк, который рассказывал фантастические истории о жизни в Коломне.

В Берлине Ремизов был таким же, как в Москве или в Петрограде, писал такие же сказки, играл в те же игры, разводил тех же чертяк – я говорю это, читая теперь записи людей, встречавшихся с ним до его отъезда за границу. <...>

Среди прочих игр Ремизов играл в некий таинственный орден, созданный им, – «Обезьянья великая и вольная палата» или «Обезволпал». Он производил в кавалеры, в князья, в епископы друзей-писателей: Е. И. Замятина, П. Е. Щеголева, «Серапионов». Я числился «кавалером с жужелиным хоботком».

В 1946 году, приехав в Париж, я пошел к Алексею Михайловичу. Я не видел его перед тем лет двадцать. Незачем напоминать, какие это были годы. Много несчастий перенес и Алексей Михайлович. В годы немецкой оккупации он голодал, бедствовал, мерз. В 1943 году умерла Серафима Павловна. Я увидел согнутого в три погибели старика. Жил он один, забытый, брошенный, жил в вечной нужде. Но тот же лукавый огонек посвечивал в его глазах, те же черти кружились по комнате и так же он писал – древней вязью, записывал сны, писал письма покойной жене, работал над книгами, которые никто не хотел печатать. <...>

Ремизов был поэтом и сказочником. На одной из книг, которую он мне подарил, он написал: «Здесь все для елки». Елки одно время были у нас не в почете; потом их восстановили в правах. Алексей Михайлович в книгах был таким же, как в жизни: играл, выдумывал, иногда веселил своими нелепостями, иногда печалил. Елку любят не только дети, и редко встретишь человека, которому хотя бы раз в жизни не понадобилась до зарезу сказка. В этом оправдание «букашек» – долгих трудов большого писателя Алексея Михайловича Ремизова. <...>

Произведя меня в кавалеры «Обезволпала», А. М. Ремизов определил «с хоботком жужелицы» не случайно: жужелица, защищаясь, выделяет едкую жидкость. Критики называли меня скептиком, злым циником

[399: 411–415].

Д. Кнут. «Встреча с Алексеем Ремизовым»

Еще в дореволюционной России Ремизов основал «Великую и Вольную Обезьянью Палату».

От имени этой Палаты, которая в его глазах была неким русским вариантом французского Ордена Почетного легиона, Ремизов вручал тем, кого считал выдающимися личностями, мудреные удостоверения, свидетельствующие об их принадлежности к «Обезвелволпалу». И бывало, что некто действительно заслуженный не мог решить, обижаться или гордиться ему следует, что он произведен в «обезьяньи кавалеры»? Почетное свидетельство заверялось особым образом: рядом каким-то странным пятном стояло: «Заверяю и подписываюсь собственно-хвостно, председатель Палаты, Главная обезьяна» (и далее шло полное имя, которое я запамятовал). <...> Первая неожиданность подстерегала меня уже на пороге его квартиры, находившейся в большом доме в парижском квартале Отей. В этом доме, заселенном русскими беженцами, в котором были кой-какие неудобства и который чем-то напоминал дома коммунального типа здесь, в Израиле, над дверью писателя вместо кнопки звонка... висел обезьяний хвост. Потянув за него, я попал в квартиру... которая оказалась битком набита всякой всячиной

[202: 283].

Из воспоминаний Р. Гуля «Я унес Россию. Апология эмиграции»

Заходил в «Новую Русскую Книгу» Алексей Михайлович Ремизов, на которого всякому любопытно было посмотреть и которого всякому стоило послушать. Вроде карлика, угловатый, «футуристический», весь «сделанный», как и его проза, – с завитками и завитушками. Конечно, Ремизов своеобразный прозаик и в литературе занял свое место, но я никогда не был поклонником его таланта; нравилась мне только его «Взвихренная Русь» (Временник 1917–21 гг.). Ремизов – хитрюга и ловкач¹⁰⁷. Любил, чтоб о нем писали (хвалебно, конечно). Посему, наверное, вскоре и Яценко и я получили из его Обезвелволпала (Великой Обезьяньей Вольной Палаты) превосходные грамоты, удостоверяющие, что мы возведены в кавалеры 1-й степени сего фантастического, придуманного Ремизовым, ордена. Яценко – с заяшными шариками. А я – с васильками. Грамоты эти Ремизов писал сам на плотной бумаге удивительной, старинной славянской вязью со всякими выкрутасами и росчерками и неизменно подписывал: скрепил забеглый канцелярист Обезвелволпала Алексей Ремизов. Когда я потерял грамоту, А. М. прислал мне уже из Парижа, «взамен чудесно пропавшей грамоты» – новую, замечательную, с возведением меня уже в «берлинские полпреды Обезвелволпала», с подписями мексиканского полпреда Д. Святополк-Мирского, парижского полпреда П. Сувчинского, а скрепил, конечно, забеглый канцелярист Алексей Ремизов. Эта грамота ездila со мной по всему свету, пока я не передал ее (вместе с другими документами) в прекрасный архив и музей моего друга Томаса Витни в Америке (Вашингтон, Коннектикут). Ремизов любил прибедаваться, хныкать, жаловаться на беды жизни, но всегда жил неплохо, умел находить и издателей и почитателей; в годы эмиграции он ухитрился выпустить 44 книги и в зарубежной печати опубликовал больше семисот отдельных опусов. В Берлине у Ремизова на Кирхештрассе я был как-то всего раз. Но мой друг, художник Н. В. Зарецкий, очень любивший Ремизова, как великого забавника,

¹⁰⁷ Ср. с письмом Р. Гуля к Н. Зарецкому от 2 сентября 1932 г.: «Ремизову я бросил писать. Ну его к ебени матери. Он как-то мне написал такую какую-то канитель с вывертом, что я плюнул. Пошляк он между нами говоря. Не люблю. И на хрен он мне нужен... Больше года не писал ему. И не собираюсь» (ВАР. 4).

бывал у него часто, крепко дружил с ним и много о нем рассказывал. Так, оказывается, Ремизов у себя устраивал – выдумки-игры с гостями. И вот как-то после обеда Ремизов объявил, что сегодня будет игра в ревком. И обращаясь к своей жене, богатой женщине необычайно полных форм, Серафиме Павловне, рожденной Довгелло, – сказал: «Ну, вот, Серафима Павловна, – стало быть, вы будете у нас – ревком!» На что Серафима Павловна, обидевшись, ответила: «Я не хочу быть ревкомом, я хочу быть царица!» Так «игра в ревком» и не состоялась. Одно время в Берлине Ремизов редактировал (вместе с Н. М. Минским) шуточный листок (в несколько печатных страниц) – «Бюллетени Дома Искусств» и в нем печатал всякие фантастические шутки о братьях писателях. Но некоторые из писателей (напр., Е. Лундберг) на него за них обиделись, и листок прекратился на втором номере

[151: 80–81].

Из книги В. Андреева «История одного путешествия»

...Я приехал в Берлин в апреле 1922 года. Встреча с А. М. Ремизовым была для меня знаменательной – она многое прояснила во мне самом и помогла мне, так же как и встречи с Андреем Белым, Маяковским, Пастернаком, выйти из литературного захолустья, в котором я еще находился.

Алексей Михайлович считал своим литературным крестником Леонида Андреева: по рекомендации отца была напечатана его первая вещь – «Плач девушки перед замужеством». Это причитание вошло впоследствии в его первую книгу «Посолонь». «Посолонь» я знал с детства, помнил ремизовские апокрифы и сказки. <...> Когда произносили его имя, у меня в памяти возникала фотография, помещенная в каком-то иллюстрированном журнале: большой лоб, очки, всклокоченные волосы; воспроизведенные в том же журнале его рукописи – славянская вязь, каллиграфия, не рукопись, а рисунок, весь переплетенный завитками и росчерками. В статье, сопровождавшей портрет, подробно рассказывалось о чертиках, которых он клеил из разноцветной бумаги, о рыбьих костях, привешенных к потолку на нитках, о бархатных пауках и еще о какой-то непонятной фантазмагории, его окружавшей. Рассказывалось об учрежденном им «ордене» Обезвельволпале (Обезьянья Великая и Вольная Палата), в который посвящались чудачки, то есть люди, захваченные какой-нибудь бескорыстной страстью. Все это создавало впечатление несерьезной игры¹⁰⁸.

Впоследствии, в Париже, когда я сам поднялся по иерархической лестнице Обезвельволпала от кавалера до гундустанского посла и даже под конец стал обезвельволпальным маршалом, я понял, что все чудачества, так раздражавшие иных его читателей, действительно часть самого Ремизова, но только та внешняя часть его, которой он соприкасается с окружающим его миром, некий панцирь, прикрывавший его от злой жизни. Легко ранимый, всегда настороженный, с постоянной боязнью, что кто-нибудь, все равно кто – редактор журнала или случайный прохожий, – может причинить ему боль, он защищался от них шуткой, талантливой игрой в беспомощность, в жука, притворяющегося мертвым, когда чьи-нибудь грубые руки поднимут его с земли.<...>

В Берлине А. М. Ремизова я в первый раз увидел и услышал в ателье художника Н. Зарецкого, где изредка устраивались литературные вечера. Здесь бывали Архипенко, Ларионов, Богуславская, Пуни, Минчин, Терешкович, Шаршун,

¹⁰⁸ Очевидно, в памяти мемуариста объединились несколько статей начала 1910-х гг., причем ни в одной из них не могло быть упоминаний об Обезьяньей Палате. Портрет и факсимильное воспроизведение каллиграфии писателя публиковались в альбоме, изданном как приложение к журналу «Новый журнал для всех» – «Галерея современных писателей» (1910. С. 19). Подробное описание коллекции игрушек мемуарист мог запомнить по обширным статьям А. Измайлова [88: 10–11] и П. Кожевникова [207: 2].

который писал не только дадаистические рассказы, но и картины. В тот вечер Алексей Михайлович читал отрывки из «Взвихренной Руси», книги, над которой он тогда работал. Конечно, по двум-трем отрывкам я не мог судить обо всей книге, но то, что я услышал, произвело на меня огромное впечатление: живой и громкий голос человека, искреннего свидетеля огромных событий. <...>

В тот вечер в ателье Зарецкого я увидел Блока, услышал голос Достоевского – настолько была велика сила ремизовского чтения

[95: 296–297, 300–301].

Из воспоминаний Н. В. Резниковой «Огненная память»

За беседой А. М. рисовал и подписывал «обезьяньи грамоты», которые даровались новым кавалерам обезьяньего знака «Обезьяньей Великой и Вольной Палаты» (Обезвелволпал), канцеляристом которой А. М. состоял более полувека. Орден был основан в Петербурге, где, по возвращении из ссылки, А. М. работал в журнале *Вопросы Жизни* и был близок с символистами. Первый обезьяний знак я увидела у моего дяди, Владимира Михайловича Чернова, знавшего Ремизова по ссылке в Вологде. Это был небольшой картонный билет с рисунком «модерн» (как и все графическое искусство Ремизова): рожица, вписанная в треугольник, рисунок подкрашен зеленым. Дядя сказал мне, что это знак тайного «обезьяньего» ордена. Он вызвал во мне большое любопытство, но ничего не объяснил. <...>

Теперь, с уходом А. М., стало совсем неясно, что такое «Обезьянья Великая и Вольная Палата», тем более что и прежде, при жизни Ремизова, ее значение было покрыто какой-то тайной, подразумевалось, но никогда не было точно определено.

Обезьянья Палата, созданная А. М., была для него, прежде всего, выходом из ограниченной трехмерности, неприятием нормальной «нормы», обязательной для человека. В этом сказывалось основное свойство душевного склада А. М.: непокорность, протест против навязанной реальности, отказ от общих истин и установленной шкалы ценностей.

Надо также сказать, что в жизни Ремизова игра, шутка, выдумка занимали большое место. Придуманый им «неправдошный», «непохожий» мир Обезьяньей Палаты давал богатую тему его творческой фантазии.

Обезьянья Палата не имела отношения к настоящим, живым обезьянам, да А. М. и не любил их. Он брал их только символом свободы, своеволия и неподчиненности человеческим правилам и нормам. Обезьянья Великая и Вольная Палата была открыта для людей, способных в жизни глубоко и бескорыстно интересоваться, творчески любить и переживать что-то, выходящее из строя повседневных интересов, дел и нормальных занятий, приводящих к нормальной цели. Люди становились друзьями Ремизовых и принимались в Обезвелволпал по тому же самому признаку: влечению к чему-то необычному, оригинальному, «бесполезному». В Палату входили не только художники, писатели, поэты, музыканты, но вообще люди, способные увлекаться и любить до забвения себя и своих интересов все равно что: музыку, искусство, какую-нибудь деятельность, коллекционерство и даже такое, что в глазах нормальных людей – просто чудачество. В Палату А. М. охотно принимал детей. Он относился к детям с внимательной нежностью и любил их именно за то, что их отличает от взрослых. Рисунки детей, похожие на рисунки взрослых, вызывали у А. М. мучительное чувство.

Обезвелволпал возглавлялся обезьяньим царем Асыкой. Царь Асыка – невидимый, но его портрет известен, и обезьяньи грамоты он подписывал «собственнохвостно». Сам А. М. занимал в Палате место «канцеляриуса». Вновь принятому кавалеру вручалась грамота с каким-нибудь знаком: «кукушкиным яйцом», «кунными лапками».

Старейшие князья обезьяньи – А. Блок, А. Белый, П. Е. Щеголев, Я. П. Гребенщиков, Л. И. Шестов, Р. В. Иванов-Разумник, Е. И. Замятин (Замутий). Горький, при получении грамоты, был в восторге. «Пешковы – стали князьями!» – говорил он смеясь.

Существовали зауряд-князья, кавалеры. Надо сказать, что Палата была открыта довольно широко; иногда поговаривалось о том, что не худо бы произвести «чистку», так как первоначальное значение ордена со временем забывалось... Грамота выписывалась тщательно, выглядела красиво. На ней были указаны имя и звание кавалера, степень его и знак, с которым он принят, плата за расходы. Плата вносилась кто чем мог: рисовальная бумага, альбомы, цветные бумажки, семга, редкая книга, помещение рассказа в каком-нибудь журнале, усердие и старание. Сбоку обезьянья печать, выполненная тонким графическим штрихом, с рисунком, часто можно было различить портрет кавалера и канцеляриста. Затем следовали подписи князей и кавалеров с обозначением их чина и знака: Музыкант и куафер обезьяний, Стрекоза, она же Нонн (монахиня), Князь-Епископ (Б. К. Зайцев), Эмир обезьяний (востоковед Никитин), Полпред Баскский, Великий Муфтий (И. А. Бунин) и росчерк: «собственнохвостно царь обезьяний Асыка». «Обезвеллопал, в которой Ремизов, полвека, с открытия палаты держится в должности обезьяньего канцеляриста...» (2. III. 1957 г. *Юбилейная книга писем*). «На Иван Купала, 24 июня 1957 исполняется 80 лет А. Ремизову. Обезьянья Великая и Вольная Палата, „канцеляристом“ которой палаты Ремизов держится полвека, со дня основанья, по этому случаю выпускает книгу Ремизова – в издании *Оплешника*: две поэмы в прозе – *Тристан и Исольда* (XII век) и *Бова Королевич* (XIV век) в количестве 300 экземпляров» (74-я *книга писем*). 1957 г. был последним годом жизни А. М. Он умер 26-го ноября 1957 года. Того же порядка, что обезьяний орден, было выражение, которое я так часто слышала от А. М. в конце его жизни: «для безобразия». Особенно, когда дело касалось убеждения или просьбы, в виде последнего довода, когда все другие доводы исчерпаны. – «Ну, для безобразия!» Иначе говоря – сделайте это «для безобразия». Это «безобразие» означало: просто так, «*acte gratuit*»¹⁰⁹, для игры, для смеха и улыбки, ради выхода из повседневной, скучной «необходимости земной» [294: 24–27].

В. Лидия. «Асыка»

Алексея Михайловича Ремизова, образно говоря, можно было уподобить корневищу можжевельника, ответвлениями уходящего во все стороны, и нужно немало усилий, чтобы извлечь его из тесной связи с землей, а корневище нередко идет на искусные поделки.

Ремизов был весь с родной землей: русская речь, русская народная поговорка, русские сказки, легенды, былины, сказания, – вся Русь была в нем самом, и, когда порвались ответвления его корневища, Ремизов потерял и самого себя...

Как и зачем очутился он на чужбине, растерянный и ставший сразу несчастным, едва порвалась связь с родной землей? Он представлялся мне затолканным в вокзальной сумятице, где его, слабого и беспомощного, понесло с толпой, и он сел совсем не на тот поезд и не в ту сторону.

Таким впервые я увидел его в Берлине в 1922 году на полустанке эмиграции, которая позднее увиделись в Париж, Белград или Прагу. Но вначале на ее пути была Германия, только недавно проигравшая первую мировую войну и утопавшая в инфляции, когда по плану Дауэса из нее выкачивали все соки... а тут еще никому не нужная русская эмиграция.

Ремизов жил в той части Берлина, которая называется Шарлоттенбургом, жил потерянный, не нужный даже русским издательствам, возникавшим одно за другим, а книги Ремизова были для издателей сущим разорением: кого в послевоенную распутицу и великие потрясения могли интересовать его «сказы» или «величания»?

Я пришел к нему с определенной целью: не следует забывать, что в ту пору Ремизов, а вместе с ним Андрей Белый своим несколько дремучим словом и

¹⁰⁹ Действие без причины (*франц.*).

стилизаторскими приемами влияли на некоторых молодых советских литераторов, а иные даже учились у них: впоследствии это стало называться «орнаментальной прозой».

Московское издательство «Современные проблемы» задумало выпустить книгу автобиографий советских писателей¹¹⁰, привлекло меня к ее составлению, и для полноты отображения литературной жизни того времени было бы неправомерным обойтись без Ремизова и Андрея Белого.

С этим я и пришел к Ремизову в его шарлоттенбургское жилище. В комнате Ремизова висели на нитках и веревочках всяческие изображения любезной ему нечисти, вроде чертенят и шишиг, а за рабочим столом сидел маленький, с ершиком волос, похожим на дикорастущий куст, русский писатель, ставший почему-то шарлоттенбургским.

«У нас в этом году елки нет! Месяц, как выгнали нас из квартиры и должны к 1 янв<аря> выехать, ничего не нашли», – писал он мне впоследствии. «Складываю игрушки и книги. Куда идти – ничего не знаю».

Ремизов моему приходу нельзя даже сказать – обрадовался, мой приход просто всколыхнул и взволновал его; но это относилось не ко мне, которого прежде он и не знал, а к тому, с чем я пришел к нему: Ремизова, оказывается, не забыли в родной стране, не предали анафеме, не кинули в пасть чужеродных сил, хотят его автобиографию, его всеми мочками, пуповиной связанного с родной землей, горстку которой он прихватил на чужбину, и символично, что ее последнюю горсть именно советские люди принесли на его могилу, а умер он советским подданным и, несомненно, давно мысленно сжег свое «Слово о погибели русской земли».

Писатели, к которым я обратился с просьбой об автобиографии для сборника «Литературная Россия», прислали каждый по несколько страничек. Ремизов же прислал обширнейшую, написанную уставом, с цветными заглавными буквами, я дорожу ею еще и как образцом каллиграфического искусства.

А в виде эпиграфа к своему жизнеописанию он написал:

«Россия – там – трудная – со столпами, словом, сердцем, мечтою и могилами». Тронутый тем, что его имя не отринули на родине, он посчитал своим долгом подарить мне почти все свои недавно вышедшие книги с такими надписями: «Эта история петербургская о театре от 1918 – 1921» («Крашенные рыла»), «Книга из слов – от цвета словесного» («Трава-мурава»), «Из посолони сказки разные» («Сказки обезьяньего царя Асыки») «А это когда очень уж скучно станет» («Ё. Тибетский сказ»).

Вдобавок к своим щедротам он возвел меня в ранг «Кавалера обезьяньего знака I степени с мышьим хвостиком» и трудолюбиво выписал «обезьянью шарлоттенбургскую грамоту», которую «собственнохвостно подписал царь обезьяний Асыка», а две другие скрепляющие подписи «Полномочного резидента заяшного ведомства» и «Князя обезьяньего парижского» я должен был взять в Москве у М. Пришвина и Алексея Толстого. Сделать это для полноты формуляра я не успел, и на месте их подписей стоят зеленые крестики, проставленные Ремизовым. Из всех русских писателей, оказавшихся в эмиграции, Ремизов был самым неприспособленным, самым неприкаянным. Он оторвался от всего, что было дорого и нужно ему, остался с самим собой, стал сочинять и изобретать Алексея Ремизова со всеми его снами, в которые никто не мог поверить, потому что человеку не может столько сниться, и если даже и приснится, то он тотчас же по пробуждении забудет. Но «сны» были для Ремизова самовыражением, вместе с тем никто не мог опспорить их фантастичность – мало ли что может присниться человеку! – «сны» были лишь наблюдением самого себя со стороны, и он наблюдал себя со скорбью от своих утрат...

Имя Ремизова звучало в свое время как имя писателя своеобразного, хотя и трудно читаемого, но Ремизов и сам сознавал, что у него нет широкого круга

¹¹⁰ Автобиографию Ремизова см. в сборнике «Литературная Россия» [227: 27–35].

читателей, а издатели со скрипом издавали его книги, не только недоходные, но и разорительные. Ремизов узнал немало горечи от этого полупризнания, а на чужбине присоединилась и голая нужда, когда Ремизову оставалось видеть воображаемые сны.

В 1922 году он писал мне: «Передайте тем писателям, кто поверит мне, – это я сам чувствовал всегда, а тут живя, на примере увидел германском: литература есть цвет России и всякая веточка – краса России и *надо только радоваться всякому новому дарованию, оберегать и помогать*, а не подсиживать и „ругать“, как это было у нас в обычае, писатель к писателю хуже волков, совсем забывают, что грызня – не украшение России, а обцарапывание России, забывают Россию». Ремизов прожил трудную, путаную, несчастливую жизнь, но в этой жизни все было обращено к истокам русской словесности, однако с наивной мыслью о сохранении в неприкосновенности древних речений и непониманием, что в культурной истории народа одни речения навсегда уходят, а другие по-новому утверждаются. Он был выдумщик и фантаст, верил в свои выдумки, бряцал на деревянной лире с деревянными струнами, убеждая себя, что они звучат, как былинные. В своей сути это было наивно, никого в соблазн не вводило, а писателя Алексея Ремизова нужно было утешить в его горестях, и он утешал его как мог... Несколько лет спустя, уже в Париже, куда в основном перекечевала эмиграция, мы трижды уславливались с Ремизовым о встрече, но встреча почему-то не состоялась... <...>

А «собственнохвостно подписанная обезьянним царем Асыкой грамота» хранится у меня с несколькими горестными «шарлоттенбургскими» письмами Ремизова.

[226: 234–235]

Из воспоминаний В. Сосинского «Домовой на рю Буало»

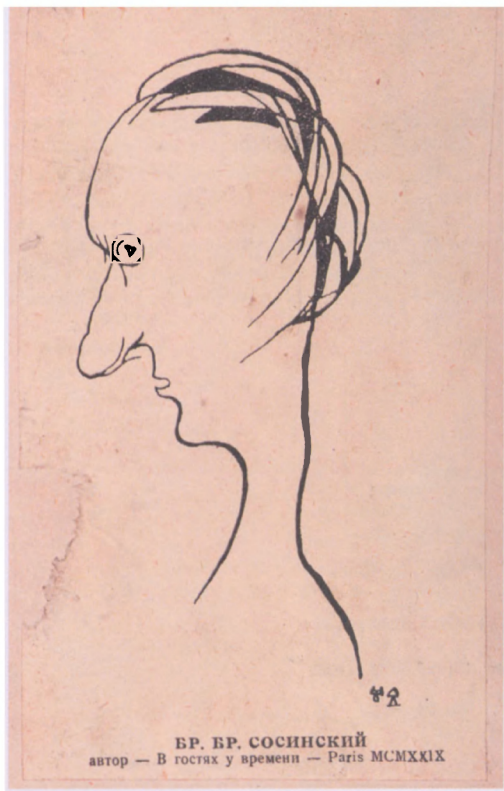
Меня привела в восхищение только что вышедшая книга Натальи Резниковой «Огненная память». Передо мной под светом абажура лежит полученное из Парижа письмо:

«12 января 1981 г. – Милый, дорогой Володенька, вот мы и начали новый, 1981-й год. Какой-то он будет? Я в восторге от того, что моя книга понравилась тебе, и благодарю тебя за добрые теплые слова. Здесь тоже она всем понравилась, кто ее прочел. Но писать вообще некому. Наш здешний литературный мир оскудел, нету критиков. Остался один Бахрах».

Принял я в книге Резниковой все, подписываюсь под каждой ее строкой, жалею только о том, что у меня не хватило таланта написать такую дивную книгу о любимом нашем писателе. И вот только расхожусь и в этом одном расхожусь в корне, а именно – «Успех Ремизова во Франции, широкое признание со стороны русских за рубежом, интерес к нему советских ученых, исследователей древнерусской литературы, в последние годы его жизни радовали и ободряли его. Но это признание шло вразрез с тем образом, который Ремизов создавал о себе в течение всего своего писательского пути: *образ непризнанного, отпалкиваемого, гонимого жизнью и людьми человека*». (Подчеркнуто мною. – В. С.)

Нет, дорогая Наташа, в этом я совершенно с тобой не согласен. У Алексея Михайловича это было не что иное, как игра – из числа многих других игр, забав, мистификаций. Он всегда жил в мире ирреального, в выдумках, в фантазии. Боже, как он любил разыгрывать и обманывать людей, даже самых близких и любимых.

Была такая особая тетрадь у Ремизова – куда она делась? В архиве Н. Резниковой я ее не обнаружил, нет ее и у Кодрянских, а собрать этот материал сейчас наново невозможно, – куда Алексей Михайлович клеивал газетные и журнальные вырезки о событиях, никогда нигде не происходивших, о людях, как он говорит в одном из своих писем ко мне, «апокрифических из Цвофирзона» (увы, не мог расшифровать это имя!) и даже о людях «действительно живущих». Помню хорошо, как потом ему за эти заметки, которые он усердно рассылал по всем периодическим изданиям – больше всего пострадали на этом Рига, Таллин,

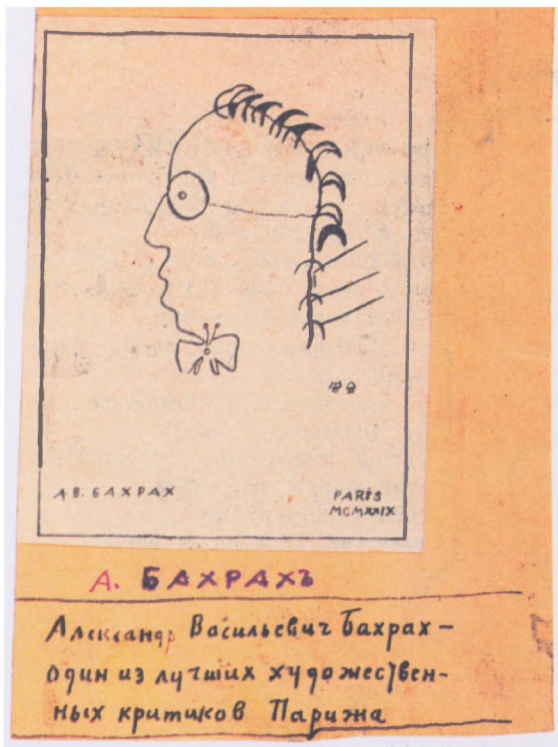

Портрет
Б. Б. Сосинского

Харбин и Шанхай, – как ему влетало от редакторов и пострадавших, когда правда обнаруживалась, и сколько вредил он самому себе, когда те, рассердившись, переставали его печатать вообще. Но чудачества эти ему были дороги (это нельзя назвать чудачествами – это было что-то более глубокое), и не так легко ему было от них отказаться.

Образ непризнанного, гонимого жизнью и людьми писателя (человека) был ему особенно дорог, и, чтобы его сделать, он по крохам собрал у своих излюбленных героев («Повесть о Стратилатове», «Корявка», «Горе-злосчастное», «По карнизам») этого Алексея Ремизова, о котором вспоминает Наталья Резникова в своей «Огненной памяти». Этот образ гонимого был еще дорог Алексею Михайловичу потому, что он был с его стороны чистой выдумкой, а, как известно, Ремизову всегда была дороже выдумка, ирреальность, сказка – чем реальное и реализм! Сон – чем явь! <...>

Нет, не ошибаюсь я: равнодушен был к похвалам, как ребенок радовался лишь хуле и носился с нею и, если печатная, вклеивал в особую тетрадку. Знал, конечно, свое высокое призвание в искусстве, прекрасно знал бесспорную силу своего слова, но не подавал виду. Был скромнен, сдержан в обнаружении своих достоинств в отличие от горделивого Бунина и хвастливого донельзя Шмелева. Искусство Алексея Ремизова – одно из самых передовых нашего века, самое авангардное. Недаром учились у него Замятин, «Серапионовы братья» (так как давно уже забыто, кто входил в эту литературную группу, возникшую в Петрограде в начале 1921 г., напомним главных: Вс. Иванов, М. Зощенко, В. Каверин, К. Федин, Ник. Тихонов), как бы нынче ни отрещивался Л. Леонов, и он учился у Ремизова, как и В. Шкловский, Б. Пильняк. Из зарубежных наших соотечественников отмечу самого талантливого из его учеников Бориса Пантелеймонова. Недаром так любили Ремизова художники-авангардисты – кто иллюстрировал его книги, особенно обложки, – Добужинский, Нарбут, Петров-Водкин, Рерих, Сомов, Чехонин – весь Серебряный Век! А кем восхищался сам Ремизов? Кандинским,

Портрет
А. В. Бахраха

Пуни, Шагалом, Пикассо. В музыке, балете? Дружил с Рахманиновым, Стравинским, Прокофьевым, Набоковым, Артуром Лурье, Дягилевым, Сергеем Лифарём, Скрябиным, Карсавиной, Спесивцевой, Евреиновым...

На днях – вот только что – вышел в Лондоне знаменитый, нынче, наверное, лучший в мире ежемечасник по искусству «Леонардо». В нем большая статья о рисунках Алексея Михайловича¹¹¹ – и репродукции с них в красках даны в окружении современных передовых художников. Статья эта касается того периода в жизни Ремизова, который сам автор в списке книг так определяет: «1931–1949. Тут меня и прикончили. И стал я альбомы делать: рукопись с картинками. Больше 200 альбомов, больше 2000 рисунков. И сорвал правый глаз. Никогда не знаешь, что такое „чересчур“».

Упомянется в английской статье Аврил Пайман всемирная выставка в Париже «Писатели рисуют» (1935), где главным судьей был Пикассо и где золото получил Ремизов.

Пора сказать, что Ремизов целиком принадлежит к своеобразному направлению философии существования – экзистенциализму. Его создателями на Западе называют Николая Бердяева и Льва Шестова. Оно было близко Хемингуэю, Сент-Экзюпери. Камю, Сартру – с двумя последними Ремизов дружил. Своими предшественниками экзистенциалисты с площади Сент-Жермен де Пре считают Кьеркегора и Достоевского.

Много лет я дружил с Алексеем Михайловичем Ремизовым. Полюбил его страстной любовью еще до знакомства с ним в Париже, на Принцевых островах в Турции – дружбе нашей четверть века! Но дружба не прекращается со смертью одного из двух: прибавьте еще четверть века. Все крепко хранится в памяти: как прекрасно писала мне Ариадна Эфрон-Цветева в письме на смерть моей Ариад-

¹¹¹ Подразумевается статья английской исследовательницы Аврил Пайман, лично знакомой с Ремизовым [421: 234–240].

ны, «в памяти живы все, и кто жив, и кого уже давно нет». Но и сегодня, как 50 лет тому назад, когда я впервые переступил наиважнейший порог в моей жизни – порог в доме на рю Буало – хотя это был не дом, а скорее храм, – стою я перед загадкой: кто он, этот человеческий и писательский гений? Тайна для всех, тайна и для меня, не разгаданная и по сей день. Писать о том, что он писал, еще могу, но изобразить его, каким он был, – увы – нет сил.

Закончу это свое эссе о нем вот такими золотыми словами: «Я отстаиваю свою свободу в своеволии и, никому не повинуюсь, иду своим путем»

[336: 85–86].

КОЛЛЕКЦИЯ

Эта грамота посвящена Стягу Обезьяньей
лицой и Вольной Палате

Александрович Лавров
и Цопта от Знаки Утв
Евгения посвященному
Обезьяньей Вещной
и Вольной Палате
Князь
Обезьяньей Вещной и Вещной
Шу Обезьяньей Вещной
под строгим отобранием
бу

Александрович Лавров
содетствохосство
Войнахосство
Александрович Лавров
Кавалер Александр Лавров
Србни Александрович Лавров
Полковник Обезьяньей
Вещной Александрович Лавров

Лавровая грамота Обезьяньей Великой и Вольной Палате. 1920 (РГАЛИ)

Обезьяний знак и свидетельство
 П. Е. Щеголева.
 30 декабря 1916 (ИРЛИ)

121
216

Павлу Сисеевичу Щеголеву
 за труды на оборону отечества
 обезьяний знакъ первой степени
 съ хвостомъ и лапою
 дано для носителія
 Александръ
 1916г.

30 / 14626

Вачеславу Аюжл Саису
Шишкова
на тайну, тунисовъ и на придворну
обвѣяніи, како първои свидетели
со звюдаши
данъ для ношетиѣ
1 сеп. 1917

Аѣт

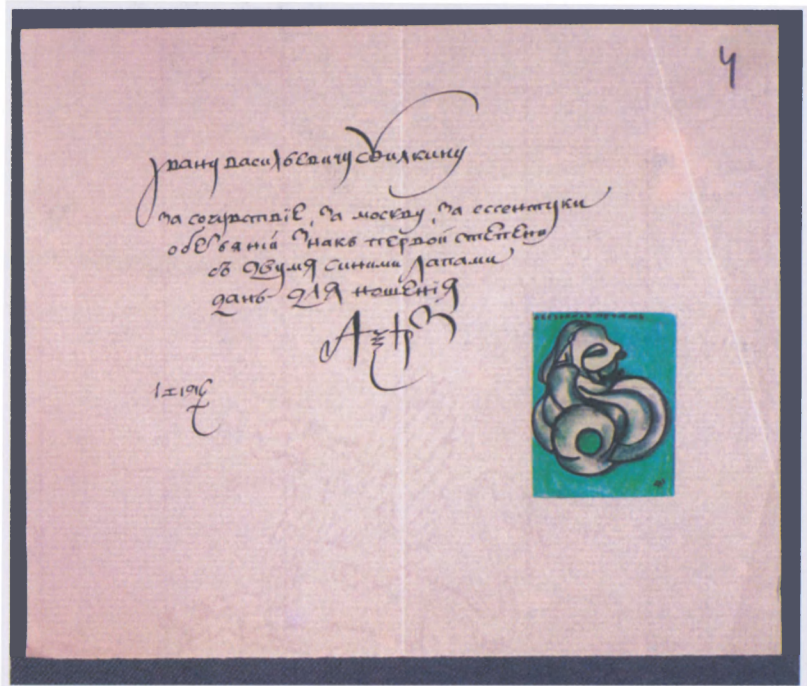
Свидетельство к обезьяньему знаку В. Я. Шишкова.
1 января 1917 (РГАЛИ)

Обезьяний знак К. А. Суннерберга.
30 октября 1918 (ИРЛИ)

Обезьяний знак и свидетельство
И. Жилкина.
1 января 1917 (РГАЛИ)

Обезьяний знак и свидетельство
 Андрея Белого.
 24 января 1917 (ИРЛИ)

37

Сергусу Нисо, Мавру Гуавру
 Андрою Сторму
 Сапретери тује раштоу
 ма стиги седе неполученноје
 свѣдѣнїи знавѣтїи стїенїа
 свѣдѣнїи
 дань для Ношенїя
 24 I 1917
 А. Б.

Обезьяний знак Н. А. Клюева.
18 февраля 1917 (Музей ИРЛИ)

Николаю Александровичу Ключеву

на Музей Ермакову - статья 1915-16г.

на Нормальную школу - статья 1916г.

и Журавлеву Лодискому

о безьяннем знаку Н. А. Ключева в Кустовском
г. 18 февраля 1917

1917 г. 18 февраля

Александровичу Ключеву

Обезьяний знак В. Н. Унковского.
3 апреля 1917 (ИРЛИ)

мнѣ съсуду (судомъ)

Унковскому

на крупя, всядкѣя, за кнуди
и въ то въ разна ринди и мѣсѣннѣя,
за пайдитъ и въ труднѣи едина
данъ обезьяннѣ знакъ перной стѣпенѣ
св. крупянкѣю яченѣю для ношеннѣя

А. Е. Гр.

данъ въ сумнѣе время
1917 г. 3 апрѣля
въ Санктъ-Петербургѣ

Жанн, Елѣврасъ А. Е. Гр.

Свидетельство к обезьяньему знаку В. Н. Унковского.
3 апреля 1917 (ИРЛИ)

Ивану Павловичу Жилкину

Дана сия грамота Ивану Васильевичу Жилкину, кавалеру
австрийского знака с лентой, с возведеніемъ въ
князь австрийский
1918г. 15 мая
С. Петербургъ

Великой князь австрийский и герцог Трансильванский
Могренский

Кавалеръ и князь австрийский Леонидъ Доргопратовъ

Скромнаго и скромнаго лица и скромнаго характера А. Е. Жилкина

Грамота

Александр
Сологуб

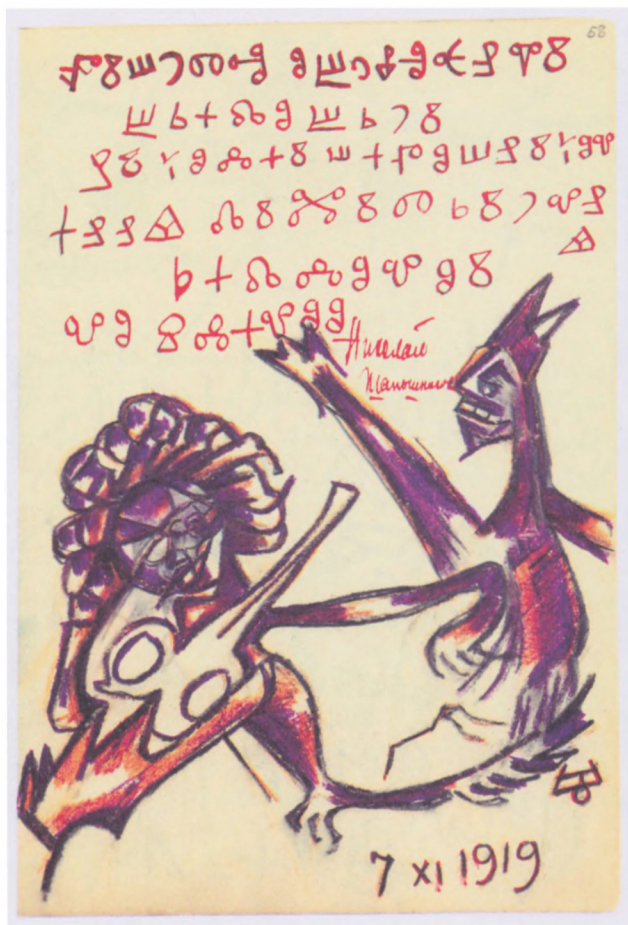
Дана сия Великая обещанная грамота Александром Сологубом
Платову Александру Кудыкину (Сологубу) Кабардинскому
Дня 17-го сего месяца в знак благодарности
Его Величества Александра

1919
23

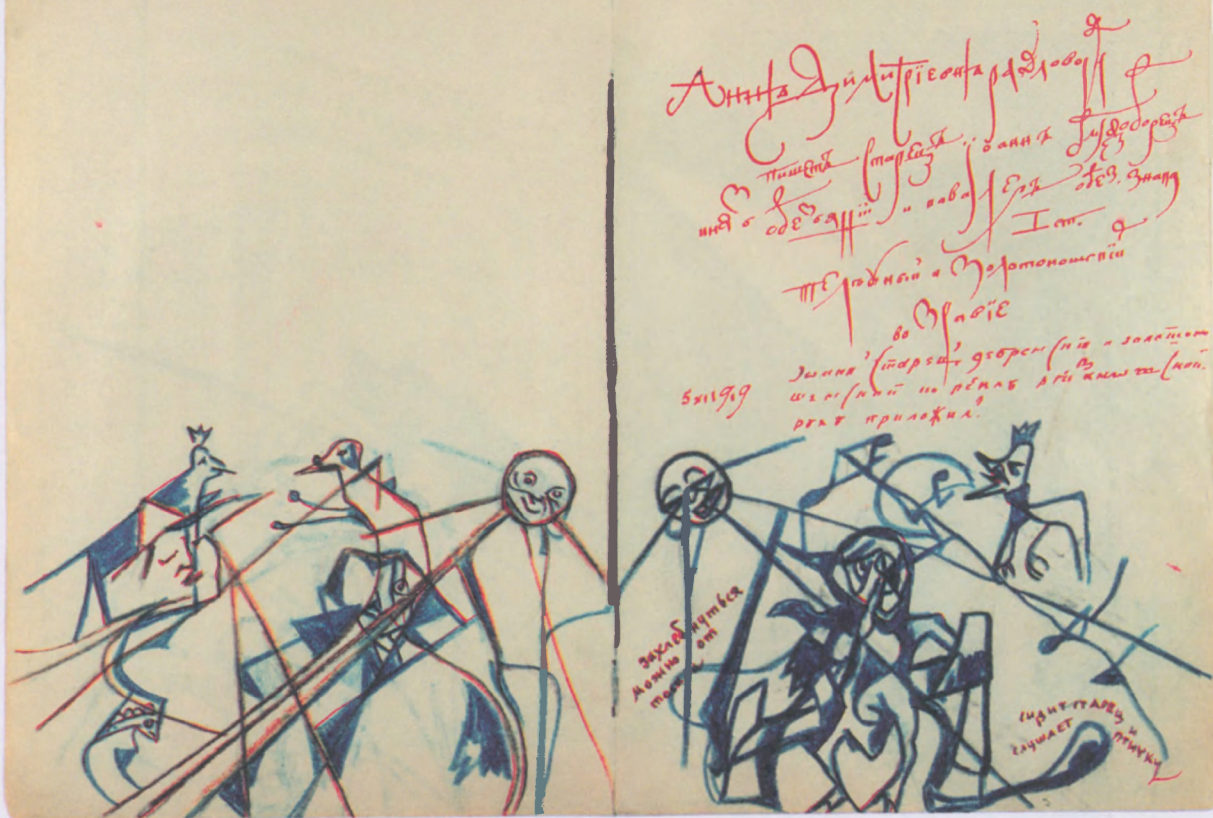
Александр
Сологуб
Собственноручно

Копия выдана Динской канцелярии
Канцелярия Динской канцелярии

Грамота Ф. К. Сологуба.
17 февраля (2 марта) 1919 (ИРЛИ)

А. Ремизов. Рисунок и автограф на глаголице.
Н. А. Шапошников. Автограф (подпись).
7 ноября 1919 (Альбом А. Радловой; ИРЛИ)

А. Ремизов. Рисунок и автограф.

И. А. Рязановский. Автограф.

5 декабря 1919 (Альбом А. Радловой; ИРЛИ)

Асыка царь Обезьяний.
Фотография настенной живописи Ремизова
из альбома «Карты Сведенборга».
1919–1920 (ИРЛИ)

Есть Асытій нерзкотворенный
образъ — на стѣнѣ написанъ
въ ростъ Челобѣтій

Петербурзь

В. О. 14а. 31/33 кс. 48

на самомъ на веру

д. Семеновъ-Глинъ-Шанкато

Окруженіе малиновое съ желтнѣ

Петербурзь

1917-1920

Синицын Павел из Гриница
+ 1927

Андреев Иван воевода
Брянск

Ковалев Александр
Рязань воеводский
Кн. общ.
архивариус
в г. Издольск
в м. Пески в Рос. Синодальн.
З. м.

Биб. старшина Павел
Иван Доронин
Тот же

Будучи в прачечной и на
карточной записке
был у него отцом
в м. Пески. Галочки
и в. Издольск.

Надпись в стеллаже
Григорьев
"Слеза Петра Свбрга"
о. п. Исаев
(1919 - 1921)
в м. Пески

привел у птицы
Серебряный

на стань против
Аски
В.О. 14л. 31/33 №. 48
уголь обезьяньих
вельмож

младший сестра Веры
Иванова, приносила
картинки от
своей сестры, чья
мать была в
своем виде в
братстве, обезьяньих
пестушек

Андрей Николаевич
Рябенко
проф. Горький институт
до окт. 1917 один из
редакторов "Правды"
сестры в м. Анна
Рябенко

Влад Радлов; Веры
Иванова + 1919
(с. Пески, Рязань)

Кн. обезьяньих
одна из известнейших
женщин в м. Пески
в 1917
и в Пески.

Яков Петрович Гребенников
Кн. обезьяньих
Кн. обезьяньих
Кн. обезьяньих

Иванов Иван
Николай Шалашицкий
и м. Пески
сестры, в Пески
спустил слово
- ПЕРЯ
для выражения
сложных
сущность
материю по
проф. Вальтер

1917-1920
Петербург

Угол обезьяньих вельмож.
Фотография настенной живописи Ремизова
из альбома «Карты Сведенборга».
1919-1920 (И Р Л И)

Обезьяний знак А. Д. Радловой.
18 мая 1920 (ИРЛИ)

Обезьяний знак С. Э. Радлова.
18 мая 1920 (ИРЛИ)

Генерал-адъютант ~~Генерал-адъютант~~ ~~Генерал-адъютант~~
~~Генерал-адъютант~~ ~~Генерал-адъютант~~ ~~Генерал-адъютант~~
~~Генерал-адъютант~~ ~~Генерал-адъютант~~ ~~Генерал-адъютант~~

21.10.20.

Александровский
С. М. Шкапской

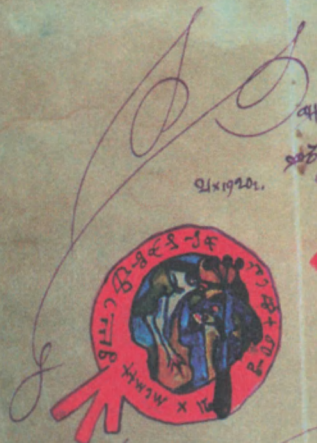
~~Генерал-адъютант~~

Большая Соловья и Кавалер Иван Александрович Манюшин
Большая Соловья иностранная и Кавалер В. Катун
Генерал-адъютант и Кавалер
Континент отставной и Кавалер
Континент отставной и Кавалер Петелия Григорьев
Кавалер отст. инж. С. Катун.

М. М. Кудьмит
Александр

Медиа-информация
Телеграммы

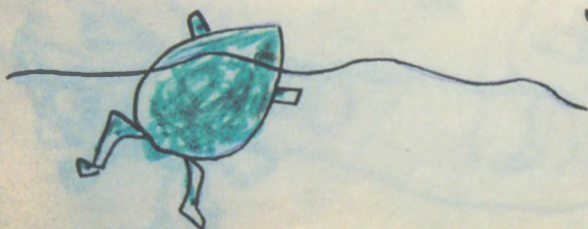
Александровский Иван Александрович Манюшин
Петелия Григорьев
Александр

Грамота М. М. Шкапской.
21 октября 1920 (РГАЛИ)

§1. Обезьяня великая и волонная палата
есть общество тайное.

Происхождение Его — тешное.
Цели и намерения — неистово-дичья,
Средств никаких.
Висит на советской платформе.

Л Я Г - у ш К А

Б у й - в о л

Ф

27.1.1921

Алла сия од Вѣрѣа на сѣрѣа урѣмѣа аѣа на вѣрѣа иѣа на вѣрѣа
Ходасевича
вѣрѣа во вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа
од вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа

81

Алла сия од Вѣрѣа на сѣрѣа урѣмѣа аѣа на вѣрѣа иѣа на вѣрѣа

Вѣрѣа на сѣрѣа урѣмѣа аѣа на вѣрѣа иѣа на вѣрѣа

Забавѣа на вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа
Колѣнѣа од вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа на вѣрѣа

Кѣрѣа и Лѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа вѣрѣа
Алла сия од Вѣрѣа на сѣрѣа урѣмѣа аѣа на вѣрѣа иѣа на вѣрѣа

Грамота В. Ф. Ходасевича.
27 января 1921 (РГАЛИ)

3

Исправил...
всего...
и...

Дал...
и...

Всего...
и...

Всего...
и...

Всего...
и...

19 июля
1921

Грамота В. Я. Шишкова.
19 июля 1921 (Луценко)

1
 2
 3
 4
 5
 6
 7
 8
 9
 10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 23
 24
 25
 26
 27
 28
 29
 30
 31
 32
 33
 34
 35
 36
 37
 38
 39
 40
 41
 42
 43
 44
 45
 46
 47
 48
 49
 50
 51
 52
 53
 54
 55
 56
 57
 58
 59
 60
 61
 62
 63
 64
 65
 66
 67
 68
 69
 70
 71
 72
 73
 74
 75
 76
 77
 78
 79
 80
 81
 82
 83
 84
 85
 86
 87
 88
 89
 90
 91
 92
 93
 94
 95
 96
 97
 98
 99
 100

5 августа 1921
 Вручена в
 Ленинград
 и
 в
 архив
 ИРЛИ

Грамота А. А. Ахматовой.
 5 августа 1921 (ИРЛИ)

193

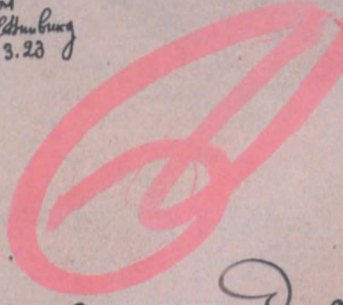
обладает права

ана сия обзаваня грамота Иши Марковицу
вдан во введениа Басу же в кавау Ера
обзаваня рудна И ст. со Кривою
бучивод обзаваня великой и вохбной
Палата для Кашеня

Официал
Иван Владимирович
5.3.23

Иван царь обзаваня
собственною властью

Судебный канцелярист
обзаваня волпа cancellarius
Иван Владимирович

Грамота И. М. Басса.
5 марта 1923 (Альбом М. М. Шапской; РГАЛИ)

50
19

Зана сие обрѣдана пиренна и прохотѣ Серию Яков Емилу Осипову
въ знакъ возведенія его въ кавалера обрѣданаго знака Готт.
и въ знакъ возведенія въ старейшину -

въ Кюстара обрѣданаго
обрѣданаго великой и вѣрной Готт.
Аффент.

23. 10. 23
Berlin

Даро обрѣданаго
дѣла собственнѣно
Хвостіи по.

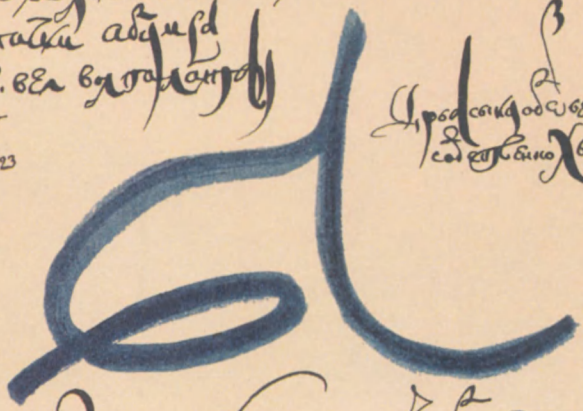
Сиртину и Зено и Гурдон и К. Емилу Серию Яков Емилу Осипову
cancelarius

Грамота С. Я. Осипова.
23 октября 1923 (И Р Л И)

аца сѣя одѣ банса грамота 2
 ренд васу ерхл осигтосон
 в знах в везежия ел в навабза
 од в а х а т о в у а н д и е р с о н а н т е р с к и
 до Першукон лонн мафеткои и санои
 еу р о н Т у т а й н а б а м е d
 и в. в е а в л о т а н т о

affenat
 Beren
 23.10.23

Д р о б с а н д о д ѣ б е м е н
 с а д е т ѣ б и н о х в о т ѣ н о .

сиртоту и рѣв та кудашу тоу лу д. канцелариус
 одѣ в а в о х т а л а
 cancellarius
 ф а е д у р и м с к

Грамота А. В. Осипова.
 23 октября 1923 (И Р Л И)

ан сии протипизром бисит ииола
 кавалеу одъвои аго зина Тенбуш
 до дий двои стуртис

и одъвои бей великой и
 волюной тматой
 — одъвои ворта
 на хеоднократной тматой
 в американские
 соединенные штаты

одъвои хеоднократной тматой
 в американские соединенные штаты
 оказавшие содействие
 на восточном кавалеру
 одъвои ворта

Царьодъвои Асия
 со восточной восточности

Jan 1924
 Paris
 Le Grand et Libre
 Chapitre de l'Ordre
 du Singes

Сей билет предъявлять в Великобританских
 послы одъвои ворта ии Д.П. Святополку-Мирскому
 для аттестации в Англии
 и Франции и в остальном владении с Jose B. Comptos сторуи
 в Англии и Франции одъвои ворта
 секретарис

Пропускной билет Н. Л. Слонимского.
 9 августа 1924 (NYPL)

Грамота воеводы градопта Валентина Георгиевича Булгакова
 в знак возведения его в кавалера
 ордена Святого Станислава
 1-й степени с
 императорской
 коронной звездой и орденом

48+202
 00 82 98
 40 20 6
 2 4 8 4
 24
 229 20 2
 7 2 9 8
 9 2 0 8
 4 2 0 6
 4 2 0 6
 1 4 0 6
 + . 6

Le grand Chapitre
 de l'Ordre
 des Saints
 Paris, le 14 août 1924
 Zlata Praha
 Opisi vestina a
 vola rada

Граф-воевода Аника
 собственноручно

Сиротинский и Копысанский Лева Николаевича Престоюгала с.б. канцелярист
 ордена воеводы
 cancellarius Alex. Pristojuga

Грамота В. Ф. Булгакова.
 14 августа 1924 (РГАЛИ)

Анастасий обьявляя купчаяская Премированная Грамота

Фроислави Фроиславовицу

Сосинскому

Вънъ въведеши въ в каваръ на обьявляюу мако
И степенки с макоу обьявляюу

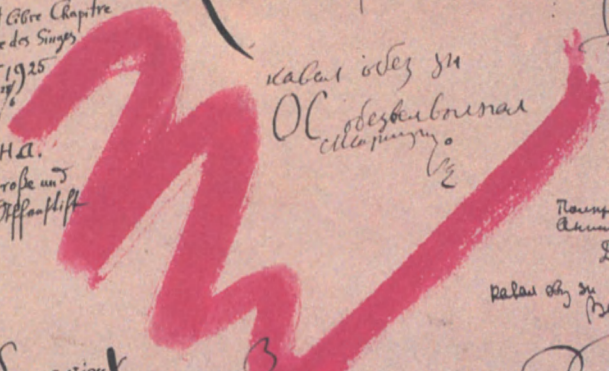
3128
4208
4408
4608
4808
5008
5208
5408
5608
5808
6008
6208
6408
6608
6808
7008
7208
7408
7608
7808
8008
8208
8408
8608
8808
9008
9208
9408
9608
9808
10008

ст. в.

Le grand et libre Chapitre
de l'Ordre des Singes
7 juillet 1925
Paris 7^e

G. F. H. A.
Das große und
freie Offenstift

кавалъ обьявляюу
Обьявляюу макоу

Ларс обьявляюу
Сосинскому
Содомъ макоу

Помощь възвешанна
Акимъ

Д. С. Муромъ

Palais des Nations
Balkonstrasse

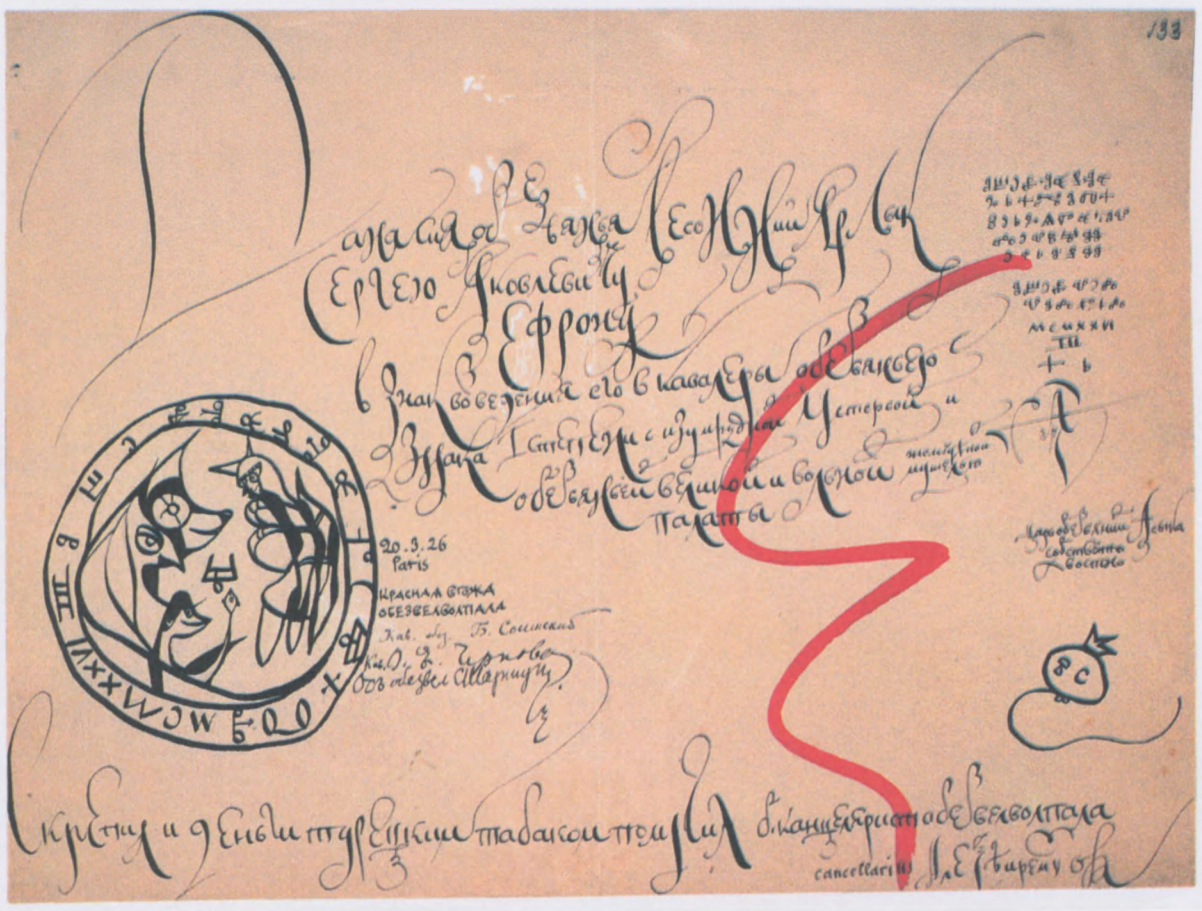
Крестъ и знамя мускатъ Самосъ
получилъ с. Каваръ макоу

савелъ макоу
А. Е. Муромъ

Грамота Б. Б. Сосинского.
7 июля 1925 (РГАЛИ)

Грамота Н. В. Зарецкого.
25 сентября 1925 (ВА Р. 4)

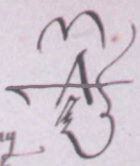
Грамота С. Я. Эфрона.
20 марта 1926 (РГАЛИ)

Свадебная грамота
А. В. Черновой и Б. Б. Сосинского.
1929 (РГАЛИ)

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

АНА СНА ОБЕХЪНЬА ГРАМОТА КНЯХЮ ОБЕХЪНЬЕМУ
НИКОЛАЮ ВАСИЛБЕВИУ ЗАРЬЦКОМУ ИЗ
ОБЕХЪНЬЕЙ ВЕЛИКОЙ И ВОЛЬНОЙ ПАЛАТЫ
ОТЪ ЦАРЯ ОБЕХЪНЬАГО АСЫКИ ЧЕРЕХЪ С.
КАНИ, ЕЛАРАСТА ОБЕХ. ВЕЛ. ВОЛ. ПАЛА:
Хранить и распорядиться рясничаша;
назубааа иль птнну и помагаа за
нихъ деньги, въ бичу шомача и тол
наго аскддвнхъ, какъ это князю
хорошо и хвгвстно по донесеню
болотныхъ и заболотныхъ
обех. полгсредовъ.

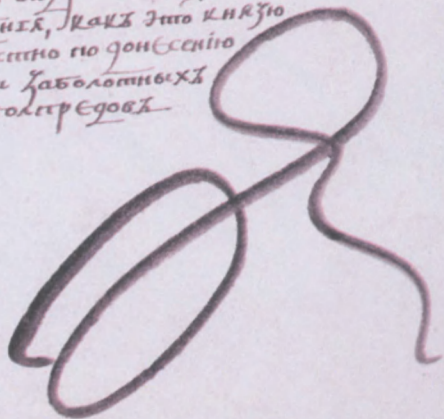

ОБЕХЪНЬА
МАРКА
I 0055 АИОНЕ

0000 0055
0000 0055
0000 0055

РАС
МЕТКА
24.

Сиртвалъ и денга правани полуба
С. Кани, Валдрестъ обех. вел. вол. пал
secretarius A. Remisef

Handwritten signature or name at the bottom right of the document.

Грамота Н. В. Зарецкого.
24 апреля 1932 (ВАР. 4)

Das große und
freie Affen-
stift
Obsteim
Bauhaus
10/1937
PARIS

Индустриальное искусство (нава) Суродельские работы
Вадимовичу Федоровичу Сулакскому
Умашу Владимировичу Сулакскому
Ивану Ивановичу Сулакскому
Ивану Ивановичу Сулакскому
Ивану Ивановичу Сулакскому

Le grand et libre
Stift des
Obsteim
Bauhaus
10/1937
PARIS

С. А. Лифшиц
Киевский
Сергей Лифшиц
Слушка овельный Ростуха
Кайданов обес. зн и ризор
пламенного жеза В. Ф. Золотарь
Киевкоблесский Н. Зарничий
Каб. обес. зн. М. Гофман
Стефанович авс. Л. Шейфер

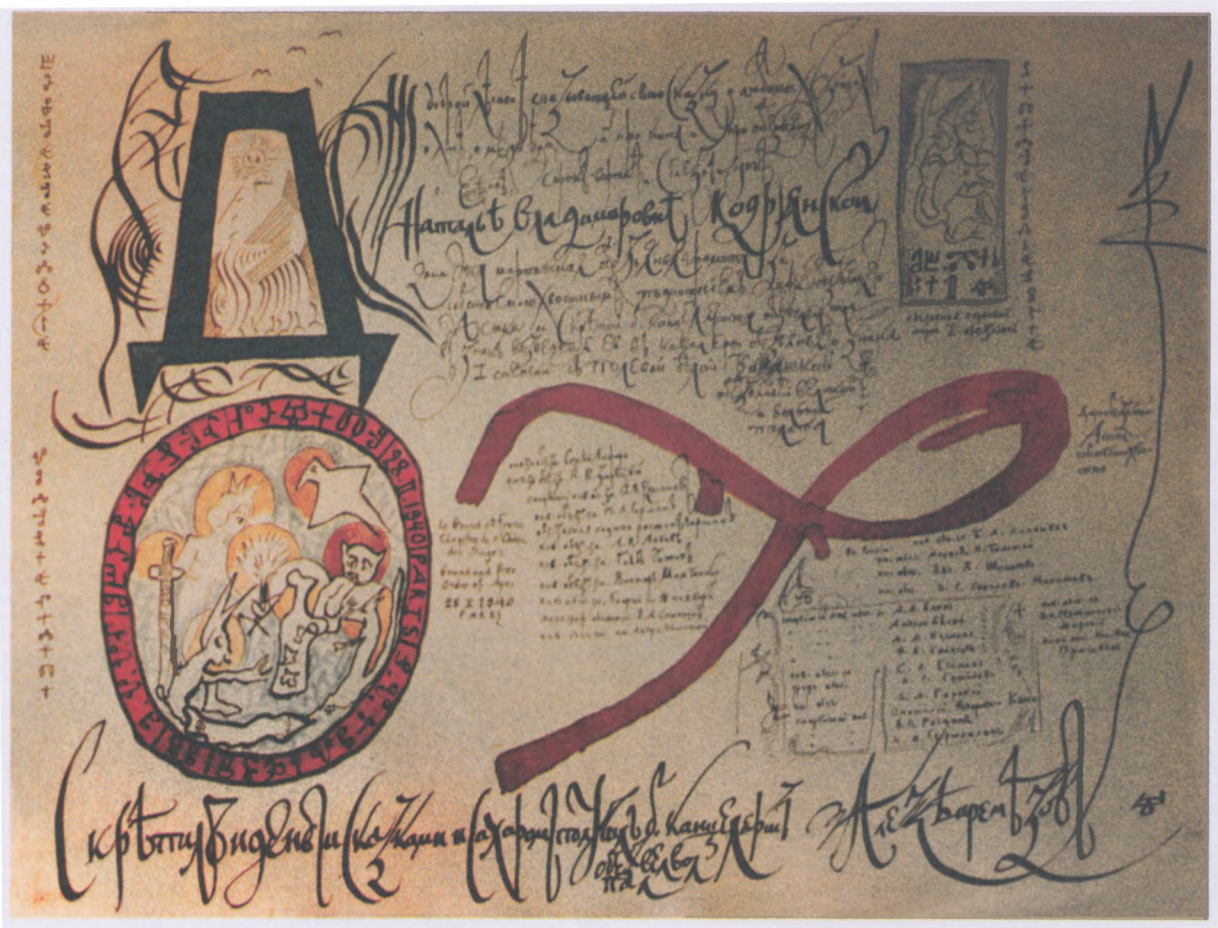
Каб. обес. зн. Борис Ульрихович-Григорьевич
Каб. обес. зн. Ристоваска С. Парамеев
Каб. обес. зн. Марк Слоним
Каб. обес. зн. А. Б. Палонский

Центральная
Ассамблея
садоводства
и скотоводства

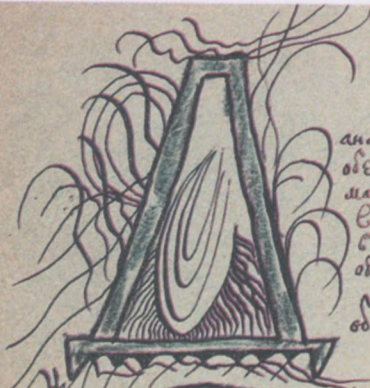
Каб. обес. зн. Алексей Азель
Каб. обес. зн. В. Милоченко
Каб. обес. зн. Стефанович М. Добрушинский
Каб. обес. зн. В. Перомысловский
Стефанович каб. И. Гердеев

Куботифидель и книжничтолуш...
Иван Иванович Сулакскому
Иван Ивановичу Сулакскому
Иван Ивановичу Сулакскому
Иван Ивановичу Сулакскому
Иван Ивановичу Сулакскому

Грамота В. Ф. Булгакова.
10 мая 1937 (РГАЛИ)

Грамота Н. В. Кодрянской.
28 февраля 1940 (РГАЛИ)

аи эта именная обделка грамота и то
 обделкеи мезной пахоты на широкую
 махину в Прощенное воскресенье
 в Александровском вельтереве
 сь знавь вавириад Ея вь Кавалери
 ове вельеро князя Первой степени
 сь Падвери вавукарин
 одо Хоней в Еликой и в охотой Палаты

Протопоп одез гффе, о. Пётр Паскалев
 Кцафёв и мурмант одез, Грей Ганов-Холмский
 Половтанка одез, и нав одез, Е. З. Унбогадт
 Маршал и ав. Б. З.
 Чубагаунъ

Царь одез самей
 Асика
 собственн. востно

89 II 1947
 PARS

Сачика одез,
 Тихий Гибелун

Вдова князь Епископа одез
 А. Н. Каятмина
 князь одез, И. П. Ковко
 Фонтанней мастер К. Ш. Солнцев
 Эмир одез, В. П. Никитин
 Юридическая одез, Вадим Андрей
 Маршал одез, А. В. Руманов
 Юридическая одез, Галимов одез,
 Одз Антоний
 Бабичина одез, Д. Ф. Ковалевский
 Юбилей князь одез, Сергей Афар
 Лэнда одез, О. Н. Мокшайка
 Норре одез, Н. Б. Львова
 Зайк одез, Леа Denis

Рейков одез, А. Бахракт
 Аврора одез, А. Г. Гуленова

Сербия и земли Личной Столицы, Ушитанской
 Канцелярист

Грамота В. П. Вельтер.
 23 февраля 1947 (ИРЛИ)

1929
26.2.1952

Своё доброе имя Александр Васильевич
совестию и добротой
вашу жалобную записку прочитав
за сиротой Александром Васильевичем
и Надеждой
Данное обещание исполнить
с должным вниманием
и своевременно
исполнить
и по возможности
и по возможности
и по возможности

1929
26.2.1952

Александр Васильевич
Андреев

Ваше письмо дошло
и по возможности исполнить

Ваше письмо
дошло
и по возможности
исполнить

Ваше письмо
дошло
и по возможности
исполнить

Ваше письмо
дошло
и по возможности
исполнить

Ваше письмо
дошло
и по возможности
исполнить

С любовью и уважением
подпись писателя Александр Васильевич Андреев

Грамота А. В. Андреева.
20 февраля 1952
(Собрание А. В. Андреева)

Грамота Е. Д. Резникова

Ана эти обещания флоту...
самолюбивой...
Егору Ивановичу Резникову
Калугу...
в знак...

Обещание...
Мария
I обещание

- Князь одесский кларнетист Александр Андреев
- Регисе Денис Карелин
- Марина Динара Резникова
- Венералиевича...
- Марианна С. Б. Смирнов
- Марина Вадим Александровна
- Клеза...
- Н. Зверев
- Злата Исидор В. Савицкий
- Младше Ольга Савицкая
- Кларнет Тим Захаров
- Эдуард В. П. Никитин
- Примадонна Лариса Резникова
- Козловка...
- Анна Артемьевна...

1 и 1952
Резни

Ирина...

Олег Николаевич Наталья Резникова

Ольга Викторовна Ольга Карлович

Ольга Викторовна Ольга Елизаветовна Карлович-Тернова

Олег Николаевич Наталья Николаевна

Николай П. П. Смирнов

Соловьев...

Ж Р Р Т

Скромная и дельная поведиреи похвала...
Жаботинский Кандидат...

Е. Д. Резников

Грамота Е. Д. Резникова.
1 апреля 1952
(Собрание семьи Резниковых)

Легкомысленно увлекшись «переписью» населения Обезьяньего царства, некогда начатой С. Осиповым, мы не подозревали, какое неожиданное число участников окажется задействованным в ремизовской игре. Сейчас список насчитывает 345 имен, но сказать с полной уверенностью, что нам известны все подданные царя Асыки, нельзя. К сожалению, подписи нескольких кавалеров Обезвелволпала так и не удалось атрибутировать: они обозначены определением «имярек» в конце нашего «реестра» (в случае непрочитанных подписей на грамотах) либо указанием имени и отчества (если источником послужило, например, письмо).

В работе над составлением списка членов Обезвелволпала мы прежде всего опирались на «обезьяньи» документы: грамоты и знаки; составленный Ремизовым в 1922–1923 гг. в Берлине «Affenrat»; ремизовские альбомы с портретами участников Палаты, а также на бесценную «Разрядную роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты», которая по крупницам собиралась С. Осиповым. Эти материалы в настоящее время рассредоточены по множеству коллекций рукописных материалов, хранящихся в государственных и частных архивах. Вероятно, не раз эти таинственные или даже подозрительные документы вызвали недоумение у хранителей: быть может, так появилась помета сбитого с толку обработчика фонда, карандашом написавшего на грамоте П. Щеголева: «Что это за бумага?»

Отнюдь не со всеми экземплярами «обезьяньего» делопроизводства нам довелось познакомиться de visu. Многие из них бесследно исчезли в России и в эмиграции, после революции и Второй мировой войны. Поэтому большинство имен и званий выявлено благодаря устойчивой форме грамот, неизменно завершавшихся подписями

весьма условного Совета Обезвелволпала, причем наличие подлинной подписи *кавалера обезьяньего знака* под наградным документом вовсе не являлось обязательным условием. Нередко Ремизов сам вписывал имена и звания «приспешников» царя Асыки (см. грамоты Н. Зарецкого (1928), А. Керенского, Н. Кодрянской или описание грамоты М. Горького (1922) в книге «Встречи», где упоминалась «подпись» скончавшегося в 1919 г. В. Розанова или Е. Замятина, находившегося в то время в советской России и т. д.). Тем не менее эти формальные «подписи» для нас также являются подтверждением игрового статуса членов Обезвелволпала. «Членство» в Обезвелволпале в ряде случаев установлено по специальному значку, которым Ремизов отмечал *кавалеров* Обезьяньего Ордена на своих рисунках. Так было определено участие в игре В. Мейерхольда, ремизовский портрет которого сохранился в альбоме писателя «Театр» [411: 44]¹. Отмечаем мы и редкие случаи мистифицированных датировок. Ярким примером может служить дата, указанная на грамоте А. Ахматовой: 5 августа 1921 г., что вряд ли соответствует истине. Однако именно в силу своей, как нам представляется, умышленной неточности этот «обезьяний» документ выделяется среди всех, написанных в Петрограде.

Словарные статьи нашего «реестра» построены по единой схеме, возможное отклонение от которой говорит лишь о недостаточности информации:

I. Полное имя / устойчивый псевдоним (псевдоним / настоящее имя; детское имя, зафиксированное в грамотах и списках; годы жизни); указание на значимые для истории Обезвелволпала родственные отношения с другими лицами, включенными в состав *Синклита*; род занятий; время и местожительство в эмиграции; время знаком-

¹ Рисунок датирован 1925 г. Такими же значками были отмечены *кавалеры* Обезвелволпала в других альбомах писателя. По-видимому, значок (Ⓢ), с глаголической буквой в центре, соответствующей первой букве фамилии адресата в кириллическом эквиваленте, вошел в семиотический арсенал игры в конце 1921 г. в Берлине. Первый известный нам значок запечатлен на портрете Е. А. Ляцкого, который датирован: «X–XI 1921». Более поздний прецедент использования значка находим на грамоте Л. Шестова (1926).

ства с Ремизовым и краткое описание «почвы» общения, иногда с указанием на сохранившуюся переписку (для тех лиц, о которых собрана минимальная информация, или для *старейших кавалеров*); сфера деятельности, в отдельных случаях указание на политический статус.

Сведения о времени и месте эмиграции, указания на профессиональные занятия, особенно на издательские, помогают выявить биографические пересечения конкретного лица и Ремизова, который, покинув Петроград, с начала сентября 1921 г. несколько недель провел в Ревеле в ожидании немецкой визы и 21 сентября приехал в Берлин. В Германии писатель прожил до 1923 г. С 5 ноября 1923-го его постоянным местом жительства стал Париж. На протяжении этого странствия круг знакомых и друзей Ремизова постоянно расширялся.

Отметим, что в отдельных случаях (в отношении И. Тотеша, Н. Григорьевой, А. Рябинина, Н. Шапошникова, В. Максимовой, Ф. Щеколдина, З. Гржебина и Я. Гребенщикова) мы воспользовались ремизовскими комментариями, объединенными общим названием «Угол обезьяньих вельмож», которые сохранились на фотографии из альбома «Карты Сведенборга». Так как эти пояснения сочетают объективную и игровую информацию, мы помещаем их во второй части словарной статьи и выделяем курсивом.

II. Наравне с объективными сведениями статья

ют здесь с безвестными врачами, шоферами и многими другими. Например, Ф. Максимова, исполнявшему обязанности «комиссара» в обычном жилом доме на Васильевском острове в революционные годы, Ремизов был обязан душевным участием и конкретной помощью. Социальный состав Палаты и политические пристрастия ее кавалеров необычайно широки, что вполне отвечает идее безграничности и свободы личного выбора. Численность Обезьяньего общества существенно пополнилась за счет родственных связей его членов. В палату входили не только семейные пары (Осиповы, Львовы, Радловы и др.), но целые многодетные кланы (Гершензоны, Черновы, Резниковы, Андреевы, Сосинские). Этим объясняется появление детских званий: *ангелы, обезьяненок*. Список детей на грамоте А. Андреева уважительно именуется словом *синклит* (в Древней Греции означавшим собрание высших сановников), которое мы используем в качестве заголовка ко всему списку.

Роспись званий и должностей каждого члена Палаты, построенная в соответствии с хронологией источников, позволяет по достоинству оценить игровую номенклатуру Обезвельволпала (которую Л. С. Флейшман довольно опрометчиво охарактеризовал как «бессистемную» и «нестабильную» [364: 189]). Сведение всех наград в последовательную цепочку раскрывает ряд особенностей «карьеры» кавалера обезьяньего знака. В переписке Ремизова мы находим подтверждения фактам замещения покойных кавалеров живыми (например, мотивировка возведения в князя Ф. Сологуба, Н. Зарецкого и др.), что с очевидностью подтверждает отмеченную нами связь культурных традиций, берущих свое начало от Французской Академии.

Уже само количество выявленных членов Обезвельволпала указывает на то, что история этого общества раскрывается как собрание отдельных сюжетов, связанных с личными отношениями Ремизова и каждого из посвященных в игру. Стиль «обезьяньих» наградных документов представляет любого кавалера образцом человеческого совершенства, проявившегося в творческом таланте, добродетелях или товариществе. Поскольку каждое «открытие» человека и возникающие при этом симпатии относятся к сфере интимно-дружеского общения, мы не всегда можем исчерпывающе прокомментировать специфику наградной атрибутики. Нередко мотивы возникновения обезьяньих знаков имели ассоциативно-лирическую основу. Так, знак Щеколдина с колокольчиками был оп-

ределен тем, что Ремизов хорошо знал «любовь его к березкам да цветкам полевым – колокольчикам». Многие знаки указывали на профессиональные достоинства награжденного. Номинация кавалера обезьяньего знака на *шпонах* объясняется тем, что его обладатель – И. Галактионов был профессиональным наборщиком и даже автором специальных работ по типографскому делу, изданных под псевдонимом «Шпоник» (от слова «шпона», означающего специальную пластинку, вставляемую между строк). А обезьяньий знак (с крылом *Икара*) С. Лифаря восходит к сценическому образу этого великого танцовщика:

«Не забыть мне, как после „Икара“ – этой соловьиной песни Лифаря – энтузиазм в Оперá был так велик, что в ту минуту – театр стонал от рукоплесканий – и почитатели Лифаря готовы были провозгласить его диктатором: диктатор Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки – кругосветный!» [54: 28].

В этих и многих других случаях происхождения «обезьяньего» титула или прозвища предполагает дополнительные сведения о награжденном. Еще в гимназии, по-детски увлекаясь астрономией, А. А. Борисьяк открыл неизвестную ранее звезду, за что был пожалован высочайшей милостью Государя Императора: Николай II лично подарил ему подзорную трубу². Так становится понятным, почему спустя годы Асыка Первый назначил профессионального музыканта придворным астрологом. Нередко объяснение символики дают собственные тексты писателя. В этом смысле примечательны воспоминания Ремизова о кавалере обезьяньего знака I-ой степени с пушкой и колоколами обезьяньей великой и вольной палаты А. Рославлева, снискавшем признание в дружеском кругу «за свою нецензурную эпиграмму на памятник Александру III перед Николаевским вокзалом, а также стихами под Ершова с повторяющимися „клики-пушки и трезвон“...» [62: 62].

Особое значение в «титуловнике» Палаты придавалось званию *старейшего* (или *митрофорного*) кавалера, а также статусу обезьяньей *старейшина*, которые в списке обозначены астериском перед фамилией. Многие из этих выдающихся личностей стояли у истоков ремизовского общества, и, собственно, благодаря им возникла Обезьянья Палата. С юности дружба соединила Ремизова с Щеголевым, Щеколдиным, Зоновым, Шестовым, Бердяевым и др. Память о Петербурге связывала писателя с Сологубом, Кони, Лундбергом; первые годы эмиграции были памятны встречами и сотрудничеством с Л. Львовым и т. д. В некоторых грамотах 1920 г.

² См. комм. в Собр. соч. Г. Иванова [181: 641].

(Шкапская, Коган) сановность членов Палаты подчеркивается словом *вельможа*.

Как повествует Ремизов, первой обезьяньим знаком была удостоена его маленькая племянница Ляляшка (Елена Сергеевна Ремизова) в 1907–1908 гг. Затем в октябре 1916 г. обезьяньи знаки получили создатели спектакля «Трагедия о Иуде принце Искаротском» – Ф. Коммиссаржевский, А. Зонов, В. Сахновский. «Реестр» членов Обезвелволпала позволяет проследить динамику награждений знаками, которые в 1917 г. уже вошли в бытовое сознание многих знакомых Ремизова. Первая же из известных нам грамот относится к концу января 1917 г. и свидетельствует о высочайшей милости царя Асыки, даровавшего П. Щеголеву титул князя.

В полувековой истории Обезвелволпала запечатлелась культурно-историческая эпоха, ее основные вехи (Серебряный век, революционная Россия, русская культура в изгнании). Биография Ремизова совпала с биографией поколения первой волны эмиграции, поэтому Палата в некотором роде стала уникальным памятником «русскому» Берлину, «русскому» Парижу, русским в Праге и на Дальнем Востоке. Вместе с тем обращает на себя внимание тот

факт, что в составе Обезьяньей Палаты не оказалось имен многих людей из ближайшего творческого и житейского окружения писателя. Среди них – супружеская чета Э. Гиппиус и Д. Мережковского, М. Цветаева, И. Бунин (хотя Н. Резникова и приводит его «обезьянье» прозвище: *Муфтий*), Вяч. Иванов, К. Бальмонт и др. Возможно, мы просто не располагаем документальными подтверждениями их отношения к Обезвелволпалу, но вполне вероятно, что здесь возымел действие фактор межличностных отношений. Игра проводила разделительную черту между посвященными и непосвященными, и только *канцеляристу* были известны тайные замыслы Асыки.

Пожалуй, *Синклит*, представляющий Обезьянью Палату реальными именами, наиболее адекватно отвечает хитроумному замыслу Ремизова, положенному в основание его игры, – рассказать о реальной жизни при помощи мифа. Ведь мифологический образ каждого лица, раскрытый во второй части словарной статьи, опирается на документ, который, в сущности, представляет собой игрушку – причудливый рисунок, раскрашенный цветными карандашами, с каллиграфическими росчерками чудака, сказочника Алексея Ремизова.

Алексеев Василий Михайлович (1881–1951)
синолог, переводчик, профессор Петроградского университета (с 1918 г.), академик (с 1929 г.); знаком с Ремизовым по Петербургу, работал в издательстве «Всемирная литература»; в феврале 1926 г. читал лекции в Париже.

Полпред китайский –
письмо к нему Ремизова от 12 февраля 1926 г.
[102: 734–735].

Алферов Анатолий Васильевич
литератор.
**Рыцарь пламенного меча (?),
литейщик меча**
(Зарецкий II).

Алянский Самуил Миронович (1891–1974)
владелец издательства «Алконост»,
выпускавшего книги Ремизова под маркой
«Обезвелоппала» (1921); заведующий
издательским бюро ТЕО Наркомпроса;
сотрудник ИЗО Наркомпроса; в 1922 г.
выезжал ненадолго в Берлин.

**Алконост – кавалер обезьяньего знака
I степени с хвостами** –
инскрипт Ремизова на титульном листе издания
«Трагедии о Иуде принце Искаротском» (1919),
датированный 19 апреля 1920 г. [383: 83];
**Вол-Исполком Обезьяньей Великой и
Вольной палаты и Кавалер** –
именной экземпляр № 2 «Заветных сказов»
с указанием на форзаце типографским способом
имени и игрового статуса владельца [383: 83,
139]; (Шапская; Коган; Галактионов;
Ходасевич; Котляревский; Зоценко;
Ахматова; Разрядная роспись); см. также
рисунок Ремизова, датированный 1 февраля
1921 г., и его запись в альбоме Алянского
от 30 марта 1921 г. [383: 58–59, 62].

Андреев Александр Вадимович (1937)
переводчик; сын В. Л. Андреева.
**Кавалер обезьяньего знака I степени
с пружинным солончужным пером,
кларнетист обезвелоппал <так!>, князь** –
грамота о возведении в князья –

**за самоотверженные морские
и сухопутные мотоциклетические
заслуги и фотографический обглаз
одушевленных и неодушевленных
предметов** –
от 20 февраля 1952 г. (Андреев; Резников).

Андреев Вадим Леонидович
(1902–1976)

прозаик, поэт, литературный критик,
мемуарист; сын Л. А. Андреева;
с апреля 1922 г. в Берлине, с 1924 г.
в Париже; принадлежал к ближайшему
окружению Ремизова.

**Кавалер обезьяньего знака,
гундустанский посол,
маршал Обезвелоппала**
[95: 297]; (Андреев; Резников);
гундустанец
(Чернова–Сосинский; Вельтер;
Прегель I);
**оруженосец рыцаря пламенного меча
М. Осоргина**
(Зарецкий II).

Андреев Николай Андреевич
(1873–1932)

скульптор, график; автор портрета
Ремизова (1923; ГТГ) и портрета-шаржа
(Берлин, 1923).

**Кавалер обезьяньего знака
I степени** –
надпись рукой Ремизова на портрете-шарже
[308: вклейка V]; запись о получении обезьяньего
хабара за возведение в кавалеры I степени
29 октября (?) 1923 г. (Хабарная тетрадь).

Андреева Ольга Вадимовна
(в замуж. Карлайл; 1930)

писатель, художник; дочь В. Л. Андреева.
Кавалер обезьяньего знака
(Чернова–Сосинский); инскрипт Ремизова,
обращенный к ней и ее родителям [130: 85];
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 24 апреля
1932 г. о незатребованной грамоте новорожденной
дочери Вадима Андреева [255: 183];
Обез. волкисъели <так!>
(Резников).

Аничков Евгений Васильевич
(1866–1937)

историк литературы, фольклорист, критик; познакомился с Ремизовым 11 октября 1905 г. через Г. Чулкова [61: 25]; в начале 1920-х гг. жил в Белграде.

Кавалер обезьяньего знака первой степени с мечом

(Щеголев);

профессор и кавалер обезьяньего знака
[63: 132]; (Разрядная роспись).

Анненков Юрий Павлович
(1889–1974)

художник, критик, режиссер, мемуарист.

Кавалер обезьяньего знака

(Разрядная роспись); удостоен ордена Обезвельволпала за портрет Ремизова [98: 220].

Аросев Александр Яковлевич
(1890–1938)

советский писатель; с 1920 г. на дипломатической работе, в 1922 г. секретарь советского посольства в Риге; в 1930-х гг. полпред в Париже; сотрудник журнала «Красная новь» и издательства «Круг», в котором предполагалась публикация романа «Ров львиный» и книги «Кукха».

Кавалер Обезвельволпала <?> –

записка Ремизова к А. Яценко от 8 мая 1922 г. [309: 173].

Ахматова Анна Андреевна
(наст. фамилия Горенко; 1889–1966)
поэт.

Кавалер обезьяньего знака I степени с белыми коготками

(Ахматова).

Бакст Лев Самойлович
(наст. фамилия Розенберг; 1886–1924)
художник.

Кавалер обезьяньего знака

(Разрядная роспись);

обезьяний старейшина

[62: 74].

Балтер П.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Балтер Рита

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

***Балтрушайтис Юргис Казимирович**
(1873–1944)

поэт, один из организаторов издательства «Скорпион»; дипломат; знаком с Ремизовым с 1902 г.; содействовал отъезду Ремизова за границу.

Кавалер обезьяньего знака первой степени с обезьяньим глазом

(Щеголев);

старейший? <так!> **кавалер**

(Разрядная роспись).

Басс Илья Маркович (ум. 1925)

инженер, антропософ; друг мужа

М. М. Шкапской.

Кавалер обезьяньего знака I степени с 2 клыком буйвола –

грамота от 5 марта 1923 г. (РГАЛИ. Ф. 2182.

Оп. 1. № 140. Л. 298).

Бахрах Александр Васильевич
(1902–1985)

критик, литературовед, журналист, переводчик; эмигрировал в 1920 г.; в 1922–1923 гг. секретарь берлинского Клуба писателей.

Кавалер Обезьяньего знака I степени с журавлиной ногой,

Турецкий посол обезьяний

и Упказ <управляющий казной>

Обезвельволпала –

Прошение от 30 января 1923 г., роспись в получение **хабара** (Хабарная тетрадь);

кавалер и бывший упказ

(Глаголический список; Разрядная роспись; Чернова–Сосинский);

рыбак обезьяний

(Вельтер; Прегель I);

двурогий

[84: 99].

Белау Д. Л. (ум. 1922)

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Беленсон Александр Эммануилович
(1890–1949)

поэт, критик, издатель альманаха «Стрелец»; редактор журнала «Красный милиционер».

Кавалер обезьяньего знака –

подпись Ремизова под автографом стихотворения Беленсона, посвященного Ремизову и датированного 10 октября 1920 г. (Цветник).

Белицкий Ефим Яковлевич (1895–1940)

заведующий отделом управления Петроградского Совета (1917–1922); возглавлял петроградское издательство «Эпоха».

Кавалер обезьяньего знака – дарственная надпись Ремизова от 1 декабря 1920 г. на именном экземпляре № 57 «Заветных сказов» [200: 182].

***Белый Андрей** (наст. имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934)

поэт, прозаик, теоретик символизма; познакомился с Ремизовым 3 декабря 1906 г. у Мережковских [61: 34].

Обезьяний знак первой степени с хвостом – за претерпение ратное, за стихи, еще не полученные,

от 24 января 1917 г. [218: 52];

кавалер обезьяньего знака первой степени с хвостиком

(Щеголев);

кавалер обезьяньего знака –

его письмо к Ремизову от 17 февраля 1917 г.

(Глагольский список); [264: 205];

старейший кавалер

(Кодрянская); [408];

митрофорный кавалер

(Прегель II).

***Бенуа Александр Николаевич** (1870–1960)

художник, историк искусства, художественный критик, идеолог «Мира искусства»; мемуарист; близко познакомился с Ремизовым в 1907 г.; с 1924 г. в Париже.

Обезьяний старейшина

[62:74].

***Бердяев Николай Александрович** (1874–1948)

философ; познакомился с Ремизовым в 1901 г. в ссылке; с 1922 г. в Берлине, член берлинского Союза русских писателей и журналистов; в 1924 г. переехал в предместье Парижа – Кламар; преподавал в Богословском институте; редактор журнала «Путь».

Полпред Кламарский

(Чернова–Сосинский; Зарецкий I);

старейший кавалер обезьяньего знака

(Булгаков; Керенский).

***Блок Александр Александрович** (1880–1921)

поэт.

Кандидат в кавалеры

(Щеголев);

кавалер обезьяньего знака I степени

с заяшным глазом –

награжден 31 октября 1918 г. [75: 115];

(Горький; Разрядная роспись);

старейший кавалер обезьяньего знака

(Кодрянская);

митрофорный кавалер

(Прегель II).

Богатырев Петр Григорьевич (1883–1971)

этнограф, фольклорист, литературовед, член Пражского лингвистического кружка.

Член общества Цвофирзон

[67: 219].

Богуславская Ксения Леонидовна

(1892–1972)

художник-график, прикладник, сценограф; жена И. А. Пуни; эмигрировала в 1919 г.; в 1922 г. возглавляла контрольную комиссию в берлинском Доме искусств; с 1923 г. в Париже.

Кавалер обезьяньего знака –

коллективное шуточное письмо Ремизову из Монте-Карло от 27 июня 1927 г. (Амхерст);

член общества Цвофирзон

[67: 219].

Божнев Б. Б.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Болдырев Иван

(наст. имя Иван Андреевич Шкотт; 1903–1933)

писатель; с 1926 г. в Париже [294: 85];

рекомендован Ремизовым А. Камю – письмо от 12 июля 1931 г. (Амхерст).

Полпред Шотландии

(Зарецкий I);

кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский);

Борисяк Андрей Алексеевич (1885–1962)

музыкант; участник сборника «Студия импрессионистов»; родственник М. М. Исаева; состоял в переписке с Ремизовым в мае–июле 1918 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 33).

Виолончелист и астроном, единственный знаток колоколов; кавалер обезьяньего знака

(Разрядная роспись).

Бородаевский Валериан Валерианович

(1874<1875?>–1923)

поэт; познакомился с Ремизовым весной 1911 г. [61: 86].

Кавалер обезьяньего знака первой степени с обезьяньим волосом

(Щеголев).

Бородин Александр Александрович

поэт, переводчик.

Кавалер обезьяньего знака

(См. публикацию Т. М. Макагоновой писем Ремизова к М. О. Гершензону // Река времен. 1995. Кн. 3. М., 1995. С. 165).

Бродский Борис Яковлевич (1901–?)
журналист; в 1920-е гг. жил в Берлине,
затем в Париже; в 1951 г. выслан из
Парижа за просоветскую деятельность.
Кавалер обезьяньего знака
(Прегель I).

***Булгаков Валентин Федорович**
(1889–1966)

писатель, мемуарист, последний секретарь
Л. Н. Толстого; в 1924–1926 гг. председа-
тель Союза русских писателей и журналист-
тов в Чехословакии.

**Кавалер обезьяньего знака I степени
с божьей травкой** –

грамота от 14 августа 1924 г. (РГАЛИ. Ф. 2226.
Оп. 1. № 1380. Л. 50);

старейший митрофорный <кавалер> –
грамота от 10 мая 1937 г. (Булгаков);
[154: 165].

Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978)
прозаик, литературный критик, публицист,
мемуарист; в 1920 г. эмигрировал в Прагу;
с 1926 г. в Париже, член парижского Союза
русских писателей и журналистов;
в 1950 г. переехал в США.

Кавалер обезьяньего знака

(Прегель I);

оруженосец рыцаря пламенного меча

Б. Очередина

(Зарецкий II).

Вейдле Владимир Васильевич (1895–1979)
литературный критик, искусствовед;
с 1924 г. в Париже.

Рыцарь пламенного меча

(Зарецкий II).

Вейдле Дмитрий Владимирович (Дима)
сын В. В. Вейдле от первого брака; около
1930 г. приехал из России в Париж.

Оруженосец рыцаря пламенного меча

В. Вейдле

(Зарецкий II).

Вельтер Валентина Петровна
(урожд. Субботина)

художник, жена Г. Г. Вельтера.

**Кавалер обезьяньего знака Первой
степени с полевыми васильками**

(Вельтер; Прегель I).

Вельтер Густав Георгиевич (1878–1970)
писатель, лингвист, автор книги «Какие
ошибки делают русские, говоря

по-французски» (М.; СПб., 1907); с 1914 г.
в эмиграции.

Кавалер обезьяньего знака
(Прегель I).

Верховский Юрий Никандрович
(1878–1956)

поэт, литературный критик.

**Кавалер обезьяньего знака,
Слон Слонович**

(Разрядная роспись); [63: 39];

дарственная надпись Ремизова 1920 г.

на издании трагедии «Царь Максимилиан»
[200: 182].

Виноградов Николай Глебович
(1893–1967)

драматург, режиссер.

Кавалер обезьяньего знака –

обезьяний знак от 26 июля 1919 г.

(ГЛМ. КП 7312. Р. 1161).

Вишняк Абрам Григорьевич
(1895–1943)

заведующий берлинским издательством
«Геликон» (с 1918 г. – Москва; с 1921 г. –
Берлин); племянник М. В. Вишняка; издал
книгу Ремизова «Россия в письменах»
(1922).

Кавалер обезьяньего знака

с барсучьими пупками;

Оскорбительный, Бафомет, Макабуз

(Хабарная тетрадь);

кавалер обезьяньего знака I степени

с тремя барсучьими пупками,

Вишняк-Шварц-Оскорбительный

(Хабарная тетрадь).

Воинов Ярослав Владимирович

литератор, сотрудник ревельской газеты

«Последние новости»; автор рецензии на

книгу Ремизова «Три серпа» (Возрождение.

1929. № 1535, 15 августа); эмигрировал в

Парагвай [96: 217].

Кавалер обезьяньего знака

(Львов).

Волковыский Николай Моисеевич
(1881–после 1941)

журналист, литератор; член правления
петроградского отделения Союза писате-
лей в 1921–1922 гг.; один из организаторов
Дома литераторов в Петрограде; с 1922 г.
в Берлине и в Варшаве.

Кавалер обезьяньего знака –

письмо Ремизова к В. Унковскому от 20 ноября

1926 г. (ВАР. 5).

Вольфсон Марк Карлович
в эмиграции жил в Париже; погиб во время
Второй мировой войны в Освенциме.
Конь Рыцаря пламенного меча
М. Осоргина
(Зарецкий II).

Вышеславцев Борис Петрович
(1877–1954)

философ, литературный критик, мемуа-
рист; в 1922 г. выслан из советской
России, поселился в Берлине; в 1923 г.
переехал в Париж.

Кавалер обезьяньего знака
(Зарецкий I).

Гадалин Василий Владимирович

(наст. фамилия Васильев; 1890–1959)
в 1920–1930-х гг. редактор русскоязычных
газет и журналов в Риге [337: 162].

Кавалер обезьяньего знака I степени
с розовым волшебным вереском
за огоньковые труды

в годовщину редакторства
рижского журнала Наш огонек,
изд. И. А. Шифом, –

грамота от 14 февраля 1925 г. (Гадалин);
а также вырезка из журнала в альбоме Ремизова
(Амхерст).

Газданов Гайто

(наст. имя и отчество Георгий Иванович;
1903–1971)

прозаик, литературный критик; эмигриро-
вал в 1920 г.; с 1923 г. в Париже, член
парижского Союза русских писателей
и журналистов.

Кавалер обезьяньего знака
(Керенский, Прегель I).

Галактионов Иван Дмитриевич

(1869–1941)

печатник, автор трудов по книгопечатанию,
книговедению, а также по истории лубка;
с 1918 г. работал в Государственном
издательстве, которое выпустило в свет
книгу «Царь Максимилиан. Театр
А. Ремизова» (1920).

Кавалер обезьяньего знака первой
степени на шпонах

(Галактионов); именной экземпляр № 38
«Заветных сказов» (Луценко).

Герасимов-Терентьев В.

Певчий

(Андреев).

***Гершензон Михаил Осипович (1869–1925)**

историк русской литературы и обществен-
ной мысли, философ, литературный критик.

Кавалер обезьяньего знака первой
степени с лапами и хвостом за
память и заботы незаслуженные –
обезьяний знак от 26 января 1917 г. (Река
времен. Кн. З. М., 1995. С. 164); (Щеголев);
старейший кавалер

(Горький; Разрядная роспись;
Кодрянская);

митрофорный кавалер

(Прегель II).

Гингер Александр Самсонович (1897–1965)

поэт, прозаик, литературный критик; муж
А. Присмановой; эмигрировал в 1919 г.,
в 1921–1922 гг. входил в группу «Палата
поэтов» (Париж).

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский; Прегель I);

Грамматик дидаскал

[59: 227].

Гинзбург Надежда Львовна (1899–1942)

жена С. М. Алянского.

Кавалер обезьяньего знака

(Галактионов); именной экземпляр № 5 книги
«Царь Додон» [383: 83].

Голубев Андрей Андреевич (1881–1961)

актер; в 1918 г. заведующий петроград-
ским отделением ТЕО Наркомпроса.

Кавалер обезьяньего знака I степени –
грамота 1920 г. (Луценко).

Голубев Николай Иванович (1879–1927)

врач-невропатолог; основатель и первый
председатель Русского медицинского
общества в Берлине.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Горлий Михаил Генрихович (1909–1943)

поэт, литературовед, переводчик; муж
Р. Н. Блох; в эмиграции с 1919 г.; с 1922 г.
в Берлине, возглавлял «Кружок поэтов»;
член берлинского Союза русских писателей
и журналистов; с 1933 г. в Париже,
секретарь Славянского института при
Сорбонне; был рекомендован в Обезьянью
Палату Зарецким –
письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 14 мая 1933 г.
(Амхерст).

Кавалер обезьяньего знака;

Оруженосец рыцаря пламенного меча
Н. Зарецкого

(Зарецкий II).

***Горький Максим** (1868–1936)
прозаик; познакомился с Ремизовым
3 января 1906 г. у Вяч. Иванова [56: 36].
**Князь обезьяний, заместитель
старейшего в Германии и кавалер
обезьяньего знака с глобусом**
[408]; (Affenrat; Разрядная роспись;
Кодрянская; Прегель II); [255: 185];
см. о Царской жалованной грамоте, дарован-
ной на юбилей Горького в ноябре 1922 г.,
с перечнем подписавшихся князей и старейшин
[62: 121]; о награждении обезьяньим хвостом
[396].

Гофман Модест Людвигович
(1887–1959)

литературовед, пушкинист, литературный
критик, поэт, мемуарист; в 1906–1907 г.
секретарь издательства Вяч. Иванова
«Оры», выпустившего в 1907 г. книгу
Ремизова «Лимонарь»; с 1922 г. в Париже,
член парижского Союза русских писателей
и журналистов; один из организаторов
пушкинской выставки в Париже (1937).
Кавалер обезьяньего знака
(Булгаков; Кодрянская).

Гофман Ростислав Модестович
(Ростик; 1915–1975)

музыковед, автор книг по русской музыке;
в эмиграции с 1923 г.; сын М. Л. Гофмана.
Служка Обезвельволпала
(Булгаков; Кодрянская; Керенский);
обладатель специального обезьяньего бантика,
являвшегося отличительным знаком первого и
самого главного распорядителя на вечерах чтения
Ремизова, устраиваемых в Париже [57: 99–100].

Грачев Арсений Владимирович
Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список);
**вельможа и кавалер I степени
с гусиной перепонкой, начальник
слонов Обезвельволпала** –
запись от 3 октября 1923 г. (Материалы
фантастического общества; Разряд-
ная роспись); черновая запись текста
обезьяньего билета рукой С. Осипова (Материалы
фантастического общества).

Гребенщиков Яков Петрович (1887–1935)

сотрудник петербургской Публичной
библиотеки.
Князь обезьяний –
запись Ремизова от 30 ноября 1920 г. [383: 64];
(Ахматова; Зощенко); именной экземпляр
«Заветных сказов» и автограф от 16 декабря
1920 г. (Луценко);

**книгочий василеостровский,
книжный островной владыка,
сатрап библиотечный**
(Разрядная роспись);
**хранитель обезьянского ларца
с дурацким колпаком бубенчиками
и обезьяньим хвостом**
(Affenrat); [44: 506];
**князь обезьяний, книгочий,
женился в 1927³**
(Угол обезьяньих вельмож).

Гржебин Алексей
Младший кавалер
(Разрядная роспись).

Гржебин (?) Андрей
сын Е. З. Гржебиной.
Кавалер Обезьяньего знака
[62: 133].

***Гржебин Зиновий Исаевич**
(1877–1929)
художник, издатель, совладелец издатель-
ства «Шиповник».
**Зауряд-князь обезьяний
и кавалер обезьяньего знака первой
степени с одной лапой,
обезьяний старейшина**
(Щеголев);
**в войну 1914 года ходил зауряд-князем
обезьяньим**
[62: 133];
зауряд-князь. Д-р Обезвельволпала (?)
<так!>
(Разрядная роспись);
**зауряд-князь обезьяний и кавалер
обезьяньего знака**
(Affenrat); именной экземпляр «Заветных
сказов» (Луценко);
зауряд-князь военного времени
(Угол обезьяньих вельмож).

Гржебина Елена Зиновьевна
(Капа; 1909–1990)
дочь З. И. Гржебина.
Младший кавалер
(Разрядная роспись);
кавалер обезьяньего знака
[62: 133]; (Affenrat).

Гржебина Ирина Зиновьевна
(Буба; 1907–1994)
дочь З. И. Гржебина; крестница
А. Ремизова.

³ Неточные сведения Ремизова.

Младший кавалер
(Разрядная роспись);
кавалер обезьяньего знака
(Affenrat).

Гржебина Лия Зиновьевна
(Ляля; 1906–1991)

дочь З. И. Гржебина; крестница
А. Ремизова.

Младший кавалер
(Разрядная роспись);
кавалер обезьяньего знака
(Affenrat).

Гржебина Мария Константиновна
(урожд. Дореомедова; 1880–1968)

жена З. И. Гржебина.

Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись).

Григорьева Наталья Викторовна
Кавалерша и кондесор ОВВП
(Шкапская; Разрядная роспись);

кондесор <так!> обезьяньей
великой Вольной палаты
и кавалер обезьяньего знака

(Коган; Affenrat);

кондесор и кавалер

(Галактионов; Ходасевич);

великий кондесор обезвельволпала
и кавалер

(Котляревский; Ахматова; Зощенко);

член «Петросовета» от пишевиков
(1918–1921), беспартийная

(Угол обезьяньих вельмож).

Гринберг Захар (Захарий) Григорьевич
(1889–1949)

после октября 1917 г. член
Государственного комитета по народному
образованию; с февраля 1920 г. член
коллегии Наркомпроса РСФСР; в 1922 г.
представитель Наркомпроса за границей.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список; Разрядная
роспись).

Гумилев Николай Степанович
(1886–1921)

поэт.

Кандидат в графы В. О. и В. П.

(Разрядная роспись);

граф обезьяний

(Кодрянская; Прегель II).

Гутнов Евгений Александрович

владелец издательства в Берлине, выпус-
кавшего журнал «Сполохи» и книги серии

«Библиотека Сполохи»; ответственный
редактор журнала «Мысль и труд».
Кавалер обезьяньего знака I степени,
с абзацем <так!> – за доброе
книгопечатание возведен на Пасху
<17 мая> 1922 года в Шарлоттенбурге,
в Аффенрате
[34: VI, VIII]; (Разрядная роспись; Глаго-
лический список).

Гуль Роман Борисович (1896–1986)

прозаик, мемуарист, критик, издатель;
с 1920 г. в Берлине; в 1921–1923 гг.
секретарь редакции журналов «Русская
книга» и «Новая русская книга»,
член берлинского Союза русских писателей
и журналистов; с 1933 г. в Париже, член
парижского Союза русских писателей
и журналистов; с 1950 г. в США; редактор
«Нового журнала».

Кавалер I-й степени с васильками,
полпред берлинский –

его письмо к Ремизову 1928 г. (Амхерст;
Чернова–Сосинский); [150: 67;
151: 80–81].

Данилов И. И.

Кавалер обезьяньего знака

(Зарецкий I).

Десслор В. Ф.

вероятно, Десслер Яков Феликсович,
сын Фриды Лазаревны Шрейбер, жены
Я. С. Шрейбера.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Дзиркал (Dzegka) Арнольд

скульптор; упоминается в анонимной
газетной заметке Ремизова (Голос России.
1922. 25 мая. № 974. С. 5).

Посол латвийский

(Affenrat);

кавалер и латвийский посол при
Обезвельволпале

(Разрядная роспись).

Диксон Владимир Васильевич
(1900–1929)

поэт; в 1924–1929 гг. тесно общался
с Ремизовым; издал на свои средства книгу
Ремизова «Оля» (Париж, 1927).

Кавалер обезьяньего знака;

полпред Кельтский

(Перемиловский; Чернова–Сосинский);
[86: 10].

Добронравов Леонид Михайлович

(псевд. Дониц; 1887–1926)

прозаик, драматург, журналист, писал также на румынском, сотрудник журнала «Заветы»; с лета 1920 г. в Кишиневе; в сентябре 1924 г. переехал в Париж.

Кавалер обезьяний первой степени с цветами

(Щеголев);

кавалер и князь обезьяний

(Жилкин; Разрядная роспись);

забеглый князь обезьяний

бессарабский

(Affenrat).

***Добужинский Мстислав Валерианович**

(1875–1957)

художник; знаком с Ремизовым с 1906 г.; иллюстрировал книги Ремизова, автор декораций к постановке «Бесовское действо...» (1907).

Старейший кавалер обезьяньего знака –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 31 марта 1937 г. [255: 185]; [154: 165]; (Булгаков; Керенский).

Дореомедов Юрий (Георгий) Дмитриевич

(другое написание фамилии Дориомедов; ум. 1944)

спортсмен, журналист, сотрудник газеты «Последние новости»; книголюб, знаток санскрита; герой французского Сопротивления, расстрелян вместе с женой Галиной Антоновной (урожд. Ретько) у Аустерлицкого моста в Париже.

Бывший Царь лягушиный и кавалер обезьяньего знака; Пупочек

(Affenrat; Керенский).

Дроздов Александр Михайлович (1896–1963)

беллетрист, редактор журнала «Сполохи».

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Дыдышко Константин Викентьевич

(1876–1932)

художник; с 1915 г. член художественного объединения «Мир искусства»; сотрудничал в еженедельнике «Нива»; в 1921 г. эмигрировал в Финляндию; с 1929 г. жил в Копенгагене.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Дьяконов Михаил Алексеевич

(псевд. Триэмия, Пау Амма, Кёук; 1885–1938)

экономист, литератор, переводчик;

в Петрограде служил управляющим делами

коллегии отделения Госиздата; сотрудничал в журнале «Книга и революция» и «Красной газете»; в 1921–1926 г. коммерческий директор полпредства Христиании.

Полпред –

письмо к нему Ремизова от 19 апреля 1926 г. (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 3).

Дягилев Сергей Павлович

(1872–1929)

театральный и художественный деятель, один из создателей художественного объединения и журнала «Мир искусства»; организатор «Русских сезонов» в Париже; знаком с Ремизовым с 1905 г.; в эмиграции с 1914 г. **Заочно без грамоты и знака <...>**

тайный дворецкий Обезьяньей Великой и Вольной Палаты

[62: 158].

Ельяшева

(вероятно, Гурлянд-Эльяшева Эсфирь Захаровна) психолог, родственница А. З. Штейнберга.

Кавалер обезьяньего знака –

грамота 1937 г. [154: 166].

Емельянов Виктор Николаевич

(1899–1963)

прозаик; муж О. Можайской.

Ламповщик

(Прегель I);

Деспот

(Андреев);

Деспот Игемон

(Резников); [59: 227].

Ершов Иван Васильевич (1867–1943)

певец-тенор.

Певец обезьяньей палаты

(Affenrat); [54: 58].

Есенин Сергей Александрович

(1895–1925)

поэт.

Кавалер обезьяньего знака

(Кодрянская; Прегель II).

Жакмон Павел Петрович

беллетрист, публицист, поэт; в эмиграции жил в Берлине, Варшаве, Праге и Франции; в 1921 г. состоял в берлинском Клубе русских писателей.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Жилкин Иван Васильевич (1874–1958)
публицист, журналист, депутат I Государственной Думы.
Кавалер обезьяньего знака первой степени с двумя синими лапами за сочувствие, за Москву, за Эссендуки – обезьяний знак выдан 1 января 1917 г. (РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. № 73. Л. 4–5);
кавалер обезьяньего знака первой степени с хвостами
(Щеголев);
князь обезьяний
(Жилкин);
член 1-ой Государственной Думы, князь обезьянский
(Разрядная роспись).

Зайцев Борис Константинович
(1881–1972)
прозаик; в 1922 г. выехал в Германию; с 1923 г. в Париже; с 1945 г. председатель берлинского Союза русских писателей и журналистов.
Саккеларий собора Обезвельволпала (ВА R. 2); возведен в члены Обезвельволпала 10 декабря 1926 г. по случаю 25-летнего юбилея литературной деятельности, награжден грамотой и Обезьяньим орденским хвостом из папье-маше [174: 19–20];
князь, епископ
(Андреев).

Закатимов Николай Ильич
в начале 1920-х гг. студент петроградского Педагогического института при университете; секретарь журнала «Красный милиционер».
Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись); о грамоте – его письма к Ремизову от 14 ноября 1922 г. и 1 июля 1923 г. (Амхерст).

Залкинд Виктор Александрович (1895–?)
выпускник петербургского Политехнического института (1921); с 1922 г. в Германии; осенью 1923 г. переехал в Палестину.
Кавалер и конкректор Обезвельволпала (подарок от него палате – трещотка «азроплан»)
(Разрядная роспись; Глаголический список); [264: 215; 364: 191]; должности конккретора Залкинд был удостоен в Цербсте, куда Ремизов приехал 17–18 июня 1922 г.; о происхождении звания см. [364: 190];
маршал
[364: 190].

Залшупин Сергей Александрович
(псевд. Серж Шубин; около 1900–1931)
художник-график; с 1921 г. в Берлине; член Совета берлинского Дома искусств; работал в журнале «Сполохи»; в 1923 г. издательство «Гамаюн» выпустило альбом его офортов «Портреты современных русских писателей» (100 экз.), среди которых был и портрет Ремизова (1922).
Кавалер
(Разрядная роспись);
посол обезьяний – записка Ремизова к А. Яценко от 10 июня 1922 г. [309: 169].

Залшупина Надежда Александровна
жена С. Залшупина; входила в правление книжного кооператива «Петрополис», основанного в 1918 г.
Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись).

Замятин Евгений Иванович
(1884–1937)
прозаик; близкое общение с Ремизовым началось в 1912 г. с сотрудничества в журнале «Заветы».
Кандидат в кавалеры
(Щеголев);
епископ обезьянский Замутий в мире князь обезьяний
(Котляревский; Зоценко; Ахматова; Горький; Affenrat); [255: 185];
смиранный епископ обезьянский Замутий, в мире князь обезьяний Евг. Замятин, корабельщик, «изуграф» и резчик слов
(Разрядная роспись; Прегель II).

Замятина Людмила Николаевна
(урожд. Усова; 1883–1965)
жена Е. И. Замятина.
Вдова Князя Епископа обезьяньего
(Вельтер).

Зандер Лев Александрович
(1893–1964)
философ; в 1922 г. доцент Дальневосточного университета.
Кавалер обезьяньего знака I степени с птичьими перьями и китайский посол, а также канцлер и кавалер Тибетского ордена абрикосовой рожи – его письма к Ремизову 1922–1924 гг. (Амхерст); письмо М. Щербакова к Ремизову от 1 июля 1923 г. (Амхерст).

***Зарецкий Николай Васильевич**
(1876–1959)

художник, книжный иллюстратор; в 1907–1908 гг. сотрудничал в журналах «Весы» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г.; с 1922 г. в Берлине; в 1923–1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательств З. И. Гржебина и «Эпоха»; в 1925–1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих (Берлин); в 1931–1950 гг. жил в Праге; в конце 1930-х гг. организатор пражского Русского культурно-исторического музея; в 1951 г. переехал в Париж; при его содействии рисунки Ремизова экспонировались на выставке, организованной журналом «Штурм» (Берлин, 1927), на выставке «Рисунки французских и русских писателей» (Париж, 1932), на выставке рисунков русских писателей (Прага, 1933–1934).

Кавалер Обезьяньего знака 1-й степени с завитком пестиковым

Обезвельволпала, возведен 1 сентября 1923 г. в день погребения мухи, клопа, таракана, блохи, Семеона Летопроводца и начала бабьего лета (Разрядная роспись; Хабарная тетрадь), письмо Зарецкого от 7 сентября 1925 г. (ВАР. 4);

кавалер I степени с чудесным фиником –

грамота с двойной датировкой: 1 сентября 1923. Берлин; 25 сентября 1925. Париж (ВАР. 4; опубл.: «Sturm», 1927);

старейший кавалер –

грамота от 7 марта 1928 г. (ВАР. 4); тем не менее фактически

повышение сделано на пасху 1927 г.

Советом обезьян, кавалеров, живущих в Париже и Лондоне –

письмо к нему Ремизова от 8 мая 1927 г. [255: 179];

кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский);

князь обезьяний, возведен на место

покойного князя и кавалера

Павла Елисеевича Щеголева

28 февраля 1932 г.

(ВАР. 4); рисунок, датированный 1922 г. (Берлин), с припиской о возведении в князья 1 января 1932 г. (ВАР. 4);

старейший кавалер обезьяньего знака князь обезьяний –

грамота Ф. Кубки от 24 июня 1932 г. (Париж) [255: 178];

старейший кавалер –

Княжеская грамота от 28 февраля 1932 г. (ВАР. 4);

князь обезвельволпал, посадник обезьяний и кавалер Обезьяньего знака –

письмо к нему Ремизова от 12 декабря 1937 г. (Прага; Булгаков; Прегель I; Прегель II; Резников);

рыцарь пламенного меча

(Зарецкий II);

Великий князь Обезвельволпала –

инскрипт 10 октября 1949 г. на книге «Пляшущий демон. Танец и слово», а также автограф от 3 июля 1951 г. (Париж) на книге «Ахру. Повесть петербургская» (ВАР. 4).

Зеелер Владимир Феофилович
(1874–1954)

юрист, журналист, генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов.

Кавалер обезьяньего знака –

письмо к нему Ремизова от 4 декабря 1927 г. (ВАР. 3);

рыцарь пламенного меча

(Зарецкий II);

кандидат <так!> обезьяньего знака

и рыцарь пламенного меча

(Булгаков);

маршал –

инскрипт на фотографии Ремизова с датировкой: 1945. XI. Paris (ВАР. 3).

Зискинд Абрам

кавалер обезьяньего знака <?> –

Прошение от 30 января 1923 г.

(Хабарная тетрадь).

Зноско–Боровский Евгений Александрович
(1884–1954)

историк театра, литературный критик; секретарь журнала «Аполлон», сотрудник берлинских и парижских периодических эмигрантских изданий.

Кавалер обезвельволпала <?> –

его письмо к Ремизову от 14 декабря 1921 г.

(Амхерст);

оруженосец рыцаря пламенного меча

К. Мочульского

(Зарецкий II).

***Зонов Аркадий Павлович**
(1875–1922)

актер, режиссер; познакомился с Ремизовым в Пензе в 1897 г.; один из ближайших друзей писателя.

Князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака первой степени с удочками, сенатор, обезьяний старейшина (Щеголев); [61: 40];

первый кавалер Ордена, награжден за лицедейство в «Трагедии о Иуде принце Искаримотском», где изображен обезьяний царь Асыка

(Разрядная роспись);

князь и заместитель старейшего в Москве

(Affenrat).

Зощенко Михаил Михайлович

(1895–1958)

прозаик.

Кавалер обезьяньего знака 1 степени

(Зощенко).

Иванов Евгений Павлович

(1879–1942)

литератор.

Кавалер обезьяньего знака

(Разрядная роспись);

кавалер обезьяний – с лягушачьим

глазом и хвостом рогатого мыша

[44: 507–508; 62: 96]; (Разрядная роспись).

***Иванов-Разумник**

(наст. имя Разумник Васильевич Иванов;

1878–1946)

историк общественной мысли, литературный критик, публицист.

Кавалер первой степени со звездами

(Щеголев);

староста обезьяний, старейший

кавалер царскосельский

(Affenrat);

кавалер (старейший?) <так!>

(Разрядная роспись).

Иваск Юрий (Георгий) Павлович (1907–1986)

поэт, критик, литературовед, профессор;

участник таллинского «Цеха поэтов»;

сотрудник журналов «Современные записки», «Числа», «Новь»; после Второй мировой войны переехал в США.

Кавалер обезьяньего знака 1 степени

с пушком одуванчика

[194: 317]; его благодарственное письмо к Ремизову от 15 января 1931 г. (Амхерст).

Иллисон Леонид Иванович (ум. 1922)

литератор, сотрудник журнала «Жизнь и искусство»; эмигрировал в Берлин.

Посол эстонский

(Глаголический список); [264: 215];

Волк Волкович –

письмо Ремизова к А. Яценко от 22 октября 1922 г. [309: 171]; (Разрядная роспись).

Ильин Иван Александрович (1883–1954)

философ, правовед, публицист, литературовед, литературный критик; с 1922 г. в Берлине; участник Религиозно-философской академии; редактор журнала «Русский колокол»; член берлинского Союза русских писателей и журналистов.

Кавалер 1 степени

(Разрядная роспись).

Ионов Илья Ионович

(наст. фамилия Бернштейн; 1887–1942)

поэт, издательский работник; в начале 1920-х гг. заведующий петроградским отделением Госиздата.

Красный кавалер Обезвельволпала, с серпом и молотом –

письмо С. Осипова к Ремизову от 19 июля 1924 г.

(Разрядная роспись);

Иона Киточревный.

Исаев Леонид Михайлович

брат М. М. Исаева.

Кавалер обезьяньего ордена 1 степени

с мечами –

письмо М. Исаева к Ремизову от 1(14) апреля

1917 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 87. Л. 1).

Исаев Михаил Михайлович

(ок. 1870–после 1948)

юрист, приват-доцент Санкт-Петербургского университета.

Кавалер первой степени с мечами

(Щеголев);

князь и уставщик (кодификатор)

обезьянский, приват-доцент

уголовного права, кавказский

пулеметчик, красноармеец отряда

Мстиславского

(Разрядная роспись; Affenrat);

советчик по конституции

[61: 39].

Каплул Соломон Гитманович (Германович)

(Сумский; 1891–1940)

журналист, сотрудник «Киевской мысли»;

владелец берлинского издательства

«Эпоха» (1922–1925).

Великая иностранная вельможа

и кавалера обезьяньего знака –

запись С. Каплуна в альбоме С. Алянского от

15 января 1921 г. [383: 65]; (Шкапская;

Галактионов; Яценко; Affenrat;

Глаголический список; Хабарная

тетрадь); его письмо к Ремизову из Монте-

Карло от 27 июня 1927 г. (Амхерст);

вельможа и кавалер
(Разрядная роспись);
обезьяний торгпред –
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 7 августа
1928 г. (Прага).

Каплун Ирина (Чижик)

**Кавалер обезьяньего знака
IV степени**
(Глаголический список); рисунок С. П. Ремизовой-Довгелло в обрисовке Ремизова <?>
(Материалы фантастического общества).

Каплун Эмилия Моисеевна

Кавалер обезьяньего знака
(Глаголический список); рисунок С. П. Ремизовой-Довгелло в обрисовке Ремизова <?>
(Материалы фантастического общества).

Карлайл Генрих

муж О. В. Андреевой-Карлайл.
Prince, Принц
(Резников; Андреев).

Карский Сергей Осипович

Кавалер обезьяньего знака
(Прегель I).

Касс

Кавалер обезьяньего знака –
грамота 1936 г. [154; 165].

Квиць Исидор Николаевич (1874–1950)

инженер.
Кавалер обезьяньего знака
(Керенский).

Келлер Зигмунд Эдмундович

доктор.
**Кавалер обезьяньего знака I степени
с свиным глазом**
(Разрядная роспись).

Керенский Александр Федорович
(1881–1970)

адвокат, эсер, министр юстиции в первом составе Временного правительства, затем министр и министр-председатель; с 1918 г. эмигрировал через Англию в Париж; в начале 1920-х гг. в Германии; с 1924 г. вновь переехал в Париж; возглавлял газету «Дни»; с 1940 г. в США.
Кавалер обезьяньего знака I степени с пантами <?> Серого глаза; князь-епископ Обезвельволпала
(Керенский); [154; 166];

**вместо Замятина, князь-епископ
А. Ф. Керенский** –
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 12 декабря
1937 г. (Прага).

Керженцев Платон Михайлович

(псевд. Лебедев, 1881–1940)
в 1920-х гг. один из руководителей Пролеткультула; советский полпред в Швеции и Италии.
**Кавалер <?>;
посол Финляндия и датский (1921)** –
рисунок из тетради Ремизова 1912–1921 гг.
(РНБ. Ф. 634. № 19. Л. 5).

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937)

поэт.
Кавалер обезьяньего знака I степени с кисточками –
обезьяний знак от 18 февраля 1917 г.
(Музей ИРЛИ).

Книпович Евгения Федоровна (1898–1988)

литературный критик.
Кавалер обезьяньего знака
(Ахматова).

Кнорре Федор Федорович

(псевд. Алексей Кириллов; 1903–1987)
инженер, беллетрист.
Кавалер обезьяньего знака
(Галактионов);
политкомом Обезвельволпала –
Всемиловнейшее прошение сотрудников
«Алконоста» от 4 апреля (22 марта) 1921 г.
[380; 184].

Княжнин Владимир Николаевич

(наст. фамилия Ивойлов; 1883–1942)
поэт, литературный критик, библиограф.
Бес Зерефер –
письмо Ремизова к П. Щеголеву от 11 сентября
1913 г. (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4 № 2094);
Борода обезвельволпал <так!>
(Котляревский).

Кобеко Иван Платонович⁴

(псевд. Пугачев; 1892–?)
юрист, критик; племянник директора петербургской Публичной библиотеки историка Д. Ф. Кобеко.
Князь обезьяний
(Вельтер);
губернатор
(Андреев; Резников);

⁴ У Ремизова: Павлович.

**племянник Публичной библиотеки.
Незаменимый сотрудник
«Оплешник» <так!>**
[84: 99].

Кобяков Дмитрий Юрьевич
(1902–1977)

поэт, писатель-сатирик; в эмиграции с 1920 г.; после 1945 г. член французской компартии и Союза советских патриотов; редактировал сатирический журнал «Ухват» (1926), литературно-сатирическую газету «Честный слон» (1945).

**Поганый половецкий хан, кавалер
I-й степени с изумрудным вешняком
Обезвельволпала –**

грамота от 11 августа 1925 г., воспроизводилась в печати: сохранилась неатрибутированная журнальная вырезка в альбоме Ремизова (Амхерст).

Ковалевская Ольга Федоровна

художник.

Бабушка обезьянья

(Вельтер);

кавалер обезьяньего знака

(Прегель I);

Листин

[294: 98].

Коган Александр Эдуардович (1878–1949)

сотрудник «Газеты-копейки», издательства «Всемирная литература»; в эмиграции с 1920 г., владелец издательства «Русское искусство», редактор-издатель журнала «Жар-птица».

Кавалер обезьяньего знака –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 19 апреля 1927 г. (Прага).

Коган Петр Семенович (1872–1932)

историк литературы, критик; президент Государственной Академии художественных наук.

Кавалер обезьяньего знака

(Коган).

Кодрянская Наталья Владимировна

(урожд. фон Гернгросс; 1901–1983)

детский писатель, автор книг о Ремизове.

**Кавалер обезьяньего знака I степени
с полевой белой ромашкой –**

грамота 1940 г. (Кодрянская); [154: 166];

внучка

[206: 73];

цензор и князь обезьяний

[206: 116];

главный цензор и контролер

(Прегель I; Прегель II);

обезьянья царевна –

Царская грамота 1950 г. (ВАР. 4); о предполагаемой коронации – письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 4 декабря 1950 г. (ВАР. 4).

Кодрянский Исаак Вениаминович

писатель, муж Н. В. Кодрянской.

Кавалер обезьяньего знака

(Прегель I).

Кожевников Петр Алексеевич (1872–1933)

литератор.

Кавалер обезьяньего знака <?> –

упоминание о грамоте в его письме к Ремизову от 15 октября 1924 г. (Амхерст).

Койраиский Александр Арнольдович

(Ааронович) (1884–1968)

поэт, прозаик, литературный и театральный критик, художник, музыкант; секретарь журнала «Современные записки».

Кавалер обезьяньего знака <?>

(Глаголический список); [264: 215].

Коммиссаржевский Федор Федорович

(1882–1954)

режиссер, директор театра; в 1908 г. на сцене театра В. Ф. Коммиссаржевской поставил драму Ремизова «Бесовское действо»; в 1916 г. в его студии была поставлена «Трагедия о Иуде принце Искаротском»; эмигрировал в 1919 г.; жил в Варшаве, Париже, Лондоне.

**Первый кавалер Ордена, награжден
за лицедейство в «Трагедии о Иуде
принце Искаротском», где изображен
обезьяний царь Асыка**

(Разрядная роспись).

Комышанский Иван Тимофеевич

врач-гинеколог; руководитель одного из общественных Союзов русских эмигрантов в Париже.

Кавалер обезьяньего знака <?> –

письмо М. Ковалева к Ремизову от 4 января 1942 г. (Амхерст).

***Кони Анатолий Федорович** (1844–1927)

юрист, общественный деятель, литератор.

Старейший кавалер

обезьяньего знака

(Горький; Кодрянская; Керенский;

Прегель II); [44: 510].

Корсак Вениамин Валерьянович

(наст. фамилия Завадский; 1884–1944)

поэт, прозаик; с 1922 г. жил в Париже.

Полпред Египетский

(Чернова–Сосинский).

Костанов Петр Маркович

учитель музыки, пианист; брат
А. М. Оболенской.

Кавалер обезьяньего знака <?>, рыцарь пламенного меча
(Зарецкий II); [65: 234].

Котельников Анатолий Глебович (1899–1964)

драматург; в начале 1920-х гг. сотрудник Наркоминдела.

Кавалер обезьяньего знака <?> –
конверт с печатью Обезвельопала, отправленный ему Ремизовым в 1922 г. (РГАЛИ. Ф. 2503. Оп. 1. № 452. Л. 3).

Котляревский Нестор Александрович

(1863–1925)

литературный критик, публицист, первый директор Пушкинского Дома.

Кавалер обезьяньего знака
(Котляревский).

Крутиков Борис Михайлович (1884–1968)

Барабанщик Обезвельопала с 1922 г., палатный мастер или Палатин обезвельопал <так!>;

всеобезьяний Паладин –

письма Ремизова к Б. Зайцеву от 6 августа и 30 сентября 1951 г. (ВАР. 2);

Полевой Воевода Обезьяньей Великой и вольной Палаты
[62: 34];

Параэлезарх Обезвельопал <так!> –
письмо Ремизова к Б. Зайцеву от 7 октября 1953 г. (ВАР. 2).

Кубка Франтишек (1894–1969)

писатель, в 1927–1939 гг. редактор отдела международной политики газеты «Prager Presse».

Кавалер обезьяньего знака I степени с нечаянной запятой –
грамота от 24 июня 1932 г., (Париж) [255: 179].

***Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936)**

поэт; дружеские отношения с Ремизовым завязываются осенью 1906 г. на вечере «Современной музыки» [54: 48].

Музыкант обезьяний, музыкант обезьяньей палаты

(Котляревский; Affenrat; Прегель II);

поп обезьянский –

запись М. Кузмина в альбоме С. Алянского от 15 января 1921 г. [383: 65];

музыкант Обезвельопала и кавалер I степени; князь и музыкант Обезьянской <так!> Палаты
(Разрядная роспись); [408];

старейший кавалер обезьяньего знака
(Кодрянская).

Кузьмин Николай Максимович

(1884–?)

писатель, драматург; поддерживал эпистолярное общение с Ремизовым после его отъезда в Берлин. Сохранилось его письмо к Ремизову от 4 августа 1923 г. (Амхерст).

Кавалер обезьяньего знака
(Шкапская).

Кулаковский Сергей Юлианович

(1891–1944)

историк литературы; сотрудник журналов «Новь», «Центральная Европа».

Полпред Варшавский

(Перемиловский);

кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский; Керенский).

Лавров Александр

владелец типографии, выпустившей в свет издания: «Трагедия о Иуде...» (1919) и «Заветные сказы» (1920).

Кавалер обезьяньего знака

(Шкапская; Разрядная роспись);

Лавровая грамота Обезьяньей Палате
в книге «Заветные сказы».

Лапина Нина Львовна

соседка О. Е. Черновой по дому в Париже, подруга ее дочерей.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Лебедев Владимир Иванович

(1884–1956)

министр Временного правительства; один из руководителей «Земгора» в Югославии; редактор журнала «Воля России».

Кандидат

(Чернова–Сосинский);

кавалер обезьяньего знака I степени

(Прегель I); его письмо к Ремизову от 12 июня

1928 г., подтверждающее получение грамоты

(Амхерст).

Левинсон-Лессинг Владимир Францевич

(1893–1972)

ученый-искусствовед; сотрудник Эрмитажа с 1921 г.

Кавалер обезьяньего знака –

сообщено сотрудником Эрмитажа, искусствоведом А. В. Брянцевым.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923)
историк, публицист; управляющий
типографией и книжным складом в
издательстве М. М. Стасюлевича в Петер-
бурге; знаком с Ремизовым с 1909 г.
Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись).

Либ Федор Иванович
(Fritz Lieb, 1892–1970)
богослов [191: 169–171]; с Ремизовым
познакомился предположительно в 1934 г.
в Париже.
Кавалер Обезвельволпала <?> –
в альбоме, принадлежащем ему, среди прочих
автографов Ремизова имеется рисунок
с изображением Асыки-Абраксаса [191: иллюстра-
ция 10].

Лидин Владимир Германович
(наст. фамилия Гомберг; 1894–1979)
писатель; под его редакцией вышла книга
биографий беллетристов «Литературная
Россия» с биографией Ремизова [227: 27–35].
Кавалер обезьяньего знака I степени
с мышьям хвостиком
(Разрядная роспись); [226: 234].

Лифарь Сергей (Серж) Михайлович
(1905–1986)
хореограф, художник, коллекционер.
Князь Обезьяньей великой и вольной
палаты и кавалер обезьяньего знака
I степени с крылом Икара –
черновик текста *грамоты* 1937 г. (Амхерст);
[255: 185]; (Булгаков; Керенский;
Резников); *грамоты* 1936 и 1937 гг. [154: 165];
забеглый князь обезьяний
(Вельтер);
рыцарь пламенного меча
(Кодрянская).

Лосская Магдалина Исааковна
в конце 1920-х гг. студентка-эллинистка
в Париже; жена В. Н. Лосского.
Кавалер обезьяньего знака
(Чернова–Сосинский).

Лосский Владимир Николаевич (1903–1958)
богослов.
Кавалер обезьяньего знака
(Чернова–Сосинский).

***Лундберг Евгений Германович** (1887–1965)
литературный критик; прозаик,
мемуарист.
Кандидат в кавалеры
(Щеголев);

староста обезьяний старейший;
кавалер берлинский
(Affenrat; Глаголический список);
варяг Евгений Злодиевский,
старейший кавалер обезьяньего знака;
странник, ходит как птица; птицей
прошел весь юг России от Каспийского
морья до Черного и все Балканские
Государства, вдоль и поперек.
Приключения его самые невероятные.
Только присутствие духа
и находчивость спасают его от верной
гибели; смиренный иеромонах
(Разрядная роспись);
старейший кавалер обезьяньего знака,
странник Евгений Злодиевский
от Варяг
[63: 17].

Лурье Вера Иосифовна (Осиповна)
(1901–?)
поэт; литературный критик, мемуарист;
участница петербургского литературного
кружка «Звучащая раковина»; в 1921 г.
эмигрировала через Ригу в Берлин;
член берлинского Союза русских писателей
и журналистов.
Кавалерша
(Разрядная роспись);
служба обезьянья –
запись о получении *хабара*
(Хабарная тетерадь).

Лурье Семен Владимирович⁵ (1867–1927)
публицист, литературный критик, поэт
[46: 36–38].
Кавалер обезьяньего знака
(Глаголический список).

***Львов Лоллий Иванович** (1888–1967)
поэт, журналист, критик; в 1920–1922 гг.
жил в Эстонии, сотрудничал в местных
русских изданиях; позже сотрудник
журнала «Возрождение».
Кавалер обезьяньего знака I степени
с утиными перепонками –
грамота (Ревель) от 17 сентября 1921 г.
(Амхерст; Разрядная роспись; Хабар-
ная тетрадь; Материалы фантастиче-
ского общества; Булгаков);
кавалер обезьяньего знака
(Чернова–Сосинский);
старейший кавалер обезьяньего знака
(Керенский).

⁵ В списке Ремизова инициалы ошибочно: В. С.

Львова Нина Григорьевна

жена Л. И. Львова.

Кавалер обезьяньего знака

с медведьим хоботком –

расписка от 18 октября 1923 г. (Хабарная тетрадь; Разрядная роспись; Материалы фантастического общества);

кавалер обезьяньего знака,

стрекоза обезьянья

(Гадалин); грамота Н. Зарецкого от 1 сентября

1925 г. (ВАР. 4; Шестов);

Нонн – Ноппе

(бывшая Стрекоза обезьянья)

(Вельтер; Прегель I; Андреев);

[294: 26, 100];

обезьянья первая любовь Наяда Ноппе

(Резников).

Лютер Артур Федорович (1876–1955)

немецкий историк, переводчик и издатель русской литературы.

Кавалер первой степени с крылышком вальдшнепа

[408];

возведен в кавалеры обезьяньего знака

I степени с дульным крылышком –

его письмо к Ремизову от 18 июня 1924 г.

(Амхерст).

Лядов Анатолий Константинович (1855–1914)

композитор.

Кавалер обезьяньего знака –

грамота 1912 г. <?>;

кикимора

[54: 31–36].

Ляцкий Евгений Александрович

(1868–1942)

критик, историк литературы, этнограф, фольклорист, прозаик; уехал за границу в 1917 г., жил в Финляндии, Швеции, Чехии; в 1923–1926 гг. руководил в Праге издательством «Пламя»; сотрудник журналов «Новая русская книга», «Воля России»; начало знакомство с Ремизовым было положено в 1906 г. в Петербурге.

Кавалер обезьяньего знака I степени

с голубым душистым горошком –

грамота Майский ярлык от 7 апреля 1926 г.

(Прага); а также портрет Ляцкого, датированный: Berlin. 1921. X–XI (Прага).

Мазурова Александра Николаевна

(псевд. Джордж; 1891–?)

писатель; познакомилась с Ремизовым в Петербурге в начале 1910-х гг.; летом

1918 г. уехала с мужем в США;

в 1951 г. состояла с Ремизовым в переписке.

Кавалер обезьяньего знака I-ой степени с золотистой вербой

[240: 33].

Макеев Николай Васильевич

(1889–1974)

художник.

Конь рыцаря пламенного меча

В. Зеелера

(Зарецкий II);

специалист по установке

центрального отопления –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 1 февраля

1932 г. (Прага).

Маковский Сергей Константинович

(1877–1962)

поэт, литературный критик,

искусствовед, редактор известного

петербургского журнала «Аполлон»;

эмигрировал в Прагу в 1920 г.; с 1926 г.

в Париже.

Кавалер обезьяньего знака <?>;

копытчик

[64: 44]; (Андреев).

Максимов Федор Назарыч

комиссар дома по 14 линии, № 31,

где находилось пристанище

Обезвельопала

(во дворе, на самом верху)

(Угол обезьяньих вельмож).

Максимова Вера Назаровна

сестра Ф. Н. Максимова.

Кавалерша и сестра комиссара дома,

где была Обезвельопалата

(Угол обезьяньих вельмож);

маленькая сестра

Федора Назаровича,

приносившая хлебные

карточки от своего брата

«уполномоченного» вместе с своим

еще безгласным братом «обезьяньим

пастушонком»

(Угол обезьяньих вельмож).

Малевский-Малевиц Святослав Святославо-

вич (1905–1973)

инженер, дипломат; муж Э. А. Шаховской с 1926 г.

Кавалер обезьяньего знака I степени с персидской фисташкой и голубиным перышком

(Шаховская).

Мамченко Виктор Андреевич

(1901–1982)

поэт, журналист; с 1920 г. в Тунисе;
с 1923 г. в Париже.

Кавалер обезьяньего знака

(Булгаков; Кодрянская; Прегель I);

конь рыцаря пламенного меча**Б. Очередина**

(Зарецкий II);

Елочник

[57: 140].

Марков Владимир Федорович (род. 1920)

поэт, литературовед, переводчик, мемуарист; участник Второй мировой войны, немецкий военнопленный; после освобождения в 1945 г. остался в Германии; с 1949 г. в США, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

Кавалер обезьяньего знака с паутиной хччей I степени

[76: 433].

Махин Федор Евдокимович

(1882–1945)

эсеровский главковерх; член организованного в 1923 г. в Праге Областного Комитета заграничных организаций партии социалистов-революционеров.

Полковник Махин, а в эту войну <1939–1945> партизанский генерал-лейтенант. Редактор Русского Архива и председатель Белградского Земгора. Оренбургский казак, старообрядец, хорошо читал Библию на голос. В Обезьяньей палате состоял воеводой.

[62: 134].

Машинский Ольгерд Витовтович

(Algirdas Mošinskis)

литовский посол в Германии – письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 15 апреля 1928 г. (Прага);

кавалер обезьяньего знака с серебряным козлом и мускатным орехом;

полпред Литовский

(Чернова–Сосинский; Зарецкий I).

Мейерхольд Всеволод Эмильевич

(1874–1940)

режиссер, актер, театральный деятель; первое знакомство с Ремизовым состоялось весной 1897 г. в Пензе; в 1903–1904 г. Ремизов работал заведующим литературной частью у Мейерхольда в его труппе «Товарищество новой Драмы».

Кавалер обезьяньего знака <?> –

портрет Мейерхольда (1925) из ремизовского альбома «Театр» со специальным значком кавалеров [411: 44].

Мельникова-Папоушкова Надежда Федоровна (Филаретовна) (урожд. Мельникова; 1891–1978)

литературный критик, публицист, прозаик, переводчик; в 1919 г. эмигрировала в Прагу; член пражского Союза русских писателей и журналистов.

Кавалер обезьяньего знака –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 30 марта 1931 г. (Прага).

Можайская Ольга Николаевна (1896–1973)

поэт, литературный критик, жена В. Н. Емельянова.

Мэнада обезьянья

(Вельтер; Андреев; Резников).

Морозов Василий Маркелыч

архитектор.

Персиянин, великий блудоборец, рыцарь «любownik» –

письмо Ремизова к Б. Зайцеву от 30 сентября 1950 г. (ВАР. 2).

Мочульский Константин Васильевич

(1892–1948)

историк русской литературы, поэт, переводчик, мемуарист; в 1920 г. эмигрировал в Болгарию; с 1922 г. в Париже, профессор Сорбонны.

Кавалер I степени с львовым усом Обезьяньей Великой и Вольной палаты –

его письмо к Ремизову с пометой Ремизова от 19 февраля 1924 г. (Амхерст);

полпред Византии и кавалер обезьяний (Гадалин);**полпред Византии и караимский каган** (Чернова–Сосинский);**рыцарь пламенного меча**

(Зарецкий II).

Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978)

композитор, музыкальный критик; в 1928 г. дебютировал в «Русских сезонах» С. П. Дягилева; двоюродный брат В. В. Набокова.

Кавалер обезьяньего знака

(Зарецкий I);

конь рыцаря пламенного меча**К. Мочульскийго**

(Зарецкий II).

Найковский Виктор Казимирович (1909–?)

скрипач; знаком с Ремизовым через Н. Зарецкого.

Кавалер обезьяньего знака <?> – письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 29 декабря 1929 г. (Амхерст).

Никитин Василий Петрович

(1885–1960)

ученый-ориенталист, профессор Школы восточных языков в Париже; сосед Ремизовых по дому на рю Буало, 7. См. о нем [260: 268–306].

Эмир обезьяний

В. П. Никитин-Урмийский

(Вельтер; Прегель I; Резников);

бывший урмийский консул, почетный легион и все персидские наречия от древнего пехлеви до современной арабской прослойки, эмир обезвелволпала

(Андреев); [57: 158].

Никитин Николай Николаевич

(1895–1963)

писатель, входил в литературную группу «Серапионовы братья».

Кавалер

(Разрядная роспись);

кавалер Олонецкий –

упоминание о неполученной грамоте в его письме к Ремизову от 14 апреля 1922 г. (Амхерст).

Новгородов Семен Андреевич

студент факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. См. упоминание о нем [16: 41].

Посол якутский

(Affenrat).

***Нувель Вальтер Федорович** (1871–1949)

музыкальный и театральный деятель, входил в художественное объединение «Мир искусства» и редколлекцию одноименного журнала.

Старейший кавалер

[61: 52].

Оболенский Андрей Владимирович, князь

(1900–1975)

участник Добровольческой армии; с 1922 г. в Праге; с осени 1924 г. во Франции; работал маляром; с Ремизовым познакомился через сестер Черновых; на протяжении многих лет был одним из незаменимых помощников по хозяйству в ремизовской квартире, см. [86].

Кавалер обезьяньего знака

(Гадалин; Чернова–Сосинский; Шестов; Зарецкий I; Перемилловский; Кодрянская; Керенский; Прегель I); [86]; письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 24 апреля 1932 г. [255: 183];

конь рыцаря пламенного меча

П. Костанова

(Зарецкий II);

Козлок

(Резников).

Одарченко Юрий Павлович (1903–1960)

поэт, прозаик; эмигрировал в Париж; после Второй мировой войны был одним из редакторов альманаха «Орион», в котором печатались произведения Ремизова.

Отец-настоятель –

письмо к нему Ремизова от 30 марта 1947 г. [84: 96];

князь –

письмо к нему Ремизова от 23 июля 1950 г.

[84: 101].

Орг Альберт

эстонский консул в Петрограде; летом 1921 г. основал в Таллине издательство

«Библиофил», которое предполагало купить книгу «Шумы города».

Кавалер обезьяньего знака <?>

(Глаголический список).

***Осипов Сергей Яковлевич** (1888–1948)

бухгалтер; заведующий конторой издательства «Сирин» (1912–1915); торговый представитель советской России за рубежом.

Кавалер I степени с мышиными пятками обезвелволпала,

старейшина – **ключарь обезьяний**

дарственная надпись Ремизова от 4 ноября 1923 г. (Берлин) на своей фотографии (Музей ИРЛИ;

Осипов; Разрядная роспись; Глаголический список; Хабарная тетрадь);

ключарь обезьяний Prince C. Осипов

(Зарецкий I);

ключарь обезьяний

(Перемилловский);

князь обезьяний / ключарь

Обезвелволпала / бывший Головщик

Сирина / Профессор щетоводства /

коллега St. Petrus'a (тоже ключарь) –

его письмо к Ремизову от 13 февраля 1927 г.

(Амхерст; Шестов);

обезьяний князь и ключарь

[408]; (Чернова–Сосинский);

готландский полпред городов Любека,

Гамбурга и Бремена –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 4 октября

1928 г. (Прага).

Осипова Анна Васильевна (1890–?)
жена С. Я. Осипова.
Кавалер обезьяньего знака первой степени с перышком самой маленькой и самой мудрой птички <1 сл. нрзб.>
(Осипова; Глаголический список;
Материалы фантастического общества).

Осоргин Михаил
(наст. имя Михаил Андреевич Ильин;
1878–1942)

журналист, писатель, переводчик, мемуарист; с 1922 г. в Берлине, соучредитель берлинского Клуба писателей (1922–1923); редактор литературного отдела газеты «Дни»; в конце 1923 г. переехал в Париж.

Римский полпред и кавалер обезьяньего знака –
его письмо к Ремизову на глаголице от 4 ноября 1925 г. (Амхерст; Зарецкий II);
кавалер обезьяньего знака
(Чернова–Сосинский);
рыцарь пламенного меча
(Зарецкий II).

Очередин Борис Иннокентьевич
поэт и прозаик.
Рыцарь пламенного меча
(Зарецкий II).

***Панина София Владимировна, графиня**
(1871–1956)
с 1925 г. руководила пражским общественно-культурным центром «Русский очаг».
Старейший кавалер;
дама Обезвельволлала –
письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 13 декабря 1933 г. (Амхерст).

Пантелеймонов Борис Григорьевич
(1888–1950)
прозаик, химик; познакомился с Ремизовым в 1937 г. [57; 74; 132]; [294; 101].
Епископ обезьяний
(Прегель I);
стекольщик.

Папоушек Ярослав Францевич
(1890–1945)
чешский историк, публицист; советник Министерства иностранных дел Чехословакии; ответственный редактор пражского еженедельника «Центральная Европа»; муж Н. Ф. Мельниковой.

Кавалер обезьяньего знака –
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 30 марта 1931 г. (Прага).

Парнах Валентин Яковлевич
(наст. фамилия Парнох; 1891–1951)
поэт, переводчик, журналист, историк балета, хореограф; брат поэтессы С. Я. Парнок; с 1913 г. в эмиграции; жил в Париже, в Германии; сотрудничал в журнале «Вещь».
Кавалер
(Разрядная роспись).

Переверзев Павел Николаевич
(1871–1944)
адвокат, министр юстиции Временного правительства (май–июль), ближайший соратник А. Ф. Керенского.
Кавалер обезьяньего знака
(Керенский).

Переводчикова Варвара Михайловна
поэт.
Кавалер обезьяньего знака <?> –
письмо Л. Зандера к Ремизову с ходатайством о грамоте от 4 июня 1924 г. (Амхерст).

***Перемиловский Владимир Владимирович**
(1880–после 1950-х)
переводчик; один из первых петербургских знакомых Ремизова; ему посвящена легенда «О безумии Иродиадином, как на земле зародился вихорь» (1906); в 1920-е гг. преподаватель латинского языка в русской школе г. Моравская Тржебова (Чехословакия), позднее профессор Министерства информации в Праге; организатор персональной выставки графических работ Ремизова (Моравская Тржебова, 1934).
Старейший кавалер и полпред Моравии
(Перемиловский);
кавалер обезьяньего знака
(Булгаков; Керенский).

Перемиловский Владимир Владимирович
сын В. В. Перемиловского.
Кавалер обезьяньего знака –
письмо Ремизова к В. Перемиловскому-отцу от 3 августа 1928 г. [80; 208].

Персиц-Кобеко Тамара Михайловна
(псевд. Т. Эванс; ум. 1955)
владелец петроградского издательства «Странствующий энтузиаст»; умерла в эмиграции.
Кавалер обезьяньего знака
(Affenrat).

Пильняк Борис Андреевич
(наст. фамилия Вогау; 1894–1938)

писатель.

**Кавалер обезьянского <так!> знака
I степени с волчьим зубом –**

Прощальное подорожие от 28 марта 1922 г.
(Амхерст); письмо Ремизова к М. Дьяконову
от 24 февраля 1922 г. (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 2;
Разрядная роспись; Кодрянская);
упоминание о его статусе в Палате в письме
Ремизова к С. Постникову от 22 января 1922 г.
(ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. № 71. Л. 5);
кавалер и царский хвостобрей –
его письмо к А. Яценко от 19 февраля 1922 г.
(Берлин) [309: 191].

Пинегин Николай Васильевич (1883–1940)

художник, писатель; исследователь
Арктики; участник экспедиции Г. Я. Седова
к Северному полюсу; с 1920 г. в эмиграции:
в Праге (1921) и в Берлине (1922);
в 1923 г. вернулся в СССР.

**Кавалер, художник и посол самоедский
при Обезвельволпале**

(Разрядная роспись).

Пинкевич Альберт Петрович (1883–1939)

ученый-геолог, профессор; заместитель
М. Горького в Петроградской комиссии по
улучшению быта ученых, благодаря которой
15 октября 1920 г. Ремизову – вместе с
М. Кузминым, А. Блоком, Ф. Сологубом
и Н. Гумилевым – был назначен академиче-
ский паек в столовой при Доме ученых; в на-
чале 1922 г. командирован в Берлин; заме-
ститель З. И. Гржебина в его издательстве.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список); [264: 215];
см. также его письмо к Ремизову от 18 мая
1922 г. (Амхерст).

Пискалев Петр

священник.

Протопоп обезьяний, профессор <?>

(Вельтер).

Пистрак Сергей Михайлович

редактор журнала «Грани» (1921–1924).

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Познер Владимир Соломонович (1905–1992)

французский писатель, начинал литера-
турную деятельность в Петрограде
в содружестве «Серрапионовы братья»;
весной 1921 г. уехал во Францию.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Познер Георгий Соломонович

брат В. С. Познера.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Познер Соломон Владимирович

(1880–1946)

журналист; в годы Гражданской войны
работал в издательстве «Всемирная литера-
тура»; с 1922 г. в эмиграции; с 1923 г. жил
в Париже; сотрудник парижской газеты
«Последние новости»; в 1924–1934 гг.
был секретарем Комитета помощи русским
писателям и ученым во Франции; в 1934–
1940 гг. работал в Еврейском колонизаци-
онном обществе.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Полонский Яков Борисович

(1892–1951)

литературовед, специалист по литературе
Пушкинской поры; один из учредителей
«Общества друзей русской книги»
в Париже, редактор журнала «Временник
общества друзей русской книги».

Кавалер обезьяньего знака

(Булгаков; Керенский);

**оруженосец рыцаря пламенного меча
В. Зеелера**

(Зарецкий II).

Поскер Генрих Миронович (Либерман)

Кавалер обезьяньего знака

(Разрядная роспись).

Постников Сергей Порфирьевич

(1883–1965)

историк, библиограф, член редколлегии
журнала «Заветы», газеты «Дело народа»;
эмигрировал в 1921 г. в Берлин, сотруд-
ник газеты «Голос России»; с 1923 г.
в Праге, один из организаторов пражского
Русского заграничного исторического
архива.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список).

Прегель София Юльевна

(1894–1972)

поэт, прозаик, литературный критик;
с 1922 г. в Германии; с 1932 г. в Париже;
с 1940 г. в США; издатель и редактор
журнала «Новоселье».

**Кавалер обезьяньего знака I степени
с усиками душистого горошка –
цвет синий**

(Прегель I; Прегель II).

Присмаиова Анна
(наст. имя Анна Семеновна (Симоновна)
Присман; в замуж. Гингер; 1892–1960)
поэт, прозаик; жена А. С. Гингера.
Кавалер обезьяньего знака
(Прегель I).

***Пришвин Михаил Михайлович** (1873–1954)
писатель.
Князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака первой степени с колоском, министр и полномочный резидент заячьего ведомства, обезьяний старейшина
(Щеголев);
князь и кавалер, известный этнограф, космограф и географ, певец птиц, земли и звезд. Князь и полномочный резидент заячьего <или – заяшного> ведомства
(Горький; Affengat; Разрядная роспись; Кодрянская; Прегель II); [226: 234]; [276: 199].

Прокофьев Сергей Сергеевич
(1891–1953)
композитор; в 1916 г. написал музыку к неосуществленной постановке русалии Ремизова «ЯснЯ» [98: 219].
Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись).

Пуни Иван Альбертович (1894–1956)
художник, график.
Член общества Цвофурзон; кавалер Обезвелволпала <?> –
коллективное шуточное письмо из Монте-Карло к Ремизову от 27 июня 1927 г. (Амхерст).

Пяст Владимир Алексеевич
(наст. фамилия Пестовский; 1886–1940)
поэт, прозаик, литературный критик.
Кавалер обезьяньего знака
(Разрядная роспись); [63: 34].

Радлов Сергей Эрнестович (1882–1958)
воспитанник студии Э. Мейерхольда, театральный режиссер; создатель Театра Народной Комедии в Петрограде (1920–1922); автор комедии «Обезьяна-доносчица» (1920).
Кавалер обезьяньего знака I степени со стрелой –
обезьяний знак от 18 мая 1920 г. в альбоме А. Д. Радловой (ИРЛИ. Р. I. Оп. 42. № 68. Л. 70); (Разрядная роспись).

Радлова Анна Дмитриевна
(урожд. Дармолатова; 1891–1949)
поэт, драматург, переводчик.
Кавалер обезьяньего знака I степени с огненными хвостами –
подпись Ремизова под автографом стихотворения А. Радловой, датированным 13 марта 1920 г. (Цветник; Угол обезьяньих вельмож); **обезьяний знак** от 18 мая 1920 г. в альбоме А. Д. Радловой (ИРЛИ. Р. I. Оп. 42. № 68. Л. 70); **кавалерша**
(Разрядная роспись).

Резников Андрей Данилович
(род. 1930)
доктор; сын Д. Г. Резникова.
Обезьяний доктор
(Резников).

Резников Даниил Георгиевич
(1904–1970)
поэт.
Кавалер обезьяньего знака
(Прегель I);
гундустанец
(Чернова–Сосинский);
маршал
(Андреев; Резников);
оруженосец рыцаря пламенного меча Б. Сосинского
(Зарецкий II).

Резников Егор Данилович
(род. 1938)
профессор Парижского университета; специалист по древнерусской музыке, философ и математик; сын Д. Г. Резникова.
Кавалер обязыньего знака I степени с алхимической педалью, князь обезьяний
(Андреев; Резников);
музыкант
[294: 132].

Ремизов Алексей Михайлович
(1877–1957)
Канцелярист
(1917–1921);
политком
(1920–1921);
забеглый политком;
бывший канцелярист
(1921–1930);
буфетчик Обезвелволпала
(1922–1923);
cancellarius
(1923–1940);
заштатный канцелярист
(1940–1950).

Ремизова Влена Сергеевна
(Ляляша; 1902–1976)

племянница Ремизова, для которой была придумана игра в Обезьянью Палату; работала в театральных студиях; ее обезьяний знак потерялся в Гражданскую войну.
Первая кавалерша ордена Обезвельволпала
(Разрядная роспись).

Ремизова-Довгелло Серафима Павловна
(урожд. Довкгело; 1875–1943)

специалист по палеографии;
жена А. М. Ремизова.
Правительница канцелярии хозяйства Обезьянней Палаты
(Разрядная роспись).

Рерих Николай Константинович
(1874–1947)

живописец, театральный художник, философ; с Ремизовым познакомился 11 октября 1905 г. через Г. Чулкова [61: 25]; в 1908 г. подготовил эскизы декораций к «Трагедии о Иуде принце Искаротском» в театре В. Ф. Коммиссаржевской; с 1918 г. жил в США и Индии.
Кавалер I степени со львиной лапой и посол Индии –
письмо Ремизова к С. Осипову от 9 ноября 1923 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 8. Л. 38).

Родионова Анна Дмитриевна

Кавалер обезьяньего знака <?> –
карандашная записка С. Осипова (Материалы фантастического общества).

Родэ Адолий (Амалий) Сергеевич (ум. 1930)

до революции владелец ресторана «Вилла Роде»; после революции заведующий столовой в ТОО Наркомпроса; директор петроградского Дома ученых и руководитель Кубу (Кубуча) – комиссии по улучшению быта ученых [62: 126–127].
Кавалер обезьяньего знака
(Глаголический список); [264: 215];
член общества Цвофирзон
[67: 216].

Рожанковский Федор Степанович (1891–1970)

художник, книжный график, работал в журнале «Солнце России»; в Париже сотрудничал в издательстве «Flammargion»; иллюстрировал книгу сказок Н. Кодрянской «Глобусный человечек» (Париж, 1954), при этом наделил главного персонажа очевидным портретным сходством с А. Ремизовым.

Кавалер обезьяньего знака –
грамота 1937 г. [154: 166]; его письмо к Ремизову от 25 октября 1937 г. (Амхерст), а также письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 12 декабря 1937 г. (Прага; Керенский; Прегель II).

***Розанов Василий Васильевич** (1856–1919)

писатель, критик, философ;
знаком с Ремизовым с 1905 г.
Кандидат <в кавалеры>
(Щеголев);
великий князь обезьяний
(Жилкин);
старейший кавалер
(Горький; Разрядная роспись);
великий фаллофор обезвельволпала
[61: 39];
Балда Балдович
(Кодрянская);
митрофорный кавалер
(Прегель II).

Рославлев Александр Степанович (1883–1920)

поэт, прозаик, публицист.
Кавалер обезьяньего знака I-ой степени с пушкой и колоколами обезьянней великой и вольной палаты
[62: 55, 62]; [64: 18, 28–29].

Рубисова⁶ Влена Федоровна (?–1988)

поэт.
Кавалер обезьяньего знака <?>;
Эльф
(Прегель I).

Рукавишников Иван Сергеевич (1877–1930)

поэт; заведующий Дворцом искусств в Москве.
Кавалер обезьяньего знака I степени с бровными хвостами –
грамота от 17 октября 1920 г. (РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 3. № 3. Л. 1); [167: 134].

***Руманов Аркадий Вениаминович** (1878–1960)

журналист; заведующий петербургским отделением газеты «Русское слово».
Кавалер? <так!>
(Разрядная роспись);
старейший кавалер обезьяньего знака
(Керенский);
маршал обезьяний
(Вельтер);
митрофорный кавалер обезьяньего знака
(Прегель I).

⁶ У Ремизова: Рабусова Е. Ф.

Руманова Лидия Ефимовна

жена А. В. Руманова.

Аврора обезьянья

(Вельтер).

Руч Сергей Георгиевич

лексикограф.

Кавалер обезьяньего знака I степени с золотым пером <?> –

письмо М. Пришвина к Ремизову с просьбой об обезьяньем знаке от 9 января 1918 г. [276: 199].

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948)

журналист, прозаик; в 1919 г. эмигрировал в Берлин; с 1920 г. в Париже, член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

Кавалер обезьяньего знака –

его письмо к Ремизову от 1 мая 1924 г.

(Амхерст).

Рябинин Анатолий Николаевич (1875–1942)

палеонтолог, геолог, прозаик, поэт [35: 130–132].

Князь (или кавалер?) <так!>

(Разрядная роспись);

профессор Горного института, до октября 1917 один из редакторов «Правды»

(Угол обезьяньих вельмож).

***Рязановский Иван Александрович**

(1869–1927?)

архивист, археолог, собиратель документов по истории России; в 1910-х гг. хранитель Романовского музея (Кострома); прототип некоторых героев Ремизова.

Старец дебренский, тележный и золотоношский, сенатор блудоборец, обезьяний старейшина

(Щеголев);

Иоанн Рязановский – мощи обезьяньи, старец электрический из Костромских деберей, знаменитый дебренский блудоборец Комаровский: тележный и золотоношенский. Археолог и забелый князь обезьяний.

[63: 161]; [383: 52 – недатированная запись рукой Рязановского <?>]; (Affenrat; Разрядная роспись; Горький; Угол обезьяньих вельмож; Прегель II).

***Савинков Борис Викторович**

(1879–1925)

до октября 1917 г. член ЦК партии эсеров;

прозаик, поэт; знаком с Ремизовым с 1901 г.

Кавалер I степени и дворянин

[408];

старейший кавалер – вельможа –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 7 августа 1928 г. (Прага).

Савинков Лев Борисович (1912–1987)

поэт; сын Б. В. Савинкова.

Оруженосец рыцаря пламенного меча К. Мочульского

(Зарецкий II).

Савченко Илья Григорьевич

(псевд. Дедов; 1889–1962)⁷

прозаик, поэт, переводчик, журналист; в эмиграции в Праге с начала 1920-х гг., затем в Париже, член парижского Союза русских писателей и журналистов; один из сотрудников издательства «Оплешник».

Книжный справщик и обезьяний буквоед

[60: 74]; [59: 227].

Сахновский Василий Григорьевич

(1886–1945)

режиссер, театровед, педагог.

Первый кавалер Ордена, награжден за лицедейство в «Трагедии о Иуде принце Искаротском», где изображен обезьяний царь Асыка

(Разрядная роспись).

Седых Андрей

(наст. имя Цвибак Яков Моисеевич; 1902–1994)

прозаик, публицист, мемуарист; в эмиграции с 1919 г. (Константинополь); с 1920 г. в Париже; с 1942 г. в США; сотрудник «Последних новостей», «Нового русского слова».

Кавалер обезьяньего знака I степени с каштановым цветком

[314]; [316: 3, 112]; (Прегель I).

Святополк-Мирский Дмитрий Петрович,

князь (псевд. D. S. Mirsky; 1890–1939)

критик, историк литературы; во второй половине 1920-х гг. лектор Лондонского университета; с Ремизовым познакомился в 1907 г. благодаря М. Кузмину [120: 107–112].

Посол обезвельволпала

(Слонимский);

кавалер обезвельволпала и посол английский

(Шестов; Кодрянская); [340: 384];

⁷ У Ремизова: Александр Григорьевич Савченко.

полпред Англии

(Гадалин; Сосинский; Зарецкий I);
полпред Индии; полпред Лондонский
(Чернова–Сосинский);
князь
(Прегель II);
полпред Англии и Мексики
[150: 67].

***Слоним Марк Львович (1894–1976)**

литературный критик, публицист, редактор литературного отдела журнала «Воля России» (1922–1932).

Кандидат

(Чернова–Сосинский); о пересылке незатребованной грамоты Слониму сообщается в письме Ремизова к Н. Зарецкому от 24 апреля 1932 г. [255: 183];
кавалер обезьяньего знака
(Булгаков);
митрофорный кавалер обезвелволлала – письмо Ремизова к Н. Кодрянской от 30 июня 1947 г. [206: 44]; (Прегель I).

Слонимский Николай Леонидович

(1894–1995)

музыковед, композитор, дирижер;
с 1923 г. в США.

Кавалер обезьяньего знака I степени с буйволовой струной – Пропускной билет от 9 августа 1924 г. (NYPL).

Смиренский Владимир Викторович

(1902–1977)

поэт, организатор объединения «Кольцо поэтов» в Петрограде (1921–1922); литературовед.

Кавалер обезьяньего знака I степени, посол Великой и Вольной Обезьяньей Палаты
[329: 167, вклейка].

Смирнов Василий

Самый младший кавалер

(Разрядная роспись).

Соколов-Микитов Иван Сергеевич

(наст. фамилия Соколов; 1892–1975)

прозаик, литературный критик, мемуарист; участник Первой мировой войны; в мае 1920 г. из Крыма эмигрировал в Константинополь, затем в Англию; с мая 1921 г. жил в Берлине, член берлинского Союза русских писателей и журналистов; в июне 1922 г. вернулся в Россию; знаком с Ремизовым с 1910-х гг.; в 1917 г. жил у Ремизова на Таврической ул.; Ремизов с женой гостили

у него в дер. Кислово в 1918 г.; посвятил Ремизову рассказ «Засупоня» (Молодая Россия (Берлин). 1922. № 1).

Кавалер обезьяньего знака –

грамота В. Шишкову от 19 июля 1921 г.

(Луценко);

дремучих лесов дорогобужских князь обезьяний

(Яценко); [63: 160];

князь обезьяний – из дремучих Дорогобужских лесов, писатель и летчик на «Илье Муромце», матрос Вальтфлота

(Разрядная роспись; Глаголический список; Яценко; Кодрянская; Прегель II); [264: 215];

забеглый князь

(Affenrat).

Соколовский Александр Казимирович

представитель петроградского издательства «Петрополис», через которое в 1921 г. осуществлялась продажа личной библиотеки Ремизова.

...тут свиной оказался Соколовский – свиначий купоросный мерин

Обезвелволлал <так!> –

из письма В. Шишкова к Ремизову от 2 мая 1922 г. (Амхерст).

***Солнцев Константин Иванович**

(1894–1961)

коллекционер, библиофил; выпускник Санкт-Петербургского университета; эмигрировал в США, затем переселился в Берлин, позже в Париж, где работал таксистом и предполагал организовать Музей русской эмигрантской литературы; восстанавливал и комплектовал Тургеневскую библиотеку; в 1948 г. помогал Ремизову при разборке и систематизации его архива 1920–1930-х гг., после этой работы Ремизов официально передал ему эту часть своего архива для планировавшегося единого архива русской эмиграции; в 1948 г. вернулся в США.

Протопоп и благочинный

Обезвелволлала

(Керенский);

фонтанный мастер и кавалер

обезьяньего знака Константин Иванович Солнцев-Альбигойский –

письмо к нему Ремизова от 13 декабря 1947 г. (Амхерст; Вельтер; Прегель I);

старейший кавалер Обезвелволлала –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 25 апреля 1948 г., содержащее биографическую справку (Прага).

***Сологуб Федор**

(наст. имя Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927)
поэт, прозаик, драматург, теоретик театра,
публицист.

**Кавалер обезьяньего знака I степени
с виноградами и медали <так!>, князь
обезьяний, обезьяний старейшина**

(Щеголев); [408]; Зеленая грамота с красной
обезьяньей печатью от 2 марта 1919 г. (ИРЛИ.
Ф. 289. Оп. 6. № 110);

**на место скончавшегося Федора
Ивановича <Щеколдина> возведен
в князя обезьяньи Федор Кузьмич –**
письмо Ремизова к П. Щеголеву от 12 марта 1919 г.
(ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 224);
кавалер первой степени

(Разрядная роспись);
старейший кавалер обезьяньего знака
(Кодрянская);

с 1907 г. кавалер обезьяньего знака
[87: 146, письмо Ремизова к Ю. Иваску от
26 декабря 1954 г.].

***Солончук Борис Борисович**

один из сотрудников издательства «Оплеш-
ник» [57: 145].

Кавалер обезьяньего знака
(Андреев).

***Сомов Константин Андреевич**

(1869–1939)

живописец, график.

Старейший кавалер обезьяньего знака
[62: 74]; (Керенский).

Сосинский Алексей Брониславович (1937)

математик; сын Б. Б. Сосинского.

Князь обезьяний –
возведен в чин зимой 1952/53 гг.;
живописец
(Резников).

Сосинский Бронислав Брониславович

(наст. имя Бронислав-Владимир-Рейнгольд
Сосинский-Семихат; псевд. Олег Авдеев,
Вл. Семихат, Вл. Сенников и др.; 1900–1987)
писатель, критик; эмигрировал в 1920 г.;
с 1923 г. в Германии; с 1924 г. в Париже, член
Союза русских писателей и журналистов,
сотрудник журналов «Воля России», «Своими
путями», «Благонамеренный», «Числа»; участ-
ник французского Сопротивления, кавалер
ордена Военного креста с мечами.

**Кавалер обезьяньего знака I степени
с изумрудным алаидом**

(Сосинский; Чернова–Сосинский);
кавалер обезьяньего знака
(Шестов; Эфрон);

маршал

(Прегель I; Андреев; Резников);

барон

[260: 223];

рыцарь пламенного меча

(Зарецкий II).

Сосинский Евгений Брониславович

(псевд. Евгений Комаров; 1895–1958)

поэт, художник, таксист; сын Б. Б. Сосин-
ского.

Кавалер обезьяньего знака <?>;

психотехник

(Прегель I);

генералиссимус

(Андреев);

конь рыцаря пламенного меча

В. Сосинского

(Зарецкий II);

дядя Комаров

[294: 101];

генералиссимус цветовед Дядя Комаров

(Резников).

Сосинский Сергей Брониславович (1945)

историк, переводчик; сын Б. Б. Сосинского.

Певчий

(Резников).

Спасский

Обезьяний часовщик –

письмо Ремизова к Б. Зайцеву от 30 сентября
1951 г. (ВАР. 2).

Спасский Федосей (Феодосий) Гергиевич

(1897–?)

профессор литургики; с 1943 г. секретарь
и казначей Богословского института
в Париже.

Кавалер обезьяньего знака <?>;

головщик –

письмо Ремизова к Б. Зайцеву от 6 августа
1951 г. (ВАР. 2; Резников).

Сталинский Евсей Александрович (1880–1952)

соредактор журнала «Воля России».

Кандидат

(Чернова–Сосинский).

Степун (Степун) Федор Августович

(1884–1965)

философ, прозаик, мемуарист.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский); [315];

полпред Германии, маркграф

(Шестов);

маркграф обезьяний

(Керенский; Кодрянская).

***Струве Глеб Петрович** (1898–1985)
литературовед, поэт.
**Кавалер обезьяньего знака I степени
с фисташками;
старейший кавалер** –
письмо к нему Ремизова от 25 октября 1949 г.
[340: 380].

Струве Марина Глебовна
дочь Г. П. Струве.
Кавалер обезьяньего знака –
грамота получена по случаю крестин [340: 380].

Сувчинский Петр Петрович (1892–1985)
музыковед, публицист.
**Кавалер обезьяньего знака,
полпред Евразии** –
его письмо к Ремизову от 7 августа 1922 г.
о получении грамоты (Амхерст); письмо
Ремизова к Д. Шаховскому от 18 августа 1925 г.
[386: 244]; (Горький);
князь обезьяний –
грамота Д. Ю. Кобякова от 11 августа 1925 г.
с подписью Сувчинского;
полпред всей Евразии
[150: 67]; (Шаховская; Зарецкий I;
Перемиловский);
полпред Западной Евразии
(Чернова–Сосинский);
канонарх всех обезьяньих хоров
(Прегель I; Резников).

Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963)
публицист, переводчик; член ЦК партии
эсеров; эбежал во Францию в 1907 г. из
ссылки.
Кандидат
(Чернова–Сосинский);
шалал <?> обезьяний
(Прегель I);
Медведица
(Резников).

Сюннерберг Константин Александрович
(псевд. Конст. Эрберг; 1871–1942)
поэт, критик, теоретик искусства.
**Кавалер обезьяньего знака с птичьим
пером** –
обезьяний знак от 30 октября 1918 г.
(ИРЛИ. Ф. 474. № 229).

Тер-Погосян (Погосьян) Михаил Матвеевич
(1890–1967)
депутат Учредительного собрания, близкий
друг А. Ф. Керенского; в 1923 г. был
редактором берлинской газеты «Дни».

Турецкий посол
(Гадалин; Чернова–Сосинский);
**кавалер обезьяньего знака <?>;
посол обезьяний армянский**
(Affenrat);
полпред Турции
(Зарецкий I; Шаховская).

Тиняков Александр Иванович
(1886–1934)
поэт; был представлен Ремизову владель-
цем издательства «Гриф» С. А. Соколовым
в письме от 24 сентября 1912 г.
(РНБ. Ф. 634. № 203. Л. 32).
**Великий Гнид,
кавалер обезьяньего знака**
(Ахматова); письмо Ремизова к М. Дьяко-
нову <1921?> (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 4);
**кавалер обезьяньего знака с повислым
слоновым хоботом I-ой степени**
[64: 28];
гнид обезьяний
(Affenrat); [329].

Толстой Алексей Николаевич
(1882/83–1945)
писатель; активно общался с Ремизовым
в 1908–1911 гг.
**Кавалер обезьяний первой степени
с яблоком**
(Щеголев);
князь обезьяний, в мире <так!> граф
(Разрядная роспись);
**забеглый князь обезьяний парижский,
бывший граф**
(Горький; Affenrat; Кодрянская;
Прегель II);
князь обезьяний парижский
[226: 234].

Тотеш Илья Ааронович
познакомился с Ремизовым в 1903 г.
в Херсоне.
**Турка;
кавалер (или князь?) <так!>
и турецкий посол при Обезвельпале**
(Разрядная роспись);
**турецкий посол;
будучи в приготовительном классе
херсонской гимназии был уже отцом
о нем рассказ Галстук и в «Взвихренной
Руси»**
(Угол обезьяньих вельмож).

Тукалевский Владимир Николаевич
(1881<1882?>–1936)
историк литературы и библиограф;
член Совета Общества толстовского музея.

редактор журнала «Толстовский ежегодник»; познакомился с Ремизовым в Петербурге не позднее 1914 г. **Кавалер обезьяньего знака** – письма к нему Ремизова от 1 сентября 1924 г. и от 3 ноября 1925 г. (ГАРФ. Ф. 577. № 697. Л. 36, 37); письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 24 апреля 1932 г. [255: 183].

Унбегаун Борис Генрихович (1898–1973)

славист, специалист в области сравнительно-исторического языкознания; в 1924–1937 гг. жил в Париже; работал в библиотеке Института славянских исследований; кавалер ордена Почетного легиона.

Кавалер обезьяньего знака

[154: 165];

кавалер обезьяньего знака и книгочий страсбургский

(Булгаков; Керенский; Прегель I);

маршал и кавалер

(Вельтер).

Унбегаун Екатерина Даниловна

мачеха Б. Г. Унбегауна.

Половчанка обезьянья и кавалер обезьяньего знака

(Вельтер; Прегель I);

Половчанка, Верховая

[294: 98].

Унбегаун Блена Ивановна

(урожд. Мансурова)

жена Б. Г. Унбегауна.

Кавалер

(Прегель I).

Унбегаун Татьяна Борисовна

дочь Б. Г. и Е. И. Унбегаунов.

Служка обезьянья

(Вельтер).

Унковский Владимир Николаевич (1888–1964)

врач, литератор, печатался в различных периодических изданиях Петербурга, Киева и Кишинева 1910-х гг., автор статей о Ремизове; с 1917 г. жил в Румынии; автор романов и африканских «Путевых заметок»; коллекционер; познакомился с Ремизовым в Петербурге не позднее 1915 г. (опубликовал в редактируемом Ремизовым сборнике «Пряник осиротившим детям» рассказ «Подруги»).

Обезьяний знак I-ой степени

с крупинкой ячневой –

выдан 3 апреля 1917 г. (ИРЛИ. Р 1. Оп. 30.

№ 48); [264: 200];

африканский доктор,

кавалер обезьяньего знака

и конь рыцаря пламенного меча

Болдырева-Шкотта

(Зарецкий II);

полпред африканский;

кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Успенский Михаил Иванович (1866–?)

ученый-археолог.

Кавалер обезьяньего знака I степени

с палицей и епанчой (боевой) <?> –

письмо М. Пришвина к Ремизову с просьбой об обезьяньем знаке от 9 января 1918 г. [276: 199].

Федин Константин Александрович

(1892–1977)

писатель; участник литературного общества «Серапионовы братья».

Кавалер обезьяньего знака –

его письмо к П. Щеголеву от 13 октября 1924 г.

[264: 208]; письмо Ремизова к Н. Зарецкому от

12 июня 1928 г. [255: 180];

отмечен обезьяньей медалью –

письмо Ремизова к М. Дьяконову от 19 апреля

1926 г. (РНБ. Ф. 1124. № 8. Л. 3).

Философов Дмитрий Владимирович

(1872–1940)

публицист, литературный критик.

Кандидат <в кавалеры>

(Щеголев).

Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961)

писатель.

Кавалер обезьяньего знака –

запись Ремизова от 30 марта 1920 г. [383: 62];

(Зощенко).

Фролов Анатолий Александрович

(1906–1972)

в начале 1920-х гг. поэт, член объединения

«Кольцо поэтов»; с 1923 г. жил в Париже;

археолог; профессор Сорбонны.

Служка обезвельопала и кавалер

белчий; служба, обезьяненок

и бывший царь ежиный

(Зощенко; Разрядная роспись); [32: 40].

Фролов Сергей Александрович

(1903/04–1959)

брат А. А. Фролова; член объединения «Кольцо поэтов»; в 1923 г. уехал из России, жил на Мадагаскаре; профессор метеорологии.

Трубочист Обезвельопала и кавалер
(Зощенко).

Харитон Борис Осипович (Иосифович)

(1876<1877?>–1941)

журналист, литературный критик; в 1918–1921 гг. вместе с Н. М. Волковским руководил Домом литераторов в Петрограде; в 1922 г. выслан из России; в Берлине редактировал журнал «Сполохи»; с 1924 г. в Риге, где редактировал газеты «Сегодня» и «Понедельник».

Обезьяний вратарь

<берлинского>

Дома литераторов;

кавалер обезьяньего Ордена

(Гадалин).

Ходасевич Владислав Фелицианович

(1886–1939)

поэт, литературный критик, мемуарист.

Кавалер обезьяньего знака

I степени

(Ходасевич; Разрядная роспись; Материалы фантастического общества);

конь рыцаря пламенного меча

В. Вейдле

(Зарецкий II).

Холмогорова-Кост Елена Николаевна

инициатор издательства «Оплешник», созданного специально для выпуска произведений Ремизова; оказывала писателю помощь в последние годы его жизни.

Кавалер обезьяньего знака <?>;

Нерпа

[60; 74].

Цебриков Георгий (Юрий) Владимирович

литератор, член брюссельского содружества русских писателей «Единорог»; в 1920-х гг. жил в Бельгии, сотруд-

ничал в журнале «Благонамеренный» (1926).

Кавалер обезьяньего знака –

о грамоте письмо <1925?> Цебрикова к Ремизову от 21 сентября (Амхерст); а также письмо Д. Шаховского к Ремизову от 20 августа 1925 г. (Амхерст);

полпред Испании

(Шестов; Чернова–Сосинский).

***Чаретский Н. В.**

литератор; парижский знакомый Ремизова; участник пражской выставки рисунков русских писателей в 1933/34 гг.

Старейший кавалер

(Перемиловский).

Чеботаревская Александра Николаевна

(1869–1925)

переводчик, критик, свояченица Ф. Сологуба.

Кавалер обезьяньего знака

I степени с ящуровым зубом,

дан для ношения 25/17 <так!>

февраля 1918 г. СПб. (Тушино)

(ИРЛИ. Ф. 189. № 142. Л. 2).

Чернов Владимир Михайлович

(1866–1938?)

социалист-революционер; брат лидера эсеров В. М. Чернова; знаком с Ремизовым со времен вологодской ссылки (1901).

Кавалер обезьяньего знака I степени с хоботком –

письмо М. Пришвина к Ремизову с просьбой об обезьяньем знаке [276; 199];

кавалер обезьяньего знака

[294; 24].

Чернова Ариадна Викторовна

(наст. отчество Митрофановна; в замуж. Сосинская; 1908–1974)

дочь О. Е. Черновой-Колбасиной, жена Б. Б. Сосинского; познакомилась с Ремизовым в Берлине в 1922 г.; входила в ближайшее окружение Ремизова.

Кавалер обезьяньего знака

(Глаголический список; Чернова–Сосинский);

служба Обезьяньей Великой и Вольной Палаты

(Разрядная роспись);

ангел хранитель обезьяний

(Прегель I);

Аука

[294: 132]; (Разрядная роспись;
Резников).

Чернова Наталья Викторовна

(наст. отчество Митрофановна;
в замуж. Резникова; 1903–1992)

поэт, литератор, переводчик, мемуарист;
дочь О. Е. Черновой-Колбасиной;
жена Д. Г. Резникова; познакомилась
с Ремизовым в Берлине в 1922 г.;
входила в ближайшее окружение Ремизова.

**Кавалер I-ой степени с куньими
лапками, назначена службой
Обезвёлволпала 25 декабря 1922.
Sharlottenburg**

[294: вклейка 5 (обезьянья грамота)]; [423: 24];
(Резников);

младший кавалер

(Разрядная роспись);

кавалер обезьяньего Ордена

(Гадалин);

кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский);

ангел хранитель обезьяний

(Прегель I);

Девятикрылатый

(Резников).

Чернова Ольга Викторовна

(наст. отчество Митрофановна;
в замуж. Андреева; 1903–1979)

журналистка; дочь О. Е. Черновой-
Колбасиной; жена В. А. Андреева;
познакомилась с Ремизовым в Берлине
в 1922 г.; входила в ближайшее окружение
Ремизова.

Младший кавалер

(Разрядная роспись);

**суслик, верблюжонок, галчонок
обезьяний, пифик (обезьянка)**

[294: 132]; (Вельтер);

ангел хранитель обезьяний

(Прегель I);

Двукрылатый обезьяний пифик

(Резников).

Чернова-Колбасина Ольга Елисеевна
(1886–1964)

литератор; жена В. М. Чернова;
с Ремизовым познакомилась в 1911 г.
[294: 33–34].

Кавалерша с пером морского леца

(Разрядная роспись);

кавалер обезьяньего знака

(Шестов; Эфрон; Прегель I);

Лисевна

[294: 132]; (Андреев);

обезьяний корректор

(Резников).

Чехонин Сергей Васильевич

(1878–1936)

графир, художник по фарфору; в 1928 г.
эмигрировал во Францию.

**Царский изуграф и кавалер
обезьяньего знака**

[35: 128].

Чижов Глеб Владимирович

(псевд. Холмский; 1892–1986)

шофер, член Союза русских шоферов
в Париже (1946); типограф, библиофил-
любитель; автор романсов; с Ремизовым
познакомился в 1933 г. в Париже; актив-
ный сотрудник издательства «Опleshник»;
см. о нем [260: 215]; издал книгу «О проис-
хождении моей книги о Табаке» (1983).

Кавалер обезьяньего знака

(Кодрянская);

куафёр

(Прегель I; Андреев); [60: 74]; [294: 101];

куафёр и музыкант обезвёлволпала –
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 2 марта
1947 г. (Прага; Резников);

Елочник

[57: 140].

Чуковский Корней Иванович

(наст. имя Николай Васильевич Корнейчуков;
1882–1969)

писатель, переводчик, автор статей
о Ремизове.

Кавалер обезьяньего знака –

Всемиловнейшее прошение от сотрудников
«Алконоста» К. И. Чуковскому от 4 апреля 1921 г.
[380: 184].

Шайкевич Андрей Анатольевич (1879–1947)

литератор, балетный критик; в эмиграции
с 1918 г.

Кавалер обезьяньего знака

(Чернова–Сосинский).

Шапиро Исаак Михайлович

Кавалер обезьяньего знака <?>

(Глаголический список); [264: 215].

Шапошников Николай Александрович
инженер; ассистент Петроградского
политехнического института.
Обезьяний брадобрей –
глаголическая запись с подписью Шапошникова
от 7 ноября 1919 г. в альбоме А. Д. Радловой
(ИРЛИ. Р. I. Оп. 42. № 68. Л. 68);
великая вельможа и кавалер
(Шкапская);
главная вельможа и кавалер
(Коган; Галактионов; Ходасевич;
Ахматова);
главная Вельможа и Кавалер
Обезволпала <так!>,
Пипахча-Шапошник;
(ровно на 17 дней по приказу <...> Поп
обезьянский <30 ноября 1920>;
пищик Посол из Обезьянней Великой
и Вольной Палаты
[383: 65, 91];
инженер, главная вельможа и
брадобрей Обезвелволпала, князь –
подпись Ремизова под автографом стихотворения
Шапошникова, датированным 28 июня 1921 г.
(Цветник; Котляревский; Зоценко;
Разрядная роспись; Affenrat);
инженер металлург / Никол. Ал. Ша-
пошников / и поэт машинных
сюжетов, / введший впервые слово /
«пёрд» / для выражения каких-то
сложных механических / звуков /
мастер по получению продовольствия.
1917–1920 гг. Петербург
(Угол обезьяньих вельмож).

Шаршун Сергей Иванович (1888–1975)
художник, прозаик, поэт, композитор.
Кавалер и ос Обезвелволпала
(Разрядная роспись; Гадалин; Сосин-
ский; Шестов; Эфрон; Шаховская;
Чернова–Сосинский).

Шаховская Зинаида Алексеевна (1906)
поэт, прозаик.
Кавалер обезьяньего Знака I степени
с Петушиным Гребешком
(Шаховская).

Шаховской Дмитрий Алексеевич, князь
(псевд. Странник; 1902–1989)
поэт; в 1926 г. в Брюсселе издавал журнал
«Благономеренный»; архиепископ
Сан-Францисский Иоанн.
Кавалер обезьяньего знака;
полпред Бельгии
(Шестов).

***Швецов Александр Васильевич**
Старейший кавалер обезвелволпала.
Изобретатель волосяной обезьянней
мази –
письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 24 августа
1950 г. (ВАР. 4).

***Шестов Лев**
(наст. имя Шварцман Лев Исаакович
1866–1938)
философ.
Кавалер обезьяньего знака
первой степени с сахарной
головой
(Шеголев);
старейший кавалер и винодар
(Разрядная роспись; Булгаков);
староста обезьяний старейший
кавалер парижский
(Affenrat);
полпред Обезвелволпала
и кавалер
(Гадалин; Чернова–Сосинский);
маркиз Обезвелволпала и главный
кладовщик обезьянней великой
и вольной палаты
(Шестов), [408];
митрофорный кавалер
(Прегель II).

Ширинская-Шихматова Евгения Ивановна
Конь рыцаря пламенного меча
Ю. А. Ширинского-Шихматова
(Зарецкий II).

Ширинский-Шихматов Юрий (Георгий)
Алексеевич, князь (1890–1942)
публицист, юрист.
Рыцарь пламенного меча
(Зарецкий II).

Шифрин Я. С.
владелец парижского издательства
«Плеяда» («Editions de la Pleiade»);
Кавалер обезьяньего знака
с кукушкиной дудочкой –
сообщение о награждении обезьяньим знаком
в письме Ремизова к Шестову от 14 июня 1924 г.
[83(№4): 154].

Шихков Вячеслав Яковлевич
(1873–1945)
прозаик, посвятил Ремизову рассказ
«Соловьиная ночь»; после эмиграции
писателя был распорядителем его
личных дел.

Кавалер обезьяньего знака первой степени со звездами, за тайгу, тунгусов и прибывку – обезьяний знак от 1 января 1917 г. (РГАЛИ. Ф. 1199. Оп. 2. № 2. Л. 1); **кавалер обезьяньего знака первой степени со звездой** (Щеголев); **князь обезьяний сибирский и бежецкий – грамота** от 19 июля 1921 г. (Луценко); (Котляревский; Зощенко; Ахматова; Affenrat; Горький); **тунгусовед** [248: 158]; **бывший сибирский атаман и князь сибирский и бежецкий** (Разрядная роспись; Кодрянская; Прегель II).

Шкапская Марья Михайловна (1891–1952)

поэт, публицист; хранительница коллекции игрушек Ремизова после его отъезда из России; в 1922 г. находилась в Берлине; автор стихов «Нечто в виде обезьяньей присяги» [29]. **Кавалер обезьяньего знака –** подпись Ремизова под автографом стихотворения М. Шкапской (Цветник; Шкапская); **кавалерша** (Разрядная роспись); **кавалер с лисичкиным хвостиком** (Хабарная тетрадь).

Шклявер Георгий Гаврилович (1897–1970)

юрист, профессор. **Кавалер обезьяньего знака** (Н. В. Кодрянская); **полпред Монголии и инспектор обезьяньего банка** (Зарецкий I); **полпред Тибетский** (Чернова–Сосинский).

Шлёдер Борис Федорович (Фердинандович) (Boris de Schloezer; 1883–1969)

музыкальный и литературный критик, философ, переводчик; сотрудник журналов «Аполлон» и «Золотое Руно»; с 1920 г. жил в Париже; сотрудник газеты «Последние новости», журналов «Современные записки» и «Числа»; автор статей о Ремизове. **Кавалер обезьяньего знака –** его письмо к Ремизову 1924 г. о получении грамоты (Амхерст).

***Шмелев Иван Сергеевич** (1873–1950)

прозаик. **Благочинный обезвельволлал <так!> митрофорный и с палицей** [57: 154].

Шрейбер Яков Самойлович

инженер; близкий друг Л. Шестова; в июле 1911 г. Ремизов во время заграничного путешествия останавливался в доме Шрейберов в Берлине. **Кавалер обезьяньего знака I степени –** письмо Ремизова к Л. Шестову (ноябрь 1921 г.) с сообщением о возведении в кавалеры [83(№1): 170]; **кавалер Обезвельволлала** (Affenrat; Разрядная роспись); **секретарь общества Цеофирзон** [67: 219].

Штейнберг Аарон Захарович (1891–1975)

философ. **Кавалер обезьяньего знака** [393: 131].

***Щеголев Павел Блиссевич** (1877–1931)

историк литературы и русского революционного движения. **Получил за труды на оборону Отечества обезьяний знак первой степени с хвостом и лапою. Анисьян день 1916 г. –** обезьяний знак от 30 декабря 1916 г. (ст. ст.); (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 216–217); **сенатор заячьего ведомства, князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака первой степени с хвостом и лапою, старейшина** (Щеголев); [203: 32]; **старейший князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака с хвостом и удобез первой степени –** письмо к нему Ремизова от 25 июля 1921 г. (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479–1610. Л. 225); **старейший князь обезьяний и кавалер** [34: VI, VIII]; (Коган; Котляревский; Ахматова; Affenrat; Горький); **старейший князь обезьяний и кавалер** (Зощенко); **старейший князь и кавалер обезьяньего знака, умеет плавать и на**

велосипеде ездить, историк и один из архивных глаз
(Разрядная роспись);
кавалер обезьяньего знака с гусиными лапами и о трех хвостах выдерных
<так!>
(Разрядная роспись); [44: 506];
князь обезьяний
(Керенский; Прегель II);
великий князь обезьяний и кавалер
[66: 203].

Щеколдин Федор Иванович
(1870–1919)

революционер, литератор; познакомился с Ремизовым в усть-сысольской ссылке в 1901 г. См. о нем [156: 231–242].
Кавалер обезьяньего знака первой степени с колокольчиками
(Щеголев);
князь обезьяний
(Разрядная роспись);
князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака с голубыми колокольчиками
(Affenrat);
князь обезьяний / один из известнейших меньшевиков до октября 1917 / «пехановец»
(Угол обезьяньих вельмож).

Щербаков Михаил Васильевич
(1891?–1956)

поэт, прозаик, литературный критик, журналист, мемуарист; редактор газеты «Русский край» (Владивосток); с 1922 г. в Харбине; с декабря 1933 г. член правления литературно-художественного объединения «Восток» (Шанхай).
Кавалер обезьяньего знака <?> – его письмо к Ремизову от 1 июля 1923 г. с просьбой включить в Обезвелоппал (Амхерст).

Эйтингон Макс Ефимович
(1881–1943)

Кавалер обезьяньего знака – письмо С. Осипова к Ремизову от 14 апреля 1924 г. (Амхерст).

Элиасберг Александр Самойлович
(1878–1924)

историк литературы и искусства, поэт, издатель; с 1905 г. жил в Мюнхене.

Кавалер обезьяньего знака I степени с индийскими хохолками – письмо С. Осипова к Ремизову от 8 июля 1924 г. (Амхерст).

Элиасберг Зинаида Николаевна
художница, жена А. С. Элиасберга.
Кавалер
(Глаголический список).

Эренбург Илья Григорьевич
(1891–1967)

прозаик, поэт, член правления берлинского Дома искусств.
Кавалер обезьяньего знака I степени с жужжеличным хоботком – дарственная надпись Ремизова от 4 января 1923 г. на книге «Русалия» [424: 113]; [408];
кавалер с хоботком жужжализцы
<так!> – коллективное Прошение о переименовании А. Вишняка <1923>, а также Прошение Эренбурга именоваться Фра Ипполито, а в общежитии Ипполит, согласно его религиозным воззрениям, от 30 января 1923 г. (Хабарная тетрадь).

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941)

критик, прозаик.
Кавалер обезьяньего знака I степени с изумрудной Устерсой и жемчужной мушелью – грамота от 20 марта 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 31. Л. 133); (Шестов).

Яченковский Василий Лукич
библиофил.
Кавалер обезьяний
(Керенский);
главный водопроводчик
[57: 134].

Яценко Александр Семенович (1877–1934)
юрист, профессор международного права Петербургского, Юрьевского, Пермского и Каунасского университетов; редактор берлинских журналов «Русская книга» (1921) и «Новая русская книга» (1922–1923).
Профессор и кавалер обезьяньего знака – письмо к нему Ремизова от 18 октября 1921 г., Берлин [309: 166]; (Разрядная роспись);

кавалер обезьяньего знака I степени с заяшными орешками – грамота от 9 октября 1921 г. [424: 263]; [251: 178];

кавалер обезьяньего знака I степени с заяшными шариками [23: 22]; [151: 80]; рисунок Ремизова [125: 37–38].

Brown Alec (Браун Алек; 1900–1962) переводчик.

Кавалер обезьяньего знака – грамота от 5 января 1925 г. (Чернова–Сосинский);

переводчик и управляющий английской безпропаганды; крокшеост –

подпись под его письмом к Ремизову от 20 января 1925 г. (Амхерст).

Chuzeville Jean

переводчик; познакомился с Ремизовым в 1904 г. в Москве.

Кавалер обезьяньего знака (Чернова–Сосинский);

Шандам (Андреев).

Frenzel M. K.

издатель журнала «Gebrauchsgrafik».

Кавалер обезьяньего знака I степени с вишнями –

письмо Зарецкого к Ремизову от 11 июня 1928 г. о награждении *Весенней грамотой* 6 июня 1928 г. (Амхерст); [408].

Kayser Rudolf

(Кайзер Рудольф, 1889–1964)

немецкий писатель, критик; редактор берлинского журнала «Die Neue Rundschau», представитель журнала «Новая Россия» («Россия») в Германии.

Кавалер обезьяньего знака первой степени

(Глаголический список); [408];

кавалер ордена I степени с тигровым усом (Разрядная роспись).

Laurin Arne

(наст. имя Lustig Arnošt; 1889–1945)

в 1921–1938 гг. главный редактор «Prager Presse»; протеже Зарецкого.

Кавалер обезьяньего знака <?> – просьба о грамоте в письме Н. Зарецкого к Ремизову от 30 июня 1934 г. (Амхерст).

Novotný Miloslav

(1894–1966)

литературный историк и критик, редактор литературных журналов; с 1924 г. библиотекарь Национального музея в Праге; организатор (вместе с Й. Вольфом) Литературного архива.

Кавалер обезьяньего знака I-й степени – письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 16 декабря 1931 г. (Амхерст).

Paskai Pierre (Паскаль Петр Карлович)

(1890–1983)

французский славист, специалист по допетровской Руси и творчеству протопопа Аввакума; почетный профессор Школы восточных языков и Сорбонны; автор статей о Ремизове.

Кавалер обезьяньего знака парижский

(Булгаков; Керенский); его письмо <1937 г.> к Ремизову о получении обезьяньей грамоты (Амхерст);

протопоп Обезвельволпала –

письмо Ремизова к Г. Струве от 28 апреля 1946 г. (Стэнфорд); (Прегель I; Андреев; Резников).

Pohozecka-Šebkova Zofie

(1877–1963)

писатель, переводчик, редактор.

Кавалерсовет Дамского Обезвельволпала –

письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 26 августа 1932 г. (Амхерст)

Pretnar Mirko (1898)

словенский поэт, переводчик; корреспондент Ремизова. См. о нем [65: 143].

Полпред Словении

(Зарецкий I);

полпред Люблянский

(Перемиловский).

Ruoff Hans

(Руофф Иван Федорович)

переводчик.

Кавалер обезьяньего знака первой степени с пером альбатроса

[251: 181].

Schwarz W.

переводчик (?); перевел обезьяний Манифест на немецкий язык.

Кавалер обезьяньего знака –

письмо И. Руоффа к Ремизову от 16 июля 1926 г. (Амхерст).

***Volf Josef**

(1878–1937)

председатель Общества чешских библиофилов и директор Библиотеки Национального музея Праги.

Старейший кавалер обезьяньего знака –

письмо Н. Зарецкого к Ремизову от 26 августа 1932 г. (Амхерст).

Waiden Herwarth

(наст. имя Georg Levin, 1878–1941)

драматург, сатирик, эссеист, художественный критик, поэт, прозаик, музыкант; основатель журнала «Sturm»; устроитель выставки рисунков Ремизова в галерее «Sturm».

Кавалер обезьяньего знака <?> –

письмо Ремизова к Н. Зарецкому от 26 мая 1927 г. (Прага).

Zea Denis**Зяблик обезьяний**

(Вельтер).

Zira Mauge**Кавалер обезьяньего знака**

(Прегель I).

Александр Мартынович**Кавалер обезьяньего знака –**

письмо С. Осипова к Ремизову от 27 мая 1924 г. (Амхерст).

Имярек**Кавалер обезьяньего знака**

(Львов).

Имярек**Кавалер обезьяньего знака**

(Львов).

1. Ремизов А. Пóлэзница // Северные цветы ассирийские: Альманах IV издательства «Скорпион». М., 1905.
2. Ремизов А. По поводу книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности» // Вопросы жизни. 1905. № 7.
3. Ремизов А. Лимонарь, сиречь Луг духовный. СПб., 1907.
4. Ремизов А. Трагедия о Иуде принце Искарриотском // Золотое руно. 1909. № 11–12.
5. Ремизов А. Рассказы. СПб., 1910.
6. Ремизов А. Соч. СПб., [1910]. Т. 2.
7. Ремизов А. Соч. Т. 8. СПб., 1910–1912.
8. Ремизов А. Пятая язва // Альманах издательства «Шиповник». Кн. 18. СПб., 1912.
9. Ремизов А. Весеннее порошье. СПб., 1915.
10. Ремизов А. Среди мурья: Рассказы. М., 1917.
11. Ремизов А. Заячий указ // Огонек. 1917. № 31.
12. Ремизов А. Всеобщее восстание. Временник // Народопрямство. 1917. 1 августа, № 5; 25 сентября, № 10; 16 октября, № 12.
13. Ремизов А. Слово о погибели земли русской // Россия в Слове: Литературное приложение к газете «Воля народа» / Под ред. М. М. Пришвина. 1917. <29 октября, № 1>.
14. Ремизов А. Заячий указ // Игра. 1918. № 2.
15. Ремизов А. Бесовское действо: Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пб., 1919.
16. Ремизов А. Сибирский пряник: Большим и для малых ребят сказки. Пб., 1919.
17. Ремизов А. Электрон. Пб., 1919.
18. Ремизов А. Трагедия о Иуде принце Искарриотском. Пб., М.: Нар. Комиссариат по просвещению. Театр. отдел, 1919. (Репертуар российских театров. № 26).
19. Ремизов А. Заветные сказы. Пб., 1920.
20. Ремизов А. Репертуар I // Жизнь искусства. 1920. 31 января – 1 февраля, № 359–360.
21. Ремизов А. О человеке – Звездах – и о свинье // Дом искусств. Пб., 1921. № 1.
22. Ремизов А. Царь Додон. Обезьянья Великая и Вольная Палата. [Пг.: Алконост], 1921.
23. Ремизов А. Письмо в редакцию // Русская книга. 1921. № 9.
24. Ремизов А. Albern // Бюллетени Дома искусств. 1922. 17 февраля, № 1–2.
25. <Ремизов А.> Из жизни художников в Берлине // Голос России. 9 апреля, № 938.
26. <Ремизов А.> Труды и дни писателей в Берлине // Голос России. 9 апреля, № 938.
27. <Ремизов А.> Новое философское оц-во <так!> // Голос России. 1922. 30 апреля, № 954.
28. Смольный <А. Ремизов>. Название // Голос России. 1922. 5 мая, № 959.
29. Друг Серапионов <А. Ремизов>. Серапионовы братья // Голос России. 1922. 21 мая, № 971.
30. Саркофагский <А. Ремизов>. Из жизни художников в Берлине // Голос России. 1922. 8 октября, № 1079.
31. Ремизов А. Всеобщее восстание // Эпопея. М.; Берлин, 1922. № 2.
32. Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская. Берлин; Пб.; М., 1922.
33. Ремизов А. Ё. Тибетский сказ. Берлин, 1922.
34. Ремизов А. Корявка. Берлин, 1922.
35. Ремизов А. Крашенные рылá. Театр и книга. Берлин, 1922.
36. Ремизов А. Лалазар. Кавказский сказ. Берлин, 1922.
37. Ремизов А. Мара. Берлин: Эпоха, 1922.
38. Ремизов А. Русалия. Берлин, 1922.
39. Ремизов А. Сказки обезьяньего царя Асыки. Берлин, [1922].
40. Ремизов А. Звенигород окликанный. Николины притчи. Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин, 1924.
41. Ремизов А. Росия <так!>. I. Царская жаловальная грамота 1669 г. // Версты. 1926. № 1.
42. Ремизов А. Асыка – царь обезьяний // Ухват. 1926. 15 мая, № 3.
43. <Ремизов А.> Приветствие кавалеру обезьяньего знака Борису Константиновичу Зайцеву... // Новая неделя. 1926. № 27.
44. Ремизов А. Взвихренная Русь. Париж, 1927.
45. Ремизов А. Три серпа. Париж, 1927.
46. Ремизов А. М. Памяти С. В. Лурье. † 8 декабря 1927 г. в Руане // Звено. 1928. № 1.
47. Ремизов А. По карнизам. Белград, 1929.
48. Ремизов А. Посолонь. Париж, 1930.
49. Ремизов А. Тридцать снов Тургенева // Воля России. 1930. № 7/8.

50. Куковников В. <А. Ремизов >. Выставка Рисунки писателей // Последние новости. 1933. 30 декабря.
51. Ремизов А. Яков Петрович Гребенщиков. 1887–†1935 // Последние новости. 1935. 9 мая, № 5159.
52. Ремизов А. Без начала // Последние новости. 1935. 25 декабря, № 5389.
53. Ремизов А. Рисунки писателей // Временник общества друзей русской книги. 1938. № 4.
54. Ремизов А. Пляшущий демон. Танец и слово. Париж, 1949.
55. Ремизов А. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951.
56. Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.
57. Ремизов А. Мышкина дудочка. Париж, 1953.
58. Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, 1954.
59. Ремизов А. Огонь вещей. Сны и предсонье. Париж, 1954.
60. Ремизов А. Круг счастья. Легенды о царе Соломоне. Париж, 1957.
61. Ремизов А. Кукха. Розановы письма. Нью-Йорк, 1978.
62. Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981.
63. Ремизов А. Россия в письменах. Т. 1 / Предисл. О. Раевской-Хьюз. New York, 1982.
64. Ремизов А. О происхождении моей книги о Табаке. Paris, 1983.
65. Ремизов А. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris, 1983.
66. Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти / Ред., послесл., комм. О. Раевской-Хьюз. Berkeley, 1986.
67. Ремизов А. М. Неизданный «Мерлог» / Публ. и комм. А. д'Амелия // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991.
68. Ремизов А. М. Избранное / Сост. А. А. Данилевский. Л., 1991.
69. Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подгот. текста А. М. Грачевой и Е. Д. Резникова; Вступ. заметка и комм. А. М. Грачевой // Минувшее: Исторический альманах. 16. М.; СПб., 1994.
70. Ремизов А. «Вонючая торжествующая обезьяна...» / Публ. Е. Обатниной // Новое литературное обозрение. 1995. № 11.
71. Ремизов А. М. «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и примеч. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.
72. Ремизов А. М. Весеннее порошье / Сост., предисл. и комм. Е. Р. Обатниной. М., 2000.
73. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 1: Пруд; Роман. М., 2000.
74. Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и комм. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976.
75. Переписка с А. М. Ремизовым (1905–1920) / Вступ. ст. З. Г. Минц. // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981.
76. Письма А. М. Ремизова к В. Ф. Маркову / Публ. В. Ф. Маркова // Wiener Slawistischer Almanach. 1982. Bd. 10.
77. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и комм. А. д'Амелия // Europa Orientalis. 1985. IV.
78. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1987. VI.
79. На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // Europa Orientalis. 1990. IX.
80. Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому / Подгот. текста Т. С. Царьковой; Вступ. ст. и примеч. А. М. Грачевой // Русская литература. 1990. № 2.
81. Из писем А. М. Ремизова – Н. Г. Виноградову / Публ. и комм. А. М. Грачевой // Алексей Михайлович Ремизов. 1877–1957–1993. «...Стоять негасимую свечу!» СПб., [1993].
82. Переписка с А. М. Ремизовым (1902–1912) / Вступ. ст. и комм. А. В. Лаврова; Публ. С. С. Гречишкина, А. В. Лаврова и И. П. Якир // Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2. М., 1994.
83. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1, № 3; 1994. № 2, № 4 (с указанием номеров).
84. Письма А. М. Ремизова к Ю. П. Одарченко / Вступ. ст. и комм. А. М. Грачевой; подгот. текстов – в соавторстве с В. П. Польшковской // Наше наследие. 1995. № 33.
85. Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. ст., примеч. и подгот. писем Ремизова – А. М. Грачевой; Подгот. писем Вяч. Иванова – О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996.
86. Девять писем А. М. Ремизова / Публ. Л. Мнухина // Русская мысль. 1996. 11 сентября, № 4139; 18 сентября, № 4140.
87. Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. 1. Вологда (1902–1903) / Вступ. ст., подгот. текстов и комм. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.

88. А. < А. Измайлов >. В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44.
89. А. М. Ремизов член-корреспондент Лондонского университета // Последние новости. 1928. 16 августа, № 2703.
90. Абракас // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. Т. 1. СПб., 1891.
91. Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Л., 1965.
92. Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту. СПб., 1916.
93. Алексеев Г. Алексей Ремизов // Сподохи. 1923. № 17–18.
94. Алексей Ремизов о себе // Россия. М.; Пг. 1923. Февраль, № 6.
95. Андреев В. История одного путешествия: Повести. М., 1974.
96. Андреев Н. Е. О том, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева. I. Таллинн, 1996.
97. Анкета о монополии классиков. Права писателя // Вечерний звон. 1918. 3 января, № 2.
98. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 1991. Т. 1.
99. Арриан. Поход Александра. СПб., 1993.
100. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1865.
101. Ахматова А. Листки из дневника // Осип Манделъштам и его время. М., 1995.
102. Баньковская М. В. Друзья и недруги Ляо Чжая (Попытка послесловия) // Пу Сун-Лин. Станные истории из Кабинета Неудачника / Пер. с кит. акад. В. М. Алексеева. СПб., 2000.
103. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.
104. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Л., 1978.
105. Безродный М. В. Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. № 1.
106. Безродный М. Об одном приеме художественного имяупотребления (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.
107. Безродный М. Об обезьяньих словах // Новое литературное обозрение. 1993. № 4.
108. Белова О. В. Славянский bestiарий: Словарь названий и символики. М., 2000.
109. Белоус В. Г. Петроградская Волная философская ассоциация (1919–1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.
110. Белый А. Между двух революций. М., 1990.
111. Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986.
112. Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996.
113. Бердяев Н. А. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. Париж, [1934].
114. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
115. Бердяев Н. А. Самопознание: (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
116. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960–1963 (с указанием тома).
117. Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965.
118. Блок А. А. Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу) / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979.
119. Богомолов Н. А., Шумихин С. В. Книжная лавка писателей и автографические издания 1919–1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990.
120. Богомолов Н. А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.
121. Боровой А. Бакунин // Михаилу Бакунину. 1876–1926. Очерки истории анархического движения в России: Сб. статей / Под ред. А. Борового. М., 1926.
122. Борхес Х. Л. Соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1.
123. Бретон А. Манифест сюрреализма // Назвать вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986.
124. Быстров В. Конец русского заграничного исторического архива в Праге // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами». Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды «Славянской библиотеки и пражских архивов». Прага, 14–15 августа 1995: Сб. докладов. Ч. 1. Прага, 1995.
125. Бюллетени Дома искусств в Берлине. 1922. 17 февраля, № 1–2.
126. В–Кн. <В. Князев> Литературные новости // Красная газета. 1921. 10 сентября, № 186 (1062).
127. В революционном трибунале // Новый вечерний час. 1917. 9 декабря, № 11.
128. Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley, 1993.
129. Вашкевич Х. Канцелярист обезьяньего царя Асыка Алексей Ремизов и его ОБЕЗВЕЛВОЛПАЛ // К проблемам истории русской литературы XX века: Сб. статей / Под ред. Я. Шимака-Рейфера. Краков, 1992.
130. Весенний аукцион книг: Каталог / Сост. П. А. Дружинин, А. Л. Соболев. М., 1994. 21 мая.

131. Вести о писателях // Летопись Дома литераторов. 1921. № 4 .
132. *Виролайнен М. Н.* Культурный герой нового времени: (Пушкинский миф в контексте секуляризованной культуры) // *Russian studies*. 1994. № 1.
133. *Волошин М.* Алексей Ремизов. Посолонь. Изд. «Золотого Руна». 1907 // М. Волошин. Лики творчества. Л., 1988.
134. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992.
135. *Воннегут К.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 3.
136. *Воронский А.* Литературные отклики // Красная новь. 1922. Март–апрель, № 2.
137. Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973.
138. *Вяземский П. А.* Из «старой записной книжки» // «Арзамас». Сб.: В 2 кн. / Под ред. В. Э. Вацуро и А. Л. Осповата. М., 1994. Кн. 1.
139. *Герасимов Ю. К.* Театр Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994.
140. *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1984. Т. 2.
141. *Горбунов А. П.* «Серрапионовы братья» и К. Федин: Биографический очерк. Иркутск, 1976.
142. *Горнфельд А.* Новое искусство и его идеология // Литературные записки. 1922. № 2.
143. *Горный Е.* Заметки о поэтике А. М. Ремизова: «Часы» // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.
144. *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность // Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993.
145. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая: Судьба ремизовского «музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1.
146. *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000.
147. *Гречишкин С. С.* Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977.
148. *Гречишкин С. С.* Царь Асыка в «Обезьяньей Великой и Вольной палате» Ремизова // *Studia Slavica Hungarica*. XXVI. 1980. № 1–2.
149. Государственные преступления в России в XIX веке: Сб. извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений / Под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб., 1906. Т. 1: 1825–1876.
150. *Гуль Р. А.* Солженицын, соцреализм и школа Ремизова // Новый журнал. № 71.
151. *Гуль Р.* Я унес Россию. Апология эмиграции. Нью-Йорк, 1981. Т. 1.
152. *Гурьянова Н.* Ремизов и «Будетляне» // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994.
153. *Д'Амелия А.* «Автобиографическое пространство» Алексея Михайловича Ремизова // А. Ремизов. Учитель музыки. Каторжная идиллия. Paris, 1983.
154. *Д'Амелия А.* Неизданная книга «Мерлог» // *Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer* / Ed. by G. N. Slobin // *UCLA Slavic Studies*. 16. 1987.
155. *Данилевский А. А.* Из комментариев к *Кукхе А. М. Ремизова* // *Slavica Helsingiensia*. 11. Проблемы русской литературы и культуры / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1992.
156. *Дворникова Л. Я.* Из истории прототипов книги А. Ремизова «Иверень» (Ф. И. Щеколдин) // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994.
157. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.
158. *Добужинский М. В.* Воспоминания. М., 1987.
159. Долой гражданскую войну! // Дело. 1918. 28 января (10 февраля), № 6.
160. *Досталь М. Ю.* Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В. Ф. Булгакова (по архивным данным) // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами». Результаты и перспективы проведенных исследований. Фонды «Славянской библиотеки и пражских архивов». Прага, 14–15 августа 1995: Сб. докладов. Ч. 2. Прага, 1995.
161. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990 (с указанием тома).
162. *Доценко С. Н.* Нарочитое безобразие: Эротические мотивы в творчестве А. Ремизова // Литературное обозрение. 1991. № 11.
163. *Доценко С.* Обезвельволпал как зеркало русской революции // *Europa Orientalis*. 1997. XVI.
164. *Доценко С.* Почему обезьяна кричит петухом: К объяснению одного мотива в творчестве А. М. Ремизова // *Wiener Slavistischer Almanach*. 1998. 42.
165. *Дроздов А.* «Рецензия» // Русская книга. 1921. № 3.
166. *Дубнова Е. А. А. М. Ремизов в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской* // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник на 1992. М., 1993.
167. *Евстигнеева А. Л.* Обсаяник на Поварской (Из истории московского Дома Искусств) // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8.
168. Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников / Сост. и комм. Ю. В. Зобнина, В. П. Петрановского и А. К. Станюкевича. Л., 1991.

169. Ж<илки> И. Театр имени Коммиссаржевской // Русское слово. 1916. 10 февраля, № 32.
170. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Публ. А. Ремизова // Версты. 1926. № 1.
171. Завалишин В. Орнаментализм в литературе и искусстве и орнаментальные мотивы в живописи и графике Алексея Ремизова // Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 16. 1987.
172. Завтра: Лит.-крит. сб. / Под ред. Е. Замятина, М. Кузмина и М. Лозинского. I. Берлин, 1923.
173. Зайцев Б. К. Голубая звезда. М., 1989.
174. Зайцева-Соллогуб Н. Я вспоминаю... М., 1998.
175. Закржевский А. Подполье: Психологические параллели. Киев, 1911.
176. Замятин Е. Тулумбас. Послание смиренного Замутия, епископа обезьянского // Записки мечтателей. 1921. № 2–3.
177. Зиновьев А. Тайнопись кириллицы. Владимир, 1998.
178. Зоценко М. О себе, об идеологии и еще кое о чем // Литературные записки. 1922. № 3.
179. Зоценко М. М. Из писем и дневниковых записей (1917–1921 гг.) / Публ., вступ. и примеч. Ю. Томашевского // Новый мир. 1984. № 11.
180. Зоценко М. Собр. соч.: В 3 т. Л., 1987. Т. 3.
181. Иванов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 3 / Комм. В. П. Крейда и Г. И. Мосешвили.
182. Иванов-Разумник. О смысле жизни: Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908.
183. Иванов-Разумник. Т. 2. Творчество и критика. СПб., [1911].
184. Иванов-Разумник. Год революции: Статьи 1917 года. СПб., 1918.
185. Иванов-Разумник. Русская литература XX века (1890–1915 гг.). Пг., 1920.
186. Иванов-Разумник. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923.
187. Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки / Сост., вступ. ст. В. Г. Белоуса; Комм. В. Г. Белоуса, А. В. Лаврова, Я. В. Леонтьева. М., 2000.
188. Издательство З. И. Гржебина // Русская книга. 1921. № 1.
189. Измайлов А. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья. М., 1913.
190. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 1.
191. Ингольд Ф. Ф. Андрей Белый и Алексей Ремизов: Неопубликованные материалы «библиотеки Федора Либя», Базель // Wiener Slavistischcher almanah. 1987. Bd. 20.
192. Инскрипты А. М. Ремизова из коллекции А. М. Луценко. СПб., 1993.
193. Йонас Г. Гностицизм. СПб., 1998.
194. Исаков С. Г. Русские в Эстонии. 1918–1940: Историко-культурные очерки. Тарту, 1996.
195. Кагаров Е. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.
196. Кареев Н. Мифологические этюды // Филологические записки. 1873. Вып. 6.
197. Карлова М. Осуд и сон писателя: О жизни и творчестве А. М. Ремизова в эмиграции // Русская литература в изгнании: Сб. статей / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.
198. Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб., 1994.
199. Каталог антикварно-букинистического аукциона. 26 февраля 1994 года / Сост. П. А. Дружинин, А. Л. Соболев. М., 1994.
200. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. М., 1989.
201. Книн В. Ремизов в карикатурах // Известия книжных магазинов Т-ва М. О. Вольф по литературе, науке и библиографии. 1910. № 11.
202. Кнут Д. Встреча с Алексеем Ремизовым // Д. Кнут. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и комм. В. Хазана; Вступ. ст. Д. Сегала. Иерусалим, 1997. Т. 1.
203. Князева Н. Каждый день и всю жизнь // Литературное наследие. 1990. № 1.
204. Кобзев А. И. Парадоксы китайского зрота (Вступ. слово) // Китайский зрот. М., 1993.
205. Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959].
206. Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977.
207. Кожевников П. Коллекция А. М. Ремизова. Творимый апокриф // Утро России. 1910. 7 сентября, № 243.
208. Козьменко М. В. «Я Бисал всегда врозь с темой дня...» // Ново-Басманная, 19. М., 1990.
209. Козьменко М. В. Заветные сказы Алексея Ремизова // Литературное обозрение. 1991. № 11.
210. Козьменко М. В. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова // Эрот. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М., 1992.
211. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989.
212. Крашенинников А. Ф. Счет за деликатную работу, исполненную петербургским механиком. (К предыстории повести Н. В. Гоголя «Нос») // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб., 1994.
213. Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.
214. Крюкова А. А. М. Горький и А. М. Ремизов: (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8.

215. Кузмин М. Дневник 1921 г. / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб., 1993.
216. Кузмин М. Проза. Т. 11: Критическая проза. Кн. 2 / Под ред. В. Маркова, А. Тимофеева, Ж. Шерона. Berkeley, 2000.
217. Курганов Е. ОПОЯЗ и Арзамас. СПб., 1998.
218. Лавров А. В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981.
219. Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995.
220. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М., 2000.
221. Левинтон Г. Достоевский и «низкие» жанры фольклора // Анти-мир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература. М., 1996.
222. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
223. Леклер А., фон. К монистической гносеологии / Пер. А. Ремизова. СПб., 1904.
224. Лерский И. В эмигрантском Берлине // Последние новости. Петроград. 1923. 26 ноября, № 51.
225. Лидин Вл. Ночи и дни. М., 1922.
226. Лидин В. Люди и встречи. Страницы полдня. М., 1980.
227. Литературная Россия: Сб. современной русской прозы / Под ред. В. Лидина. М., 1924.
228. Литературная хроника // Голос России. 1922. 16 апреля, № 943.
229. Лифарь С. Моя зарубежная пушкиниана. Париж, 1966.
230. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
231. Лукин Ю. Ложная мораль и искаженная перспектива // Правда. 1944. 25 июля, № 177.
232. Лундберг Е. Записки писателя. 1920–1924. Л., 1930. Т. 2.
233. Лунц Л. Театр Ремизова // Жизнь Искусства. 1920. 1 января, № 343.
234. Лунц Л. Почему мы Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 3.
235. Львов Л. «Рецензия» // Возрождение. 1929. 15 августа, № 1535.
236. Львов Л. Книга о Николае Чудотворце // Россия и славянство (Париж). 1929. 31 августа, № 40.
237. Львов Л. Новая книга Алексея Ремизова // Россия и славянство. 1931. 14 марта, № 120.
238. Любимов А. А. Ремизов, автор «Бесовского действия»: Шарж // Театр и искусство. 1907. № 50.
239. М. Из беседы с А. М. Ремизовым // Руль. 1921. 27 сентября, № 262.
240. Мазурова А. Разговоры с Ремизовым // Дело. 1951. № 4.
241. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
242. Мансветов И. Д. Византийский материал для сказания о двенадцати трясавицах // Древности. Труды Императорского московского Археологического общества / Под ред. В. Е. Румянцова. М., 1881. Т. 9, вып. 1.
243. Маркадз Ж. К. Ремизовские письма // Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies. 16. 1987.
244. Маркузе Г. Эрос и цивилизация: Философское исследование учения Фрейда. Киев, 1995.
245. Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914. Т. 1.
246. Материалы по истории китайской литературы: Лекции, читанные профессором С.-Петербургского Императорского университета В. П. Васильевым. СПб., [б. г.].
247. Медуза-Горгона <А. Т. Аверченко>. Алексей Ремизов // «Современный Всепетербург»: Бесплатная премия к журналу «Сатирикон» за 1908 год / Под ред. А. Т. Аверченко. СПб., [без паг.].
248. Милашевский В. А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. М., 1989.
249. Минц З. Г. Понятие текста и символистская эстетика // Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974. 1 (5).
250. Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1979. Вып. 456.
251. Мирау Ф. «Обезьяний совет» и «Цвофирзон»: Алексей Ремизов в Берлине (1921–1923) // Москва. Берлин. 1900–1950: Каталог выставки. М., 1996.
252. Мистерия Дао: Мир «Дао Де Дзина». М., 1996.
253. Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900. Т. 2.
254. Монополизация русских писателей // Новый вечерний час. 1918. 2 января, № 1.
255. Морковин В. Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. XIV. 1969. 4.
256. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862. М., 1997.

257. Незлобивые пародии, собранные Авелем. М., 1909.
258. Неизвестный фельетон Блока 1920 г. (Творческая рукопись) / Вступ. ст. и публ. И. Е. Усок // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 5. М., 1993.
259. Неизданная переписка Блока с А. А. и С. М. Городецкими / Публ. и комм. В. П. Енишерлова и Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981.
260. Никитин В. П. «Кукушкина» (Памяти А. М. Ремизова): Воспоминания / Подгот. и комм. Н. Грякаловой // Ремизов А. Павильним пером. СПб., 1994.
261. Николаев Ю. В поисках за Божеством: Очерки из истории гностицизма. Киев, 1995.
262. Носович И. И. О значении всепьянейшего собора, учрежденного Петром Великим // Русская старина. 1874. Т. 11, сентябрь–декабрь.
263. Обатнина Е. Р. Миф о Гоголе начала XX века и «Огонь вещей» Алексея Ремизова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994.
264. Обатнина Е. «Обезьянья Великая и Вольная Палата»: игра и ее парадигмы // Новое литературное обозрение. 1996. № 17.
265. Обатнина Е. Р., Белоус В. Г. Берлинская Вольфила (1921–1922 гг.): Хроника // Вопросы философии. 1997. № 7.
266. Обатнина Е. Р. А. М. Ремизов и «Серапионовы братья»: (К истории взаимоотношений) // «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования, Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина и Е. Р. Обатнина. СПб., 1998.
267. Обатнина Е. А. М. Ремизов: жизнетворчество entre chien et loup // Канун. Вып. 5: Пограничное сознание. СПб., 1999.
268. Осоргин М. <Рецензия> // Последние новости. 1927. 9 июня, № 2269.
269. Осоргин М. 65. Колокольчики и бубенчики // Последние новости. 1939. 20 февраля, № 6538.
270. Оцуп Н. Современники. Париж, 1961.
271. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.
272. Панченко А. М. Смех как зрелище // Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко. Смех в древней Руси. Л., 1984.
273. Перхин В. В. Дневник К. А. Федина и его книга «Горький среди нас» // Русская литература. 1992. № 4.
274. Письма А. Н. Толстого к Вяч. Иванову. 1911–1912 / Публ. Н. Гончаровой // Вопросы литературы. 1991. № 6.
275. Письма Е. И. Замятина А. М. Ремизову / Публ. В. В. Бузник // Русская литература. 1992. № 1.
276. Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3.
277. Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. заметка Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. Вып. 2. СПб., 1998.
278. Письмо А. А. Богданова сотруднику института Маркса–Энгельса–Ленина В. Г. Сорину // Марксисты-ленинцы в Вологодской ссылке: (Из истории Вологодской политической ссылки 1893–1914 гг.): Сб. документов и материалов. Архангельск, 1977.
279. Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2.
280. Платонов С. Ф. Из бытовой истории Петровской эпохи. Бенго-Коллегия, или Великобританский монастырь в С.-Петербурге при Петре Великом // Известия АН СССР. 1926. № 8. Серия 6.
281. Попов А. В. Русское зарубежье и архивы. М., 1998.
282. Поснов М. Э. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917.
283. Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1883–1887. Т. 2.
284. Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989.
285. Прибыловский А. <Рецензия> // Русская книга. 1921. № 6.
286. Пришвин М. Смех обезьян: Из дневника // Воля народа. 1917. 28 октября, № 156.
287. Пришвин М. Красный гроб. Слово о том, как доказала Россия, что человек действительно происходит от обезьяны // Воля народа. 1917. 5 ноября, № 164.
288. Пришвин М. Капитан Аки // Воля страны. 1918. 26 января, № 5.
289. Пришвин М. М. Дневники. 1914–1917. М., 1991.
290. Против Ремизова // Воля России. 1929. № 1.
291. Пушкин А. С. Соч. СПб., 1903.
292. Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1928.
293. Пяст В. Встречи. / Вступ. ст., подгот. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997.
294. Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980.
295. Рогачев А. П. У Ченьэнь и его роман «Путешествие на Запад». М., 1984.

296. Розанов В. В. Семейный вопрос в России: В 2 т. СПб., 1903.
297. Розанов В. В. Сахарна / Публ. и комм. В. Сукача // Литературная учеба. 1989. № 2.
298. Розанов В. В. <Соч.>: В 2 т. (Приложение к журналу «Вопросы философии»). М., 1990. Т. 2: Уединенное.
299. Розанов В. В. Уединенное. М., 1990.
300. Розанов В. В. Мимолетное. М., 1994.
301. Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995.
302. Розанов В. В. О писательстве и писателях. М., 1995.
303. Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996.
304. Розанов В. В. Сахарна. М., 1998.
305. Розанов В. В. Во дворе язычников. М., 1999.
306. Рукописные иллюстрированные альбомы А. Ремизова // Новь. 1935. № 8.
307. Русские в Праге: 1918–1928 гг. / Ред.-сост. С. П. Постников. Прага, 1928.
308. Русский альманах / Под ред. З. Шаховской, Р. Герра, Е. Терновского. Париж, 1981.
309. Русский Берлин: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983.
310. Рындина Л. Ушедшее // Мосты. 1961. № 8.
311. Сахаров И. П. Русское народное чернокожице. СПб., 1997.
312. Свифт Д. Путешествия Лемюзля Гулливера в некоторые отдаленные страны света, сначала хирурга, а потом капитана кораблей / Пер. А. Франковского. СПб., 1993.
313. Сегал Д. «Сумерки свободы»: О некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. 3. М., 1991.
314. Седых А. Обезволпал // Новое русское слово. 1947. 13 апреля.
315. Седых А. Письма Ремизова // Новое русское слово. 1957. 23 июня.
316. Седых А. Далекие, близкие. New York, 1979.
317. Секе К. «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов. Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе начала XX века // *Dissertationes Slavicae*. XV. Szeged, 1982.
318. «Серрапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т. А. Кукушкина, Е. Р. Обатнина. СПб., 1998.
319. Серков А. И. История русского масонства: 1845–1945. СПб., 1997.
320. Серков А. И. История русского масонства после Второй мировой войны. СПб., 1999.
321. Сирин В. <Рецензия> // Руль. 1928. № 2424.
322. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. СПб., 1885.
323. Скифы. Сб. 1. Пг., 1917.
324. Скифы. Сб. 2. Пг., 1918.
325. Слобин Г. Н. Проза Ремизова: 1900–1921. СПб., 1997.
326. Слонимский М. <Автобиография> // Литературные записки. 1922. № 3.
327. Слонимский М. Восемь лет «Серрапионовых братьев» // Жизнь искусства. 1929. № 11.
328. Смиренский Б. Рифмологион IV. Пб., 1922.
329. Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и комм. Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. 7. М.; СПб., 1996.
330. Снегирев И. Русские престолярные праздники и суеверные обряды. М., 1858. Вып. 2.
331. Соколов-Микитов И. С. Засупоня // Молодая Россия. Берлин, 1922. № 1.
332. Соловьев В. С. Собр. соч.: В 12 т. Брюссель, 1970. Т. 12.
333. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5–6. М., 1989.
334. Сологуб Ф. Крещение грязью // Петроградский голос. 1918. 6 января, № 4.
335. Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. Т. 2.
336. Сосинский В. Домовой на рю Буало // Родина. 1991. № 8.
337. Спроге Л. А. М. Ремизов в Латвии: В. Дамбергис, В. Эглитс, В. Гусев, И. Павлов, В. Гадалин // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Таллинн, [б. г.]. Т. 2.
338. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1.
339. Степун Ф. А. М. Ремизову // Новое русское слово. 1957. 23 июня.
340. Струве Г. Надписи А. М. Ремизова на книгах // Русский альманах. Париж, 1981.
341. Субботин С. И. К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты» // Русская литература. 1992. № 1.
342. Суворова В. П. Я. П. Гребенщиков – библиотекарь, библиофил, человек // Книга: Исследования и материалы. М., 1995. Кн. 70.
343. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 // Новая русская книга. 1922. № 1.
344. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
345. Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976.

346. Тихонов Н. <Автобиография> // Литературные записки. 1922. № 3.
347. Тихонов Н. Махно // Голос России. 1922. 18 июня, № 993.
348. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 4. СПб.; М., 1882.
349. Топоров В. Н. Древнеиндийская драма Шудраки «Глиняная повозка»: Приглашение к медленному чтению. М., 1998.
350. Топоров В. Н. Петух // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2.
351. А. Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1985.
352. Тугенхольд Я. <«Театр и музыка»> // Русские ведомости. 1916. 11 февраля, № 33.
353. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
354. Унковский В. Н. Андрей Клинский. Париж, [1940].
355. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
356. Успенский Б. А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема): Ст. первая // Зеркало. Семиотика зеркальности: Труды по знаковым системам. XXII. Тарту, 1988 (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 831).
357. Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева // От мифа к литературе. М., 1993.
358. Устами Буниных / Под ред. М. Грин. Франкфурт-на-Майне, 1981. Т. 2.
359. Федин К. Из речи на ленинградском собрании писателей // Литературная газета. 1936. 10 апреля, № 21.
360. Федин К. Горький среди нас // К. Федин. Собр. соч.: В 10 т. М., 1973. Т. 10.
361. Федин К. Михаил Зощенко // Вспоминая Михаила Зощенко. Л., 1990.
362. Филиппов Б. Заметки об Алексее Ремизове: (Читая «Взвихренную Русь») // Русский альманах. Париж, 1981.
363. Фишман О. Л. Китайский сатирический роман: Эпоха Просвещения. М., 1966.
364. Флейшман Л. С. Из комментариев к «Кукхе». Конкретор Обезвелволпала // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1.
365. Флейшман Л. В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Stanford Slavic Studies. Vol. 20. Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Stanford, 1999.
366. Флоренский П. Иконостас // Богословские труды. М., 1972. Вып. 9.
367. Франс А. Избр. соч. Пб., 1919. Т. 9: Восстание ангелов: Повести и рассказы.
368. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
369. Хождение за три моря Афанасия Никитина: 1466–1472 гг. М., 1960.
370. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993.
371. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
372. Царь Максимилиан: Театр А. Ремизова (По своду В. Бакрылова). Пб., 1920.
373. Цивьян Т. В. О ремизовской гипнологии и гипнографии // Серебряный век в России. М., 1993.
374. Чеботаревская А. Стрельба по своим // Новый Вечерний час. 1918. 4 января, № 3.
375. «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус / Подгот. текста М. М. Павловой, вступ. ст. и примеч. М. М. Павловой и Д. И. Зубарева // Звенья: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2.
376. Чистова И. С. Труды и дни Николая Зарецкого // Русское подвижничество. М., 1996.
377. Чудакова М. О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979.
378. Чуковский К. Дневник: 1901–1929. М., 1991.
379. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989.
380. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999.
381. Чулков Г. Годы странствий: Из книги воспоминаний. М., 1930.
382. Шаршун С. Магический реализм // Числа. 1932. № 6.
383. Шахматовский вестник: Каталог. Вып. 1. 1996. № 6.
384. Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.
385. Шаховской Д. М. Тургеневская библиотека и ее деятельность // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн. 2.
386. Шаховской И., архиепископ. Биография юности. Париж, 1977.
387. Шеллинг Ф. В. Й. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.
388. Шестов Л. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.
389. Шкапская М. Нечто в виде обезьяньей присяги // Голос России. 1922. 21 мая, № 971.
390. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. М., 1990.
391. Шкловский В. О теории прозы. М., 1983.
392. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.
393. Штейнберг А. З. Друзья моих ранних лет. (1911–1928). Париж, 1991.

394. Штейнер Е. С. Иккю Содзюн. М., 1987.
395. Щеглов П. Об обезьянней литературе // *Время*. 1925. 20 июля, № 354.
396. <Шуточный литературный орден...> // *Красная газета*. 1922. 10 ноября, № 38.
397. Эльвин И. Профессор от обезьян // *Вечерняя Москва*. 1928. 15 декабря, № 291.
398. Эрберг Конст. (К. А. Сюннерберг) Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год*. Л., 1979.
399. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания в 3 т. М., 1990. Т. 1.
400. Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983.
401. Ярцев П. На вечере поэтов // *Вечерний звон*. 1917. 18 декабря, № 11.
402. Anemone A., Martynov I. Towards the History of the Leningrad Avant-gard: The «Ring of Poets» // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1986. Bd. 17.
403. Aronian S. The Dream as a Literary Device in the Novels and Stories of Aleksey Remizov. Yale, 1971.
404. Bartholet E. La pensée et les secrets du Sâr Joséphin Péladan, 4 tt. Lausanne, 1952.
405. Brown A. [Preface] // *The Fifth Pestilence together with The History of The Tinkling Cymbal and Sounding Brass Ivan Semyonovitch Stratilatov by Alexei Remizov / Transl. from Russian with a preface by Alec Brown*. London, 1927.
406. Careckij N. V. Russische Dichter als Maler und Zeichner. Herausgegeben und ergänzt D. Tschizewskij. Verlag Ansei Bongers. Recklinhausen, 1960.
407. Crone A. L. Remizov's *Kukhka*: Rozanov's «Trousers» Revisited // *Russian Literature Triquarterly*. 1986. N 19.
408. Essad-Bey. Eine seltsame Dichterloge. Zwanzig Jahre Affenkammer // *Die Literarische Welt*. 1928. 28 September, № 39.
409. Garner R. L. The Speech of Monkeys. New York, 1892.
410. Grabar A. Anatole Frolov (1906–1972) // *Cahier Archéologiques*. 1972. XXII.
411. Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection. Amherst, 1985.
412. Janson H. W. Apes and ape lore in the Middle ages and the Renaissance. London, 1952.
413. Lampi H. Aleksey Remizovs Beitrag zum russischen Theater // *Wiener slavistisches Jahrbuch*. 1972. Bd. 17.
414. Lampi H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd. 1.
415. Lampi H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remisovs (Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany. Paris, 1978) // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd. 2.
416. Lampi H. Remizovs petersburger Jahre: Materialien zur Biographie // *Wiener Slavistischer Almanach*. 1982. Bd. 10.
417. Lowe D. Unpublished letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov // *Russian literature triquarterly*. 1974. № 8.
418. Luter A. Geschichte der Russischen Literatur. Leipzig, 1924.
419. Manouelian E. Remizov's Judas: Apocryphal legend into Symbolist drama // *Slavic and East European Journal*. 1993. Vol. 37, № 1.
420. Markov V. Russian Futurism: A History. Berkeley; Los Angeles, 1968.
421. Pyman A. Aleksey Remizov on drawings by writers, with particular preference to the interrelationship between drawings and calligraphy in his own work // *Leonardo*. 1980. Vol. 13.
422. Pyman A. Petersburg dreams // *Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies*. 16. 1987.
423. Remizov A. Selected prose / Ed. by Sony Aronian. Michigan, 1985.
424. Russen in Berlin: Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918–1933 / Herausgegeben von Fritz Mierau. Leipzig, 1990.
425. Saretzki N. Russische Dichter als Maler // *Gebrauchsgraphik*. 1928. Juni.
426. Sinany-MacLeod H. Структурная композиция *Взвихренной Руси* // *Aleksey Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. N. Slobin // UCLA Slavic Studies*. 16. 1987.
427. Smith G. S. The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii. 1922–31 // *Birmingham Slavonic Monographs*. 1995. № 26.
428. Zohrab I. Remizov, Williams, Mirsky and readers (With some letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and two unknown reviews) // *New Zealand Slavonic Journal. Festschrift in honour Patrick Waddington*. 1994.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Амхерст**
Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой. США.
- Гарвард**
Harvard University.
Houghton Library. США.
- ГАРФ**
Государственный архив Российской Федерации. Москва.
- ГЛМ**
Государственный литературный музей. Москва.
- ГМИ СПб**
Государственный музей истории. Фонд А. Блока. Санкт-Петербург.
- ГРМ**
Государственный Русский музей. Сектор рукописей. Фонд А. Н. Бенуа. Санкт-Петербург.
- ГТГ**
Государственная Третьяковская галерея. Москва.
- ИМЛИ**
Институт мировой литературы. Отдел рукописей и художественных иллюстраций. Москва.
- ИРЛИ**
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Рукописный отдел. Литературный музей. Санкт-Петербург.
- Луценко**
Собрание А. М. Луценко.
- Прага**
Литературный архив Музея национальной литературы. Фонд Н. В. Зарецкого. Прага.
- РГАЛИ**
Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
- РГБ**
Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Москва.
- РНБ**
Российская национальная библиотека. Отдел рукописей и редких книг. Санкт-Петербург.
- Стэнфорд**
Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford. США.
- ФСБ СПб**
Архив Федеральной службы безопасности. Санкт-Петербург.
- ЦГА СПб**
Центральный государственный архив. Санкт-Петербург.
- BAR**
Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York. США.
- BAR. 1**
Columbia University. Bakhtmeteff Archive. Фонд А. В. Бахраха. США.
- BAR. 2**
Columbia University. Bakhtmeteff Archive. Фонд Б. К. Зайцева. США.
- BAR. 3**
Columbia University. Bakhtmeteff Archive. Фонд В. Ф. Зеелера. США.
- BAR. 4**
Columbia University. Bakhtmeteff Archive. Фонд Н. В. Зарецкого. США.
- BAR. 5**
Columbia University. Bakhtmeteff Archive. Фонд В. Н. Унковского. США.
- NYPL**
New York Public Library. США.
- * * *
- Андреев**
грамота А. В. Андреева от 20 февраля 1952 г. (Собрание А. В. Андреева, Париж).
- Ахматова**
Лавровая грамота А. А. Ахматовой от 5 августа 1921 г. [345; вклейка между 64–65].
- Булгаков**
грамота В. Ф. Булгакова от 10 мая 1937 г. (РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. № 1399. Л. 1).

Вельтер

грамота В. П. Вельтер от 23 февраля 1947 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 17).

Гадалин

грамота В. В. Гадалина от 14 февраля 1925 г. [337: 162].

Галактионов

Лавровая грамота И. Д. Галактионова от 1 января 1921 г. [192: 26–27].

Глаголический список

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 6–6об.).

Горький

список подписавшихся под грамотой, выданной А. М. Горькому по случаю юбилея (1922) [62: 121].

Зарецкий I

грамота Н. В. Зарецкого от 7 марта 1928 г. (ВАР. 4).

Зарецкий II

Рыцарская серебряная грамота Н. В. Зарецкого от 24 июня 1933 г. (ВАР. 4).

Зощенко

грамота М. М. Зощенко от 30 мая 1921 г. [264: 204].

Жилкин

грамота И. В. Жилкина от 15 мая 1918 г. (РГАЛИ. Ф. 200. Оп. 1. № 73. Л. 6).

Керенский

грамота А. Ф. Керенского от 5 октября 1940 г. [411: 51].

Коган

грамота П. С. Когана от 7–8 ноября 1920 г. (РГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. № 150. Л. 1).

Кодрянская

Мартовская грамота Н. В. Кодрянской от 28 февраля 1940 г. [206: 45].

Котляревский

Голубая грамота Н. А. Котляревского от 30 (17) марта 1921 г. (ИРЛИ. Ф. 135. № 584).

Львов

грамота Л. И. Львова от 17 сентября 1921 г. – журнальная вырезка из альбома Ремизова (А м х е р с т).

Материалы фантастического общества

Обезьянья Великая и Вольная Палата. Материалы фантастического общества. 1920-е–1950-е (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13).

Осипов

Турецкая грамота С. Я. Осипова от 23 октября 1923 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 19).

Осипова

грамота А. В. Осиповой от 23 октября 1923 г. (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 20).

Перемиловский

Временная грамота В. В. Перемиловского от 14 июля 1928 г. [80: 206].

Прегель I

Юбилейная грамота С. Ю. Прегель от 6 декабря 1947 г. (РГБ. Ф. 218. Карт. 1295. № 1. Л. 2).

Прегель II

Новогодняя грамота от 1 января 1948 г. (РНБ. Ф. 218. Карт. 1295. № 1. Л. 1).

Разрядная роспись

Осипов С. Я. Разрядная роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной Палаты (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 44–51).

Резников

грамота Е. Д. Резникова от 1 апреля 1952 г. (Собрание семьи Резниковых, Париж).

Слонимский

Пропускной билет кавалера обезьяньего знака I степени от 9 августа 1924 г. (NYPL).

Сосинский

Купальская премированная грамота Б. В. Сосинского от 7 июля 1925 г. (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 52. Л. 1).

Угол обезьяньих вельмож

фотография с рисунка из последней петербургской квартиры Ремизова (Васильевский остров, 14 л., д. 31/33, кв. 48) и авторский позднейший комментарий в альбоме писателя «Карты

Сведенборга» (1950) (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 1. № 54. Л. 14).

Хабарная тетрадь

Обезьянья Великая и Вольная Палата. Материалы фантастического общества. 1920-е–1950-е (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 15–35).

Ходасевич

Лавровая грамота В. Ф. Ходасевич от 27 января 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. № 80. Л. 1).

Цветник

Ремизов А. М. Мой альбом. 1919–1921. Цветник (РНБ. Ф. 634. № 17).

Чернова–Сосинский

Свадебная грамота А. В. Черновой и Б. В. Сосинского, 1929 г. (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 52. Л. 2).

Шаховская

описание Свадебной грамоты от 21 ноября 1926 г., подаренной З. А. Шаховской и С. С. Малевскому-Малевич [384: 302].

Шестов

грамота Л. И. Шестова от 19 марта 1926 г. [82(№2): 148].

Шкапская

грамота М. М. Шкапской от 21 октября 1920 г. [145: 190].

Щеголев

грамота П. Е. Щеголева от 26 января 1917 г. (ИРЛИ. Р. I. Оп. 3. № 126. Л. 9).

Эфрон

грамота – *Весенний ярлык* С. Я. Эфрона от 20 марта 1926 г. (РГАЛИ. Ф. 2505. Оп. 1. № 31. Л. 133).

Яценко

грамота А. С. Яценко от 9 октября 1921 г. [424: 263]; [230: 178].

Affenrat

(ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. № 13. Л. 7об.–8).

ЦАРЬ АСЫКА И ЕГО ПОДДАННЫЕ
ОБЕЗЬЯНЬЯ ВЕЛИКАЯ И ВОЛЬНАЯ ПАЛАТА А. М. РЕМИЗОВА
в лицах и документах

СОДЕРЖАНИЕ

В поисках абсолютной реальности	5
На границе реальности и фантазии	11
В кругу друзей	13
Некролог Н. А. Бердяеву	19
Некролог П. Е. Щеголеву	22
Человек из подполья	30
Рождение игры	37
Дворецкий «Вопросов жизни»	39
Безобразия или игра воображения?	42
Сборища у Корнетова	46
Явление Обезьяньего царя и его свиты	52
Судное дело о обезьяньем хвосте	59
Происшествие на маскараде	61
Третейский суд	64
Бытовое происшествие как факт литературы	70
Длинный хвост истории с хвостом	74
Обезвелволпал: порядок и правила	79
Bestia Triumphans	81
Два максимализма	88
Человек / Обезьяна	95
Законодательные документы Обезвелволпала	104
Обезвелволпал: мир художественной фантазии	113
Автомифология	115
Реальность – сон – игра	120
Приметы игры: понарошку и взаправду	126
Знаменитые мистификации	136
Обезвелволпал есть общество тайное!	149
Великий фаллофор Обезьяньей Палаты	151
Слово профанное и сакральное	154
Происхождение мифа	156
Сакрально-эротический лексикон Обезвелволпала	162
Summa amoris	171
Загадочный метатекст	173
Царь Асыка-Абракасас	178
Розанов как мифологема	184
Эрос и Танатос	187

Наследники обезьяньих традиций	195
Кольцо поэтов.....	197
Служка Обезвелволпала.....	202
Повивальная бабка молодой литературы.....	206
Серапионовы братья.....	210
Архивы Обезвелволпала	217
Книгочий Я. П. Гребенщиков.....	219
Affengat.....	226
Ключарь С. Я. Осипов.....	233
Бархатная книга.....	239
Игра и жизнь кунстmalера Обезвелволпала	243
Юбилейные хлопоты.....	245
Зарецкий против Сирина.....	251
Пражские выставки.....	260
Блюститель обезьяньих заветов.....	270
Хроника Обезьяньей Великой и Вольной Палаты	277
Коллекция	
Синклит Обезвелволпала	331
Литература	370
Список сокращений	380

Елена Обатнина

ЦАРЬ АСЫКА И ЕГО ПОДДАННЫЕ

*Обезьянья Великая и Вольная
Палата А. М. Ремизова
в лицах и документах*

Редактор *О. Э. Карпеева*
Художественный редактор *Н. В. Рассадина*
Корректор *Е. Д. Дмитриева*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Травкин*
Компьютерная обработка шрифтов *Ю. Г. Огурцов*

Лицензия: код 221, Серия ИД № 02262 от 07.07.2000.
Подписано в печать 27.04.2001. Формат 84×108¹/₁₆ Гарнитура Bookman.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 45,4. Тираж 2000 экз. Заказ № 920.
Издательство Ивана Лимбаха.
197376, Санкт-Петербург, наб. р. Карповки, д. 5.
E-mail: limbalch@mail.wplus.net
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано с диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» Министерства РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.